Жюль Вернъ.

ВОСЕМЬДЕСЯТЪ ТЫСЯЧЪ ВЕРСТЪ

ПОДЪ ВОДОЙ.

РОМАНЪ ВЪ 2-ХЪ ЧАСТЯХЪ.

Съ рисунками Ріу и Невиля.

Типографія Высочайше утвержд. Т-ва И. Д. Сытина.
МОСКВА.—1897.

Дозволено цензурою. Москва, 19 ноября 1896 года.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ГЛАВА I.

Плавающій рифъ.

1866 годъ ознаменовался страннымъ событіемъ, которое, безъ сомнѣнія, еще многимъ памятно. Это событіе встревожило въ особенности моряковъ. Негоціанты, хозяева судовъ, капитаны кораблей, шкипера и машинисты, какъ въ Европѣ, такъ и въ Америкѣ, морскіе офицеры всѣхъ странъ, а также правительства различныхъ государствъ были заинтересованы имъ въ высшей степени.

Дѣло въ томъ, что съ нѣкотораго времени многіе корабли встрѣчали въ морѣ что-то огромное, какой-то длинный, веретенообразный предметъ, порою свѣтившійся въ темнотѣ, много превосходившій кита своими размѣрами и поразительной быстротой движеній.

Описанія, относившіяся къ этому явленію и записанныя въ различныхъ корабельныхъ журналахъ, почти не разногласили о строеніи этого предмета или существа, о неимовѣрной его быстротѣ, поразительной силѣ и особенной жизненности, которою онъ, казалось, былъ надѣленъ. Если было это животное изъ породы китовъ, то оно объемомъ своимъ превосходило всѣхъ доселѣ извѣстныхъ представителей этой породы. Кювье, Дюмериль и Катрфажъ не повѣрили бы въ существованіе подобнаго чудовища, не увидавъ его своими собственными глазами.

Придерживаясь среднихъ цыфръ, полученныхъ при различныхъ наблюденіяхъ, отвергая всѣ слишкомъ осторожныя вычисленія, предполагавшія въ этомъ предметѣ не болѣе двухсотъ футовъ въ длину, устраняя также и всякія преувеличенія, по которымъ онъ имѣлъ милю въ ширину и три въ длину, можно было, однако, допустить, что это животное, если только оно дѣйствительно существовало, превосходило въ значительной степени всѣ размѣры, допускаемые учеными.

Но оно существовало. Фактъ этотъ не подлежалъ ни малѣйшему сомнѣнію, и, при свойственной человѣческому уму склонности къ чудесному, легко понять, какую тревогу произвело повсюду такое необычайное явленіе.

20-го іюля 1866 года пароходъ „Губернаторъ-Гиггинсонъ" встрѣтилъ эту двигавшуюся массу въ пяти миляхъ къ востоку отъ береговъ Австраліи. Въ первую минуту капитанъ этого парохода Бекеръ подумалъ, что наткнулся на какую-либо неизвѣстную скалу, и собирался даже опредѣлить ея точное положеніе, какъ вдругъ два столба воды,

выброшенные со страшною силой, поднялись со свистомъ на полтораста футовъ въ вышину. Тогда можно было сдѣлать два предположенія: или что тутъ была скала, подверженная періодическимъ изверженіямъ гейзера, или что корабль просто-напросто имѣлъ дѣло съ какимъ-нибудь неизвѣстнымъ еще водянымъ млекопитающимъ, которое изъ своихъ носовыхъ отверстій выбрасывало столбы воды, смѣшанные съ воздухомъ и паромъ.

Подобное же явленіе па водахъ Тихаго океана было замѣчено 23-го іюля того же года съ парохода „Кристобаль-Колонъ", принадлежащаго обществу „Вестъ-Индія и Тихій океанъ". Слѣдовательно, это удивительное животное могло перемѣщаться съ поразительною скоростью, такъ какъ въ три дня оно успѣло пройти болѣе семисотъ морскихъ миль, отдѣляющихъ оба пункта, на которыхъ его видѣли „Губернаторъ-Гиггинсонъ" и „Кристобаль-Колонъ".

Двѣ недѣли спустя, въ двухъ тысячахъ льё отъ послѣдняго пункта, два другихъ парохода — „Гельвеція" и „Шаннонъ", встрѣтившись въ Атлантическомъ океанѣ, между Соединенными Штатами и Европой, сигналами указывали другъ другу на чудовище, лежавшее подъ 42° 15′ сѣверной широты и 60° 35′ долготы къ западу отъ Гринвичскаго меридіана. При этомъ одновременномъ наблюденіи разсчитали приблизительно, что длина млекопитающаго должна быть, по меньшей мѣрѣ, триста-пятьдесятъ англійскихъ футовъ, ибо „Шаннонъ" и „Гельвеція" казались значительно меньше его, хотя оба они имѣли по сту метровъ отъ форштевня до ахтерштевня. Но даже самые огромные киты, что водятся у береговъ Алеутскихъ острововъ, близъ Куламмока и Умгулиля, никогда не превосходили 56 метровъ въ длину.

Эти извѣстія, приходившія одно за другимъ, новыя наблюденія, сдѣланныя съ борта трансатлантическаго корабля „Перейръ", столкновеніе между судномъ „Этна" и чудовищемъ, далѣе протоколъ, составленный офицерами французскаго фрегата „Нормандія", важныя свѣдѣнія, доставленныя съ „Лордъ-Клейда" штабомъ коммодора Фицъ-Джемса,—все это глубоко взволновало общественное мнѣніе. Въ странахъ легкомысленныхъ надъ загадочнымъ явленіемъ посмѣивались; но въ странахъ положительныхъ и практическихъ — въ Англіи, Америкѣ, Германіи — имъ были сильно заинтересованы.

Во всѣхъ большихъ городахъ чудовище вошло въ моду. Его воспѣвали въ кофейняхъ, надъ нимъ издѣвались въ газетахъ, представляли въ театрахъ. Въ періодическихъ изданіяхъ, за неимѣніемъ подлинныхъ изображеній, стали появляться всевозможныя фантастическія существа огромныхъ размѣровъ, начиная отъ бѣлаго кита, ужаснаго „меби-дикъ" гиперборейскихъ странъ, до чудовищныхъ „кракеновъ", которые въ состояніи своими щупалами опутать судно въ пятьсотъ тоннъ и увлечь его на дно океана. Выкопали даже старинныя рукописи, ссылались на Аристотеля и Плинія, допускавшихъ существованіе подобныхъ чудовищъ, вспоминали норвежскіе разсказы епископа Понтоппидана, описанія Павла Геггеды и, наконецъ, донесенія г. Гаррингтона, искренность котораго не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, утверждавшаго, что въ 1857 г., находясь на палубѣ „Кастильяна", онъ собственными глазами видѣлъ огромную змѣю, до того времени посѣщавшую только воды прежняго *Constitutionnel*.

Въ ученыхъ обществахъ и научныхъ журналахъ началась нескончаемая полемика вѣрующихъ со скептиками. Вопросъ о „чудовищѣ“ воспламенилъ умы. Журналисты, поклонники науки, въ борьбѣ со своими противниками, выѣзжавшими на остроуміи, пролили въ эту достопамятную кампанію цѣлые потоки чернилъ, а нѣкоторымъ пришлось поплатиться двумя-тремя каплями крови, ибо изъ-за морской змѣи дѣло нерѣдко доходило до дуэлей.

Въ продолженіе шести мѣсяцевъ война длилась съ перемѣннымъ счастьемъ. На солидныя статьи географическаго бразильскаго института, берлинской королевской академіи наукъ, британской ассоціаціи, смитовскаго института въ Вашингтонѣ, на соображенія *The Indian Archipelago*, на ученыя хроники большихъ журналовъ, французскихъ и иностранныхъ, мелкая печать отвѣчала неистощимыми насмѣшками. Наконецъ, въ статьѣ одного сатирическаго журнала главный редакторъ, коснувшись всего этого, ринулся на чудовище, какъ новый Ипполитъ, и нанесъ ему послѣдній, окончательный ударъ при взрывѣ всеобщаго хохота. Остроуміе побѣдило науку.

Въ началѣ 1867 года вопросъ, казалось, замеръ, и ему, повидимому, не суждено было появиться на свѣтъ Божій, какъ вдругъ до свѣдѣнія публики дошли новые факты. Дѣло касалось уже не просто интересной научной задачи, но серьезной опасности, которую необходимо было устранить. Вопросъ принялъ другой видъ. Чудовище превратилось въ островъ, скалу, рифъ, но рифъ плавающій, необъяснимый и неуловимый.

5-го марта 1867 года пароходъ „Моравіанъ“, принадлежавшій большой океанской компаніи, находясь ночью подъ 27° 30′ широты и 72° 15′ долготы, ударился правою кормовою частью о скалу, которая не была обозначена ни на одной картѣ этой мѣстности. Благодаря попутному вѣтру, четырехсотсильный корабль шелъ со скоростью 13 узловъ въ часъ. Не будь корпусъ „Моравіана“ замѣчательно крѣпокъ, пробитый сильнымъ ударомъ, онъ несомнѣнно пошелъ бы ко дну со всѣми статридцатью-семью пассажирами, которыхъ онъ везъ изъ Канады.

Несчастье случилось около пяти часовъ утра на разсвѣтѣ. Вахтенные офицеры бросились на заднюю палубу. Они внимательно осмотрѣли море, но ничего не замѣтили. Только сильная струя разбивалась на разстояніи трехъ кабельтовыхъ, и что-то сильно взволновало гладкую поверхность воды. Положеніе было опредѣлено съ особенною точностью. и „Моравіанъ“ продолжалъ свой путь безъ явнаго поврежденія. Никто однако не могъ сказать, на что именно онъ наткнулся. Была ли это подводная скала или выброшенные моремъ огромные обломки разбитаго судна? При осмотрѣ въ докѣ подводной части, треть киля оказалась сломанною.

Случай этотъ, весьма важный самъ по себѣ, былъ бы, можетъ-быть, скоро позабытъ подобно многимъ другимъ, если бы не повторился снова три недѣли спустя при тождественныхъ условіяхъ. Благодаря національности судна, ставшаго жертвой новой катастрофы, а равно значенію общества, которому онъ принадлежалъ, событіе произвело сильное впечатлѣніе.

На этотъ разъ жертвой былъ громадный пароходъ „Шотландія“, принадлежавшій лучшей англійской компаніи Кюнара.

13-го апрѣля 1867 года, при небольшомъ вѣтрѣ, „Шотландія" находилась подъ 45°,37′ широты и 15°,12′ долготы. Тысячесильный корабль шелъ со скоростью 13 узловъ въ часъ, и колеса его равномѣрно разсѣкали волны. Онъ сидѣлъ въ водѣ шесть метровъ семьдесятъ сантиметровъ, и водоизмѣщеніе его равнялось 6.624 куб. метрамъ.

Въ 4 часа 15 минутъ пополудни, когда собравшіеся въ каютѣ пассажиры сидѣли за завтракомъ, что-то ударилось о корпусъ корабля, не произведя, впрочемъ, значительнаго сотрясенія. Ударъ былъ направленъ въ корму и немного позади лѣваго колеса. Не „Шотландія" натолкнулась на что-либо, а что-то натолкнулось на нее и притомъ какимъ-то острымъ, рѣжущимъ орудіемъ. Столкновеніе казалось настолько слабымъ, что никто на палубѣ не обратилъ на него особеннаго вниманія; но вскорѣ трюмные матросы прибѣжали съ крикомъ: „Идемъ ко дну! идемъ ко дну!"

Въ первую минуту пассажиры очень встревожились; но капитанъ Андерсонъ поспѣшилъ ихъ успокоить: „Шотландія" раздѣлялась на семь частей непроницаемыми перегородками, и пробоина поэтому не могла грозить неминуемою опасностью. Капитанъ тотчасъ же спустился въ трюмъ. Онъ нашелъ, что пятое отдѣленіе залито водой. Скорость, съ которою она прибывала, доказывала, что проломъ былъ великъ. Къ счастью, въ этомъ отдѣленіи не было котловъ, иначе огонь потухъ бы мгновенно.

Капитанъ Андерсонъ приказалъ немедленно остановиться, и одинъ изъ матросовъ нырнулъ, чтобъ осмотрѣть проломъ. Черезъ нѣсколько минутъ узнали, что въ подводной части парохода пробито отверстіе шириной въ два метра. Подобный проломъ не было возможности заклепать, и „Шотландія", съ погруженными до половины колесами, продолжала свой путь. Она находилась тогда на разстояніи трехсотъ миль отъ мыса Клира и послѣ трехдневнаго промедленія, сильно взволновавшаго Ливерпуль, подошла къ пристани общества.

Инженеры принялись осматривать „Шотландію", которую поставили на сухой стапель. Они не вѣрили своимъ глазамъ. На два съ половиной метра ниже ватерлиніи открылось правильное отверстіе въ видѣ равнобедреннаго треугольника. Листовое желѣзо было пробито необыкновенно ровно и вѣрно, такъ что и рѣзцомъ едва ли бы это можно было сдѣлать лучше. Проломъ, очевидно, былъ произведенъ орудіемъ необыкновенной крѣпости. Пущенное съ необычайною силой, пробивъ листовое желѣзо толщиной въ четыре сантиметра, оно затѣмъ должно было отодвинуться само собой, съ помощью какого-то возвратнаго и необъяснимаго движенія.

Это послѣднее событіе снова взволновало общественное мнѣніе. Съ этой минуты публика стала приписывать чудовищу всѣ морскія несчастья, не имѣвшія опредѣленной причины. Этому миѳическому животному приходилось отвѣчать за всѣ кораблекрушенія, которыхъ число, къ сожалѣнію, довольно значительно, ибо изъ трехъ тысячъ кораблей, о гибели которыхъ ежегодно сообщается въ *Bureau Veritas*, двѣсти, по крайней мѣрѣ, считаются со всѣмъ грузомъ и экипажемъ пропавшими безъ вѣсти.

Въ исчезновеніи ихъ, справедливо или нѣтъ, обвиняли таинственное чудовище. Благодаря ему, сообщеніе между различными материками

становилось все болѣе и болѣе опаснымъ, и публика заявила настоятельное требованіе, чтобы моря были очищены, наконецъ, во что бы то ни стало отъ этого ужаснаго животнаго.

ГЛАВА II.

За и противъ.

Въ такомъ положеніи были событія, когда я возвращался изъ ученой экспедиціи, предпринятой съ цѣлью изслѣдовать Небраску въ Соединенныхъ Штатахъ. Какъ адъюнктъ-профессоръ при музеѣ естественной исторіи въ Парижѣ, я былъ прикомандированъ къ этой экспедиціи французскимъ правительствомъ. Послѣ шести мѣсяцевъ, проведенныхъ въ Небраскѣ, я къ концу марта прибылъ въ Нью-Йоркъ съ запасомъ драгоцѣнныхъ коллекцій и предполагалъ отправиться во Францію въ началѣ мая. Въ ожиданіи этого времени, я приводилъ въ порядокъ свои коллекціи.

Я, конечно, внимательно слѣдилъ за вопросомъ, стоявшимъ на очереди. Я читалъ и перечитывалъ всѣ газеты, американскія и европейскія, не узнавъ однако ничего точнаго. Эта таинственность подстрекала мое любопытство. За невозможностью составить себѣ какое-либо мнѣніе, я переходилъ отъ одной крайности къ другой. Что таинственное чудовище существовало — въ этомъ нельзя было сомнѣваться: доказательствомъ этому былъ пробитый бокъ „Шотландіи“.

Когда я пріѣхалъ въ Нью-Йоркъ, вопросъ былъ въ самомъ разгарѣ. Предположеніе о пловучемъ островѣ, неуловимой скалѣ, которое поддерживали прежде нѣкоторые не совсѣмъ компетентные судьи, было теперь совершенно оставлено. И дѣйствительно, какъ могла бы скала двигаться съ такою поразительною скоростью, не будучи снабжена особою машиной. Перестали также говорить о плавающемъ корпусѣ корабля, объ огромныхъ остаткахъ какого-нибудь разбитаго судна — и все по причинѣ той же чрезмѣрной быстроты движеній.

Оставались два возможныя рѣшенія вопроса, которыя вызвали два противоположные другъ другу взгляда: одни стояли за громадное подводное чудовище, другіе — за „подводное судно“, снабженное необыкновенною движущею силой.

Это послѣднее предположеніе, на первый взглядъ весьма правдоподобное, не могло однако устоять противъ розысковъ, сдѣланныхъ въ обоихъ полушаріяхъ. Трудно было допустить, чтобы частный человѣкъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи подобный механическій снарядъ. Гдѣ и какъ могъ онъ построить его и сохранить втайнѣ?

Только какое-нибудь правительство могло снарядить подобную разрушительную машину. Въ наше время, когда человѣкъ такъ ухитряется совершенствовать орудія войны, одно изъ государствъ легко могло устроить, безъ вѣдома остальныхъ, этотъ страшный снарядъ. Но предположеніе о какой-либо военной машинѣ должно было также рухнуть въ виду заявленія правительствъ. Такъ какъ дѣло шло о публичномъ интересѣ, и при этомъ страдали трансокеанскія сообщенія, то трудно

было сомнѣваться въ искренности правительствъ. Къ тому же не было возможности допустить, чтобы построеніе такого огромнаго судна могло укрыться отъ наблюденія: частному лицу въ подобномъ случаѣ очень трудно сохранить тайну, но государству это совершенно невозможно, потому что за всѣми его дѣйствіями ревниво слѣдятъ другія державы.

Такимъ образомъ, послѣ справокъ, наведенныхъ въ Англіи, Франціи, Германіи, Россіи, Испаніи, Италіи, Америкѣ, даже въ Турціи, предположеніе о подводномъ мониторѣ было окончательно отвергнуто.

По возвращеніи моемъ въ Нью-Йоркъ многія лица оказали мнѣ честь, пожелавъ узнать мой взглядъ на занимающее всѣхъ явленіе. Еще во Франціи я напечаталъ сочиненіе въ двухъ томахъ, озаглавленное *Тайны морской глубины*. Благодаря этой книгѣ, заслужившей особенное одобреніе ученаго міра, я сталъ какъ бы спеціалистомъ по части этой мало извѣстной отрасли естествовѣдѣнія. Ко мнѣ и обратились съ вопросами. Пока оставалась возможность отвергать дѣйствительность факта, я отдѣлывался полнымъ отрицаніемъ. Но, наконецъ, отступленіе сдѣлалось невозможнымъ, и мнѣ пришлось высказаться категорически. Газета *New-York Herald* даже обратилась къ „досточтимому Пьеру Аронаксу, профессору Парижскаго музея", съ просьбой высказать свое мнѣніе.

Дѣлать было нечего, я заговорилъ, потому что долѣе молчать было нельзя. Я разсмотрѣлъ вопросъ со всѣхъ сторонъ: съ политической и съ научной, и привожу здѣсь заключеніе статьи, которую я помѣстилъ въ одномъ нумерѣ названной газеты отъ 30-го апрѣля.

„Итакъ, — писалъ я, — разобравъ одну за другой всѣ гипотезы и отбросивъ всѣ прочія предположенія, должно по необходимости допустить существованіе морского животнаго, одареннаго чрезвычайной силой.

„Большія глубины океана намъ совершенно неизвѣстны. Лотъ никогда еще до нихъ не достигалъ. Что творится въ этихъ неизмѣримыхъ пропастяхъ? Какія существа живутъ и могутъ жить въ двѣнадцати или пятнадцати миляхъ ниже поверхности моря? Каковъ организмъ у этихъ животныхъ? Едва ли возможны здѣсь даже какія-либо предположенія.

„Поэтому рѣшеніе предложенной мнѣ задачи должно принять форму дилеммы: „Или намъ извѣстны всѣ разновидности существъ, населяющихъ нашу планету, или нѣтъ".

„Если нѣтъ, если природа имѣетъ отъ насъ тайны по части ихтіологіи, то весьма естественно допустить существованіе рыбъ или китообразныхъ совершенно новыхъ видовъ или даже родовъ, организованныхъ исключительно для жизни въ глубинѣ морской, недоступной для лота, и которыхъ какое-нибудь событіе, случайность, причуда, если хотите, заставляетъ время отъ времени появляться въ верхнихъ слояхъ океана.

„Если же, напротивъ, намъ извѣстны всѣ живущіе виды, то приходится отыскивать данное животное въ числѣ обитателей моря, уже поименованныхъ въ нашихъ каталогахъ, и въ такомъ случаѣ я, съ своей стороны, готовъ допустить существованіе *нарвала-гиганта*.

„Обыкновенный нарвалъ, или морской однозубъ, достигаетъ часто шестидесяти футовъ въ длину. Помножьте эти размѣры на пять, на десять, дайте этому китообразному животному силу, соотвѣтственную

его росту, увеличьте его наступательное орудіе, — и вы получите искомое животное. Оно будетъ имѣть размѣры, опредѣленные офицерами *Шаннона*, орудіе, необходимое для пролома „Шотландіи", и силу, достаточную для поврежденія корпуса парохода.

„И въ самомъ дѣлѣ, нарвалъ вооруженъ чѣмъ-то въ родѣ костяной шпаги, аллебардой, по выраженію нѣкоторыхъ натуралистовъ. Это огромный зубъ, имѣющій твердость стали. Случалось, что находили подобные зубы воткнутыми въ тѣло китовъ, которыхъ нарвалъ всегда атакуетъ съ успѣхомъ. Бывали случаи, что подобные зубы вынимали съ большимъ трудомъ изъ корпусовъ кораблей, которые они пронизывали насквозь, какъ буравъ просверливаетъ боченокъ. Музей медицинскаго факультета въ Парижѣ имѣетъ одинъ изъ этихъ клыковъ, длина коего равняется двумъ метрамъ двадцати-пяти сантиметрамъ, а ширина въ основаніи имѣетъ сорокъ-восемь сантиметровъ.

„Итакъ представьте орудіе въ десять разъ больше и животное въ десять разъ сильнѣе, представьте, что оно движется со скоростью 20-ти миль въ часъ, помножьте его величину на его скорость, и вы получите ударъ, который можетъ причинить проломъ, подобный пробоинѣ „Шотландіи".

„Такимъ образомъ, въ ожиданіи болѣе подробныхъ изслѣдованій, я склоняюсь къ мнѣнію, что мы имѣемъ дѣло съ морскимъ однозубомъ громадныхъ размѣровъ, вооруженнымъ уже не аллебардой, а настоящей шпорой, какъ броненосные фрегаты, на которые онъ походитъ и своими размѣрами и движущей силой.

„Такъ, повидимому, можно объяснить это загадочное явленіе, если только оно существовало, а не было обманомъ чувствъ, что тоже возможно".

— Послѣднія слова были хитростью съ моей стороны; но я хотѣлъ до нѣкоторой степени оградить свое достоинство профессора и не давать американцамъ слишкомъ много поводовъ смѣяться надо мной. А они смѣяться умѣютъ! Я приберегъ себѣ лазейку, хотя въ сущности вѣрилъ въ „чудовище".

Статью мою обсуждали горячо; она поэтому получила большую извѣстность и имѣла нѣкоторое число приверженцевъ. Предлагаемое въ ней рѣшеніе давало, впрочемъ, полную свободу воображенію. Человѣческій умъ любитъ создавать такіе громадные образы сверхъестественныхъ существъ. Море же представляетъ самое лучшее для нихъ помѣщеніе, единственную среду, гдѣ могутъ рождаться и развиваться эти гиганты, возлѣ которыхъ земныя животныя, слоны или носороги, кажутся карликами. Въ водяныхъ нѣдрахъ обитаютъ самыя огромныя породы извѣстныхъ намъ млекопитающихъ; можетъ-быть, они скрываютъ и моллюсковъ небывалыхъ размѣровъ, ракообразныхъ ужасающихъ видовъ, какъ, напримѣръ, омаровъ во сто метровъ или краббовъ вѣсомъ въ двѣсти тоннъ. Какъ знать? Въ былое время земныя животныя, современники геологическихъ переворотовъ, четвероногія, четверорукія, пресмыкающіяся, птицы, были какъ бы построены по моделямъ громадной величины. Природа отлила ихъ въ колоссальныя формы, которыя время мало-по-малу сократило. Почему не допустить, что море въ своихъ неизвѣданныхъ глубинахъ сохранило эти огромные памятники жизни былыхъ вѣковъ? Почему не допустить, что море скрываетъ въ

своихъ нѣдрахъ послѣднія разновидности этихъ титаническихъ породъ, годы которыхъ равняются нашимъ вѣкамъ, а вѣка — тысячелѣтіямъ?

Но если одни смотрѣли на этотъ вопросъ исключительно съ научной точки зрѣнія, то другіе люди, болѣе положительные, особенно въ Америкѣ и въ Англіи, желали непремѣнно очистить океанъ отъ этого чудовища, чтобъ обезопасить морскія сообщенія. Промышленные и торговые журналы обращали вниманіе исключительно на эту сторону вопроса. *Shipping and Mercantile Gazette, Lloyd, Paquebot, Revue maritime et coloniale,* всѣ журналы, преданные обществамъ страхованія, которыя грозили возвысить размѣръ премій, высказывались на этотъ счетъ единодушно. На заявленія общественнаго мнѣнія Соединенные Штаты отозвались первые. Въ Нью-Йоркѣ стали приготовляться къ экспедиціи, назначавшейся для преслѣдованія нарвала. Броненосный фрегатъ, отличавшійся своею быстротой, „Авраамъ Линкольнъ" долженъ былъ выйти въ море въ очень непродолжительномъ времени. Всѣ арсеналы были открыты для капитана Фаррагута, и онъ дѣятельно снаряжалъ свой фрегатъ.

Но именно въ то время, какъ было окончательно рѣшено преслѣдовать чудовище, оно, какъ это часто случается, не показывалось болѣе. Два мѣсяца о немъ не было ни слуху ни духу. Ни одинъ корабль съ нимъ не встрѣчался. Казалось, что однозубъ какъ бы провѣдалъ о составлявшемся противъ него заговорѣ. О немъ много толковали даже посредствомъ трансатлантическаго телеграфа, и шутники поэтому увѣряли, что этотъ плутъ остановилъ на пути какую-либо телеграмму, которая напугала его.

Такимъ образомъ, когда фрегатъ былъ уже снаряженъ для далекаго плаванія и снабженъ гигантскими рыболовными снастями, то не знали куда направиться. Нетерпѣніе все болѣе и болѣе усиливалось, какъ вдругъ 2-го іюля получили извѣстіе, что „Тампико", пароходъ по линіи отъ Санъ-Франциско въ Калифорніи до Шангая, встрѣтилъ животное три недѣли тому назадъ въ сѣверныхъ моряхъ Тихаго океана.

Извѣстіе это произвело чрезвычайное впечатлѣніе. Капитану Фаррагуту не давали отсрочки даже на 24 часа. Всѣ запасы находились на кораблѣ; камеры были переполнены каменнымъ углемъ, экипажъ налицо въ полномъ составѣ. Оставалось только затопить печи, развести пары и отчаливать. Ему не простили бы и нѣсколькихъ часовъ промедленія, да и самъ капитанъ желалъ поскорѣе пуститься въ море. За три часа до отплытія „Авраама Линкольна" я получилъ письмо слѣдующаго содержанія:

„Господину Аронаксу, профессору Парижскаго музея.

„Милостивый Государь!

„Если вы желаете присоединиться къ экспедиціи „Авраама Линкольна", то правительству Соединенныхъ Штатовъ будетъ пріятно видѣть, что Франція въ вашемъ лицѣ принимаетъ участіе въ этомъ предпріятіи. Капитанъ Фаррагутъ предоставляетъ въ ваше полное распоряженіе отдѣльную каюту.

„Совершенно преданный вамъ

„I. Б. Гобсонъ,

„секретарь морского министерства".

ГЛАВА III.

Какъ будетъ угодно ихъ милости.

Еще за три секунды до полученія письма І. Б. Гобсона я такъ же мало думалъ о преслѣдованіи однозуба, какъ о проходѣ чрезъ Сѣверо-Западный проливъ. Черезъ три секунды по прочтеніи письма я понялъ, что истинное мое назначеніе, цѣль всей моей жизни заключалась въ томъ, чтобы преслѣдовать это вредное чудовище и освободить отъ него міръ.

Я возвратился изъ труднаго путешествія утомленный, измученный. Я жаждалъ покоя и мечталъ поскорѣй увидѣть снова мою родину, моихъ друзей, мою маленькую квартирку въ Ботаническомъ саду и мои милыя драгоцѣнныя коллекціи. Но ничто не могло удержать меня. Я все забылъ: и усталость, и друзей, и коллекціи, и принялъ, безъ дальнѣйшихъ разсужденій, предложеніе американскаго правительства.

Вѣдь всякій путь ведетъ въ Европу, и однозубъ будетъ такъ любезенъ, что привлечетъ меня къ берегамъ Франціи! Это почтенное животное позволитъ изловить себя въ европейскихъ моряхъ, — для моего личнаго удовольствія, — и я привезу въ музей естественной исторіи никакъ не менѣе полуметра его костяной аллебарды.

Покамѣстъ же приходилось искать однозуба на сѣверѣ Тихаго океана и, слѣдовательно, направляться какъ разъ къ антиподамъ Франціи.

— Консель! — нетерпѣливо крикнулъ я.

Консель — это мой слуга. Малый вполнѣ преданный, сопровождавшій меня во всѣхъ моихъ путешествіяхъ, истый фламандецъ, котораго я любилъ и который мнѣ платилъ тѣмъ же; существо хладнокровное по природѣ, исправное по убѣжденію, усердное по привычкѣ, мало смущавшееся неожиданными оборотами судьбы, ловкое, способное ко всякому дѣлу и, вопреки своему имени, никогда не дававшее совѣтовъ, даже когда его о томъ спрашивали.

Вращаясь постоянно въ кругу ученыхъ нашего маленькаго мірка, въ Ботаническомъ саду, Консель успѣлъ кое-чему научиться. Я имѣлъ въ немъ весьма твердаго спеціалиста по части классификаціи естественной исторіи; онъ съ быстротой акробата пробѣгалъ всю лѣстницу отдѣловъ, группъ, классовъ, подклассовъ, порядковъ, семействъ, родовъ, видовъ и разновидностей. Но на этомъ его познанія и кончались. Классифицировать — въ этомъ была его жизнь, и далѣе онъ не пошелъ. Сильный въ теоріи классификаціи, но слабый въ практикѣ, онъ, я думаю, не могъ отличить кита отъ кашалота! И, однако, это былъ славный и честный малый!

Въ теченіе десяти лѣтъ Консель слѣдовалъ за мною всюду, куда меня увлекала наука. Никогда не слыхалъ я отъ него ни одной жалобы на трудность или продолжительность путешествія. Никогда не отказывался онъ отъ поѣздки въ какую-либо сторону, въ Китай или Конго, какъ бы далеко это ни было. Онъ отправлялся туда или сюда безъ дальнихъ разспросовъ. Притомъ онъ одаренъ былъ отличнымъ здоровьемъ, кото-

рое устояло противъ всякихъ разстройствъ, крѣпкими мускулами, безъ малѣйшаго признака нервовъ, разумѣется, въ нравственномъ отношеніи.

Ему было 30 лѣтъ, и его возрастъ относился къ возрасту его господина какъ 15 къ 20. Да простятъ мнѣ, что я сообщаю такимъ образомъ, что мнѣ было сорокъ лѣтъ.

Но Консель имѣлъ одинъ недостатокъ. Отчаянный формалистъ, онъ говорилъ со мною всегда въ третьемъ лицѣ, такъ что это иногда даже раздражало меня.

— Кенсель! — повторилъ я, начавъ въ то же время лихорадочною рукой мои приготовленія къ отъѣзду.

Я, безъ сомнѣнія, былъ увѣренъ въ этомъ преданномъ мнѣ маломъ. Обыкновенно я никогда и не спрашивалъ его, хочетъ ли онъ или нѣтъ слѣдовать за мною въ моихъ странствіяхъ. Но теперь дѣло шло объ экспедиціи, которая могла затянуться на неопредѣленное время, о предпріятіи отважномъ, о преслѣдованіи животнаго, способнаго пустить ко дну фрегатъ какъ орѣховую скорлупу! Тутъ было надъ чѣмъ задуматься человѣку самому хладнокровному. Что-то скажетъ Консель?

— Консель! — крикнулъ я въ третій разъ.

Консель явился.

— Ихъ милость изволила звать меня? — сказалъ онъ, входя.

— Да, любезный, собирай меня, собирайся самъ. Мы ѣдемъ черезъ два часа.

— Какъ ихъ милости будетъ угодно, — отвѣчалъ спокойно Консель.

— Нельзя терять ни минуты. Укладывай въ чемоданъ всѣ мои дорожныя принадлежности, платья, рубашки, носки, не считая, только какъ можно побольше да поскорѣй!

— А коллекція ихъ милости? — замѣтилъ Консель.

— Ими займемся послѣ.

— Какъ! архіотеріумы, иракотеріумы, ореодоны, херопотамы и прочія чучела ихъ милости?

— Они останутся здѣсь въ гостиницѣ.

— А живая индійская свинка?

— Ее будутъ кормить безъ насъ. Да притомъ я распоряжусь, чтобы переслали во Францію весь нашъ звѣринецъ.

— Такъ мы не въ Парижъ ѣдемъ? — спросилъ Консель.

— О, да... — отвѣчалъ я уклончиво, — только мы сдѣлаемъ крюкъ.

— Какъ будетъ угодно ихъ милости.

— О, это сущая бездѣлица! Мы нѣсколько обогнемъ прямую дорогу, вотъ и все. Мы отплывемъ съ „Авраамомъ Линкольномъ“.

— Какъ прикажетъ ихъ милость, — отвѣчалъ спокойно Консель.

— Ты знаешь, другъ мой, дѣло идетъ о чудовищѣ... о знаменитомъ нарвалѣ... Мы очистимъ отъ него моря!.. Авторъ сочиненія въ двухъ томахъ: *О тайнахъ морской глубины*, не можетъ отказаться сопровождать капитана Фаррагута. Предпріятіе славное и... опасное также! Не знаешь, куда идешь. Животныя эти могутъ быть очень капризны. Но мы все-таки пойдемъ. Капитанъ у насъ не промахъ...

— Мое дѣло слѣдовать за ихъ милостью, — отвѣчалъ Консель.

— Подумай хорошенько! Я ничего не хочу скрывать отъ тебя. Это одно изъ такихъ путешествій, откуда не всегда возвращаются.

— Какъ будетъ угодно ихъ милости.

Четверть часа спустя чемоданы наши были готовы. Консель управился живо, и я былъ увѣренъ, что все въ совершенномъ порядкѣ, ибо онъ такъ же хорошо классифицировалъ рубашки и сюртуки, какъ птицъ и млекопитающихъ.

Служитель гостиницы сложилъ наши вещи въ большую переднюю второго яруса. Спустившись въ нижній этажъ, я расплатился по счету за громаднымъ прилавкомъ, который постоянно осаждаетъ значительная толпа. Распорядившись затѣмъ, чтобъ отправили въ Парижъ мои тюки съ препарированными животными и сухими растеніями, и открывъ достаточный кредитъ морской свинкѣ, я, въ сопровожденіи Конселя, сѣлъ въ карету.

Экипажъ этотъ, за двадцать франковъ въ конецъ, спустился по улицѣ Бродвей до Уніонъ-Сквера, оттуда по Четвертой аллеѣ до ея соединенія съ Бовери-Стритъ, повернулъ въ Катринъ-Стритъ и остановился у тридцать-четвертой пристани. Отсюда доставили насъ въ Бруклинъ, большое предмѣстье Нью-Йорка, расположенное на лѣвомъ берегу Восточной рѣки, и черезъ нѣсколько минутъ мы достигли набережной, возлѣ которой „Авраамъ Линкольнъ“ выбрасывалъ изъ своихъ двухъ трубъ цѣлые потоки чернаго дыма.

Вещи наши были немедленно перенесены на палубу корабля. Я поспѣшилъ на бортъ и спросилъ капитана. Одинъ изъ офицеровъ проводилъ меня на ютъ, гдѣ я встрѣтилъ красиваго офицера, протянувшаго мнѣ руку.

— Профессоръ Пьеръ Аронаксъ? — сказалъ онъ.

— Онъ самый, — отвѣчалъ я. — Капитанъ Фаррагутъ?

— Какъ видите. Добро пожаловать, господинъ профессоръ. Каюта ваша къ вашимъ услугамъ.

Я поклонился и, не желая отвлекать капитана отъ его дѣла, просилъ указать назначенную мнѣ каюту.

„Авраамъ Линкольнъ“ былъ вполнѣ приспособленъ къ своему назначенію. Это былъ фрегатъ съ большимъ ходомъ, снабженный подогрѣвательными снарядами для топки, такъ что давленіе его паровъ можно было повышать до семи атмосферъ. При такомъ давленіи „Авраамъ Линкольнъ“ достигалъ средней скорости восемнадцати и трехъ десятыхъ узловъ въ часъ, — скорости значительной, но все-таки недостаточной для борьбы съ гигантскимъ нарваломъ.

Внутреннее устройство фрегата отвѣчало его морскимъ качествамъ. Я былъ очень доволенъ своей каютой, находившеюся назади и сообщавшеюся съ офицерскимъ отдѣленіемъ.

— Намъ здѣсь будетъ удобно, — сказалъ я Конселю.

Я оставилъ Конселя разбирать наши чемоданы и возвратился на палубу, чтобы слѣдить за приготовленіями къ отплытію.

Въ эту минуту капитанъ Фаррагутъ велѣлъ ослабить послѣдніе канаты, удерживавшіе „Авраама Линкольна“ у пристани. Итакъ замедли я на какую-нибудь четверть часа, даже того менѣе, — и корабль ушелъ бы безъ меня, и я лишился бы возможности участвовать въ этой необыкновенной, сверхъестественной, невѣроятной экспедиціи, правдивый разсказъ о которой можетъ, однако, во многихъ возбудить недовѣріе.

Но капитанъ Фаррагутъ не хотѣлъ терять ни одного дня ни даже часа и спѣшилъ направиться къ морямъ, гдѣ въ послѣднiй разъ животное было замѣчено. Онъ позвалъ механика.

— Готовы ли у васъ пары? — спросилъ онъ.

— Готовы, — отвѣчалъ механикъ.

— *Goahead!* — скомандовалъ капитанъ.

Вслѣдъ за тѣмъ машина была приведена въ ходъ. Паръ засвисталъ, устремившись въ открытые золотники. Длинные горизонтальные поршни застонали и двинули шатуны. Лопасти винта завертѣлись, разсѣкая волны все быстрѣе и быстрѣе, и „Авраамъ Линкольнъ“ плавно выступилъ посреди сотенъ лодокъ и тендеровъ, наполненныхъ зрителями.

Всѣ набережныя Бруклина и вся сторона Нью-Йорка, примыкающая къ Восточной рѣкѣ, были покрыты любопытными. Пятьсотъ тысячъ человѣкъ прокричали три раза громкое *ура*. Тысячи платковъ развѣвались въ воздухѣ надъ головами тѣсно сомкнувшейся толпы и привѣтствовали „Авраама Линкольна“ до вступленiя его въ воды Гудзона у оконечности продолговатаго полуострова, который образуетъ городъ Нью-Йоркъ.

Затѣмъ фрегатъ, придерживаясь со стороны Нью-Джерсея великолѣпнаго праваго берега рѣки, сплошь разукрашеннаго виллами, прошелъ мимо укрѣпленiй, которыя салютовали ему изъ самыхъ большихъ своихъ пушекъ. Въ отвѣтъ на это „Авраамъ Линкольнъ“ три раза спускалъ и поднималъ американскiй флагъ, на которомъ сiяли тридцать-девять звѣздъ; потомъ, умѣривъ нѣсколько свой ходъ, онъ вступилъ въ намѣченный бакенами фарватеръ, изгибающiйся по заливу, образуемому оконечностью Санди-Гука, и прошелъ мимо песчаной отмели, гдѣ нѣсколько тысячъ зрителей привѣтствовали его еще разъ.

Процессiя лодокъ и тендеровъ слѣдовала за фрегатомъ до самаго маяка, огни котораго указываютъ путь къ Нью-Йорку.

Пробило три часа. Лоцманъ сѣлъ въ свою шлюпку и добрался до маленькой шкуны, ждавшей его подъ вѣтромъ. Огонь былъ усиленъ; винтъ сталъ быстрѣе ударять по волнамъ; фрегатъ плылъ вдоль желтаго и низкаго берега Лонгъ-Айланда, и къ восьми часамъ вечера, потерявъ изъ виду на сѣверо-востокъ огни Файръ-Айланда, онъ несся на всѣхъ парахъ по темнымъ водамъ Атлантическаго океана.

ГЛАВА IV.

Недъ Лендъ.

Капитанъ Фаррагутъ былъ искусный и опытный морякъ, вполнѣ достойный управляемаго имъ фрегата. Онъ, казалось, весь сливался со своимъ кораблемъ и былъ его душой. Относительно чудовища въ его умѣ не было ни малѣйшаго сомнѣнiя, и онъ не допускалъ, чтобы на его суднѣ оспаривалось существованiе животнаго. Капитанъ вѣрилъ въ него, какъ нѣкоторыя женщины вѣрятъ въ Левiаѳана сердцемъ, а не умомъ. Чудовище существовало, и онъ освободитъ отъ него мiръ; онъ поклялся въ этомъ. Это былъ своего рода родосскiй рыцарь, который

шелъ на встрѣчу змѣю, разорявшему его островъ. Либо капитанъ Фаррагутъ убьетъ, либо убьютъ капитана Фаррагута: середины тутъ не было.

Офицеры раздѣляли мнѣніе своего начальника. Надо было послушать, какъ они толковали, спорили, взвѣшивали возможные шансы, наблюдая громадную ширь океана. Нерѣдко то тотъ, то другой добровольно отправлялся на вахту, тогда какъ при всякомъ другомъ обстоятельствѣ каждый изъ нихъ проклялъ бы подобную обязанность. Пока солнце описывало свой дневной кругъ, матросы не переставали тѣсниться на рангоутѣ, ибо доски палубы жгли имъ ноги, и они не могли тутъ стоять на мѣстѣ. И, однако, „Авраамъ Линкольнъ" не касался еще своимъ форштевнемъ подозрительныхъ водъ Тихаго океана.

Экипажъ отъ всей души желалъ встрѣтить нарвала, убить его острогой, поднять на палубу и изрубить на части. Всѣ съ необычайнымъ вниманіемъ вглядывались въ морскую глубину. Къ тому же капитанъ Фаррагутъ говорилъ о суммѣ въ двѣ тысячи долларовъ, назначавшейся тому, кто первый замѣтитъ животное, будь то юнга или матросъ, боцманъ или офицеръ. Можно себѣ представить, какъ усердно бывшіе на „Авраамѣ Линкольнѣ" упражняли свое зрѣніе!

Я съ своей стороны не отставалъ отъ другихъ и не уступалъ никому своей доли ежедневныхъ наблюденій. Одинъ только Консель относился равнодушно къ занимавшему всѣхъ вопросу и не раздѣлялъ общаго увлеченія.

Я уже говорилъ, что капитанъ Фаррагутъ позаботился снабдить свой корабль всевозможными орудіями, необходимыми для ловли огромнаго кита. Китоловное судно не могло быть лучше вооружено. У насъ были всѣ извѣстные снаряды, начиная отъ остроги, которую бросаютъ рукой, до зубчатыхъ стрѣлъ и разрывныхъ пуль. На бакѣ стояла усовершенствованная, заряжавшаяся съ казны, пушка, съ очень толстыми стѣнками и очень узкимъ каналомъ, модель которой впослѣдствіи находилась на всемірной выставкѣ 1867 года. Это драгоцѣнное орудіе американскаго происхожденія посылало, нимало не стѣсняясь, коническое ядро, вѣсившее четыре килограмма, на разстояніе, среднимъ числомъ, шестнадцати километровъ.

„Авраамъ Линкольнъ", слѣдовательно, обладалъ всѣми орудіями разрушенія. Мало того, на бортѣ находился самъ Недъ Лендъ, царь гарпунщиковъ.

Недъ Лендъ, уроженецъ Канады, обладалъ необыкновенною вѣрностью руки и въ своемъ опасномъ ремеслѣ не зналъ себѣ равнаго. Ловкость и хладнокровіе, смѣлость и хитрость — всѣ эти качества достигали въ немъ высшей степени совершенства, и нужно было быть лукавымъ китомъ или уже слишкомъ коварнымъ кашалотомъ, чтобъ избѣжать удара его остроги.

Это былъ сорокалѣтній высокій мужчина, ростомъ болѣе шести англійскихъ футовъ, крѣпко сложенный, степенный, несообщительный, по временамъ рѣзкій и очень сердитый, когда ему перечили. Наружность его обращала на себя вниманіе, а твердость взгляда сообщала лицу особенную выразительность.

Я думаю, что капитанъ Фаррагутъ распорядился благоразумно, пригласивъ этого человѣка: онъ одинъ, по вѣрности руки и взгляда, стоилъ всего экипажа. Его лучше всего сравнить съ очень точнымъ телеско-

номъ, который въ то же время былъ бы и пушкой, вѣчно готовою выстрѣлить.

Канадецъ — тотъ же французъ, и я долженъ признаться, что Недъ, несмотря на свою несообщительность, почувствовалъ ко мнѣ нѣкоторое расположеніе. Его, безъ сомнѣнія, привлекло мое французское происхожденіе. Ему представлялся случай говорить, а мнѣ слушать тотъ старый языкъ, который до сихъ поръ сохранился въ нѣкоторыхъ провинціяхъ Канады. Семейство гарпунщика было родомъ изъ Квебека, и члены его были смѣлыми рыбаками еще въ ту пору, когда городъ принадлежалъ Франціи.

Мало-по-малу Недъ разговорился, и я съ удовольствіемъ слушалъ повѣсть о его приключеніяхъ въ полярныхъ моряхъ. Разсказы его о рыбныхъ ловляхъ и поединкахъ дышали неподдѣльною, безыскусственною поэзіей. Они принимали эпическую форму, и мнѣ казалось, что я слушаю нѣкоего канадскаго Гомера, воспѣвающаго Иліаду сѣверныхъ странъ.

Я описываю этого отважнаго человѣка такимъ, какимъ знаю его въ настоящее время, ибо мы съ нимъ старые друзья, связанные тою неразрывною дружбой, которая зарождается и крѣпнетъ въ самыхъ тяжелыхъ испытаніяхъ. Да, бравый Недъ, я хотѣлъ бы прожить еще сто лѣтъ, чтобы вспоминать о тебѣ!

Каково же было мнѣніе Недъ Ленда по вопросу о морскомъ чудовищѣ? Надо сознаться, что онъ не очень-то вѣрилъ въ нарвала и одинъ изъ всѣхъ не раздѣлялъ общаго убѣжденія. Онъ даже избѣгалъ говорить объ этомъ предметѣ, о которомъ мнѣ захотѣлось какъ-то разъ попытать его.

Прекраснымъ вечеромъ 30-го іюля, то-есть спустя три недѣли послѣ нашего отъѣзда, фрегатъ находился недалеко отъ мыса Бланка, въ тридцати миляхъ, подъ вѣтромъ, отъ Патагонскихъ береговъ. Мы миновали тропикъ Козерога, и менѣе чѣмъ въ семистахъ миляхъ къ югу передъ нами открывался Магеллановъ проливъ. Черезъ недѣлю „Авраамъ Линкольнъ“ долженъ былъ вступить въ воды Тихаго океана.

Мы сидѣли съ Недъ-Лендомъ на ютѣ, разговаривая о томъ о семъ и вглядываясь въ это таинственное море, глубины котораго доселѣ остаются недоступными взору человѣка. Я заговорилъ о нарвалѣ-гигантѣ и сталъ обсуждать различные шансы, обусловливающіе успѣхъ или неудачу нашего предпріятія. Но замѣтивъ, что Недъ молчитъ, предоставляя мнѣ разсуждать, я приступилъ къ нему прямѣе.

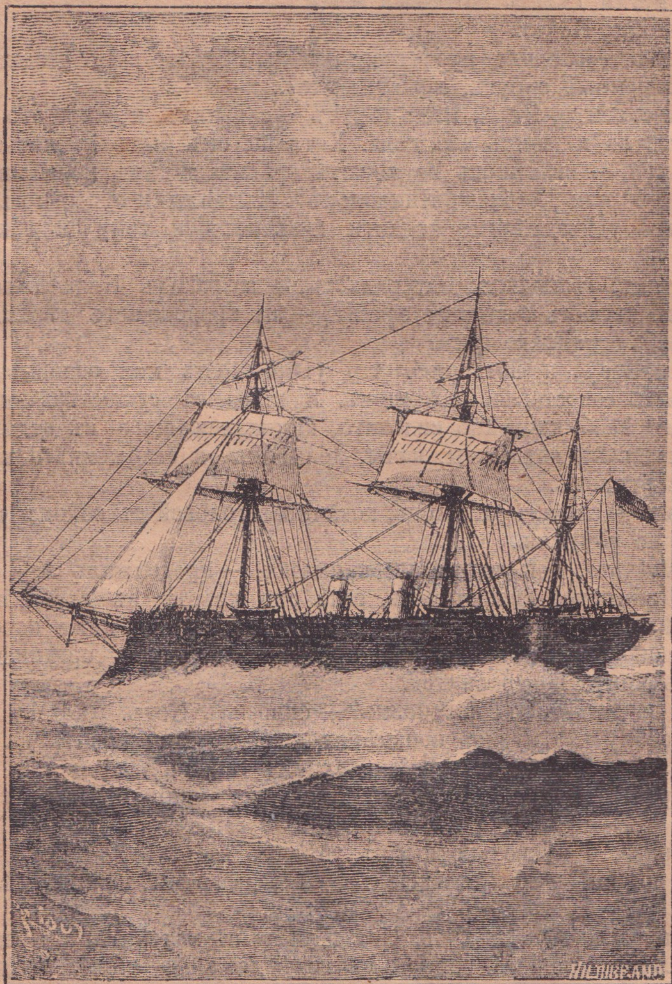
— А что, Недъ, — спросилъ я, — вѣрите ли вы, что огромное животное, которое мы преслѣдуемъ, дѣйствительно существуетъ? Какія у васъ особенныя на то причины, чтобы быть столь недовѣрчивымъ?

Гарпунщикъ молча смотрѣлъ на меня нѣсколько минутъ, ударилъ по своему широкому лбу, съ привычнымъ ему жестомъ, закрылъ глаза, какъ будто обдумывая что-то, и наконецъ сказалъ:

— Можетъ-быть и есть, господинъ Аронаксъ.

— Однако, Недъ, гарпунщикъ по ремеслу, вы дожны были освоиться съ мыслью объ огромныхъ морскихъ млекопитающихъ; ваше воображеніе должно легче принять гипотезу объ огромныхъ китообразныхъ, и вы менѣе чѣмъ кто другой должны бы сомнѣваться въ подобнаго рода дѣлахъ.

— Въ этомъ-то вы и ошибаетесь, господинъ профессоръ, — отвѣчалъ Недъ. — Если простолюдинъ вѣритъ въ необыкновенныя кометы, пробѣгающія пространство, или въ существованіе допотопныхъ животныхъ, будто бы населяющихъ внутренность земного шара, — въ этомъ

Фрегатъ «Авраамъ Линкольнъ». (Стр. 13).

нѣтъ ничего мудренаго; но астрономы и геологи не допускаютъ подобныхъ сказокъ. Вотъ такъ-то и китоловъ. Я преслѣдовалъ многихъ морскихъ животныхъ, многихъ прикололъ своею острогой, многихъ убилъ; но какъ бы сильны и хорошо вооружены они ни были, ни хвостъ ихъ ни клыки не въ состояніи пробить листовое желѣзо, покрывающее пароходъ.

— Однако, Недъ, разсказываютъ, что зубъ нарвала пробивалъ насквозь большія суда.

— Деревянныя суда, пожалуй,—отвѣчалъ канадецъ.—Да, впрочемъ, я и этого никогда не видалъ. И до тѣхъ поръ, пока я не буду убѣжденъ въ противномъ, отрицаю возможность, чтобы киты, кашалоты или нарвалы могли дѣлать подобныя вещи.

— Однако, Недъ...

— Нѣтъ, господинъ профессоръ, нѣтъ. Все, что вамъ угодно, только не это. Огромный спрутъ, можетъ-быть?..

— Еще менѣе, Недъ. Вѣдь спрутъ — слизнякъ, и самое это названіе указываетъ на мягкость его тѣла. Хотя бы онъ былъ въ пятьсотъ футовъ длиной, — осьминогъ не можетъ вредить такимъ кораблямъ, какъ „Шотландія“ или „Авраамъ Линкольнъ“. Мы должны отнести къ разряду сказокъ всѣ удивительные подвиги кракеновъ и тому подобныхъ чудовищъ.

— Итакъ, господинъ натуралистъ, — возразилъ Недъ-Ләндъ, и въ голосѣ его звучалъ оттѣнокъ ироніи, — вы продолжаете вѣрить въ существованіе огромнаго кита?

— Да, Недъ, и повторяю, что увѣренность моя основывается на логическомъ сопоставленіи фактовъ. Я вѣрю въ существованіе млекопитающаго необыкновенно сильнаго, принадлежащаго къ отдѣлу китообразныхъ, какъ кашалоты, киты, дельфины, и снабженнаго крѣпкимъ роговымъ бивнемъ.

— Гмъ, — сказалъ китоловъ, покачивая головой съ видомъ человѣка, котораго не убѣдишь.

— Замѣтьте, мой достойный канадецъ, — продолжалъ я, — что если подобное животное существуетъ, если оно живетъ въ глубинѣ океана, если посѣщаетъ слои, лежащіе нѣсколькими милями ниже поверхности воды, то оно непремѣнно одарено такимъ сильнымъ организмомъ, съ которымъ ничто не сравнится.

— А зачѣмъ такой организмъ? — спросилъ Недъ.

— Потому что нужна неизмѣримая сила, чтобы жить въ глубинѣ океана и выдерживать давленіе верхнихъ слоевъ.

— Право? — спросилъ Недъ, глядя на меня съ прищуреннымъ глазомъ.

— Право, и нѣсколько цыфръ убѣдятъ васъ.

— О цыфры! — сказалъ Недъ. — Съ цыфрами можно сдѣлать что хочешь.

— Въ торговыхъ дѣлахъ, Недъ, но не въ математикѣ. Представимъ себѣ давленіе одной атмосферы въ видѣ давленія столба воды, имѣющаго тридцать-два фута въ вышину. Въ сущности столбъ воды могъ бы быть ниже, потому что дѣло идетъ о морской водѣ, а она гораздо плотнѣе прѣсной. Итакъ когда вы ныряете, Недъ, то всякій разъ, какъ надъ вами бываетъ тридцать-два фута воды, тѣло ваше выдерживаетъ давленіе, равное одной атмосферѣ, то-есть по стольку же килограммовъ на каждый кубическій сантиметръ его поверхности. Изъ этого слѣдуетъ, что на глубинѣ трехсотъ-двадцати футовъ давленіе это равняется десяти атмосферамъ; на глубинѣ трехъ тысячъ двухсотъ футовъ — ста атмосферамъ и тысячѣ атмосферамъ на глубинѣ тридцати-двухъ тысячъ футовъ, то-есть около двухъ съ половиною миль. Отсюда

слѣдуетъ, что если бы вамъ удалось достигнуть подобной глубины въ океанѣ, то каждый кубическій сантиметръ поверхности вашего тѣла подвергался бы давленію тысячи килограммовъ. А знаете ли вы, мой добрый Недъ, сколько кубическихъ сантиметровъ имѣетъ поверхность вашего тѣла?

— Не имѣю ни малѣйшаго понятія объ этомъ, господинъ Аронаксъ.

— Около семнадцати тысячъ.

— Неужели столько?

— Да. А такъ какъ въ дѣйствительности атмосферное давленіе нѣсколько превышаетъ тяжесть одного килограмма на кубическій сантиметръ, то ваши семнадцать тысячъ кубическихъ сантиметровъ выдерживаютъ въ настоящую минуту давленіе семнадцати тысячъ пятисотъ-шестидесяти-восьми килограммовъ.

— Но я этого и не замѣчаю?

— Да, вы и не замѣчаете. Вы не чувствуете этой тяжести потому, что воздухъ, проникающій во внутренность вашего тѣла, давитъ тамъ съ такою же силой. Отсюда—совершенное равновѣсіе между давленіемъ внѣшнимъ и внутреннимъ, которыя нейтрализуютъ другъ друга, что и даетъ вамъ возможность незамѣтно переносить ихъ. Но въ водѣ другое дѣло.

— Да, я понимаю,— отвѣчалъ Недъ, слушавшій съ большимъ вниманіемъ.—Вода меня окружаетъ, но не проникаетъ.

— Именно. Итакъ на глубинѣ тридцати-двухъ футовъ вы будете испытывать давленіе семнадцати тысячъ пятисотъ-шестидесяти-восьми килограммовъ; на разстояніи трехсотъ-двадцати футовъ — давленіе въ десять разъ большее, то-есть ста-семидесяти-пяти тысячъ шестисотъ-восьмидесяти килограммовъ; на глубинѣ трехъ тысячъ двухсотъ футовъ — давленіе во сто разъ большее, равняющееся милліону семистамъ-пятидесяти-шести тысячамъ восьмистамъ килограммовъ; наконецъ, при тридцати-двухъ тысячахъ футовъ глубины давленіе увеличится въ тысячу разъ, или до семнадцати милліоновъ пятисотъ-шестидесяти-восьми тысячъ килограммовъ, — однимъ словомъ, васъ сплющило бы какъ отъ дѣйствія гидравлической машины!

— Чортъ возьми! — сказалъ Недъ.

— Итакъ, мой достойный китоловъ, если въ такой глубинѣ обитаютъ позвоночныя длиной въ нѣсколько сотъ метровъ и соотвѣтственной толщины, и поверхность которыхъ выражается милліонами кубическихъ сантиметровъ, то выдерживаемое ими давленіе должно равняться милліардамъ килограммовъ. Сосчитайте теперь, какъ велико должно быть сопротивленіе ихъ костяной системы и какова сила ихъ организма, если они могутъ выносить подобныя давленія!

— Они, должно-быть, сдѣланы изъ листового желѣза въ восемь дюймовъ толщиной, какъ броненосные фрегаты,—отвѣчалъ Недъ Лендъ.

— Именно, Недъ. Подумайте же теперь, какое разрушительное дѣйствіе произведетъ подобная масса, устремившись со скоростью экстреннаго поѣзда на корпусъ парохода.

— Да... въ самомъ дѣлѣ... можетъ-быть,—отвѣчалъ канадецъ, котораго цифры нѣсколько поколебали, но который все еще не хотѣлъ сдаться.

— Ну, что, убѣдились вы, наконецъ?

— Вы меня убѣдили въ томъ, господинъ натуралистъ, что если подобныя животныя обитаютъ въ глубинѣ морей, то они должны быть такъ сильны, какъ вы говорите.

— Но если ихъ нѣтъ тамъ, упрямый китоловъ, то какъ же вы объясните случай съ „Шотландіей"?

— Можетъ-быть...—началъ Недъ нерѣшительно.

— Говорите, говорите!

— Потому что... это неправда! — отвѣчалъ Недъ, безсознательно повторяя знаменитый отвѣтъ Араго.

Но отвѣтъ этотъ доказывалъ лишь упрямство китолова и ничего болѣе. Въ этотъ день я къ нему болѣе не приставалъ. Происшествіе съ „Шотландіей" не подлежало ни малѣйшему сомнѣнію. Проломъ былъ такъ очевиденъ, что его пришлось задѣлать, а я не думаю, чтобы можно было доказать существованіе пролома болѣе категорическимъ способомъ. Но проломъ этотъ не могъ же возникнуть самъ собой, и такъ какъ онъ не былъ произведенъ подводными скалами или какими-либо подводными машинами, то онъ своимъ происхожденіемъ былъ, безъ сомнѣнія, обязанъ просверливающему органу какого-нибудь животнаго. Съ своей стороны я былъ убѣжденъ, на основаніи всѣхъ вышеприведенныхъ доводовъ, что животное это принадлежало къ отдѣлу позвоночныхъ, къ классу млекопитающихъ, къ группѣ рыбовидныхъ и, наконецъ, къ отряду китовъ. Что же касается до семейства, къ которому его слѣдовало отнести, — китовъ, кашалотовъ или дельфиновъ, — до его вида и, наконецъ, разновидности, то вопросъ этотъ могъ уясниться только впослѣдствіи. Для разрѣшенія его слѣдовало бы вскрыть это невѣдомое чудовище; а чтобы вскрыть его, нужно его прежде увидѣть и поймать.

ГЛАВА V.

Наудачу.

Нѣкоторое время плаваніе „Авраама Линкольна" совершалось безъ всякихъ приключеній. Только разъ представился случай, обнаружившій удивительную ловкость Недъ Ленда и оправдавшій общее къ нему довѣріе.

30-го іюня, на широтѣ Малуинскихъ острововъ, фрегатъ встрѣтился съ американскими китоловами, и мы узнали, что они ничего не знали о нарвалѣ. Но одинъ изъ нихъ, капитанъ парохода „Монроэ", знавшій, что Недъ Лендъ находится на бортѣ „Авраама Линкольна", просилъ его помощи для охоты на кита, бывшаго въ виду. Капитанъ Фаррагутъ, желавшій посмотрѣть Недъ Ленда за дѣломъ, позволилъ ему отправиться на „Монроэ". Счастье благопріятствовало нашему канадцу, и, вмѣсто одного, онъ сразу прикололъ двухъ китовъ, ударивъ одного прямо въ сердце и убивъ другого послѣ самаго непродолжительнаго преслѣдованія.

Право, если чудовище когда-нибудь наткнется на острогу Недъ Ленда, то я не поручусь за это чудовище.

Фрегатъ быстро прошелъ мимо юго-восточнаго берега Америки. 30-го іюля мы находились у входа въ Магеллановъ проливъ, близъ

мыса Дѣвъ. Но капитанъ Фаррагутъ не желалъ вступать въ этотъ извилистый проходъ и предпочелъ обойти мысъ Горнъ.

Экипажъ единодушно одобрилъ это рѣшеніе командира. И въ самомъ дѣлѣ, была ли какая-либо возможность встрѣтить нарвала въ этомъ узкомъ проливѣ? Нѣкоторые изъ матросовъ утверждали, что чудовище не могло бы пройти въ него, что оно для этого слишкомъ велико.

6-го іюля, около трехъ часовъ вечера, „Авраамъ Линкольнъ" обогнулъ въ пятнадцати миляхъ къ югу одинокій островокъ, брошенный на оконечности Американскаго материка, которому голландскіе моряки дали имя своего родного города — мысъ Горнъ. Тутъ путь нашъ повернулъ къ сѣверо-западу, и на слѣдующее утро винтъ фрегата сталъ ударять по водамъ Тихаго океана.

— Гляди въ оба! въ оба гляди! — повторяли матросы „Авраама Линкольна". И надо признаться, они смотрѣли во всѣ глаза. Награда въ двѣ тысячи долларовъ прельщала всѣхъ; глаза и подзорныя трубки не отдыхали ни одной минуты. День и ночь всѣ всматривались въ поверхность океана, и тѣ, которые были одержимы дневною слѣпотой и различали предметы ночью гораздо явственнѣе, легко могли выиграть премію.

Что касается до меня, то хотя деньги не очень прельщали меня, но я тѣмъ не менѣе не уступалъ другимъ. Удѣляя лишь нѣсколько минутъ на обѣдъ, нѣсколько часовъ на отдыхъ, невзирая ни на солнечный жаръ ни на дождь, я не оставлялъ палубы парохода. Я пожиралъ глазами пѣнистыя борозды, которыми море бѣлѣло до самаго края горизонта. И сколько разъ мнѣ приходилось раздѣлять волненіе экипажа, когда какой-нибудь причудливый китъ подымалъ надъ волнами свою черноватую спину. Палуба корабля въ одну секунду покрывалась народомъ. Изъ нижнихъ каютъ устремлялись толпами матросы и офицеры. Съ помутившимся взоромъ, едва переводя дыханіе, всѣ слѣдили за движеніями животнаго. Я смотрѣлъ такъ пристально, что рисковалъ повредить сѣтчатую оболочку глазъ и ослѣпнуть. Консель же, всегда невозмутимый, говорилъ мнѣ своимъ спокойнымъ голосомъ:

— Если бъ ихъ милость изволили поменьше таращить глаза, то ихъ милость видѣли бы гораздо болѣе.

Напрасная тревога! „Авраамъ Линкольнъ" бралъ въ сторону, направлялся къ замѣченному животному, которое оказывалось простымъ китомъ или обыкновеннымъ кашалотомъ.

Погода однако стояла хорошая, и плаваніе совершалось при самыхъ выгодныхъ условіяхъ. Въ сущности было дождливое время года, такъ какъ въ австралійскомъ поясѣ іюль соотвѣтствуетъ нашему январю; но море было спокойно и ясно, и его можно было обозрѣвать на значительномъ протяженіи.

Недъ Лендъ попрежнему выказывалъ самую упорную недовѣрчивость; онъ даже не хотѣлъ взглянуть на море, когда самъ не находился на вахтѣ или не было въ виду кита. Однако удивительная острота его зрѣнія могла бы принести большую пользу. Но изъ двѣнадцати часовъ упрямый канадецъ восемь проводилъ въ своей каютѣ, спалъ тамъ или читалъ. Сто разъ я упрекалъ его за равнодушіе.

— Ба! господинъ Аронаксъ, — отвѣчалъ онъ, — если даже и существуетъ подобное животное, то какое вѣроятіе, что мы его встрѣ-

тимъ? Вы сами знаете, что мы идемъ наудачу. Говорятъ, что видѣли этого звѣря въ моряхъ Тихаго океана. Согласенъ. Но съ тѣхъ поръ прошло два мѣсяца, а судя по характеру вашего нарвала, онъ, очевидно, не любитъ долго киснуть въ однихъ и тѣхъ же мѣстахъ! Къ тому же онъ одаренъ необыкновенною быстротой движенія. А вы лучше меня знаете, господинъ профессоръ, что природа ни дѣлаетъ ничего безсмысленнаго. Она не дала бы медленному по натурѣ животному способности быстро перемѣщаться, если бъ оно не имѣло въ ней надобности. Итакъ, если нарвалъ существуетъ, онъ теперь далеко.

Я не зналъ, что отвѣчать на это. Мы, безъ сомнѣнія, шли какъ слѣпые, но другого исхода не представлялось. Итакъ мы не должны были слишкомъ разсчитывать на встрѣчу съ нарваломъ. Однако до сихъ поръ никто еще не сомнѣвался въ успѣхѣ, и ни одинъ матросъ на кораблѣ не побился бы противъ нарвала и его скораго появленія.

20-го іюля мы миновали тропикъ Козерога подъ 150° долготы и 27-го того же мѣсяца пересѣкли экваторъ на 110 меридіанѣ. Сдѣлавъ эти измѣренія, фрегатъ направился прямо къ западу и вступилъ въ среднія моря Тихаго океана. Капитанъ Фаррагутъ справедливо думалъ, что лучше было придерживаться глубокихъ водъ и удаляться отъ материковъ и острововъ, которыхъ животное, повидимому, всегда избѣгало, „безъ сомнѣнія, потому, что тамъ для него слишкомъ мелко!" какъ говорилъ начальникъ экипажа. Фрегатъ сдѣлалъ новый запасъ каменнаго угля и прошелъ въ виду острововъ Помоту, Маркизскихъ, Сандвичевыхъ, пересѣкъ тропикъ Рака подъ 132° долготы и направился къ китайскимъ морямъ.

Мы находились на мѣстѣ послѣднихъ подвиговъ животнаго. И, сказать правду, на бортѣ всѣ были ни живы ни мертвы. Трудно изобразить то сильное нервное возбужденіе, которое испытывалъ экипажъ. Люди не ѣли и не спали. Разъ по двадцати въ день всѣмъ приходилось испытывать невыносимыя страданія вслѣдствіе какой-нибудь ошибки въ вычисленіи или оптическаго обмана, которому подвергался матросъ, торчащій на румпелѣ. Волненія эти, повторявшіяся безпрестанно, поддерживали насъ въ постоянномъ напряженіи и должны были неминуемо вызвать скорую реакцію.

И въ самомъ дѣлѣ, она не замедлила обнаружиться. Три мѣсяца сряду, — а каждый день этихъ трехъ мѣсяцевъ тянулся для насъ какъ цѣлое столѣтіе, — „Авраамъ Линкольнъ" скитался по сѣвернымъ водамъ Тихаго океана и избороздилъ его во всѣхъ направленіяхъ, преслѣдуя встрѣчавшихся китовъ, быстро измѣняя направленіе, неожиданно поворачивая на другой галсъ, останавливаясь внезапно, то прибавляя, то убавляя пары, и все это одно вслѣдъ за другимъ, рискуя сломать свою машину. Онъ изслѣдовалъ какъ нельзя внимательнѣе все пространство отъ береговъ Японіи до Америки — и ничего! Ничего, кромѣ безпредѣльности пустынныхъ волнъ. Ничего похожаго на огромнаго нарвала или подводный островокъ, или разбитое судно, или плавающій рифъ, — однимъ словомъ, ничего сверхъестественнаго. Произошла реакція. Отчаяніе овладѣло умами и открыло доступъ невѣрію. На бортѣ испытывали новое ощущеніе, состоявшее изъ трехъ десятыхъ стыда и семи десятыхъ бѣшенства. Было совѣстно остаться въ дуракахъ, повѣривъ какимъ-то безсмысленнымъ выдумкамъ, — совѣстно, но еще болѣе досадно!

Горы доказательствъ, которыя нагромоздили въ продолженіе цѣлаго года, обрушились разомъ, и всѣ старались въ часы отдыха или обѣда наверстать время, такъ безпощадно потраченное.

Съ непостоянствомъ, свойственнымъ человѣческому уму, отъ одной крайности перешли къ другой. Самые горячіе защитники предпріятія сдѣлались, къ несчастью, самыми ярыми его противниками. Отъ люковъ корабля, отъ мѣстопребыванія кочегаровъ настроеніе это, постепенно распространяясь, дошло до офицерской площадки, и фрегатъ, безъ сомнѣнія, поворотилъ бы окончательно къ югу, но капитанъ Фаррагутъ выказалъ въ этомъ случаѣ замѣчательное упорство. Однако не было возможности продолжать долѣе безполезные розыски. Экипажъ „Авраама Линкольна“ не могъ винить себя за неудачу: онъ сдѣлалъ все, что отъ него зависѣло. Никогда еще матросы американскаго флота не выказывали такого терпѣнія и усердія. Неуспѣхъ предпріятія не зависѣлъ отъ нихъ. Они сдѣлали свое дѣло, и теперь имъ оставалось только возвратиться на родину.

Капитану сдѣлали заявленіе въ этомъ духѣ. Капитанъ стоялъ на своемъ. Матросы не скрывали неудовольствія и исполняли свое дѣло съ гораздо меньшимъ усердіемъ. Я не говорю, что на кораблѣ произошло явное возмущеніе, но тѣмъ не менѣе, послѣ непродолжительнаго сопротивленія, не выходившаго изъ границъ благоразумія, капитанъ Фаррагутъ, какъ нѣкогда Колумбъ, попросилъ три дня. Если въ теченіе этихъ трехъ дней чудовище не появится, то рулевой повернетъ колесо три раза, и фрегатъ направится къ европейскимъ морямъ.

Обѣщаніе было дано 2-го ноября. Прежде всего оно ободрило упавшій духомъ экипажъ. Океанъ подвергся новымъ внимательнымъ наблюденіямъ. Подзорныя трубы дѣйствовали съ лихорадочною живостью. Это былъ послѣдній и торжественный вызовъ, брошенный нарвалу-гиганту, и онъ не имѣлъ никакого основанія отказаться отвѣчать на это приказаніе „явиться“.

Прошло два дня. „Авраамъ Линкольнъ“ не разводилъ большихъ паровъ. Экипажъ употреблялъ всевозможныя средства, чтобы привлечь вниманіе животнаго или расшевелить его лѣнь, если оно находилось поблизости. За кораблемъ тащились привязанные на веревкахъ огромные куски сала, надо признаться, къ великому удовольствію акулъ. „Авраамъ Линкольнъ“ лежалъ въ дрейфѣ, а шлюпки сновали вокругъ него во всѣхъ направленіяхъ, осматривая каждый уголокъ. Наступилъ вечеръ 4-го ноября, а подводная тайна попрежнему оставалась тайной.

На слѣдующій день, 5-го ноября, въ полдень, оканчивался назначенный срокъ. Съ послѣднимъ ударомъ часовъ капитанъ Фаррагутъ, вѣрный своему обѣщанію, долженъ былъ отдать приказаніе повернуть къ юго-востоку и покинуть сѣверныя области Тихаго океана.

Фрегатъ находился подъ 31° 15′ сѣверной широты и подъ 136° 42′ долготы. Японскія острова лежали подъ вѣтромъ на разстояніи отъ насъ менѣе двухсотъ миль. Ночь приближалась. Пробило восемь часовъ. Большія облака скрывали дискъ луны, стоявшей тогда на первой четверти. Волны равномѣрно плескались и разбивались о форштевень фрегата.

Въ эту минуту я стоялъ на носу, опираясь на сѣти по бокамъ штирборта. Консель расположился возлѣ меня и смотрѣлъ впередъ.

Экипажъ, забравшись на ванты, вглядывался въ горизонтъ, который постепенно суживался и темнѣлъ. Офицеры, вооружившись своими ночными подзорными трубками, силились различить что-либо въ сгущавшейся темнотѣ. По временамъ море вдругъ озолотится лучомъ луны, который мелькнетъ изъ-за тонкихъ изсѣченныхъ краевъ двухъ сосѣднихъ облаковъ; потомъ всякій слѣдъ огня потонетъ въ сумракѣ.

Наблюдая за выраженіемъ лица Конселя, я замѣтилъ, что добрый малый до нѣкоторой степени подчинялся общему настроенію. По крайней мѣрѣ мнѣ такъ казалось. Вѣроятно, въ первый разъ въ жизни нервы его напрягались подъ вліяніемъ любопытства.

— Вотъ, Консель, — заговорилъ я, — намъ въ послѣдній разъ представляется случай положить въ карманъ двѣ тысячи долларовъ.

— Съ позволенія ихъ милости, — отвѣчалъ Консель, — я никогда не разсчитывалъ на эту премію; правительство Штатовъ могло обѣщать сто тысячъ и не сдѣлалось бы отъ того бѣднѣе.

— Правда, Консель. Дѣло вышло глупое, и мы слишкомъ легкомысленно впутались въ него. Сколько потеряннаго времени, напрасныхъ волненій! Мы бы уже шесть мѣсяцевъ назадъ пріѣхали во Францію...

— И жили бы въ маленькой квартиркѣ ихъ милости, въ музеѣ. И я распредѣлилъ бы по классамъ ископаемыхъ ихъ милости. И индійская свинка ихъ милости была бы помѣщена въ своей клѣткѣ въ Ботаническомъ саду и привлекла бы всѣхъ любопытныхъ столицы.

— Все это правда, Консель, уже не говоря о томъ, что надъ нами, вѣроятно, будутъ смѣяться.

— Да, — отвѣчалъ спокойно Консель, — я думаю, что надъ ихъ милостью будутъ смѣяться. И не знаю, говорить ли...

— Надо все говорить, Консель.

— Ну, такъ я думаю, что ихъ милость это заслужили.

— Право?

— Когда имѣешь честь быть такимъ ученымъ, какъ ихъ милость, то не слѣдуетъ подвергать себя...

Консель не кончилъ своей любезности. Среди общей тишины раздался голосъ. Это былъ голосъ Недъ Ленда; онъ кричалъ:

— Ого! наше-то чудовище подъ вѣтромъ противъ насъ!

ГЛАВА VI.

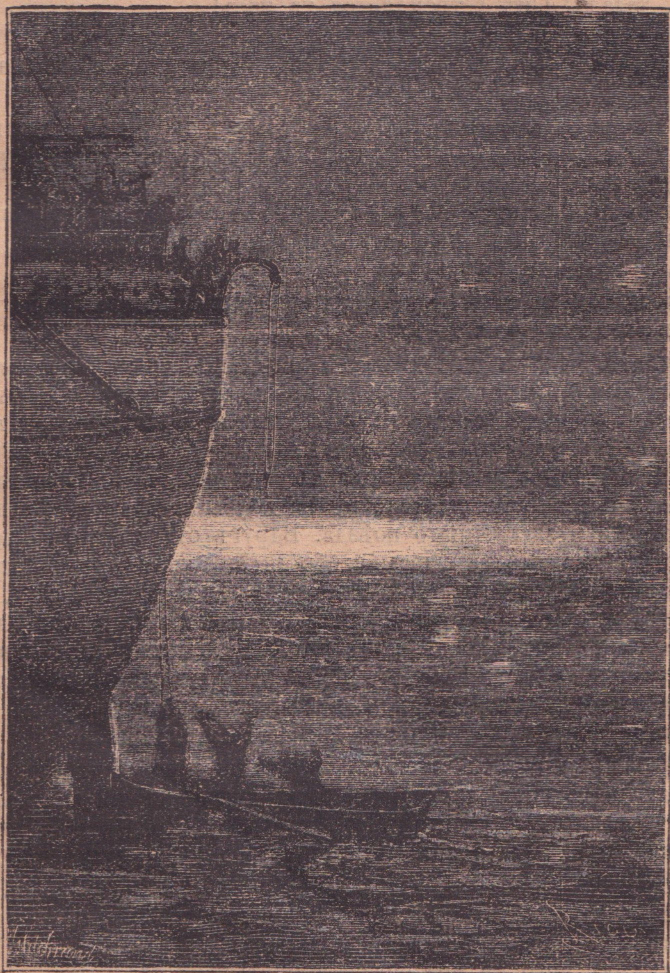
На всѣхъ парахъ.

При этомъ крикѣ Неда весь экипажъ бросился къ китолову. Капитанъ, офицеры, боцманы, матросы, юнги, даже инженеры оставили машину и кочегары свои печи. Былъ отданъ приказъ остановиться, и фрегатъ шелъ лишь вслѣдствіе инерціи.

Насъ окружалъ непроницаемый мракъ, и, несмотря на все превосходство зрѣнія канадца, я невольно спрашивалъ себя, какъ онъ могъ видѣть и что онъ могъ видѣть. Сердце мое билось, какъ будто хотѣло разорваться на части.

Но Недъ Лендъ не ошибался, и скоро мы всѣ увидали предметъ, на который онъ указывалъ рукою.

На разстоянiи двухъ кабельтовыхъ отъ кормы штирборта „Авраама Линкольна“ море казалось освѣщеннымъ снизу. Свѣтъ этотъ нельзя было принять за простое фосфорическое явленiе. Чудовище лежало нѣсколькими саженями ниже поверхности моря и распространяло вокругъ

«...море казалось освѣщеннымъ...» (Стр. 25).

то весьма яркое необъяснимое сiянiе, о которомъ многiе капитаны упоминали въ своихъ отчетахъ. Это великолѣпное лучеиспусканiе было произведено, безъ сомнѣнiя, дѣятелемъ необыкновенной силы. Свѣтящееся пространство представляло форму огромнаго, очень удлиненнаго овала; въ срединѣ его, какъ въ фокусѣ, сосредоточивался необыкновенно яркiй блескъ, невыносимое сiянiе котораго въ окружности постепенно ослабѣвало.

— Это огромное скопленіе фосфорическихъ животныхъ, — сказалъ одинъ изъ офицеровъ, — и ничего болѣе.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ я рѣшительно. — Никогда фалады и сальпы не производятъ такого сильнаго сіянія. Свѣтъ этотъ чисто электрическій. Притомъ же... Смотрите, смотрите! Онъ перемѣщается, онъ движется впередъ... назадъ! Онъ устремляется на насъ!

Общій крикъ раздался на палубѣ.

— Молчать! — скомандовалъ капитанъ Фаррагутъ. — Руль на вѣтеръ и на бортъ! Машина, задній ходъ!

Матросы бросились къ рулю, инженеры къ машинѣ. Машинѣ данъ задній ходъ, и „Авраамъ Линкольнъ", повернувшись на бакбортѣ, описалъ полукругъ.

— Прямо руль! Передній ходъ! — командовалъ капитанъ Фаррагутъ.

Приказанія эти были исполнены, и „Авраамъ Линкольнъ" поспѣшно удалялся отъ сіявшаго круга.

Я ошибаюсь. Онъ хотѣлъ удалиться, но непостижимое животное приближалось съ двойною скоростью.

Мы стояли нѣмы и неподвижны, задыхаясь болѣе отъ изумленія, чѣмъ отъ страха. Животное приближалось къ намъ, какъ бы играя. Оно обогнуло фрегатъ, двигавшійся съ быстротою четырнадцати узловъ, обдавая его своими электрическими волнами какъ сіяющею пылью. Потомъ удалилось на разстояніе двухъ или трехъ миль, оставляя за собою фосфорическій слѣдъ, похожій на клубы пара, которые выбрасываетъ локомотивъ экстреннаго поѣзда. Вдругъ отъ темныхъ краевъ горизонта, куда оно отодвинулось, чтобы имѣть мѣсто разбѣжаться, чудовище внезапно, со страшной быстротой, устремилось къ „Аврааму Линкольду", остановилось неожиданно на разстояніи футовъ двадцати и погасло, и притомъ вдругъ, какъ будто источникъ, разсыпавшій эти лучи, мгновенно изсякъ. Потомъ оно появилось по другую сторону корабля, — обошло ли оно его или проскользнуло подъ нимъ. Каждую минуту могло случиться гибельное для насъ столкновеніе.

Между тѣмъ маневры фрегата изумляли меня. Онъ бѣжалъ и не думалъ нападать. Фрегатъ долженъ былъ преслѣдовать, а казалось, что его преслѣдовали, и я замѣтилъ это капитану. Лицо его, обыкновенно безстрастное, выражало въ эту минуту глубочайшее изумленіе.

— Господинъ Аронаксъ, — отвѣчалъ онъ, — я не знаю, съ какимъ страшнымъ существомъ имѣю дѣло, и не могу въ такую темноту подвергать опасности свой фрегатъ. Да и какъ нападать на то, чего не знаешь, противъ чего не можешь защищаться? Подождемъ разсвѣта, и тогда роли перемѣнятся.

— Теперь вы не сомнѣваетесь больше насчетъ породы этого животнаго, капитанъ?

— Да, это, очевидно, огромный нарвалъ, но нарвалъ электрическій.

— Можетъ-быть, — сказалъ я, — къ нему такъ же нельзя приближаться, какъ къ электрическому угрю!

— Дѣйствительно, — отвѣчалъ капитанъ, — и если оно обладаетъ еще разрушающею силой, то это, безъ сомнѣнія, самое страшное животное, когда-либо выходившее изъ рукъ Творца. Потому я и долженъ остерегаться.

Всю ночь экипажъ былъ на ногахъ. Никто не думалъ о снѣ. „Авраамъ Линкольнъ", не будучи въ состояніи соперничать съ нарваломъ въ быстротѣ, умѣрилъ ходъ и не прибавлялъ паровъ. Въ свою очередь нарвалъ, подражая фрегату, лѣниво качался на волнахъ и, повидимому, не располагалъ оставлять поле сраженія.

Около полуночи однако онъ исчезъ или, вѣрнѣе, угасъ, какъ огромный свѣтящійся червякъ. Не скрылся ли онъ? Мы не смѣли желать этого. Но въ часъ безъ семи минутъ послышался оглушительный свистъ, похожій на шумъ, производимый столбомъ воды, бьющей съ необыкновенной силой.

Капитанъ Фаррагутъ, Недъ и я — мы находились въ это время на ютѣ — съ жадностью вглядывались въ глубокій мракъ ночи.

— Недъ Лендъ, — спросилъ капитанъ, — часто ли вамъ случалось слышать ревъ китовъ?

— Часто, капитанъ, но никогда не встрѣчалъ еще такихъ, появленіе которыхъ приносило бы мнѣ двѣ тысячи долларовъ.

— Да, вы имѣете право на премію. Но скажите, вѣдь шумъ этотъ похожъ на тотъ, который производятъ киты, выбрасывая воду изъ носовыхъ отверстій?

— Очень похожъ, но только несравненно сильнѣе. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, — передъ нами китъ. Съ вашего позволенія, — прибавилъ Недъ, — завтра на восходѣ солнца мы съ нимъ немного потолкуемъ.

— Если только онъ этого пожелаетъ, Недъ, — сказалъ я нерѣшительно.

— Только бы мнѣ удалось подойти къ нему на разстояніе четырехъ острогъ, — возразилъ канадецъ: — онъ долженъ будетъ меня выслушать.

— Въ такомъ случаѣ мнѣ придется дать въ ваше распоряженіе вельботъ, — замѣтилъ капитанъ.

— Конечно.

— Но вѣдь это значитъ рисковать жизнью моихъ людей?

— И моею тоже! — спокойно отвѣтилъ китоловъ.

Часа въ три утра въ пяти миляхъ, подъ вѣтромъ, отъ „Авраама Линкольна" снова появился свѣтящій кругъ, столь же яркій, какъ и прежде. Несмотря на разстояніе, на шумъ вѣтра и моря, ясно были слышны страшные удары хвостомъ животнаго и даже его прерывистое дыханіе. Казалось, что въ ту минуту, какъ этотъ огромный нарвалъ переводилъ дыханіе на поверхности океана, воздухъ сгущался въ его легкихъ, какъ паръ въ обширныхъ цилиндрахъ машины въ двѣ тысячи лошадиныхъ силъ.

„Ну, — думалъ я, — хорошъ китъ, обладающій силою цѣлаго кавалерійскаго полка!"

Всѣ были настороже до самаго утра и готовились къ бою. Вдоль бортовъ разставлены были всѣ орудія для рыбной ловли. Подшкиперъ велѣлъ приготовить мушкетоны, бросающіе острогу на разстояніе цѣлой мили, и зарядить длинныя ружья разрывными пулями, ударъ которыхъ смертеленъ даже для самыхъ сильныхъ животныхъ. Недъ Лендъ ограничился тѣмъ, что наточилъ свою острогу — оружіе страшное въ его рукѣ.

Въ шесть часовъ заря начала заниматься, и, при появленіи первыхъ лучей утренняго солнца, исчезъ электрическій свѣтъ нарвала. Въ семь

часовъ было довольно свѣтло, но густой туманъ окутывалъ горизонтъ, и предъ нимъ оставались безсильными лучшія подзорныя трубы.

Я взобрался на бизань. Нѣкоторые офицеры уже торчали на верхушкахъ мачтъ.

Въ восемь часовъ туманъ медленно разсѣялся надъ волнами, и широкія полосы его постепенно поднимались. Горизонтъ сталъ шире и въ то же время чище. Вдругъ, какъ наканунѣ, раздался голосъ Недъ Ленда:

— Оно лежитъ влѣво позади корабля! — кричалъ китоловъ.

Всѣ взгляды обратились къ указанной точкѣ. Тамъ, на разстояніи полуторы мили отъ фрегата, длинное черное тѣло выставлялось на одинъ метръ надъ поверхностью моря. Его хвостъ быстро работалъ въ водѣ и производилъ водоворотъ. Огромная струя ослѣпительной бѣлизны обозначала путь животнаго и описывала продолговатую изогнутую линію.

Фрегатъ приблизился къ киту. Я смотрѣлъ на него совершенно свободно. Донесенія „Шаннона" и „Гельвеціи" нѣсколько преувеличили его размѣры. По моему вычисленію, длина его не превышала двухсотъ пятидесяти футовъ. Что же касается до его толщины, то трудно было опредѣлить ее; но мнѣ вообще казалось, что животное необыкновенно пропорціонально во всѣхъ своихъ частяхъ.

Въ то время какъ я разсматривалъ это замѣчательное существо, изъ его носовыхъ отверстій брызнули два столба воды и поднялись на высоту сорока метровъ. Теперь я составилъ себѣ понятіе объ образѣ его дыханія и заключилъ, что животное, безъ сомнѣнія, принадлежитъ къ отдѣлу позвоночныхъ, къ классу млекопитающихъ, къ подклассу чревосумчатыхъ, къ группѣ рыбовидныхъ, къ отряду китовъ, къ семейству... но здѣсь я еще не могъ рѣшить. Отрядъ китовидныхъ имѣетъ три семьи: киты, кашалоты и дельфины, и къ этимъ послѣднимъ относятся нарвалы. Каждая изъ этихъ семей раздѣляется на породы, каждый родъ на виды и разновидности. Мнѣ еще недоставало разновидности, вида, рода и семьи, но я былъ увѣренъ, что пополню этотъ пробѣлъ съ помощью Неда и капитана Фаррагута.

Экипажъ ожидалъ съ нетерпѣніемъ приказаній своего начальника. Послѣдній наблюдалъ внимательно за животнымъ и, наконецъ, велѣлъ позвать инженера. Инженеръ явился.

— Готовы ли вы? — спросилъ капитанъ.

— Совершенно, — отвѣчалъ инженеръ.

— Хорошо. Усильте огни и — на всѣхъ парахъ!

Троекратное *ура* привѣтствовало это приказаніе. Часъ борьбы наступилъ. Нѣсколько минутъ спустя обѣ трубы фрегата извергали потоки чернаго дыма, палуба потрясалась отъ клокотанія въ котлахъ. Повинуясь движеніямъ своего винта, „Авраамъ Линкольнъ" устремился прямо на животное. Оно равнодушно лежало, и фрегатъ подошелъ къ нему на разстояніе полукабельтова; потомъ, не погружаясь даже въ воду, животное начало тихонько подвигаться впередъ, держась въ прежнемъ разстояніи отъ фрегата. Преслѣдованіе продолжалось по крайней мѣрѣ три четверти часа, но фрегатъ не выигралъ ни одной сажени. Было очевидно, что при такой скорости его не догонишь.

Капитанъ Фаррагутъ съ бѣшенствомъ теребилъ густую бородку, украшавшую его подбородокъ.

— Недъ Лендъ! — крикнулъ онъ.

Канадецъ явился.

— Ну, мистеръ Лендъ, — сказалъ капитанъ, — посовѣтуете ли вы мнѣ теперь спустить шлюпки?

— Нѣтъ, капитанъ, — отвѣчалъ Недъ. — Къ нему не подойдемъ, если оно не захочетъ подпустить. Усильте пары, если можно, капитанъ. Что до меня, то я, съ вашего позволенія, разумѣется, помѣщусь на ватерштагѣ, и если мы приблизимся на длину остроги, то я пущу ее.

— Ступайте, — отвѣчалъ капитанъ Фаррагутъ. — Инженеръ, — скомандовалъ онъ, — усильте давленіе!

Недъ Лендъ отправился на свое мѣсто. Огни были пущены сильнѣе. Винтъ дѣлалъ сорокъ-три оборота въ минуту, и паръ устремился чрезъ клапаны. Бросили лагъ и убѣдились, что фрегатъ дѣлаетъ восемнадцать миль и пять десятыхъ въ часъ.

Но проклятое животное въ свою очередь шло съ такою же скоростью.

Цѣлый часъ фрегатъ шелъ такимъ ходомъ и не выигралъ ни одной сажени. Это было оскорбительно для одного изъ лучшихъ судовъ американскаго флота. Экипажъ злился. Матросы осыпали чудовище бранью, но оно не удостоивало ихъ отвѣтомъ. Капитанъ Фаррагутъ уже не теребилъ своей бородки: онъ кусалъ ее.

Опять позвали инженера.

— Вы достигли высшей точки давленія? — спросилъ капитанъ.

— Да, — отвѣчалъ инженеръ.

— А ваши клапаны нажаты?

— До шести съ половиной атмосферъ.

— Доведите до десяти.

Вотъ чисто американское приказаніе! Даже на Миссисипи, чтобъ опередить соперника, не могли бы сдѣлать лучше.

— Консель, — сказалъ я своему вѣрному слугѣ, стоявшему возлѣ меня, — знаешь ли ты, что мы, по всей вѣроятности, взлетимъ на воздухъ?

— Какъ будетъ угодно ихъ милости! — отвѣчалъ Консель.

И я долженъ признаться, что мнѣ до нѣкоторой степени было пріятно рискнуть на это.

Запасные клапаны были нажаты. Уголь накиданъ въ печи. Вентиляторы посылали цѣлые потоки воздуха въ жаровни. Быстрота „Авраама Линкольна" возрастала. Мачты дрожали до самаго основанія, и клубы дыма едва могли найти проходъ въ слишкомъ узкихъ трубахъ.

Лагъ бросили еще разъ.

— Ну, рулевой? — спросилъ капитанъ.

— Девятнадцать миль и три десятыхъ.

— Усилить огни!

Инженеръ повиновался. Манометръ показывалъ десять атмосферъ. Но китъ, должно-быть, тоже „топилъ", потому что безъ малѣйшаго усилія дѣлалъ девятнадцать миль и три десятыхъ въ часъ.

Какая гонка! Нѣтъ, я не могу описать волненія, потрясавшаго все мое существо. Недъ Лендъ стоялъ на своемъ посту съ острогой въ рукѣ. Нѣсколько разъ животное допускало фрегатъ приблизиться къ себѣ.

— Мы догоняемъ! Мы догоняемъ! — кричалъ канадецъ.

Но въ ту минуту, какъ онъ готовился метнуть острогу, животное исчезло съ быстротой по крайней мѣрѣ тридцати миль въ часъ. Мало того: когда фрегатъ летѣлъ на всѣхъ парахъ, китъ, какъ бы издѣваясь надъ нимъ, обошелъ его кругомъ. Со всѣхъ сторонъ раздались крики бѣшенства.

Въ полдень мы были, въ сущности, не далѣе чѣмъ въ восемь часовъ утра.

Капитанъ Фаррагутъ рѣшился, наконецъ, прибѣгнуть къ болѣе рѣшительнымъ средствамъ.

— А, — сказалъ онъ, — это животное плыветъ скорѣй „Авраама Линкольна"! Хорошо, мы посмотримъ, опередитъ ли оно его коническую картечь. Боцманъ, людей къ передней пушкѣ!

Пушку на бакѣ немедленно зарядили и навели. Выстрѣлъ раздался, но ядро пролетѣло нѣсколькими футами выше кита, который находился на разстояніи полумили.

— Другой, болѣе ловкій, — крикнулъ капитанъ, — и пятьсотъ долларовъ тому, кто пробьетъ это адское животное!

Старый канониръ съ сѣдою бородой — я какъ сейчасъ вижу его — со спокойнымъ взглядомъ, безстрастнымъ лицомъ, подошелъ къ орудію, уставилъ его и долго цѣлился. Раздался громкій взрывъ, сопровождаемый криками экипажа. Ядро достигло своей цѣли. Оно ударило въ животное, но не прямо, а скользнувъ по его выпуклой поверхности, и скрылось въ морѣ.

— Чортъ возьми! — сказалъ съ бѣшенствомъ старый канониръ. — Этотъ негодяй окованъ шестидюймовымъ желѣзомъ!

— Проклятіе! — крикнулъ капитанъ Фаррагутъ.

Гонка началась снова, и капитанъ, наклонясь ко мнѣ, сказалъ:

— Я буду преслѣдовать, пока фрегатъ не взлетитъ на воздухъ.

— Такъ и надо, — отвѣчалъ я.

Можно было надѣяться, что животное утомится, что оно не будетъ такъ нечувствительно къ усталости, какъ паровая машина. Но ничего не бывало. Часы проходили, и оно не выказывало ни малѣйшаго признака утомленія.

Однако къ чести „Авраама Линкольна" надо сказать, что онъ боролся съ неустанной стойкостью. Я полагаю, что въ этотъ злополучный день, 6-го ноября, онъ прошелъ не менѣе пятисотъ километровъ. Но ночь настала и одѣла мракомъ взволнованный океанъ.

Въ эту минуту мнѣ казалось, что наша экспедиція окончена, что мы никогда больше не увидимъ загадочнаго животнаго. Я ошибался. Въ десять часовъ пятьдесятъ минутъ вечера электрическій свѣтъ появился снова въ трехъ миляхъ, подъ вѣтромъ, отъ фрегата, такой же чистый и сильный, какъ и наканунѣ.

Нарвалъ былъ неподвиженъ. Можетъ-быть, утомленный дневною погоней, онъ спалъ теперь, качаясь въ волнахъ. Представлялся удобный случай, и капитанъ Фаррагутъ рѣшился имъ воспользоваться.

Онъ сдѣлалъ нужныя распоряженія. „Авраамъ Линкольнъ" не разводилъ большихъ паровъ, а подвигался впередъ очень осторожно, чтобы не разбудить своего противника. Нерѣдко случается встрѣчать въ открытомъ океанѣ крѣпко заснувшихъ китовъ, которыхъ можно тогда съ

успѣхомъ атаковать, и самъ Недъ прикололъ своею острогой не одного изъ нихъ во снѣ. Канадецъ снова занялъ свой постъ на ватерштагѣ.

Фрегатъ приближался осторожно. Машину остановили на разстояніи двухъ кабельтовыхъ отъ животнаго, и судно шло только вслѣдствіе сообщеннаго ему прежде движенія. На бортѣ не дышали. Глубокая тишина царствовала на палубѣ. Мы находились менѣе чѣмъ на разстояніи ста футовъ отъ пылавшаго круга, свѣтъ котораго все усиливался и ослѣплялъ насъ.

Въ эту минуту, склонившись надъ перилами бака, я видѣлъ подъ собою Недъ Ленда уцѣпившагося одною рукой за мартингалъ, другою потрясавшаго свою острогу. Только двадцать футовъ отдѣляло его отъ неподвижно лежащаго животнаго.

Вдругъ рука Неда быстро разогнулась, и острога была брошена. Раздался металлическій звукъ, какъ будто оружіе ударилось въ твердое тѣло.

Электрическій свѣтъ внезапно угасъ, и два огромные столба воды обрушились на палубу фрегата, со стремительностью потока, опрокидывая людей, ломая найтовы и мачты. Корабль былъ потрясенъ со страшною силой, и, перекинутый черезъ перила, не успѣвъ во-время удержаться, я упалъ въ море.

ГЛАВА VII.

Китъ неизвѣстной породы.

Несмотря на то, что это неожиданное паденіе застало меня врасплохъ, я совершенно ясно помню всѣ мои тогдашнія ощущенія.

Меня сначала увлекло въ глубину на двадцать футовъ. Я хорошо плаваю, — хотя не имѣю притязанія сравняться съ такими мастерами, какъ лордъ Байронъ и Эдгардъ По, — и не потерялъ, къ счастью, головы. Два сильные удара ногами помогли мнѣ подняться на поверхность воды.

Первою моею мыслью было отыскать глазами фрегатъ. Замѣтилъ ли экипажъ мое исчезновеніе? Повернулъ ли „Авраамъ Линкольнъ“? Спускалъ ли шлюпку капитанъ Фаррагутъ? Могу ли я надѣяться на спасеніе?

Темнота кругомъ была полнѣйшая. Я различалъ исчезавшую на востокѣ черную массу, сторожевые огни которой постепенно гасли въ отдаленіи. Это былъ фрегатъ. Гибель моя казалась неизбѣжною.

— Помогите, помогите! — кричалъ я, стараясь всѣми силами плыть по направленію къ „Аврааму Линкольну“.

Платье меня стѣсняло; оно намокло, пристало къ тѣлу и затрудняло всѣ мои движенія. Меня тянуло ко дну. Я задыхался.

— Помогите!

Я не могъ больше кричать. Ротъ мой наполнился водой. Я бился, увлекаемый въ бездну...

Вдругъ сильная рука схватила меня за платье; я почувствовалъ, что меня поспѣшно вытаскиваютъ на поверхность воды и услыхалъ — да, услыхалъ — слова, раздавшіяся надъ моимъ ухомъ:

— Ихъ милости будетъ гораздо удобнѣе плыть, если имъ будетъ угодно сдѣлать мнѣ честь опереться на мое плечо.

Я схватилъ одною рукой руку моего вѣрнаго Конселя.

— Это ты! — сказалъ я: — ты!

— Я самый, — отвѣчалъ Консель, — къ услугамъ ихъ милости.

— Ты упалъ въ море въ одно время со мной?

— Нѣтъ, я не падалъ. Но такъ какъ я служу ихъ милости, то счелъ своею обязанностью слѣдовать за ними...

Честный малый находилъ это совершенно естественнымъ!

— А фрегатъ? — спросилъ я.

— Фрегатъ! — отвѣчалъ Консель, поворачиваясь на спину: — я посовѣтовалъ бы ихъ милости не разсчитывать на него.

— Почему?

— А потому, что, кидаясь въ море, я слышалъ, какъ кричали: „винтъ и руль сломаны!“

— Сломаны?

— Да, сломаны зубомъ чудовища. Я думаю, что „Авраамъ Линкольнъ“ отдѣлался однимъ этимъ поврежденіемъ. Но для насъ это обстоятельство очень непріятно. Онъ не можетъ болѣе править.

— Тогда мы погибли!

— Можетъ-быть, — спокойно отвѣчалъ Консель. — Однако предъ нами еще нѣсколько часовъ, а въ нѣсколько часовъ можно многое сдѣлать.

Невозмутимое хладнокровіе Конселя ободрило меня. Я поплылъ съ новою силой; но платье, отяжелѣвшее какъ свинецъ, стѣсняло всѣ мои движенія, и я съ большимъ трудомъ держался на водѣ. Консель это замѣтилъ.

— Позволитъ ли мнѣ ихъ милость сдѣлать имъ маленькій надрѣзъ? — сказалъ онъ.

И, пропустивъ открытый ножъ подъ мое платье, онъ, однимъ взмахомъ распоровъ его съ верху до низу, поспѣшно освободилъ меня отъ него.

Въ свою очередь я оказалъ Конселю такую же услугу, и мы продолжали наше плаваніе рядомъ.

Положеніе наше, однако, было ужасно. Быть-можетъ, наше отсутствіе не было никѣмъ замѣчено; да если бъ и замѣтили его, то фрегатъ, лишенный руля, не могъ итти къ намъ противъ вѣтра. Мы могли разсчитывать только на шлюпки.

Консель обсудилъ спокойно эту гипотезу и на этомъ основаніи составилъ планъ дѣйствія. Удивительная натура! онъ былъ невозмутимъ, какъ у себя дома.

Такъ какъ спасеніе наше зависѣло единственно отъ встрѣчи со шлюпками „Авраама Линкольна“, то мы должны были устроиться такъ, чтобы быть въ состояніи держаться, въ ожиданіи ихъ, возможно долѣе. Мы и вздумали раздѣлить наши силы, дабы не истощить ихъ одновременно, и вотъ какъ между нами было условлено: пока одинъ лежалъ неподвижно на спинѣ, скрестивъ руки и вытянувъ ноги, другой въ это время плылъ и толкалъ его впередъ. Мы чередовались черезъ каждыя десять минутъ и, имѣя возможность переводить духъ, надѣялись плавать въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ и можетъ-быть до разсвѣта.

Слабая надежда! Но она такъ срослась съ человѣческимъ сердцемъ! Притомъ же насъ было двое. Наконецъ, я утверждаю, — хотя это кажется невѣроятнымъ, — что если бъ я даже захотѣлъ покончить со всякимъ самообольщеніемъ, если бы захотѣлъ „отчаяться", то я бы не могъ этого сдѣлать!

«...мы были на поверхности подводнаго судна...» (Стр. 35).

Столкновеніе фрегата съ животнымъ произошло около одиннадцати часовъ вечера. Я разсчитывалъ, слѣдовательно, что мы будемъ въ состояніи проплыть часовъ восемь, до восхода солнца. Съ роздыхами операція эта, пожалуй, исполнима. Море было спокойно, и мы мало уставали. По временамъ я старался проникнуть взглядомъ въ глубокій мракъ, нарушаемый лишь фосфорическимъ блескомъ, который произво-

дили наши движенія. Я смотрѣлъ на лучезарныя волны, разбивавшіяся о мою руку, свѣтлая поверхность которыхъ отливала синеватыми пятнами. Мы какъ будто купались въ ртутной ваннѣ.

Около часа полуночи я почувствовалъ крайнюю усталость. Всѣ члены мои сводило отъ сильныхъ судорогъ. Консель долженъ былъ поддерживать меня и одинъ заботиться о нашемъ общемъ спасеніи. Скоро я услышалъ, что бѣдный малый началъ тяжело дышать: ясно, что онъ не въ силахъ былъ еще долго выдерживать.

— Оставь меня! оставь меня! — сказалъ я.

— Покинуть ихъ милость? Никогда! — отвѣчалъ онъ. — Я надѣюсь утонуть первый.

Въ эту минуту луна выглянула изъ-за темнаго облака, которое вѣтеръ уносилъ къ востоку. Поверхность моря заискрилась подъ ея лучами. Этотъ благодѣтельный свѣтъ оживилъ наши силы. Я поднялъ голову и окинулъ взглядомъ всѣ стороны горизонта. Я увидѣлъ фрегатъ. Онъ находился на разстояніи пяти миль отъ насъ и представлялъ собою темную массу, которую съ трудомъ можно было различить. Но ни одной шлюпки!

Я хотѣлъ кричать, но въ виду такого разстоянія это было совершенно безполезно. Притомъ же мои распухшія губы не могли издать ни малѣйшаго звука. Консель еще могъ проговорить кое-какія слова, и я слышалъ, какъ онъ нѣсколько разъ повторялъ:

— Къ намъ, къ намъ!

Мы остановились на одну секунду и стали прислушиваться. И что же? Шумѣло ли у меня въ ушахъ отъ сильнаго напряженія, но только мнѣ показалось, что на крикъ Конселя отвѣчалъ другой крикъ.

— Ты слышалъ? — проговорилъ я.

— Да, да.

И Консель испустилъ новый отчаянный крикъ.

На этотъ разъ не оставалось ни малѣйшаго сомнѣнія: намъ отвѣчалъ человѣческій голосъ. Былъ ли это голосъ другого несчастливца, покинутаго среди океана, другой жертвы удара, постигшаго корабль? А можетъ-быть, среди общаго мрака насъ окликала шлюпка, посланная фрегатомъ?

Собравъ послѣднія силы и опершись на мое плечо, между тѣмъ какъ я съ крайнимъ напряженіемъ старался удержаться, Консель до половины выставился изъ воды и тотчасъ же упалъ обезсиленный.

— Что ты видѣлъ?

— Я видѣлъ... — прошепталъ онъ, — я видѣлъ... но не будемте говорить... побережемъ наши силы...

Что увидѣлъ онъ? Въ эту минуту, самъ не знаю почему, я въ первый разъ вспомнилъ про чудовище! Но этотъ голосъ!.. Давно миновало то время, когда Іона находилъ убѣжище во чревѣ кита.

Консель однако продолжалъ подвигать меня впередъ. По временамъ онъ поднималъ голову, смотрѣлъ впередъ и вскрикивалъ. Ему отвѣчалъ другой голосъ, все болѣе къ намъ приближавшійся. Я съ трудомъ могъ различать его. Силы мои истощились; пальцы расходились; рука отказывалась служить опорой; ротъ, судорожно открытый, захлебывался соленой водой; мнѣ становилось холодно. Я поднялъ голову въ послѣдній разъ и затѣмъ сталъ погружаться...

Въ эту минуту меня толкнуло что-то твердое; я уцѣпился за него. Потомъ почувствовалъ, что меня вытаскиваютъ на поверхность воды, что грудь моя облегчается, и я потерялъ сознаніе...

Меня стали усердно растирать, и я скоро опомнился и открылъ глаза.

— Консель! — прошепталъ я.

— Ихъ милость изволили звать?—отвѣчалъ Консель.

Тутъ, при послѣднихъ лучахъ заходившей луны, я увидалъ фигуру, которая не походила на Конселя, и которую я тотчасъ узналъ.

— Недъ! — вскрикнулъ я.

— Онъ самый, господинъ профессоръ, и преслѣдуетъ свою добычу, — отвѣчалъ канадецъ.

— Вы упали въ море при потрясеніи фрегата?

— Да, господинъ профессоръ, но я былъ счастливѣе васъ и могъ тотчасъ же пристать къ плавающему острову.

— Острову?

— Да, говоря точнѣе, къ нашему огромному нарвалу.

— Объяснитесь, Недъ.

— И я тотчасъ понялъ, почему моя острога не проколола его, а притупилась, ударившись о его кожу.

— Почему, Недъ, почему?

— Потому, что это животное, господинъ профессоръ, покрыто листовымъ желѣзомъ.

Послѣднія слова канадца произвели внезапный переворотъ въ моихъ мысляхъ. Я поспѣшно выпрямился и сталъ на этомъ существѣ или предметѣ, полупогруженномъ въ воду и служившемъ намъ убѣжищемъ. Я попробовалъ ногой. Это было, очевидно, что-то твердое, жесткое, а не мягкая, рыхлая масса, образующая тѣло большихъ морскихъ млекопитающихъ.

Но это могъ быть твердый костяной черепъ, въ родѣ тѣхъ, что были у допотопныхъ животныхъ, и въ такомъ случаѣ мнѣ пришлось бы только отнести чудовище къ разряду земноводныхъ пресмыкающихся, каковы черепахи и крокодилы.

И этого нѣтъ! Черноватая поверхность, на которой я стоялъ, была гладка, выполирована, но не черепицеобразна. При ударѣ она издавала металлическій звукъ, и какъ это ни было невѣроятно, но она, казалось—да что я говорю? — она дѣйствительно была сдѣлана изъ листового желѣза.

Сомнѣнія не было. Животное, чудовище, естественное явленіе, поставившее втупикъ весь ученый міръ, взволновавшее и напугавшее воображеніе моряковъ обоихъ полушарій, оказывалось такимъ образомъ явленіемъ еще болѣе удивительнымъ — произведеніемъ рукъ человѣческихъ. Открытіе самаго баснословнаго, самаго загадочнаго существа не удивило бы меня въ такой степени. Естественно, что чудесное исходитъ отъ Создателя. Но увидать вдругъ собственными глазами невозможное, таинственно осуществленное человѣческими силами,— это хоть кого собьетъ съ толку.

Однако долго раздумывать было нечего. Мы лежали на поверхности огромнаго подводнаго судна, имѣвшаго, сколько я могъ судить, форму огромной стальной рыбы. Мнѣніе Недъ Ленда на этотъ счетъ уже установилось. Намъ съ Конселемъ оставалось только принять его.

— Но въ такомъ случаѣ, — сказалъ я, — это судно заключаетъ въ себѣ машину, приводящую его въ движеніе, и экипажъ, который имъ управляетъ.

— Безъ сомнѣнія, — отвѣчалъ китоловъ. — Но вотъ уже три часа какъ я обитаю на этомъ пловучемъ островѣ и не замѣчаю никакого признака жизни.

— Какъ! судно это не двигалось?

— Нѣтъ, господинъ Аронаксъ, оно качается на волнахъ, но стоитъ все на томъ же мѣстѣ.

— Но вѣдь мы знаемъ какъ нельзя лучше, что оно движется съ необычайною быстротой. И такъ какъ для того, чтобы двигать его, необходима машина, а машиной долженъ управлять механикъ, то я отсюда заключаю... что мы спасены.

— Гмъ!..—сказалъ Недъ нерѣшительно.

Въ эту минуту, какъ будто въ подтвержденіе справедливости моей аргументаціи, послышалось шипѣніе на заднемъ концѣ этого удивительнаго судна и оно пришло въ движеніе, очевидно направляемое винтомъ. Мы едва успѣли уцѣпиться за верхнюю часть, выдававшуюся изъ воды приблизительно на восемьдесятъ сантиметровъ. Къ счастью, судно двигалось не очень быстро.

— Пока оно идетъ горизонтально—еще ничего,—проговорилъ Недъ Лендъ. — Но если ему вздумается нырнуть, то я не дамъ двухъ долларовъ за свою кожу.

Канадецъ могъ бы назначить еще менѣе. Становилось необходимымъ вступить въ сношеніе съ тѣми существами, которыя обитали во внутренности этой машины. Я искалъ на ея поверхности какого-либо отверстія, какой-либо подъемной доски, какого-нибудь входа и выхода для людей; но ряды болтовъ скрѣпляли плотно листы желѣза между собой и были расположены правильно и однообразно. Къ тому же луна скоро исчезла, и мы остались въ глубокой темнотѣ. Надо было дождаться дня, чтобы пріискать средства проникнуть въ подводное судно. Итакъ наше спасеніе вполнѣ зависѣло отъ прихоти таинственныхъ мореплавателей, управлявшихъ судномъ, и если бъ имъ пришла охота нырнуть, мы бы пропали. Но помимо этого, я не сомнѣвался въ возможности вступить съ ними въ сношеніе. И въ самомъ дѣлѣ, если они не сами приготовляли себѣ воздухъ, то имъ необходимо было возвращаться отъ времени до времени на поверхность океана, чтобы возобновить свой запасъ потребнаго для дыханія вещества. Отсюда — необходимость отверстія, посредствомъ котораго внутренность судна могла бы сообщаться съ атмосферой.

Что же касается до надежды на помощь со стороны капитана Фаррагута, то на это пришлось окончательно махнуть рукой. Насъ увлекало къ западу, и мы подвигались съ быстротой, полагаю, двѣнадцати миль въ часъ. Винтъ разбивалъ волны съ математической вѣрностью, по временамъ высоко взбрасывая воду, сіявшую фосфорическимъ блескомъ.

Около четырехъ часовъ утра судно пошло скорѣе. Мы съ трудомъ могли удерживаться, и волны хлестали насъ со всѣхъ сторонъ. Къ счастью, Недъ ощупалъ рукой широкое якорное кольцо, вдѣланное на поверхности листового желѣза, и мы постарались крѣпко за него уцѣпиться.

Миновала, наконецъ, эта долгая ночь. Не могу съ точностью припомнить всѣ мои тогдашнія впечатлѣнія. Только одно обстоятельство приходитъ мнѣ теперь на память. Въ тѣ минуты, когда на морѣ водворялось непродолжительное спокойствіе и вѣтеръ стихалъ, мнѣ казалось, что до меня доносились какіе-то неопредѣленные звуки, что-то въ родѣ мимолетной гармоніи, производимой отдаленными аккордами. Какую тайну заключало въ себѣ это подводное судно, разгадки которой всѣ доискивались безуспѣшно? Какія странныя существа населяли его?

Окружавшій насъ утренній туманъ не замедлилъ разсѣяться. Я готовился уже приступить къ тщательному изслѣдованію корпуса, на верхней части котораго виднѣлось нѣчто въ родѣ горизонтальной платформы, какъ вдругъ почувствовалъ, что мы постепенно погружаемся.

— А, тысячу чертей! — закричалъ Недъ Лендъ, топая ногой по звонкому желѣзу: — отворите же, наконецъ, негостепріимные мореплаватели!

Но было трудно что-нибудь разслышать при оглушительномъ шумѣ, который производилъ винтъ. Къ счастью, судно перестало погружаться.

Вдругъ изнутри раздался шумъ засововъ, поспѣшно отодвигаемыхъ. Одна плита поднялась, показался человѣкъ, издалъ какое-то странное восклицаніе и тотчасъ исчезъ.

Нѣсколько минутъ спустя появились восемь здоровыхъ молодцовъ, съ закрытыми лицами, и молча увлекли насъ во внутренность страшнаго судна.

ГЛАВА VIII.

Mobilis in mobile.

Это насиліе сдѣлалось такъ быстро, что мы не успѣли даже опомниться. Не знаю, что чувствовали мои товарищи, когда ихъ тащили въ эту плавающую тюрьму; но что касается до меня, то холодная дрожь пробѣжала по всему моему тѣлу. Съ кѣмъ имѣли мы дѣло? Безъ сомнѣнія, съ какими-нибудь пиратами новаго рода, которые по-своему эксплуатировали море.

Едва узкая дверь опустилась за мной, какъ меня окружила совершенная темнота. Глаза, привыкшіе къ дневному свѣту, не могли ничего различать. Я чувствовалъ желѣзныя ступени подъ своими голыми ногами. Недъ Лендъ и Консель, которыхъ тоже крѣпко держали, слѣдовали за мной. Вотъ у лѣстницы отворилась дверь и тотчасъ же захлопнулась за нами съ металлическимъ стукомъ.

Мы остались одни. Гдѣ? Я не могъ понять, даже представить себѣ этого не могъ. Кругомъ все было такъ темно, что глаза мои не могли поймать ни одного изъ тѣхъ неопредѣленныхъ лучей, которые мерцаютъ въ самыя темныя ночи.

Между тѣмъ Недъ Лендъ, взбѣшенный подобнымъ обхожденіемъ, давалъ волю своему негодованію.

— Тысячу чертей! — кричалъ онъ: — вотъ народъ, который въ дѣлѣ гостепріимства могъ бы поучить жителей Каледоніи! Имъ недостаетъ

только одного: быть людоѣдами. Это не удивитъ меня, но я объявляю, что не отдамся на съѣденіе безъ протеста!

— Успокойтесь, другъ Недъ, успокойтесь, — говорилъ тихо Консель.—Не раздражайтесь прежде времени: насъ еще не жарятъ!

— Не жарятъ, это правда, — возразилъ канадецъ, — но не подлежитъ сомнѣнію, что мы въ тюрьмѣ. Здѣсь темно какъ въ печи. Къ счастью, мой ножъ со мной, а я достаточно вижу для того, чтобъ имъ пользоваться! Первый изъ этихъ бандитовъ, которому вздумается поднять на меня руку...

— Не горячитесь, Недъ, — сказалъ я китолову, — и не усложняйте нашего положенія безполезнымъ насиліемъ. Какъ знать, можетъ-быть насъ подслушиваютъ. Постараемся лучше разузнать, гдѣ мы.

Я пошелъ ощупью и, сдѣлавъ пять шаговъ, встрѣтилъ стѣну, обитую листовымъ желѣзомъ. Обернувшись я наткнулся на деревянный столъ, возлѣ котораго стояло нѣсколько скамеекъ. Полъ этой тюрьмы былъ покрытъ толстою цыновкой, заглушавшею шумъ шаговъ. Голыя стѣны не представляли ни малѣйшаго признака дверей и оконъ. Консель, обходившій стѣны съ противоположной стороны, встрѣтился со мной, и мы возвратились на середину каюты, имѣвшей, по всей вѣроятности, двадцать футовъ въ длину и десять въ ширину. Что до высоты, то, несмотря на свой большой ростъ, Недъ Лендъ не могъ ее измѣрить.

Прошло полчаса, а положеніе наше нисколько не измѣнялось. Вдругъ отъ совершенной темноты мы внезапно перешли къ самому яркому свѣту. Тюрьма наша неожиданно освѣтилась такимъ сильнымъ свѣтомъ, что я сначала не могъ выносить его. По его бѣлизнѣ, по яркости я тотчасъ узналъ этотъ электрическій свѣтъ, который производилъ вокругъ подводнаго судна такую великолѣпную фосфоризацію. Я на минуту невольно закрылъ глаза и, открывъ ихъ, увидѣлъ, что свѣтъ лился изъ прозрачнаго полушара, выдававшагося въ верхней части каюты.

— Наконецъ-то! Теперь можно видѣть ясно! — вскричалъ Недъ-Лендъ, стоявшій съ ножомъ въ рукахъ въ оборонительномъ положеніи.

— Да, — отвѣчалъ я, отваживаясь на антитезу, — но положеніе наше тѣмъ не менѣе темно.

— Пусть ихъ милость вооружится терпѣніемъ, — замѣтилъ невозмутимый Консель.

Неожиданный свѣтъ, озарившій каюту, позволилъ мнѣ разглядѣть ее во всѣхъ малѣйшихъ подробностяхъ. Въ ней не было никакой мебели, за исключеніемъ стола и пяти лавокъ. Двери не было видно, и, по всей вѣроятности, она закрывалась герметически. Ни малѣйшаго звука не долетало до насъ. Все точно умерло въ этомъ суднѣ. Шло ли оно, оставалось ли на поверхности моря или погружалось въ глубину? Я не могъ этого постигнуть.

Однако каюту нашу не безъ причины же освѣтили. Я надѣялся, что кто-нибудь изъ экипажа не замедлитъ показаться. Когда хотятъ забыть людей, то не освѣщаютъ ихъ тюрьму.

Я не ошибался. Послышался стукъ запоровъ, дверь отворилась, и на порогѣ ея появились два человѣка. Одинъ былъ небольшого роста, съ сильно развитыми мускулами, широкими плечами, здоровыми членами, большою головой, густыми черными волосами и бородой, съ жи-

вымъ, проницательнымъ взглядомъ. Вся фигура его носила отпечатокъ той подвижности, которою отличается во Франціи народонаселеніе Прованса. Дидро справедливо сказалъ, что характеръ человѣка выражается въ его движеніяхъ. Этотъ маленькій человѣкъ могъ служить тому живымъ доказательствомъ. Видно было, что онъ долженъ пересыпать свою рѣчь прозопопеями и метонимiями. Впрочемъ, я ни разу не имѣлъ случая убѣдиться въ истинѣ своего предположенія: при мнѣ онъ постоянно употреблялъ особенное, совершенно непонятное для меня нарѣчіе.

Второй незнакомецъ заслуживаетъ болѣе подробнаго описанія. Ученикъ Гратіоле или Энгеля могъ бы читать въ его лицѣ какъ въ открытой книгѣ. Я тотчасъ отличилъ преобладающія въ немъ качества: самоувѣренность, ибо голова его красиво и свободно поднималась надъ линіей плечъ, черные глаза смотрѣли съ холодною твердостью; спокойствіе, ибо блѣдноватый цвѣтъ его кожи служилъ доказательствомъ правильнаго обращенія крови; энергію, выражавшуюся въ быстромъ сокращеніи мускуловъ надъ бровями; наконецъ отвагу, ибо его свободное дыханіе обличало большое развитіе жизненной силы.

Прибавлю, что человѣкъ этотъ казался гордымъ, что въ его спокойномъ и твердомъ взглядѣ отражалось, повидимому, благородство мысли, и все это въ совокупности, равно какъ соотвѣтственность движеній съ выраженіемъ лица, обличало, согласно ученію физіономистовъ, несомнѣнную искренность.

Присутствіе его невольно ободряло меня, и я ожидалъ отъ нашего свиданія только хорошаго.

Нельзя было точно опредѣлить, сколько ему лѣтъ, — тридцать-пять или пятьдесятъ. Онъ былъ высокъ, съ широкимъ лбомъ, прямымъ носомъ, правильно очерченнымъ ртомъ, превосходными зубами, тонкими длинными руками. Безъ сомнѣнія, мнѣ никогда не случалось видѣть болѣе замѣчательный типъ. Еще одна особенность: глаза его, довольно далеко отстоявшіе одинъ отъ другого, могли одновременно обнимать цѣлую четверть горизонта. Способность эта, — какъ я впослѣдствіи удостовѣрился, — соединялась съ зоркостью, превосходившею зоркость Недъ Ленда. Когда этотъ незнакомецъ устремлялъ взоръ на какой-нибудь предметъ, брови его сжимались, широкія вѣки сближались, окружая зрачокъ и сокращая такимъ образомъ поле зрѣнія, и онъ смотрѣлъ. Какой взглядъ! какъ онъ увеличиваетъ отдаленные, умаленные разстояніемъ предметы! Какъ онъ читалъ въ вашей душѣ! Какъ онъ проникалъ въ жидкіе слои, столь непрозрачные на нашъ взглядъ, и какъ онъ ясно видѣлъ въ глубинѣ морей!

Оба незнакомца были въ шапкахъ изъ мѣха морской выдры и въ сапогахъ изъ кожи тюленя. Одежда ихъ, изъ какой-то особенной ткани, обрисовывала станъ и не стѣсняла движеній.

Высокій — очевидно капитанъ судна — смотрѣлъ на насъ съ величайшимъ вниманіемъ, не произнося ни слова. Потомъ, обращаясь къ своему товарищу, онъ заговорилъ съ нимъ на неизвѣстномъ мнѣ языкѣ. Этотъ діалектъ былъ звученъ, пѣвучъ, гибокъ, и гласныя его, повидимому, имѣли разнообразныя ударенія.

Другой отвѣчалъ ему наклоненіемъ головы и прибавилъ два-три слова, совершенно для меня непонятныя. Потомъ онъ обратилъ прямо ко мнѣ вопросительный взглядъ.

Я отвѣчалъ на чистомъ французскомъ языкѣ, что не понимаю его нарѣчія; но онъ въ свою очередь не понялъ меня, и положеніе становилось довольно затруднительно.

— Пусть ихъ милость все-таки попробуетъ разсказать нашу исторію, — замѣтилъ Консель. — Быть-можетъ, этимъ господамъ и удастся понять изъ нея хоть что-нибудь!

Я принялся разсказывать наши приключенія, стараясь выговаривать какъ можно яснѣе каждое слово и не пропуская ни малѣйшей подробности. Я просклонялъ наши имена и званія и торжественно представилъ нашимъ хозяевамъ профессора Аронакса, его слугу Конселя и Недъ Ленда, китолова.

Человѣкъ съ прекрасными, спокойными глазами слушалъ меня спокойно, даже вѣжливо и необыкновенно внимательно. Но ничто въ лицѣ его не показывало, чтобъ онъ понялъ мою исторію. Когда я кончилъ, онъ не отвѣтилъ ни слова.

Оставалось еще послѣднее средство—заговорить по-англійски. Быть-можетъ, они понимаютъ этотъ языкъ, который сдѣлался почти всемірнымъ. Я зналъ его такъ же, какъ и нѣмецкій языкъ, настолько, чтобы бѣгло читать, но правильно объясняться не могъ. А здѣсь необходимо было говорить какъ можно понятнѣе.

— Теперь, другъ Лендъ, ваша очередь, — сказалъ я китолову. — Раскошельтесь-ка и давайте намъ самый лучшій англійскій языкъ, какимъ когда-либо говорилъ англо-саксонецъ, да постарайтесь быть счастливѣе меня.

Недъ не заставилъ себя просить и принялся пересказывать мой разсказъ. Сущность была та же, только форма другая. Пылкій канадецъ говорилъ съ увлеченіемъ. Онъ въ сильныхъ выраженіяхъ жаловался на то, что его заключили, вопреки международному праву; спрашивалъ, на основаніи какого закона его здѣсь держатъ; призывалъ *habeas corpus*; грозилъ преслѣдовать тѣхъ, кто самовольно арестовалъ его; суетился; махалъ руками; кричалъ и, наконецъ, сдѣлалъ выразительный жестъ, показавшій, что мы умираемъ съ голоду.

Это было совершенно справедливо, но мы почти забыли объ этомъ.

Къ своему величайшему изумленію, китоловъ имѣлъ, повидимому, такъ же мало успѣха, какъ и я. Наши посѣтители не моргнули ни однимъ глазомъ. Было ясно, что они не понимали ни языка Араго ни языка Фарадея.

Мы были въ большомъ затрудненіи. Всѣ наши филологическія познанія оказывались недостаточными, и я не зналъ, какъ намъ быть, когда Консель сказалъ мнѣ:

— Если ихъ милость позволитъ, то я разскажу исторію по-нѣмецки.

— Ты знаешь нѣмецкій языкъ? — вскричалъ я.

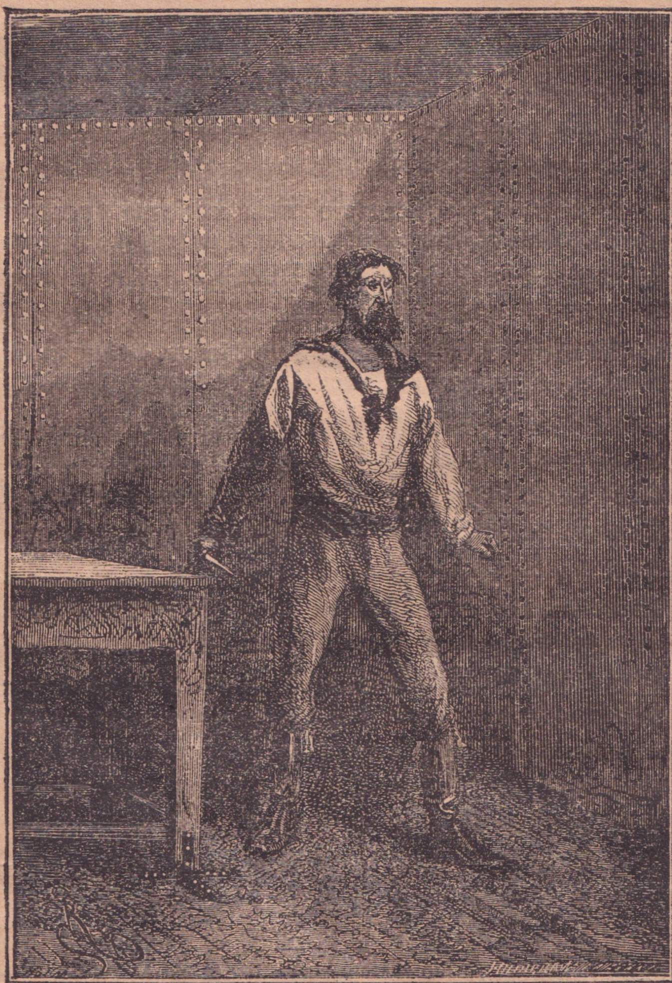
— Какъ настоящій фламандецъ, если угодно ихъ милости.

— Мнѣ какъ нельзя болѣе угодно. Начинай, мой другъ, начинай!

И Консель своимъ ровнымъ голосомъ изложилъ въ третій разъ всѣ наши разнообразныя приключенія. Но, невзирая на изящные обороты и на пріятное произношеніе разсказчика, нѣмецкій языкъ не имѣлъ никакого успѣха.

Наконецъ, въ крайности, я попытался освѣжить въ памяти свои юношескія познанія и разсказать нашу исторію по-латыни. Цицеронъ

зажалъ бы себѣ уши и отослалъ бы меня на кухню. Но я все-таки исполнилъ свое дѣло. Результатъ былъ такой же отрицательный. Послѣ этой послѣдней неудачи незнакомцы обмѣнялись нѣсколькими словами на своемъ непонятномъ языкѣ и удалились, не ободривъ насъ даже

«...тюрьма наша освѣтилась...» (Стр 38).

однимъ изъ тѣхъ успокоительныхъ жестовъ, которые приняты во всѣхъ странахъ свѣта. Дверь снова заперлась.

— Это подло!—опять заволновался Недъ Лендъ.—Каково! съ ними говорятъ по-французски, по-англійски, по-нѣмецки, по-латыни, а эти негодяи не удостоиваютъ отвѣтомъ!

— Успокойтесь, — сказалъ я кипятившемуся китолову: — гнѣвъ ни къ чему не поведетъ.

— Но знаете ли, господинъ профессоръ,—возразилъ нашъ раздражительный товарищъ,—что въ этой желѣзной клѣткѣ можно положительно умереть съ голоду?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Консель,—съ помощью философіи можно еще долго выдержать.

— Друзья мои,—сказалъ я,—не слѣдуетъ отчаиваться. Мы находились и въ худшихъ обстоятельствахъ. Такъ ужъ лучше подождемъ, прежде чѣмъ составимъ себѣ мнѣніе о начальникѣ и экипажѣ этого судна.

— Мое мнѣніе готово,—возразилъ Недъ-Лендъ:—это—негодяи...

— Хорошо. Изъ какой страны?

— Изъ страны негодяевъ.

— Ну, любезный Недъ, сколько мнѣ извѣстно, положеніе этой страны еще не совсѣмъ точно обозначено на картѣ, и я признаюсь, что трудно опредѣлить, къ какой національности принадлежатъ эти незнакомцы. Не англичане, не французы, не нѣмцы—вотъ все, что можно сказать утвердительно. Однако я готовъ допустить, что капитанъ и его помощникъ родились подъ низкими широтами. Въ нихъ есть что-то южное. Но я не могу рѣшить, испанцы ли они, турки, арабы или индійцы. Языкъ же ихъ совершенно непонятенъ.

— Вотъ въ чемъ неудобство не знать всѣхъ языковъ,—отвѣчалъ Консель,—или скорѣе неудобство не имѣть одного общаго языка.

— Все это ни къ чему не повело бы!—отвѣчалъ Недъ Лендъ.— Развѣ вы не видите, что у нихъ есть свой собственный языкъ, нарочно выдуманный для того, чтобы приводить въ отчаяніе честныхъ людей, которые хотятъ ѣсть? Вѣдь во всѣхъ странахъ свѣта открывать ротъ, шевелить челюстями, щелкать зубами и двигать губами—вещь очень понятная. Въ Квебекѣ и въ Помоту, въ Парижѣ и у антиподовъ—вездѣ это означаетъ: я голоденъ, дайте мнѣ ѣсть...

— О,—вставилъ Консель,—встрѣчаются такія невоспріимчивыя натуры...

Въ эту минуту дверь отворилась. Появился слуга. Онъ принесъ намъ платье, куртки и штаны, сдѣланные изъ матеріала, котораго я не могъ разобрать. Я поспѣшилъ одѣться, и товарищи мои послѣдовали моему примѣру.

Между тѣмъ слуга—нѣмой, а можетъ-быть и глухой—накрывалъ на столъ и поставилъ три прибора.

— Вотъ это благоразумно,—сказалъ Консель,—и внушаетъ пріятныя надежды.

— Ба!—отвѣтилъ сердитый китоловъ,—какого чорта вамъ тутъ дадутъ поѣсть? Приготовятъ развѣ печень черепахи, филей и бифстексъ изъ акулы!

— Посмотримъ,—отвѣчалъ Консель.

Блюда, покрытыя серебряными колпаками, стояли въ порядкѣ на скатерти, и мы сѣли за столъ. Право, мы имѣли дѣло съ людьми образованными, и если бы не освѣщавшій насъ электрическій свѣтъ, я подумалъ бы, что нахожусь въ столовой гостиницы Адельфи въ Ливерпулѣ или въ *Grand Hôtel* въ Парижѣ. Должно однако сказать, что на столѣ не было ни хлѣба ни вина. Вода была свѣжа и чиста, но это была все-таки вода, что было очень не по вкусу Недъ-Ленду. Между

поданными намъ кушаньями я узналъ различныхъ рыбъ, искусно приготовленныхъ; но нѣкоторыя блюда,—весьма, впрочемъ, вкусныя,—поставили меня втупикъ. Я даже не могъ сказать, къ какому царству принадлежитъ ихъ содержимое — къ растительному или животному. Столъ былъ сервированъ богато и со вкусомъ. Каждая вещь — ложка, вилка, ножикъ, тарелка — имѣла клеймо: букву, окруженную надписью, которую я воспроизвожу въ точности:

Mobilis
N.
in Mobile.

Подвижный и въ подвижномъ элементѣ! Этотъ девизъ очевидно относился къ подводному судну, слѣдовало только предлогъ *in* перевести словомъ *въ*, а не *на*. Литера *N* была, по всей вѣроятности, заглавная буква имени таинственной личности, начальствовавшей въ глубинѣ моря.

Недъ и Консель не предавались такимъ размышленіямъ; они съ жадностью ѣли, и я скоро послѣдовалъ ихъ примѣру. Къ тому же я успокоился насчетъ нашей участи, и мнѣ казалось яснымъ, что наши хозяева не имѣли намѣренія уморить насъ голодомъ.

Но всему бываетъ конецъ на свѣтѣ, все проходитъ, даже голодъ людей, не ѣвшихъ пятнадцать часовъ. Послѣ закуски мы почувствовали, что насъ страшно клонитъ ко сну. Это было весьма естественно послѣ безконечной ночи, въ продолженіе которой мы боролись со смертью.

— Право, я отлично сосну, — замѣтилъ Консель.

— А я уже сплю, — отвѣчалъ Недъ Лендъ.

Мои товарищи растянулись на цыновкѣ, покрывавшей полъ каюты, и скоро погрузились въ крѣпкій сонъ.

Съ своей стороны, я не такъ легко поддавался этой сильной потребности спать. Множество мыслей толпилось въ моемъ умѣ, множество неразрѣшимыхъ вопросовъ тѣснилось въ немъ, множество образовъ носилось предъ моими глазами, и все это не давало мнѣ покоя. Гдѣ мы? Какая непонятная сила увлекаетъ насъ? Я чувствовалъ, или, скорѣе, мнѣ казалось, что я чувствую, какъ судно постепенно погружается въ самые отдаленные слои моря.

Грозныя видѣнія мучили меня. Мнѣ представлялся въ этихъ таинственныхъ убѣжищахъ цѣлый міръ невѣдомыхъ животныхъ, однородныхъ съ этимъ подводнымъ судномъ, одареннымъ жизнью и движеніемъ и столь же страшнымъ, какъ они! Затѣмъ мало-по-малу мозгъ мой успокоился, воображеніемъ овладѣла неопредѣленная дремота, и я забылся, наконецъ, тяжелымъ сномъ.

ГЛАВА IX.

Недъ Лендъ сердится.

Не сумѣю сказать, долго ли мы спали. Вѣроятно долго, потому что успѣли совершенно отдохнуть. Я проснулся первый. Товарищи мои еще не трогались и лежали въ углу какъ мертвые.

Когда я поднялся со своего довольно жесткаго ложа, я почувствовалъ себя вполнѣ свѣжимъ и бодрымъ и принялся снова внимательно осматривать нашу келью.

Въ ея внутреннемъ убранствѣ не произошло никакой перемѣны. Тюрьма оставалась тюрьмой, и плѣнники — плѣнниками. Только слуга, пользуясь нашимъ сномъ, убралъ со стола остатки обѣда. Ничто такимъ образомъ не предвѣщало скорой перемѣны нашего положенія, и я со страхомъ спрашивалъ себя, ужъ не суждено ли намъ жить въ этой клѣткѣ неопредѣленное время.

Перспектива эта казалась мнѣ тѣмъ болѣе непріятною, что я начиналъ чувствовать сильное стѣсненіе въ груди, хотя умъ мой и освободился отъ всѣхъ тревожныхъ ощущеній вчерашней ночи. Мнѣ было трудно дышать. Сгустившійся воздухъ не освѣжалъ моихъ легкихъ. Хотя каюта была довольно просторна, но мы, очевидно, поглотили большую часть находившагося въ ней кислорода. И въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ въ теченіе одного часа употребляетъ количество кислорода, содержащееся во ста литрахъ воздуха, и этотъ воздухъ, насытившійся почти такимъ же количествомъ углекислоты, становится негоднымъ для дыханія.

Необходимо было возобновить атмосферу въ нашей тюрьмѣ и, безъ сомнѣнія, также на всемъ суднѣ.

Здѣсь мнѣ представлялся трудный вопросъ: какъ поступалъ начальникъ этого пловучаго судна? Быть-можетъ, онъ для полученія воздуха прибѣгалъ къ химическимъ средствамъ, выдѣляя помощью теплоты кислородъ, содержащійся въ хлорнокисломъ кали, и уничтожая угольную кислоту ѣдкимъ кали? Въ такомъ случаѣ онъ долженъ былъ имѣть сношенія съ материкомъ, чтобы добывать необходимыя для этой операціи вещества. Можетъ-быть также, онъ ограничивался тѣмъ, что скоплялъ воздухъ, подверженный сильному давленію, въ особыхъ резервуарахъ, потомъ его выпускалъ, смотря по надобностямъ экипажа? И это возможно. Или,—что еще легче, дешевле и, слѣдовательно, вѣроятнѣе, — онъ, быть-можетъ, отправлялся дышать на поверхность моря, какъ китообразныя млекопитающія, и каждые двадцать-четыре часа возобновлялъ свой запасъ воздуха? Какъ бы то ни было и какого бы способа ни придерживались здѣсь, мнѣ казалось, что слѣдовало прибѣгнуть къ нему немедленно.

Мнѣ пришлось все болѣе и болѣе учащать вдыханія, дабы вытягивать изъ каюты то небольшое количество кислорода, какое въ ней еще находилось. Вдругъ меня освѣжилъ притокъ чистаго воздуха, пропитаннаго солеными испареніями. Въ ту же минуту я почувствовалъ колебаніе, небольшую качку, впрочемъ, довольно чувствительную. Судно, чудовище, крытое листовымъ желѣзомъ, поднялось, очевидно, на поверхность океана, чтобы дышать тамъ, какъ дѣлаютъ киты. Теперь я узналъ, какимъ способомъ возобновлялся воздухъ въ подводномъ суднѣ.

Вдохнувъ полною грудью этотъ чистый воздухъ, я сталъ искать отверстія, вентилятора, если хотите, посредствомъ котораго благотворный токъ доходилъ до насъ, и скоро нашелъ его. Надъ дверью открывалось отверстіе, пропускавшее свѣжую струю воздуха, которою возобновлялась обѣднѣвшая атмосфера каюты.

Едва я успѣлъ сдѣлать это наблюденіе, какъ Недъ и Консель проснулись почти въ одно время, подъ вліяніемъ оживляющаго тока. Они протерли глаза, потянулись и тотчасъ вскочили на ноги.

— Ихъ милость изволили хорошо почивать? — спросилъ Консель со своею обычною вѣжливостью.

— Очень хорошо, мой другъ, — отвѣтилъ я. — А вы, Недъ Лендъ?

— Очень крѣпко, господинъ профессоръ. — Не знаю, быть-можетъ, я и ошибаюсь, но мнѣ кажется, что я чувствую свѣжесть морского вѣтра.

Морякъ не могъ тутъ ошибиться, и я тотчасъ разсказалъ Недъ Ленду, что произошло во время его сна.

— Хорошо, — сказалъ онъ. — Этимъ объясняется, конечно, то рычаніе, которое мы слышали, когда мнимый нарвалъ находился въ виду „Авраама Линкольна“.

— Разумѣется, мистеръ Лендъ, онъ дышалъ.

— Только, господинъ Аронаксъ, я никакъ не могу придумать, который бы теперь могъ быть часъ. Неужели обѣденный!

— Обѣденный? Нѣтъ, мой почтенный китоловъ, скажите лучше часъ завтрака, потому что мы, по всей вѣроятности, легли спать вчера утромъ.

— Изъ чего слѣдуетъ, — отвѣчалъ Консель, — что мы спали двадцать-четыре часа.

— Именно, — сказалъ я.

— Не спорю, — возразилъ Недъ Лендъ, — обѣдъ или завтракъ, но слуга сдѣлаетъ отлично, если принесетъ то или другое.

— И то и другое, — поправилъ Консель.

— Именно, — отвѣчалъ канадецъ. — Мы имѣемъ право на это, и я съ своей стороны сдѣлаю честь всему.

— А теперь, Недъ, подождите, — отвѣчалъ я. — Очевидно, хозяева не имѣютъ намѣренія уморить насъ съ голоду, иначе они не прислали бы намъ вчерашняго обѣда.

— Пожалуй, насъ вздумаютъ откармливать на убой, — возразилъ Недъ.

— Быть не можетъ, — отвѣчалъ я. — Ручаюсь, что мы не въ рукахъ людоѣдовъ.

— Одинъ разъ не въ счетъ, — отвѣчалъ серьезно канадецъ. — Почемъ знать? Можетъ эти люди давно не вкушали свѣжаго мяса, и въ такомъ случаѣ три здоровые и хорошо сложенные экземпляра, какъ господинъ профессоръ, его слуга и я...

— Прогоните такія мысли, Недъ, — сказалъ я китолову, — и особенно постарайтесь не раздражаться противъ нашихъ хозяевъ. Это только ухудшитъ наше положеніе.

— Во всякомъ случаѣ, — сказалъ китоловъ, — я голоденъ какъ тысяча чертей, а ни обѣдъ ни завтракъ не показывается.

— Любезный Недъ, — возразилъ я, — надо сообразоваться съ правилами корабля, а я полагаю, что нашъ желудокъ опередилъ здѣшніе часы.

— Въ такомъ случаѣ его надо пріостановить, — спокойно отвѣчалъ Консель.

— Узнаю васъ, другъ Консель, — возразилъ нетерпѣливый канадецъ. — Вы не тратите даромъ желчи и бережете нервы. Всегда по-

койны. Вы способны прочесть послѣобѣденную молитву, не пообѣдавъ, и скорѣй умрете съ голоду, чѣмъ станете жаловаться.

— Что въ этомъ пользы? — спросилъ Консель.

— А то, что все-таки пожалуешься! Все какъ-то легче! Если эти пираты, — я говорю „пираты" изъ уваженія къ господину профессору, который запрещаетъ называть ихъ людоѣдами, — если эти пираты воображаютъ, что удержатъ меня въ этой клѣткѣ, гдѣ я задыхаюсь, и не узнаютъ, какими проклятіями я приправляю свою досаду,— они ошибаются. Послушайте, господинъ Аронаксъ, скажите откровенно, какъ вы думаете, долго ли они продержатъ насъ въ этомъ желѣзномъ ящикѣ?

— Какъ вамъ сказать, другъ Лендъ? Я въ этомъ дѣлѣ знаю не болѣе вашего.

— Ну, все-таки, какъ вы полагаете?

— Я думаю, что случай открылъ намъ важную тайну. Если экипажъ этого подвижного судна желаетъ сохранить ее, и если эта тайна ему дороже жизни трехъ людей, то я думаю, что намъ не сдобровать. Въ противномъ случаѣ чудовище, поглотившее насъ, при первой же возможности возвратитъ насъ въ общество намъ подобныхъ.

— Только бы насъ не завербовали въ число экипажа, — сказалъ Консель, — и оставили бы такъ...

— До той поры, — перебилъ Недъ Лендъ, — пока какой-нибудь фрегатъ, болѣе искусный или быстрый, чѣмъ „Авраамъ Линкольнъ", овладѣетъ этимъ гнѣздомъ разбойниковъ и отправитъ насъ вмѣстѣ съ его экипажемъ испустить духъ на верхушкѣ своей большой мачты.

— Хорошо сказано, мистеръ Лендъ, — отвѣтилъ я. — Но, сколько мнѣ извѣстно, намъ не дѣлали на этотъ счетъ еще никакихъ предложеній. Нечего, стало-быть, и разсуждать о томъ, что мы въ такомъ случаѣ предпримемъ. Повторяю вамъ: подождемте лучше, будемте сообразоваться съ обстоятельствами и не станемъ дѣлать ничего, ибо вѣдь ничего и не подѣлаешь.

— Напротивъ, господинъ профессоръ, — отвѣчалъ китоловъ, который, никакъ не хотѣлъ сдаться, — нужно что-нибудь дѣлать.

— А что бы такое, Недъ?

— Спастись.

— Бѣжать изъ „земной" тюрьмы довольно трудно, изъ тюрьмы же подводной — мнѣ это кажется совершенно невозможнымъ.

— Ну, другъ Лендъ, — спросилъ Консель, — что-то вы отвѣтите на возраженіе ихъ милости? Я не повѣрю, чтобъ американецъ когда-либо полѣзъ въ карманъ за словомъ!

Китоловъ смѣшался и умолкъ. Побѣгъ при такихъ обстоятельствахъ былъ, очевидно, невозможенъ. Но вѣдь канадецъ наполовину французъ, и Недъ Лендъ доказалъ это своимъ отвѣтомъ.

— Итакъ, господинъ Аронаксъ, — сказалъ онъ послѣ минутнаго размышленія, — вы не догадываетесь, что должны дѣлать люди, которые не могутъ бѣжать изъ своей тюрьмы?

— Нѣтъ, мой другъ.

— Это очень просто: они должны въ ней устроиться получше.

— Вѣрно, — замѣтилъ Консель.

— Да, но только напередъ надо вышвырнуть вонъ привратниковъ, тюремщиковъ и сторожей, — прибавилъ Недъ.

— Какъ, Недъ, вы серьезно думаете овладѣть этимъ судномъ?

— Очень серьезно, — отвѣчалъ канадецъ.

— Это невозможно!

— Почему же нѣтъ? Можетъ представиться удобный случай, и я, право, не вижу, отчего бы намъ имъ не воспользоваться. Если ихъ не болѣе какихъ-нибудь двадцати человѣкъ на этой машинѣ, то они не заставятъ же отступить двухъ французовъ и одного канадца.

Было благоразумнѣе пропустить такъ это предложеніе китолова, нежели опровергать его, и я ограничился отвѣтомъ:

— Когда случай представится, Недъ, мы посмотримъ, но до тѣхъ поръ, прошу васъ, будьте терпѣливы: мы должны дѣйствовать осторожно, и своею вспыльчивостью вы никакъ не поправите дѣла. Обѣщайте мнѣ поменьше сердиться.

— Обѣщаю, господинъ профессоръ, — отвѣчалъ Недъ Лендъ далеко не успокоивающимъ тономъ. — Ни одно грубое слово, ни одно неосторожное движеніе не вырвутся у меня, хотя бы кушанье и не подавалось съ желаемою точностью.

— Вы дали слово, Недъ, — сказалъ я канадцу.

Разговоръ на этомъ прекратился, и каждый изъ насъ предался своимъ размышленіямъ. Несмотря на увѣренность китолова, я съ своей стороны, признаюсь, не питалъ никакихъ иллюзій. Я не допускалъ возможности тѣхъ благопріятныхъ обстоятельствъ, о коихъ говорилъ Недъ Лендъ. Для того, чтобы такъ ловко управлять подводнымъ судномъ, требовался многочисленный экипажъ, и, въ случаѣ схватки, намъ пришлось бы, слѣдовательно, имѣть дѣло съ противникомъ слишкомъ для насъ сильнымъ. Притомъ же мы прежде всего должны были быть свободны, а между тѣмъ сидѣли въ тюрьмѣ. Уйти же изъ этой желѣзной клѣтки, герметически закупоренной, я не видѣлъ ни малѣйшей возможности. И если только странный начальникъ этого судна имѣетъ какую-либо тайну, которую онъ желаетъ сохранить, — что казалось довольно вѣроятнымъ, — то онъ, конечно, не позволитъ намъ хозяйничать здѣсь на свободѣ. Затѣмъ невольно возникалъ вопросъ о томъ, какъ онъ избавится отъ насъ? Прибѣгнетъ къ насилію или просто высадитъ на какой-нибудь клочокъ земли? Всѣ эти предположенія имѣли большую долю вѣроятности, и надо быть китоловомъ, чтобы надѣяться снова добыть себѣ свободу.

Между тѣмъ мысли Недъ Ленда, какъ я замѣчалъ, болѣе и болѣе ожесточались. Я видѣлъ, какъ онъ насилу сдерживалъ себя, и какъ движенія его становились все грознѣе. Онъ вставалъ, обходилъ каюту, какъ дикій звѣрь свою клѣтку, и колотилъ въ стѣну то ногой, то кулакомъ. Между тѣмъ время проходило, голодъ мучилъ насъ, а слуга на этотъ разъ не показывался. Если хозяева наши дѣйствительно имѣли хорошія относительно насъ намѣренія, то имъ не слѣдовало, казалось, такъ долго забывать наше положеніе.

Недъ Лендъ, терзаемый судорогами своего здороваго желудка, все болѣе и болѣе выходилъ изъ себя, и, несмотря на данное имъ слово, я въ самомъ дѣлѣ опасался какого-либо взрыва съ его стороны при встрѣчѣ съ кѣмъ-нибудь изъ экипажа.

Прошло еще часа два. Гнѣвъ Неда все усиливался. Онъ звалъ и кричалъ. Отвѣта не было. Желѣзныя стѣны были глухи. Я даже не

слыхалъ ни малѣйшаго шума внутри судна, точно все тамъ умерло. Оно стояло на мѣстѣ, ибо иначе чувствовалось бы сотрясеніе корпуса подъ ударами винта. Спустившись, безъ сомнѣнія, въ глубину водъ, судно не принадлежало болѣе землѣ. Эта мрачная тишина наводила страхъ. Я боялся и думать о томъ, какъ долго можетъ продолжаться наше заключеніе въ этой одинокой каютѣ. Надежды, зародившіяся во мнѣ при свиданіи съ капитаномъ, мало-по-малу изглаживались. Мягкость его взгляда, выраженіе великодушія на его лицѣ, благородство осанки, — все исчезало изъ моей памяти. Этотъ загадочный человѣкъ представлялся мнѣ теперь неумолимымъ, жестокимъ. Я вообразилъ себѣ его удалившимся отъ людей, недоступнымъ никакому чувству состраданія, безжалостнымъ врагомъ себѣ подобныхъ, къ которымъ поклялся непримиримою ненавистью.

Неужели же онъ рѣшится уморить насъ, заточенныхъ въ этой тѣсной тюрьмѣ, предоставленныхъ всѣмъ страшнымъ искушеніямъ, до которыхъ только можетъ доводить мучительный голодъ? Эта ужасная мысль овладѣвала мною все сильнѣе; меня все болѣе и болѣе охватывалъ безумный, непреодолимый страхъ. Консель оставался спокоенъ, Недъ Лендъ рычалъ.

Въ эту минуту снаружи раздался шумъ. Раздались шаги по желѣзнымъ плитамъ. Запоры отодвинулись, дверь отворилась, и слуга явился на порогѣ.

Не успѣлъ я шевельнуться, какъ канадецъ уже кинулся на несчастнаго, повалилъ его и держалъ за горло. Слуга задыхался подъ его сильною рукой.

Консель старался освободить изъ рукъ Неда его жертву, и я готовился присоединить къ его усиліямъ и свои, какъ вдругъ я былъ пригвожденъ къ своему мѣсту слѣдующими словами, сказанными по-французски:

— Успокойтесь, мистеръ Лендъ, а вы, господинъ профессоръ, потрудитесь меня выслушать.

ГЛАВА X.

Обитатель морей.

Это былъ таинственный начальникъ судна.

Недъ-Лендъ мгновенно выпрямился. Слуга, едва не задохнувшійся, вышелъ по знаку своего господина. Консель былъ также изумленъ невольно, и мы молча ожидали развязки этой сцены.

Капитанъ стоялъ, опираясь на уголъ стола, скрестивъ руки, и смотрѣлъ на насъ съ глубокимъ вниманіемъ. Можетъ-быть, онъ не рѣшался говорить или жалѣлъ о томъ, что произнесъ нѣсколько французскихъ словъ. Это было очень возможно.

Прошло нѣсколько минутъ, но никто изъ насъ не думалъ прерывать молчанія.

— Господа, — началъ онъ спокойнымъ и звучнымъ голосомъ, — я говорю по-французски, по-англійски, по-нѣмецки и по-латыни. Я могъ бы, слѣдовательно, отвѣчать вамъ при нашемъ первомъ свиданіи, но я

хотѣлъ сперва узнать васъ и потомъ обдумать наши отношенія. Вашъ четверной разсказъ, въ сущности совершенно сходный, убѣдилъ меня. Я знаю теперь, что случай свелъ меня съ господиномъ Аронаксомъ, профессоромъ естественной исторіи въ Парижскомъ музеѣ, отправленнымъ за границу съ научною цѣлью, съ Конселемъ, его слугой, и Недъ

«...капитанъ стоялъ, опираясь на уголъ стола...» (Стр. 48).

Лендомъ, уроженцемъ Канады, китоловомъ на бортѣ фрегата „Авраама Линкольна", изъ флота Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ.

Я поклонился въ знакъ согласія. Но такъ какъ капитанъ не предлагалъ мнѣ вопроса, то и отвѣта не требовалось. Онъ говорилъ по-французски совершенно свободно, безъ всякаго акцента. Фраза его

была отчетлива, слова точны, легкость рѣчи замѣчательна. И однако я соотечественника въ немъ не чувствовалъ.

Онъ продолжалъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

— Вы, вѣроятно, нашли, что я слишкомъ долго медлилъ своимъ вторымъ посѣщеніемъ къ вамъ. Это потому, что долженъ былъ внимательно обдумать, какъ мнѣ быть съ вами. Я долго колебался. Самыя странныя обстоятельства свели васъ съ человѣкомъ, который порвалъ всѣ связи съ остальными людьми. Вы нарушили мое спокойствіе...

— Невольно, — отвѣтилъ я.

— Невольно! — повторилъ незнакомецъ, нѣсколько повысивъ свой голосъ. — Развѣ „Авраамъ Линкольнъ“ невольно рыскаетъ за мною во всѣхъ моряхъ? Развѣ вы невольно отправились путешествовать на этомъ фрегатѣ? Развѣ невольно стрѣляли ядрами въ мой корабль? Развѣ невольно мистеръ Недъ Лендъ ударилъ его своей острогой?

Въ этихъ словахъ мнѣ слышалась сдержанная досада. Но у меня на это былъ готовый отвѣтъ, который я поспѣшилъ сдѣлать.

— Милостивый государь, — началъ я, — вы, безъ сомнѣнія, не знаете, какіе толки носились на вашъ счетъ въ Америкѣ и въ Европѣ. Вы не знаете, что нѣсколько несчастныхъ случаевъ, происшедшихъ вслѣдствіе столкновенія съ вашимъ подводнымъ судномъ, взволновали общественное мнѣніе обоихъ материковъ. Не стану утомлять васъ разсказомъ о безчисленномъ множествѣ гипотезъ, которыми пытались объяснить необъяснимое явленіе, понятное мнѣ только теперь. Но знайте, что, преслѣдуя васъ до отдаленныхъ морей Тихаго океана, „Авраамъ Линкольнъ“ думалъ, что онъ гонится за нѣкіимъ могучимъ морскимъ чудовищемъ, отъ котораго слѣдовало освободить моря во что бы то ни стало.

Легкая улыбка скользнула по губамъ капитана, и онъ сказалъ болѣе спокойнымъ голосомъ:

— Господинъ Аронаксъ, рѣшитесь ли вы утверждать, что вашъ фрегатъ не сталъ бы преслѣдовать подводное судно и стрѣлять въ него какъ въ чудовище?

Вопросъ этотъ смутилъ меня, ибо капитанъ Фаррагутъ, вѣроятно, не задумался бы ни на минуту. Онъ счелъ бы своею обязанностью уничтожить подводное судно точно такъ же, какъ исполинскаго нарвала.

— Итакъ вы должны согласиться, господинъ профессоръ, что я вполнѣ въ правѣ считать васъ врагами.

Я не отвѣчалъ и имѣлъ на то основаніе. Что толку возражать на подобное предложеніе, когда сила можетъ опрокинуть самые лучшіе доводы?

— Я долго колебался, — продолжалъ капитанъ. — Меня ничто не обязывало оказывать вамъ гостепріимство. Если бъ я долженъ былъ разстаться съ вами, то мнѣ не было никакой надобности видѣть васъ еще разъ. Я велѣлъ бы васъ высадить на платформу корабля, послужившаго вамъ убѣжищемъ, спустился бы на дно моря и забылъ бы о вашемъ существованіи. Не имѣлъ ли я на то права?

— Это было бы, можетъ-быть, правомъ дикаря, — отвѣчалъ я, — но никакъ не человѣка образованнаго.

— Господинъ профессоръ, — быстро перебилъ капитанъ, — я не принадлежу къ тѣмъ, кого вы называете образованными людьми! Я порвалъ

всѣ связи съ обществомъ, по причинамъ, одному мнѣ извѣстнымъ. Я поэтому не повинуюсь его законамъ и прошу васъ, въ своихъ сношеніяхъ со мною, никогда на нихъ не ссылаться.

Это было сказано ясно. Глаза незнакомца блеснули гнѣвомъ и презрѣніемъ, и мнѣ показалось, что прошедшее его скрываетъ нѣчто ужасное. Онъ не только сталъ внѣ всякихъ человѣческихъ законовъ, но еще оградилъ себя независимостью и свободой въ самомъ широкомъ значеніи этого слова, сдѣлавшись недосягаемымъ! Кто, въ самомъ дѣлѣ, осмѣлится преслѣдовать его въ глубинѣ морей, если онъ на поверхности ихъ могъ разстроить всѣ направленныя противъ него усилія? Какой корабль устоитъ противъ натиска его подводнаго монитора? Какой панцырь, какъ бы ни былъ онъ плотенъ, выдержитъ ударъ его носа? Никто изъ людей не могъ у него потребовать отчета въ его дѣйствіяхъ. Богъ, если онъ вѣрилъ въ Него, да совѣсть, если онъ не совершенно заглушилъ ее, были его единственными судьями.

Мысли эти быстро промелькнули въ моемъ умѣ, между тѣмъ какъ загадочный незнакомецъ стоялъ молча, погруженный въ свои думы. Я смотрѣлъ на него съ ужасомъ, смѣшаннымъ съ участіемъ, и, безъ сомнѣнія, такъ, какъ Эдипъ смотрѣлъ на сфинкса.

Послѣ довольно долгаго молчанія, капитанъ заговорилъ снова.

— Итакъ я колебался, — началъ онъ, — но наконецъ нашелъ средство согласить свою выгоду съ чувствомъ состраданія, на которое въ правѣ разсчитывать всякое человѣческое существо. Судьба бросила васъ на мое судно, и вы останетесь тутъ. Вы будете здѣсь свободны, и взамѣнъ этой свободы, совершенно впрочемъ относительной, я предложу вамъ только одно условіе. Вашего обѣщанія подчиниться ему мнѣ будетъ совершенно достаточно.

— Говорите, — сказалъ я, — я увѣренъ, что условіе это такое, что оно можетъ быть принято честными людьми.

— Да, и вотъ въ чемъ дѣло. Легко можетъ случиться, что нѣкоторыя непредвидѣнныя обстоятельства заставятъ меня удалить васъ на нѣсколько дней или часовъ въ ваши каюты. Не желая прибѣгать къ насилію, я надѣюсь, что въ подобномъ случаѣ вы окажете мнѣ безусловное повиновеніе. Принимаете ли вы это условіе?

На бортѣ происходили, слѣдовательно, вещи необыкновенныя, которыхъ не должны были видѣть люди, не поставившіе себя внѣ общественныхъ законовъ. Изъ всѣхъ нечаянностей, которыя судьба приберегала для меня на будущее время, это была одна изъ наиболѣе поразительныхъ.

— Мы согласны, — отвѣчалъ я. — Только я просилъ бы позволенія сдѣлать вамъ одинъ вопросъ.

— Извольте.

— Вы сказали, что мы будемъ свободны на вашемъ суднѣ?

— Совершенно свободны.

— Я желалъ бы знать, что вы подразумѣваете подъ этою свободой?

— Что? Да свободу приходить, уходить, смотрѣть, даже наблюдать все, что здѣсь дѣлается, — за исключеніемъ лишь нѣкоторыхъ рѣдкихъ случаевъ. Однимъ словомъ, ту свободу, которою мы пользуемся сами: я и мои товарищи.

Было ясно, что мы другъ друга не поняли.

— Извините, — возразилъ я, — но вѣдь это такая же свобода, какою пользуется узникъ, расхаживая по своей тюрьмѣ. Мы этимъ довольствоваться не можемъ.

— Надо, однако, чтобы вы удовольствовались.

— Какъ, мы должны отказаться отъ надежды видѣть нашу родину, нашихъ друзей и родныхъ?

— Да, но вмѣстѣ съ тѣмъ отказаться возложить на себя снова тотъ невыносимый гнетъ земной, который люди считаютъ свободой: это, кажется, не такъ тяжело, какъ вы думаете.

— Вотъ еще! — закричалъ Недъ Лендъ: — я никогда не дамъ слова, что не буду стараться бѣжать отсюда.

— Я и не требую вашего слова, мистеръ Лендъ, — холодно отвѣчалъ капитанъ.

— Милостивый государь, — отвѣчалъ я, не владѣя собой, — вы злоупотребляете своею властью въ отношеніи къ намъ. Это жестоко.

— Нѣтъ, это великодушіе! — Вы — мои плѣнники послѣ боя. Одного моего слова было бы достаточно, чтобы васъ снова бросили въ бездну, а я оставляю васъ здѣсь. Вы нападали на меня. Вы хотѣли открыть тайну, въ которую не долженъ проникнуть никто въ мірѣ, — тайну всей моей жизни! И вы полагаете, что я дамъ вамъ средства вернуться на землю, которая не должна болѣе ничего знать обо мнѣ! Никогда! Удерживая васъ, я забочусь главнымъ образомъ о себѣ.

Эти слова изобличали твердо принятое капитаномъ рѣшеніе, противъ котораго не помогли бы никакіе аргументы.

— Итакъ, — сказалъ я, — вы намъ просто предлагаете выборъ между жизнью и смертью?

— Именно.

— Друзья мои, — сказалъ я, — на поставленный въ такомъ видѣ вопросъ отвѣчать нечего. Но никакое обѣщаніе не связываетъ насъ съ капитаномъ этого судна.

— Никакое, — отвѣчалъ незнакомецъ.

Потомъ, смягчивъ нѣсколько свой голосъ, онъ сказалъ:

— Теперь позвольте мнѣ окончить то, что я долженъ вамъ сказать. Я знаю васъ, господинъ Аронаксъ. Если не товарищи ваши, то по крайней мѣрѣ вы, быть-можетъ, не будете такъ сѣтовать на ту случайность, которая связала вашу судьбу съ моею. Между моими книгами вы найдете напечатанное вами сочиненіе о морскихъ глубинахъ. Я часто читалъ его. Вы дошли въ своихъ воззрѣніяхъ до самыхъ крайнихъ предѣловъ, полагаемыхъ земной наукѣ. Но вы не все знаете, вы не все видѣли. Позвольте васъ увѣрить, господинъ профессоръ, что вы не станете жалѣть о времени, проведенномъ на моемъ суднѣ. Вы будете вращаться въ области чудесъ. Восторженность, изумленіе будутъ, вѣроятно, обычнымъ состояніемъ вашего духа. Вамъ не скоро надоѣстъ то зрѣлище, которое будетъ постоянно представляться вашимъ глазамъ. Я хочу предпринять новое подводное путешествіе кругомъ свѣта, — какъ знать! быть-можетъ послѣднее, — и взглянуть еще разъ на все, что я могу изучить въ глубинѣ этихъ морей, столько разъ посѣщенныхъ мною. Вы раздѣлите мои научныя занятія. Съ этого дня вы вступаете въ совершенно новую стихію, вы увидите то, чего не видалъ еще никто изъ людей, — ибо я и мои спутники не идемъ въ

расчетъ, — и наша планета, благодаря мнѣ, раскроетъ предъ вами свои послѣднія тайны.

Не скрою: слова капитана произвели на меня сильное впечатлѣніе. Онъ попалъ въ мою слабую струну, и я на минуту забылъ, что созерцаніе чудесъ природы не можетъ замѣнить потерянной свободы. Къ тому же я разсчитывалъ, что обстоятельства сами собой разрѣшатъ этотъ важный вопросъ. Я поэтому ограничился слѣдующимъ отвѣтомъ:

— Вы порвали всѣ связи съ человѣчествомъ, но я, однако, надѣюсь, что вы не отказались отъ всякаго человѣческаго чувства. Мы никогда не забудемъ, что потерпѣвъ крушеніе, были великодушно приняты на вашемъ суднѣ. Что же касается до меня, то я долженъ признаться, что если бы любовь къ наукѣ могла заглушить потребность свободы, то все, что обѣщаетъ мнѣ наша встрѣча, могло бы съ избыткомъ вознаградить меня.

Я полагалъ, что капитанъ протянетъ мнѣ при этомъ руку, чтобы скрѣпить нашъ союзъ. Но онъ этого не сдѣлалъ. Я пожалѣлъ о томъ за него.

— Послѣдній вопросъ, — сказалъ я въ ту минуту, какъ этотъ непостижимый человѣкъ готовился удалиться.

— Говорите, господинъ профессоръ.

— Я желалъ бы знать ваше имя.

— Милостивый государь, — сказалъ капитанъ, — для васъ я только капитанъ Немо *), а для меня вы и ваши — только пассажиры судна, которое зовется *Nautilus*.

Капитанъ Немо крикнулъ; явился слуга. Онъ отдалъ ему нѣсколько приказаній на томъ странномъ языкѣ, котораго я не могъ понять. Потомъ, обращаясь къ канадцу и Конселю, онъ сказалъ:

— Завтракъ ждетъ васъ въ вашей каютѣ. Потрудитесь итти за этимъ человѣкомъ.

— Отъ такого предложенія не отказываются, — отвѣчалъ китоловъ.

Они съ Конселемъ вышли, наконецъ, изъ этой кельи, гдѣ были заперты болѣе тридцати часовъ.

— А теперь, господинъ Аронаксъ, нашъ завтракъ тоже готовъ. Позвольте мнѣ указать вамъ дорогу.

— Къ вашимъ услугамъ, капитанъ.

Я послѣдовалъ за капитаномъ Немо и, переступивъ порогъ, очутился въ освѣщенномъ электричествомъ коридорѣ, похожемъ на узкіе проходы корабля. Мы прошли около десяти метровъ, и тутъ предо мной отворилась новая дверь.

Я вошелъ въ столовую, убранную и меблированную съ большимъ вкусомъ. Высокіе дубовые поставцы, выложенные чернымъ деревомъ, возвышались по обоимъ концамъ залы, и на ихъ волнообразно изогнутыхъ полкахъ сіяли драгоцѣнные фаянсы, фарфоры, хрустали. Серебряная посуда отражала лучи, лившіеся съ освѣщеннаго потолка, тонкая живопись коего умѣряла и смягчала яркость свѣта.

Посреди залы стоялъ богато-сервированный столъ. Капитанъ Немо указалъ мнѣ мое мѣсто.

---

*) *Nemo* — никто.

— Садитесь, — сказалъ онъ, — и кушайте какъ человѣкъ, умирающій съ голоду.

Завтракъ состоялъ изъ нѣсколькихъ блюдъ, для которыхъ матеріалъ доставленъ былъ исключительно моремъ, и изъ другихъ, свойства которыхъ я никакъ не могъ угадать. Все это, правда, было хорошо, но имѣло какой-то особенный вкусъ, къ которому я однако скоро привыкъ. Мнѣ казалось, что всѣ эти разнообразныя кушанья богаты фосфоромъ, и я полагалъ, что они должны быть морского происхожденія.

Капитанъ Немо смотрѣлъ на меня. Я не разспрашивалъ его, но онъ угадалъ мои мысли и сталъ самъ отвѣчать на тѣ вопросы, съ которыми я думалъ было обратиться къ нему.

— Бо́льшую часть этихъ кушаній вы видите въ первый разъ, — сказалъ онъ, — но вы можете употреблять ихъ безъ опасеній. Они здоровы и питательны. Давно уже я отказался отъ всѣхъ произведеній земли и, право, чувствую себя отъ этого не хуже. Въ моемъ экипажѣ все народъ здоровый, и однако всѣ они питаются такъ же, какъ и я.

— И всѣ эти предметы доставлены моремъ? — спросилъ я.

— Да, господинъ профессоръ, море удовлетворяетъ всѣмъ моимъ потребностямъ. Я закидываю сѣти и тотчасъ же вытаскиваю ихъ съ обильнѣйшимъ уловомъ; или отправляюсь охотиться въ этой стихіи, которая, повидимому, недоступна человѣку, и преслѣдую дичь, населяющую мои подводные лѣса. Мои стада, какъ стада стараго пастуха, Нептуна, безбоязненно разгуливаютъ по неизмѣримымъ лугамъ океана. У меня огромныя владѣнія, которыми я пользуюсь самъ и которыя постоянно засѣваются рукою Творца всего живого.

Я посмотрѣлъ на капитана Немо съ нѣкоторымъ изумленіемъ и отвѣчалъ ему:

— Понимаю вполнѣ, что ваши сѣти доставляютъ вамъ превосходную рыбу; понимаю менѣе, какимъ образомъ преслѣдуете вы морскую дичь въ подводныхъ лѣсахъ; но уже вовсе не понимаю, какъ можетъ попасть въ вашъ обѣдъ хотя бы самая мельчайшая частичка говядины.

— Но, господинъ профессоръ, я никогда не ѣмъ мяса земныхъ животныхъ.

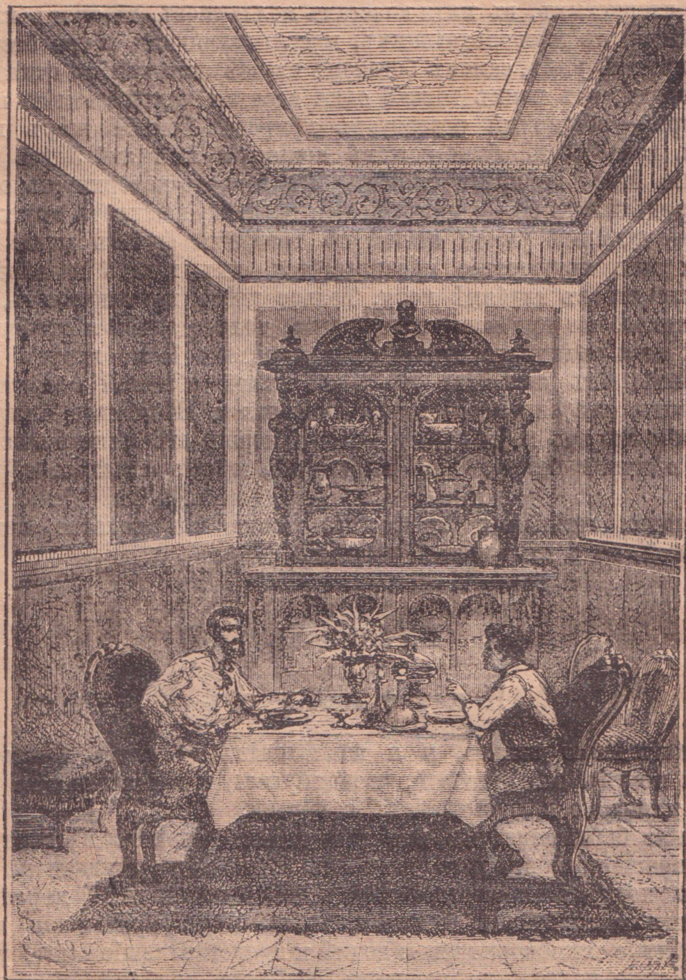
— А это? — спросилъ я, указывая на одно изъ блюдъ съ остатками отъ бывшаго на немъ кушанья.

— Это не говядина, а только филейная часть морской черепахи. Вотъ также печень дельфина, которую вы могли бы принять за свиное рагу. Мой поваръ очень искусенъ и отлично приготовляетъ эти разнообразные продукты океана. Отвѣдайте всѣ эти блюда. Вотъ сухое варенье изъ морскихъ кубышекъ, которое любой малаецъ признаетъ превосходнымъ. Вотъ кремъ, для котораго молоко добыто изъ сосцовъ кита, а сахаръ изъ большихъ водорослей Сѣвернаго моря, и, наконецъ, позвольте мнѣ предложить вамъ варенье изъ анемоновъ, не уступающихъ никакимъ самымъ сочнымъ плодамъ.

И я отвѣдывалъ больше изъ любопытства, чѣмъ изъ желанія лакомиться, между тѣмъ какъ капитанъ Немо продолжалъ восхищать меня своими невѣроятными разсказами.

— Но море, — говорилъ онъ, — не только доставляетъ мнѣ обильную, неизсякаемую пищу, — оно также и одѣваетъ меня. Матерія, изъ которой сдѣлано ваше платье, соткана изъ виссона нѣкоторыхъ раковинъ; она

выкрашена пурпуровою краской древнихъ и отливаетъ лиловымъ цвѣтомъ. Краску я добываю изъ аплизій Средиземнаго моря. Духи, которые вы найдете на туалетѣ вашей каюты, суть продукты морскихъ растеній. Ваша постель сдѣлана изъ самаго мягкаго морского взморника. Перомъ вамъ будетъ служить китовый усъ, а чернилами — жид-

«...завтракъ состоялъ изъ нѣсколькихъ блюдъ...» (Стр. 54)

кость, выдѣляемая корокатицей. Все мнѣ теперь дается моремъ, какъ все со временемъ вернется туда же!

— Вы любите море, капитанъ?

— Да, я люблю его! Море для меня все! Оно покрываетъ семь десятыхъ земного шара. Испаренія его здоровы и чисты. Это огромная пустыня, гдѣ человѣкъ никогда не бываетъ одинокимъ, ибо чувствуетъ

вокругъ себя трепетаніе жизни. Море скрываетъ въ себѣ существа непостижимыя, удивительныя. Все въ немъ движенье и любовь. Это живая безконечность, какъ выразился одинъ изъ вашихъ поэтовъ. Природа, господинъ профессоръ, проявила въ немъ свои три царства — минеральное, растительное и животное. Послѣднее имѣетъ въ немъ многочисленныхъ представителей въ четырехъ группахъ зоофитовъ, въ трехъ классахъ членистыхъ, въ пяти классахъ моллюсковъ, въ трехъ классахъ позвоночныхъ, въ млекопитающихъ, пресмыкающихся и въ безчисленномъ множествѣ рыбъ, самомъ богатомъ классѣ животныхъ, считающемъ 13.000 породъ, изъ коихъ только одна десятая принадлежитъ прѣсной водѣ. Море — обширный резервуаръ природы. Земной шаръ начался моремъ и, какъ знать, быть-можетъ кончится имъ же! Здѣсь высшее спокойствіе. Море не повинуется людямъ. На его поверхность они еще могутъ предъявлять беззаконныя права, драться, пожирать другъ друга, переносить туда всѣ ужасы земли; но тридцать футовъ ниже уровня воды — и ихъ могущество прекращается, ихъ власть исчезаетъ! Да, живите, живите въ глубинѣ моря. Только здѣсь независимость, только здѣсь я никого не признаю господиномъ, только здѣсь я свободенъ!

Среди этой полной увлеченія рѣчи капитанъ Немо вдругъ смолкъ. Можетъ-быть, онъ невольно измѣнилъ своей обычной сдержанности. Можетъ-быть, онъ слишкомъ много высказался. Нѣсколько минутъ онъ въ волненіи ходилъ по комнатѣ, потомъ нервы его успокоились, лицо приняло обычное безстрастное выраженіе, и онъ сказалъ, обращаясь ко мнѣ:

— Теперь, господинъ профессоръ, если вы желаете осмотрѣть „Наутилусъ“, то я къ вашимъ услугамъ.

ГЛАВА XI.

Наутилусъ.

Капитанъ Немо всталъ, и я послѣдовалъ за нимъ. Дверь, находившаяся въ глубинѣ столовой, распахнулась, и мы вошли во вторую комнату, такой же величины какъ и первая.

Это была библіотека. Высокіе шкапы изъ чернаго палисандроваго дерева, украшенные инкрустаціями изъ мѣди, поддерживали на своихъ широкихъ полкахъ множество книгъ въ одинаковыхъ переплетахъ. Шкапы шли вдоль стѣнъ комнаты, и къ нимъ примыкали широкіе диваны, обитые темнокоричневою кожей и представлявшіе самые удобные выгибы. Легкіе подвижные пюпитры, свободно приближаемые и отдаляемые, могли служить подставкой для книги во время чтенія. Посрединѣ возвышался большой столъ, заваленный брошюрами, между которыми виднѣлось нѣсколько книжекъ, журналовъ, уже не новыхъ. Все это озарялось электрическимъ свѣтомъ, лившимся изъ четырехъ матовыхъ шаровъ, расположенныхъ между арабесками потолка. Я съ истиннымъ восторгомъ осматривалъ эту столь остроумно убранную комнату и не вѣрилъ своимъ глазамъ.

— Капитанъ Немо, — сказалъ я своему хозяину, расположившемуся на диванѣ, — эта библіотека могла бы сдѣлать честь многимъ дворцамъ

материка, и я не могу достаточно надивиться при мысли, что она слѣдуетъ за вами на дно океана.

— Гдѣ найдете вы такое уединеніе, такую тишину, господинъ профессоръ? Вашъ кабинетъ въ музеѣ давалъ ли вамъ столь невозмутимое спокойствіе?

— Нѣтъ, капитанъ, и я долженъ прибавить, что онъ очень бѣденъ въ сравненіи съ вашимъ. У васъ тутъ шесть или семь тысячъ томовъ...

— Двѣнадцать тысячъ, господинъ Аронаксъ. Это единственныя связи, прикрѣпляющія меня къ землѣ. Но міръ пересталъ существовать для меня съ той минуты, какъ мой „Наутилусъ“ погрузился въ первый разъ въ глубину водъ. Въ этотъ день я купилъ свои послѣднія книги, свои послѣдніе журналы, послѣднія брошюры, и я хочу думать, что съ той поры человѣчество больше не мыслило и не писало. Всѣ эти книги, господинъ профессоръ, къ вашимъ услугамъ, и вы можете свободно пользоваться ими.

Я поблагодарилъ капитана Немо и подошелъ къ полкамъ. Библіотека изобиловала научными, философскими и беллетристическими сочиненіями на всѣхъ языкахъ; но я не нашелъ ни одной книги по политической экономіи: ей, повидимому, доступъ на корабль былъ строго воспрещенъ. Замѣчательно, что всѣ эти книги были разставлены безразлично, на какомъ бы языкѣ онѣ ни были написаны, и это доказывало, что капитанъ Немо долженъ былъ бѣгло читать всякій изъ томовъ, какой ему случайно попадался подъ руку.

Между этими книгами я замѣтилъ классическія произведенія великихъ мыслителей древняго и новаго міра, то-есть то, что человѣчество создало самаго прекраснаго въ исторіи, поэзіи, романѣ, наукѣ, отъ Гомера до Виктора Гюго, отъ Ксенофонта до Мишле, отъ Рабле до г-жи Зандъ. Но особенно богата была библіотека учеными сочиненіями: книги по механикѣ, баллистикѣ, гидрографіи, метеорологіи, географіи, геологіи и т. д. чередовались здѣсь съ сочиненіями по естественной исторіи, и я понялъ, что это было любимое занятіе капитана. Тутъ нашелъ я всѣ сочиненія Гумбольдта, Араго, труды Фуко, Анри Сентъ-Клеръ-Девиля, Шаля, Мильнъ-Эдвардса, Катрфажа, Тиндаля, Фарадея, Бертело, аббата Секки, Петермана, капитана Мори, Агассиса и въ числѣ прочихъ и тѣ два тома, которымъ я, быть-можетъ, былъ обязанъ этимъ относительно любезнымъ пріемомъ капитана Немо. Между сочиненіями Жозефа Бертрана, книга его, подъ заглавіемъ *Основатели астрономіи,* дала мнѣ даже возможность сдѣлать одно любопытное заключеніе: я зналъ, что она появилась въ теченіе 1865 года, и могъ отсюда вывести, что „Наутилусъ“ двинулся въ путь не ранѣе этого времени. Итакъ, повидимому, капитанъ Немо началъ свою подводную жизнь назадъ тому только три года. Я, впрочемъ, надѣялся, что еще новѣйшія сочиненія доставятъ мнѣ возможность опредѣлить эту эпоху съ большею точностью; но времени для розысковъ было много впереди, и я не хотѣлъ откладывать дальше наше обозрѣніе всѣхъ чудесъ „Наутилуса“.

— Благодарю васъ за предоставленіе вашей библіотеки въ мое распоряженіе, — сказалъ я капитану: — въ ней немало сокровищъ науки, и я буду пользоваться ими.

— Эта комната, впрочемъ, не для чтенія только, но и для куренія.

— Куренія! — вскричалъ я. — Такъ на вашемъ кораблѣ курятъ?

— Безъ сомнѣнія.

— Въ такомъ случаѣ я долженъ предположить, что вы сохранили сношенія съ Гаванной.

— Никакихъ, — отвѣчалъ капитанъ. — Вотъ вамъ сигара, и хотя она происхожденіемъ не изъ Гаванны, но если вы знатокъ, то останетесь ею довольны.

Я взялъ предложенную сигару, форма которой напоминала форму *londrès*, но которая казалась свернутою изъ золотыхъ листьевъ. Я закурилъ у маленькаго бразера, возвышавшагося на изящномъ бронзовомъ пьедесталѣ, и затягивался первыми клубами дыма съ наслажденіемъ любителя, не курившаго уже двое сутокъ.

— Это превосходно, — сказалъ я, — но это не табакъ.

— Да, — отвѣчалъ капитанъ, — это не гаванскій и не турецкій табакъ. Это родъ водоросли богатой никотиномъ, которую море доставляетъ мнѣ не безъ нѣкоторой скупости. Не жалѣете ли вы о *londrès?*

— Капитанъ, съ этой минуты я презираю ихъ.

— Ну, такъ курите, сколько угодно, не разсуждая о происхожденіи этихъ сигаръ. Ихъ не контролировала ни одна таможня, но отъ этого, полагаю, онѣ не хуже.

— Напротивъ.

Въ эту минуту капитанъ Немо отворилъ дверь, расположенную противъ той, чрезъ которую мы вошли въ библіотеку, и я вступилъ въ огромную, ярко освѣщенную залу.

Это былъ большой четырехсторонникъ, съ закругленными углами, въ десять метровъ длины, шесть метровъ ширины и пять метровъ вышины. Сквозь сіявшій потолокъ, испещренный красивыми арабесками, лились волны мягкаго свѣта на всѣ чудеса, собранныя въ этомъ музеѣ, ибо это былъ дѣйствительно музей, въ которомъ искусная рука умѣла собрать всѣ сокровища природы и искусства, въ томъ живописномъ безпорядкѣ, какимъ отличается студія художника.

Около тридцати картинъ величайшихъ мастеровъ, всѣ въ одинаковыхъ рамкахъ, отдѣленныя одна отъ другой блестящими зеркалами, украшали стѣны, обтянутыя обоями со строгимъ рисункомъ. Я видѣлъ здѣсь самыя дорогія произведенія, которыми я восхищался по большей части въ частныхъ коллекціяхъ въ Европѣ и на художественныхъ выставкахъ. Всѣ знаменитыя старыя школы имѣли здѣсь своихъ представителей. Тутъ были: *Мадонна* Рафаэля, *Святая Дѣва* Леонарда да-Винчи, *Нимфа* Корреджю, *Женщина* Тиціана, *Поклоненіе пастырей* Веронеза, *Успеніе* Мурильйо, портретъ Гольбейна, *Монахъ* Валаскеза, *Мученикъ* Рибейра, *Храмовой праздникъ* Рубенса, два фламандскіе пейзажа Теньера, три маленькія жанровыя картины Жерара Доу, Поль Поттера, два рисунка Жерико и Прюдона, нѣсколько морскихъ видовъ Бакуйзена и Верне. Между картинами новыхъ художниковъ оказались произведенія Делакруа, Ингра, Декампа, Тройона, Мейсонье и пр., и нѣсколько превосходныхъ слѣпковъ изъ мрамора или бронзы съ самыхъ прекрасныхъ образцовъ древнихъ статуй возвышались на своихъ пьедесталахъ по угламъ этого великолѣпнаго музея. Изумленіе, которое мнѣ предсказывалъ командиръ „Наутилуса“, начинало уже овладѣвать моимъ умомъ.

— Господинъ профессоръ, — сказалъ этотъ странный человѣкъ, — вы извините безцеремонность, съ которою я васъ принимаю, и безпорядокъ, царствующій въ моей гостиной.

— Капитанъ, — отвѣчалъ я, — не стараясь отгадать, кто вы такой, можно ли признать въ васъ артиста?

— Любителя, не болѣе, господинъ профессоръ. Я любилъ прежде собирать эти прекрасныя произведенія, созданныя рукой человѣка. Я жадно искалъ, рылся неутомимо, и мнѣ удалось собрать нѣсколько довольно цѣнныхъ предметовъ. Это послѣднія воспоминанія о землѣ, которая для меня умерла. Въ моихъ глазахъ ваши современные художники стали уже древними; они какъ бы тоже существовали двѣ-три тысячи лѣтъ тому назадъ, и въ своемъ умѣ я ихъ смѣшиваю. Великіе люди не принадлежатъ никакому вѣку.

— А эти музыканты?—спросилъ я, указывая на партитуры Вебера, Обера, Россини, Моцарта, Бетховена, Мейербера, Герольда, Вагнера, Гуно и множество другихъ, лежавшихъ на большомъ піанино, занимавшемъ одну стѣну залы.

— Эти музыканты, — отвѣчалъ капитанъ, — современники Орфея; хронологическая разница исчезаетъ изъ памяти мертвыхъ, а вѣдь я умеръ, господинъ профессоръ. Я точно такъ же мертвъ, какъ и тѣ изъ вашихъ друзей, что покоятся шесть футовъ подъ землей.

Капитанъ Немо замолчалъ и, казалось, глубоко задумался. Я смотрѣлъ на него съ живымъ участіемъ, вглядываясь молча во всѣ особенности его физіономіи. Облокотившись на уголъ драгоцѣннаго мозаичнаго стола, онъ, повидимому, не замѣчалъ меня и какъ бы забылъ о моемъ присутствіи.

Я не прерывалъ его размышленій и продолжалъ обозрѣвать рѣдкости, наполнявшія залу.

Рядомъ съ созданіями искусства занимали весьма видное мѣсто и произведенія природы. Они состояли главнымъ образомъ изъ растеній, раковинъ и другихъ произведеній океана, которыя, по всей вѣроятности, были найдены личными усиліями капитана Немо. Посреди компаты освѣщенный электричествомъ водометъ билъ изъ бассейна, сдѣланнаго изъ одной раковины. Вырѣзанные красивыми фестонами края этой раковины, доставляемой самымъ большимъ изъ безголовыхъ слизней, имѣли въ окружности около шести метровъ; она, слѣдовательно, превосходила величиной тѣ прекрасныя тридакны, которыя Венеціанская республика подарила Франциску I, и изъ коихъ церковь св. Сульпиція въ Парижѣ сдѣлала двѣ громадныя кропильницы.

Вокругъ этого бассейна, въ изящныхъ витринахъ, прикрѣпленныхъ мѣдными винтами, были расположены по классамъ и снабжены надписями драгоцѣннѣйшія произведенія моря, какія когда-либо представлялись взору натуралиста. Легко понять мою радость, радость ученаго.

Отрядъ зоофитовъ имѣлъ здѣсь самыхъ любопытнѣйшихъ представителей по обѣимъ группамъ: иглокожихъ и полиповъ. Группа иглокожихъ, которыя такъ замѣчательны своею колючею оболочкою, заключалась въ полной коллекціи змѣезвѣздокъ, морскихъ звѣздъ, волосатиковъ, астерофановъ, морскихъ ежей, кубышекъ и т. п. Въ группѣ полиповъ замѣчались органчики, морскіе вѣеры, сирійскія губки, кораллы Молуккскихъ острововъ, морскія перья, цѣлый рядъ *Madrepora*, которыхъ

знаменитый Мильнъ-Эдвардсъ такъ остроумно расклассифировалъ по отдѣламъ; между этими послѣдними я нашелъ восхитительныхъ вѣеролистниковъ, глазчатокъ съ острова Бурбона, *нептунову колесницу* съ Антильскихъ островов, чудныя разновидности кораллов и всѣ породы тѣхъ удивительныхъ полипняковъ, сцѣпленіе которыхъ образуетъ цѣлые острова, могущіе со временемъ сдѣлаться материками.

Какой-нибудь не обладающій особенно крѣпкими нервами конхиліологъ непремѣнно упалъ бы въ обморокъ при взглядѣ на другія, еще болѣе многочисленныя витрины, въ которыхъ были размѣщены образчики отряда моллюсковъ. Я нашелъ здѣсь драгоцѣннѣйшее собраніе рѣдкостей, описать которое подробно нѣтъ никакой возможности. Между этими произведеніями природы я назову только то, что особенно осталось у меня въ памяти: красивый *королевскій молотокъ* Индійскаго океана, чрезвычайно правильныя бѣлыя пятна котораго такъ ярко выдаются на красно-коричневомъ фонѣ; яркихъ цвѣтовъ императорскій *Spondilus*, весь усѣянный иглами; экземпляръ этотъ очень рѣдкій и, по моему мнѣнію, за него съ удовольствіемъ любой европейскій музей заплатилъ бы двадцать тысячъ франковъ; *молотокъ* изъ морей Австраліи, тоже весьма большая рѣдкость; экзотическіе *сердцевики* Сенегала, хрупкія бѣлыя двухстворчатыя раковины; онѣ такъ нѣжны и тонки, что одно дуновеніе вѣтра можетъ развѣять ихъ какъ мыльный пузырь; много разновидностей морскихъ *леекъ* съ острова Явы, родъ известковыхъ трубокъ, окаймленныхъ красивыми лиственными складками, которыя такъ дорого цѣнятся любителями; цѣлые ряды *курганчиковъ:* то желто-зеленыхъ, находимыхъ въ американскихъ моряхъ, то темнобурыхъ, вылавливаемыхъ въ моряхъ Австраліи; одни, добытые въ Мексиканскомъ заливѣ и замѣчательные своими черепицевидными раковинами, а другіе—звѣздчатые, найденные въ южныхъ моряхъ, и въ особенности самый рѣдкій изъ всѣхъ, когда-либо видѣнныхъ мною,—великолѣпный *бодецъ* Новой Зеландіи; потомъ удивительное собраніе сѣрнистыхъ *теллинъ*, драгоцѣнныхъ породъ *цитеръ*, рѣшетчатыхъ *солнечниковъ*, мраморныхъ *кубарнъ* съ блестящими перламутровыми пятнами, зеленыхъ попугаевъ китайскихъ морей, почти неизвѣстный *конусъ* изъ вида *Coenodulli;* затѣмъ всѣ разновидности *ужовокъ*, служащихъ въ Индіи и Африкѣ вмѣсто монетъ; *слава моря*, одна изъ самыхъ драгоцѣнныхъ раковинъ Восточной Индіи, и, въ довершеніе, лужанки, дафніи, башенницы, янтины, яички, свитки, оливки, митры, каски, багрецы, трубари, арфы, скалы, тритоны, цериты, веретена, рагульцы, крыловики, блюдечки, гіалеи, клеодоры, чрезвычайно красивыя и хрупкія раковины и много другихъ диковинокъ подводнаго царства.

Въ сторонѣ, въ особыхъ отдѣленіяхъ, извивались нити самаго прекраснаго жемчуга, облитаго электрическимъ свѣтомъ и сіявшаго огненными искрами, розовый жемчугъ, отнятый у жемчужныхъ пиннъ Краснаго моря, зеленый жемчугъ радужнаго уховида, желтый, голубой, черный, любопытныя порожденія различныхъ моллюсковъ всѣхъ океановъ и нѣкоторыхъ ракушекъ сѣверныхъ рѣкъ; наконецъ, многіе чрезвычайно цѣнные экземпляры, выдѣленные изъ самыхъ рѣдкихъ жемчужницъ. Нѣкоторыя изъ этихъ зеренъ превосходили величиной голубиное яйцо; они стоили столько же и даже болѣе, чѣмъ жемчужина, которую путешественникъ Тавернье продалъ за три милліона шаху персидскому,

и могли поспорить съ жемчужиной имама маскатскаго, которая, какъ я думалъ, не имѣла себѣ равной на свѣтѣ.

Оцѣнить эту коллекцію было для меня рѣшительно невозможно. Капитанъ Немо долженъ былъ истратить милліоны для пріобрѣтенія этихъ разнообразныхъ экземпляровъ, и я спрашивалъ себя, изъ какого источника черпаетъ онъ, чтобъ удовлетворять въ такой степени свои фантазіи собирателя рѣдкостей; тутъ я былъ прерванъ слѣдующими словами:

— Вы разсматриваете мои раковины, господинъ профессоръ. Дѣйствительно, онѣ могутъ привлечь вниманіе натуралиста; но для меня онѣ имѣютъ еще большую прелесть, ибо всѣ собраны собственными моими руками. Нѣтъ ни одного моря на земномъ шарѣ, которое ускользнуло бы отъ моихъ поисковъ.

— Понимаю, капитанъ, понимаю радостное чувство, испытываемое при видѣ такихъ богатствъ. Вы изъ тѣхъ, что сами скопили свои сокровища. Ни въ одномъ европейскомъ музеѣ нѣтъ подобнаго собранія произведеній океана. Но если я потрачу всѣ свои восторги на коллекцію, то что же мнѣ останется для корабля, ихъ везущаго? Я не ищу проникнуть въ ваши тайны, но признаюсь, что „Наутилусъ", съ присущею ему движущею силой, съ его машинами и снарядами, все это въ высшей степени возбуждаетъ мое любопытство. Я вижу на стѣнахъ этой комнаты нѣсколько инструментовъ, назначеніе коихъ мнѣ неизвѣстно. Можно ли мнѣ это узнать?

— Господинъ Аронаксъ, я уже сказалъ вамъ, что вы будете свободны на моемъ суднѣ, и поэтому всѣ части „Наутилуса" для васъ открыты. Вы можете смотрѣть ихъ во всѣхъ подробностяхъ, и я съ удовольствіемъ возьму на себя обязанность служить вамъ проводникомъ.

— Я не знаю, какъ васъ и благодарить, но я не употреблю во зло вашу любезность. Я только спрошу, для чего служатъ эти физическіе инструменты...

— Господинъ профессоръ, такіе же точно инструменты находятся въ моей комнатѣ, и тамъ я буду имѣть честь объяснить вамъ ихъ назначеніе. Но прежде всего взгляните на приготовленную вамъ каюту. Надо, чтобы вы знали, какъ вы будете помѣщены на бортѣ „Наутилуса".

Я послѣдовалъ за капитаномъ Немо, который, чрезъ одну изъ дверей, находившихся въ каждомъ изъ округленныхъ угловъ залы, выступилъ въ проходы, устроенные по бокамъ судна. Онъ провелъ меня на переднюю часть корабля, и тамъ я нашелъ не каюту, а изящную комнату съ кроватью, туалетомъ и разною мебелью. Я только могъ поблагодарить своего хозяина.

— Ваша комната смежна съ моею, — сказалъ онъ мнѣ, отворяя дверь, — а изъ моей ходъ въ залу, откуда мы сейчасъ вышли.

Я вошелъ въ комнату капитана. Она имѣла видъ суровый, почти монастырскій. Желѣзная кровать, рабочій столъ, нѣсколько туалетныхъ принадлежностей. Все это въ какомъ-то полусвѣтѣ. Ничего изысканнаго, только строго-необходимое.

Капитанъ Немо предложилъ мнѣ стулъ. Мы усѣлись, и онъ началъ свои объясненія.

ГЛАВА XII.

Все посредствомъ электричества.

— Господинъ профессоръ, — началъ капитанъ Немо, показывая мнѣ инструменты, висѣвшіе на стѣнахъ его комнаты, — вотъ снаряды, необходимые для плаванія „Наутилуса“. Здѣсь, какъ и въ залѣ, они всегда у меня передъ глазами; и они съ точностью указываютъ мнѣ мое положеніе и мое направленіе среди океана. Одни изъ нихъ вамъ извѣстны, какъ, напримѣръ, термометръ, опредѣляющій внутреннюю температуру корабля; барометръ, взвѣшивающій давленіе воздуха и предсказывающій перемѣну погоды; гигрометръ, означающій степень сухости атмосферы; стормъ-гласъ, котораго смѣсь, разлагаясь, возвѣщаетъ приближеніе бури; компасъ, направляющій мой путь; секстантъ, который, опредѣляя высоту солнца, служитъ для опредѣленія широты; хронометры, при помощи которыхъ я высчитываю долготу, и, наконецъ, подзорныя трубки, денныя и ночныя, служащія мнѣ для обозрѣнія всѣхъ точекъ горизонта, когда „Наутилусъ“ поднимается на поверхность океана.

— Это все инструменты обычные въ мореплаваніи, и употребленіе ихъ мнѣ извѣстно, — отвѣчалъ я. — Но вотъ другіе, приспособленные, по всей вѣроятности, къ исключительнымъ потребностямъ „Наутилуса“. Этотъ цыферблатъ тамъ съ подвижною стрѣлкою — не манометръ ли?

— Это дѣйствительно манометръ. Приведенный въ соприкосновеніе съ водой, онъ опредѣляетъ силу внѣшняго давленія и показываетъ такимъ образомъ, какъ глубоко сидитъ мое судно.

— И эти лоты особеннаго устройства?

— Это термометрическіе лоты. Они измѣряютъ температуру различныхъ слоевъ воды.

— А вотъ эти инструменты, назначенія которыхъ я понять не могу?

— Здѣсь, господинъ профессоръ, я долженъ пуститься въ нѣкоторыя объясненія, — сказалъ капитанъ Немо: — потрудитесь меня выслушать.

Онъ помолчалъ нѣсколько времени и потомъ началъ:

— Есть двигатель могучій, послушный, быстрый, легкій, поддающійся всевозможнымъ примѣненіямъ и который неограниченно господствуетъ на моемъ суднѣ. Все совершается посредствомъ него. Онъ освѣщаетъ меня, согрѣваетъ меня, даетъ жизнь моимъ механическимъ аппаратамъ. Двигатель этотъ — электричество.

— Электричество! — вскрикнулъ я въ изумленіи.

— Да, господинъ профессоръ.

— Однако, капитанъ, чрезвычайная скорость вашего судна плохо согласуется съ свойствами электричества. До сихъ поръ его динамическая сила, примѣняемая нами, была весьма ограничена и могла давать только очень незначительные результаты!

— Господинъ профессоръ, — отвѣчалъ капитанъ, — мое электричество не то, которое общеизвѣстно, и вы мнѣ позволите ограничиться этимъ объясненіемъ.

— Я не буду настаивать, капитанъ, и только выскажу свое удивленіе при видѣ подобныхъ результатовъ. Но вотъ еще вопросъ, — можете не отвѣчать на него, если онъ вамъ покажется нескромнымъ; элементы, которые служатъ вамъ для полученія этого удивительнаго двигателя, должны, конечно, скоро портиться. Какъ вы, напримѣръ, возобновляете свой цинкъ, если вы прекратили всѣ сношенія съ землей?

— Я скажу вамъ прежде всего, что въ глубинѣ морей находятся цѣлыя залежи цинка, желѣза, серебра, золота, и что разработка ихъ очень возможна. Но я не хотѣлъ пользоваться этими произведеніями земли и заимствовалъ у самого моря средства для произведенія моего электричества.

— У моря?

— Да, господинъ профессоръ, и въ способахъ у меня недостатка не было. Я могъ бы, устроивъ сообщеніе между проволоками, погруженными на разныхъ глубинахъ, получить электричество отъ различія температуръ, испытываемыхъ этими проволоками; но я предпочелъ употребить способъ болѣе практическій.

— Какой же?

— Вамъ извѣстенъ составъ морской воды. На тысячу граммовъ мы имѣемъ девяносто-шесть съ половиной процентовъ воды и два съ двумя третями процентовъ хлористаго натрія; далѣе, въ небольшихъ количествахъ хлористый магній и хлористый калій, бромистый магній, сѣрнокислую магнезію, сѣрнокислую и углекислую известь. Вы видите, что хлористый натрій находится здѣсь въ количествѣ довольно значительномъ. Вотъ этотъ-то натрій я и выдѣляю изъ морской воды и изъ него я составляю свои элементы.

— Натрій?

— Да, господинъ профессоръ. Въ соединеніи со ртутью онъ образуетъ смѣсь, замѣняющую цинкъ въ элементахъ Бунзена. Ртуть никогда не портится, потребляется одинъ натрій, а мнѣ его доставляетъ само море. Я вамъ скажу сверхъ того, что батареи изъ натрія должны считаться самыми энергическими, что ихъ электродвигательная сила вдвое больше силы батарей съ цинкомъ.

— Я понимаю, капитанъ, что при тѣхъ обстоятельствахъ, въ коихъ вы находитесь, натрій представляетъ много выгодъ. Онъ имѣется въ морѣ. Хорошо. Но надо еще его приготовить, то-есть выдѣлить. Какъ же вы это дѣлаете? Разумѣется, ваши батареи могли бы вамъ тутъ служить; но, если не ошибаюсь, количество натрія, требуемое электрическими аппаратами, превзошло бы количество добываемое. Оказалось бы, что для полученія натрія вы потребляли бы его больше, нежели получите!

— По этой-то причинѣ я и не выдѣляю его посредствомъ батареи, а просто пользуюсь теплотой каменнаго угля.

— Каменнаго угля?

— Скажемъ, пожалуй, „морского угля“, если хотите, — отвѣчалъ капитанъ.

— И вы можете разрабатывать подводныя залежи каменнаго угля?

— Господинъ Аронаксъ, вы увидите меня въ дѣлѣ. Я васъ прошу только подождать немного; время еще терпитъ. Помните только, что я

всѣмъ обязанъ океану; онъ производитъ электричество, а электричество даетъ „Наутилусу" теплоту, свѣтъ, движеніе, словомъ — жизнь.

— Но не воздухъ, которымъ вы дышите.

— О, я могъ бы самъ дѣлать необходимый для моего дыханія воздухъ; но это лишнее, ибо я могу подниматься на поверхность океана, когда захочу. Впрочемъ, если электричество не доставляетъ мнѣ воздуха, то оно по крайней мѣрѣ приводитъ въ движеніе сильные насосы, скопляющіе его въ особыхъ резервуарахъ, что даетъ мнѣ возможность въ случаѣ надобности продолжать, насколько нужно, мое пребываніе въ глубинѣ моря.

— Капитанъ, — сказалъ я, — мнѣ остается только удивляться. Вы, очевидно, открыли то, что люди когда-нибудь откроютъ, — настоящую динамическую силу электричества.

— Не знаю, откроютъ ли они его, — холодно отвѣчалъ капитанъ Немо. — Какъ бы то ни было, но вы знаете уже первое приложеніе, какое я сдѣлалъ изъ этого драгоцѣннаго дѣятеля. Онъ освѣщаетъ насъ съ такою ровностью и постоянствомъ, какихъ недостаетъ солнечному свѣту. Теперь взгляните на эти часы; они — электрическіе; идутъ съ правильностью, которая поспоритъ съ лучшими хронометрами. Я раздѣлилъ ихъ на двадцать-четыре часа, какъ италіанскіе часы, потому что для меня не существуетъ ни дня, ни ночи, ни солнца, ни луны, а только этотъ искусственный свѣтъ, слѣдующій за мною въ глубину моря. Вотъ, напримѣръ, теперь десять часовъ утра.

— Именно.

— Еще другое приложеніе электричества. Этотъ цыферблатъ, висящій передъ нашими глазами, служитъ указателемъ скорости „Наутилуса". Электрическая проволока соединяетъ его съ винтомъ лага, и его стрѣлка показываетъ мнѣ дѣйствительную быстроту судна. Посмотрите, въ настоящую минуту мы идемъ не болѣе пятнадцати миль въ часъ.

— Это удивительно! — отвѣчалъ я. — Вы были правы, капитанъ, употребивъ эту силу, долженствующую замѣнить со временемъ вѣтеръ, воду и паръ.

— Мы еще не кончили, господинъ Аронаксъ, — сказалъ капитанъ Немо, вставая, — и если вамъ угодно, мы пойдемъ на заднюю часть „Наутилуса".

Дѣйствительно, я зналъ уже всю переднюю часть подводнаго судна, которое было расположено слѣдующимъ образомъ, если итти отъ центра къ носу: столовая въ пять метровъ длины, отдѣленная отъ библіотеки непропускающей воду перегородкой; библіотека въ пять метровъ, большая зала въ десять метровъ, отдѣленная отъ комнаты капитана также непропускающей воду перегородкой; комната капитана въ пять метровъ; моя въ два метра пятьдесятъ дюймовъ и, наконецъ, резервуаръ для воздуха въ семь метровъ съ половиною, который шелъ до форштевня. Всего тридцать-пять метровъ длины. Въ перегородкахъ вдѣланы были двери, которыя запирались герметически, посредствомъ каучуковыхъ засововъ, и обезпечивали полнѣйшую безопасность въ случаѣ, если бы гдѣ-либо оказалась течь.

Я послѣдовалъ за капитаномъ Немо по разнымъ проходамъ, и мы вышли къ центру корабля. Здѣсь находился родъ колодца. По стѣнамъ

его желѣзная лѣстница вела вверхъ. Я спросилъ капитана, къ чему служитъ эта лѣстница.

— Она ведетъ къ шлюпкѣ, — отвѣчалъ онъ.

— Какъ, у васъ есть шлюпка? — возразилъ я, удивляясь.

— Безъ сомнѣнія. Превосходное гребное судно, легкое и нетонущее, употребляемое для прогулокъ и для рыбной ловли.

— Но въ такомъ случаѣ, когда желаете сѣсть въ лодку, вы должны возвращаться на поверхность моря?

— Нисколько. Шлюпка эта поставлена на верхней, внѣшней части корпуса „Наутилуса“ и занимаетъ особо для нея устроенное углубленіе. Она вполнѣ оснащена, совершенно непромокаема и прикрѣплена прочными болтами. Эта лѣстница ведетъ къ отверстію къ корпусѣ „Наутилуса“, которое соотвѣтствуетъ подобному же отверстію въ шлюпкѣ. Чрезъ это двойное отверстіе я и вхожу въ шлюпку. Тогда закрывается отверстіе „Наутилуса“; я, съ своей стороны, дѣлаю то же въ шлюпкѣ посредствомъ винта: снимаю болты, и шлюпка быстро поднимается на поверхность моря. Тутъ я открываю отверстіе на палубу, бывшее дотолѣ наглухо закрытымъ, ставлю мачту, поднимаю парусъ или беру весла и прогуливаюсь.

— Но какъ же вы возвращаетесь?

— Возвращаюсь не я, господинъ Аронаксъ, — возвращается „Наутилусъ“.

— По вашему приказанію?

— Да. Электрическая проволочка соединяетъ насъ. Я посылаю телеграмму, и дѣло съ концомъ.

— И въ самомъ дѣлѣ, — сказалъ я, опьяненный всѣми этими чудесами, — ничего не можетъ быть проще.

Миновавъ лѣстницу, я увидѣлъ каюту длиной въ два метра, гдѣ Консель и Недъ Лендъ, въ восторгѣ отъ своего завтрака, съ жадностью его пожирали. Потомъ отворилась другая дверь, и мы заглянули въ кухню длиной въ три метра, расположенную между обширными кладовыми судна.

Тутъ электричество, болѣе послушное и дѣятельное, нежели самый газъ, удовлетворяло всѣмъ кухоннымъ потребностямъ. Проволоки, сходившіяся подъ плитой, сообщали платиновымъ трубкамъ теплоту, которая распредѣлялась и поддерживалась равномѣрно. Онѣ нагрѣвали также перегонные снаряды, доставлявшіе черезъ выпариваніе отличную, годную для питья, воду. Возлѣ этой кухни находилась удобно устроенная ванная, съ кранами для теплой и холодной воды.

За кухней слѣдовала комната экипажа, длиной въ пять метровъ, но дверь ея была затворена, и я не могъ видѣть ея устройства, изъ котораго могъ бы вывести заключеніе о числѣ людей, необходимыхъ для управленія „Наутилусомъ“.

Въ глубинѣ возвышалась еще четвертая перегородка, отдѣлявшая этотъ пунктъ отъ мѣстонахожденія машинъ. Дверь отворилась, и я очутился въ томъ отдѣленіи, гдѣ капитанъ Немо, очевидно первоклассный инженеръ, расположилъ свои двигательные снаряды.

Эта комната, ярко освѣщенная, имѣла не менѣе двадцати метровъ въ длину. Она раздѣлялась на двѣ части. Первая заключала снаряды,

производившіе электричество, вторая — механизмъ, сообщавшій движеніе винту.

Я прежде всего былъ пораженъ запахомъ, наполнявшимъ это отдѣленіе. Капитанъ Немо замѣтилъ это.

— Это, — сказалъ онъ, — нѣкоторые газы, выдѣляющіеся при употребленіи натрія; но это неудобство небольшое. Каждое утро, впрочемъ, мы освѣжаемъ воздухъ на кораблѣ черезъ провѣтриваніе.

Тѣмъ временемъ я съ понятнымъ любопытствомъ разсматривалъ машину „Наутилуса".

— Вы видите, — сказалъ капитанъ Немо, — я употребляю элементы Бунзена, а не Румкорфа. Послѣдніе были бы слабы. Элементы Бунзена немногочисленны, но они сильны и велики, что на опытѣ оказывается важнѣе. Полученное электричество посредствомъ электро-магнитовъ большого размѣра дѣйствуетъ на особенную систему рычаговъ и колесъ, сообщающихъ движеніе винту. Этотъ послѣдній, діаметръ котораго равенъ шести метрамъ, а шагъ семи метрамъ съ половиной, можетъ дать до ста-двадцати оборотовъ въ секунду.

— И вы получите тогда?

— Скорость пятидесяти миль въ часъ.

Тутъ была тайна, но я не настаивалъ на ея раскрытіи. Какъ можетъ электричество дѣйствовать съ такою силой? Гдѣ источникъ этой почти неограниченной мощи? Въ огромномъ ли напряженіи, достигаемомъ этими катушками новаго рода? Въ передачѣ ли движенія, которую система неизвѣстныхъ еще рычаговъ могла увеличить до безконечности? Этого я понять не могъ.

— Капитанъ, —сказалъ я, — вижу полученные результаты и не добиваюсь объясненія оныхъ. Я помню, какъ „Наутилусъ" маневрировалъ передъ „Авраамомъ Линкольномъ", и знаю, какова быстрота его хода. Но итти впередъ еще недостаточно. Надо видѣть, куда итти. Надо имѣть возможность направляться влѣво, вправо, внизъ и вверхъ. Какимъ образомъ спускаетесь вы въ морскую глубину при возрастающей силѣ давленія, опредѣляемой сотнями атмосферъ? Какъ поднимаетесь вы снова на поверхность океана? Наконецъ, какимъ образомъ удерживаетесь вы на томъ уровнѣ, какой для васъ требуется? Но, бытьможетъ, вопросы мои нескромны?

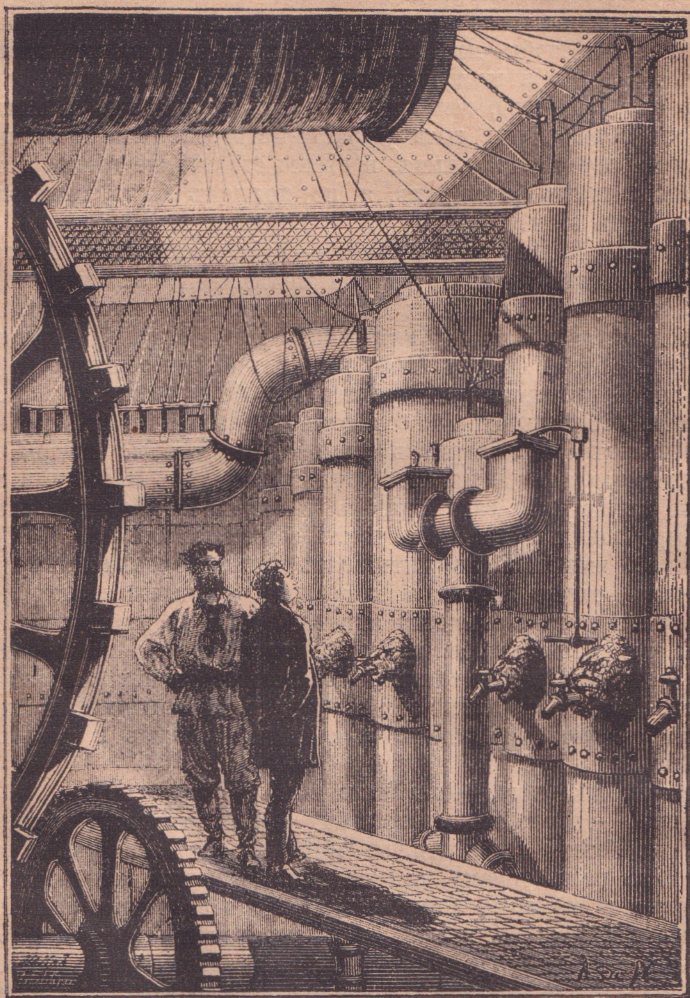
— Вовсе нѣтъ, — отвѣчалъ капитанъ послѣ минутнаго колебанія.— Вѣдь вы никогда не должны оставлять это подводное судно. Пойдемте въ залу; это нашъ настоящій рабочій кабинетъ, и тамъ вы узнаете о „Наутилусѣ" все, что вамъ нужно.

ГЛАВА XIII.

Кое-какія цыфры.

Капитанъ Немо и я минуту спустя сидѣли на диванѣ въ гостиной, съ сигарами во рту. Капитанъ разложилъ передо мной чертежъ, изображавшій планъ „Наутилуса". Затѣмъ онъ началъ объясненія слѣдующимъ образомъ:

— Вотъ, господинъ Аронаксъ, размѣры судна, на которомъ вы находитесь. Это цилиндръ, весьма удлиненный, съ конусообразными оконечностями. Онъ очень напоминаетъ форму сигары, — форму, усвоенную уже въ Лондонѣ для многихъ построекъ такого рода. Длина цилиндра изъ конца въ конецъ составляетъ ровно семьдесятъ метровъ, а

Машинное отдѣленіе «Наутилуса» (Стр. 69).

наибольшая его ширина — восемь метровъ. Въ немъ, слѣдовательно, ширина нѣсколько превышаетъ одну десятую длины, не такъ какъ въ вашихъ пароходахъ съ большимъ ходомъ; тѣмъ не менѣе, онъ достаточно длиненъ для того, чтобы вытѣсняемая имъ вода отбѣгала легко, не представляя ни малѣйшаго препятствія его ходу.

На основанiи этихъ двухъ величинъ, вамъ не трудно будетъ вычислить поверхность и объемъ „Наутилуса". Поверхность его имѣетъ тысячу одиннадцать квадратныхъ метровъ и сорокъ-пять сотыхъ; а объемъ — тысячу пятьсотъ кубическихъ метровъ и двѣ десятыхъ; это означаетъ, что, совершенно погруженный въ воду, онъ вытѣсняетъ тысячу пятьсотъ кубическихъ метровъ.

Составляя планы этого судна, предназначеннаго для подводнаго плаванiя, я хотѣлъ, чтобы, находясь въ равновѣсiи, оно сидѣло въ водѣ на девять десятыхъ и выступало только на одну десятую. При такихъ условiяхъ оно, очевидно, должно было вытѣснять только девять десятыхъ своего объема, или тысячу-триста-пятьдесятъ-шесть кубическихъ метровъ и сорокъ-восемь сотыхъ, и вѣсить столько же тоннъ. Устраивая его въ означенныхъ размѣрахъ, я не долженъ былъ, слѣдовательно, превысить этотъ вѣсъ.

„Наутилусъ" имѣетъ два корпуса, — одинъ наружный, другой внутреннiй, — соединенные между собой желѣзными полосами въ формѣ буквы *Т*, которыя и сообщаютъ ему чрезвычайную прочность. И дѣйствительно, благодаря такому клѣтчатому устройству, онъ твердъ какъ гранитъ, какъ будто бы онъ былъ весь литой. Его обшивка не можетъ отстать; она примыкаетъ непосредственно, безъ помощи заклепокъ, и однородность его конструкцiи, вслѣдствiе тщательнаго подбора матерiаловъ, позволяетъ ему выдержать самые стремительные напоры волнъ.

Эти два корпуса сдѣланы изъ листового желѣза. Наружный корпусъ имѣетъ не менѣе пяти сантиметровъ толщины и вѣситъ триста-девяносто-четыре тонны и девяносто-шесть сотыхъ. Часть же внутренняя, киль которой, вышиной въ пятьдесятъ сантиметровъ и шириной въ двадцать-пять, одинъ вѣситъ шестьдесятъ-двѣ тонны; затѣмъ машина, балластъ, различныя помѣщенiя и перегородки и внутреннiя подпорки, — все это вмѣстѣ взятое имѣетъ вѣсу девятьсотъ-шестьдесятъ-одну тонну и шестьдесятъ-двѣ сотыхъ, что въ соединенiи съ тремястами-девяноста-четырьмя тоннами и девяноста-шестью сотыми составитъ требуемую цыфру: тысячу-триста-пятьдесятъ-шесть тоннъ и сорокъ-восемь сотыхъ. Ясно?

— Совершенно ясно, — отвѣчалъ я.

— Итакъ, — продолжалъ капитанъ, — „Наутилусъ", находясь въ водѣ при подобныхъ условiяхъ, выдается на одну десятую. Но если бъ я располагалъ резервуарами, вмѣстимость которыхъ равнялась бы этой десятой, те-есть которые могли бы вмѣщать сто-пятьдесятъ тоннъ и шестьдесятъ-двѣ сотыхъ, и если бъ я ихъ наполнилъ водой, то судно вѣсило бы тысячу-пятьсотъ-семь тоннъ, или совершенно погрузилось бы въ воду. Такъ оно и бываетъ, господинъ профессоръ. Такiе резервуары находятся въ нижней части „Наутилуса". Я открываю краны, они наполняются, и судно погружается въ уровень съ морскою поверхностью.

— Хорошо, капитанъ; но вотъ гдѣ въ такомъ случаѣ настоящее затрудненiе. Что судно ваше можетъ сравняться съ поверхностью океана, это я понимаю. Но погружаясь ниже, не встрѣтитъ ли оно сопротивленiя, и не будетъ ли подымать его снизу вверхъ съ силою, возрастающею при каждыхъ тридцати футахъ погруженiя на величину, равную давленiю одной атмосферы, или около килограмма на каждый квадратный сантиметръ?

— Совершенно справедливо.

— Итакъ, чтобы заставить „Наутилусъ" опуститься въ глубину, вы должны цѣликомъ наполнить его? Другого средства я не вижу.

— Господинъ профессоръ, — отвѣчалъ капитанъ, — не слѣдуетъ смѣшивать статику съ динамикой. Въ противномъ случаѣ вы рискуете надѣлать большихъ промаховъ. Вовсе не такъ трудно достигнуть нижнихъ слоевъ океана. Послушайте объясненіе.

— Слушаю, капитанъ.

— Когда я высчитывалъ, насколько нужно увеличить вѣсъ „Наутилуса", чтобы заставить его итти внизъ, мнѣ приходилось обратить вниманіе только на то постепенное уменьшеніе, какое испытываетъ объемъ морской воды по мѣрѣ того, какъ ея слои становятся все больше глубокими.

— Это очевидно, — отвѣчалъ я.

— Но если нельзя отрицать сжимаемость воды, то по крайней мѣрѣ должно признать, что ея способность весьма ограничена. И въ самомъ дѣлѣ, по новѣйшимъ вычисленіямъ оказывается, что эта сократимость равняется четыремстамъ-тридцати-шести десятимилліоннымъ на каждую атмосферу, или на каждые тридцать футовъ глубины. Если требуется опуститься на тысячу метровъ, то я беру въ расчетъ сокращеніе объема при давленіи, равняющемся давленію столба воды въ тысячу метровъ, то-есть давленію ста атмосферъ. Это сокращеніе составитъ тогда четыреста-тридцать-шесть стотысячныхъ. Я долженъ, слѣдовательно, такъ увеличить тяжесть судна, чтобъ оно вѣсило тысячу пятьсотъ-тринадцать тоннъ и семьдесятъ-семь сотыхъ, вмѣсто тысячи пятисотъ-семи тоннъ двухъ десятыхъ. Итакъ мнѣ придется прибавить только шесть тоннъ пятьдесятъ-семь сотыхъ.

— Только?

— Да, господинъ Аронаксъ, и вычисленіе это легко провѣрить. Но я имѣю запасные резервуары, способные вмѣщать сто тоннъ. Я, слѣдовательно, могу спускаться на значительную глубину. Когда же я хочу подняться опять на поверхность и держаться въ уровень съ ней, то мнѣ стоитъ только выкачать эту воду и затѣмъ совершенно опорожнить резервуары, если я хочу, чтобы „Наутилусъ" поднялся на одну десятую своего объема.

На эти разсужденія, подкрѣпляемыя цыфрами, возражать было нечего.

— Допускаю ваши вычисленія, капитанъ, — сказалъ я, — да и неумѣстно было бы опровергать ихъ въ виду того, что опытъ подтверждаетъ ихъ ежедневно. Но я предвижу теперь дѣйствительное затрудненіе.

— Какое, господинъ профессоръ?

— Когда вы находитесь на глубинѣ тысячи метровъ, то стѣны „Наутилуса" испытываютъ давленіе ста атмосферъ. Если же вы въ эту минуту захотите опорожнить запасные резервуары, дабы облегчить ваше судно и подняться на поверхность, то необходимо, чтобы насосы ваши преодолѣвали это давленіе ста атмосферъ, которое равняется ста килограммамъ на каждый квадратный сантиметръ. Отсюда сила...

— Которую одно электричество могло мнѣ дать, — поспѣшилъ замѣтить капитанъ Немо. — Повторяю вамъ, что динамическая сила мо-

ихъ машинъ почти безпредѣльна. Насосы „Наутилуса“ имѣютъ необыкновенную силу, и вы могли въ этомъ убѣдиться, когда водяные столбы отъ нихъ обрушились потокомъ на „Авраама Линкольна“. Впрочемъ, я пользуюсь запасными резервуарами только для того, чтобы достигать средней глубины отъ тысячи пятисотъ до двухъ тысячъ метровъ, и это я дѣлаю съ цѣлью сбереженія моихъ машинъ. А когда мнѣ приходитъ фантазія побывать въ океанѣ на двѣ или на три мили ниже поверхности воды, то я прибѣгаю къ болѣе сложнымъ, но столь же вѣрнымъ маневрамъ.

— Къ какимъ же, капитанъ?

— Это приводитъ меня къ необходимости сказать вамъ, какъ „Наутилусъ“ управляется.

— Я очень желалъ бы узнать это.

— Для того, чтобы поворачивать это судно вправо и влѣво, чтобы вести его, однимъ словомъ, въ горизонтальномъ направленіи, я пользуюсь обыкновеннымъ рулемъ съ широкою лопастью, утвержденнымъ назади, и который приводится въ движеніе посредствомъ колеса и штуръ-тросовъ. Но я могу также направлять „Наутилусъ“ снизу вверхъ и сверху внизъ, въ направленіи вертикальномъ, посредствомъ двухъ наклонныхъ плоскостей, придѣланныхъ по сторонамъ. Плоскости эти подвижныя, могутъ принимать всякое положеніе, и ими управляютъ съ внутренней стороны посредствомъ сильныхъ рычаговъ. Если плоскости лежатъ параллельно съ судномъ, оно движется въ горизонтальномъ направленіи. Если же онѣ наклонны, то, смотря по расположенію этого наклона и подъ ударомъ своего винта, „Наутилусъ“ либо опускается, слѣдуя по діагонали, удлиняемой по моему желанію, либо поднимается вверхъ по той же діагонали. А если я хочу скорѣй вовзвратиться на поверхность, то останавливаю винтъ, и давленіемъ воды „Наутилусъ“ поднимается вертикально и, какъ шаръ, наполненный водородомъ, быстро взлетаетъ на воздухъ.

— Браво, капитанъ! — вскричалъ я. — Но какъ штурманъ различаетъ свой путь подъ водой?

— Штурманъ помѣщается въ стеклянной каютѣ, которая образуетъ выступъ на верхней части корпуса „Наутилуса“ и которой стѣнки состоятъ изъ чечевицеобразныхъ стеколъ...

— Способныхъ выдерживать подобныя давленія?

— Какъ нельзя лучше. Хрусталь, при всей своей хрупкости, можетъ однако выдерживать значительное давленіе. При опытахъ рыбной ловли съ помощію электрическаго свѣта, сдѣланнаго въ 1866 году въ сѣверныхъ моряхъ, оказалось, что пласты изъ этого вещества, толщиной не болѣе какъ въ семь миллиметровъ, выдерживали давленіе шестнадцати атмосферъ, пропуская въ то же время сильные теплотворные лучи. Стекла же, которыми я пользуюсь, имѣютъ не менѣе двадцати-одного сантиметра въ центрѣ, то-есть въ тридцать разъ болѣе помянутой толщины.

— Согласенъ, капитанъ; но чтобы можно было видѣть что-либо, свѣтъ долженъ прогонять тьму, и я спрашиваю себя, какъ среди мрака водъ...

— Позади каюты, занимаемой штурманомъ, помѣщается сильный электрическій рефлекторъ, лучи котораго освѣщаютъ море на полмили разстоянія.

— Браво, капитанъ! Отлично! Теперь я объясняю себѣ ту фосфоризацію мнимаго нарвала, которая такъ смущала ученыхъ. Кстати еще я спрошу васъ: случайно ли произошло столкновеніе „Наутилуса“ съ „Шотландіей“, надѣлавшее столько шума?

— Совершенно случайно. Я шелъ въ двухъ метрахъ подъ водой, когда произошло столкновеніе. Я впрочемъ замѣтилъ, что оно не имѣло никакихъ непріятныхъ послѣдствій.

— Никакихъ. Но что касается до вашей встрѣчи съ „Авраамомъ Линкольномъ“...

— Господинъ профессоръ, мнѣ очень жаль одинъ изъ лучшихъ кораблей храбраго американскаго флота, но на меня нападали, и я долженъ былъ защищаться. Я однако ограничился тѣмъ, что лишилъ фрегатъ возможности вредить мнѣ, — онъ легко можетъ починить въ ближайшей гавани всѣ свои поврежденія.

— Капитанъ, — воскликнулъ я съ убѣжденіемъ, — вашъ „Наутилусъ“ дѣйствительно удивительное судно!

— Да, господинъ профессоръ, — отвѣчалъ капитанъ Немо съ неподдѣльнымъ чувствомъ, — и я люблю его какъ плоть отъ плоти моей. Если на вашихъ судахъ, подверженныхъ всѣмъ случайностямъ океана, всюду чуется опасность, если первое впечатлѣніе, производимое моремъ, — какъ справедливо выражается голландецъ Янсенъ, — есть сознаніе бездны, то на бортѣ „Наутилуса“ сердце человѣка можетъ быть совершенно покойно. Нечего бояться пролома, ибо двойной корпусъ судна несокрушимъ какъ желѣзо; нѣтъ оснастки, которая портилась бы отъ боковой или килевой качки; нѣтъ парусовъ, уносимыхъ вѣтромъ; нѣтъ котловъ, разрываемыхъ паромъ; нечего опасаться пожара, ибо судно сдѣлано изъ листового желѣза, а не изъ дерева; нѣтъ угля, который можетъ истощиться, ибо корабль приводится въ движеніе элекричествомъ; нѣтъ опасности столкновенія, ибо онъ одинъ плаваетъ въ глубинѣ морской; нѣтъ бурь, съ какими бы нужно было бороться, ибо въ нѣсколькихъ метрахъ подъ водой онъ находитъ полнѣйшее спокойствіе. Вотъ единственный настоящій корабль! Если правда, что инженеръ имѣетъ болѣе довѣрія къ судну, чѣмъ строитель, а строитель болѣе, чѣмъ капитанъ, то вы поймете, какъ безгранично я довѣряюсь моему „Наутилусу“ потому, что я въ одно и то же время и капитанъ его, и строитель, и инженеръ!

Капитанъ Немо говорилъ съ увлекательнымъ краснорѣчіемъ. Огонь, горѣвшій въ его глазахъ, и живость движеній совершенно измѣнили его. Да, онъ любилъ „Наутилусъ“, какъ отецъ любитъ свое дитя.

Но меня тревожилъ вопросъ, быть-можетъ, нескромный, однако я не могъ удержаться, чтобы не высказать его.

— Такъ вы инженеръ, капитанъ?

— Да, — отвѣчалъ онъ, — я учился въ Лондонѣ, Парижѣ, въ Нью-Йоркѣ въ то время, когда еще жилъ на материкѣ.

— Но какъ вы могли сохранить втайнѣ постройку этого замѣчательнаго „Наутилуса“?

— Каждую изъ его составныхъ частей, господинъ профессоръ, я получилъ изъ различныхъ странъ земного шара, и всѣ онѣ заказывались для вымышленныхъ цѣлей. Киль его былъ выкованъ у Крезо во Франціи, ось винта у Пена и К° въ Лондонѣ, листовое желѣзо его

корпуса у Лерда въ Ливерпулѣ, его винтъ у Скотта въ Глазго. Резервуары его были сдѣланы у Кайля и К° въ Парижѣ, машина у Круппа въ Пруссіи, бивень — въ мастерскихъ Моталы въ Швеціи, инструменты, опредѣляющіе направленіе, — у братьевъ Гартъ въ Нью-Йоркѣ и т. д., и каждому изъ этихъ поставщиковъ доставлены были мои планы подъ разными именами.

— Но, — возразилъ я, — когда всѣ эти части были готовы, ихъ ещо оставалось собрать, соединить.

— Я устроилъ свои мастерскія на пустынномъ [illegible] томъ океанѣ. Тамъ я и мои работники, то-есть мои бравые товарищи, которыхъ я образовалъ и направилъ, мы вмѣстѣ додѣлывали нашъ „Наутилусъ“. Когда же эта операція была окончена, то огонь уничтожилъ всѣ слѣды нашего пребыванія на островѣ, который я бы взорвалъ на воздухъ, если бы могъ.

— Въ такомъ случаѣ я полагаю, что стоимость этого судна громадна.

— Господинъ Аронаксъ, броненосный фрегатъ стоитъ обыкновенно тысячу сто-двадцать-пять франковъ на тонну. „Наутилусъ“ вмѣщаетъ ихъ тысячу пятьсотъ. Итакъ онъ стоитъ милліонъ шестьсотъ-восемьдесятъ-семь тысячъ франковъ, съ принадлежностями два милліона, или четыре-пять милліоновъ со всѣми произведеніями искусства и коллекціями, которыя онъ заключаетъ.

— Послѣдній вопросъ, капитанъ Немо.

— Извольте, господинъ профессоръ.

— Вы, слѣдовательно, богаты?

— Да, я могъ бы не стѣсняясь заплатить двѣнадцать милліардовъ французскаго государственнаго долга.

Я пристально посмотрѣлъ на моего страннаго собесѣдника. Ужъ не злоупотреблялъ ли онъ моимъ легковѣріемъ? Будущее должно было мнѣ это разъяснить.

ГЛАВА XIV.

Черная рѣка.

Шесть седьмыхъ частей земного шара, занятыя водой, исчислены въ три милліона восемьсотъ-тридцать-двѣ тысячи пятьсотъ-пятьдесятъ-восемь квадратныхъ миріаметровъ, или свыше тридцати-восьми милліоновъ гектаровъ. Эта жидкая масса составляетъ два милліарда двѣсти-пятьдесятъ милліоновъ кубическихъ миль, и если изъ нея образовать шаръ, то діаметръ его равнялся бы шестидесяти милямъ, а вѣсъ — тремъ квинтилліонамъ тоннъ. Чтобы понять это число, надо сказать себѣ, что квинтилліонъ относится къ милліарду, какъ милліардъ къ единицѣ, то-есть, что въ одномъ квинтилліонѣ содержится столько же милліардовъ, сколько единицъ въ милліардѣ. Эта жидкая масса объемлетъ такое же почти количество воды, какое могли бы излить всѣ рѣки земного шара въ продолженіе сорока тысячъ лѣтъ.

Во время геологическихъ эпохъ за огненнымъ періодомъ слѣдовалъ періодъ водяной. Океанъ сперва былъ повсюду. Потомъ мало-по-малу,

во время силурійскаго періода, выступали вершины горъ, возникали острова, исчезали при мѣстныхъ наводненіяхъ, показывались снова, сливались, образовывали материки, и, наконецъ, земли приняли то географическое расположеніе, какое мы видимъ теперь. Твердая масса отвоевала у жидкой тридцать-семь милліоновъ шестьсотъ-пятьдесятъ-семь квадратныхъ миль, или двѣнадцать тысячъ девятьсотъ-шестнадцать милліоновъ гектаровъ.

Очертаніе материковъ ведетъ къ дѣленію водъ на пять частей: океанъ Ледовитый Сѣверный, океанъ Ледовитый Южный, океанъ Индійскій, океанъ Атлантическій и океанъ Тихій.

Тихій океанъ простирается съ сѣвера на югъ между двумя полярными кругами, а съ запада на востокъ между Азіей и Америкой, на протяженіи ста-сорока-пяти градусовъ въ длину. Это самое спокойное изъ морей; теченія его широки и не быстры, приливы незначительны, дожди обильны. Вотъ какой океанъ мнѣ предстояло объѣхать прежде всего при самыхъ необыкновенныхъ условіяхъ.

— Господинъ профессоръ, — сказалъ капитанъ Немо, — если вамъ угодно, мы сейчасъ опредѣлимъ съ точностью положеніе и узнаемъ исходную точку нашего путешествія. Теперь безъ четверти двѣнадцать. Мы поднимается на поверхность моря.

Капитанъ прижалъ три раза электрическій звонокъ. Насосы стали изгонять воду изъ резервуаровъ; стрѣлка манометра показывала различныя давленія, по коимъ мы могли слѣдить за восходящимъ движеніемъ „Наутилуса“; наконецъ она остановилась.

— Пріѣхали, —сказалъ капитанъ.

Я отправился къ средней лѣстницѣ, выходившей на платформу, взбираясь по металлическимъ ступенямъ, и чрезъ отворенный люкъ вышелъ на верхнюю часть „Наутилуса“.

Платформа выступала только на восемьдесятъ сантиметровъ. Передняя и задняя части „Наутилуса“ представляли форму веретенообразную, вслѣдствіе чего судно справедливо сравнивалось съ длинной сигарой. Я замѣтилъ, что его черепицевидные желѣзные пласты очень походили на чешую, одѣвающую тѣло большихъ пресмыкающихся. Этимъ я объяснилъ себѣ, почему, несмотря на самыя лучшія подзорныя трубы, это судно всегда принимали за морское животное.

Въ серединѣ платформы шлюпка, входившая въ корпусъ корабля, образовывала незначительное повышеніе. Впереди и позади ея подымались двѣ невысокія клѣтки съ покатыми стѣнками, отчасти закрывавшіяся толстыми чечевицеобразными стеклами; одна изъ нихъ назначалась для штурмана, управлявшаго „Наутилусомъ“, въ другой горѣлъ яркій электрическій свѣтъ, озарявшій его путь.

Море было великолѣпно, небо ясно. Длинное судно чуть-чуть покачивалось на широкихъ волнахъ океана. Легкій восточный вѣтерокъ рябилъ поверхность воды. Свободный отъ тумана горизонтъ былъ вполнѣ доступенъ наблюденіямъ.

Кругомъ все было пусто. Ни скалы ни острова. Ни малѣйшаго слѣда „Авраама Линкольна“. Безграничная пустыня.

Вооружившись секстантомъ, капитанъ Немо опредѣлилъ высоту солнца, долженствовавшую указать ему широту мѣста. Во время наблюденія

ни одинъ мускулъ его не дрогнулъ, и инструментъ въ его рукахъ былъ такъ неподвиженъ, какъ будто его держала мраморная рука.

— Полдень, — сказалъ онъ. — Господинъ профессоръ, не угодно ли вамъ?..

Я бросилъ послѣдній взглядъ на это нѣсколько желтоватое море, омывавшее японскіе берега, и спустился въ гостиную.

Здѣсь капитанъ опредѣлилъ положеніе мѣста, высчиталъ съ помощью хронометра долготу, провѣрилъ свой выводъ предшествовавшими наблюденіями часовыхъ угловъ и сказалъ мнѣ:

— Господинъ Аронаксъ, мы подъ сто-тридцать-седьмымъ градусомъ и пятнадцатью минутами западной долготы...

— Отъ какого меридіана? — живо спросилъ я, надѣясь, что отвѣтъ капитана укажетъ мнѣ на его національность.

— У меня нѣсколько хронометровъ, — сказалъ онъ, — поставленныхъ по меридіанамъ Парижа, Гринвича и Вашингтона. Но въ честь васъ я выбираю парижскій.

Этотъ отвѣтъ не объяснилъ ровно ничего. Я наклонился, и капитанъ продолжалъ:

— Сто тридцать-семь градусовъ и пятнадцать минутъ долготы къ западу отъ парижскаго меридіана и тридцать градусовъ семь минутъ сѣверной широты, то-есть въ трехстахъ миляхъ отъ береговъ Японіи. Значитъ сегодня, 8-го ноября, въ полдень начинается наше подводное ученое путешествіе.

— Да сохранитъ насъ Богъ! — промолвилъ я.

— А теперь, господинъ профессоръ, — прибавилъ капитанъ, — предоставляю васъ вашимъ занятіямъ. Я отдалъ приказаніе итти къ востоко-сѣверо-востоку на глубинѣ пятидесяти метровъ. Вотъ карты, гдѣ всѣ пункты обозначены; по нимъ вы можете слѣдить направленіе. Зала къ вашимъ услугамъ, и я прошу позволенія удалиться.

Капитанъ Немо поклонился. Я остался одинъ, погруженный въ свои размышленія. Всѣ они вертѣлись около этого капитана „Наутилуса". Узнаю ли я когда-нибудь, къ какой націи принадлежитъ этотъ загадочный человѣкъ, который хвалился, что не принадлежитъ ни къ одной? Кто возбудилъ въ немъ эту ненависть къ человѣчеству, — ненависть, которая, быть-можетъ, искала ужаснаго мщенія? Былъ ли это непризнанный ученый, одинъ изъ тѣхъ геніевъ, которымъ, по выраженію Конселя, „причинили много горя", Галилей новаго времени, или одинъ изъ тѣхъ людей науки, какъ американецъ Мори, поприще которыхъ было разбито политическими революціями? Я ничего этого не зналъ. Судьба бросила меня на его судно, и жизнь моя находилась въ его рукахъ; онъ встрѣчалъ меня холодно, но гостепріимно; однако, онъ никогда не бралъ руки, которую я ему протягивалъ, никогда не подавалъ мнѣ своей.

Цѣлый часъ я провелъ, погруженный въ эти думы, стараясь разгадать эту, такъ занимавшую меня, тайну. Потомъ глаза мои остановились на большомъ плоскошаріи, разложенномъ на столѣ, и я поставилъ палецъ на ту именно точку, гдѣ помянутыя выше долгота и широта скрещивались.

Море, какъ материки, имѣетъ свои рѣки. Это особенныя теченія, отличающіяся своимъ цвѣтомъ и температурой, и изъ коихъ самое

замѣчательное извѣстно подъ именемъ Гольфштрома. Наука опредѣлила на земномъ шарѣ направленіе пяти главныхъ теченій: одно на сѣверѣ Атлантическаго океана, другое на югѣ его, третье на сѣверѣ Тихаго океана, четвертое на югѣ и пятое въ южной части Индійскаго океана. По всей вѣроятности, существовало шестое теченіе въ сѣверномъ

«...капитанъ Немо опредѣлилъ высоту солнца...» (Стр. 73).

Индійскомъ океанѣ, когда моря Каспійское и Аральское, въ соединеніи съ большими озерами Средней Азіи, составляли одно сплошное водное пространство. Одно изъ такихъ теченій было предо мною въ пунктѣ, намѣченномъ на плоскошаріи: это—Куро-Сциво японцевъ, Черная рѣка, которая, выходя изъ Бенгальскаго залива, гдѣ ее нагрѣваютъ перпенди-

кулярные лучи тропическаго солнца, прорѣзываетъ проливъ Малаккскій, огибаетъ берегъ Азіи, описываетъ кривую на сѣверномъ Тихомъ океанѣ до острововъ Алеутскихъ, унося съ собою стволы камфарнаго дерева и другія мѣстныя произведенія и рѣзко различаясь ярко-синимъ цвѣтомъ своихъ теплыхъ водъ отъ волнъ океана. По этому теченію „Наутилусъ" и долженъ былъ итти. Я слѣдилъ за нимъ взоромъ, я видѣлъ его теряющимся въ неизмѣримомъ пространствѣ Тихаго океана и чувствовалъ, что меня увлекаетъ вмѣстѣ съ нимъ. Въ эту минуту Недъ Лендъ и Консель появились у дверей гостиной.

Мои бравые товарищи стояли неподвижно, какъ вкопанные, въ виду всѣхъ собранныхъ предъ ними чудесъ.

— Гдѣ мы? Гдѣ мы? — спрашивалъ канадецъ. — Въ квебекскомъ музеѣ?

— Прошу извиненія у ихъ милости, но я готовъ думать, что мы въ гостиницѣ Соммераръ.

— Друзья мои, — сказалъ я, приглашая ихъ войти, — вы не въ Канадѣ и не во Франціи, а на бортѣ „Наутилуса", въ пятидесяти метрахъ подъ уровнемъ океана.

— Мы должны вѣрить ихъ милости, — замѣтилъ Консель, — но, право, эта зала можетъ изумить даже такого фламандца, какъ я.

— Изумляйся и смотри, мой другъ, — сказалъ я, — потому что для такого искуснаго классификатора, какъ ты, здѣсь найдется довольно работы.

Не было надобности поощрять Конселя. Добрый малый, облокотившись на витрины, бормоталъ уже слова изъ языка натуралистовъ: классъ брюхоногихъ, семейство трубороговъ, родъ ужовокъ и т. д.

Между тѣмъ Недъ Лендъ, не совсѣмъ сильный въ конхиліологіи, разспрашивалъ меня о моемъ свиданіи съ капитаномъ Немо. Узналъ ли я, кто онъ, откуда и куда отправлялся, какъ глубоко онъ думаетъ насъ погрузить? Словомъ, тысяча вопросовъ, на которые я не успѣвалъ отвѣчать.

Я сообщилъ ему все, что зналъ или, вѣрнѣе, чего не зналъ, и спросилъ его, что онъ видѣлъ и слышалъ съ своей стороны.

— Ничего не видалъ и не слыхалъ, — отвѣчалъ канадецъ. — Я не видалъ даже экипажа этого судна. Ужъ не электрическій ли и онъ также?

— Электрическій.

— Что жъ? Это очень возможно. Но, господинъ Аронаксъ, — спросилъ Недъ Лендъ, постоянно носившійся со своею мыслью, — не можете ли вы мнѣ сказать, сколько на бортѣ людей, — десять, двадцать, пятьдесятъ, сто?

— Не могу вамъ на это отвѣтить, мистеръ Лендъ. Впрочемъ, повѣрьте мнѣ, оставьте лучше на время вашу мысль о томъ, чтобы бѣжать или овладѣть „Наутилусомъ". Судно это мастерское произведеніе современнаго искусства, и я не жалѣю, что мнѣ довелось увидѣть его! Многіе пожелали бы быть на нашемъ мѣстѣ, хотя бы для того, чтобы посмотрѣть на всѣ эти чудеса. Итакъ будемъ благоразумны и станемъ наблюдать все, что вокругъ насъ происходитъ.

— Наблюдать! — закричалъ китоловъ: — но вѣдь ничего не видно, да и никогда ничего не будетъ видно изъ этой желѣзной тюрьмы! Мы идемъ, мы плывемъ, какъ слѣпые...

Едва Недъ Лендъ проговорилъ эти слова, какъ въ залѣ вдругъ воцарилась полнѣйшая темнота. Лившійся съ потолка свѣтъ угасъ и такъ мгновенно, что я почувствовалъ боль въ глазахъ, подобную той, какую производитъ переходъ отъ глубокаго мрака къ самому яркому освѣщенію.

Мы были нѣмы и неподвижны и не могли понять, какая неожиданность, пріятная или непріятная, намъ предстоитъ. Послышался скрипъ и шорохъ. Казалось, что въ стѣнахъ „Наутилуса" что-то отодвигается.

— Вотъ и конецъ конца, — сказалъ Недъ Лендъ.

— Порядокъ гидромедузъ, — пробормоталъ Консель.

Вдругъ насъ освѣтило съ обѣихъ сторонъ залы чрезъ два продолговатыя отверстія. Окружавшіе судно жидкіе слои представлялись намъ ярко освѣщенными электрическимъ сіяніемъ. Два кристальныя стекла отдѣляли насъ отъ моря. Я задрожалъ при мысли о томъ, что эта слабая преграда можетъ разбиться; но ее поддерживали крѣпкія мѣдныя рамы и сообщали ей прочность почти несокрушимую. Можно было ясно видѣть на цѣлую милю кругомъ. Какой видъ! Какое перо можетъ описать его? Кто сумѣлъ бы нарисовать переливы свѣта сквозь эти прозрачные слои и постепенное смягченіе тоновъ и оттѣнковъ отъ верхнихъ до нижнихъ слоевъ океана?

Всѣмъ извѣстна прозрачность морской воды. Всѣ знаютъ, что чистота ея превосходитъ чистоту воды горныхъ источниковъ. Органическія и минеральныя вещества, содержащіяся въ ней, еще даже усиливаютъ ея прозрачность. Въ нѣкоторыхъ частяхъ океана, у Антильскихъ острововъ, можно съ поразительною ясностью видѣть песчаное дно на глубинѣ ста-сорока-пяти метровъ, и проницающая сила солнечныхъ лучей останавливается, какъ кажется, только на глубинѣ трехсотъ метровъ. Но въ той жидкой средѣ, въ коей подвигался „Наутилусъ", электрическій свѣтъ находился въ самыхъ волнахъ. Это была уже не свѣтящаяся вода, а жидкій свѣтъ.

Если допустить гипотезу Эренберга, вѣрящаго въ фосфорическое освѣщеніе морской глубины, то природа дѣйствительно сберегла для обитателей моря одно изъ своихъ самыхъ дивныхъ зрѣлищъ, и я могъ судить о томъ по разнообразной игрѣ этого свѣта. Съ каждой стороны я имѣлъ по окну, выходившему на эти неизвѣданныя бездны. Темнота въ комнатѣ еще усиливала проходившее извнѣ освѣщеніе, и этотъ чистый хрусталь казался какъ бы стекломъ громаднаго акваріума.

„Наутилусъ" какъ будто не трогался съ мѣста. Не было ничего такого, что могло бы указать, что мы двигаемся. По временамъ, впрочемъ, водяные слои, разсѣкаемые его бивнемъ, проносились предъ нашими глазами съ поразительною быстротой.

Изумленные, мы стояли, опираясь на рамы оконъ, и никто изъ насъ не думалъ прерывать молчанія. Наконецъ Консель сказалъ:

— Ну, другъ Лендъ, вы все хотѣли видѣть, вотъ вы и видите.

— Удивительно, удивительно! — говорилъ канадецъ, который, забывъ свой гнѣвъ и свои планы бѣгства, поддался неотразимому влеченію. — Да, изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстъ можно бы притти, чтобы только взглянуть на это зрѣлище.

— Да, — воскликнулъ я, — я понимаю жизнь этого человѣка; онъ создалъ себѣ особенный міръ, раскрывающій предъ нимъ самыя изумительныя свои тайны!

— Но гдѣ же рыбы? — спрашивалъ канадецъ. — Я не вижу рыбъ.

— Какое вамъ до нихъ дѣло, другъ Недъ? — отвѣчалъ Консель. — Вѣдь вы ихъ не знаете.

— Какъ? Я — рыбакъ!

Между двумя друзьями завязался споръ. Они оба знали рыбъ, но каждый по-своему. Всѣмъ извѣстно, что рыбы составляютъ четвертый и послѣдній классъ отдѣла позвоночныхъ. Ихъ очень вѣрно опредѣлили такъ: „Позвоночныя съ двойнымъ кровообращеніемъ и холодной кровью, которыя дышатъ жабрами и предназначены жить въ водѣ". Онѣ образуютъ двѣ различныя группы: группу рыбъ костистыхъ, то-есть такихъ, у которыхъ спинной хребетъ состоитъ изъ костяныхъ позвонковъ, и группу рыбъ хрящевыхъ, у которыхъ спинной хребетъ состоитъ изъ позвонковъ хрящевыхъ.

Канадцу, можетъ-быть, это дѣленіе и было не безызвѣстно, но Консель зналъ о томъ гораздо больше, и теперь, подружившись съ Недомъ, онъ не могъ допустить, чтобъ у кого-нибудь было больше свѣдѣній, чѣмъ у него самого, и онъ сказалъ:

— Другъ Недъ, вы колете рыбъ, вы очень искусно ихъ ловите, вы имѣли въ рукахъ очень многихъ изъ этихъ любопытныхъ животныхъ, но я готовъ биться объ закладъ, что вы не знаете, какъ ихъ классифируютъ.

— Вотъ еще! — спокойно возразилъ китоловъ. — Ихъ дѣлятъ на съѣдобныхъ и несъѣдобныхъ.

— Вотъ дѣленіе, достойное гастронома, — отвѣчалъ Консель. — А скажите, пожалуйста, вы знаете разницу между рыбами костистыми и хрящевыми? — продолжалъ онъ.

— Ну, вотъ еще, Консель!

— А подраздѣленія этихъ обѣихъ группъ?

— Вотъ ужъ объ этомъ не имѣю никакого понятія.

— Ну, такъ слушайте, — съ торжествомъ продолжалъ мой ученый слуга. — Костистыя рыбы подраздѣляются на шесть порядковъ: первый — колючеперыя, у которыхъ верхняя челюсть цѣльная и подвижная, а жабры гребенчатыя. Къ этому порядку принадлежатъ пятнадцать семействъ, то-есть три четверти всѣхъ извѣстныхъ рыбъ. Типъ ихъ: обыкновенный окунь.

— Это очень вкусная рыба, — замѣтилъ Недъ Лендъ.

— Второй, — продолжалъ лекторъ, — брюхоперыя, брюшные плавники у которыхъ находятся подъ животомъ, позади грудныхъ, и не соединены съ плечомъ. Порядокъ этотъ въ свою очередь распадается на пять семействъ и заключаетъ въ себѣ большую часть прѣсноводныхъ рыбъ. Типъ: карпъ, щука.

— Эти тоже довольно вкусны, хотя щука и пожестче, — сказалъ канадецъ.

— Третій, — продолжалъ Консель, — горлоперыя. Брюшные плавники у нихъ находятся подъ грудными и непосредственно соединены съ плечомъ. Этотъ отрядъ состоитъ изъ четырехъ семействъ. Типъ: пласкуша, камбала, косоротъ.

— Ну, эти похуже, — заявилъ канадецъ, не признававшій другого взгляда на рыбъ, кромѣ кулинарнаго.

— Четвертый, — невозмутимо продолжалъ Консель, — голобрюхія, имѣющія удлиненное тѣло, одѣтое толстою, нерѣдко слизистою кожей, но лишенныя плавниковъ. Этотъ порядокъ имѣетъ только одну семью. Типъ: гимнотъ, угорь.

— Эти, пожалуй, еще будутъ хуже, — замѣтилъ Недъ Лендъ.

— Пятый, — продолжалъ Консель, нисколько не смущаясь, — кистежаберныя. Челюсти у нихъ цѣльныя и свободныя, а жабры имѣютъ видъ небольшихъ кисточекъ, идущихъ попарно вдоль жаберныхъ дугъ. Онѣ имѣютъ тоже одну семью. Типъ: морской конь, пегасъ.

— Ну, эти тоже плохи! — пояснилъ канадецъ.

— Наконецъ, шестой, — заключилъ лекторъ, — крѣпкочелюстныя. У нихъ челюстная кость соединена накрѣпко съ междучелюстною; поднебесный сводъ соединяется съ черепомъ посредствомъ шва, вслѣдствіе чего челюсть неподвижна. Этотъ порядокъ лишенъ настоящихъ брюшныхъ плавниковъ и имѣетъ два семейства. Типъ: луна-рыба, четырезубецъ...

— Ну, ужъ этотъ вашъ порядокъ никуда не годится, и я его всегда выбрасывалъ вонъ! — воскликнулъ китоловъ.

Ученый Консель пожалъ плечами и спросилъ своего слушателя:

— А поняли вы что-нибудь, Недъ?

— Ровно ничего, Консель, — искреннимъ тономъ отвѣтилъ канадецъ. — Но это не должно васъ смущать. Продолжайте; вы такъ хорошо говорите.

Консель откашлялся и началъ:

— Что касается рыбъ хрящевыхъ, то онѣ имѣютъ только три порядка.

— Тѣмъ лучше для насъ: меньше запоминать придется, — замѣтилъ Недъ.

— Первый порядокъ — круглоротыя. Челюсти у нихъ скрѣплены въ одно подвижное кольцо, а жабры открываются многочисленными щелями. Онѣ имѣютъ только одну семью. Типъ: минога.

— Ну, это такъ себѣ, неважная рыба, — сказалъ китоловъ.

— Второй — поперечноротыя. Жабры сходны съ жабрами круглоротыхъ, зато нижняя челюсть у нихъ подвижная. Этотъ отрядъ самый замѣчательный изъ всего класса и имѣетъ двѣ семьи. Типъ: скатъ, акула.

— Что! — закричалъ канадецъ: — акула и скатъ въ одномъ порядкѣ? Да кто же это ихъ помѣстилъ вмѣстѣ? Ну, Консель, въ интересѣ скатовъ я вамъ не совѣтую сажать ихъ вмѣстѣ съ этими обжорами! Вѣдь если вы...

— Третій, — перебилъ Консель, — осетровыя. Жабры у этого порядка обыкновенно открываются посредствомъ щели, снабженной крышкою. Порядокъ этотъ имѣетъ четыре вида. Типъ: осетръ.

— А! вотъ это рыба такъ рыба! — вскричалъ канадецъ: — пальчики оближешь. Недаромъ, другъ Консель, вы поберегли ее къ концу, въ видѣ десерта. Спасибо. Теперь все?

— Нѣтъ, милый Недъ, далеко не все. Зная только это, мы почти еще ничего не знаемъ, потому что семейства въ свою очередь подраздѣляются на роды, виды и разновидности.

— Ну! И вы все это знаете?

— Увы, нѣтъ! — печально отвѣтилъ Конселъ. — За этимъ нужно обратиться къ ихъ милости, — кивнулъ онъ на меня.

— Зачѣмъ намъ безпокоить господина профессора,—замѣтилъ канадецъ. — И вы мнѣ насказали такъ много, что я ничего не помню, а если примется говорить вашъ господинъ, то у меня окончательно все перепутается въ головѣ. Давайте лучше смотрѣть въ окно. Видите, какія проходятъ мимо насъ разновидности?

— Да! — воскликнулъ Консель: — рыбы. Господи, какая ихъ масса! Право, можно подумать, что стоишь передъ акваріумомъ.

— Нѣтъ, мой другъ, — сказалъ я, — акваріумъ только клѣтка, а мы наблюдаемъ рыбъ свободныхъ, какъ птицъ въ воздухѣ.

— Ну, другъ Консель, называйте мнѣ всѣхъ этихъ рыбъ! — проговорилъ канадецъ, смотря въ громадное окно на быстро мелькавшихъ передъ глазами рыбъ.

— Это тоже касается ихъ милости, — отвѣчалъ Консель.

И дѣйствительно, честный малый, при всемъ своемъ умѣньи классифировать, не былъ натуралистомъ и на практикѣ не сумѣлъ бы отличить тунца отъ макрели.

— Ну, такъ я буду вамъ называть ихъ, а вы будете распихивать ихъ по своимъ порядкамъ, — засмѣялся китоловъ.

И онъ, правда, сталъ называть безъ всякаго затрудненія рыбъ, мелькавшихъ у насъ передъ глазами.

— Вотъ плыветъ китайскій спинорогъ, — между прочимъ говорилъ канадецъ.

— Семейство жесткокожихъ, отрядъ крѣпкочелюстныхъ, — сейчасъ же прошепталъ Консель.

Недъ Лендъ продолжалъ безошибочно называть почти каждую рыбу, а Консель сейчасъ же ее классифировалъ, и насколько первый былъ свѣдущъ на практикѣ, настолько послѣдній не отставалъ отъ него въ теоріи, такъ что изъ нихъ обоихъ вышелъ бы замѣчательный натуралистъ.

Болѣе двухъ часовъ мы любовались подводными арміями, сопровождавшими „Наутилусъ". Среди ихъ игръ и быстрыхъ движеній, когда онѣ, казалось, соперничали между собою въ красотѣ и скорости, я съ удовольствіемъ замѣтилъ *зеленаго губана,* красивую *барвену,* оттѣненную двойною черною полосою; *бѣлаго кольбеня,* съ фіолетовыми пятнами на спинѣ и съ его округленнымъ хвостомъ; великолѣпнаго представителя семейства макрелей — *японскаго тунца,* съ голубымъ тѣломъ и серебристою головою; *блестящихъ лазоревиковъ,* одно названіе которыхъ стоитъ цѣлаго описанія; *рубчатаго спара,* съ его плавниками, переливающимися желтымъ и голубымъ цвѣтами; *полосатаго спара,* съ черной полосой на хвостовомъ плавникѣ, и *спара поясного,* красиво опоясаннаго шестью полосами какъ поясами; *трубкоротыхъ,* со ртомъ въ видѣ флейты, или *морскихъ бекасовъ,* достигающихъ иногда метра въ длину; *японскихъ саламандръ, ежевыхъ муренъ,* длинныхъ шестифутовыхъ *змѣй,* съ крошечными блестящими глазами и широкимъ ртомъ, усаженнымъ острыми зубами, и много другихъ диковинокъ подводнаго міра.

Восторгу нашему, казалось, не будетъ конца; восклицанія и аплодисменты наши все время не прекращались. Недъ Лендъ продолжалъ на-

зывать рыбъ, Консель ихъ сейчасъ же съ самымъ ученымъ видомъ классифировалъ, а я искренно восхищался изумительной быстротой ихъ движеній и чрезвычайнымъ разнообразіемъ и красотою формъ. Ни разу еще мнѣ не удавалось видѣть всѣхъ этихъ животныхъ на полной свободѣ въ ихъ родной стихіи.

Не стану перечислять всѣ разновидности, промелькнувшія передъ нашими изумленными глазами, всю эту богатую коллекцію японскихъ и китайскихъ морей. Ихъ было больше, чѣмъ птицъ въ воздухѣ, и онѣ во множествѣ устремлялись къ „Наутилусу“, привлеченныя, вѣроятно, блескомъ электрическаго свѣта.

Вдругъ въ залѣ сдѣлалось опять свѣтло. Желѣзныя рамы задвинулись. Волшебное видѣніе исчезло; но я долго еще мечталъ, пока глаза мои не остановились случайно на инструментахъ, висѣвшихъ по стѣнамъ. Компасъ попрежнему показывалъ направленіе къ востоко-сѣверовостоку, манометръ — давленіе пяти атмосферъ, соотвѣтствующее глубинѣ пятидесяти метровъ, а электрическій лагъ указывалъ скорость пятнадцати миль въ часъ.

Я ждалъ капитана Немо, но онъ не показывался. Было пять часовъ.

Недъ Лендъ и Консель отправились въ свою каюту. Я вернулся въ свою комнату. Мой обѣдъ былъ на столѣ. Онъ состоялъ изъ черепашьяго супа, приготовленнаго изъ самыхъ вкусныхъ морскихъ черепахъ, изъ барвены съ бѣлымъ и немного наслоеннымъ мясомъ, и печень которой, приготовленная отдѣльно, составляла самое изысканное блюдо, и, наконецъ, филе изъ мяса ежа-рыбы императорской, которой вкусъ показался мнѣ лучше лососины. Вечеръ я провелъ за чтеніемъ, письмомъ и въ размышленіяхъ. Потомъ меня началъ клонить сонъ, я расположился на своемъ ложѣ изъ взморника и крѣпко заснулъ, между тѣмъ какъ „Наутилусъ“ быстро скользилъ по теченію Черной рѣки.

ГЛАВА XV.

Письменное приглашеніе.

9-го ноября, на другой день, я проснулся послѣ двѣнадцати часовъ сна. Консель, по своему обыкновенію, пришелъ освѣдомиться, какъ я провелъ ночь, и предложить свои услуги. Канадецъ еще спалъ, какъ будто во всю жизнь ничѣмъ другимъ не занимался.

Я далъ Конселю свободу болтать сколько угодно, почти не отвѣчая ему. Меня безпокоило отсутствіе капитана Немо, который не показывался во все время нашей бесѣды прошедшаго вечера, и я надѣялся увидѣть его сегодня.

Я скоро одѣлся въ свое платье изъ виссона. Его качество нѣсколько разъ вызывало различныя замѣчанія со стороны Конселя. Я сообщилъ ему, что оно сдѣлано изъ шелковистыхъ и лоснящихся волоконъ, которыми моллюски прикрѣпляются къ утесамъ. Прежде изъ нихъ дѣлали прекрасныя ткани, чулки, перчатки, потому что они очень мягки и въ то же время очень теплы. Стало-быть, экипажъ „Наутилуса“ могъ имѣть дешевыя платья, ничего не требуя отъ земли — ни хлопчатника, ни

овецъ, ни шелковичныхъ червей. Одѣвшись, я отправился въ большую залу. Она была пуста.

Я погрузился въ изученіе драгоцѣнныхъ раковинъ, собранныхъ въ стеклянныхъ ящикахъ; разсматривалъ огромные гербаріумы, наполненные самыми рѣдкими морскими растеніями, которыя хотя и были высушены, но сохранили свои чудные цвѣта.

Такъ прошелъ цѣлый день, и капитанъ Немо не удостоилъ меня своимъ посѣщеніемъ. Двери залы не отворялись. Можетъ-быть, опасались, что мы слишкомъ скоро привыкнемъ ко всѣмъ этимъ чудесамъ и перестанемъ цѣнить ихъ. „Наутилусъ“ шелъ все въ томъ же востоко-сѣверо-восточномъ направленіи, со скоростью двѣнадцати миль въ часъ, на глубинѣ между пятьюдесятью и шестьюдесятью метрами.

На другой день, 10-го ноября, — то же невниманіе и такое же одиночество. Я не видалъ никого изъ экипажа. Недъ и Консель провели большую часть дня со мной; ихъ удивляло непонятное отсутствіе капитана. Не заболѣлъ ли этотъ странный человѣкъ? Не измѣнилъ ли онъ своихъ намѣреній относительно насъ?

Впрочемъ, мы пользовались, какъ замѣтилъ Консель, полною свободой, и насъ хорошо кормили. Слѣдовательно, нашъ хозяинъ не нарушалъ заключеннаго условія, и мы не могли жаловаться. Да сверхъ того, самая исключительность нашего положенія представляла такія богатыя вознагражденія, что мы не имѣли права обвинять его.

Съ этого дня я началъ вести дневникъ, что и дало мнѣ возможность разсказать всѣ эти событія съ самою добросовѣстною точностью и со всѣми любопытными подробностями; я писалъ на бумагѣ, сдѣланной изъ морского взморника. 11-го ноября, рано утромъ, распространившійся по кораблю свѣжій воздухъ извѣстилъ меня, что мы возвратились на поверхность океана, чтобы снова запастись кислородомъ. Я отправился къ средней лѣстницѣ и вышелъ на платформу. Было шесть часовъ; день былъ пасмурный, море сѣрое, но спокойное, съ едва замѣтною зыбью. Придетъ ли капитанъ Немо, котораго я надѣялся здѣсь встрѣтить? Тутъ находился только одинъ рулевой, заключенный въ стеклянную клѣтку. Усѣвшись на выступъ, гдѣ помѣщалась шлюпка, я съ наслажденіемъ вдыхалъ въ себя соляныя испаренія.

Отъ солнечныхъ лучей мало-по-малу разсѣялся морской туманъ. На востокѣ показалось лучезарное свѣтило; отъ его взгляда на морѣ запылала яркая полоса. Облака, разсѣянныя въ высотѣ, окрасились самыми живыми оттѣнками и переливами, а многочисленныя маленькія бѣлыя легкія облака, зазубренныя по краямъ, предвѣщали вѣтеръ на весь день.

Но что могъ сдѣлать „Наутилусу“ вѣтеръ, когда и буря не пугала его!

Я любовался прекраснымъ восходомъ солнца, дѣйствовавшимъ такъ весело и животворно, когда услыхалъ, что кто-то взошелъ на платформу.

Я приготовился раскланяться съ капитаномъ Немо, но это былъ его подшкиперъ. Онъ вышелъ на платформу и, повидимому, не замѣчалъ моего присутствія. Онъ внимательно изслѣдовалъ всѣ точки на горизонтѣ, вооружившись сильною подзорною трубой. Потомъ, приблизившись къ отверстію, произнесъ слѣдующія слова, которыя я твердо за-

помнилъ, потому что они повторялись каждое утро при одинаковыхъ условіяхъ: „Nautron respoc lorni virch".

Я не знаю, что они означали.

Сказавъ это, подшкиперъ удалился. Думая, что „Наутилусъ" скоро начнетъ свое подводное плаваніе, я возвратился къ отверстію и узкимъ проходомъ вернулся въ свою комнату. Такъ прошло пять дней, но обстоятельства не измѣнились. Каждое утро я выходилъ на платформу; та же фраза повторялась каждый день тѣмъ же человѣкомъ. Капитанъ Немо не показывался.

Я помирился съ необходимостью, но 16 ноября, возвратившись въ свою комнату съ Недомъ и Конселемъ, я нашелъ на столѣ адресованную на мое имя записку.

Я нетерпѣливо распечаталъ ее; она была написана твердымъ, четкимъ, но какъ будто готическимъ почеркомъ, напоминавшимъ нѣмецкія буквы.

Записка заключала слѣдующее:

„Господину профессору Аронаксу, на кораблѣ „Наутилусъ", 16-го ноября 1867.

„Капитанъ Немо приглашаетъ господина профессора Аронакса завтра утромъ на охоту въ его лѣсахъ, на островѣ Креспо. Онъ надѣется, что господину профессору ничто не помѣшаетъ принять участіе въ охотѣ, а также, что и товарищи его будутъ его сопровождать.

„Командиръ „Наутилуса", капитанъ Немо".

— Охота! — вскричалъ Недъ.

— И въ его лѣсахъ на островѣ Креспо! — прибавилъ Консель.

— Такъ этотъ господинъ сходитъ на землю? — возразилъ Недъ Лендъ.

— Мнѣ кажется, что это ясно высказано, — прибавилъ я, перечитывая письмо.

— Ну, что же, надо принять предложеніе, — возразилъ канадецъ, — и когда мы будемъ на твердой землѣ, то рѣшимъ, что намъ предпринять. Сверхъ того, мнѣ очень бы хотѣлось съѣсть нѣсколько кусковъ свѣжей дичи.

Я не умѣлъ, да и не пытался согласить противорѣчіе, существовавшее, какъ мнѣ казалось, между очевиднымъ отвращеніемъ капитана Немо къ твердой землѣ и островамъ и его приглашеніемъ охотиться въ лѣсу, и ограничился отвѣтомъ:

— Прежде всего посмотримъ, что это за островъ Креспо.

Я справился по картѣ и подъ 32° 40′ сѣверной широты и 167° 50′ западной долготы нашелъ небольшой островъ, открытый капитаномъ Креспо въ 1801 году, который въ старыхъ испанскихъ картахъ назывался Рокка-де-ла-Плата, то-есть Серебряный Утесъ.

Итакъ въ эти дни мы прошли тысячу восемьсотъ миль; нѣсколько измѣнивъ свое направленіе, „Наутилусъ" подвигался опять къ юго-востоку.

Я показалъ моимъ товарищамъ этотъ маленькій утесъ, затерявшійся на сѣверѣ Тихаго океана.

— Если капитанъ Немо и выходитъ иногда на землю, — сказалъ я имъ, — то онъ по крайней мѣрѣ выбираетъ самые пустынные острова.

Недъ Лендъ покачалъ головой, не говоря ни слова, и вышелъ изъ комнаты вмѣстѣ съ своимъ другомъ. Послѣ ужина, поданнаго мнѣ невозмутимо-спокойнымъ и нѣмымъ слугой, я уснулъ нѣсколько озабоченный.

Проснувшись на другой день, 17-го ноября, я почувствовалъ, что „Наутилусъ" стоялъ совершенно неподвижно, и, проворно одѣвшись, вышелъ въ большую залу.

Капитанъ Немо, дожидавшійся меня тамъ, всталъ, раскланялся и спросилъ, согласны ли мы его сопровождать. Онъ ничего не сказалъ о причинѣ своего восьмидневнаго отсутствія, а я съ своей стороны воздержался отъ разспросовъ и просто отвѣчалъ, что я и мои товарищи готовы слѣдовать за нимъ.

— Только, — прибавилъ я, — я позволю себѣ предложить вамъ одинъ вопросъ.

— Спрашивайте, господинъ Аронаксъ, и если я могу отвѣтить на него, то отвѣчу.

— Хорошо, капитанъ. Вы прервали всѣ сношенія съ землей; объясните же мнѣ, какъ въ такомъ случаѣ вы можете владѣть лѣсами на островѣ Креспо.

— Господинъ профессоръ, — отвѣтилъ капитанъ, — лѣса, которыми я владѣю, не требуютъ отъ солнца ни свѣта ни тепла. Ни одно четвероногое, ни львы, ни тигры, ни барсы не посѣщаютъ ихъ; они извѣстны только мнѣ одному, растутъ для меня. Это не земные лѣса, а подводные.

— Подводные лѣса! — вскричалъ я.

— Да, господинъ профессоръ.

— И вы мнѣ предлагаете итти туда?

— Точно такъ.

— Пѣшкомъ?

— И даже не замочивъ ногъ.

— Охотиться?

— Да.

— Съ ружьемъ въ рукахъ?

— Съ ружьемъ въ рукахъ...

Я глядѣлъ на командира „Наутилуса" съ видомъ, не совсѣмъ для него лестнымъ.

„Онъ рѣшительно помѣшался, — думалъ я. — Съ нимъ былъ припадокъ, продолжавшійся восемь дней, который продолжается еще и теперь. Очень жаль! Мнѣ было пріятнѣе считать его чудакомъ, чѣмъ сумасшедшимъ". Эти мысли ясно выражались на моемъ лицѣ, но капитанъ Немо пригласилъ меня слѣдовать за нимъ, и я пошелъ, рѣшившись покориться волѣ судьбы.

Мы пришли въ столовую, гдѣ былъ приготовленъ завтракъ.

— Господинъ Аронаксъ, — сказалъ мнѣ капитанъ, — прошу васъ позавтракать со мной безъ церемоніи. А между тѣмъ мы поговоримъ. Я, правда, обѣщалъ вамъ прогулку въ лѣсу, но не думалъ обѣщать, что вы тамъ встрѣтите гостиницу. Завтракайте же хорошенько, потому что обѣдать вамъ придется, вѣроятно, очень поздно.

Я сдѣлалъ честь кушаньямъ. Они состояли изъ разной рыбы и блюда морскихъ кубышекъ — превосходныхъ зоофитовъ, приправленныхъ

водорослями, каковы porphyria laciniata и laurentia primafetida, способствующими пищеваренію. Питье состояло изъ чистой воды, въ которую я, по примѣру капитана, прибавилъ нѣсколько капель крѣпкаго спиртуознаго напитка, полученнаго по камчатскому способу изъ водоросли, извѣстной подъ именемъ „родоменіи дланевидной" (rhodomenia palmata). Сначала капитанъ Немо ѣлъ молча; потомъ онъ сказалъ мнѣ:

— Господинъ профессоръ, когда я предложилъ вамъ охотиться въ моихъ лѣсахъ Креспо, вы нашли, что я непослѣдователенъ. Когда вы узнали, что дѣло идетъ о подводныхъ лѣсахъ, вы сочли меня сумасшедшимъ. Господинъ профессоръ, не слѣдуетъ такъ поверхностно судить о людяхъ.

— Но, капитанъ, вѣрьте, что...

— Потрудитесь выслушать меня и вы увидите, имѣли ли вы право обвинять меня въ сумасшествіи или непослѣдовательности.

— Я васъ слушаю.

— Господинъ профессоръ, вамъ, такъ же какъ и мнѣ, извѣстно, что человѣкъ, имѣя запасъ нужнаго для дыханія воздуха, можетъ жить подъ водой. Работникъ, одѣтый во время подводныхъ работъ въ непромокаемое платье и надѣвъ на голову металлическій шлемъ, получаетъ внѣшній воздухъ посредствомъ воздушнаго насоса, при чемъ регуляторы удаляютъ изъ аппарата отслужившія частицы.

— Этотъ аппаратъ называется скафандромъ, — сказалъ я.

— Да; но при этихъ условіяхъ человѣкъ не свободенъ. Онъ привязанъ къ насосу, который посредствомъ каучуковой трубы доставляетъ ему воздухъ. Это настоящія цѣпи, приковывающія его къ землѣ, и если бы мы находились въ такой зависимости отъ „Наутилуса", то не ушли бы далеко.

— А развѣ есть средство быть свободнымъ? — спросилъ я.

— Да, и оно заключается въ употребленіи снаряда „Рукейроль-Денейрузъ", изобрѣтеннаго двумя вашими соотечественниками, но усовершенствованнаго мною для моего личнаго употребленія; воспользовавшись имъ, вы можете, безъ всякаго опасенія, отважиться на путешествіе. Онъ состоитъ изъ резервуара, сдѣланнаго изъ толстаго листового желѣза, который я наполняю воздухомъ при давленіи пятидесяти атмосферъ. Этотъ резервуаръ прикрѣпляется къ спинѣ перевязью, какъ солдатскій ранецъ; верхняя его часть состоитъ изъ ящика, наполненнаго воздухомъ, который удерживается въ равновѣсіи посредствомъ механизма, похожаго на раздувательные мѣхи, и выходитъ только при своемъ нормальномъ напряженіи. Въ аппаратѣ Рукейроля, какъ его обыкновенно употребляютъ, изъ этого ящика выходятъ двѣ каучуковыя трубки, которыя, расширяясь у своихъ нижнихъ отверстій, закрываютъ носъ и ротъ оператора; одна изъ нихъ служитъ для проведенія вдыхаемаго воздуха, другая — для удаленія выдыхаемаго, а языкъ закрываетъ, смотря по надобности, то ту, то другую. Но мнѣ приходится выдерживать значительныя давленія въ глубинѣ моря, и потому я, подобно водолазамъ, заключаю голову въ мѣдный шаръ, а уже къ этому шару примыкаютъ двѣ трубы для вдыханія и выдыханія.

— Прекрасно, капитанъ. Однакоже воздухъ, которымъ вы запасаетесь, долженъ быстро портиться, онъ не можетъ годиться для дыханія, если содержитъ не болѣе пятнадцати сотыхъ кислорода.

— Совершенно вѣрно; но я уже сказалъ вамъ, господинъ Аронаксъ, что насосы „Наутилуса“ даютъ мнѣ возможность подвергать воздухъ значительному давленію, и, дѣлая запасъ при подобныхъ условіяхъ, я наполняю резервуаръ аппарата такимъ количествомъ воздуха, которое можетъ снабжать меня необходимымъ для дыханія матеріаломъ въ продолженіе девяти или десяти часовъ.

— Мнѣ нечего болѣе возразить, — отвѣтилъ я. — Я только спрошу васъ, какъ вы освѣщаете свой путь на днѣ океана?

— Посредствомъ аппарата Румкорфа, господинъ Аронаксъ. Какъ первый прикрѣпляется къ спинѣ, такъ второй привязывается къ поясу. Онъ состоитъ изъ элемента Бунзена, который я наполняю не двухромокислымъ кали, — его я не могъ бы достать, — а натріемъ, которымъ такъ богато море. Индуктивная бобина собираетъ энергію электричества и направляетъ ее къ особеннаго устройства фонарю. Въ этомъ фонарѣ находится стеклянная извилистая труба, которая содержитъ разрѣженный углекислый газъ. Когда аппаратъ находится въ дѣйствіи, то этотъ газъ дѣлается свѣтлымъ и даетъ бѣловатое и непрерывное пламя. Снабженный такимъ образомъ, я дышу и вижу.

— Капитанъ, своими отвѣтами вы разбиваете въ конецъ всѣ мои возраженія, и я не смѣю сомнѣваться. Однакоже, принимая аппараты Рукейроля и Румкорфа, я желалъ бы сдѣлать кой-какія замѣчанія по поводу ружья, которымъ вы хотите меня вооружить.

— Но вѣдь мое ружье не нуждается въ порохѣ, — отвѣчалъ капитанъ.

— Стало-быть, это воздушное ружье?

— Безъ сомнѣнія; откуда мнѣ взять пороху, когда на моемъ кораблѣ нѣтъ ни селитры, ни сѣры, ни угля.

— Но чтобъ успѣшно стрѣлять въ цѣль подъ водой, которая въ восемьсотъ-пятьдесятъ-пять разъ плотнѣе воздуха, надо побѣдить значительное сопротивленіе.

— Это еще не препятствіе. Есть пушки, усовершенствованныя послѣ Фультона англичанами Филиппомъ Коль и Бурлеемъ, французомъ Фурси, италіанцемъ Ланди, снабженныя особенною системою запоровъ, которыя могутъ стрѣлять при этихъ условіяхъ. Повторяю еще разъ, что, не имѣя пороха, я замѣняю его воздухомъ при высокомъ давленіи, которымъ меня въ изобиліи снабжаютъ насосы „Наутилуса“.

— Этотъ воздухъ долженъ быстро истощаться.

— Ну, что же? развѣ у меня нѣтъ резервуара Рукейроля, который можетъ, при надобности, снабдить меня имъ? Для этого достаточно крана ad hoc. Сверхъ того, господинъ Аронаксъ, вы увидите сами, что во время подводной охоты расходуется не очень много воздуха и пуль.

— Однако, мнѣ кажется, что въ полумракѣ и въ средѣ, сравнительно съ атмосферой, очень плотной, выстрѣлы не могутъ брать далеко и рѣдко смертельны.

— Напротивъ, всѣ выстрѣлы этого ружья смертельны, и животное непремѣнно падаетъ мертвымъ, хотя бы пуля едва коснулась его.

— Почему?

— Потому что это ружье стрѣляетъ не обыкновенными пулями, но маленькими стеклянными шариками, изобрѣтенными австрійскимъ химикомъ Ленիброкомъ, которыхъ у меня большой запасъ. Эти стеклян-

ные шарики, покрытые стальною оковкой, и которымъ придается тяжесть прибавленіемъ свинца, — настоящія маленькія лейденскія банки, въ которыхъ электричество доведено до значительнаго напряженія. При самомъ легкомъ соприкосновеніи они разряжаются, и животное, какъ бы ни было оно сильно, падаетъ мертвымъ. Прибавлю еще, что эти пули не толще четвертаго нумера, и что обыкновенный ружейный зарядъ можетъ содержать ихъ до десяти.

— Я болѣе не возражаю, — отвѣчалъ я, вставая изъ-за стола, — и мнѣ остается только взять свое ружье. Притомъ же я готовъ итти всюду, куда вы пойдете.

Капитанъ проводилъ меня къ кормѣ корабля, и, проходя мимо каюты Неда и Конселя, я позвалъ своихъ товарищей, которые сейчасъ же послѣдовали за нами.

Потомъ мы подошли къ каютѣ, помѣщавшейся при входѣ, около помѣщенія машинъ, въ которой мы должны были переодѣться въ охотничьи костюмы.

ГЛАВА XVI.

Прогулка по равнинѣ.

Точнѣе говоря, эта каюта была арсеналомъ и гардеробною „Наутилуса". Дюжина скафандровъ, въ ожиданіи желавшихъ гулять, висѣли на стѣнѣ.

При взглядѣ на нихъ Недъ Лендъ обнаружилъ сильное нежеланіе въ нихъ облечься.

— Но, мой храбрый Недъ, — сказалъ я, — лѣса острова Креспо — только подводные лѣса!

— Славно! — проворчалъ обманувшійся въ своихъ ожиданіяхъ гарпунщикъ, видя какъ разлетаются его мечты о свѣжей говядинѣ. — А вы, господинъ Аронаксъ, тоже думаете влѣзть въ это одѣяніе?

— Что жъ дѣлать, другъ Недъ, — такъ надо!

— Ваша воля, сударь, — отвѣчалъ гарпунщикъ, пожимая плечами, — но что касается меня, то развѣ заставятъ насильно, а добровольно я никогда не рѣшусь на это.

— Васъ не приневоливаютъ, мистеръ Недъ, — сказалъ капитанъ Немо.

— Рискнетъ ли на это Консель? — спросилъ Недъ.

— Я слѣдую всюду за моимъ господиномъ, — отвѣтилъ Консель.

По зову капитана пришли двое людей изъ экипажа, чтобы помочь намъ одѣться въ тяжелыя непромокаемыя одежды безъ шва, сдѣланныя изъ каучука, которыя могли выносить значительныя давленія. Онѣ походили на старые воинскіе доспѣхи, гибкіе и въ то же время упругіе. Это платье состояло изъ панталонъ и куртки. Панталоны кончались башмаками съ тяжелою свинцовою подошвой. Ткань куртки поддерживалась кирасою изъ мѣдныхъ пластинокъ, которыя защищали грудь отъ напора воды и позволяли легкимъ свободно дышать; рукава оканчивались мягкими перчатками, нисколько не мѣшавшими движеніямъ рукъ.

Эти усовершенствованные скафандры были далеко лучше безобразныхъ одеждъ, изобрѣтенныхъ въ XVIII вѣкѣ, и которыя такъ восхваляли, какъ, напримѣръ, латы изъ пробковаго дерева, камзолы безъ рукавовъ, морскія платья, ящики и т. д.

Капитанъ Немо и одинъ изъ его товарищей, настоящій геркулесъ, очевидно чрезвычайно сильный, Консель и я скоро одѣлись въ скафандры; намъ осталось только заключить свои головы въ металлическіе шары. Но прежде чѣмъ приступить къ этой операціи, я попросилъ у капитана позволенія осмотрѣть назначенныя намъ ружья.

Одинъ изъ матросовъ „Наутилуса" показалъ мнѣ простое ружье, прикладъ котораго, сдѣланный изъ листовой стали, выдолбленный внутри, былъ довольно великъ. Онъ служилъ резервуаромъ для сжатаго воздуха, и клапанъ, приводимый въ движеніе собачкой, пропускалъ воздухъ въ металлическую трубу. Ящикъ для пуль, выдолбленный въ самомъ прикладѣ, заключалъ въ себѣ двадцать электрическихъ пуль, которыя, посредствомъ пружины, сами собой падали въ ружейное дуло. Послѣ каждаго выстрѣла ружье уже было заряжено.

— Капитанъ, — сказалъ я, — это — превосходное оружіе, и имъ легко управлять. Я желаю поскорѣе его попробовать. Но какъ мы достигнемъ морского дна?

— Господинъ профессоръ, въ эту минуту „Наутилусъ" остановился на днѣ — на глубинѣ десяти метровъ.

— Но какъ мы выйдемъ?

— Вы это сейчасъ увидите.

Капитанъ Немо просунулъ голову въ шаровидный колпакъ. Консель и я сдѣлали то же самое, при чемъ канадецъ иронически пожелалъ намъ хорошей охоты. Наша верхняя одежда оканчивалась мѣднымъ съ винтовыми нарѣзами воротникомъ, къ которому и привинчивалась металлическая маска; сквозь три отверстія съ толстыми стеклами можно было, поворачивая голову въ шарѣ, глядѣть во всѣ стороны. Лишь только на наши спины помѣстили аппараты Рукейроля, какъ они начали дѣйствовать, и я могъ свободно дышать.

Лампа Румкорфа висѣла у меня на поясѣ, и, съ ружьемъ въ рукахъ, я былъ готовъ итти. Но одѣтый въ эти тяжелыя одежды и какъ бы прикованный къ палубѣ свинцовыми подошвами, я, сказать правду, не могъ сдѣлать шагу. Но этотъ случай былъ предвидѣнъ, и я почувствовалъ, какъ меня втолкнули въ маленькую комнату, смежную съ гардеробной. Моихъ товарищей тоже толкали, и они слѣдовали за мной. Я слышалъ, какъ запирали за нами дверь, и глубокая темнота разлилась вокругъ насъ.

Спустя нѣсколько минутъ сильный свистъ дошелъ до моихъ ушей. Я почувствовалъ, какъ по моему тѣлу отъ ногъ до груди пробѣжалъ холодъ. Очевидно, что посредствомъ крана въ каюту впустили внѣшнюю воду, которая захватила насъ и вскорѣ наполнила всю комнату. Тогда отворилась другая дверь, прорубленная съ боку корабля: мы очутились въ полусвѣтѣ. Минуту спустя мы шли по морскому дну. Не знаю, сумѣю ли я описать впечатлѣнія, произведенныя на меня этою подводною прогулкой? Словами нельзя разсказать всѣ эти чудеса. Если кисть не въ состояніи воспроизвести всей красоты этой стихіи, то какое же перо можетъ передать ее?

Капитанъ Немо шелъ впереди, а его товарищъ слѣдовалъ за нимъ въ нѣсколькихъ шагахъ. Консель и я шли рядомъ, какъ будто была возможность разговаривать сквозь наши металлическіе шлемы. Я не чувствовалъ болѣе тяжести своего платья и своей обуви, воздушнаго резервуара и тяжелаго шара, въ которомъ моя голова качалась какъ миндальное ядро въ скорлупѣ. Всѣ эти предметы, погруженные въ воду, теряли часть своей тяжести, равную вѣсу вытѣсненной ими жидкости, и я чувствовалъ себя очень хорошо, благодаря этому физическому закону, открытому Архимедомъ. Я не былъ болѣе бездѣятельною массой, но имѣлъ относительно большую свободу движенія.

Свѣтъ, озарявшій почву на глубинѣ 30-ти футовъ, удивилъ меня своимъ могуществомъ. Солнечные лучи легко проникали сквозь эту водяную массу и обезцвѣчивали ее. Я ясно различалъ предметы на разстояніи ста метровъ; дальше же все дно отливало нѣжными лазуревыми оттѣнками, которые вдалекѣ переходили въ синеватые и исчезали въ безпредѣльной темнотѣ. Въ самомъ дѣлѣ, меня окружалъ тотъ же воздухъ, болѣе плотный, чѣмъ земная атмосфера, но почти столь же прозрачный. Я могъ различать надъ собой тихую поверхность моря.

Мы шли по чистому гладкому песку, не такому изборожденному, какъ на морскихъ берегахъ, гдѣ онъ постоянно сохраняетъ слѣды прибоя морскихъ волнъ; это былъ ослѣпительный коверъ, настоящій рефлекторъ, съ удивительной силой отражавшій солнечные лучи. Отсюда— это изумительное сіяніе, отражаемое всѣми частичками жидкости. Повѣрятъ ли мнѣ, что на глубинѣ 30 футовъ я могъ все видѣть такъ же ясно, какъ среди бѣлаго дня?

Въ продолженіе четверти часа я шелъ по сіявшему песку, усѣянному неосязаемою пылью раковинъ. Корпусъ „Наутилуса“, казавшагося длиннымъ подводнымъ камнемъ, мало-по-малу исчезалъ въ отдаленіи, но его маякъ, при наступленіи темноты въ глубинѣ воды, долженъ былъ облегчить намъ возвратный путь, распространяя свои лучи съ необыкновенною ясностію, о которой трудно составить понятіе тому, кто видѣлъ только на землѣ рѣзкія бѣловатыя полосы электрическаго свѣта. На землѣ пыль, которою проникнутъ воздухъ, придаетъ имъ видъ сіяющаго тумана; но на морѣ и подъ водой эти электрическіе слѣды передаются съ удивительною отчетливостью.

Между тѣмъ мы все шли, а огромная песчаная долина казалась безпредѣльною. Я раздвигалъ руками водяные слои, смыкавшіеся за мною, и слѣды моихъ шаговъ немедленно сглаживались давленіемъ воды.

Вскорѣ формы нѣсколькихъ предметовъ, выдвинувшихся въ отдаленіи, ясно представились моимъ глазамъ. Я узналъ поразительно красивыя очертанія скалъ, испещренныхъ самыми прекрасными образцами зоофитовъ, и былъ пораженъ особеннымъ явленіемъ, свойственнымъ исключительно этой средѣ.

Было 10 часовъ утра. Солнечные лучи падали на поверхность волнъ подъ довольно косымъ угломъ и, преломляясь водяными слоями, какъ призмой, окрашивали, по краямъ скалы, растеньица, раковины, полипы семью цвѣтами солнечнаго спектра. Глазамъ открывалось великолѣпное зрѣлище, настоящій калейдоскопъ, прелестное соединеніе цвѣтовъ краснаго, зеленаго, желтаго, оранжеваго, фіолетоваго, синяго, какъ на палитрѣ самаго искуснаго живописца. Зачѣмъ я не могъ сообщить Кон-

селю своихъ впечатлѣній и восторговъ и соперничать съ нимъ въ восклицаніяхъ и удивленіи? Зачѣмъ не умѣлъ я обмѣниваться мыслями посредствомъ условныхъ знаковъ, какъ капитанъ Немо и его товарищъ? Итакъ, за неимѣніемъ лучшаго, я говорилъ самъ съ собой, кричалъ въ покрывавшемъ мою голову мѣдномъ ящикѣ и, можетъ-быть, тратилъ на пустыя рѣчи больше воздуха, чѣмъ слѣдовало.

Консель тоже остановился передъ этимъ великолѣпнымъ зрѣлищемъ. Очевидно, при видѣ этихъ зоофитовъ и моллюсковъ, честный малый все классифировалъ. Почва изобиловала полипами и лучистыми: разнообразные изиды, одиноко живущія корнуларіи, вѣтки окулинъ, прежде извѣстныхъ подъ именемъ „бѣлаго коралла“, колючія фунгіи, имѣющія форму грибовъ. Но надо было итти, и мы шли впередъ, а между тѣмъ надъ нашими головами плыли стада физалій, лазуревые щупальцы которыхъ развѣвались за ними; опаловидныя, нѣжнорозовыя медузы, окаймленныя по краямъ лазуревыми полосками, прикрывали насъ какъ зонтиками отъ солнечныхъ лучей, и, наконецъ, Pelagia panopyra, которыя освѣтили бы намъ путь фосфорическимъ свѣтомъ, если бы мы шли ночью.

Всѣ эти чудеса я видѣлъ на разстояніи четверти мили, едва пріостанавливаясь и повинуясь призывнымъ знакамъ капитана Немо. Свойство почвы скоро измѣнилось. За песчаной равниной слѣдовалъ слой вязкой тины, исключительно состоящей изъ кремнистыхъ и известковыхъ раковинъ. Потомъ мы прошли долиною водорослей, покрытою морскими растеніями, уцѣлѣвшими отъ дѣйствія воды и отличавшимися необыкновенною силой. Эти лужайки, покрытыя плотною тканью, своею мягкостью могли соперничать съ самыми богатыми коврами, сработанными человѣкомъ. Зелень, разстилавшаяся подъ нашими ногами, раскидывалась и надъ нами. Легкія гирлянды морскихъ растеній, причисленныхъ къ многочисленному семейству водорослей, которыхъ насчитываютъ до двухъ тысячъ видовъ, скрещивались на поверхности воды. Я смотрѣлъ, какъ плавали длинныя ленты водорослей, однѣ шаровидныя, другія трубчатыя, лавренціи, кладостефы со своими тонкими листьями, лапчатые родимены, похожіе на вѣера изъ кактусовъ; я замѣтилъ, что зеленыя растенія держались ближе къ поверхности моря, тогда какъ красныя занимали среднюю глубину, предоставляя чернымъ или темнымъ водорослямъ наполнять сады и цвѣтники въ глубокихъ слояхъ океана.

Водоросли — одно изъ чудесъ всемірной флоры. Это самыя маленькія и самыя большія растенія на земномъ шарѣ. Представьте себѣ, что самыхъ мелкихъ насчитываютъ до *сорока тысячъ на пяти квадратныхъ миллиметрахъ*, между тѣмъ какъ самыя крупныя достигаютъ болѣе *пятисотъ* метровъ въ длину!

Прошло полтора часа, какъ мы вышли; было около полудня. Я это узналъ по отвѣснымъ солнечнымъ лучамъ, которые не преломлялись болѣе. Мало-по-малу исчезли очаровательныя краски, и изумрудные и пурпуровые цвѣта скрылись съ нашего горизонта. Мы шли мѣрнымъ шагомъ, и шумъ нашихъ шаговъ отдавался съ необыкновенною ясностью. Малѣйшій звукъ передавался съ такою быстротой, къ которой наше ухо не привыкло. И въ самомъ дѣлѣ, вода — лучшій проводникъ звука, чѣмъ воздухъ, и онъ распространяется въ ней вчетверо быстрѣе.

Между тѣмъ почва стала все болѣе и болѣе понижаться. Свѣтъ принялъ однообразный колоритъ. Мы достигли до ста метровъ глубины, выдерживая давленіе десяти атмосферъ. Но мой скафандръ былъ такъ устроенъ и примѣненъ къ этимъ условіямъ, что я не чувствовалъ этого давленія. Только въ суставахъ пальцевъ испытывалъ я какую-то тяжесть, но и это непріятное чувство скоро исчезло. Что же касается до усталости, которую я долженъ бы былъ чувствовать послѣ двухчасовой прогулки въ этомъ странномъ и непривычномъ для меня нарядѣ, то я ея не испытывалъ. При помощи воды я двигался съ удивительною легкостью.

На глубинѣ трехсотъ футовъ я еще могъ видѣть солнечные лучи, но они уже казались очень слабыми. За ихъ яркимъ сіяніемъ слѣдовали красноватыя сумерки, что-то среднее между днемъ и ночью. Однакоже мы еще хорошо видѣли дорогу, и намъ не было надобности прибѣгать къ помощи Румкорфова аппарата.

Вдругъ капитанъ Немо остановился; онъ подождалъ, когда я присоединюсь къ нему, и показалъ рукой на какую-то темную массу, виднѣвшуюся въ тѣни на близкомъ отъ насъ разстояніи.

„Это лѣсъ острова Креспо“, подумалъ я и не ошибся.

ГЛАВА XVII.

Подводный лѣсъ.

Наконецъ мы подошли къ опушкѣ лѣса, который, безъ сомнѣнія, былъ однимъ изъ лучшихъ въ обширныхъ владѣніяхъ капитана Немо. Онъ считалъ его своею собственностію и присвоилъ себѣ надъ нимъ такія же права, какъ первый человѣкъ при началѣ міра. Да и кто сталъ бы оспаривать у него эту подводную собственность? Гдѣ нашелся бы другой, болѣе смѣлый піонеръ, который рѣшился бы явиться съ топоромъ въ рукахъ расчищать эти темныя чащи? Лѣсъ состоялъ изъ большихъ древовидныхъ растеній, и когда мы проникли подъ его громадные своды, меня сильно поразило странное расположеніе ихъ вѣтвей, — расположеніе, котораго я до этихъ поръ еще не замѣчалъ.

Трава, покрывавшая почву, не стлалась по землѣ, вѣтви кустарниковъ не сгибались и не принимали горизонтальнаго направленія. Все подымалось къ поверхности океана. Всѣ самыя тонкія волокна и ленты стояли прямо, какъ желѣзные прутья. Водоросли и ліаны поднимались перпендикулярно, и это направленіе ихъ обусловливалось плотностью окружавшей ихъ стихіи. Эти растенія были неподвижны, и когда я раздвигалъ ихъ руками, они сейчасъ же принимали свое прежнее положеніе. Здѣсь господствовала вертикальность.

Я скоро привыкъ къ такому странному расположенію, также и къ относительной темнотѣ, насъ окружавшей. Почва лѣса была усѣяна острыми обломками, которыхъ трудно было избѣжать. Подводная флора показалась мнѣ весьма богатою, даже богаче, чѣмъ подъ арктическими или тропическими поясами, гдѣ произведенія ея не такъ многочисленны. Но въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ я невольно смѣшивалъ между собой произведенія различныхъ царствъ, принимая зоофитовъ за водо-

росли, животныхъ за растенія. Впрочемъ, всякій ошибся бы на моемъ мѣстѣ. Въ этомъ подводномъ мірѣ фауна и флора такъ близко касаются другъ друга!

Я сдѣлалъ наблюденіе, что всѣ эти произведенія растительнаго царства лишь слегка прикрѣплялись къ почвѣ. Они лишены корней и не требуютъ питанія отъ почвы, а ищутъ въ ней только точку опоры. Поэтому всѣ подводныя растенія возвышаются безразлично то на пескѣ, то на раковинахъ, то на твердыхъ остаткахъ черепокожныхъ животныхъ и даже на камняхъ. Растенія эти, какъ и все въ морѣ, существуютъ благодаря водѣ, которая питаетъ ихъ и даетъ имъ жизнь. Большая часть изъ нихъ имѣютъ вмѣсто листьевъ небольшія пластинки самой причудливой формы. Цвѣтъ ихъ очень разнообразенъ, но самостоятельныхъ цвѣтовъ я не замѣтилъ. Были смѣшаны: розовые, красные, зеленые, оливковые, рыжіе и каштановые оттѣнки. Я уже видѣлъ эти экземпляры въ гербаріяхъ „Наутилуса". Тутъ были *падины*, въ видѣ распущенныхъ вѣеровъ, казалось, поджидавшія легкаго вѣтерка; яркокрасныя *цераміи*, *ламинаріи* съ протянутыми молодыми отростками, которые можно употреблять въ пищу; гибкія нитеобразныя *нереоцистеи*, которыя распускаются на высотѣ пятнадцати метровъ; цѣлые букеты *ацетабуловъ*, стволы которыхъ растутъ верхушкой, и много другихъ морскихъ растеній, лишенныхъ цвѣтовъ.

Недаромъ сказалъ одинъ остроумный натуралистъ, что это „любопытная аномалія причудливой стихіи, въ которой *животное* царство цвѣтетъ, а *растительное* никогда не даетъ цвѣтовъ".

Среди различныхъ растеній, не уступавшихъ своими размѣрами деревьямъ умѣреннаго пояса, въ ихъ влажной тѣни группировались кустарники съ *живыми* цвѣтами, цѣлыя изгороди изъ зоофитовъ, на которыхъ распускались полосатыя *меандрины* съ извилистыми бороздками, желтоватыя *каріофилліи* съ ихъ прозрачными щупальцами, пучки травовидныхъ *зоантовъ*, и въ довершеніе иллюзіи — *рыбы-мухи*, точно колибри, перепархивали съ вѣтки на вѣтку, тогда какъ желтыя *сціены* съ челюстями, усаженными острыми зубами, и съ не менѣе острой чешуей, *дактилоптеры* и *моноцентры*, подобно бекасамъ, поднимались у насъ изъ-подъ ногъ.

Было около часу, когда капитанъ Немо подалъ сигналъ для отдыха. Съ своей стороны, я былъ очень этимъ доволенъ, и мы растянулись подъ тѣнью группы аларій, которыхъ длинные и тонкіе лентовидные стебли поднимались кверху какъ стрѣлы. Эта минута отдыха показалась мнѣ восхитительною. Намъ недоставало только удовольствія сообщать другъ другу свои мысли, такъ какъ невозможно было ни говорить ни отвѣчать. Я приблизилъ свою толстую мѣдную голову къ головѣ Конселя и видѣлъ, что глаза честнаго малаго блестѣли отъ удовольствія, и онъ, въ знакъ радости, очень смѣшно моталъ головою въ своемъ воздушномъ черепѣ.

Меня сильно удивляло, что послѣ четырехчасовой прогулки я не испытывалъ голода. Я не могъ себѣ объяснить, отъ чего зависѣло такое состояніе моего желудка. Но взамѣнъ этого у меня явилось непреодолимое желаніе уснуть, какъ это бываетъ со всѣми водолазами. Мои глаза скоро закрылись подъ своими толстыми стеклами, и я погрузился въ непробудный сонъ, который могла преодолѣвать только ходьба. Капи-

танъ Немо и его сильный товарищъ, лежавшіе въ этой прозрачной какъ кристаллъ средѣ, служили для насъ примѣромъ.

Не знаю, сколько времени продолжался мой сонъ; но, проснувшись, я замѣтилъ, что солнце склонялось къ горизонту. Капитанъ Немо уже всталъ; я началъ потягиваться, но одно неожиданное явленіе быстро подняло меня на ноги.

Въ нѣсколькихъ шагахъ чудовищный морской краббъ, въ метръ вышиной, смотрѣлъ на меня своими косыми глазами, готовясь броситься на меня. Хотя мой скафандръ и былъ настолько плотенъ, чтобы защитить меня отъ укушенія этого животнаго, однако я не могъ скрыть овладѣвшаго мной ужаса. Консель и матросъ „Наутилуса" проснулись въ эту минуту. Капитанъ Немо указалъ на гадкое животное своему товарищу, и онъ тотчасъ же убилъ его прикладомъ ружья: я замѣтилъ ужасныя конвульсивныя движенія отвратительныхъ лапъ чудовища.

Эта встрѣча навела меня на мысль, что въ этихъ таинственныхъ глубинахъ могутъ встрѣтиться и болѣе опасныя животныя, отъ нападенія которыхъ не спасетъ меня даже и скафандръ. До сихъ поръ эта мысль не приходила мнѣ въ голову, и я рѣшился быть насторожѣ. Я предполагалъ, что мы отдыхали у цѣли нашей прогулки, но я ошибался: капитанъ Немо не думалъ возвращаться къ „Наутилусу" и продолжалъ свою смѣлую экскурсію.

Почва все больше понижалась, и склонъ ея, становившійся все круче, велъ насъ къ болѣе глубокимъ слоямъ. Было около трехъ часовъ, когда мы достигли узкой долины, лежавшей между двумя высокими отвѣсными стѣнами, на глубинѣ 150 метровъ. Благодаря нашимъ усовершенствованнымъ аппаратамъ, мы прошли такимъ образомъ на девяносто метровъ дальше границы, которую природа, казалось, назначала для подводныхъ экскурсій человѣка.

Я говорю полтораста метровъ, хотя и не могъ никакимъ инструментомъ измѣрить этого разстоянія. Но я зналъ, что даже въ самыхъ прозрачныхъ моряхъ солнечные лучи не могутъ проникать далѣе. Наступила глубокая темнота; на разстояніи десяти шаговъ ничего не было видно. Я шелъ ощупью, какъ вдругъ увидалъ довольно яркій бѣловатый свѣтъ. Капитанъ Немо привелъ въ дѣйствіе свой электрическій аппаратъ; товарищъ его сдѣлалъ то же; мы съ Конселемъ послѣдовали ихъ примѣру. Повертывая винтъ, я установилъ сообщеніе между бобиной и стеклянной трубой, и наши четыре фонаря освѣтили море на 25 метровъ.

Между тѣмъ капитанъ Немо все углублялся въ таинственный мракъ лѣса, кустарники котораго становились все рѣже и рѣже. Растительная жизнь исчезала замѣтно раньше животной. На почвѣ, сдѣлавшейся почти безплодною, не виднѣлось уже морскихъ растеній, а между тѣмъ она еще кишѣла животными, зоофитами, суставчатыми, моллюсками и рыбами. Дорогой я думалъ, что электрическое освѣщеніе непремѣнно привлечетъ къ намъ многихъ обитателей этого мрачнаго царства. Но если они и приближались къ намъ, то все-таки держались на очень прискорбномъ для охотниковъ разстояніи. Я видѣлъ, что капитанъ Немо нѣсколько разъ поднималъ свое ружье и прицѣливался; но послѣ нѣсколькихъ минутъ наблюденія онъ снова опускалъ его и продолжалъ свой путь.

Наконецъ наша чудесная экскурсія окончилась около четырехъ часовъ. Передъ нами поднималась величественная каменная стѣна, собраніе громадныхъ обломковъ, огромная гранитная скала, изрытая мрачными пещерами, къ которымъ однакоже не было доступа.

Это было подножіе острова Креспо; это была земля.

Вдругъ капитанъ Немо остановился; онъ далъ намъ знакъ сдѣлать то же, и, при всемъ моемъ желаніи перейти эту стѣну, я долженъ былъ отказаться отъ этого. Здѣсь кончились владѣнія капитана Немо; онъ не хотѣлъ переступить ихъ границы, смежной съ тою частью земного шара, съ которою онъ не желалъ имѣть никакихъ сношеній.

Начался обратный путь. Капитанъ шелъ во главѣ маленькаго отряда, нисколько не колеблясь. Мнѣ показалось, что теперь мы шли къ „Наутилусу" совсѣмъ другимъ путемъ. Эта новая дорога, очень крутая и, слѣдовательно, очень трудная, вывела насъ быстро на поверхность моря. Однакоже это возвращеніе въ верхніе слои происходило не такъ быстро, чтобы слишкомъ внезапно понизить напряженіе давленія, что могло дурно подѣйствовать на наши организмы и произвести тѣ сильныя внутреннія поврежденія, которымъ подвергаются водолазы. Скоро опять показался дневной свѣтъ; но солнце уже склонялось къ горизонту, и снова его преломлявшіеся лучи окаймляли различные предметы радужными кольцами... Мы шли на глубинѣ десяти метровъ, посреди множества маленькихъ рыбъ всевозможныхъ породъ, болѣе многочисленныхъ, чѣмъ птицы на воздухѣ, и болѣе проворныхъ; но намъ еще не встрѣчалось никакой водяной дичи, достойной выстрѣла.

Въ эту минуту я увидѣлъ, что капитанъ Немо поспѣшно прицѣливается и слѣдитъ за предметомъ, движущимся въ кустарникахъ. Раздался выстрѣлъ, сопровождаемый слабымъ свистомъ, и пораженное животное упало въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ.

Это была великолѣпная морская выдра, каланъ, единственное четвероногое исключительно морское. Эта выдра, длиной въ одинъ метръ и пятьдесятъ сантиметровъ, очевидно стоила очень дорого. Ея мѣхъ, темно-каштановый сверху и серебристый на брюхѣ, принадлежалъ къ тѣмъ, которые цѣнятся очень высоко на русскихъ и китайскихъ рынкахъ; по тонкости и лоску ея шерсти, она должна была стоить по меньшей мѣрѣ 2,000 франковъ. Я любовался этимъ любопытнымъ млекопитающимъ съ круглою головой и короткими ушами, съ круглыми глазами, бѣлыми кошачьими усами, острыми когтями на ногахъ, снабженныхъ плавательною перепонкой, и пушистымъ хвостомъ. Это драгоцѣнное плотоядное животное, за которымъ усердно охотятся рыбаки, становится чрезвычайно рѣдкимъ и укрывается преимущественно въ сѣверной части Тихаго океана, гдѣ видъ его, по всей вѣроятности, скоро переведется.

Товарищъ капитана Немо взвалилъ животное себѣ на плечи, и мы продолжали свой путь.

Въ продолженіе часа мы шли по песчаной равнинѣ. Разстояніе ея отъ поверхности моря часто не превышало двухъ метровъ. Я видѣлъ, какъ отчетливо отражались, но въ обратномъ положеніи, наши образы, и надъ нами виднѣлась такая же группа, съ совершенною точностью передававшая всѣ наши движенія и жесты, съ тою только разницей, что она двигалась вверхъ ногами.

Еще явленіе, достойное вниманія. Надъ нами проносились густыя облака, быстро появлявшіяся и такъ же быстро исчезавшія. Поразмысливъ, я убѣдился, что появленіе этихъ мнимыхъ облаковъ обусловливалось измѣнчивою толщиною волнъ. Я различалъ волнистые хребты барашковъ и даже могъ уловить на поверхности моря тѣнь быстро пролетавшихъ надъ нашими головами большихъ птицъ. Мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ одного изъ самыхъ удачныхъ выстрѣловъ, когда-либо заставлявшихъ трепетать сердце охотника. Мы видѣли большую птицу съ широко распростертыми крыльями, парившую надъ нами. Товарищъ капитана Немо прицѣлился и выстрѣлилъ, когда она находилась въ нѣсколькихъ метрахъ надъ волнами. Пораженная птица упала недалеко отъ ловкаго охотника, который и овладѣлъ ею. Это былъ альбатросъ самой красивой породы, великолѣпный экземпляръ морскихъ птицъ. Это обстоятельство не прервало нашего путешествія. Въ продолженіе двухъ часовъ мы шли то по песчанымъ долинамъ, то по лугамъ, покрытымъ водорослями и почти непроходимымъ. Откровенно говоря, я не могъ дальше итти, какъ вдругъ показался легкій свѣтъ, на полмили освѣтившій морской мракъ. Это былъ маякъ „Наутилуса". Намъ оставалось менѣе двадцати минутъ ходьбы до корабля, и мнѣ казалось, что тамъ только я вздохну свободно, потому что я чувствовалъ, что въ моемъ резервуарѣ очень мало кислорода. Но одна неожиданная встрѣча замедлила наше возвращеніе.

Я шелъ сзади, въ двадцати шагахъ разстоянія. Вдругъ капитанъ Немо быстро повернулся и подошелъ ко мнѣ. Своею мощною рукой онъ пригнулъ меня къ землѣ, а товарищъ его сдѣлалъ то же самое съ Конселемъ. Въ первую минуту я не зналъ что̀ подумать объ этомъ неожиданномъ нападеніи, но, видя, что капитанъ Немо тоже легъ рядомъ со мной и лежитъ неподвижно, я успокоился.

Я лежалъ на землѣ подъ прикрытіемъ группы водорослей и, поднявъ голову, увидѣлъ съ шумомъ проносившіяся огромныя массы, издававшія фосфорическій блескъ.

Кровь застыла въ моихъ жилахъ. Я узналъ, что намъ угрожаютъ страшныя акулы. Это была пара ужасныхъ акулъ-людоѣдовъ, съ огромными хвостами, съ тусклыми и стеклянными глазами, выдѣляющихъ изъ отверстій, находящихся вокругъ ихъ морды, фосфорическое вещество. Это чудовищныя огненныя мухи, способныя раздавить своими желѣзными челюстями цѣлаго человѣка. Не знаю, занимался ли Консель ихъ классификаціей, но что касается до меня, то я разсматривалъ ихъ серебристый животъ, чудовищную пасть, усаженную зубами, вовсе не съ научной точки зрѣнія и болѣе глазами жертвы, чѣмъ натуралиста. Къ счастію, эти прожорливыя животныя дурно видятъ. Они пронеслись, не замѣтивъ насъ и слегка коснувшись до насъ своими темнобурыми плавательными перьями, и мы какъ бы чудомъ избавились отъ опасности, гораздо болѣе страшной, чѣмъ встрѣча съ тигромъ въ лѣсу.

Полчаса спустя мы достигли „Наутилуса", руководимые электрическимъ свѣтомъ. Наружная дверь была отворена, и капитанъ Немо сейчасъ же заперъ ее, лишь только мы вошли въ первую каюту. Потомъ онъ подавилъ пружину. Я услыхалъ, какъ насосъ дѣйствовалъ внутри корабля, и почувствовалъ, что вода убываетъ, а черезъ нѣсколько ми-

нутъ въ каютѣ не осталось ни капли. Тогда внутренняя дверь отворилась, и мы вошли въ гардеробную.

Тамъ мы не безъ труда сняли свои скафандры, и я, измученный, сонный, голодный, добрался, наконецъ, до своей комнаты, совершенно очарованный этою удивительною подводною экскурсіей.

ГЛАВА XVIII.

Шестнадцать тысячъ верстъ подъ поверхностью Тихаго океана.

На другой день, 18-го ноября, я совершенно отдохнулъ послѣ своей вчерашней усталости и вышелъ на платформу въ то время, когда подшкиперъ „Наутилуса" произносилъ свою ежедневную фразу. Мнѣ пришло на мысль, что эта фраза относилась къ состоянію моря или, скорѣе всего, означала: „Нѣтъ ничего въ виду!" Дѣйствительно, предъ нами разстилалась водная пустыня; на горизонтѣ не виднѣлось ни одного паруса. Ночью скрылись холмы острова Креспо. Море, поглощая всѣ цвѣта спектра, за исключеніемъ голубого, который оно отражало во всѣхъ направленіяхъ, окрашивалось великолѣпнымъ синимъ цвѣтомъ. Волнистая поверхность, покрытая широкою рябью, живо напоминала красивые узоры муаровой ткани.

Въ то время, какъ я любовался великолѣпною картиной, представляемою океаномъ, пришелъ капитанъ Немо. Онъ, казалось, не замѣчалъ моего присутствія и началъ свои астрономическія наблюденія. Окончивъ ихъ, онъ облокотился на фонарь маяка и сталъ смотрѣть на поверхность океана.

Между тѣмъ на платформу взошли двадцать матросовъ „Наутилуса", все люди сильные и хорошо сложенные. Они стали вытаскивать сѣти, закинутыя наканунѣ вечеромъ. Всѣ эти моряки, очевидно, принадлежали къ различнымъ націямъ, хотя во всѣхъ можно было отличить европейскій типъ. Я узналъ между ними ирландцевъ, французовъ, нѣсколькихъ славянъ, одного грека, или кандіота. Всѣ эти люди были вдобавокъ молчаливы и разговаривали между собой на томъ странномъ нарѣчіи, котораго я никакъ не могъ понять и даже не могъ опредѣлить его происхожденія. Итакъ мнѣ пришлось отказаться отъ разспросовъ.

Сѣти вытащили на бортъ корабля. Онѣ напоминали сѣти, употребляемыя на нормандскихъ берегахъ. Это были огромные мѣшки, которые посредствомъ плавающаго шеста и цѣпи, продѣтой въ нижнія петли, остаются полуоткрытыми. Эти мѣшки тащились за кораблемъ по дну океана, сбирая на своемъ пути всѣ его продукты. Въ этотъ день они вытащили много любопытныхъ видовъ, изобилующихъ въ этихъ богатыхъ рыбой моряхъ.

Здѣсь были *лягвы*, названныя фиглярами за ихъ забавныя движенія; черныя *коммерсаніи* съ усиками; *балисты* съ поперечными красными полосами; *тетродоны*, ядъ которыхъ такъ силенъ; желтоватыя *миноги*; *макроринкусы*, покрытые серебристою чешуею; *трихіуріи*, не

уступающія развитіемъ своего электрическаго органа ни гнюсу ни электрическому угрю; *нотоптеріи* съ темными поперечными полосами; зеленоватая треска, нѣсколько видовъ бычковъ и т. п. Далѣе рыбы бóльшихъ размѣровъ: *каранксы* съ огромными головами, длиною въ метръ; нѣсколько красивыхъ *бонитъ,* украшенныхъ голубыми и се-

Подводная охота. (Стр. 95).

ребряными цвѣтами, и три великолѣпныхъ *тунца,* быстрота движеній которыхъ не могла спасти ихъ отъ нашихъ сѣтей. Я увѣренъ, что этотъ уловъ далъ болѣе тысячи фунтовъ рыбы. Хотя ловъ былъ хорошій, но удивляться этому не было основаній. Сѣти тянутся за кораблемъ въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ,— неудивительно, что онѣ

захватываютъ все, что попадается на пути. Вслѣдствіе этихъ обильныхъ улововъ мы никогда не терпѣли на „Наутилусѣ“ недостатка въ превосходномъ рыбномъ столѣ, возобновленію котораго постоянно способствовали быстрый ходъ судна и его электрическій свѣтъ, привлекавшій массу морскихъ обитателей.

Эти различные морскіе продукты были немедленно спущены въ баталеръ-камеру; одни изъ нихъ были назначены къ употребленію въ пищу свѣжими, другіе же были заготовлены впрокъ.

Когда рыбная ловля окончилась, и корабль возобновилъ необходимый запасъ воздуха, я думалъ, что мы будемъ продолжать свое подводное путешествіе, и хотѣлъ уже спуститься въ каюту, но вдругъ капитанъ Немо обернулся ко мнѣ и началъ безъ всякаго предисловія:

— Взгляните, господинъ профессоръ, на океанъ! Не одаренъ ли онъ дѣйствительною жизнью? У него есть своя вражда и свои привязанности. Вчера онъ заснулъ, какъ и мы, а сегодня встаетъ послѣ спокойной ночи.

Можно было подумать, что этотъ странный человѣкъ продолжаетъ начатый прежде разговоръ. Онъ никогда не здоровался и не прощался со мной.

— Посмотрите, — продолжалъ онъ, — онъ пробуждается подъ ласкающими взглядами солнца и начинаетъ свою дневную жизнь. Интересно прослѣдить всѣ измѣненія въ его организмѣ. Онъ имѣетъ пульсъ и артеріи, у него бываютъ судорожныя движенія, и я вполнѣ согласенъ съ ученымъ Мори, открывшимъ въ немъ круговращеніе столь же дѣйствительное, какъ обращеніе крови у животныхъ.

Очевидно, капитанъ Немо не ожидалъ отъ меня отвѣтовъ, а я счелъ лишнимъ прерывать его рѣчь односложными замѣчаніями въ родѣ: „безъ сомнѣнія“, „конечно“, „вы правы“ и т. д. Онъ разговаривалъ скорѣе самъ съ собой, оставляя довольно продолжительныя паузы между фразами, — онъ размышлялъ вслухъ.

— Да, — сказалъ онъ, — океанъ обладаетъ настоящимъ круговращеніемъ, для возбужденія котораго Создателю достаточно было усилить его теплоту и увеличить въ немъ количество солей и микроскопическихъ животныхъ. Дѣйствительно, теплотой обусловливается различная плотность, которая производитъ теченія въ разныхъ направленіяхъ. Испаренія, очень незначительныя въ сѣверныхъ странахъ, въ экваторіальномъ же поясѣ, напротивъ, очень сильныя, обусловливаютъ постоянный обмѣнъ между тропическими и полярными морями. Кромѣ того, я замѣчалъ теченія сверху внизъ и снизу вверхъ. Это настоящее дыханіе океана. Я видалъ, какъ частички морской воды, согрѣтыя на поверхности, сходили въ глубину, достигали наиболшей своей плотности при двухъ градусахъ ниже нуля; затѣмъ, охладившись еще болѣе, становились легче и опять поднимались. Вы увидите у полюсовъ слѣдствія этого явленія и поймете всю предусмотрительность природы, допускающей, благодаря этому закону, замерзаніе воды только на ея поверхности.

Въ то время какъ капитанъ Немо оканчивалъ свою фразу, я подумалъ: „Полюсъ! Неужели этотъ отважный человѣкъ намѣревается вести насъ туда?“

Между тѣмъ капитанъ замолчалъ и смотрѣлъ на стихію, которую онъ изучалъ постоянно и такъ полно. Потомъ онъ опять заговорилъ.

— Въ морѣ, господинъ профессоръ, — сказалъ онъ, — находится значительное количество солей, и если вы ихъ соберете всѣ, сколько ихъ есть въ растворѣ, то изъ нихъ составится масса въ четыре съ половиной милліона кубическихъ миль, которая покрыла бы землю слоемъ въ десять метровъ вышины. Не думайте, что присутствіе этихъ солей капризъ природы. Нѣтъ. Онѣ дѣлаютъ морскія воды менѣе способными къ испаренію и препятствуютъ вѣтрамъ уносить слишкомъ большое количество паровъ, которые, разрѣшаясь, могли бы затопить умѣренные пояса. Громадная роль, роль уравнителя въ общей экономіи земного шара!

Капитанъ Немо остановился, всталъ, прошелся по платформѣ и опять подошелъ ко мнѣ.

— Что же касается инфузорій, — возразилъ онъ, — милліардовъ этихъ микроскопическихъ животныхъ, существующихъ цѣлыми милліонами въ одной каплѣ, и которыхъ восемьсотъ тысячъ вѣсятъ не болѣе миллиграмма, то ихъ роль тоже не менѣе значительна. Онѣ поглощаютъ морскія соли, уподобляютъ твердыя составныя части воды и, образуя кораллы и полипняки, создаютъ цѣлые известковые материки! Потомъ капля воды, лишившись своего минеральнаго содержанія, дѣлается легче, подымается на поверхность, растворяетъ тамъ оставшіяся послѣ испаренія соли, становится тяжелѣе и опять опускается, принося микроскопическимъ животнымъ новые элементы для поглощенія. Отсюда двойное теченіе — восходящее и нисходящее — и постоянное движеніе, постоянная жизнь! Жизнь эта гораздо сильнѣе, роскошнѣе и безконечнѣе жизни материковъ. Она развивается во всѣхъ частяхъ океана, въ этой средѣ, говорятъ, убійственной для человѣка, но живительной для безконечнаго множества животныхъ... и для меня!

Когда капитанъ Немо говорилъ такимъ образомъ, онъ весь преображался, и рѣчи его производили на меня сильное впечатлѣніе.

— Здѣсь настоящая жизнь, — прибавилъ онъ. — Я понимаю возможность существованія подводныхъ городовъ, размноженія подводныхъ домовъ, которые каждое утро будутъ, какъ „Наутилусъ", возвращаться на поверхность океана, чтобы запастись воздухомъ, — городовъ, совершенно свободныхъ и государствъ независимыхъ! А кто знаетъ, быть-можетъ, какой-нибудь деспотъ...

Капитанъ Немо закончилъ свою фразу рѣзкимъ жестомъ. Потомъ, обратившись прямо ко мнѣ, какъ будто желая прогнать какую-то мрачную мысль, онъ спросилъ меня:

— Господинъ Аронаксъ, знаете ли вы, какъ велика глубина океана?

— Я знаю, капитанъ, по крайней мѣрѣ, всѣ результаты, полученные посредствомъ измѣренія.

— Можете ли вы назвать мнѣ нѣкоторыя цыфры, чтобъ я могъ, въ случаѣ надобности, повѣрить ихъ?

— Охотно, — отвѣчалъ я, — сообщу вамъ все, что припомню. Если не ошибаюсь, то средняя глубина сѣверной части Атлантическаго океана равняется восьми тысячамъ двумстамъ метрамъ, а Средиземнаго моря — двумъ тысячамъ пятистамъ метрамъ. Самыя замѣчательныя измѣренія были сдѣланы въ южной части Атлантическаго океана, около

тридцать-пятаго градуса, и они показали двѣнадцать тысячъ метровъ, четырнадцать тысячъ девяносто-одинъ метръ и пятнадцать тысячъ сто-сорокъ-девять метровъ. Словомъ, полагаютъ, что, выровнявъ морское дно, получили бы для средней глубины около семи километровъ.

— Хорошо, господинъ профессоръ, — отвѣчалъ капитанъ Немо, — но я надѣюсь показать вамъ нѣчто лучшее. Что же касается до средней глубины этой части Тихаго океана, то я могу сообщить вамъ, что она не превышаетъ четырехъ тысячъ метровъ.

Сказавъ эти слова, капитанъ Немо направился къ подъемной двери и сошелъ съ лѣстницы. Я послѣдовалъ за нимъ и спустился въ большую залу. „Наутилусъ" пришелъ тотчасъ въ движеніе, и лагъ показывалъ двадцать миль въ часъ.

Проходили дни и недѣли, а свиданія мои съ капитаномъ Немо были попрежнему рѣдки. Онъ часто подолгу не показывался. Его подшкиперъ правильно отмѣчалъ на картѣ мѣсто нахожденія судна, такъ что могъ съ точностью опредѣлить путь „Наутилуса".

Консель и Лендъ часто проводили дни со мной. Консель разсказалъ своему другу о всѣхъ чудесахъ, видѣнныхъ имъ во время нашей прогулки, и канадецъ жалѣлъ, что не сопровождалъ насъ. Но я надѣялся, что намъ еще представится случай посѣтить океанскіе лѣса.

Почти каждый день ставни въ окнахъ залы отворялись на нѣсколько часовъ, и мы никогда не уставали смотрѣть на тайны подводнаго міра.

„Наутилусъ" продолжалъ итти къ юго-востоку и держался между ста и ста-пятьюдесятью метрами глубины. Впрочемъ, однажды, не знаю по какой причинѣ, увлекаемый діагонально посредствомъ своихъ наклонныхъ плоскостей, онъ достигъ до глубины двухъ тысячъ метровъ. Стоградусный термометръ показывалъ 4,25°, — это температура, свойственная при такой глубинѣ всѣмъ широтамъ. 26-го ноября, въ три часа утра, „Наутилусъ" пересѣкъ тропикъ Рака подъ 172° долготы; 27-го числа онъ прошелъ въ виду Сандвичевыхъ острововъ, гдѣ погибъ знаменитый *Кукъ* 14-го февраля 1779 года. Мы проплыли уже четыре тысячи восемьсотъ-шестьдесятъ миль со времени нашего отъѣзда. Утромъ, выйдя на платформу, я увидалъ, на разстояніи двухъ миль, подъ вѣтромъ, Гауаги — самый значительный изъ семи острововъ этого архипелага. Я ясно различалъ его воздѣланное прибрежье, цѣпи горъ, идущія параллельно съ берегомъ, его вулканы, надъ которыми возвышается Моуна-Реа, поднимающійся на пять тысячъ метровъ надъ уровнемъ моря. Закинутыя сѣти, въ числѣ другихъ произведеній этой части океана, вытащили нѣсколько экземпляровъ flabellaria pavonina — полипа очень граціозной формы, весьма обыкновеннаго въ этой части океана.

„Наутилусъ" держался юго-восточнаго направленія. 1-го декабря онъ пересѣкъ экваторъ подъ 142° долготы, а 4-го числа, послѣ быстраго перехода, мы безъ всякихъ приключеній достигли группы Маркизскихъ острововъ. Въ трехъ миляхъ разстоянія, подъ 8°27′ южной широты и 139° 32′ западной долготы, я замѣтилъ пикъ Мартинъ на Нука-Гивѣ, главномъ островѣ этой группы, принадлежащей Франціи. Я видѣлъ только лѣсистыя горы, рисовавшіяся на горизонтѣ, потому что капитанъ Немо не любилъ приближаться къ берегамъ. Миновавъ эти прекрасные

острова, находящіеся подъ защитой французскаго флага, „Наутилусъ“ отъ 4-го до 11-го декабря прошелъ около двухъ тысячъ миль. Плаваніе это замѣчательно встрѣчей съ огромнымъ количествомъ кальмаровъ — любопытныхъ моллюсковъ, имѣющихъ большое сходство съ корокатицей. Французскіе рыболовы называютъ ихъ „encornet“; они принадлежатъ къ классу головоногихъ моллюсковъ и къ семейству двужаберныхъ, къ которому принадлежатъ также корокатицы и аргонавты. Эти животныя особенно изучались древними натуралистами и доставляли многочисленныя метафоры ораторамъ Агоры, а также превосходное блюдо къ столу богатыхъ гражданъ, если вѣрить Атенею, греческому медику, жившему до Галліена. Въ ночь съ 9-го на 10-е декабря „Наутилусъ“ встрѣтилъ цѣлую армію этихъ моллюсковъ; животныя эти исключительно ночныя. Ихъ можно было считать милліонами. Они переселялись изъ умѣреннаго пояса въ жаркій, слѣдуя путемъ сельдей и сардинъ. Мы смотрѣли сквозь толстыя хрустальныя стекла, какъ они быстро плавали задомъ, двигаясь съ помощью своей воронки, преслѣдовали рыбъ и моллюсковъ, поѣдали маленькихъ и сами служили пищей большимъ; они производили неописанную суматоху, вращая безостановочно своими десятью щупальцами, которыми природа снабдила ихъ, и которые похожи на головной уборъ изъ воздушныхъ змѣй. Несмотря на быстроту своего хода, „Наутилусъ“ въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ плылъ посреди этихъ животныхъ, попадавшихъ въ безчисленномъ множествѣ въ сѣти.

Днемъ 11-го декабря я сидѣлъ въ большой залѣ и читалъ. Недъ Лендъ и Консель смотрѣли изъ боковыхъ оконъ на ярко освѣщенныя воды. „Наутилусъ“ былъ неподвиженъ. Резервуары его были наполнены, и онъ держался на глубинѣ тысячи метровъ, въ слояхъ океана мало обитаемыхъ, куда только изрѣдка заглядываютъ однѣ большія рыбы. Я читалъ въ это время прекрасную книгу Жана Масе, *Слуги желудка,* и наслаждался остроумными уроками, какъ вдругъ Консель прервалъ мое чтеніе.

— Не угодно ли господину профессору подойти сюда на одну минуту?—сказалъ онъ какимъ-то страннымъ голосомъ.

— Что случилось, Консель?

— Взгляните.

Я всталъ, подошелъ къ окну, облокотился на него и сталъ смотрѣть. Въ пространствѣ, ярко освѣщенномъ электрическимъ свѣтомъ, я увидѣлъ огромную черную массу, неподвижно висѣвшую посреди водъ. Я внимательно разсматривалъ, стараясь узнать, къ какой породѣ принадлежитъ это гигантское китообразное животное. Но вдругъ неожиданная мысль промелькнула въ моемъ умѣ.

— Корабль! — вскричалъ я.

— Да, — отвѣтилъ канадецъ, — это потонувшій корабль съ перебитымъ рангоутомъ.

Недъ Лендъ не ошибался. Передъ нами былъ корабль, обрѣзанныя ванты котораго еще висѣли на своихъ цѣпяхъ. Корпусъ его былъ, казалось, совершенно крѣпокъ, и несчастіе, очевидно, случилось только нѣсколько часовъ тому назадъ. Три остатка отъ мачтъ, срубленныхъ на два фута повыше палубы, означали, что въ этой борьбѣ судно должно было пожертвовать своимъ рангоутомъ. Наполнившись, онъ

лежалъ на боку, на своей лѣвой сторонѣ. Этотъ погибшій въ волнахъ корабль представлялъ печальное зрѣлище; но еще грустнѣе было смотрѣть на его палубу, гдѣ лежало нѣсколько труповъ, опутанныхъ веревками. Я насчиталъ четырехъ мужчинъ, — изъ которыхъ одинъ стоялъ у руля,—и еще женщину съ ребенкомъ на рукахъ, наполовину высунувшуюся изъ рѣшетчатаго отверстія юта. Эта женщина была молода. При яркомъ освѣщеніи огней „Наутилуса" я могъ разсмотрѣть ея черты, еще не успѣвшія разложиться отъ дѣйствія воды. Съ величайшимъ усиліемъ удалось ей поднять надъ головой бѣдное маленькое созданіе, рука котораго обнимала шею матери. Искаженныя конвульсіями лица четырехъ моряковъ, дѣлавшихъ послѣднія усилія, чтобы разорвать связывавшія ихъ веревки, казались мнѣ ужасны. Одинъ изъ нихъ, именно рулевой, болѣе покойный, съ лицомъ яснымъ и строгимъ, съ посѣдѣвшими волосами, сжимая штурвалъ рукою, казалось, еще управлялъ развалинами своего трехмачтоваго корабля и велъ его въ глубинахъ океана.

Какая сцена! Мы стояли съ бьющимися сердцами, не произнося ни слова, въ виду этой картины крушенія, какъ бы фотографированной въ его послѣднія минуты! И я уже видѣлъ, какъ приближались огромныя акулы, сверкая огненными глазами, привлеченныя запахомъ человѣческаго мяса!

Между тѣмъ „Наутилусъ", дѣлая эволюціи, обошелъ вокругъ потонувшаго корабля, на кормѣ котораго я могъ прочитать:

Florida Sunderland.

ГЛАВА XIX.

Ваникоро.

За этимъ ужаснымъ зрѣлищемъ послѣдовалъ цѣлый рядъ морскихъ катастрофъ, которыя „Наутилусъ" долженъ былъ встрѣтить на своемъ пути. Съ тѣхъ поръ какъ онъ проходилъ по морямъ болѣе посѣщаемымъ, мы чаще встѣчали гніющіе въ водѣ остатки кораблей; а глубже попадались пушки, ядра, якоря, цѣпи и тысяча другихъ желѣзныхъ вещей, съѣдаемыхъ ржавчиной.

Мы попрежнему жили какъ отчужденные на „Наутилусѣ", который продолжалъ свое плаваніе; 11-го декабря мы увидали архипелагъ Помоту, названный Бугенвилемъ „опасною группой", простирающійся на пятьсотъ миль отъ востоко-юго-востока къ западо-сѣверо-западу, между 13° 30′ и 23° 50′ южной широты и 125° 30′ и 151° 30′ западной долготы, отъ острова Дюси до острова Лазарева. Этотъ архипелагъ занимаетъ поверхность въ триста-семьдесятъ квадратныхъ миль и состоитъ изъ шестидесяти группъ острововъ, между которыми находится группа Гамбье, взятая Франціей подъ свое покровительство. Острова эти коралловые. Вслѣдствіе медленнаго, но непрерывнаго повышенія, происходящаго отъ работъ полиповъ, они со временемъ всѣ соединятся между собой. Потомъ этотъ новый островъ соединится съ сосѣднимъ архипелагомъ, и пятый материкъ протянется отъ Новой Зеландіи и Новой Каледоніи до Маркизскихъ острововъ.

Однажды я сталъ развивать эту мысль при капитанѣ Немо, но онъ холодно отвѣтилъ мнѣ:

— Земля нуждается въ новыхъ людяхъ, а не въ новыхъ материкахъ!

Во время своего плаванія „Наутилусъ" случайно подошелъ къ острову Клермонъ-Тоннеръ, одному изъ самыхъ любопытныхъ въ этомъ архипелагѣ, открытому въ 1822 году капитаномъ *Минервы* Беллемъ; и я могъ изучать мадрепоры, которымъ обязаны своимъ происхожденіемъ острова этого океана.

Мадрепоры, которыхъ не надо смѣшивать съ простыми кораллами, представляютъ ткань, покрытую известковою корой, и видоизмѣненія въ ея строеніи побудили моего знаменитаго учителя Мильнъ-Эдвардса раздѣлить ихъ на пять группъ. Крошечныя животныя, выдѣляющія вещество, изъ котораго образуются полипняки, живутъ милліардами въ своихъ ячейкахъ. Изъ ихъ известковыхъ отложеній образуются утесы, подводные рифы, маленькіе и большіе острова. Здѣсь они образуютъ кругообразное кольцо, окружающее лагуну, то-есть маленькое внутреннее озеро, которое соединяется съ моремъ посредствомъ каналовъ. Тамъ они строятъ подводные барьерные рифы, какъ, напримѣръ, на берегахъ Новой Каледоніи и многихъ острововъ Помоту. Въ другихъ мѣстахъ, какъ на островахъ Товарищества и Маврикія, они на значительной глубинѣ воздвигаютъ зубчатые рифы высокими прямыми стѣнами.

Я могъ очень близко наблюдать эти замѣчательныя стѣны, потому что онѣ, какъ оказывалось при вымѣриваніи, опускались отвѣсно до трехсотъ метровъ въ глубину, и наше электрическое освѣщеніе придавало необыкновенно яркій блескъ этой сверкающей известковой массѣ.

Однажды я очень удивилъ Конселя своимъ отвѣтомъ на его вопросъ о продолжительности времени, необходимаго для образованія этихъ колоссальныхъ построекъ. Я сказалъ ему, что, по мнѣнію ученыхъ, приращеніе ихъ равняется одной восьмой дюйма въ столѣтіе.

— Стало-быть, чтобы воздвигнуть эти стѣны,— сказалъ онъ мнѣ,— надо было...

— Сто-девяносто-двѣ тысячи лѣтъ, мой добрый Консель. Сверхъ того, образованіе каменнаго угля, то-есть минерализація лѣсовъ, потопленныхъ наводненіями, и охлажденіе базальтовыхъ утесовъ требовало еще болѣе продолжительнаго времени.

Когда „Наутилусъ" возвратился на поверхность океана, то я могъ любоваться низменнымъ и лѣсистымъ островомъ Клермонъ-Тоннеромъ во всемъ его протяженіи. Очевидно, что плодородію его мадрепоровыхъ утесовъ много содѣйствовали смерчи и бури. Зерно, унесенное ураганомъ съ сосѣдней земли, упало въ одинъ прекрасный день на известковые слои, удобренные разлагающимися остатками рыбъ и морскихъ растеній, образовавшихъ почву, годную для жизни растеній. Кокосовый орѣхъ, выброшенный волнами на этотъ новый берегъ, укоренился на немъ. Выростая, дерево останавливало водяные пары: образовался ручей. Мало-по-малу растительность распространилась. Вмѣстѣ со стволами деревьевъ, вырванныхъ вѣтромъ на сосѣднихъ островахъ, приплыли къ берегу низшія животныя, червяки и насѣкомыя. Черепахи начали класть тамъ свои яйца. На молодыхъ деревьяхъ птицы стали

вить свои гнѣзда. Такимъ образомъ развивалась животная жизнь, и, наконецъ, прибылъ человѣкъ, привлеченный плодоноснымъ и зеленѣющимъ островомъ. Такъ образовались эти острова, громадныя произведенія микроскопическихъ животныхъ.

Къ вечеру Клермонъ-Тоннеръ исчезъ въ отдаленіи, и „Наутилусъ" значительно измѣнилъ свое направленіе. Дойдя до тропика Козерога, подъ 135 градусомъ долготы, онъ направился къ западо-сѣверо-западу и прошелъ весь тропическій поясъ. Хотя солнце и расточало свои лѣтніе лучи, но мы не страдали отъ жары: на глубинѣ тридцати или сорока метровъ температура не превышала 10 или 12 градусовъ.

15-го декабря мы прошли мимо прелестныхъ островов Товарищества и граціознаго Таити, царицы Тихаго океана, лежавшихъ въ сторонѣ, къ востоку отъ насъ. Утромъ, въ нѣсколькихъ миляхъ съ подвѣтренной стороны, я увидалъ высокія вершины этого острова. Его воды снабдили столовую корабля превосходною рыбой, макрелью, бонитами, альбикорами и особою формой морскихъ угрей, извѣстною подъ именемъ muraenophis.

„Наутилусъ" прошелъ восемьсотъ миль. Когда онъ проходилъ между архипелагомъ Тонга-Табу, гдѣ погибли корабли „Арго", „Port-au-Prince" и „Герцогъ Портландъ", и архипелагомъ Мореплавателей, гдѣ былъ убитъ капитанъ де-Лангъ, другъ Ла-Перуза, то измѣреній по лагу было сдѣлано на девять тысячъ семьсотъ-двадцать миль. Потомъ предъ нами открылся архипелагъ Вити, гдѣ были умерщвлены дикими матросы корабля „l'Union" и капитанъ Бюро, командиръ нантскаго корабля „Aimable Jeséphine".

Архипелагъ этотъ простирается на сто миль отъ сѣвера къ югу и девяносто миль отъ востока къ западу, между 6° и 2° южной широты и 174° и 179° западной долготы. Онъ состоитъ изъ нѣсколькихъ большихъ и маленькихъ острововъ и рифовъ, между которыми находятся острова Вити-Леву, Вануа-Леу и Кандюбокъ.

Въ 1643 году эта группа была открыта Тасманомъ, и въ этомъ же году Торричелли изобрѣлъ барометръ, а Людовикъ XIV вступилъ на престолъ. Которое изъ трехъ событій принесло наибольшую пользу человѣчеству — предоставляю рѣшить читателю. Потомъ, въ 1714 году, прибылъ Кукъ; въ 1793 году Энтрекасто; наконецъ, въ 1827 году, Дюмонъ-Дюрвиль, распутавшій географическій хаосъ этого архипелага. „Наутилусъ" подошелъ къ бухтѣ Уайлеа, мѣсту ужасныхъ приключеній капитана Дильйона, перваго человѣка, которому удалось разгадать тайну кораблекрушеній Ла-Перуза.

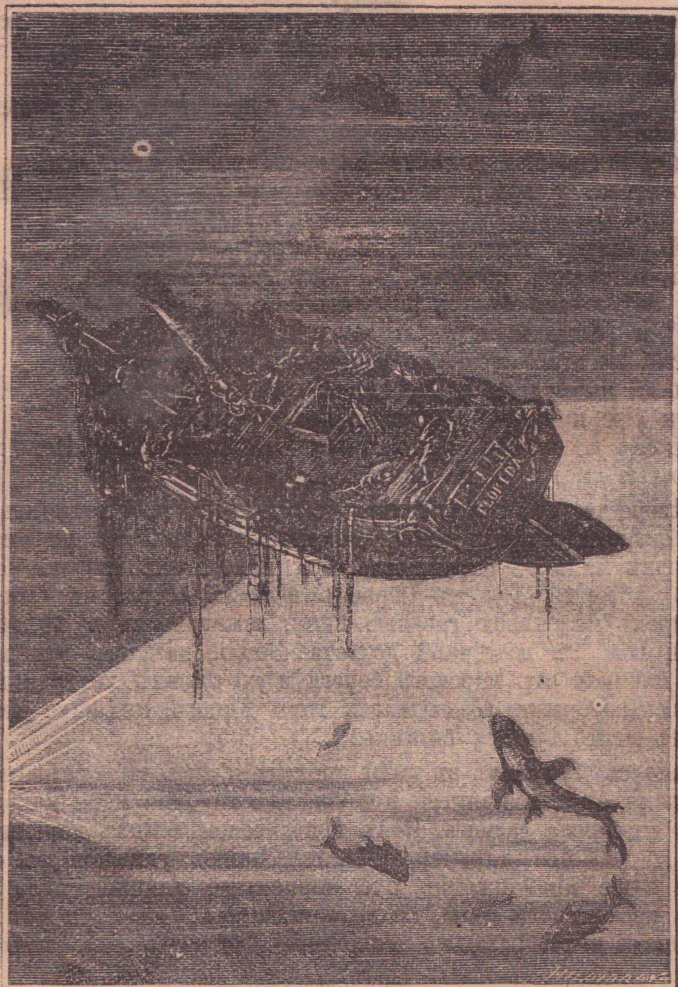
Бухту эту мы обшарили нѣсколько разъ и получили огромное количество превосходныхъ устрицъ. Мы ихъ ѣли очень много и, слѣдуя наставленію Сенеки, раскрывали за столомъ же.

Устричная мель Уайлеа должна быть очень велика, и, безъ сомнѣнія, если бы не многочисленныя причины, обусловливающія истребленіе устрицъ, то подобное скопленіе раковинъ запрудило бы цѣлыя бухты, такъ какъ считается до двухъ милліоновъ яичекъ въ одномъ недѣлимомъ.

И если на этотъ разъ Неду Ленду не пришлось раскаиваться въ своемъ обжорствѣ, то единственно потому, что устрицы никогда не производятъ разстройства желудка. Въ самомъ дѣлѣ, надо взять не

менѣе шестнадцати дюжинъ этихъ безголовыхъ моллюсковъ, чтобы получить триста-пятнадцать граммовъ азотистаго вещества, необходимыхъ для ежедневнаго питанія каждаго человѣка.

25-го декабря „Наутилусъ" шелъ посреди Ново-Гебридскаго архипелага, открытаго Квиросомъ въ 1606 году, изслѣдованнаго Бугенви-

«...передъ нами былъ корабль...» (Стр. 101).

лемъ въ 1768 году, и которому Кукъ въ 1773 году далъ его настоящее имя. Эта группа главнымъ образомъ состоитъ изъ десяти большихъ острововъ и образуетъ полосу во сто-двадцать миль, которая тянется отъ сѣверо-запада къ юго-востоку, между 15° и 2° южной широты и 164° и 168° долготы. Мы прошли довольно близко отъ острова Ору. Во время моихъ полуденныхъ наблюденій онъ показался мнѣ

массой зеленыхъ лѣсовъ, увѣнчанныхъ очень высоко остроконечною горой.

Въ этотъ день праздновалось Рождество, и Недъ Лендъ, какъ мнѣ казалось, сильно сожалѣлъ о своемъ національномъ „Christmas“, настоящемъ семейномъ праздникѣ, который такъ почитается протестантами.

Я не видалъ капитана Немо цѣлую недѣлю, и только утромъ 27-го числа онъ пришелъ въ большую залу и, по обыкновенію, встрѣтилъ меня, какъ будто мы съ нимъ разстались только пять минутъ тому назадъ. Я отыскивалъ на картѣ путь „Наутилуса“. Капитанъ подошелъ, указалъ пальцемъ на одно мѣсто карты и произнесъ одно только слово:

— Ваникоро.

Это имя магически подѣйствовало на меня: такъ назывались маленькіе острова, у которыхъ погибли корабли Ла-Перуза. Я быстро всталъ.

— „Наутилусъ“ плыветъ къ Ваникоро? — спросилъ я.

— Да, господинъ профессоръ, — отвѣчалъ капитанъ.

— И мнѣ можно будетъ посѣтить знаменитые острова, гдѣ погибли „Буссоль“ и „Астролябія“?

— Если вы этого желаете, господинъ профессоръ.

— Когда мы будемъ у Ваникоро?

— Мы уже пришли, господинъ профессоръ.

Я вышелъ на платформу въ сопровожденіи капитана Немо и началъ съ жадностью смотрѣть на горизонтъ.

На сѣверо-востокѣ возвышались два неодинаковой величины вулканическіе острова, окруженные подводнымъ коралловымъ рифомъ, имѣвшимъ сорокъ миль въ окружности. Мы находились передъ островомъ Ваникоро, который Дюмонъ-Дюрвиль назвалъ островомъ Открытія, и именно предъ маленькою гаванью Вану, лежащею подъ 16° 4′ южной широты и 164° 32′ восточной долготы. Земля казалась вся покрытою зеленью, начиная отъ морского берега и до самыхъ внутреннихъ вершинъ, надъ которыми возвышалась гора Капого, имѣвшая четыреста-семьдесятъ-шесть туазовъ вышины.

„Наутилусъ“ вступилъ въ узкій проходъ и, миновавъ внѣшнюю ограду изъ скалъ, очутился внутри прибоя, гдѣ глубина моря доходила отъ тридцати до сорока саженъ. Подъ тѣнью зеленѣющихъ корнепусковъ я увидѣлъ до дюжины дикарей, съ величайшимъ удивленіемъ смотрѣвшихъ на наше приближеніе. Это черноватое длинное тѣло, двигавшееся на поверхности воды, не должно ли было казаться имъ какимъ-то страшнымъ китообразнымъ животнымъ, котораго слѣдовало остерегаться?

Въ эту минуту капитанъ Немо спросилъ меня, что я знаю о кораблекрушеніи Ла-Перуза.

— То же, что̀ знаетъ о немъ весь міръ, капитанъ, — отвѣчалъ я ему.

— А можете ли вы мнѣ сообщить, что о немъ извѣстно всему міру? — спросилъ онъ меня немного иронически.

— Очень легко.

Я ему разсказалъ, что̀ открыли послѣднія изслѣдованія Дюмонъ-Дюрвиля, и изложу теперь въ нѣсколькихъ словахъ результаты этихъ изслѣдованій.

Ла-Перузъ и его помощникъ, капитанъ де-Лангль, были посланы въ 1785 году Людовикомъ XVI въ кругосвѣтное путешествіе. Они отправились на корветахъ „la Boussole“ и „l'Astrolabe“ и не возвращались болѣе.

Французское правительство, не безъ основанія безпокоившееся о судьбѣ двухъ корветовъ, снарядило въ 1791 году два большія судна, „la Recherche“ и „l'Espérance“. 28-го сентября эти корабли вышли изъ Бреста, подъ начальствомъ Брюни и д'Энтрекасто. Спустя два мѣсяца, изъ показаній нѣкоего Бовона, командира „Альбермаль“, узнали, что видѣли на берегахъ Новой Георгіи обломки кораблей. Но д'Энтрекасто, не знавшій объ этомъ извѣстіи, — правда, довольно сомнительномъ, — отправился къ островамъ Адмиралтейства, на которые капитанъ Гёнтеръ въ своемъ рапортѣ указывалъ какъ на мѣсто гибели Ла-Перуза.

Его поиски были тщетны. „L'Espérance“ и „la Recherche“ прошли мимо Ванikoro даже не останавливаясь; словомъ, это путешествіе было очень несчастливо, потому что капитанъ д'Энтрекасто, два его помощника и многіе изъ матросовъ его экипажа лишились жизни.

Капитанъ Дильйонъ, опытный морякъ, хорошо знавшій Тихій океанъ, первый отыскалъ несомнѣнные слѣды потонувшихъ. 15-го мая 1824 года его корабль, „Святой Патрикій“, проходилъ мимо острова Тикопія, одного изъ островов Ново-Гебридскихъ. Тамъ одинъ туземецъ, приплывшій въ пирогѣ, продалъ ему серебряный ефесъ шпаги, на которомъ еще оставались слѣды вырѣзанныхъ буквъ. Онъ утверждалъ вдобавокъ, что шесть лѣтъ тому назадъ, во время своего пребыванія на Ванikoro, онъ видѣлъ тамъ двухъ европейцевъ, принадлежавшихъ къ экипажу кораблей, разбившихся много лѣтъ тому назадъ о подводные рифы острова.

Дильйонъ угадалъ, что дѣло шло о корабляхъ Ла-Перуза, исчезновеніе которыхъ взволновало весь міръ. Онъ хотѣлъ итти къ Ваникоро, гдѣ, по словамъ дикаря, находилось много обломковъ кораблей; но вѣтеръ и теченіе помѣшали ему.

Дильйонъ возвратился въ Калькутту. Тамъ онъ сумѣлъ заинтересовать своимъ открытіемъ Азіатское Общество и Остъ-Индскую компанію. Въ его распоряженіе былъ отданъ корабль, который назвали „la Recherche“, и 23-го января 1827 года онъ отправился въ сопровожденіи французскаго агента.

Послѣ нѣсколькихъ остановокъ въ различныхъ пунктахъ Тихаго океана, 7-го іюля 1827 года „la Recherche“ бросилъ якорь предъ Ваникоро, въ той же гавани Вану, гдѣ теперь остановился „Наутилусъ“.

Дильйонъ нашелъ тутъ многочисленные остатки кораблекрушенія — желѣзные инструменты, якори, блоковые стрепы, камнеметную мортиру, пушечное восемнадцатифунтовое ядро, обломки астрономическихъ инструментовъ, кусокъ гакаборта и бронзовый колоколъ съ надписью: „Bazin m'a fait“, съ клеймомъ литейнаго двора въ брестскомъ арсеналѣ около 1785 года. Не оставалось ни малѣйшаго сомнѣнія.

Для дополненія своихъ справокъ, Дильйонъ оставался на мѣстѣ несчастія до октября мѣсяца. Потомъ онъ оставилъ Ваникоро, направился къ Новой Зеландіи и 7-го апрѣля 1828 года бросилъ якорь въ Калькуттѣ; по возвращеніи во Францію, онъ былъ очень ласково принятъ Карломъ X.

Въ это же время Дюмонъ-Дюрвиль, ничего не знавшій о трудахъ Дильйона, отправился въ другую сторону отыскивать мѣсто кораблекрушенія. Дѣйствительно, по разсказамъ одного китолова, у дикарей Луизіады и Новой Каледоніи находились медали и крестъ Святого Людовика.

Итакъ командиръ „Астролябіи“, Дюмонъ-Дюрвиль, вышелъ въ море и бросилъ якорь предъ Гобортъ-Тоуномъ, спустя два мѣсяца послѣ того, какъ Дильйонъ уѣхалъ изъ Ваникоро. Здѣсь онъ узналъ о результатахъ, полученныхъ Дильйономъ, и сверхъ того услыхалъ, что нѣкто Джемсъ Гоббсъ, подшкиперъ „l'Union“ изъ Калькутты, высадился на островѣ, лежащемъ подъ 8° 18′ южной широты и 156° 30′ восточной долготы, и видѣлъ въ употребленіи у туземцевъ желѣзные брусья и куски красной матеріи.

Дюмонъ-Дюрвиль, поставленный въ затруднительное положеніе и не полагаясь на разсказы мало внушавшихъ довѣрія журналовъ, рѣшился однако итти по слѣдамъ Дильйона.

10-го февраля 1828 года „Астролябія“ остановилась предъ Тикопіей, взяла въ проводники и переводчики поселившагося на этомъ островѣ дезертира, отправилась къ Ваникоро, прибыла туда 12-го февраля, обогнула его подводные рифы около 14-го и только 20-го миновала внѣшнюю преграду и бросила якорь въ гавани Вану.

23-го числа многіе офицеры обошли островъ кругомъ и принесли нѣсколько незначительныхъ обломковъ. Туземцы, предпочитавшіе систему запирательства и увертокъ, отказывались вести ихъ на мѣсто несчастія. Ихъ очень подозрительное поведеніе заставляло думать, что они дурно обращались съ потерпѣвшими кораблекрушеніе; и въ самомъ дѣлѣ, они какъ будто боялись, что Дюмонъ-Дюрвиль пріѣхалъ отомстить за Ла-Перуза и его несчастныхъ спутниковъ.

Получивъ подарки и убѣдившись, что имъ нечего бояться мщенія, 26-го числа рѣшились они проводить на мѣсто кораблекрушенія подшкипера Жакино.

Тамъ, на глубинѣ трехъ или четырехъ саженъ, между рифами Паку и Ваку, лежали якори, пушки и свинки, покрытые известковыми осадками. Шлюпка и китоловная лодка „Астролябіи“ направились къ этому мѣсту, и экипажу ихъ стоило большихъ усилій вытащить якорь, вѣсившій восемьсотъ фунтовъ, восьмифунтовую литую пушку, свинку и двѣ мѣдныя камнеметныя мортиры.

Разспрашивая туземцевъ, Дюмонъ-Дюрвиль узналъ также, что Ла-Перузъ, потерявъ оба корабля, разбившіеся о подводные рифы острова, выстроилъ небольшое судно, отправился далѣе и потерпѣлъ вторичное крушеніе... Но гдѣ? — этого они не знали.

Тогда командиръ „Астролябіи“ воздвигнулъ памятникъ знаменитому мореплавателю и его товарищамъ. Это была простая четырехгранная пирамида, возвышавшаяся на коралловомъ подножіи. Въ ней не было никакихъ оковокъ, которыя могли бы возбудить алчность туземцевъ.

Дюмонъ-Дюрвиль хотѣлъ отправиться тотчасъ; но экипажъ его былъ изнуренъ лихорадкой, обыкновенной на этихъ нездоровыхъ берегахъ, самъ онъ тоже былъ очень боленъ, и вслѣдствіе этого снялся съ якоря только 17-го марта.

Между тѣмъ французское правительство, опасаясь, что Дюмонъ-Дюрвилю неизвѣстны труды Дильйона, послало въ Ваникоро корветъ „Bayonnaise“, подъ начальствомъ Легоарана де-Тромелинъ, который въ это время находился на западномъ берегу Америки. Два мѣсяца спустя послѣ отплытія „Астролябіи“, корветъ „Байонезъ“ приплылъ къ Ванико, не нашелъ тамъ никакихъ новыхъ документовъ, но убѣдился, что дикари пощадили мавзолей Ла-Перуза.

Вотъ содержаніе моего разсказа капитану Немо.

— Итакъ, — сказалъ онъ, — еще неизвѣстно, гдѣ погибло третье судно, выстроенное потерпѣвшими кораблекрушеніе на островѣ Ваникоро?

— Неизвѣстно.

Капитанъ Немо ничего не отвѣчалъ и сдѣлалъ мнѣ знакъ слѣдовать за нимъ въ большую залу. „Наутилусъ“ погрузился на глубину нѣсколькихъ метровъ, и ставни отодвинулись.

Я бросился къ окну, и подъ этими коралловыми слоями я увидѣлъ нѣсколько обломковъ, которыхъ не могли вытащить драгою. Тутъ были желѣзныя стремена, якори, пушки, ядра, форштевень, — однимъ словомъ, всѣ предметы, принадлежавшіе погибшимъ кораблямъ и теперь покрытые живыми цвѣтами.

Въ то время какъ я разсматривалъ эти печальные обломки, капитанъ Немо сказалъ мнѣ серьезнымъ голосомъ:

— Капитанъ Ла-Перузъ вышелъ съ своими кораблями „la Boussole“ и „Астролябіей“ 7-го декабря 1785 года. Сначала онъ высадился въ Ботани-Бей, посѣтилъ острова Новой Каледоніи, направился къ Санта-Круцъ и присталъ къ Намука, одному изъ острововъ группы Гаваи. Потомъ его корабли приплыли къ неизвѣстнымъ еще тогда подводнымъ рифамъ Ваникоро. „Буссоль“ плылъ впереди и сѣлъ на мель у южнаго берега. „Астролябія“ торопилась къ нему на помощь и также стала на мель. Первый корабль почти сейчасъ же разрушился. Второй же, сѣвшій на мель подъ вѣтромъ, продержался нѣсколько дней. Туземцы приняли потерпѣвшихъ кораблекрушеніе довольно хорошо. Послѣдніе поселились на островѣ и выстроили маленькій корабль изъ обломковъ двухъ большихъ. Нѣсколько матросовъ добровольно остались на Ваникоро. Другіе же, больные и слабые, уѣхали съ Ла-Перузомъ. Они отправились къ островамъ Соломона и всѣ погибли на западномъ берегу главнаго острова группы, между мысами Обмана и Удовлетворенія.

— Почему вы это знаете? — вскричалъ я.

— Вотъ что я нашелъ на мѣстѣ послѣдняго кораблекрушенія!

Капитанъ Немо показалъ мнѣ ящикъ изъ бѣлаго желѣза, украшенный французскимъ гербомъ и весь изъѣденный соленою водой. Онъ открылъ его, и я увидалъ связку бумагъ, хотя пожелтѣвшихъ, но которыя еще можно было читать.

Въ немъ находились инструкціи морского министра командиру Ла-Перузу, съ собственноручными отмѣтками Людовика XVI на поляхъ.

— Для моряка это прекрасная смерть! — сказалъ тогда капитанъ Немо. — Какъ покойна эта коралловая могила! Дай Богъ, чтобы моимъ товарищамъ и мнѣ выпала на долю такая же!

ГЛАВА XX.

Торресовъ проливъ.

Ночью съ 27-го на 28-е декабря „Наутилусъ" покинулъ Ваникоро. Онъ принялъ юго-западное направленіе и въ три дня прошелъ семьсотъ-пятьдесятъ миль, отдѣляющихъ группу острововъ Ла-Перуза отъ юго-восточной стороны Новой Гвинеи.

Рано утромъ 1-го января 1863 года Консель пришелъ ко мнѣ на платформу.

— Позволитъ ли мнѣ господинъ профессоръ, — сказалъ добрый малый,—пожелать ему счастливаго года?

— Безъ сомнѣнія, Консель, совершенно такъ же, какъ если бъ я былъ въ Парижѣ, въ моемъ кабинетѣ въ Ботаническомъ саду. Благодарю тебя за твое желаніе и спрошу только, что ты подразумѣваешь подъ „счастливымъ годомъ" при настоящихъ обстоятельствахъ? Желаешь ли ты, чтобы Новый годъ принесъ намъ освобожденіе или, напротивъ, продолженіе этого страннаго путешествія?

— Ей Богу,—отвѣчалъ Консель,—я не знаю, что вамъ сказать. Вѣрно то, что мы встрѣчаемъ достопримѣчательныя вещи и въ эти два мѣсяца не имѣли времени скучать. Послѣднее чудо всегда изумительнѣе всѣхъ предыдущихъ, и если это будетъ такъ продолжаться, то я и не придумаю, чѣмъ оно кончится. По моему мнѣнію, намъ никогда не выпадетъ другого подобнаго случая.

— Никогда, Консель.

— Кромѣ того, господинъ Немо вполнѣ оправдываетъ свое латинское имя: онъ насъ нисколько не стѣсняетъ, какъ будто его и нѣтъ на свѣтѣ.

— Ты правъ, Консель.

— Что бы вы объ этомъ ни думали, а я полагаю, что хорошимъ годомъ надо считать тотъ, въ который мы успѣемъ все увидѣть...

— Все увидѣть, Консель?—Ну, это будетъ немножко длинновато. А что думаетъ объ этомъ Недъ Лендъ?

— Недъ Лендъ совершенно противоположнаго со мной мнѣнія, — отвѣчалъ Консель.—Это человѣкъ съ положительнымъ умомъ и требовательнымъ желудкомъ. Ему недостаточно смотрѣть на рыбъ и постоянно ими питаться. Настоящему саксонцу, привыкшему къ бифстексу, и котораго не испугаетъ умѣренная порція водки или джина, очень чувствителенъ недостатокъ въ мясѣ, винѣ и хлѣбѣ!

— Что касается меня, Консель, то меня это не тревожитъ, и я очень доволенъ столомъ на кораблѣ.

— И я также, — отвѣчалъ Консель. — Я настолько же желаю остаться здѣсь, насколько господинъ Лендъ желалъ бы уйти отсюда. Стало-быть, если начинающійся годъ будетъ несчастливъ для меня, то будетъ хорошъ для него, и наоборотъ; такимъ образомъ кто-нибудь изъ насъ непремѣнно останется доволенъ. А въ заключеніе я желаю господину профессору всего, чего онъ самъ себѣ желаетъ.

— Благодарю, Консель. Я попрошу тебя только отложить до болѣе удобнаго времени вопросъ о подаркахъ и пока замѣнить ихъ крѣпкимъ пожатіемъ руки. Я больше ничего не могу дать.

— Господинъ профессоръ никогда не былъ такъ щедръ, — отвѣчалъ Консель.

Послѣ этого честный малый ушелъ.

2-го января мы сдѣлали одиннадцать тысячъ триста-сорокъ миль со дня нашего выхода изъ японскихъ морей. Предъ „Наутилусомъ" разстилалось опасное Коралловое море сѣверо-восточнаго берега Австраліи. Нашъ корабль плылъ на разстояніи нѣсколькихъ миль отъ ужаснаго рифа, гдѣ 10-го іюня 1770 года едва не погибли суда Кука. Корабль, на которомъ плылъ Кукъ, ударился объ утесъ, и только потому не пошелъ ко дну, что отломившійся вслѣдствіе толчка кусокъ коралловой массы закрылъ отверстіе въ кузовѣ корабля.

Мнѣ очень хотѣлось посѣтить этотъ подводный рифъ, длиной въ триста-шестьдесятъ миль, о который со страшною силой и шумомъ, похожимъ на раскаты грома, разбивалось вѣчно волнующееся море. Но въ то время наклонныя плоскости „Наутилуса" увлекали насъ въ глубину, и я совсѣмъ не могъ видѣть высокихъ коралловыхъ стѣнъ. Мнѣ пришлось довольствоваться различными образцами рыбъ, попавшихъ въ наши сѣти. Между ними находились germo, видъ макрелей, величиной съ тунца, съ поперечными полосами на голубоватомъ брюхѣ, которыя исчезаютъ вмѣстѣ съ жизнью животнаго. Рыбы эти сопровождали насъ цѣлыми стадами и снабжали нашъ столъ очень вкуснымъ мясомъ.

Черезъ два дня, то-есть 4-го января, мы миновали Коралловое море и увидѣли берега Папуазіи. По этому поводу капитанъ Немо сказалъ мнѣ о своемъ намѣреніи пройти въ Индійскій океанъ Торресовымъ проливомъ. Онъ ограничился этимъ объявленіемъ. Недъ съ удовольствіемъ замѣтилъ, что этотъ путь приближаетъ его къ европейскимъ морямъ. Торресовъ проливъ, наполненный рифами, опасенъ также и со стороны дикарей, часто посѣщающихъ его берега. Онъ отдѣляетъ отъ Новой Голландіи большой островъ Папуазію, именуемый также Новою Гвинеей.

Папуазія имѣетъ четыреста миль въ длину и сто-тридцать миль въ ширину, и поверхность ея составляетъ сорокъ тысячъ географическихъ миль. Она лежитъ между 0° 19′ и 10° 2′ южной широты и 128° 23′ и 146° 15′ долготы. Въ полдень, когда подшкиперъ опредѣлялъ высоту солнца, я замѣтилъ цѣпь горъ Арфаласъ, поднимавшихся террасами и оканчивавшихся остроконечными вершинами.

Эта земля открыта въ 1511 году португальцемъ Франциско Серрано, и ее съ тѣхъ поръ посѣтили многіе мореплаватели. Въ 1526 году сюда прибылъ донъ Хозе де-Менезесъ, въ 1527 — Грихальва, въ 1528 — испанскій генералъ Альваръ де-Сааведра, въ 1545 — Хунго Ортесъ, въ 1616 — голландецъ Саутенъ, въ 1753 — Николай Стрункъ, въ 1792 — Тасманъ, Дампіеръ, Фюмель, Картере, Эдвардсъ, Бугенвиль, Кукъ, Форрестъ, Макъ-Клюръ и д'Энтрекасто, въ 1823 — Дюперрей и, наконецъ, въ 1827 — Дюмонъ-Дюрвиль.

Ріенци сказалъ, что это „центръ чернокожихъ, населяющихъ Малазію", и я нисколько бы не удивился, если бы случайности этого плаванія поставили меня лицомъ къ лицу со страшными *андаменями*.

Итакъ „Наутилусъ“ подошелъ къ самому опасному проливу на земномъ шарѣ, который едва осмѣливаются переплывать самые отважные мореплаватели,—проливу, въ который пустился Людовикъ Пацъ де-Торресъ при своемъ возвращеніи изъ южныхъ морей, и гдѣ въ 1840 году ставшіе на мель корветы Дюмонъ-Дюрвиля едва не погибли со всѣмъ экипажемъ. Даже „Наутилусъ“, стоявшій выше всѣхъ морскихъ опасностей, долженъ былъ однако познакомиться съ коралловыми рифами.

Ширина Торресова пролива равняется почти тридцати-четыремъ милямъ, но безчисленное множество большихъ и маленькихъ острововъ, буруновъ и скалъ загораживаютъ его и дѣлаютъ почти непроходимымъ для судовъ. Вслѣдствіе этого капитанъ Немо принялъ всѣ необходимыя предосторожности, чтобы переплыть его. Качаясь на поверхности волнъ, „Наутилусъ“ подвигался умѣреннымъ ходомъ. Его винтъ, какъ хвостъ кита, медленно разсѣкалъ волны.

Пользуясь этимъ обстоятельствомъ, я и оба мои товарищи вышли на платформу, постоянно пустую. Предъ нами возвышалось помѣщеніе рулевого, и если не ошибаюсь, капитанъ Немо находился тамъ и самъ управлялъ „Наутилусомъ“.

У меня въ рукахъ были превосходныя карты Торресова пролива, труды инженера-гидрографа Винцендона-Дюмуленъ и мичмана Купванъ-Дебуа, нынѣ адмирала,—бывшихъ при главномъ штабѣ Дюмонъ-Дюрвиля во время его послѣдняго кругосвѣтнаго путешествія. Эти карты, вмѣстѣ съ картами капитана Кинга, представляютъ самое лучшее вспомогательное средство для того, чтобы разобрать путаницу въ этомъ узкомъ проходѣ, и я разсматривалъ ихъ съ большимъ вниманіемъ. Море бѣшено кипѣло вокругъ „Наутилуса“. Теченіе неслось отъ юго-востока къ сѣверо-западу съ быстротой двухъ съ половиной миль и разбивалось о караллoвые выступы, поднимавшіеся тамъ и сямъ надъ поверхностью волнъ.

— Море нехорошо,—сказалъ мнѣ Недъ Лендъ.

— Дѣйствительно скверное,—отвѣчалъ я,—и вовсе непригодное для такого судна, какъ „Наутилусъ“.

— Должно-быть,—возразилъ канадецъ,—этотъ проклятый капитанъ хорошо знаетъ свой путь, потому что я вижу коралловые рифы, которые разбили бы вдребезги его корабль, если бъ онъ только прикоснулся къ нимъ.

Положеніе было дѣйствительно опасно, но „Наутилусъ“, какъ по волшебству, скользилъ посреди ужасныхъ рифовъ. Онъ не придерживался направленія *Астроллябіи* и *la Zélée*, которое оказалось такъ пагубно для Дюмонъ-Дюрвиля. „Наутилусъ“ взялъ болѣе къ сѣверу, прошелъ около острова Мёррей и возвратился на юго-востокъ къ Кумберландскому проходу. Я думалъ, что онъ прямо ударится о берегъ, но, повернувъ къ сѣверо-западу, онъ пошелъ между многочисленными, мало извѣстными большими и малыми островами къ острову Таундъ и Дурному Каналу.

Я уже спрашивалъ себя, не хочетъ ли капитанъ Немо, неосторожный до безумія, вести свой корабль тѣмъ проходомъ, гдѣ сѣли на мель оба корвета Дюмонъ-Дюрвиля, но „Наутилусъ“ измѣнилъ свое направленіе во второй разъ и, повернувъ прямо на западъ, пошелъ къ острову Гвебороару.

Было три часа пополудни. Морской приливъ почти достигъ своей высшей точки, и волненіе утихало. „Наутилусъ“ приблизился къ острову, который я и теперь живо вижу передъ собой, съ его бросающеюся въ глаза опушкой изъ пандановъ. Онъ находился отъ насъ на разстояніи двухъ миль. Вдругъ сильный толчокъ опрокинулъ меня. „Наутилусъ“ ударился о подводный рифъ и остановился неподвижно, слегка наклонившись на лѣвую сторону.

Поднявшись, я увидѣлъ на платформѣ капитана Немо и его подшкипера. Они осматривали положеніе корабля и обмѣнивались нѣсколькими фразами на своемъ непонятномъ нарѣчіи.

Вотъ въ какомъ положеніи мы находились. Съ правой стороны, на разстояніи двухъ миль, виднѣлся островъ Гвебороаръ, берегъ котораго отъ сѣвера къ западу округлялся, какъ огромная рука. Къ югу и востоку уже показывалось нѣсколько коралловыхъ выступовъ, открываемыхъ морскимъ отливомъ. Мы стояли на мели и вдобавокъ въ такомъ морѣ, гдѣ теченія очень слабы, — обстоятельство весьма непріятное для „Наутилуса“, которому предстояло сниматься съ мели. Судно, однако, нисколько не пострадало, — такъ проченъ былъ его корпусъ. Но если въ немъ не могло образоваться ни пролома ни течи, то онъ, по крайней мѣрѣ, рисковалъ вѣчно остаться на подводныхъ рифахъ, и въ такомъ случаѣ судно капитана Немо погибло бы навсегда. Когда я разсуждалъ такимъ образомъ, ко мнѣ приблизился невозмутимый, хладнокровный и всегда владѣющій собой капитанъ; онъ не былъ ни взволнованъ ни огорченъ.

— Несчастье? — сказалъ я ему.

— Нѣтъ, приключеніе, — отвѣтилъ онъ мнѣ.

— Но приключеніе, — возразилъ я, — которое, можетъ-быть, заставитъ васъ сдѣлаться обитателемъ ненавистной вамъ земли!

Капитанъ Немо бросилъ на меня загадочный взглядъ и сдѣлалъ отрицательное движеніе, которое ясно говорило, что никогда и ни въ какомъ случаѣ нога его не коснется земли.

Потомъ онъ сказалъ:

— Господинъ Аронаксъ, „Наутилусъ“ не погибаетъ; онъ еще будетъ носить васъ среди чудесъ океана. Наше путешествіе только начинается, и я не желаю такъ скоро лишиться чести вашего присутствія.

— Однакоже, капитанъ Немо, — возразилъ я, не отвѣчая на насмѣшливый тонъ его рѣчи, — теперь „Наутилусъ“ стоитъ на мели въ открытомъ морѣ. Но въ Тихомъ океанѣ не бываетъ сильныхъ приливовъ, и если вы не можете выгрузить весь балластъ, что мнѣ кажется невозможнымъ, то я не понимаю, какъ судно сдвинется съ мѣста.

— Вы правы, господинъ Аронаксъ: въ Тихомъ океанѣ не бываетъ сильныхъ приливовъ, — отвѣчалъ капитанъ Немо: — но въ Торресовомъ проливѣ вода поднимается на полтора метра. Сегодня 4-е января; черезъ пять дней будетъ полнолуніе, и я буду очень удивленъ, если нашъ услужливый спутникъ не подниметъ массы воды и тѣмъ не окажетъ мнѣ услуги, которой я ни отъ кого не приму кромѣ него.

Сказавъ это, капитанъ Немо, въ сопровожденіи подшкипера, ушелъ во внутренность „Наутилуса“. Судно стояло неподвижно, какъ будто коралловые полипы уже укрѣпили его своимъ неразрушимымъ цементомъ.

— Ну, что же, господинъ профессоръ? — сказалъ Недъ Лендъ, подойдя ко мнѣ послѣ ухода капитана.

— Ну, другъ Лендъ, мы будемъ покойно дожидаться прилива 9-го числа, потому что, по всей вѣроятности, луна будетъ имѣть любезность сдвинуть насъ съ мели.

— И только?

— И только.

— И этотъ капитанъ не подумаетъ бросить свои якоря, не пуститъ въ ходъ машинъ и не сдѣлаетъ ничего, чтобы сдвинуться съ мѣста?

— Но вѣдь довольно будетъ одного прилива, — простодушно отвѣчалъ Консель.

Канадецъ взглянулъ на Конселя и пожалъ плечами. Въ немъ заговорилъ морякъ.

— Господинъ профессоръ, — возразилъ онъ, — повѣрьте мнѣ, что этотъ кусокъ желѣза никогда не будетъ болѣе плавать ни на водѣ ни подъ водой. Онъ теперь годится только на продажу съ вѣса. Я полагаю, что пришло время разсчитаться съ капитаномъ Немо.

— Другъ Недъ, — отвѣчалъ я, — я не отчаиваюсь, какъ вы, въ этомъ славномъ „Наутилусѣ", и черезъ четыре дня мы узнаемъ по опыту, сильны ли приливы въ Тихомъ океанѣ. Притомъ вашъ совѣтъ бѣжать былъ бы примѣнимъ въ виду береговъ Англіи или Прованса, но у береговъ Новой Гвинеи — совсѣмъ другое дѣло; мы еще успѣемъ прибѣгнуть къ этой крайности, если „Наутилусъ" дѣйствительно не тронется съ мѣста. Но я сочту это непріятнымъ обстоятельствомъ.

— Нельзя ли, по крайней мѣрѣ, побывать на этой землѣ? — возразилъ Недъ Лендъ. — Вотъ островъ; на этомъ островѣ растутъ деревья. Подъ этими деревьями живутъ земныя животныя, могущія доставить котлеты и ростбифъ, которыхъ я поѣлъ бы съ удовольствіемъ.

— На этотъ разъ другъ Недъ правъ, — сказалъ Консель, — и я согласенъ съ его мнѣніемъ. Не можетъ ли господинъ профессоръ попросить своего друга капитана Немо высадить насъ на землю, хоть только для того, чтобы не разучиться ходить по твердымъ частямъ нашей планеты?

— Я могу попросить объ этомъ, — отвѣчалъ я, — но онъ откажетъ.

— Если бы господинъ профессоръ рискнулъ, — сказалъ Консель, — тогда бы мы узнали, по крайней мѣрѣ, насколько любезенъ капитанъ.

Къ удивленію моему, капитанъ Немо согласился на мою просьбу и даже съ большою любезностью и предупредительностью, не требуя обѣщанія возвратиться на корабль. Впрочемъ путешествіе чрезъ Новую Гвинею представляло слишкомъ много опасностей, и я не посовѣтовалъ бы Неду Ленду попытаться предпринять его. Лучше было оставаться плѣнникомъ на „Наутилусѣ", чѣмъ попасть въ руки туземцевъ Папуазіи.

На другой день утромъ въ наше распоряженіе была дана лодка. Я не старался узнать, поѣдетъ ли съ нами капитанъ Немо. Я даже думалъ, что никто изъ людей экипажа не будетъ сопровождать насъ, и что канадцу будетъ предоставлено управлять лодкой. Къ тому же земля была въ двухъ миляхъ разстоянія, а Недъ Лендъ могъ шутя провести легкую лодку между рифами, опасными для большихъ судовъ.

На другой день, 5-го января, лодку высвободили изъ ея помѣщенія и спустили съ платформы въ море. Два человѣка исполнили эту операцію. Весла лежали въ лодкѣ, и намъ оставалось только сѣсть въ нее. Въ 8 часовъ мы отчалили отъ „Наутилуса", вооружившись электрическими ружьями и топорами. Море было довольно спокойно; дулъ легкій береговой вѣтерокъ. Консель и я усердно гребли, а Недъ управлялъ лодкой въ узкихъ проходахъ, образовавшихся между бурунами. Лодка управлялась легко и плыла быстро.

Недъ Лендъ не могъ сдержать своей радости. Это былъ вырвавшійся изъ тюрьмы плѣнникъ, забывшій, что ему нужно опять туда вернуться.

— Мясо! — повторялъ онъ: — мы будемъ ѣсть мясо, и какое мясо! Настоящую дичь! Правда, безъ хлѣба! Я не говорю, что рыба плохая вещь; но не слѣдуетъ злоупотреблять ею, и кусокъ свѣжей дичи, поджаренной на горячихъ угляхъ, можетъ пріятно разнообразить нашу пищу.

— Обжора! — отвѣчалъ Консель: — у меня отъ его словъ слюни текутъ.

— Остается узнать, — сказалъ я, — много ли дичи въ этихъ лѣсахъ, и притомъ она можетъ быть такъ велика, что выгонитъ самихъ охотниковъ.

— Хорошо, господинъ Аронаксъ, — отвѣчалъ канадецъ, зубы котораго, казалось, были остры какъ топоръ, — но я съѣмъ тигра, филей тигра, если не найдется другихъ четвероногихъ на этомъ островѣ.

— Другъ Недъ опасенъ, — замѣтилъ Консель.

— Во всякомъ случаѣ, — возразилъ Недъ Лендъ, — всякому, какое покажется, животному — четвероногому безъ перьевъ или двуногому съ перьями — мой первый выстрѣлъ.

— Ну, — отвѣчалъ я, — опять начинаются безразсудства господина Ленда.

— Не бойтесь, господинъ Аронаксъ, — отвѣчалъ канадецъ, — и гребите смѣло; черезъ 25 минутъ я предложу вамъ кушанье моего собственнаго приготовленія.

Въ половинѣ 9 лодка „Наутилусъ" тихо остановилась на плоскомъ песчаномъ берегу, миновавъ благополучно коралловое кольцо, окружающее островъ Гвебороаръ.

ГЛАВА XXI.

Нѣсколько дней на землѣ.

Первое прикосновеніе къ твердой землѣ произвело на меня сильное впечатлѣніе. А всего прошло только два мѣсяца съ тѣхъ поръ, какъ мы стали, по выраженію капитана Немо, *пассажирами* „Наутилуса", въ сущности же плѣнниками его командира.

Черезъ нѣсколько минутъ мы отошли отъ берега на разстояніе одного ружейнаго выстрѣла. Почва состояла почти исключительно изъ коралловаго известняка, но нѣкоторыя русла высохшихъ ручьевъ, усѣянныхъ гранитными обломками, показывали, что этотъ островъ принадлежалъ къ первобытной формаціи. Великолѣпные лѣса закрывали весь

горизонтъ какъ завѣсой. Огромныя деревья, достигавшія иногда до двухсотъ футовъ вышины, переплетались между собой гирляндами изъ ліанъ, качавшимися отъ легкаго вѣтерка какъ настоящія койки. Тутъ было множество мимозъ, смоковницъ, казуариній, тековыхъ деревьевъ, пандановъ и пальмъ, красиво переплетенныхъ между собой, а подъ защитой ихъ зеленаго свода, у подножія гигантскихъ стволовъ, росли ятрышники, бобовыя растенія и папоротники.

Но канадецъ не обращалъ вниманія на красоты новогвинейской флоры и предпочиталъ полезное пріятному. Онъ увидалъ кокосовое дерево, сорвалъ съ него нѣсколько плодовъ, разбилъ ихъ, и мы пили ихъ молоко и ѣли зерна съ большимъ наслажденіемъ, что не говорило въ пользу кухни „Наутилуса".

— Превосходно! — сказалъ Недъ Лендъ.

— Очень вкусно! — отвѣчалъ Консель.

— Я думаю, — сказалъ канадецъ, — что вашъ Немо не запретитъ намъ привезти на его корабль грузъ изъ кокосовыхъ орѣховъ.

— Я въ этомъ увѣренъ, — отвѣчалъ я, — но онъ не захочетъ ихъ отвѣдать.

— Тѣмъ хуже для него! — сказалъ Консель.

— И тѣмъ лучше для насъ! — возразилъ Недъ Лендъ: — намъ же больше останется.

— Одно только слово, мистеръ Лендъ, — сказалъ я гарпунщику, намѣревавшемуся опустошить другое кокосовое дерево. — Кокосъ вещь хорошая; но прежде чѣмъ наполнять ими лодку, лучше поискать, нѣтъ ли на островѣ другихъ не менѣе полезныхъ продуктовъ. Свѣжіе овощи служили бы хорошимъ прибавленіемъ къ столу „Наутилуса".

— Господинъ профессоръ правъ, — отвѣчалъ Консель, — и я предлагаю раздѣлить наше судно на три отдѣленія: одно для плодовъ, другое для овощей и третье для дичи, которой я еще не видалъ и слѣда на этомъ островѣ.

— Консель, никогда не слѣдуетъ отчаиваться! — отвѣчалъ канадецъ.

— Итакъ отправимся далѣе, — возразилъ я, — а главное, будемъ осторожнѣе. Хотя островъ кажется необитаемымъ, однакоже на немъ могутъ найтись люди, менѣе разборчивые въ отношеніи дичи, нежели мы.

— Э, э! — воскликнулъ Недъ Лендъ съ очень значительнымъ движеніемъ челюстей.

— Что такое, Недъ? — вскричалъ Консель.

— Ей Богу, — возразилъ канадецъ, — я начинаю понимать всю прелесть людоѣдства!

— Недъ, Недъ! что вы говорите! — отвѣчалъ Консель. — Вы людоѣдъ! Стало-быть, обитая съ вами въ одной каютѣ, я не въ безопасности и когда-нибудь могу проснуться полусъѣденнымъ?

— Другъ Консель, я васъ очень люблю, но не настолько, чтобы съѣсть безъ особенной надобности.

— Я готовъ усомниться въ этомъ, — отвѣчалъ Консель. — На охоту! Необходимо настрѣлять какой-нибудь дичи, чтобъ удовлетворить этого каннибала, а то въ одно прекрасное утро господинъ профессоръ вмѣсто своего слуги найдетъ только обглоданныя кости.

Обмѣнявшись такими шутками, мы проникли подъ темные своды лѣса и въ продолженіе двухъ часовъ расхаживали во всѣхъ направленіяхъ.

Наши поиски съѣстныхъ припасовъ и преимущественно овощей были удачны; кромѣ того, мы нашли одинъ изъ самыхъ полезныхъ продуктовъ тропическаго пояса, котораго недоставало на кораблѣ.

Я говорю о хлѣбномъ деревѣ, растущемъ въ изобиліи на островѣ Гвебороарѣ. Я замѣтилъ въ особенности одну разновидность его, лишенную зеренъ, называемую малайцами „rima".

Дерево это отличается отъ другихъ своимъ прямымъ стволомъ, имѣющимъ сорокъ футовъ вышины. Его граціозно округленная вершина состоитъ изъ большихъ многолопастныхъ листьевъ. Отъ этой массы зелени отдѣлялись большіе шаровидные плоды, шириной въ дециметръ, шероховатые снаружи. Природа наградила этимъ полезнымъ растеніемъ страны, гдѣ нѣтъ хлѣба. Не требуя обработки и ухода, оно даетъ плоды въ продолженіе восьми мѣсяцевъ въ году.

Недъ Лендъ хорошо зналъ эти плоды. Во время своихъ многочисленныхъ путешествій онъ ѣдалъ ихъ много разъ и умѣлъ какъ слѣдуетъ приготовлять ихъ питательное содержимое. Видъ ихъ возбуждалъ его аппетитъ, и онъ не могъ дольше выдержать.

— Господинъ профессоръ, — сказалъ онъ мнѣ, — я, кажется, умру, если не попробую тѣста этого хлѣбнаго дерева!

— Попробуйте, другъ Недъ, пробуйте сколько вамъ угодно. Мы здѣсь для того, чтобы производить опыты; будемъ же ихъ дѣлать.

— Это займетъ немного времени, — отвѣчалъ канадецъ.

Вооружившись зажигательнымъ стекломъ, онъ развелъ огонь изъ сухого дерева, которое весело затрещало. Въ это время мы съ Конселемъ выбирали лучшіе плоды хлѣбнаго дерева. Нѣкоторые изъ нихъ еще не достигли надлежащей зрѣлости, и ихъ толстая кожа покрывала бѣлую мякоть. Другіе же, въ очень большомъ количествѣ, желтоватые и студенистые, какъ будто дожидались, чтобъ ихъ сорвали.

Въ этихъ плодахъ не было сѣмянъ. Консель принесъ ихъ цѣлую дюжину, а Недъ Лендъ, разрѣзавъ на толстые ломти, положилъ на горячіе уголья, безпрестанно повторяя:

— Вы, увидите, господинъ профессоръ, какъ этотъ хлѣбъ хорошъ.

— Особенно, когда мы давно не ѣли хлѣба, — сказалъ Консель.

— Это даже не хлѣбъ,—прибавилъ канадецъ.—Это очень вкусное пирожное. Вы его никогда не пробовали, господинъ профессоръ?

— Нѣтъ, Недъ.

— Ну, такъ приготовьтесь кушать самое вкусное кушанье. Если вамъ не захочется его попробовать въ другой разъ, то я болѣе не король гарпунщиковъ!

Черезъ нѣсколько минутъ наружная часть плодовъ совершенно обуглилась. Внутри же виднѣлось бѣлое тѣсто, въ родѣ нѣжнаго хлѣбнаго мякиша, вкусъ котораго напоминалъ артишоки.

Надо признаться, хлѣбъ этотъ былъ превосходенъ, и я его ѣлъ съ большимъ удовольствіемъ.

— Къ несчастью, — сказалъ я, — подобное тѣсто не можетъ долго сохраняться, и, мнѣ кажется, безполезно брать запасъ этихъ плодовъ на корабль.

— Вотъ тебѣ на! — вскричалъ Недъ Лендъ. — Вы говорите какъ натуралистъ, я же поступаю какъ булочникъ. Консель, наберите плодовъ, мы ихъ возьмемъ при возвращеніи на корабль.

— Какъ же вы ихъ приготовите?—спросилъ я канадца.

— Я сдѣлаю изъ ихъ мякоти кислое тѣсто, которое не испортится и сохранится надолго. Когда оно мнѣ понадобится, я его испеку въ кухнѣ корабля, и вы найдете его превосходнымъ, несмотря на его кисловатый вкусъ.

— Теперь, Недъ, я вижу, что къ этому хлѣбу нечего еще пожелать.

— Однакоже, господинъ профессоръ, — отвѣчалъ канадецъ, — къ нему можно бы было пожелать плодовъ или по крайней мѣрѣ овощей.

— Пойдемте же искать плодовъ и овощей.

Когда сборъ былъ оконченъ, мы отправились дополнять нашъ обѣдъ изъ земныхъ произведеній.

Наши поиски не были напрасны, и къ полдню мы собрали достаточное количество банановъ. Эти превосходные продукты жаркаго пояса поспѣваютъ въ продолженіе цѣлаго года, и малайцы, называющіе ихъ пизангомъ, ѣдятъ ихъ непечеными. Вмѣстѣ съ бананами мы нарвали также вкусныхъ мангъ и невѣроятной величины ананасовъ. Сборъ этотъ занялъ большую часть нашего времени; впрочемъ, намъ некуда было торопиться.

Консель все время наблюдалъ за Недомъ. Китоловъ шелъ впереди и, проходя лѣсомъ, безошибочно протягивалъ свою руку за самыми превосходными плодами, долженствовавшими дополнить его провизію.

— Наконецъ, — спросилъ Консель — теперь у васъ вдоволь, другъ Недъ?

— Гмъ! — промычалъ канадецъ.

— Какъ! вы еще жалуетесь?

— Всѣ эти растенія не могутъ составить обѣда, — отвѣчалъ Недъ.— Это конецъ обѣда, десертъ. А супъ? А жареное?

— Въ самомъ дѣлѣ, Недъ, — сказалъ я, — вы намъ обѣщали котлетъ, попробовать которыхъ, кажется, намъ не удастся.

— Господинъ профессоръ, — отвѣчалъ канадецъ, — мало того, что охота еще не кончилась, но она даже и не начиналась. Терпѣніе! встрѣтимъ же мы, наконецъ, какое-нибудь животное, покрытое перьями или шерстью, если не здѣсь, то въ другомъ мѣстѣ.

— И если не сегодня, такъ завтра,—прибавилъ Консель,—потому что не слѣдуетъ далеко уходить. Я даже предлагаю возвратиться на лодку.

— Какъ! уже? — вскричалъ Недъ.

— Мы должны вернуться до наступленія ночи, — сказалъ я.

— Но который же теперь часъ? — спросилъ канадецъ.

— По крайней мѣрѣ два часа, — отвѣчалъ Консель.

— Какъ время-то бѣжитъ на твердой землѣ! — вскричалъ Недъ Лендъ, вздыхая съ сожалѣніемъ.

— Въ дорогу! — отвѣчалъ Консель.

Мы возвратились лѣсомъ же и дополнили нашъ запасъ, дѣлая набѣги на пальмовую капусту, которую надо было доставать съ вершины деревьевъ, на мелкіе бобы, называемые малайцами „абру", и превосходнаго качества ямсъ.

Мы были слишкомъ обременены, когда подошли къ лодкѣ. Однакоже Недъ Лендъ еще не былъ доволенъ своимъ запасомъ. Но судьба ему благопріятствовала. Въ то время какъ мы хотѣли садиться въ лодку, онъ увидѣлъ нѣсколько деревьевъ, вышиной отъ двадцати-пяти до тридцати футовъ, принадлежащихъ къ разряду пальмъ. Эти деревья такъ же драгоцѣнны, какъ и хлѣбное дерево, и считаются самыми полезными малайскими продуктами.

Это были саговыя деревья. Они растутъ безъ всякой обработки и размножаются отпрысками и сѣменами, какъ тутовыя деревья.

Недъ Лендъ умѣлъ обращаться съ этими деревьями. Онъ взялъ топоръ и работалъ имъ съ такою силой, что скоро срубилъ двѣ или три саговыя пальмы, о зрѣлости которыхъ свидѣтельствовала бѣлая пыль, покрывавшая ихъ вѣтви.

Я смотрѣлъ на него скорѣе какъ натуралистъ, чѣмъ какъ человѣкъ голодный. Прежде всего онъ снялъ съ каждаго ствола по полосѣ коры въ дюймъ толщиной; подъ этою корой находилась сѣть продольныхъ волоконъ, образующихъ самые запутанные узлы, пропитанныхъ клейкою мукой. Это и было саго, съѣдобное вещество, служащее главною пищей малайскому населенію.

Недъ Лендъ ограничился тѣмъ, что разрубилъ стволъ на куски, какъ рубятъ дрова, откладывая до другого времени добываніе изъ него муки, которую онъ долженъ былъ просѣять, чтобы отдѣлить отъ волокнистыхъ связокъ, потомъ высушить на солнцѣ и, наконецъ, дать ей отвердѣть въ формахъ.

Въ пять часовъ вечера, нагрузивъ лодку нашими сокровищами, мы отплыли отъ берега и черезъ полчаса пристали къ „Наутилусу". Никто не вышелъ къ намъ навстрѣчу. Огромный желѣзный цилиндръ казался необитаемымъ. Выгрузивъ провизію, я вошелъ въ свою комнату. Тамъ былъ приготовленъ ужинъ. Послѣ ужина я легъ спать.

На другой день, 6-го января, на кораблѣ не произошло ничего новаго. Внутри его не слышно было ни малѣйшаго шума и никакихъ признаковъ жизни. Лодка осталась на томъ же мѣстѣ, гдѣ мы ее оставили. Мы рѣшились опять ѣхать на островъ Гвебороаръ. Недъ Лендъ надѣялся охотиться удачнѣе, чѣмъ наканунѣ, и желалъ посѣтить другую часть лѣса.

При восхожденіи солнца мы уже были въ дорогѣ. Наша лодка, увлекаемая теченіемъ къ берегу, очень скоро достигла острова.

Мы высадились на берегъ и, разсудивъ, что лучше всего положиться на инстинктъ канадца, послѣдовали за Недомъ Лендомъ, длинныя ноги котораго грозили оставить насъ за собой.

Недъ Лендъ шелъ берегомъ къ западу, переходя въ бродъ русла нѣкоторыхъ ручьевъ, и достигъ высокой равнины, окруженной великолѣпными лѣсами. Нѣсколько зимородковъ бродили вдоль рѣчекъ, но они не допускали къ себѣ. Ихъ осторожность показывала мнѣ, что этимъ крылатымъ животнымъ не безызвѣстны двуногія нашей породы; изъ этого я заключилъ, что если островъ необитаемъ, то по крайней мѣрѣ люди иногда посѣщаютъ его.

Миновавъ довольно пышный лугъ, мы подошли къ опушкѣ маленькаго лѣса, оживленнаго пѣніемъ и полетомъ множества птицъ.

— Тутъ только однѣ птицы,— сказалъ Консель.

— Но между ними есть годныя для пищи! — замѣтилъ гарпунщикъ.

— Ни одной, другъ Недъ, — возразилъ Консель, — потому что я вижу здѣсь только простыхъ попугаевъ.

— Другъ Консель, — важно отвѣчалъ Недъ, — когда нѣтъ другой пищи, то и попугай сойдетъ за фазана.

— А я прибавлю, — сказалъ я, — что эта птица, хорошо приготовленная, годится для завтрака.

Дѣйствительно, въ густой зелени этого лѣса множество попугаевъ перелетали съ вѣтки на вѣтку, ожидая только болѣе тщательнаго образованія, чтобы заговорить на человѣческомъ языкѣ. Они болтали со своими самками всевозможныхъ цвѣтовъ и съ важными какаду, рѣшавшими, казалось, философскія задачи, между тѣмъ какъ ярко-красныя лори быстро проносились, какъ лоскутки красной матеріи, развѣваемой вѣтромъ, посреди шумно летавшихъ калао и папуа съ перьями самаго нѣжнаго лазуреваго цвѣта, — однимъ словомъ, среди пестраго собранія самыхъ разнообразныхъ и красивыхъ пернатыхъ, но большею частью негодныхъ въ пищу.

Въ этой коллекціи недоставало однако одной птицы, исключительно принадлежащей этимъ странамъ и которая никогда не перелетала границы острововъ Арру и Новой Гвинеи. Но вскорѣ судьба доставила мнѣ случай любоваться и ею.

Миновавъ небольшой и очень густой лѣсокъ, мы вышли на равнину, кругомъ обросшую кустарникомъ. Тутъ я увидѣлъ великолѣпныхъ птицъ, которымъ особенное расположеніе ихъ длинныхъ перьевъ позволяетъ летать противъ вѣтра. Ихъ волнистый полетъ, грація, съ которою онѣ описываютъ въ воздухѣ широкіе круги, переливы красокъ на ихъ перьяхъ, — все привлекало и очаровывало взоры. Я безъ труда узналъ ихъ.

— Райскія птицы! — вскричалъ я.

— Порядокъ воробьиныхъ, — отвѣчалъ Консель.

— Семейство куропатокъ? — спросилъ Недъ Лендъ.

— Не думаю, любезный Лендъ. Однакожъ я разсчитываю на вашу ловкость и надѣюсь, что вы добудете хоть одинъ экземпляръ изъ этихъ очаровательныхъ произведеній тропической природы.

— Попробую, господинъ профессоръ, — хотя я лучше владѣю багромъ, чѣмъ ружьемъ.

Малайцы, ведущіе съ Китаемъ большую торговлю этими птицами, употребляютъ для ихъ ловли различные способы, которыхъ мы не могли примѣнить. То они разставляютъ силки на вершинахъ высокихъ деревьевъ, гдѣ преимущественно живутъ райскія птицы, то овладѣваютъ ими посредствомъ вязкаго клея, парализующаго ихъ движенія. Иногда даже они отравляютъ тѣ источники, изъ которыхъ эти птицы пьютъ воду. Что же касается до насъ, то намъ приходилось попытаться подстрѣлить ихъ на лету, что представляло не много шансовъ на успѣхъ. И въ самомъ дѣлѣ, мы напрасно истратили часть нашихъ зарядовъ.

Къ одиннадцати часамъ утра мы миновали первую цѣпь холмовъ, составляющихъ центръ острова, а еще не убили ничего. Мы были голодны. Охотники, надѣявшіеся на удачную охоту, ошиблись въ расчетѣ. Къ счастію, Консель, къ своему величайшему удивленію, положилъ сразу цѣлую пару и обезпечилъ насъ завтракомъ. Онъ застрѣ-

лилъ бѣлаго голубя и вяхиря, которыхъ мы проворно ощипали и принялись жарить на маленькомъ вертелѣ, предъ ярко пылавшимъ огнемъ. Въ то время какъ эти интересныя животныя жарились, Недъ приготовлялъ плоды хлѣбнаго дерева. Потомъ мы обглодали до костей голубя и вяхиря и нашли ихъ превосходными. Мясо ихъ пропитано

«...Консель выстрѣлилъ...» (Стр. 128).

запахомъ мускатныхъ орѣховъ, которыми они обыкновенно объѣдаются, что и придаетъ имъ превосходный вкусъ.

— Точно пулярдки, откормленныя трюфелями, — сказалъ Консель.

— Чего же вамъ теперь недостаетъ, Недъ? — спросилъ я канадца.

— Четвероногой дичи, господинъ Аронаксъ, — отвѣчалъ Недъ Лендъ. — Всѣ эти голуби годятся только для забавы и нейдутъ въ счетъ

настоящихъ блюдъ. Я не успокоюсь до тѣхъ поръ, пока не убью животнаго, годнаго для котлетъ!

— И я также, Недъ, если не поймаю райской птицы.

— Будемъ же продолжать охоту, — отвѣчалъ Консель, — но только отправимся назадъ къ морю. Мы дошли до перваго склона горъ, и я думаю, что намъ лучше возвратиться въ лѣсъ.

Совѣтъ былъ разуменъ, и мы послѣдовали ему. Послѣ цѣлаго часа ходьбы мы достигли настоящаго саговаго лѣса. Нѣсколько безвредныхъ змѣй убѣгало изъ-подъ нашихъ ногъ. При нашемъ приближенiи райскiя птицы быстро исчезали, и я терялъ надежду поймать ихъ, какъ вдругъ Консель, шедшiй впереди насъ, нагнулся, испуская торжествующiе крики, и возвратился ко мнѣ съ великолѣпною райскою птицею въ рукахъ.

— А! Браво, Консель! — вскричалъ я.

— Господинъ профессоръ слишкомъ любезенъ, — отвѣчалъ Консель.

— Совсѣмъ нѣтъ, мой милый. Ты мастерски это сдѣлалъ. Взять птицу живую и взять ее руками!

— Если господинъ профессоръ взглянетъ на нее поближе, то увидитъ, что въ этомъ нѣтъ большой заслуги.

— Почему же, Консель?

— Потому, что эта птица пьяна какъ перепелка.

— Пьяна?

— Да, господинъ профессоръ, пьяна отъ мускатныхъ орѣховъ, которые она ѣла подъ мускатнымъ деревомъ, откуда я ее и взялъ. Посмотрите, другъ Недъ, вотъ пагубное дѣйствiе невоздержности!

— Тысячу чертей! — возразилъ канадецъ. — Меня нельзя упрекнуть въ томъ, что я выпилъ много джину въ продолженiе двухъ этихъ мѣсяцевъ!

Между тѣмъ я разсматривалъ эту любопытную птицу. Консель не ошибся. Райская птица одурѣла отъ опьяняющаго сока и была совершенно безпомощна. Она не могла летать и даже едва ходила. Но меня это не тревожило, и я оставилъ ее отрезвляться.

Эта птица принадлежала къ самому красивому изъ восьми видовъ, обитающихъ въ Новой Гвинеѣ и на сосѣднихъ островахъ. Это была парадизка золотистая, одна изъ самыхъ рѣдкихъ. Она имѣла три дециметра въ длину. Голова ея была относительно мала; глаза, помѣщенные у основанiя клюва, также невелики. Но она представляла удивительное сочетанiе цвѣтовъ: клювъ желтый, ноги и когти темнокоричневые, крылья орѣховаго цвѣта съ багрянымъ оттѣнкомъ по краямъ, голова и задняя часть шеи блѣдно-желтыя, горло изумрудное, брюхо и грудь темнокаштановыя. Надъ ея хвостомъ поднимались двѣ роговидныя и пушистыя нити, продолжавшiяся въ видѣ легкихъ длинныхъ и удивительно тонкихъ перьевъ, дополнявшихъ общiй видъ этой чудесной птицы, которой туземцы дали поэтическое названiе „птицы-солнца“.

Мнѣ очень хотѣлось привезти въ Парижъ этотъ прекрасный экземпляръ и принести его въ даръ Ботаническому саду, гдѣ нѣтъ ни одной живой парадизки.

— Стало-быть, онѣ очень рѣдки? — спросилъ канадецъ тономъ охотника, не слишкомъ уважающаго дичь, интересную только съ научной точки зрѣнiя.

— Очень рѣдки, мой храбрый товарищъ, и сверхъ того ихъ очень трудно поймать живыми. Даже мертвыя онѣ составляютъ предметъ значительной торговли. И потому туземцы придумали поддѣлывать ихъ, какъ поддѣлываютъ жемчугъ и брильянты.

— Какъ! — вскричалъ Консель. — Есть поддѣльныя райскія птицы?

— Да, Консель.

— А знаетъ ли господинъ профессоръ способъ производства туземцевъ?

— Какъ нельзя лучше. Парадизки, во время восточнаго муссона, теряютъ великолѣпныя перья, окружающія ихъ хвостъ, которыя натуралисты называютъ *субаларными*. Эти-то перья и собираются поддѣлывателями фальшивыхъ пернатыхъ и ловко прикрѣпляются къ самкѣ попугая, у которой предварительно выщипываютъ ея собственныя перья. Потомъ они закрашиваютъ швы, покрываютъ птицу лакомъ и отправляютъ произведенія своего страннаго искусства въ европейскіе музеи и разнымъ любителямъ.

— Хорошо! — сказалъ Недъ Лендъ. — Если птица не настоящая, то перья все-таки настоящія, и я не вижу тутъ большого вреда, такъ какъ животное не предназначается въ пищу.

Мое желаніе обладать парадизкой исполнилось, но желанія канадскаго охотника еще не были удовлетворены. Къ счастію, въ два часа пополудни Недъ Лендъ убилъ великолѣпную лѣсную свинью, называемую туземцами *бари-утангъ*. Животное это пришлось очень кстати и доставило намъ настоящую четвероногую дичь. Недъ Лендъ очень гордился своимъ славнымъ выстрѣломъ. Электрическая пуля, коснувшись свиньи, положила ее мертвою на мѣстѣ.

Канадецъ снялъ съ нея кожу и чисто выпотрошилъ, отложивъ заранѣе полдюжины реберъ на жаркое къ ужину. Потомъ охота опять началась. Неду Ленду и Конселю еще предстояло отличиться своими подвигами.

Въ самомъ дѣлѣ, оба друга, обшаривая кустарники, спугнули стадо кенгуру, которые побѣжали, припрыгивая на своихъ эластичныхъ лапахъ. Но эти животныя не такъ быстро бѣжали, чтобъ электрическая пуля не могла остановить ихъ.

— Ахъ, господинъ профессоръ, — вскричалъ Недъ Лендъ, ярый охотникъ, которому жажда добычи вскружила голову, — какая превосходная дичь, особенно если приготовить изъ нея тушеное мясо! Сколько съѣстныхъ припасовъ для „Наутилуса"! Два! три! пять убиты! Только подумать, что мы съѣдимъ все это мясо, а дураки на кораблѣ не получатъ ни кусочка!

Я думаю, что канадецъ перебилъ бы все стадо, если бы говорилъ поменьше. Но онъ удовольствовался дюжиной этихъ интересныхъ сумчатыхъ животныхъ. Эти животныя были невелики и принадлежали къ виду кенгуру-кроликовъ, обыкновенно живущихъ въ дуплахъ деревьевъ и прыгающихъ чрезвычайно быстро; но, несмотря на свою незначительную величину, они доставляютъ самое вкусное мясо.

Мы были очень довольны результатомъ своей охоты. Веселый Недъ предлагалъ вернуться на слѣдующій день на этотъ очаровательный островъ, гдѣ онъ намѣревался истребить всѣхъ четвероногихъ, годныхъ

для пищи. Но онъ разсчитывалъ, не думая о томъ, что могутъ встрѣтиться препятствія.

Въ шесть часовъ вечера мы возвратились на морской берегъ. Наша лодка стояла на прежнемъ мѣстѣ. „Наутилусъ" какъ длинный подводный камень выставлялся изъ-подъ волнъ въ двухъ миляхъ отъ берега.

Недъ Лендъ немедленно занялся великимъ дѣломъ приготовленія обѣда; онъ былъ удивительнымъ мастеромъ въ поваренномъ искусствѣ.

Вскорѣ атмосфера наполнилась превосходнымъ запахомъ жарившихся на угольяхъ котлетъ изъ бари-утанга...

Но я замѣчаю, что самъ иду по стопамъ канадца, и прихожу въ восторгъ отъ жареной свѣжей свинины. Да простятъ мнѣ это такъ же, какъ и я простилъ Неду Ленду, и по тѣмъ же причинамъ!

Однимъ словомъ, обѣдъ былъ превосходный. Два вяхиря дополнили этотъ необычайный рядъ кушаній. Саговое тѣсто, хлѣбъ съ хлѣбнаго дерева, нѣсколько плодовъ манговаго дерева, полдюжины ананасовъ и перебродившій сокъ кокосовыхъ орѣховъ привели насъ въ веселое расположеніе духа. Я даже думаю, что мысли моихъ достойныхъ товарищей не отличались надлежащею ясностью.

— Что если бы мы не возвращались сегодня вечеромъ на бортъ „Наутилуса"? — сказалъ Консель.

— А если бы мы никогда туда не возвращались? — прибавилъ Недъ Лендъ.

Вдругъ въ эту минуту къ нашимъ ногамъ упалъ камень и прервалъ предположенія китолова.

ГЛАВА XXII.

Молнія капитана Немо.

Мы, не вставая, посмотрѣли по направленію лѣса; моя рука остановилась на полдорогѣ ко рту.

— Камни не падаютъ съ неба, — сказалъ Консель, — а если падаютъ, то называются аэролитами.

Другой камень, тщательно округленный, выбившій изъ рукъ Конселя вкусную ножку вяхиря, придалъ еще болѣе убѣдительности его замѣчанію.

Мы встали всѣ трое, вскинувъ ружья на плеча, и были готовы отвѣчать на всякое нападеніе.

— Не обезьяны ли это? — вскричалъ Недъ Лендъ.

— Почти, — отвѣчалъ Консель: — это дикари.

— Къ лодкѣ! — сказалъ я, направляясь къ морю.

Дѣйствительно, пора было отступать: десятка два дикарей, вооруженныхъ луками и пращами, появились на опушкѣ маленькаго лѣска, который направо ограничивалъ горизонтъ и лежалъ на разстояніи почти ста шаговъ.

Наша лодка находилась въ десяти саженяхъ отъ насъ.

Дикари приближались не торопясь, но выказывали самыя враждебныя намѣренія. Камни и стрѣлы сыпались на насъ. Недъ Лендъ не

хотѣлъ оставить свою провизію, несмотря на угрожающую опасность, и подвигался впередъ, впрочемъ довольно быстро, таща свинью одною рукою и кенгуру — другою.

Въ двѣ минуты мы достигли плоскаго песчанаго берега. Нагрузить лодку провизіей и оружіемъ, столкнуть ее въ море, взяться за весла,— было дѣломъ одной минуты. Не успѣли мы отъѣхать двухъ кабельтовыхъ, какъ до ста дикарей, завывая и размахивая руками, вошли по поясъ въ воду. Я смотрѣлъ, не вызоветъ ли ихъ появленіе кого-нибудь на платформу „Наутилуса". Но нѣтъ. Громадное судно, стоявшее въ открытомъ морѣ, было совершенно пусто.

Двадцать минутъ спустя мы всходили на корабль. Люкъ былъ открытъ. Привязавъ лодку, мы вошли во внутренность „Наутилуса".

Я сошелъ въ залу, откуда слышались аккорды. Тамъ, нагнувшись надъ своимъ органомъ, сидѣлъ капитанъ Немо, погруженный въ музыкальный восторгъ.

— Капитанъ! — сказалъ я ему.

Онъ не слышалъ меня.

— Капитанъ! — повторилъ я, дотрагиваясь до него рукой.

Онъ вздрогнулъ и обернулся.

— Ахъ, это вы, господинъ профессоръ! — сказалъ онъ мнѣ. — Ну, что же, хороша была ваша охота? успѣшно ли вы ботанизировали?

— Да, капитанъ, — отвѣчалъ я: — но къ несчастію, мы привели за собой толпу двуногихъ, сосѣдство которыхъ, мнѣ кажется, не совсѣмъ безопасно для насъ.

— Какихъ двуногихъ?

— Дикарей.

— Дикарей! — насмѣшливо отвѣчалъ капитанъ Немо. — И вы удивляетесь, господинъ профессоръ, что, ступивъ на землю, нашли на ней дикарей? Гдѣ же ихъ нѣтъ? И ужъ будто эти люди, которыхъ вы называете дикарями, хуже другихъ?

— Но, капитанъ...

— Что касается до меня, господинъ профессоръ, то я ихъ встрѣчалъ повсюду.

— Но все-таки, — отвѣчалъ я, — если вы не желаете видѣть ихъ на кораблѣ, то вамъ лучше принять какія-нибудь предосторожности.

— Успокойтесь, господинъ профессоръ, тутъ не о чемъ такъ безпокоиться.

— Но эти дикари многочисленны.

— Сколько же вы ихъ насчитали?

— По крайней мѣрѣ до сотни.

— Господинъ Аронаксъ, — отвѣчалъ капитанъ, снова опуская руку на клавиши органа, — если бы всѣ туземцы Папуазіи собрались на этомъ берегу, то и тогда „Наутилусу" нечего бы было бояться ихъ нападенія!

Пальцы капитана снова забѣгали по клавишамъ, и я замѣтилъ, что онъ бралъ только черныя косточки, что придавало его мелодіямъ шотландскій оттѣнокъ. Вскорѣ онъ забылъ о моемъ присутствіи и погрузился въ мечты, изъ которыхъ я болѣе не старался его вывести. Я вышелъ на платформу. Ночь уже наступила, потому что подъ низкими широтами солнце садится очень быстро и безъ сумерекъ. Я едва могъ

различить островъ Гвебороаръ. Но многочисленные огни, зажженные на морскомъ берегу, свидѣтельствовали о томъ, что дикари не думали его покидать.

Въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ я сидѣлъ тутъ одинъ, то думая о туземцахъ, — которыхъ я впрочемъ не боялся болѣе: непоколебимая увѣренность капитана овладѣвала и мной, — то забывая ихъ, чтобы любоваться великолѣпіемъ тропической ночи. Вслѣдъ за созвѣздіями зодіака, которыя должны были черезъ нѣсколько часовъ освѣщать Францію, я мысленно переносился туда. Луна сіяла въ глубинѣ неба, окруженная созвѣздіями зенита. Я думалъ, что послѣзавтра этотъ вѣрный и любезный спутникъ возвратится опять на то же мѣсто, подниметъ море и сниметъ корабль съ его кораллового ложа. Около полуночи, видя, что все спокойно на потемнѣвшихъ волнахъ и на берегу подъ деревьями, я ушелъ въ свою каюту и спокойно заснулъ.

Ночь прошла безъ приключеній. Безъ сомнѣнія, папуасы были испуганы видомъ чудовища, лежащаго на бухтѣ, и не приближались, несмотря на то, что доступъ во внутренность судна былъ свободенъ и подъемная дверь открыта.

Въ шесть часовъ утра, 8-го января, я вышелъ на платформу. Поднимались утреннія испаренія. Сквозь разсѣявшійся морской туманъ вскорѣ показался островъ: сначала берега его, потомъ вершины.

Туземцы были уже тамъ, но гораздо многочисленнѣе, чѣмъ наканунѣ; ихъ было человѣкъ пятьсотъ или шестьсотъ. Нѣкоторые изъ нихъ, пользуясь низкимъ отливомъ, приблизились къ „Наутилусу“ почти на два кабельтова, ступая по кораллам. Я ихъ ясно различалъ. Это были настоящіе папуасы, красивое племя, отличающееся атлетическимъ ростомъ, широкимъ и возвышеннымъ лбомъ, толстымъ, но не приплюснутымъ носомъ и бѣлыми зубами. Ихъ пушистые, выкрашенные красною краской, волосы рѣзко отдѣлялись отъ цвѣта ихъ кожи, черной и блестящей, какъ у нубійцевъ. Въ мочкахъ ихъ ушей, разрѣзанныхъ и растянутыхъ, висѣли костяныя четки. Всѣ дикари были нагіе. Между ними я замѣтилъ нѣсколькихъ женщинъ, которыя были одѣты въ настоящіе кринолины изъ травы, идущіе отъ бедръ до колѣнъ и поддерживаемые поясомъ изъ растительныхъ волоконъ. Нѣкоторые начальники носили на шеѣ украшенія въ видѣ полумѣсяца и ожерелья изъ бѣлыхъ и красныхъ стеклянныхъ бусъ. Всѣ почти были вооружены луками, стрѣлами и щитами и имѣли на плечахъ что-то похожее на сѣти, гдѣ лежали круглые камни, которые они очень ловко бросали своими пращами.

Одинъ изъ этихъ начальниковъ, стоявшій ближе къ „Наутилусу“, внимательно разсматривалъ его. Должно-быть, это былъ „мадо“ изъ высшаго класса, потому что онъ драпировался въ цыновку изъ банановыхъ листьевъ съ зубцами по краямъ, пестрѣвшую самыми яркими красками.

Я легко могъ убить этого туземца, стоявшаго очень близко, но расчелъ, что лучше подождать дѣйствительно враждебныхъ заявленій съ ихъ стороны. При встрѣчѣ европейцевъ съ дикарями, европейцамъ слѣдуетъ защищаться отъ нападенія, а не нападать.

Во время отлива туземцы бродили около „Наутилуса“, но не шумѣли. Я слышалъ, что они часто повторяли слово „assai“, и по ихъ

жестамъ понялъ, что они приглашаютъ меня сойти на землю, но счелъ удобнѣе уклониться отъ этого приглашенія.

Итакъ, къ большой досадѣ Неда Ленда, ему невозможно было пополнить свой запасъ провизіи, потому что въ этотъ день лодка не покидала корабля. Искусный канадецъ занимался приготовленіемъ мяса и муки, привезенныхъ имъ съ острова. Что же касается дикарей, то они возвратились на берегъ къ 11-ти часамъ утра, лишь только начался приливъ и верхушки коралловъ стали исчезать подъ водой. Но я видѣлъ, что на берегу число ихъ значительно увеличилось. Вѣроятно, они пріѣзжали съ сосѣднихъ острововъ или съ самой Новой Гвинеи. Однакоже я не могъ замѣтить ни одной туземной пироги.

Отъ нечего дѣлать я вздумалъ половить драгой въ этой прекрасной прозрачной водѣ, гдѣ въ изобиліи виднѣлись раковины, зоофиты и морскія растенія. Сверхъ того это былъ послѣдній день пребыванія „Наутилуса" въ этихъ мѣстахъ, если только, согласно обѣщанію капитана Немо, онъ выйдетъ на другой день въ открытое море.

Я позвалъ Конселя, и онъ принесъ мнѣ маленькую легкую драгу, похожую немного на тѣ, которыми ловятъ устрицъ.

— А дикари? — спросилъ меня Консель. — Не во гнѣвъ будь сказано господину профессору, они, кажется, вовсе не злы.

— Однакоже они людоѣды, мой милый.

— Можно быть людоѣдомъ и въ то же время честнымъ человѣкомъ, — отвѣчалъ Консель, — такъ же какъ обжорой и честнымъ малымъ. Одно не исключаетъ другого.

— Хорошо, Консель, я согласенъ съ тобой, что это честные людоѣды и что они честно пожираютъ своихъ плѣнниковъ. Но такъ какъ я не хочу быть съѣденнымъ даже честно, то и буду остерегаться, потому что командиръ „Наутилуса", какъ видно, не думаетъ принимать никакихъ предосторожностей. А теперь за работу.

Въ продолженіе двухъ часовъ мы дѣятельно занимались своей ловлей, не находя, однако, ничего рѣдкаго. Драга наполнялась медвѣжьими ушками, арфами, меланіями и самыми красивыми молотками, какихъ когда-либо случалось мнѣ видѣть. Мы также поймали нѣсколько кубышекъ, жемчужныхъ раковинъ и дюжину маленькихъ черепахъ, которыхъ оставили для корабельнаго стола.

Но въ ту минуту, какъ я менѣе всего думалъ объ этомъ, мнѣ попалось въ руки чудесное произведеніе или, говоря точнѣе, естественная уродливость, очень рѣдко встрѣчаемая. Консель закинулъ драгу и вытащилъ много разныхъ довольно обыкновенныхъ раковинъ, какъ вдругъ онъ увидѣлъ, что я быстро опускаю руку въ сѣть и выхватываю оттуда раковину, испуская крикъ конхиліолога, то-есть самый пронзительный крикъ, когда-либо вылетавшій изъ человѣческаго горла.

— Ахъ! что случилось съ господиномъ профессоромъ? — спросилъ удивленный Консель. — Не укусилъ ли кто господина профессора?

— Нѣтъ, любезный, но тѣмъ не менѣе я охотно поплатился бы пальцемъ за свою находку.

— Какую находку?

— Эта раковина, — сказалъ я, показывая предметъ своего торжества.

— Но это просто oliva purpura, принадлежащая къ роду oliva, группѣ гребенчато-жаберныхъ, къ классу брюхоногихъ, къ отдѣлу моллюсковъ...

— Да, Консель; но вмѣсто того, чтобы завертываться справа налѣво, эта oliva завертывается слѣва направо!

— Возможно ли это? — вскричалъ Консель.

— Да, мой другъ, это лѣвша!

— Раковина-лѣвша! — повторилъ Консель, дрожа отъ волненія.

— Посмотри на ея завитокъ.

— Ахъ, господинъ профессоръ можетъ повѣрить, — сказалъ Консель, взявъ дрожащими руками драгоцѣнную раковину, — что я никогда не испытывалъ подобнаго волненія!

Итакъ мы съ Конселемъ погрузились въ созерцаніе нашего сокровища, и я намѣревался обогатить имъ музей, какъ вдругъ камень, некстати брошенный однимъ изъ туземцевъ, разбилъ драгоцѣнный предметъ въ рукахъ Конселя.

У меня вырвался крикъ отчаянія. Консель бросился къ моему ружью и прицѣлился въ дикаря, который размахивалъ своею пращой въ десяти метрахъ отъ него. Я хотѣлъ его остановить, но онъ уже выстрѣлилъ и разбилъ браслетъ изъ амулетовъ, висѣвшій на рукѣ туземца.

— Консель! — вскричалъ я. — Консель!

— Ну, что же! развѣ господинъ профессоръ не видитъ, что этотъ людоѣдъ первый сдѣлалъ нападеніе?

— Раковина не стоитъ жизни человѣка! — сказалъ я ему.

— Ахъ, бездѣльникъ! — вскричалъ Консель. — Лучше бы онъ раздробилъ мнѣ плечо!

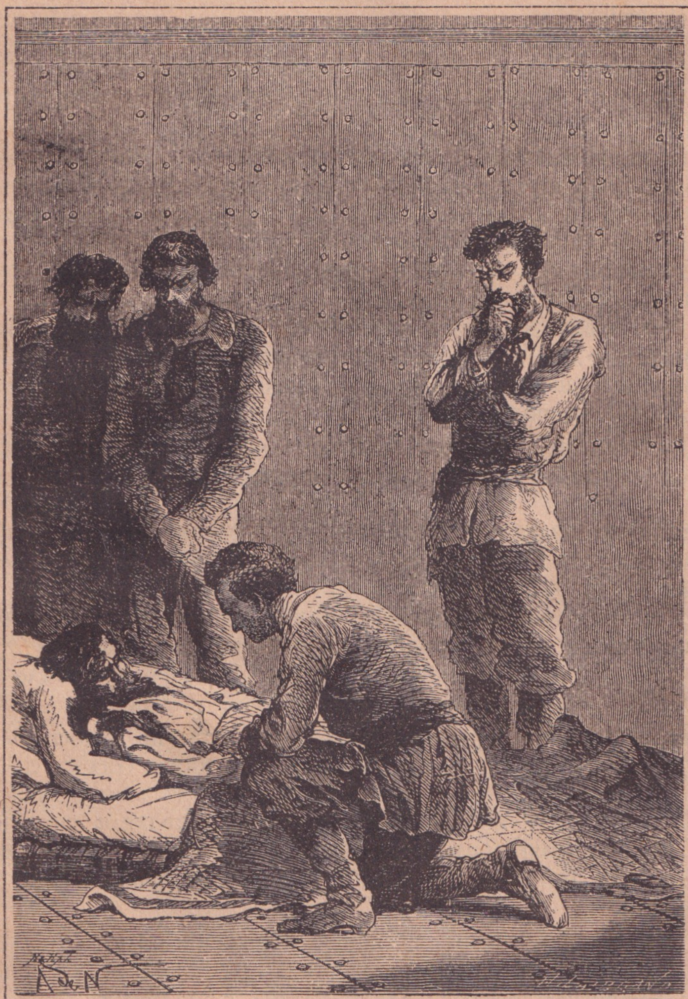
Консель говорилъ искренно, но я не былъ съ нимъ согласенъ. Между тѣмъ уже за нѣсколько минутъ положеніе измѣнилось, но мы этого не замѣтили. Десятка два пирогъ окружили „Наутилусъ". Эти пироги, или выдолбленные древесные стволы, длинныя и узкія, хорошо разсчитанныя для плаванія, уравновѣшивались посредствомъ двойного бамбуковаго балансира, плававшаго на поверхности воды. Онѣ были управляемы искусными полунагими гребцами, и я съ безпокойствомъ слѣдилъ за ихъ приближеніемъ. Очевидно было, что эти папуасы уже имѣли сношеніе съ европейцами и что имъ были знакомы ихъ корабли. Но что они думали объ этомъ длинномъ, стоявшемъ на бухтѣ, желѣзномъ цилиндрѣ безъ мачтъ и трубы? Вѣроятно, ничего хорошаго, потому что они сначала держались въ почтительномъ отъ него отдаленіи. Но видя его неподвижность, они становились мало-по-малу смѣлѣе и старались съ нимъ освоиться. Но теперь-то и наступило время помѣшать ихъ приближенію. Наше оружіе, стрѣлявшее безъ шума, не могло произвести сильнаго впечатлѣнія на туземцевъ, которые боятся однихъ огнестрѣльныхъ орудій. Молнія безъ раскатовъ грома не очень испугаетъ человѣка, несмотря на то, что опасность въ молніи, а не въ ударѣ грома. Въ эту минуту пироги еще приблизились къ „Наутилусу", и тучи стрѣлъ посыпались на его палубу.

— Чортъ возьми! Градъ идетъ! — сказалъ Консель, — и, можетъ-быть, отравленный градъ!

— Надо предупредить капитана Немо, — сказалъ я, входя въ подъемную дверь.

Я сошелъ въ залу, — тамъ никого не было. Я рѣшился постучать въ дверь, которая вела въ комнату капитана.

— Войдите! — было мнѣ отвѣтомъ.

«...я наклонился къ раненому...» (Стр. 141).

Я вошелъ и засталъ капитана Немо, погруженнаго въ вычисленія, въ которыхъ не было недостатка въ X и другихъ алгебрическихъ знакахъ.

— Я васъ обезпокоилъ? — сказалъ я изъ вѣжливости.

— Дѣйствительно, господинъ Аронаксъ, — отвѣчалъ мнѣ капитанъ: — но я полагаю, что важныя причины заставили васъ притти сюда.

— Очень важныя. Пироги окружили насъ, и черезъ нѣсколько минутъ мы будемъ осаждены нѣсколькими сотнями дикарей.

— А! — спокойно отвѣтилъ капитанъ Немо. — Они пришли въ своихъ пирогахъ.

— Да, капитанъ.

— Ну, что же, господинъ профессоръ, надо запереть подъемную дверь, и только.

— Такъ точно, и я пришелъ вамъ сказать...

— Ничего нѣтъ легче, — сказалъ капитанъ Немо.

И, прижавъ электрическую пуговицу, онъ передалъ свое приказаніе экипажу.

— Вотъ и все сдѣлано, господинъ профессоръ, — сказалъ онъ мнѣ черезъ нѣсколько минутъ. — Лодка па мѣстѣ, и подъемная дверь заперта. Я думаю, вы не опасаетесь, что эти господа проломятъ стѣны, которыхъ не могли пробить пушечныя ядра вашего фрегата?

— Нѣтъ, капитанъ, но существуетъ еще опасность.

— Какая, господинъ профессоръ?

— Та, что завтра въ этотъ же самый часъ надо будетъ открыть подъемную дверь для возобновленія воздуха на „Наутилусѣ".

— Конечно, господинъ профессоръ, потому что нашъ корабль дышитъ какъ китообразныя животныя.

— Ну, а если въ это время папуасы будутъ на платформѣ, то я не понимаю, какимъ образомъ вы помѣшаете имъ проникнуть внутрь судна?

— А вы предполагаете, господинъ профессоръ, что они взойдутъ на платформу?

— Я въ этомъ увѣренъ.

— Ну, что же, господинъ профессоръ, пускай взойдутъ. Я не вижу никакой надобности мѣшать имъ. Въ сущности эти папуасы — бѣдняги, и я не желаю, чтобы мое посѣщеніе острова Гвебороара стоило жизни хоть одному изъ этихъ несчастныхъ!

Кончивъ этотъ разговоръ, я хотѣлъ удалиться, но капитанъ Немо удержалъ меня и пригласилъ сѣсть рядомъ съ нимъ. Онъ съ любопытствомъ разспрашивалъ меня о нашихъ сухопутныхъ экскурсіяхъ, о нашей охотѣ и, казалось, не понималъ страстнаго желанія канадца поѣсть мяса. Потомъ разговоръ слегка коснулся различныхъ предметовъ, и хотя капитанъ Немо не сдѣлался откровеннѣе, но все-таки сталъ гораздо любезнѣе.

Между прочимъ разговоръ коснулся положенія „Наутилуса", который стоялъ на мели въ томъ же проливѣ, гдѣ Дюмонъ-Дюрвиль едва не погибъ. По поводу этого случая капитанъ сказалъ мнѣ:

— Этотъ Дюмонъ-Дюрвиль былъ однимъ изъ вашихъ великихъ моряковъ, однимъ изъ самыхъ разумныхъ мореплавателей! Это вашъ французскій капитанъ Кукъ. Несчастный ученый! Преодолѣть сплошные льды южнаго полюса, коралловые рифы Океаніи, людоѣдовъ Тихаго океана, и послѣ этого погибнуть жалкимъ образомъ на поѣздѣ желѣзной дороги! Можете ли вы вообразить, что долженъ былъ передумать этотъ энергическій человѣкъ, если только онъ могъ размышлять въ послѣднія секунды своей жизни!

Говоря такимъ образомъ, капитанъ Немо казался взволнованнымъ, и это волненіе возвысило его въ моемъ мнѣніи.

Потомъ, съ картой въ рукахъ, мы прослѣдили труды французскаго мореплавателя, его кругосвѣтныя путешествія, его двойную попытку на южномъ полюсѣ, которая повела къ открытію земель Амеліи и Людовика-Филиппа, и наконецъ его гидрографическіе планы главныхъ острововъ Океаніи.

— То, что вашъ Дюрвиль сдѣлалъ на поверхности морей, — сказалъ капитанъ Немо, — то сдѣлалъ я въ самомъ океанѣ, но гораздо легче и полнѣе, чѣмъ онъ. „Астролябія" и „la Zélée", постоянно боровшіяся съ ураганами, не могли равняться своими силами съ „Наутилусомъ" и съ покойнымъ рабочимъ кабинетомъ, который дѣйствительно неподвиженъ посреди водъ!

— Однакоже, капитанъ, — сказалъ я, — между корветами Дюмонъ-Дюрвиля и „Наутилусомъ" есть сходство.

— Какое, господинъ профессоръ?

— То, что „Наутилусъ" такъ же сталъ на мель, какъ и они!

— „Наутилусъ" не стоитъ на мели, господинъ профессоръ, — холодно отвѣтилъ мнѣ капитанъ Немо. — Онъ такъ устроенъ, что можетъ отдыхать на днѣ морей. И я никогда не предприму трудныхъ работъ и маневровъ, къ которымъ долженъ былъ прибѣгнуть Дюрвиль, чтобы снять съ мели свои корветы. „Астролябія" и „la Zélée" едва не погибли, но моему „Наутилусу" не предстоитъ никакой опасности. Завтра, въ назначенный день и часъ, морской приливъ приподниметъ его безъ хлопотъ, и онъ опять начнетъ свое плаваніе.

— Капитанъ, — сказалъ я, — я не сомнѣваюсь...

— Завтра, — прибавилъ капитанъ Немо, вставая, — завтра въ два часа сорокъ минутъ дня „Наутилусъ" поплыветъ и минуетъ безъ малѣйшаго поврежденія Торресовъ проливъ.

Сказавъ эти слова отрывистымъ тономъ, капитанъ Немо слегка поклонился: это значило, что онъ прощается со мной, и я ушелъ въ свою комнату.

Тамъ я нашелъ Конселя, желавшаго знать о результатѣ моего свиданія съ капитаномъ.

— Мой другъ, — отвѣчалъ я, — когда я высказалъ мнѣніе, что его „Наутилусу" угрожаютъ дикари Папуазіи, капитанъ отвѣчалъ мнѣ очень насмѣшливо. Я одно только могу сказать тебѣ: довѣрься ему и спи себѣ спокойно.

— Господинъ профессоръ не нуждается въ моихъ услугахъ?

— Нѣтъ, другъ мой. Что дѣлаетъ Недъ Лендъ?

— Съ позволенія господина профессора, — отвѣчалъ Консель, — другъ Лендъ готовитъ паштетъ изъ кенгуру, который будетъ чудомъ кулинарнаго искусства.

Оставшись одинъ, я легъ, но спалъ довольно дурно. Я слышалъ, какъ шумѣли дикари, топая ногами по платформѣ и испуская оглушительные крики. Такъ прошла ночь, а экипажъ попрежнему не выходилъ изъ своего бездѣйствія. Присутствіе дикарей не тревожило его, какъ не тревожатъ солдатъ блиндированной крѣпости муравьи, бѣгающіе по ихъ блиндажамъ. Я всталъ въ шесть часовъ утра. Подъемная дверь не открывалась. Стало-быть, внутри воздухъ не возобновлялся, но резер-

вуары были на всякій случай наполнены и, во-время приведенные въ дѣйствіе, распространили нѣсколько кубическихъ метровъ кислорода въ обѣднѣвшую атмосферу „Наутилуса“.

Я работалъ въ своей комнатѣ до полудня, не видавъ ни на одну минуту капитана Немо. На кораблѣ, казалось, не дѣлали никакихъ приготовленій къ отъѣзду.

Подождавъ еще нѣсколько времени, я отправился въ большую залу. Часы показывали половину третьяго. Черезъ десять минутъ морской приливъ долженъ былъ достигнуть своего maximum'а, и „Наутилусъ“, если только обѣщаніе капитана Немо не было слишкомъ самонадѣянно, могъ немедленно подняться на воду. Въ противномъ же случаѣ ему придется провести немало мѣсяцевъ на своемъ коралловомъ ложѣ.

Между тѣмъ въ кузовѣ корабля вскорѣ почувствовалось нѣкоторое содроганіе, какъ будто предвѣщавшее скорое освобожденіе. Я слышалъ, какъ его обшивка скрипѣла на шероховатой известковой почвѣ кораллового дна.

Капитанъ Немо вошелъ въ залу въ 35 минутъ третьяго.

— Мы сейчасъ выйдемъ, — сказалъ онъ.

— А! — воскликнулъ я.

— Я отдалъ приказаніе открыть подъемную дверь.

— А папуасы?

— Папуасы? — отвѣчалъ капитанъ Немо, слегка пожимая плечами.

— Они проникнутъ во внутренность „Наутилуса“.

— Какимъ образомъ?

— Чрезъ подъемную дверь, которую вы велѣли открыть.

— Господинъ Аронаксъ, — спокойно отвѣчалъ капитанъ Немо, — не всегда можно войти въ подъемную дверь „Наутилуса“, даже если она и открыта.

Я посмотрѣлъ на капитана.

— Вы не понимаете? — сказалъ онъ мнѣ.

— Нѣтъ.

— Хорошо. Пойдемте — и вы увидите.

Я отправился къ центральной лѣстницѣ. Тамъ Недъ Лендъ и Консель съ любопытствомъ смотрѣли, какъ нѣсколько человѣкъ экипажа отворяли подъемную дверь, между тѣмъ какъ снаружи раздавались яростные крики и ужасные вопли. Дверь откинули на внѣшнюю сторону корабля. Показались два десятка ужасныхъ лицъ. Но первый изъ туземцевъ, положившій руку на перила лѣстницы, былъ отброшенъ назадъ какою-то невидимою силой и убѣжалъ прочь съ ужасными криками и неистовыми прыжками. Десять его товарищей послѣдовали за нимъ, и всѣ десятеро подверглись той же участи.

Консель былъ въ восторгѣ. Недъ Лендъ, увлеченный своими воинственными наклонностями, бросился на лѣстницу. Но лишь только онъ схватился обѣими руками за перила, какъ въ свою очередь былъ опрокинутъ.

— Тысячу чертей! — закричалъ онъ. — Я пораженъ молніей.

Эти слова все мнѣ объяснили. Металлическія перила превратились въ проводникъ электричества, оканчивающійся по самой платформѣ. Кто до него дотрогивался, чувствовалъ страшное потрясеніе, и это потрясеніе было бы смертельно, если бы капитанъ Немо провелъ сюда

весь токъ своихъ батарей. Дѣйствительно, между нападающими и имъ была, такъ сказать, протянута электрическая сѣть, чрезъ которую никто не могъ безнаказанно проникнуть.

Между тѣмъ испуганные и обезумѣвшіе отъ ужаса папуасы отступали. Мы же, едва удерживаясь отъ смѣха, утѣшали и оттирали Неда Ленда, который ругался какъ бѣснующійся. Въ эту минуту „Наутилусъ", приподнятый послѣдними струями морского прилива, покинулъ свое коралловое ложе ровно въ два часа сорокъ минутъ — время, съ такою точностью назначенное капитаномъ. Винтъ его съ величественною медленностью разсѣкалъ воды. Но мало-по-малу быстрота его увеличилась, и, плывя на поверхности океана, онъ цѣлъ и невредимъ миновалъ опасные проходы Торресова пролива.

ГЛАВА XXIII.

Насъ усыпляютъ.

На слѣдующій день „Наутилусъ" продолжалъ свое плаваніе подъ водой; онъ шелъ съ замѣчательною быстротой, и я полагаю, дѣлалъ по крайней мѣрѣ тридцать-пять миль въ часъ. Быстрота его винта была такова, что невозможно было ни слѣдить за его поворотами ни считать ихъ.

Но когда я вспомнилъ, что эта чудная сила электричества не только приводитъ въ движеніе, нагрѣваетъ и освѣщаетъ „Наутилусъ", но даже защищаетъ отъ внѣшнихъ нападеній, то моему удивленію не было границъ; и отъ аппарата мысли мои тотчасъ же перенеслись на инженера, создавшаго это чудо искусства.

Мы прямо направились на западъ и 11-го января обогнули мысъ Вессель, лежащій между 135° долготы и 10° сѣверной широты и ограничивающій съ востока заливъ Карпантеріи. Подводные рифы, все еще многочисленные, встрѣчались однако гораздо рѣже и были обозначены на картѣ съ чрезвычайною точностью. „Наутилусъ" легко обогнулъ буруны Монея и подводный рифъ Викторіи, лежащій подъ 130° долготы и подъ десятымъ параллельнымъ кругомъ, котораго мы неуклонно держались.

Капитанъ Немо прибылъ 13-го января въ Тиморское море въ виду острова того же имени, находящагося подъ 122° долготы. Этотъ островъ, имѣющій тысячу шестьсотъ-двадцать-пять квадратныхъ миль, управляется раджами. Князья эти называютъ себя сыновьями крокодиловъ, то-есть производятъ себя отъ самой высшей породы, о которой только можетъ мечтать смертный. Рѣки острова изобилуютъ этими чешуйчатыми прародителями, которые служатъ предметомъ особеннаго благоговѣнія. Ихъ защищаютъ, балуютъ, кормятъ, имъ льстятъ, предлагаютъ въ пищу молодыхъ дѣвушекъ, и горе чужеземцу, поднявшему руку на этихъ священныхъ ящерицъ.

Но „Наутилусу" не пришлось столкнуться съ этими отвратительными животными. Тиморъ показался въ полдень только на одну минуту, когда подшкиперъ опредѣлялъ его положеніе. Также только мелькомъ ви-

дѣлъ я маленькій островъ Ротти, принадлежащій къ той же группѣ, женщины котораго славятся на малайскихъ рынкахъ своею красотой.

Отсюда „Наутилусъ“, относительно широты, уклонился къ юго-западу. Судно направилось къ Индійскому океану. Куда же увлекала насъ фантазія капитана Немо? Возратится ли онъ къ берегамъ Азіи или приблизится къ берегамъ Европы? Послѣднее предположеніе имѣло мало вѣроятности, такъ какъ „Наутилусъ“, казалось, избѣгалъ населенныхъ материковъ. Спустится ли онъ къ югу или, быть-можетъ, обогнетъ мысъ Доброй Надежды, потомъ мысъ Горнъ и направится къ южному полюсу? Наконецъ, возвратится ли онъ въ Тихій океанъ, гдѣ „Наутилусъ“ можетъ плавать легко и независимо? Только будущее могло разрѣшить эти вопросы. Миновавъ подводные рифы Картье, Гиберніи, Серингапатама, Скотта,— послѣднія усилія твердой стихіи побѣдить жидкую,— мы 14-го января потеряли изъ виду всѣ земли. Быстрота „Наутилуса“ значительно сократилась, и, причудливый въ своихъ движеніяхъ, онъ то плылъ въ глубинѣ водъ, то на поверхности ихъ.

Въ теченіе этого времени капитанъ Немо дѣлалъ интересные опыты надъ различными температурами моря, въ разныхъ его слояхъ. При обыкновенныхъ условіяхъ эти измѣренія дѣлаются посредствомъ довольно сложныхъ инструментовъ, вѣрность которыхъ до нѣкоторой степени сомнительна, употребляются ли термометрическіе лоты, при чемъ стекла очень часто разбиваются отъ давленія воды, или аппараты, основанные на различіи сопротивленія металловъ электрическому току. Нѣтъ возможности основательно провѣрить полученные такимъ образомъ результаты. Но капитанъ Немо отправлялся самъ въ глубину моря для изученія температуры, и термометръ его, сообщавшійся съ различными слоями жидкаго элемента, непосредственно и вѣрно опредѣлялъ ему температуру. Итакъ „Наутилусъ“, то наполняя свои резервуары, то спускаясь вкось посредствомъ своихъ наклонныхъ плоскостей, послѣдовательно достигалъ глубины трехъ, четырехъ, пяти, семи, девяти и десяти тысячъ метровъ; окончательный же результатъ этихъ опытовъ привелъ къ заключенію, что на глубинѣ тысячи метровъ подъ всѣми широтами постоянная температура моря — четыре съ половиной градуса.

Съ большимъ любопытствомъ слѣдилъ я за этими опытами. Капитанъ Немо занимался ими съ истинною страстью. Часто я задавалъ себѣ вопросъ: съ какою цѣлью дѣлаетъ онъ эти наблюденія? Чтобы принести пользу человѣчеству? Это было невѣроятно, потому что труды его не сегодня такъ завтра погибнутъ вмѣстѣ съ нимъ въ какомъ-нибудь неизвѣстномъ морѣ. Развѣ онъ предназначалъ мнѣ результаты своихъ опытовъ? Но тогда надо было допустить, что моему странному путешествію будетъ конецъ, а это-то и не предвидѣлось.

Какъ бы то ни было, капитанъ сообщилъ мнѣ полученныя имъ различныя цыфры, точно опредѣляющія плотность воды въ главныхъ моряхъ земного шара. Изъ этихъ сообщеній я вывелъ заключеніе, лично меня касавшееся и не имѣвшее въ себѣ ничего научнаго.

Это было утромъ 15-го января. Капитанъ Немо, ходившій со мной по платформѣ, спросилъ меня, знаю ли я различную плотность морскихъ водъ. Я отвѣчалъ отрицательно, прибавивъ, что наукѣ недостаетъ точныхъ наблюденій по этому предмету.

— Я дѣлалъ эти наблюденія, — сказалъ онъ мнѣ, — и могу ручаться за ихъ точность.

— Хорошо, — отвѣчалъ я, — но „Наутилусъ" совсѣмъ отдѣльный міръ, и тайны его ученыхъ никогда не дойдутъ до земли.

— Вы правы, господинъ профессоръ, — сказалъ онъ мнѣ послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія. — Это отдѣльный міръ. Для земли онъ то же, что планеты, обращающіяся вмѣстѣ съ нею вокругъ солнца. Никогда тамъ не узнаютъ о трудахъ ученыхъ на Сатурнѣ и Юпитерѣ. Но такъ какъ случай связалъ наши существованія, то я могу сообщить вамъ результаты своихъ наблюденій.

— Я васъ слушаю, капитанъ.

— Вы знаете, господинъ профессоръ, что морская вода плотнѣе прѣсной, но эта плотность не вездѣ одинакова. Дѣйствительно, если мы выразимъ плотность прѣсной воды единицей, то получимъ единицу и двадцать-восемь тысячныхъ для водъ Атлантическаго океана, единицу и двадцать-шесть тысячныхъ для водъ Тихаго океана и единицу и тридцать тысячныхъ для Средиземнаго моря.

„А! — подумалъ я, — онъ пускается и въ Средиземное море!"

— Для водъ Іонійскаго моря единицу и восемнадцать тысячныхъ, а для Адріатическаго моря единицу и двадцать-девять тысячныхъ.

„Наутилусъ", очевидно, не избѣгалъ и европейскихъ морей, и я изъ этого заключилъ, что онъ привезетъ насъ, — можетъ-быть и скоро, — къ болѣе цивилизованнымъ континентамъ. Я подумалъ, что Недъ Лендъ, весьма естественно, съ большимъ удовольствіемъ услышитъ это извѣстіе.

Въ продолженіе нѣсколькихъ дней мы производили различные опыты, относившіеся къ степени солености морскихъ водъ на разныхъ глубинахъ, къ ихъ электризаціи, цвѣту, прозрачности, и во всѣхъ этихъ случаяхъ капитанъ Немо выказывалъ такую проницательность, которая равнялась только его благосклонности ко мнѣ. Потомъ я не видалъ его нѣсколько дней и снова былъ совершенно одинокъ на его кораблѣ.

16-го января „Наутилусъ", казалось, уснулъ на глубинѣ нѣсколькихъ метровъ. Его электрическіе аппараты не дѣйствовали, винтъ былъ неподвиженъ, и судно предоставлено было на произволъ теченія. Я предполагалъ, что экипажъ занимался внутренними поправками, необходимыми при сильномъ движеніи машины.

Мнѣ и моимъ товарищамъ пришлось быть свидѣтелями одного очень любопытнаго зрѣлища. Ставни въ окнахъ залы были открыты, а такъ какъ маякъ „Наутилуса" не освѣщался, то кругомъ царствовала темнота. Небо, обѣщавшее грозу и покрытое густыми облаками, слабо освѣщало верхніе слои океана.

Я наблюдалъ состояніе моря при этихъ условіяхъ, и самыя большія рыбы казались мнѣ едва замѣтными тѣнями, какъ вдругъ „Наутилусъ" ярко освѣтился. Сначала я думалъ, что опять засвѣтили маякъ, и что онъ обливалъ жидкую массу своимъ электрическимъ свѣтомъ. Но я ошибался и послѣ кратковременнаго наблюденія понялъ свое заблужденіе.

„Наутилусъ" плылъ въ слояхъ воды, освѣщенной фосфорическимъ свѣтомъ, который казался еще ослѣпительнѣе среди окружающей его темноты. Онъ происходилъ отъ миріадъ свѣтящихся микроскопическихъ животныхъ, свѣтъ которыхъ увеличивался отъ ихъ прикосновенія къ

металлическому корпусу корабля. Тогда, посреди этихъ сіявшихъ слоевъ, я замѣтилъ вспышки, похожія на блескъ расплавленнаго свинца, льющагося изъ пылающаго горна, или на металлическія массы, раскаленныя добѣла, такъ что нѣкоторыя менѣе яркія полосы казались какъ будто въ тѣни, хотя въ этомъ огненномъ пространствѣ никакая тѣнь, повидимому, не должна была появляться. Нѣтъ, это не были равномѣрные, спокойно льющіеся лучи нашего обыкновеннаго освѣщенія! Тутъ была сила и необыкновенное движеніе. Въ этомъ свѣтѣ чувствовалась жизнь.

Дѣйствительно, это было безконечное скопленіе морскихъ инфузорій, имѣющихъ видъ шариковъ изъ прозрачнаго студенистаго вещества, снабженныхъ нитеобразнымъ щупальцемъ; въ тридцати кубическихъ сантиметрахъ воды ихъ насчитываютъ до двадцати-пяти тысячъ. Свѣтъ ихъ усиливался еще вслѣдствіе особеннаго мерцанія, свойственнаго медузамъ, морскимъ звѣздамъ, aypeліямъ и другимъ фосфорическимъ зоофитамъ, пропитаннымъ жирными органическими веществами, разлагающимися въ морѣ, и, можетъ-быть, даже слизистою жидкостью, выдѣляемою рыбами.

„Наутилусъ“ плылъ нѣсколько часовъ посреди этихъ блестящихъ волнъ, и изумленіе наше еще болѣе увеличилось при видѣ большихъ морскихъ животныхъ, игравшихъ въ нихъ какъ саламандры. Въ этомъ нежгучемъ огнѣ я увидалъ красивыхъ и быстрыхъ дельфиновъ, настоящихъ морскихъ клоуновъ. Потомъ появились болѣе мелкія рыбы, которыя своими движеніями бороздили свѣтящуюся атмосферу.

Было что-то чарующее въ этомъ ослѣпительномъ зрѣлищѣ. Можетъ-быть, какая-нибудь особенность въ атмосферныхъ условіяхъ увеличивала напряженіе этого свѣта? Можетъ-быть, на поверхности океана разразилась гроза? Но на глубинѣ нѣсколькихъ метровъ „Наутилусъ“ не чувствовалъ ея ярости и тихо покачивался посреди спокойныхъ водъ.

Между тѣмъ мы продолжали свое плаваніе, безпрестанно восхищаясь какимъ-нибудь новымъ чудомъ. Консель наблюдалъ и классифировалъ своихъ зоофитовъ, членистыхъ, моллюсковъ и рыбъ. Дни быстро проходили, и я не считалъ ихъ болѣе. Недъ, по своей привычкѣ, старался разнообразить столъ корабля. Какъ настоящія улитки, ми сидѣли въ своей раковинѣ, и я утверждаю, что очень легко сдѣлаться настоящею улиткой.

Жизнь наша текла мирно, и мы забыли, что на поверхности земного шара существуетъ иная жизнь, какъ вдругъ одно неожиданное событіе напомнило намъ о странности нашего положенія.

18-го января „Наутилусъ“ находился подъ 105° долготы и 15° южной широты. Погода стояла бурная, море взволновалось. Дулъ сильный восточный вѣтеръ. Барометръ, понижавшійся нѣсколько дней, предвѣщалъ наступающую борьбу стихій.

Я вышелъ на платформу въ ту минуту, когда подшкиперъ опредѣлялъ часовой уголъ. Я по обыкновенію ждалъ повторенія ежедневной фразы. Но въ этотъ день ее замѣнили другою, не менѣе непонятною. Почти тотчасъ же явился капитанъ Немо съ подзорною трубой въ рукахъ и устремилъ свои взоры на горизонтъ.

Нѣсколько минутъ капитанъ стоялъ неподвижно, не отводя глазъ отъ точки, лежавшей въ полѣ его объектива. Потомъ онъ опустилъ

трубу и обмѣнялся десяткомъ словъ со своимъ подшкиперомъ. Этотъ, казалось, находился въ сильномъ волненіи, которое онъ тщетно старался побѣдить. Капитанъ Немо лучше владѣлъ собой и не терялъ обычнаго хладнокровія. Сверхъ того онъ, повидимому, дѣлалъ возраже-

«...это была могила...» (Стр. 144).

нія, которыя подшкиперъ горячо опровергалъ. По крайней мѣрѣ я такъ объяснилъ себѣ ихъ различные жесты.

Что до меня касается, то я усердно смотрѣлъ въ данномъ направленіи и ничего не могъ замѣтить. Небо и вода сливались на горизонтѣ, который былъ совершенно пустъ.

Между тѣмъ капитанъ Немо ходилъ взадъ и впередъ по платформѣ. Онъ не смотрѣлъ на меня; можетъ-быть, онъ даже не замѣчалъ меня.

Шаги его были тверды, но менѣе правильны, чѣмъ всегда. Иногда онъ останавливался и, сложивъ на груди руки, смотрѣлъ на море. Что искалъ онъ въ этомъ необъятномъ пространствѣ? „Наутилусъ“ находился въ это время въ нѣсколькихъ стахъ миляхъ отъ самаго близкаго берега.

Подшкиперъ взялъ опять трубу и упорно глядѣлъ на горизонтъ, двигаясь изъ стороны въ сторону, топая ногами и представляя своею раздражительностью совершенную противоположность со своимъ начальникомъ.

Но загадка эта должна была необходимо разъясниться, и тѣмъ скорѣе, что, по приказанію капитана Немо, двигающая сила машины была увеличена, и винтъ сталъ вращаться съ большей быстротой.

Въ эту минуту подшкиперъ снова привлекъ вниманіе капитана. Тотъ остановился и направилъ свою трубу на указанную точку. Онъ долго наблюдалъ. Сильно заинтересованный, я сошелъ въ залу, взялъ тамъ превосходную зрительную трубу, которую обыкновенно употреблялъ, потомъ, прислонивъ ее къ корпусу маяка, образовавшаго выпуклость на передней части платформы, я приготовился осмотрѣть всю эту часть неба и моря. Но я не успѣлъ еще приложить глаза къ стеклу, какъ инструментъ былъ быстро вырванъ изъ моихъ рукъ.

Я обернулся. Предо мной стоялъ капитанъ Немо, но я его не узналъ. Физіономія его преобразилась. Глаза сверкали мрачнымъ огнемъ, будто прячась подъ нахмуренныя брови. Зубы были полуоткрыты. Его оцѣпенѣвшее тѣло, сжатые кулаки, голова, вдавшаяся между плечъ, — все дышало сильною ненавистью. Онъ не двигался. Моя зрительная труба, выпавшая изъ его рукъ, валялась у его ногъ.

Не я ли былъ невольною причиной его гнѣва? Этотъ непостижимый человѣкъ, можетъ-быть, вообразилъ, что я узналъ какую-нибудь тайну, недоступную гостямъ „Наутилуса“.

Нѣтъ, не я былъ предметомъ его ненависти на какую-то недосягаемую точку горизонта.

Наконецъ капитанъ Немо овладѣлъ собой. Его лицо, такъ глубоко взволнованное, приняло свое обычное, спокойное выраженіе. Онъ обратился къ своему подшкиперу съ нѣсколькими иностранными словами, потомъ обернулся ко мнѣ.

— Господинъ Аронаксъ, — сказалъ онъ повелительнымъ тономъ, — я требую отъ васъ исполненія одного изъ обязательствъ, связывающихъ васъ со мной.

— Въ чѣмъ дѣло, капитанъ?

— Я долженъ запереть васъ и вашихъ товарищей до тѣхъ поръ, пока не найду удобнымъ возвратить вамъ свободу.

— Вы можете распоряжаться какъ вамъ угодно, — отвѣчалъ я, смотря на него пристально. — Но могу ли я обратиться къ вамъ съ однимъ вопросомъ?

— Нѣтъ, господинъ профессоръ.

Послѣ этихъ словъ мнѣ оставалось только повиноваться, потому что всякое сопротивленіе было бы безполезно.

Я сошелъ въ каюту, занимаемую Недомъ Лендомъ и Конселемъ, и сообщилъ имъ о рѣшеніи капитана. Предоставляю читателямъ судить, какъ оно было принято канадцемъ. Но объясняться было некогда. У

дверей дожидались четыре человѣка, и они проводили насъ въ ту каюту, гдѣ мы провели первую ночь на бортѣ „Наутилуса“.

Недъ Лендъ хотѣлъ протестовать, но вмѣсто всякаго отвѣта за нимъ заперли дверь.

— Господинъ профессоръ объяснитъ мнѣ, что это значитъ? — спросилъ меня Консель.

Я разсказалъ своимъ товарищамъ о всемъ случившемся. Они были также удивлены и поняли не больше моего.

Между тѣмъ я погрузился въ бездну размышленій, но странное безпокойство, внушенное мнѣ физіономіей капитана Немо, не выходило у меня изъ головы. Я не могъ связать двухъ логичныхъ мыслей и терялся въ самыхъ нелѣпыхъ гипотезахъ. Вдругъ Недъ Лендъ вывелъ меня изъ этого напряженнаго состоянія слѣдующими словами:

— Ба! Да и завтракъ поданъ.

Дѣйствительно, столъ былъ накрытъ. Очевидно, капитанъ Немо сдѣлалъ это распоряженіе, когда велѣлъ ускорить ходъ „Наутилуса“.

— Позволитъ ли мнѣ господинъ профессоръ обратиться къ нему съ совѣтомъ? — спросилъ Консель.

— Да, мой другъ, — отвѣчалъ я.

— Ну, такъ пусть господинъ профессоръ позавтракаетъ. Это будетъ благоразумно: мы не знаемъ, что можетъ случиться.

— Ты правъ, Консель.

— Къ несчастію, — сказалъ Недъ Лендъ, — намъ дали только обыкновенную порцію.

— Другъ Недъ, — возразилъ Консель, — что сказали бы вы, если бы завтрака вовсе не было?

Этотъ доводъ прервалъ жалобы китолова.

Мы сѣли за столъ. Завтракъ прошелъ довольно тихо. Я ѣлъ мало. Консель изъ благоразумія принуждалъ себя ѣсть больше; что же касается Неда Ленда, то онъ не терялъ даромъ времени. Окончивъ завтракъ, мы всѣ размѣстились по разнымъ угламъ.

Въ эту минуту сіяющій шаръ, освѣщавшій каюту, погасъ, и мы остались въ глубокой темнотѣ. Недъ Лендъ сейчасъ же уснулъ, и, что меня еще болѣе удивило, Консель тоже поддался тяжелой дремотѣ. Я спрашивалъ себя, что вызвало у него эту крайнюю потребность отдыха, и въ то же время почувствовалъ, что моимъ мозгомъ овладѣваетъ непреодолимое оцѣпенѣніе. Несмотря на мои усилія не закрывать глазъ, они закрывались сами собою. Я подвергался мучительной галлюцинаціи. Очевидно, въ наше кушанье подмѣшали какое-нибудь усыпляющее вещество. Стало-быть, было недостаточно одной тюрьмы, чтобы скрыть отъ насъ намѣренія капитана Немо, — еще понадобился сонъ!

Я слышалъ, какъ запиралась подъемная дверь. Легкая боковая качка, происходившая отъ морского волненія, прекратилась. Покинулъ ли „Наутилусъ“ поверхность океана? Опустился ли онъ въ недвижимые слои водъ? Я хотѣлъ противиться сну, но это было невозможно. Дыханіе мое стало слабѣе. Я чувствовалъ, какъ смертельный холодъ леденилъ мои отяжелѣвшіе, будто парализованные члены. Вѣки, тяжелыя какъ свинецъ, закрылись, и я не могъ ихъ поднять. Болѣзненный сонъ, полный странныхъ видѣній, охватилъ все мое существо. Потомъ видѣнія исчезли, и я совершенно потерялъ сознаніе.

ГЛАВА XXIV.

Коралловое царство.

Проснувшись на другой день, я почувствовалъ себя совершенно здоровымъ и, къ величайшему своему удивленію, увидѣлъ, что нахожусь въ своей комнатѣ. Безъ сомнѣнія, мои товарищи также не замѣтили, какъ ихъ перенесли въ ихъ каюту. Они, очевидно, ничего не знали о происшествіяхъ этой ночи, и только случай могъ впослѣдствіи открыть намъ эту тайну.

Мнѣ захотѣлось выйти изъ комнаты. Свободенъ я или нѣтъ? Совершенно свободенъ. Я отворилъ дверь, прошелъ узкимъ проходомъ и вышелъ къ средней лѣстницѣ. Запертая накканунѣ подъемная дверь была открыта. Я вышелъ на платформу. Недъ Лендъ и Консель дожидались меня тамъ. Я сталъ ихъ разспрашивать, но они ничего не знали. Они спали тяжелымъ сномъ, послѣ котораго у нихъ не осталось никакихъ воспоминаній, и были очень удивлены, очутившись въ своей каютѣ.

„Наутилусъ“ казался такъ же спокойнымъ и таинственнымъ, какъ всегда; онъ шелъ на поверхности волнъ умѣреннымъ ходомъ. На немъ, казалось, не произошло никакой перемѣны.

Недъ Лендъ смотрѣлъ на море своимъ проницательнымъ взоромъ. Оно было пустынно. Канадецъ не видалъ на горизонтѣ ничего новаго: ни паруса ни земли. Дулъ сильный западный вѣтеръ, и поднятыя имъ большія волны производили очень чувствительную боковую качку.

Возобновивъ свой воздухъ, „Наутилусъ“ держался среднимъ числомъ глубины пятнадцати метровъ, чтобъ имѣть возможность быстро возвращаться на поверхность воды, что, противъ обыкновенія, повторилось нѣсколько разъ въ теченіе этого дня, 19-го января. Подшкиперъ выходилъ на платформу, и привычная фраза раздавалась внутри корабля.

Капитанъ Немо не показывался. Изъ людей корабля я видѣлъ только одного невозмутимаго слугу, который прислуживалъ мнѣ со своею обыкновенною молчаливостью и точностью. Часа въ два пополудни я сидѣлъ въ залѣ, занимаясь распредѣленіемъ своихъ замѣтокъ, когда дверь отворилась и показался капитанъ. Я раскланялся съ нимъ; онъ почти непримѣтно отвѣтилъ на мой поклонъ, не говоря ни слова. Я опять принялся за работу, надѣясь, что онъ, можетъ-быть, самъ дастъ мнѣ объясненія по поводу происшествій минувшей ночи. Не тутъ-то было! Я посмотрѣлъ на него. Онъ казался утомленнымъ; сонъ не освѣжилъ его покраснѣвшихъ глазъ, а лицо выражало глубокую грусть, неподдѣльное горе. Онъ ходилъ взадъ и впередъ, садился и вставалъ, наудачу бралъ книгу, сейчасъ же оставлялъ ее, смотрѣлъ на свои инструменты, но не дѣлалъ отмѣтокъ и, казалось, не могъ ни одной минуты остаться на мѣстѣ.

Наконецъ онъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ:

— Вы медикъ, господинъ Аронаксъ?

Я такъ мало ожидалъ подобнаго вопроса, что нѣсколько времени смотрѣлъ на него, ничего не отвѣчая.

— Вы докторъ? — повторилъ онъ. — Многіе изъ вашихъ товарищей изучали медицину.

— Дѣйствительно, — сказалъ я, — я докторъ и ординаторъ госпиталей. Я практиковалъ нѣсколько лѣтъ до поступленія въ музеумъ.

— Хорошо, господинъ профессоръ.

Очевидно, капитанъ Немо былъ доволенъ моимъ отвѣтомъ. Но я не понималъ, чего онъ отъ меня хочетъ, и ожидалъ новыхъ вопросовъ, рѣшившись отвѣчать, смотря по обстоятельствамъ.

— Господинъ Аронаксъ, — сказалъ мнѣ капитанъ, — согласитесь ли вы оказать помощь одному изъ моихъ людей?.

— У васъ есть больной?

— Да.

— Я готовъ слѣдовать за вами.

— Пойдемте.

Признаюсь, сердце мое билось. Не знаю почему, но мнѣ казалось, что болѣзнь этого человѣка изъ экипажа „Наутилуса“ имѣетъ нѣкоторую связь со вчерашними событіями, и эта тайна занимала меня не менѣе самого больного.

Капитанъ Немо привелъ меня къ кормѣ „Наутилуса“ и ввелъ въ каюту, находившуюся возлѣ помѣщенія, занимаемаго матросами.

Тамъ на постели лежалъ человѣкъ лѣтъ сорока, энергическое лицо котораго представляло самый чистый англо-саксонскій типъ.

Я наклонился къ нему. Это былъ раненый. Голова его, обвитая окровавленнымъ полотномъ, лежала на двойной подушкѣ. Я снялъ перевязку, и больной, устремивъ на меня свои большіе неподвижные глаза, не произнесъ ни одной жалобы. Рана была ужасна. Черепъ, раздробленный тупымъ орудіемъ, обнажалъ мозгъ, и мозговое вещество потерпѣло сильное поврежденіе. Кровь запеклась въ этой расплывшейся массѣ, которая цвѣтомъ походила на винный отстой. Тутъ были въ одно время и контузія и сотрясеніе мозга. Больной дышалъ медленно; на лицѣ его замѣчались по временамъ судорожныя движенія мускуловъ. Флегмазія мозга была полная и обусловливала парализованіе чувствъ и движеній. Я пощупалъ пульсъ раненаго; онъ былъ перемежающійся. Оконечности тѣла уже холодѣли; я видѣлъ, что смерть приближалась, и не находилъ возможности отвратить ее. Перевязавъ этого несчастнаго и поправивъ повязку на его головѣ, я обернулся къ капитану Немо.

— Отъ чего эта рана? — спросилъ я его.

— Зачѣмъ вамъ знать это? — уклончиво отвѣчалъ капитанъ. — Вслѣдствіе сотрясенія „Наутилуса“ сломался одинъ изъ рычаговъ машины и ударилъ этого человѣка. Подшкиперъ стоялъ возлѣ него, ну... онъ бросился впередъ на встрѣчу удару... Братъ шелъ на смерть за брата, другъ за своего друга, что можетъ быть проще! Это всеобщій законъ на бортѣ „Наутилуса“! Но что вы думаете о его положеніи?

Я не рѣшался отвѣчать.

— Вы можете говорить, — сказалъ мнѣ капитанъ: — онъ не понимаетъ по-французски.

Я въ послѣдній разъ посмотрѣлъ на раненаго, потомъ отвѣчалъ:

— Онъ умретъ черезъ два часа.

— Ничто не можетъ спасти его?

— Ничто.

Капитанъ Немо сжалъ свои руки, и нѣсколько слезъ выкатилось изъ его глазъ, хотя я не думалъ, чтобъ онъ былъ способенъ плакать.

Я смотрѣлъ еще нѣсколько минутъ на умирающаго, въ которомъ жизнь мало-по-малу угасала. Блѣдность его казалась еще сильнѣе отъ электрическаго свѣта, лившагося на его смертное ложе. Я смотрѣлъ на его умное лицо, изборожденное преждевременными морщинами, которыя, можетъ-быть, уже давно крайняя бѣдность или несчастіе провели по немъ. Въ послѣднихъ словахъ, срывавшихся съ его губъ, я старался отыскать ключъ къ разгадкѣ его жизни.

— Вы можете итти, господинъ Аронаксъ, — сказалъ мнѣ капитаеъ Немо.

Я оставилъ капитана въ каютѣ умирающаго и, сильно взволнованный этою сценой, возвратился въ свою комнату. Весь этотъ день меня тревожило какое-то зловѣщее предчувствіе. Я дурно спалъ ночь, и мнѣ казалось, что во время моего часто прерывавшагося тревожнаго сна я слышалъ отдаленные вздохи и погребальное пѣніе. Быть-можетъ, это молитва по усопшемъ читалась на непонятномъ мнѣ языкѣ.

На другой день утромъ я вышелъ на палубу. Капитанъ Немо былъ уже тамъ. Увидавъ меня, онъ тотчасъ подошелъ ко мнѣ.

— Господинъ профессоръ, — сказалъ онъ мнѣ, — согласны ли вы предпринять сегодня подводпую экскурсію?

— Съ моими товарищами? — спросилъ я.

— Если они пожелаютъ.

— Мы къ вашимъ услугамъ, капитанъ.

— Такъ потрудитесь надѣть скафандры.

Объ умирающемъ или умершемъ не было и рѣчи. Я отыскалъ Конселя и Неда Ленда и передалъ имъ предложеніе капитана Немо. Консель поспѣшилъ принять его и на этотъ разъ. Канадецъ тоже очень охотно согласился слѣдовать за нами.

Было восемь часовъ утра. Въ половинѣ девятаго мы были одѣты для этой новой прогулки и снабжены обоими аппаратами для освѣщенія и дыханія. Двойная дверь отворилась, и мы вышли въ сопровожденіи капитана Немо и двѣнадцати человѣкъ изъ его экипажа и ступили на твердую почву на глубинѣ десяти метровъ, гдѣ отдыхалъ „Наутилусъ“.

Отлогій склонъ велъ къ неровному дну, лежавшему на глубинѣ пятнадцати саженъ. Дно это не имѣло никакого сходства съ тѣмъ, по которому мы шли въ первую нашу экскурсію подъ водами Тихаго океана. Тутъ не было ни чистаго песку, ни подводныхъ луговъ, ни морского лѣса. Впрочемъ, я тотчасъ узналъ эту чудесную область, куда велъ насъ теперь капитанъ Немо. Это было каралловое царство.

Въ отдѣлѣ зоофитовъ, въ классѣ альціонарій, замѣчаютъ отрядъ горгоній, который раздѣляется на три группы: горгоній, изидъ и кораллов; къ этой-то послѣдней группѣ и принадлежитъ кораллъ, любопытное вещество, которое поочередно причисляли къ царству минеральному, растительному и животному. Это лѣкарство древнихъ и драгоцѣнное украшеніе современниковъ только въ 1694 году окончательно причислено къ животному царству марсельскимъ уроженцемъ Пейсонелемъ.

Кораллъ есть колонія мелкихъ животныхъ, живущихъ на полипнякѣ каменистаго и хрупкаго свойства. Эти полипы имѣютъ одного праро-

дителя, отъ котораго произошли посредствомъ почкованія, и каждый изъ нихъ имѣетъ свое собственное отдѣльное бытіе, хотя всѣ непремѣнно участвуютъ въ общей жизни. Мнѣ были извѣстны результаты послѣднихъ изслѣдованій, произведенныхъ надъ этими странными зоофитами, которые кристаллизуются, принимая форму дерева, судя по очень точнымъ наблюденіямъ натуралистовъ, и для меня было какъ нельзя болѣе интересно побывать въ одномъ изъ этихъ окаменѣлыхъ лѣсовъ, которые природа помѣстила на днѣ моря.

Приведя въ дѣйствіе аппараты Румкорфа, мы шли по коралловому слою, который еще продолжалъ формироваться и который со временемъ загородитъ эту часть Индійскаго океана. Вдоль дороги тянулись переплетающіеся своими вѣтвями изогнутые кустарники, покрытые небольшими звѣздообразными бѣлыми цвѣтами. Только, въ противоположность земнымъ растеніямъ, всѣ эти маленькія деревцы, прикрѣпленныя къ скаламъ, росли сверху внизъ.

Свѣтъ тысячами переливовъ игралъ на древесныхъ вѣтвяхъ яркокраснаго цвѣта. Казалось, что эти перепончатыя и цилиндрическія трубочки дрожали отъ волненія воды. Мнѣ захотѣлось нарвать свѣжихъ вѣнчиковъ, украшенныхъ нѣжными щупальцами, изъ коихъ одни только-что распустились, другіе едва начинали развертываться, между тѣмъ какъ быстрыя рыбы своими плавательными перьями едва касались ихъ, проносясь мимо какъ стаи птицъ. Но лишь только я протягивалъ руку къ этимъ живымъ цвѣтамъ, къ этимъ чувствительнымъ мимозамъ, въ колоніи тотчасъ поднималась тревога. Бѣлые вѣнчики прятались въ свои красныя чашечки, цвѣты исчезали, и кустарникъ превращался въ груду каменистыхъ холмиковъ.

Здѣсь я случайно увидалъ самые драгоцѣнные экземпляры этихъ зоофитовъ.

Эти кораллы были не хуже тѣхъ, которые добываются въ Средиземномъ морѣ, на берегахъ Франціи и Италіи. Своимъ яркимъ цвѣтомъ они оправдывали поэтическія названія „кровяного цвѣта и кровяной пѣны“, которыя въ торговлѣ даютъ самымъ лучшимъ экземплярамъ. Цѣна коралловъ доходитъ до пятисотъ франковъ за килограммъ, а въ этомъ мѣстѣ жидкіе слои заключали сокровища, которыя могли бы обогатить громадную толпу собирателей коралловъ. Это драгоцѣнное вещество часто смѣшивалось съ другими полипняками, образуя вмѣстѣ съ ними плотное и неразрывное цѣлое, называемое macciota, и между ними я увидѣлъ чудные экземпляры розоваго коралла.

Но вскорѣ кустарники сдѣлались чаще, каменныя деревья выше. Предъ нашими глазами открылись настоящія окаменѣлыя рощи, длинные проходы самой фантастической архитектуры.

Капитанъ Немо углубился въ темную галлерею отлогаго ската, по которому мы спустились на глубину ста метровъ. Свѣтъ отъ нашихъ аппаратовъ производилъ по временамъ магическое дѣйствіе, сосредоточиваясь на шероховатыхъ выступахъ этихъ естественныхъ сводовъ и на висѣвшихъ обломкахъ, напоминавшихъ своею формой люстры и искрившихся отъ дѣйствія огня.

Среди коралловыхъ кустарниковъ я замѣтилъ много и другихъ интересныхъ полиповъ: здѣсь были *мелиты* и *ириды* съ суставчатыми развѣтвленіями, затѣмъ вѣтки красныхъ и зеленыхъ коралловъ, насто-

ящихъ водорослей, покрытыхъ известковыми слоями и причисленныхъ натуралистами, послѣ долгихъ споровъ, къ растительному царству, хотя, по замѣчанію одного натуралиста-мыслителя, „быть-можетъ, это-то растеніе, въ которомъ жизнь смутно и медленно пробуждается отъ окаменяющаго сна, но никакъ еще не можетъ отъ него освободиться, и есть переходная ступень отъ растительнаго царства къ животному“.

Наконецъ, послѣ двухчасовой ходьбы, мы достигли почти трехсотъ метровъ глубины, то-есть крайняго предѣла, гдѣ начинается образованіе коралловъ. Но тутъ уже не попадались болѣе одинокіе кусты или скромныя рощи съ низкими стволами; передъ нами разстилался безпредѣльный лѣсъ, величественная минеральная растительность, огромныя окаменѣлыя деревья, соединенныя между собой гирляндами красивыхъ плумарій, этими морскими ліанами всевозможныхъ оттѣнковъ. Мы свободно проходили подъ ихъ высокими вѣтвями, терявшимися во мракѣ водъ, между тѣмъ какъ у нашихъ ногъ тубипоры, меандрины, астреи, фунгіи и каріофилии разстилались цвѣтнымъ ковромъ, усѣяннымъ ослѣпительными блестками.

Какое неописанное зрѣлище! Отчего мы не могли сообщить другъ другу своихъ впечатлѣній! Для чего мы были заключены въ эти металлическія и стеклянныя маски! Почему мы были лишены возможности говорить другъ съ другомъ! Отчего, по крайней мѣрѣ, мы не могли жить какъ рыбы, населяющія эту жидкую стихію, или, еще лучше, какъ амфибіи, которыя могутъ безпрепятственно посѣщать двойную область суши и воды? Между тѣмъ капитанъ Немо остановился. Мы съ товарищами послѣдовали его примѣру, и, обернувшись, я увидалъ, что люди его размѣщаются полукругомъ около своего начальника. Всматриваясь пристальнѣе, я замѣтилъ, что четверо изъ нихъ несли на плечахъ что-то продолговатое.

Мы находились посрединѣ большой прогалины, окруженной высокими каменными деревьями подводнаго лѣса. Наши лампы бросали кругомъ мерцающій свѣтъ, чрезмѣрно удлинявшій ложившіяся на землю тѣни. На окружности прогалины царствовала глубокая темнота, и свѣтились только маленькія искры, игравшія на острыхъ краяхъ коралловъ.

Недъ Лендъ и Консель стояли подлѣ меня. Мы смотрѣли, и вдругъ мнѣ пришло въ голову, что намъ придется быть зрителями необыкновенной сцены. Разсматривая почву, я замѣтилъ, что она въ нѣкоторыхъ мѣстахъ возвышалась небольшими холмиками, покрытыми известковыми осадками. Насыпи эти были расположены съ правильностью, обличавшею работу человѣка.

Посреди лужайки, на пьедесталѣ изъ безпорядочно наваленныхъ скалъ, возвышался коралловый крестъ, протягивавшій свои длинныя руки, которыя, казалось, были сдѣланы изъ окаменѣлой крови. По знаку капитана Немо, одинъ изъ людей подошелъ и въ нѣсколькихъ футахъ отъ креста началъ рыть яму заступомъ, который онъ отвязалъ отъ своего пояса.

Я понялъ все. На этой лужайкѣ было кладбище; эта яма — могила, продолговатый предметъ — тѣло человѣка, умершаго ночью. Капитанъ Немо и его матросы хоронили своего товарища въ этомъ общемъ жилищѣ, на днѣ недоступнаго океана.

Нѣтъ! никогда въ жизни не испытывалъ я такого сильнаго волненія! Никогда моимъ мозгомъ не овладѣвало болѣе сильное впечатлѣніе! Мнѣ не хотѣлось вѣрить своимъ глазамъ!

Между тѣмъ могилу продолжали копать, хотя работа шла медленно. Встревоженныя рыбы спѣшили покинуть свое убѣжище. Я слышалъ звукъ желѣза, ударявшаго объ известковую почву. По временамъ сыпались искры, когда оно сталкивалось съ какимъ-нибудь кремнемъ, лежащимъ на днѣ океана. Яма становилась все длиннѣе и шире и вскорѣ достигла такой глубины, что могла вмѣстить тѣло.

Носильщики приблизились. Тѣло, завернутое въ бѣлую ткань, было опущено въ сырую могилу. Капитанъ Немо, скрестивъ на груди руки, и всѣ друзья умершаго, которыхъ онъ любилъ, преклонили колѣна, какъ бы для молитвы... Мои товарищи и я — мы тоже набожно склонились.

Могилу засыпали обломками, вырытыми изъ почвы, и надъ нею образовалось небольшое возвышеніе.

Когда это было сдѣлано, капитанъ Немо и его люди встали; потомъ, приблизившись къ могилѣ, всѣ они снова преклонили колѣна и въ знакъ послѣдняго прощанія протянули свои руки...

Послѣ этого погребальная процессія направилась обратно къ „Наутилусу“, снова проходя подъ сводами лѣса, посреди маленькихъ рощицъ, вдоль коралловыхъ кустовъ и все поднимаясь кверху.

Наконецъ показались огни на кораблѣ. Ихъ свѣтящійся отблескъ служилъ намъ проводникомъ къ „Наутилусу“. Въ часъ мы уже были дома. Перемѣнивъ свое платье, я тотчасъ же вышелъ на платформу и, находясь подъ вліяніемъ тяжелыхъ мыслей, сѣлъ около маяка.

Капитанъ Немо присоединился ко мнѣ. Я всталъ и сказалъ ему:

— Итакъ мое предсказаніе сбылось: этотъ человѣкъ умеръ ночью?

— Да, господинъ Аронаксъ, — отвѣчалъ капитанъ Немо.

— И онъ покоится теперь на коралловомъ кладбищѣ, рядомъ съ своими товарищами?

— Да, забытый всѣми, исключая насъ! Мы роемъ могилу, а полипы на цѣлую вѣчность ограждаютъ своими постройками послѣднее жилище умершихъ.

И, закрывъ поспѣшно лицо руками, капитанъ Немо безуспѣшно старался подавить рыданія. Потомъ онъ прибавилъ:

— Тамъ, на нѣсколько сотъ футовъ ниже уровня моря, наше мирное кладбище!

— По крайней мѣрѣ, капитанъ, ваши мертвые спятъ тамъ покойно, недосягаемые для акулъ!

— Да, господинъ Аронаксъ, — медленно отвѣчалъ капитанъ Немо: — для акулъ и для людей!

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ГЛАВА I.

Индійскій океанъ.

Первая часть нашего подводнаго путешествія кончилась трогательною сценой на коралловомъ кладбищѣ, которая произвела на меня глубокое впечатлѣніе. Жизнь капитана Немо текла въ нѣдрахъ безпредѣльнаго моря, и въ самой недоступной безднѣ его онъ даже приготовилъ себѣ могилу. Тамъ ни одно чудовище океана не потревожитъ послѣдняго сна обитателей „Наутилуса", друзей, соединенныхъ между собой на жизнь и смерть.

— Не потревожатъ и люди! — прибавилъ капитанъ Немо.

Вѣчное недовѣріе къ человѣческому обществу, суровое и неумолимое!

Я съ своей стороны не довольствовался болѣе предположеніями, удовлетворявшими Конселя. Честный малый видѣлъ въ командирѣ „Наутилуса" одного изъ непризнанныхъ ученыхъ, которые, за равнодушіе къ нимъ человѣчества, платятъ ему презрѣніемъ. Онъ считалъ его за непонятнаго генія, утомленнаго борьбой съ неправдой и ложью, который скрылся отъ нихъ въ недоступную стихію, гдѣ инстинкты его могли удовлетворяться безпрепятственно. По моему же мнѣнію, это предположеніе объясняло только одну сторону характера капитана Немо.

Въ самомъ дѣлѣ, тайна послѣдней ночи, которую мы провели въ тюрьмѣ, нашъ долгій сонъ, предосторожность капитана Немо, насильно вырвавшаго у меня изъ рукъ зрительную трубу, когда я хотѣлъ осмотрѣть горизонтъ, наконецъ смертельная рана человѣка отъ необъяснимаго толчка „Наутилуса", — все это наводило меня на новыя предположенія. Нѣтъ! капитанъ Немо не ограничивался тѣмъ, что избѣгалъ людей! Его страшный аппаратъ служилъ не только для удовлетворенія его наклонности къ свободѣ, но, можетъ-быть, также и средствомъ къ какому-нибудь ужасному мщенію.

Въ эту минуту все еще темно для меня; въ этомъ мракѣ я различаю только слабыя искры и долженъ, если можно такъ выразиться, писать подъ диктовку событій.

Однако насъ ничего не связываетъ съ капитаномъ Немо. Онъ знаетъ, что убѣжать съ „Наутилуса" невозможно. Мы — плѣнники, но даже не на честное слово, и насъ не связываетъ съ нимъ никакое обязательство. Мы — плѣнники арестованные, и только изъ одной вѣжливости насъ называютъ гостями. Однако Недъ Лендъ не отказался еще отъ

надежды возвратить себѣ свободу. Онъ, безъ сомнѣнія, воспользуется первымъ удобнымъ случаемъ; разумѣется, я сдѣлаю то же самое. И однакоже я не безъ сожалѣнія унесу съ собой тайны „Наутилуса“, въ которыя великодушіе капитана Немо допустило насъ проникнуть! Что долженъ, наконецъ, внушить этотъ человѣкъ: ненависть или удивленіе? Жертва онъ или палачъ? Впрочемъ, искренно говоря, я хотѣлъ бы, прежде чѣмъ покинуть его навсегда, совершить кругосвѣтное подводное путешествіе, начало котораго было такъ блистательно. Мнѣ хотѣлось бы изучить всѣ подводныя чудеса земного шара. Мнѣ хотѣлось бы видѣть то, чего никто до сихъ поръ не видалъ, и я готовъ заплатить жизнью за эту ненасытную потребность знанія! Что же я открылъ? Ничего или почти ничего, потому что мы прошли только шесть тысячъ миль въ Тихомъ океанѣ!

Однакоже я хорошо зналъ, что „Наутилусъ“ приближается къ обитаемой землѣ, и если представится благопріятный для насъ случай перебраться на нее, то съ моей стороны было бы слишкомъ жестоко жертвовать товарищами моей страсти къ неизвѣстному. Надо будетъ слѣдовать за ними, можетъ-быть, указывать имъ дорогу. Но представится ли еще когда-нибудь подобный случай? Человѣкъ, насильственно лишенный свободы, естественно, долженъ страстно желать такого случая, но желанія этого можетъ и не раздѣлять любознательный ученый.

Въ полдень 21-го января 1868 года подшкиперъ опять шелъ измѣрять высоту солнца. Я тоже поднялся на платформу, закурилъ сигару и сталъ слѣдить за этимъ процессомъ. Я убѣдился, что онъ не понималъ по-французски, потому что я нѣсколько разъ высказывалъ вслухъ замѣчанія, которыя должны были бы вызвать какое-нибудь невольное проявленіе вниманія съ его стороны, если бъ онъ ихъ понялъ, но онъ оставался равнодушенъ и нѣмъ.

Въ то время какъ онъ дѣлалъ свои наблюденія съ помощью секстанта, одинъ изъ матросовъ „Наутилуса“ — силачъ, сопровождавшій насъ въ нашу первую подводную экскурсію на островѣ Креспо, — пришелъ чистить стекла маяка. Тогда я сталъ разсматривать устройство аппарата, сила котораго увеличивалась во сто разъ расположенными какъ на маякахъ чечевицеобразными кольцами, которыя удерживали его свѣтъ въ должныхъ границахъ. Электрическая лампа была такъ устроена, что сила ея свѣта не могла теряться безполезно. Дѣйствительно, пламя горѣло въ пустомъ пространствѣ, чѣмъ и обусловливались его равномѣрность и напряженіе. Такимъ образомъ сберегались также острые концы графита, между которыми появлялась свѣтящаяся дуга. Сбереженіе это имѣло важное значеніе для капитана Немо, потому что не легко было возобновлять графитъ. Но при такихъ условіяхъ убыль его была почти незамѣтна.

Когда „Наутилусъ“ приготовился начать свое подводное плаваніе, я возвратился въ залу. Подъемную дверь заперли, и мы направились къ западу.

Итакъ мы плыли по волнамъ Индійскаго океана, по безпредѣльной водной равнинѣ, раскинувшейся на пространствѣ пятисотъ-пятидесяти милліоновъ гектаровъ. Вода его такъ прозрачна, что, наклоняясь надъ поверхностью ея, чувствуешь головокруженіе. „Наутилусъ“ обыкновенно держался не выше ста и не ниже двухсотъ метровъ глубины. Такъ

продолжалось нѣсколько дней. Безъ сомнѣнія, всякому другому на моемъ мѣстѣ, не такъ сильно любящему море, время показалось бы долгимъ и однообразнымъ; но ежедневныя прогулки по платформѣ, гдѣ я укрѣплялся, вдыхая животворный воздухъ океана, зрѣлища роскошныхъ водъ, которыя я наблюдалъ въ окна залы, чтеніе книгъ изъ библіотеки, приведеніе въ порядокъ мемуаровъ, — все это наполняло мои дни и препятствовало мнѣ предаться скукѣ и унынію.

Здоровье наше было совершенно удовлетворительно. Столъ корабля дѣйствовалъ на насъ отлично, и что касается до меня, то я очень охотно обошелся бы безъ всякихъ перемѣнъ, которыя Недъ Лендъ, изъ духа противорѣчія, ухищрялся внести въ нашу кухню.

Въ продолженіе нѣсколькихъ дней мы встрѣчали большое количество водяныхъ птицъ, а именно чаекъ и рыболововъ. Нѣкоторыя изъ нихъ были искусно убиты и, приготовленныя особеннымъ способомъ, доставили намъ блюдо очень вкусной водяной дичи. Между большими хорошо летающими морскими птицами, которыя уносятся на большія разстоянія отъ земли и, утомившись, отдыхаютъ на волнахъ, я увидалъ великолѣпныхъ альбатросовъ, отличающихся непріятнымъ крикомъ, похожимъ на ослиное ржанье. Эти птицы принадлежатъ къ семейству длиннокрылыхъ. Представителями семейства веслоногихъ были быстрые фрегаты, очень проворно ловившіе рыбу на поверхности воды, и множество фаэтоновъ; между ними находились фаэтоны алохвостые, величиною съ голубя, черныя крылья которыхъ казались еще красивѣе при бѣлыхъ перьяхъ съ розовымъ отливомъ.

Въ сѣти „Наутилуса" попалось нѣсколько различныхъ морскихъ черепахъ изъ рода карретъ, съ выпуклою спиной, чешуя которыхъ очень высоко цѣнится. Эти пресмыкающіяся легко ныряютъ и могутъ долго держаться подъ водою, закрывъ мясистый клапанъ, находящійся у наружнаго отверстія ихъ носового канала. Мясо этихъ черепахъ было довольно плохо, но яйца доставляли очень вкусное лакомство.

Что же касается рыбъ, то онѣ постоянно возбуждали наше удивленіе, когда мы, открывъ ставни въ окнахъ залы, изучали всѣ тайны ихъ водяной жизни. Тутъ я увидѣлъ многіе виды, которыхъ я до сихъ поръ нигдѣ не встрѣчалъ.

Прежде всего необходимо назвать *кузовковъ,* рыбъ изъ семейства твердокожихъ, водящихся исключительно въ Красномъ и Индійскомъ моряхъ и въ той части океана, которая омываетъ берега Южной Америки, пересѣкаемые экваторомъ. Такія рыбы, какъ черепахи, броненосцы, ежевики, ракообразныя, покрыты костяной броней, а не кремнистой или известковой. Эта броня бываетъ трех- или четырехгранная. Между трехгранными я видѣлъ нѣкоторыхъ длиной въ полдециметра (около 1, 2 вершковъ); мясо ихъ очень вкусно и питательно; они отличаются темнымъ хвостомъ и желтыми плавательными перьями. Я нахожу возможнымъ акклиматизировать эту рыбу даже въ прѣсной водѣ, въ которой многія морскія рыбы легко освоиваются. Далѣе я назову *кузовковъ четыреугольныхъ,* на спинѣ которыхъ имѣются четыре большихъ нароста; *кузовковъ крапчатыхъ,* съ бѣлыми точками на нижней части тѣла; эти интересныя особи могутъ сдѣлаться ручными какъ птицы; *тригоновъ,* вооруженныхъ шипами, которые образовались отъ удлиненія ихъ костяной покрышки; этихъ тритоновъ за испускаемые ими

странные звуки, похожіе на хрюканье, прозвали „морскими свиньями“; наконецъ, *дромадеровъ* съ большими конусообразными горбами, отличающихся жесткимъ и твердымъ мясомъ.

Позволяю себѣ выписать изъ дневника Конселя его замѣчанія о нѣкоторыхъ рыбахъ изъ вида четырезубцевъ. Напримѣръ, о *тетрадонахъ*, водящихся обыкновенно въ этихъ моряхъ; о *спенглеринахъ* съ красною спинкою и бѣлою грудью, отличающихся тремя продольными рядами мягкихъ нитей; о разныхъ электрическихъ рыбахъ, до семи дюймовъ длины, сверкавшихъ всевозможными яркими цвѣтами. Затѣмъ, какъ представителей другихъ родовъ, нужно назвать и *овоидъ*, похожихъ на темнокоричневыя яйца, украшенныя бѣлыми полосками, и совершенно безхвостыхъ; *діодоновъ*, этихъ морскихъ дикобразовъ, вооруженныхъ шипами и могущихъ раздуваться въ видѣ клубка, усаженнаго щетинами; *коньковъ*, находящихся во всѣхъ океанахъ; летающихъ *пегасовъ*, съ продолговатыми носами, грудныя плавательныя перья которыхъ весьма длинны и, расположенныя въ видѣ крыльевъ, даютъ возможность этой особи если не совсѣмъ летать, то, по крайней мѣрѣ, подниматься на воздухъ; *пегасовъ*, съ хвостомъ, покрытымъ множествомъ чешуйчатыхъ колецъ; длинночелюстныхъ *ринхобделлъ*, красивыхъ рыбъ въ четверть метра длиною, блиставшихъ самыми красивыми цвѣтами; *Calliomora livida*, съ шероховатою головою; миріады *Blennius saltator*, съ черными полосками и длинными грудными плавательными перьями, удивительно быстро скользившихъ по поверхности моря; прелестныхъ *парусниковъ*, поднимающихъ свои плавательныя перья какъ распущенные парусы, при помощи которыхъ они плывутъ по вѣтру; великолѣпныхъ *куртъ*, которыхъ природа украсила желтымъ, небесно-голубымъ, серебристымъ и золотистымъ цвѣтами; *трихоптеръ*, плавательныя перья которыхъ состоятъ изъ волоконъ; *коттусъ*, постоянно замазанныхъ тиной и производящихъ шумъ при движеніяхъ; *триглъ*, печень которыхъ очень ядовита; *бодьяновъ*, отличающихся подвижными вѣками на глазахъ; наконецъ носатыхъ *хельмоновъ*, съ длинными трубчатыми носами; настоящихъ морскихъ *мухоловокъ*, вооруженныхъ какъ бы ружьями и убивающихъ насѣкомыхъ ударомъ капли воды.

Въ восемьдесятъ-девятомъ родѣ рыбъ (по распредѣленію Лесепеда), принадлежащихъ ко второму подклассу костистыхъ, отличающихся присутствіемъ крышки и жаберной перепонки, я наблюдалъ *скорпену*, съ головой, покрытой шипами, и съ однимъ плавательнымъ перомъ на спинѣ; эти рыбы бываютъ или покрыты мелкой чешуей или совершенно лишены ея, сообразно подроду, къ которому онѣ принадлежатъ. Во второмъ подродѣ я замѣтилъ экземпляры *дидактилей*, длиною отъ трехъ до четырехъ дециметровъ, съ желтыми волосами; голова этихъ рыбъ отличается довольно причудливой формой. Что же касается до перваго подрода, то къ нему принадлежатъ многіе образчики странной рыбы, такъ называемой *морской жабы*. Это рыба съ большой головой, изрытая глубокими извилинами, а иногда раздутая выпуклостями, покрытая шипами и сплошь усѣянная шишками, съ кривыми некрасивыми рогами; все ея тѣло, не исключая и хвоста, покрыто мозолистыми наростами; шипы ея причиняютъ довольно опасныя раны. Вообще это одно изъ отвратительныхъ и ужасныхъ созданій.

Съ 21-го до 23-го января „Наутилусъ“ дѣлалъ по двѣсти-пятидесяти

льё въ сутки, то-есть пятьсотъ-сорокъ миль, или по двадцать-двѣ мили въ часъ. Дорогой намъ удавалось наблюдать различныя породы рыбъ, потому что, привлеченныя электрическимъ свѣтомъ нашего корабля, онѣ старались слѣдовать за нами. Но при быстротѣ нашего хода, большинство ихъ скоро отставало. Впрочемъ нѣкоторымъ изъ нихъ удалось держаться нѣсколько времени около „Наутилуса“.

Утромъ 24-го, подъ 12°5′ южной широты и 94°33′ долготы, мы увидѣли островъ Килингъ, мадрепоровую возвышенность, усѣянную великолѣпными кокосовыми пальмами, которую посѣщали Дарвинъ и капитанъ Фицъ-Рой. „Наутилусъ“ прошелъ вблизи береговъ этого пустыннаго острова. Вскорѣ островъ Килингъ скрылся за горизонтомъ, и мы направили свой путь на сѣверо-западъ, къ оконечности Индійскаго полуострова.

— Цивилизованныя страны, — сказалъ мнѣ въ этотъ день Недъ Лендъ, — гораздо лучше острововъ Папуазіи, гдѣ встрѣчаешь дикарей больше чѣмъ косуль! Въ этой индійской землѣ, господинъ профессоръ, есть шоссейныя и желѣзныя дороги, англійскіе, французскіе и индусскіе города. Здѣсь не пройдешь пяти миль, не встрѣтивъ соотечественника. Что, не пора ли намъ распорядиться съ капитаномъ Немо?

— Нѣтъ, Недъ, нѣтъ, — отвѣчалъ я очень рѣшительно. — Пусть будетъ что будетъ, какъ говорите вы, моряки. „Наутилусъ“ приближается къ обитаемымъ материкамъ. Онъ возвращается въ Европу; пусть онъ довезетъ насъ туда. Достигнувъ нашихъ морей, мы посмотримъ, что благоразуміе посовѣтуетъ намъ предпринять. Къ тому же я не думаю, чтобы капитанъ Немо позволилъ намъ охотиться на Малабарскомъ или Коромандельскомъ берегу, какъ и въ лѣсахъ Новой Гвинеи.

— Но, господинъ профессоръ, развѣ намъ нельзя обойтись безъ его позволенія?

Я не отвѣчалъ канадцу, не желая спорить. Въ сущности же, мнѣ хотѣлось испытать всѣ случайности судьбы, бросившей меня на бортъ „Наутилуса“.

Отъ острова Килинга мы пошли вообще медленнѣе. Въ то же время направленіе „Наутилуса“ дѣлалось причудливѣе, и онъ часто увлекалъ насъ на большія глубины. Нѣсколько разъ приходилось употреблять наклонныя плоскости, которыя посредствомъ внутреннихъ рычаговъ могли располагаться наискось отъ ватерлиніи. Мы такимъ образомъ достигли до двухъ и трехъ километровъ глубины, но ни разу не могли провѣрить самыя большія глубины Индійскаго моря, гдѣ зонды въ тринадцать тысячъ метровъ не доставали дна. Что же касается температуры низшихъ слоевъ, то термометръ постоянно показывалъ четыре градуса выше нуля. Я только замѣтилъ, что въ верхнихъ слояхъ вода всегда была холоднѣе надъ подводными горами, чѣмъ въ открытомъ морѣ.

25-го января океанъ былъ совершенно пустыненъ, и „Наутилусъ“ пробылъ цѣлый день на его поверхности, разсѣкая своимъ могучимъ винтомъ волны и разсыпая кругомъ высоко взлетавшія брызги. При подобныхъ условіяхъ его нельзя было не принять за исполинскаго кита. Я провелъ на платформѣ три четверти этого дня. Я смотрѣлъ на море. Ничего не было видно на горизонтѣ, и только около четырехъ часовъ вечера показался длинный пароходъ, который шелъ на западѣ. Его

рангоутъ выглянулъ на одну только минуту; но онъ не могъ замѣтить „Наутилуса“, слишкомъ мало поднимавшагося надъ поверхностью воды.

Въ пять часовъ вечера, предъ быстрыми сумерками, соединяющими въ тропическомъ поясѣ день съ ночью, мы съ Конселемъ были очарованы любопытнымъ зрѣлищемъ.

Есть красивенькое животное, встрѣча съ которымъ, по мнѣнію древнихъ, предвѣщала успѣхъ. Аристотель, Атеній, Плиній изучили его наклонности и, по поводу его, исчерпывали всю піитику ученыхъ Греціи и Италіи. Они называли его *Nautilus Pompilius*. Но новѣйшая наука не утвердила ихъ названій, и этотъ моллюскъ извѣстенъ теперь подъ именемъ аргонавта.

Если бы кто поинтересовался спросить Конселя, то этотъ добрый малый сообщилъ бы, что отрядъ моллюсковъ раздѣляется на пять классовъ; что первый классъ — головоногіе моллюски, изъ которыхъ одни — черепокожные, другіе — голые, заключаетъ въ себѣ два семейства: двужаберныхъ и четырехжаберныхъ, различающихся по числу своихъ жабръ; что семейство двухжаберныхъ подраздѣляется на три рода: *аргонавтовъ*, *кальмаровъ* и *корокатицъ*, а семейство четырехжаберныхъ имѣетъ только одинъ родъ: *корабликъ*. И если бы послѣ этого переименованія чей-нибудь не особенно подвижный умъ смѣшалъ аргонавта, снабженнаго присосками, съ корабликомъ, обладающимъ простыми щупальцами, то онъ не имѣлъ бы никакого права на извиненіе. По поверхности моря плыла въ это время стая аргонавтовъ. Я насчиталъ ихъ нѣсколько сотъ. Они всѣ принадлежали къ виду *Argonauta tuberculata*, весьма обыкновенныхъ въ Индійскомъ морѣ.

Эти граціозные моллюски плавали задомъ, посредствомъ своихъ воронокъ, выгоняя чрезъ нихъ воду. Изъ ихъ восьми щупальцевъ шесть продолговатыхъ и тонкихъ разстилались по водѣ, тогда какъ остальные два, округленные дланевидно, напрягались отъ дѣйствія вѣтра какъ легкіе паруса. Я отлично видѣлъ ихъ волнистую и спиральную раковину, которую Кювье очень мѣтко сравнилъ съ красивою шлюпкой. Дѣйствительно, какъ настоящая лодка, эта раковина переноситъ выдѣлившее ее животное, и однако животное не прирастаетъ къ ней.

— Аргонавтъ можетъ покинуть свою раковину, — сказалъ я Конселю, — но онъ никогда ея не покидаетъ.

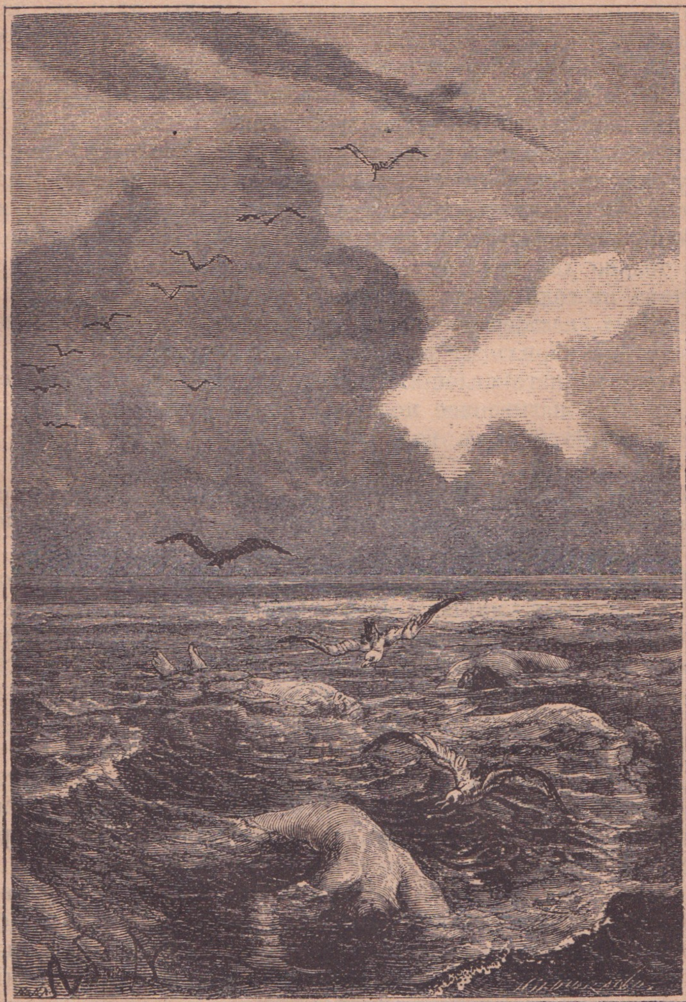
— Такъ же поступаетъ и капитанъ Немо, — отвѣчалъ разсудительный Консель. — И я полагаю, что ему было бы лучше назвать свой корабль „Аргонавтомъ“.

Цѣлый часъ шелъ „Наутилусъ“ посреди этой стаи моллюсковъ. Потомъ, не знаю, какой-то страхъ внезапно овладѣлъ ими. Будто по сигналу, тѣла сжались, раковины опрокинулись, перемѣняя центръ тяжести, и вся флотилія исчезла въ волнахъ. Все это произошло мгновенно, и никогда корабли какой-нибудь эскадры не маневрировали съ большимъ согласіемъ.

Въ эту минуту вдругъ наступила ночь, и волны, едва поднимаемыя вѣтромъ, спокойно разстилались вокругъ „Наутилуса“.

На другой день, 26-го января, мы пересѣкли экваторъ на восемьдесятъ-второмъ меридіанѣ и вступили въ сѣверное полушаріе.

Въ этотъ день насъ сопровождала грозная свита акулъ. Страшныя животныя кишатъ въ этихъ моряхъ и дѣлаютъ ихъ очень опасными. Это были *Squalus Philippi*, съ коричневою спиной и бѣловатымъ брюхомъ, вооруженныя одиннадцатью рядами зубовъ, *Squalus argus*, на

«...то были трупы...» (Стр. 154).

шеѣ которыхъ находится большое черное пятно съ бѣлымъ ободкомъ, похожее на глазъ, и другой видъ — акулы съ круглою мордой, усѣянною черными точками. Часто эти сильныя животныя, со свирѣпостью, не предвѣщавшею ничего хорошаго, бросались къ окнамъ залы. Недъ Лендъ былъ внѣ себя. Ему хотѣлось вернуться на поверхность волнъ и пустить острогой въ этихъ чудовищъ. Акулы гладкія, пасть которыхъ

выстлана зубами, расположенными какъ мозаика, и большія тигровыя акулы, длиною въ пять метровъ, вызывали его съ особенною настойчивостью. Но скоро „Наутилусъ“, увеличивъ быстроту своего хода, легко оставилъ позади себя самыхъ быстрыхъ изъ этихъ акулъ.

27-го января при входѣ въ широкій Бенгальскій заливъ насъ неоднократно поражало ужасное зрѣлище — трупы, плывшіе на поверхности волнъ! То были мертвецы изъ индійскихъ городовъ, уносимые Гангомъ въ открытое море, и которыхъ коршуны, единственные могильщики въ этой странѣ, еще не успѣли пожрать. Но акулы не преминутъ помочь имъ въ ихъ погребальной работѣ.

Около семи часовъ вечера, „Наутилусъ“, наполовину погруженный въ воду, плылъ посреди волнъ молочнаго цвѣта. Океанъ, на сколько его можно было видѣть, казался млечнымъ путемъ. Я подумалъ, что это явленіе обусловливалось луннымъ сіяніемъ. Но нѣтъ, новолуніе наступило только два дня тому назадъ, и молодая луна еще терялась за горизонтомъ въ солнечныхъ лучахъ. Все небо, хотя и освѣщенное звѣзднымъ сіяніемъ, казалось чернымъ въ сравненіи съ бѣлизной водъ.

Консель не вѣрилъ своимъ глазамъ и спрашивалъ меня о причинахъ этого страннаго явленія. Къ счастію, я могъ дать ему отвѣтъ.

— Это такъ называемое молочное море, — сказалъ я ему, — огромное пространство бѣлыхъ водъ, часто видимыхъ у береговъ Амбоины и въ этихъ широтахъ.

— Но, — спросилъ Консель, — можетъ ли господинъ профессоръ объяснить мнѣ, какая причина производитъ подобное дѣйствіе, потому что эта вода, я думаю, не превратилась же въ молоко?

— Нѣтъ, мой другъ, удивляющая тебя бѣлизна произошла отъ присутствія цѣлыхъ миріадъ инфузорій, въ родѣ маленькихъ свѣтящихся червей, студенистыхъ и безцвѣтныхъ, въ волосъ толщиной, длина которыхъ не превосходитъ одной пятой миллиметра. Нѣкоторыя изъ этихъ животныхъ прилипаютъ другъ къ другу и тянутся такимъ образомъ на протяженіи нѣсколькихъ миль.

— Нѣсколькихъ миль! — вскричалъ Консель.

— Да, мой другъ, и не трудись исчислить этихъ инфузорій! Ты никогда этого не достигнешь; если я не ошибаюсь, то нѣкоторымъ мореплавателямъ случалось плыть въ молочныхъ моряхъ на протяженіи болѣе сорока миль.

Не знаю, принялъ ли Консель мой совѣтъ, но онъ, казалось, погрузился въ глубокое размышленіе, безъ сомнѣнія, стараясь сосчитать, сколько въ сорока квадратныхъ миляхъ содержится пятыхъ миллиметра. Что до меня касается, то я продолжалъ наблюдать это явленіе.

„Наутилусъ“ въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ разсѣкалъ бѣловатыя волны, и я замѣчалъ, что онъ безъ шума скользилъ по этой взмыленной водѣ, какъ будто бы плылъ въ водоворотѣ пѣны, иногда образующейся въ бухтахъ между двумя противоположными теченіями.

Около полуночи море вдругъ приняло свой обыкновенный цвѣтъ, но позади насъ, до самыхъ краевъ горизонта, небо, отражая бѣлизну волнъ, долго свѣтилось, будто озаренное неопредѣленнымъ мерцаніемъ сѣвернаго сіянія.

ГЛАВА II.

Новое предложеніе капитана Немо.

Когда „Наутилусъ“ 28-го февраля всплылъ на поверхность моря, на западѣ, въ восьми миляхъ разстоянія, показалась земля. Сначала я замѣтилъ множество горъ, имѣвшихъ около двухъ тысячъ футовъ вышины, отличавшихся самыми причудливыми очертаніями. Когда положеніе судна было опредѣлено, я возвратился въ залу и, отыскавъ это мѣсто на картѣ, узналъ, что мы находимся около острова Цейлона, этой жемчужины индійской короны, лежащей у южной оконечности Индостанскаго полуострова.

Я вошелъ въ библіотеку поискать какой-нибудь книги, относящейся къ этому острову, одному изъ самыхъ плодородныхъ на земномъ шарѣ. И точно, я нашелъ книгу Сирра, подъ заглавіемъ: „Celan and the Cinalese“. Возвратясь въ залу, я прежде всего отмѣтилъ всѣ цыфры, касавшіяся величины и положенія Цейлона, которому въ древности расточали такъ много различныхъ названій. Онъ находится между 5° 55′ и 9° 49′ сѣверной широты и между 79° 42′ и 82° 4′ долготы, къ востоку отъ Гринвичскаго меридіана; въ длину онъ имѣетъ двѣсти-семьдесятъ-пять миль, въ ширину, по меньшей мѣрѣ, полтораста миль, а поверхность его равняется восьмидесяти тысячамъ четыремстамъ-сорока-восьми милямъ, то-есть величиной нѣсколько уступаетъ Ирландіи.

Въ это время вошелъ капитанъ Немо со своимъ подшкиперомъ.

Капитанъ взглянулъ на карту. Потомъ, обернувшись ко мнѣ, сказалъ:

— Островъ Цейлонъ, знаменитый ловлей жемчуга. Не пожелаете ли вы, господинъ Аронаксъ, побывать на этой ловлѣ?

— Безъ всякаго сомнѣнія, капитанъ.

— Хорошо; это легко сдѣлать. Я отдалъ приказаніе приблизиться къ Манаарскому заливу, куда мы пріѣдемъ ночью.

Капитанъ Немо сказалъ нѣсколько словъ своему подшкиперу, который тотчасъ же вышелъ. Вскорѣ „Наутилусъ“ опять погрузился въ свою жидкую стихію, и манометръ показывалъ, что онъ держался на глубинѣ тридцати футовъ.

Взявъ карту, я отыскивалъ Манаарскій заливъ. Я нашелъ его на девятомъ параллельномъ кругѣ, у сѣверо-западнаго берега Цейлона. Онъ образуется продолговатою линіей маленькаго острова Манаара. Чтобы достигнуть его, надо было обойти западный берегъ Цейлона.

— Господинъ профессоръ, – сказалъ мнѣ капитанъ Немо, — жемчугъ ловятъ въ Бенгальскомъ заливѣ, въ Индійскомъ морѣ, въ моряхъ Китая и Японіи, въ моряхъ Южной Америки, въ Панамскомъ и Калифорнскомъ заливахъ; но только на Цейлонѣ эта ловля достигаетъ самыхъ лучшихъ результатовъ. Мы, правда, прибыли немного рано. Добыватели жемчуга собираются въ Манаарскій заливъ только въ мартѣ мѣсяцѣ, и тогда, въ продолженіе тридцати дней, они на своихъ трехстахъ лодкахъ занимаются самымъ прибыльнымъ добываніемъ морскихъ сокровищъ. На каждой лодкѣ десять гребцовъ и десять водолазовъ.

Послѣдніе раздѣляются на двѣ группы, которыя поочередно ныряютъ и опускаются на глубину двѣнадцати метровъ съ помощью тяжелаго камня, привязаннаго къ лодкѣ веревкой, который они обхватываютъ ногами.

— Стало-быть, — сказалъ я, — этотъ первобытный способъ до сихъ поръ не вышелъ изъ употребленія?

— До сихъ поръ, — отвѣчалъ мнѣ капитанъ Немо, — несмотря на то, что эта ловля принадлежитъ самому промышленному народу на земномъ шарѣ, англичанамъ, которымъ она была уступлена по Аміенскому трактату въ 1802 году.

— Однакоже мнѣ кажется, что скафандры, подобные вашимъ, были бы очень полезны для этой ловли.

— Да, потому что бѣдные водолазы не могутъ долго оставаться подъ водой. Англичанинъ Персеваль въ своемъ путешествіи на Цейлонъ говоритъ, правда, объ одномъ кафрѣ, который могъ оставаться въ водѣ пять минутъ, не возвращаясь на поверхность, но, по моему мнѣнію, этотъ фактъ представляетъ мало вѣроятнаго. Я знаю, что нѣкоторые водолазы доходятъ до пятидесяти-семи секундъ, а очень искусные до восьмидесяти-семи; но такіе встрѣчаются рѣдко, и когда эти несчастные возвращаются на бортъ, то изъ носу и ушей у нихъ течетъ вода съ кровью. Я думаю, что водолазы могутъ пробыть подъ водой, среднимъ числомъ, тридцать секундъ, въ продолженіе которыхъ они торопятся собрать въ маленькую сѣть всѣ отколытыя ими жемчужныя раковины; но, вообще, водолазы не живутъ долго; у нихъ слабѣетъ зрѣніе, глаза начинаютъ гноиться, тѣло покрывается ранами, и часто они умираютъ на днѣ моря отъ удара.

— Да, — сказалъ я, — это жалкое ремесло, служащее только для удовлетворенія различныхъ причудъ моды! Но скажите мнѣ, капитанъ: сколько раковинъ можетъ наловить въ день одна лодка?

— Отъ сорока до пятидесяти тысячъ. Говорятъ даже, что въ 1814 году англійское правительство устроило ловлю собственно для себя, и его водолазы добыли въ двадцать дней семьдесятъ-шесть милліоновъ раковинъ.

— По крайней мѣрѣ, — спросилъ я, — этимъ водолазамъ платятъ хорошее жалованье?

— Едва ли, г. профессоръ. Въ Панамѣ они зарабатываютъ только по одному доллару въ недѣлю. Чаще всего имъ платятъ по одному су за раковину съ жемчужиной, а сколько они ихъ вытащатъ пустыхъ!

— По одному су бѣднымъ людямъ, обогощающимъ своихъ хозяевъ! Это ужасно!

— Итакъ, господинъ профессоръ, — сказалъ мнѣ капитанъ Немо, — вмѣстѣ со своими товарищами вы посѣтите Манаарскую мель, и если случайно застанемъ тамъ какого-нибудь ранняго водолаза, мы посмотримъ на его работу.

— Это рѣшено, капитанъ.

— Кстати, господинъ Аронаксъ, вы не боитесь акулъ?

— Акулъ? — вскричалъ я.

Этотъ вопросъ мнѣ показался, по меньшей мѣрѣ, неумѣстнымъ.

— Ну, что же? — спросилъ капитанъ Немо.

— Признаюсь, капитанъ, я еще не вполнѣ освоился съ этою породой рыбъ.

— Мы къ нимъ давно привыкли, — возразилъ капитанъ Немо, — и со временемъ вы достигнете того же. Притомъ мы будемъ вооружены, и дорогой намъ, быть-можетъ, удастся поохотиться за акулами. Это интересная охота. Итакъ до завтра, господинъ профессоръ.

Проговоривъ это самымъ развязнымъ тономъ, капитанъ Немо вышелъ изъ залы.

Если бы васъ приглашали охотиться въ швейцарскихъ горахъ за медвѣдями, вы сказали бы: „Очень хорошо! Завтра мы пойдемъ на медвѣдей". Если бы васъ приглашали итти на льва въ долины Атласа или на тигра въ индійскія джунгли, вы сказали бы: „А! А! кажется мы идемъ на тигра или на льва". Но если бъ вамъ предложили охоту за акулой въ ея природной стихіи, вы, можетъ-быть, попризадумались бы, прежде чѣмъ принять это приглашеніе.

Что касается до меня, то я провелъ рукой по лбу, на которомъ выступило нѣсколько капель холоднаго пота.

— Подумаемъ, — сказалъ я себѣ, — и не будемъ спѣшить. Охотиться за выдрами въ подводныхъ лѣсахъ, какъ намъ привелось въ лѣсахъ острова Креспо, — это еще куда ни шло. Но рыскать по морскому дну, когда почти увѣренъ, что встрѣтишь тамъ акулъ, — совсѣмъ иное дѣло! Я хорошо знаю, что въ нѣкоторыхъ странахъ, особенно на Андаманскихъ островахъ, негры не колеблясь нападаютъ на акулу съ кинжаломъ въ одной рукѣ и съ петлей въ другой; но я также хорошо знаю, что многіе изъ смѣльчаковъ, нападающихъ на страшное животное, не возвращаются съ своей охоты! Сверхъ того, я не негръ; да если бъ я и былъ негромъ, то полагаю, что въ подобномъ случаѣ небольшое колебаніе съ моей стороны было бы все-таки понятно.

И вотъ я погрузился въ размышленіе объ акулахъ, думая объ ихъ громадныхъ челюстяхъ, вооруженныхъ нѣсколькими рядами зубовъ, способныхъ разрѣзать человѣка надвое. Я уже чувствовалъ нѣкоторую боль въ поясницѣ. Къ тому же я никакъ не могъ переварить равнодушія, съ которымъ капитанъ Немо сдѣлалъ это прискорбное приглашеніе. Какъ будто дѣло шло о томъ, чтобы обойти въ лѣсу какую-нибудь безвредную лисицу!

„Хорошо! — думалъ я: — Консель побоится итти, и это избавитъ меня отъ необходимости сопровождать капитана". Что же касается Неда Ленда, то признаюсь, я не такъ увѣренъ былъ въ его благоразуміи. Опасность, какъ бы ни была она велика, всегда имѣла особенную прелесть для его воинственной натуры.

Я опять принялся за книгу Сирра, но не могъ углубиться и машинально перелистывалъ ее. Между строками я видѣлъ страшно открытыя челюсти...

Въ эту минуту вошли Консель и канадецъ. Они были спокойны и даже веселы. Они не знали, что ихъ ожидаетъ.

— Право, господинъ профессоръ, — сказалъ Недъ Лендъ, — вашъ капитанъ Немо... чтобъ чортъ его побралъ!... сдѣлалъ намъ очень любезное предложеніе.

— Ахъ! — сказалъ я: — вы знаете...

— Съ позволенія господина профессора, — отвѣчалъ Консель, — командиръ „Наутилуса" пригласилъ насъ завтра, въ сопровожденіи господина профессора, посѣтить великолѣпныя ловли жемчуга на островѣ

Цейлонѣ. Онъ сдѣлалъ это въ изысканныхъ выраженіяхъ и велъ себя настоящимъ джентльменомъ.

— Онъ вамъ больше ничего не сказалъ?

— Ничего, — отвѣчалъ канадецъ: — онъ прибавилъ только, что уже говорилъ вамъ объ этой маленькой прогулкѣ.

— Въ самомъ дѣлѣ, — сказалъ я. — И онъ вамъ не сообщилъ никакихъ подробностей относительно...

— Никакихъ, господинъ натуралистъ. Вы пойдете съ нами, не правда ли?

— Я... безъ сомнѣнія! Я вижу, что вамъ это нравится, Недъ Лендъ.

— Да! Это очень любопытно, очень любопытно.

— Можетъ-быть, опасно! — прибавилъ я вкрадчивымъ тономъ.

— Опасно! — отвѣчалъ Недъ Лендъ: — простая экскурсія на устричную мель!

Очевидно, капитанъ Немо не счелъ нужнымъ пробуждать мысль объ акулахъ въ умѣ моихъ товарищей. Я смотрѣлъ на нихъ испуганными глазами, какъ будто бы у нихъ оторваны были нѣкоторые члены. Долженъ ли я ихъ предупредить? Да, конечно, но я не зналъ, какъ за это взяться.

— Господинъ профессоръ, — сказалъ мнѣ Консель, — будетъ, можетъ-быть, такъ добръ и сообщитъ намъ какія-нибудь подробности о ловлѣ жемчуга?

— О ловлѣ, собственно, — спросилъ я, — или о тѣхъ приключеніяхъ, которыя...

— О ловлѣ, — отвѣчалъ канадецъ: — прежде чѣмъ отправляться въ дорогу, надо имѣть о ней понятіе.

— Хорошо, садитесь, друзья мои, я вамъ разскажу все, что самъ узналъ отъ англичанина Сирра.

Недъ и Консель сѣли на диванъ, и канадецъ сейчасъ же спросилъ меня:

— Господинъ профессоръ, что такое жемчужина?

— Мой честный Недъ, — отвѣчалъ я, — для поэта жемчужина — морская слеза; для жителей Востока — отвердѣвшая капля росы; для дамъ — драгоцѣнная вещица продолговатой формы, прозрачнаго блеска, состоящая изъ перламутроваго вещества, которую онѣ носятъ на пальцахъ, шеѣ или въ ушахъ; для химика — смѣсь фосфорнокислой и углекислой извести съ небольшимъ количествомъ желатина; и, наконецъ, для натуралиста жемчужина — простое болѣзненное отдѣленіе органа, который выдѣляетъ перламутръ у нѣкоторыхъ двустворчатыхъ раковинъ.

— Отдѣлъ моллюсковъ, — сказалъ Консель, — классъ безголовыхъ, порядокъ черепокожныхъ.

— Точно такъ, мой ученый Консель. Но между этими черепокожными *Haliotis iris, Turbo, Tridacna, Pinna maritima,* — однимъ словомъ, всѣ, отдѣляющія перламутръ, то-есть вещество голубое, синеватое, фіолетовое или бѣлое, выстилающее внутренность ихъ створокъ, способны производить жемчугъ.

— Даже и ракушки? — спросилъ канадецъ.

— Да, ракушки нѣкоторыхъ потоковъ Шотландіи, Вельса, Ирландіи, Саксоніи, Богеміи и Франціи.

— Хорошо! впередъ надо запомнить это, — отвѣчалъ канадецъ.

— Но, — возразилъ я, — преимущественно выдѣляетъ жемчугъ жемчужница, драгоцѣнная перловка. Жемчугъ есть сгустившійся перламутръ, принявшій сферическую форму. Онъ или пристаетъ къ скорлупѣ раковины или прилипаетъ къ складкамъ животнаго. На створкахъ жемчугъ прилѣпленъ, на тѣлѣ же свободенъ. Но у него всегда есть ядро, маленькое твердое тѣло, состоящее или изъ безплоднаго яичка или изъ песчинки, вокругъ которыхъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ осаждается перламутровое вещество, послѣдовательно, тонкими и концентрическими слоями.

— Бываетъ ли въ одной раковинѣ по нѣскольку жемчужинъ? — спросилъ Консель.

— Да, мой другъ. Встрѣчались раковины, заключавшія цѣлое собраніе драгоцѣнностей. Про одну раковину разсказываютъ, — но я въ этомъ сомнѣваюсь, — что въ ней заключалось не менѣе ста-пятидесяти акулъ.

— Сто-пятьдесятъ акулъ! — вскричалъ съ изумленіемъ Недъ Лендъ.

— Развѣ я сказалъ „акулъ“? — быстро опомнился я. — Я хотѣлъ сказать: сто-пятьдесятъ жемчужинъ.

— Но скажетъ ли намъ господинъ профессоръ, какимъ способомъ добываютъ этотъ жемчугъ? — спросилъ Консель.

— Есть различные способы, и часто, когда жемчугъ присталъ къ створкамъ, ловцы отрываютъ его щипцами. Но, по обыкновенію, раковины кладутъ на плетеныя рогожи, которыми покрываютъ берегъ. Такимъ образомъ онѣ умираютъ на воздухѣ и по прошествіи десяти дней находятся въ состояніи гніенія. Тогда ихъ кладутъ въ большіе, наполненные морскою водой, резервуары, потомъ ихъ открываютъ и моютъ. Съ этой минуты начинается двойная работа сортировщиковъ. Сначала они отдѣляютъ перламутровыя пластинки, извѣстныя въ торговлѣ подъ именемъ franche argentée, которыя продаются ящиками отъ ста-двадцати-пяти до ста-пятидесяти килограммовъ. Потомъ они вынимаютъ мясо изъ раковины, кипятятъ его и просѣваютъ, чтобъ извлечь изъ него даже самый мелкій жемчугъ.

— Цѣна этого жемчуга измѣняется, судя по его величинѣ? — спросилъ Консель.

— Не только по величинѣ, — отвѣчалъ я, — но также по формѣ, цвѣту и водѣ, то-есть по тому мягкому съ разноцвѣтными переливами блеску, который придаетъ жемчугу такую красоту. Самый лучшій жемчугъ называется perles-vierges, или незапятнанный; онъ образуется отдѣльно въ ткани моллюска, онъ бѣлый, часто непрозрачный, но иногда имѣетъ опаловидную прозрачность и большею частью бываетъ шаровидной или грушевидной формы. Изъ шаровиднаго жемчуга дѣлаютъ браслеты, изъ грушевиднаго — подвѣски, и такъ какъ онъ самый дорогой, то продается поштучно. Другой же жемчугъ, приставшій къ скорлупѣ раковины, болѣе неправильной формы, продается съ вѣсу. Наконецъ, маленькій жемчугъ, причисленный къ низшему разряду, называется мелкимъ жемчугомъ; онъ продается также на вѣсъ и служитъ обыкновенно для вышиванья.

— Но разбирать жемчугъ по его величинѣ, должно-быть, очень долгая и трудная работа? — сказалъ канадецъ.

— Нѣтъ, мой другъ. Эта работа производится посредствомъ одиннадцати ситъ или рѣшетъ, съ разнымъ числомъ пробуравленныхъ на нихъ дыръ. Жемчугъ, остающійся въ ситѣ, въ которомъ отъ двадцати до восьмидесяти дыръ, принадлежитъ къ первому разряду. Тотъ же, который не проходитъ въ рѣшето, имѣющее отъ ста до восьмисотъ дыръ, причисляется ко второму разряду. Наконецъ, жемчугъ, для котораго употребляютъ сита, имѣющія отъ девятисотъ до тысячи дыръ, составляетъ мелкій жемчугъ.

— Очень замысловато, — сказалъ Консель, — и я вижу, что дѣленіе и классификація жемчуга производятся механически. Господинъ профессоръ, не можете ли вы сказать намъ: что приносятъ ежегодно эти мели жемчужныхъ раковинъ?

— Судя по книгѣ Сирра, — отвѣчалъ я, — жемчужныя ловли на Цейлонѣ ежегодно отдаются на откупъ за три милліона акулъ.

— Акулъ? — снова вскричалъ канадецъ.

— Франковъ! — поправилъ Консель.

— Да, франковъ. Три милліона франковъ! — повторилъ я. — Но я думаю, что эти ловли уже не приносятъ столько, сколько онѣ приносили прежде. То же самое и американскія ловли, которыя въ царствованіе Карла V приносили четыре милліона франковъ; теперь же доходъ съ нихъ уменьшился на двѣ трети. Словомъ, въ общей сложности доходъ отъ разработки жемчуга можно оцѣнить въ девять милліоновъ франковъ.

— Но, — спросилъ Консель, — кажется, я слышалъ, что попадались знаменитыя жемчужины, цѣнимыя очень высоко?

— Да, мой другъ. Разсказываютъ, что Цезарь подарилъ Сервиліи одну жемчужину, стоившую на наши деньги сто - двадцать тысячъ франковъ.

— Я даже слышалъ, — сказалъ канадецъ, — что въ древности одна дама выпила жемчугъ въ уксусѣ.

— Клеопатра, — сказалъ Консель.

— Это, должно-быть, было очень невкусно, — прибавилъ Недъ Лендъ.

— Отвратительно, другъ Недъ! — отвѣчалъ Консель. — Но рюмка уксуса, стоящая пятьсотъ тысячъ франковъ, — цѣна хорошая.

— Я жалѣю, что не женился на этой дамѣ, — сказалъ канадецъ, разводя руками съ угрожающимъ видомъ.

— Недъ Лендъ — супругъ Клеопатры! — вскричалъ Консель.

— Но я долженъ былъ жениться, Консель, — серіозно отвѣчалъ канадецъ, — и не моя вина, если дѣло не сладилось. Я даже купилъ жемчужное ожерелье для Кэтъ Тенадеръ, моей невѣсты, но она вышла за другого. И что же? это ожерелье стоило мнѣ только полтора доллара, а между тѣмъ, господинъ профессоръ, — не знаю, повѣрите ли вы, — жемчугъ, изъ котораго оно было сдѣлано, не прошелъ бы сквозь сито съ двадцатью отверстіями.

— Мой честный Недъ, — отвѣчалъ я, смѣясь, — это былъ искусственный жемчугъ, простые стеклянные шарики, наполненные эссенціей жемчужной воды.

— Ба! эта эссенція жемчужной воды, — отвѣчалъ канадецъ, — должна дорого стоить.

— Ничего не стоитъ! Это не что иное какъ серебристое вещество чешуи уклейки; его собираютъ въ водѣ и сохраняютъ въ амміакѣ. Оно почти ничего не стоитъ.

— Вотъ, можетъ-быть, почему Кэтъ Тенадеръ и вышла за другого, — глубокомысленно замѣтилъ Недъ Лендъ.

— Но, — сказалъ я, — возвратимся къ дорогому жемчугу. Я не думаю, чтобы какой-нибудь государь владѣлъ жемчужиной, которая была бы лучше жемчужины капитана Немо.

— Этой, — сказалъ Консель, показывая на великолѣпную драгоцѣнную вещь, запертую за стекломъ.

— Конечно, я не ошибаюсь, назначая ей цѣну въ два милліона...

— Франковъ? — поспѣшно сказалъ Консель.

— Да, — сказалъ я, — два милліона франковъ, и, безъ сомнѣнія, капитану стоило только нагнуться, чтобы поднять ее.

— Ахъ, — вскричалъ Недъ Лендъ, — кто знаетъ, можетъ-быть завтра, во время нашей прогулки, мы найдемъ такую же!

— Ба! — произнесъ Консель.

— А почему же нѣтъ?

— Къ чему намъ милліоны на бортѣ „Наутилуса“?

— На бортѣ, конечно, — замѣтилъ Недъ Лендъ, — но... въ другомъ мѣстѣ.

— О! въ другомъ мѣстѣ, — прибавилъ Консель, качая головой.

— Въ самомъ дѣлѣ, — сказалъ я, — Недъ Лендъ правъ. И если мы когда-нибудь привеземъ въ Европу или Америку жемчужину, стоящую нѣсколько милліоновъ, то это по крайней мѣрѣ придастъ большую достовѣрность и въ то же время большую цѣну разсказу о нашихъ приключеніяхъ.

— Я думаю, — подтвердилъ канадецъ.

— Но, — сказалъ Консель, возвращавшійся всегда къ поучительной сторонѣ вопроса, — развѣ ловля жемчуга опасна?

— Нѣтъ, — отвѣчалъ я съ живостью, — особенно если приняты нѣкоторыя мѣры предосторожности.

— Чѣмъ же рискуютъ въ этомъ промыслѣ? — подтвердилъ Недъ Лендъ. — Проглотить нѣсколько глотковъ морской воды?

— Именно такъ, Недъ. Кстати, — перебилъ я, стараясь принять развязный тонъ капитана Немо, — боитесь ли вы акулъ, храбрый Недъ?

— Я, — отвѣчалъ канадецъ, — китоловъ по ремеслу! мой промыселъ — насмѣхаться надъ ними!

— Тутъ дѣло идетъ, — сказалъ я, — не объ охотѣ за ними съ рыболовнымъ крюкомъ, когда вы втаскиваете ихъ на палубу корабля, отрубаете имъ хвостъ ударомъ топора, вскрываете брюхо, вырываете сердце, которое послѣ бросаете въ море.

— Стало-быть, дѣло идетъ о...

— Да, именно такъ.

— Въ водѣ?

— Въ водѣ.

— Отлично, съ хорошимъ багромъ! Вы знаете, господинъ профессоръ, эти животныя довольно неуклюжія. Они должны перевернуться на брюхо для того, чтобы цапнуть, а въ это время...

Недъ Лендъ какъ-то особенно произносилъ слово „цапнуть", при чемъ морозъ пробѣгалъ по спинѣ слушателя.

— Ну, а ты что же, Консель, что думаешь объ этихъ акулахъ?

— Я, — сказалъ Консель, — я буду откровененъ съ господиномъ профессоромъ.

„Въ добрый часъ", подумалъ я.

— Если господинъ профессоръ рѣшается итти на акулъ, — сказалъ Консель, — то я не знаю, почему его вѣрному слугѣ не пойти вмѣстѣ съ нимъ!

ГЛАВА III.

Жемчужина въ десять милліоновъ.

Наступила ночь. Я легъ, но спалъ дурно. Въ сновидѣніяхъ моихъ главную роль играли акулы. На другой день, въ четыре часа утра, меня разбудилъ слуга, котораго капитанъ Немо назначилъ спеціально ко мнѣ въ услуженіе. Я быстро всталъ, одѣлся и вышелъ въ залу.

Капитанъ Немо дожидался меня тамъ.

— Господинъ Аронаксъ, — спросилъ онъ меня, — готовы ли вы?

— Я готовъ.

— Потрудитесь слѣдовать за мной.

— А мои товарищи, капитанъ?

— Они знаютъ и дожидаются насъ.

— Надѣнемъ ли мы наши скафандры? — спросилъ я.

— Нѣтъ еще. Я не хочу, чтобы „Наутилусъ" подходилъ очень близко къ этому берегу, а мы еще довольно далеко отъ Манаарской отмели; но я велѣлъ приготовить шлюпку, которая доставитъ насъ прямо на мѣсто и избавитъ отъ довольно продолжительнаго путешествія. Наши водолазные аппараты уже въ шлюпкѣ, и мы надѣнемъ ихъ, когда начнется наше подводное изслѣдованіе.

Капитанъ Немо привелъ меня къ центральной лѣстницѣ, ступеньки которой примыкали къ платформѣ. Недъ и Консель находились тамъ, восхищаясь предстоящей веселою прогулкой. Пять матросовъ „Наутилуса", съ веслами наготовѣ, дожидались насъ въ лодкѣ, стоявшей у борта.

Ночь была темная. Между густыми облаками, покрывавшими небо, только изрѣдка виднѣлись звѣзды. Я сталъ смотрѣть въ ту сторону, гдѣ была земля, но тамъ выступала только неясная линія, закрывавшая три четверти горизонта отъ юго-запада до сѣверо-запада. „Наутилусъ", обогнувшій ночью западный берегъ Цейлона, находился къ западу отъ бухты или, скорѣе, залива, образованнаго этою землей и островомъ Манааромъ. Тамъ, подъ темными водами, разстилалась мель жемчужныхъ раковинъ, неистощимое жемчужное поле, болѣе чѣмъ въ двадцать миль длиной.

Капитанъ Немо, Консель, Недъ Лендъ и я сѣли на кормѣ лодки. Начальникъ гребцовъ помѣстился у румпеля; четыре его товарища налегли на свои весла, стопоръ отдали, и мы отчалили.

Лодка направилась къ югу. Гребцы не торопились. Я замѣтилъ, что удары веселъ, которыми они съ силой разсѣкали волны, слѣдовали одинъ за другимъ только черезъ десять секундъ, какъ это вообще принято на военныхъ судахъ. Въ то время какъ лодка шла своимъ ходомъ, водяныя брызги съ трескомъ ударялись о черныя волны, будто пѣна расплавленнаго свинца; легкая зыбь съ открытаго моря слегка покачивала лодку, а впереди изрѣдка вздымались гребни волнъ.

Мы молчали. О чемъ думалъ капитанъ Немо? Можетъ-быть, о землѣ, къ которой онъ приближался и которая казалась ему слишкомъ близкою, въ противоположность мнѣнію канадца, считавшаго ее еще черезчуръ отдаленною. Что же касается Конселя, онъ былъ тутъ просто въ качествѣ любопытнаго.

Около пяти съ половиной часовъ, при первомъ свѣтѣ, показавшемся на горизонтѣ, верхняя линія берега обозначилась отчетливо. Довольно плоская на востокѣ, она нѣсколько поднималась къ югу. Мы находились отъ берега на разстояніи пяти миль, и онъ еще сливался съ темною водой. Между нимъ и нами море было пустынно; ни одной лодки, ни одного водолаза. Глубокое молчаніе господствовало на аренѣ искателей жемчуга. Какъ уже замѣтилъ капитанъ Немо, мы пріѣхали мѣсяцемъ ранѣе въ эти мѣста.

Въ шесть часовъ внезапно наступилъ день, съ быстротой, свойственною тропическимъ странамъ, гдѣ не бываетъ ни утренней зари ни сумерекъ. Солнечные лучи проникли сквозь завѣсу облаковъ, скопившихся на восточномъ горизонтѣ, и лучезарное свѣтило быстро поднялось.

Я видѣлъ отчетливо землю съ нѣсколькими тамъ и сямъ разсѣянными деревьями.

Лодка приближалась къ острову Манаару, который скрутлялся на море. По знаку капитана бросили якорь, но цѣпь едва закинулась; до дна было не больше одного метра, такъ какъ здѣсь находилось одно изъ самыхъ высокихъ мѣстъ отмели жемчужныхъ раковинъ. Лодка тотчасъ же обошла вокругъ якоря, погоняемая морскимъ отливомъ, стремившимся въ открытое море.

— Вотъ мы и пріѣхали, господинъ Аронаксъ, — сказалъ тогда капитанъ Немо. — Вы видите эту узкую бухту? Здѣсь черезъ мѣсяцъ соберется множество лодокъ добывателей жемчуга, и въ этихъ самыхъ водахъ водолазы смѣло будутъ разыскивать его. Эта бухта хорошо устроена для такого рода ловли. Она укрыта отъ самыхъ сильныхъ вѣтровъ, и море здѣсь никогда не бываетъ очень бурно,—обстоятельство весьма благопріятное для работы водолазовъ. Теперь мы надѣнемъ скафандры и начнемъ нашу прогулку.

Я ничего не отвѣчалъ и, вглядываясь въ эти подозрительныя волны, началъ съ помощью матросовъ надѣвать свою тяжелую морскую одежду. Капитанъ Немо и мои два товарища одѣвались тоже. Никто изъ людей „Наутилуса“ не долженъ былъ сопровождать насъ въ этой новой экскурсіи.

Вскорѣ мы были заключены по самую шею въ каучуковыя одежды, и воздушные аппараты были укрѣплены на нашихъ спинахъ посредствомъ ремней. Но объ аппаратахъ Румкорфа никто не упоминалъ. Собираясь надѣть на голову мѣдный колпакъ, я напомнилъ о нихъ капитану.

11*

— Эти аппараты намъ не нужны, — отвѣчалъ мнѣ капитанъ. — Мы не пойдемъ на большія глубины, и солнечныхъ лучей будетъ достаточно для освѣщенія нашего пути. Вдобавокъ, неблагоразумно было бы брать съ собой электрическій фонарь въ этихъ водахъ. Свѣтъ его можетъ неожиданно привлечь какого-нибудь опаснаго обитателя здѣшнихъ мѣстъ.

Когда капитанъ Немо говорилъ это, я обернулся къ Конселю и Неду Ленду; но два друга уже заключили свои головы въ металлическіе колпаки и не могли ни слышать ни отвѣчать.

Мнѣ оставалось предложить капитану Немо послѣдній вопросъ.

— А наши ружья? — спросилъ я его.

— Ружья! на что? Ваши горцы нападаютъ же на медвѣдей съ кинжаломъ въ рукахъ, и развѣ сталь не надежнѣе свинца? Вотъ прочный клинокъ, заткните его за поясъ и пойдемте.

Я посмотрѣлъ на своихъ товарищей. Они были такъ же вооружены, какъ и мы, а Недъ Лендъ вдобавокъ размахивалъ огромной острогой, которую онъ положилъ предъ отъѣздомъ въ лодку.

Потомъ, слѣдуя примѣру капитана, я надѣлъ тяжелый мѣдный шаръ, и наши воздушные резервуары были немедленно приведены въ дѣйствіе.

Минуту спустя, матросы высадили насъ одного за другимъ, и мы, на глубинѣ полутора метра, ступили на гладкій песокъ. Капитанъ Немо сдѣлалъ знакъ рукой, мы послѣдовали за нимъ по небольшой отлогости и скрылись подъ волнами.

Тамъ тревожившія меня мысли покинули меня. Я сталъ удивительно покоенъ. Легкость движеній усиливала мою увѣренность, а странное зрѣлище плѣнило мое воображеніе.

Солнце освѣщало подводные слои довольно ярко: можно было разглядѣть самые мельчайшіе предметы. Десять минутъ спустя мы уже находились на глубинѣ пяти метровъ, и почва становилась почти ровною.

Изъ-подъ нашихъ ногъ, будто стадо бекасовъ на болотѣ, поднимались стаи интересныхъ рыбъ. Я увидалъ виперу яванскую, настоящую змѣю въ восемь дециметровъ длины, съ синеватымъ животомъ, которую легко можно было бы смѣшать съ морскимъ угремъ, если бъ у нея не было золотистыхъ полосокъ на бокахъ; изъ группы *строматеидъ,* тѣло которыхъ сплюснуто и овально, я замѣтилъ яркихъ цвѣтовъ *папуросовъ* съ расположенными въ видѣ серпа спинными плавательными перьями. Рыбы эти съѣдобныя, ихъ сушатъ, маринуютъ, и онѣ составляютъ вкусную закуску подъ названіемъ *karawade.* Затѣмъ я наблюдалъ *транквебаровъ,* принадлежащихъ къ роду *апсифороидъ,* тѣло которыхъ покрыто чешуйчатыми латами изъ восьми продольныхъ полосъ.

Между тѣмъ постепенно поднимавшееся солнце все ярче и ярче освѣщало массу водъ. Почва понемногу измѣнялась. За чистымъ пескомъ слѣдовало настоящее шоссе изъ округленныхъ обломковъ скалъ, покрытыхъ ковромъ изъ моллюсковъ и зоофитовъ. Среди экземпляровъ этихъ двухъ отдѣловъ я замѣтилъ *плацснъ,* съ тонкими неровными створками, изъ группы устричныхъ раковинъ, весьма обыкновенныхъ въ Индійскомъ и Красномъ моряхъ; оранжевыхъ *моцинъ* съ круго-

образною раковиной; *шиловокъ, murex persica,* доставлявшихъ „Наутилусу“ замѣчательную краску; *murex cornigtus,* въ одиннадцать сантиметровъ длиной, поднимавшихся подъ водою точно руки, готовыя что-то схватить; *turbinella cornigera,* усаженныхъ шипами; *lingula hyanis, anatina,* раковинъ, которыми снабжаются рынки Индостана; *regalia panorura, oculina flabelliformis,* этихъ красивыхъ вѣеровъ, представляющихъ одно изъ самыхъ интересныхъ воспроизведеній деревьевъ въ Красномъ морѣ и Индійскомъ океанѣ.

Между живыми растеніями и подъ тѣнью водорослей сновали взадъ и впередъ цѣлые легіоны неуклюжихъ суставчатыхъ, въ особенности *ranina dentata,* оболочка которыхъ похожа на слегка закругленный треугольникъ, *bugrus* и отвратительныхъ па видъ *parthenope horrida.* Мнѣ пришлось также встрѣчать нѣсколько разъ другое отвратительное животное. Это былъ огромный *краббъ,* изслѣдованный Дарвиномъ. Природа одарила его инстинктомъ и необходимою силой, чтобы питаться кокосовыми орѣхами; онъ взлѣзаетъ на прибрежныя деревья, отрываетъ и роняетъ орѣхъ, который раскалывается при паденіи, и открываетъ его своими мощными клешнями. Здѣсь, въ этихъ прозрачныхъ волнахъ, краббъ этотъ бѣгалъ съ удивительнымъ проворствомъ, между тѣмъ какъ настоящія морскія черепахи, изъ породы, часто посѣщающей берега Малабара, медленно передвигались между скалами.

Наконецъ, около семи часовъ, мы достигли отмели жемчужницъ, на которой эти раковины воспроизводятся милліонами.

Эти драгоцѣнные моллюски прирастаютъ къ скаламъ и очень крѣпко соединены съ ними посредствомъ биссуса темнаго цвѣта, что и препятствуетъ имъ перемѣщаться: въ этомъ отношеніи они ниже настоящихъ ракушекъ, которымъ природа не совершенно отказала въ способности передвиженія.

Взрослая жемчужница, створки которой почти равны между собой, имѣетъ форму округленную, съ толстыми стѣнками, очень шероховатыми снаружи. Нѣкоторыя изъ этихъ раковинъ были покрыты наслоеніями и изборождены зеленоватыми полосами, блестѣвшими на ихъ верхушкѣ. Онѣ принадлежали молодымъ устрицамъ.

Другія же, жесткія и черныя снаружи, имѣвшія по десяти лѣтъ и болѣе, доходили до пятнадцати сантиметровъ ширины.

Капитанъ Немо показалъ мнѣ рукой на это удивительное скопленіе раковинъ, и я понялъ, что этотъ рудникъ дѣйствительно неисчерпаемъ, потому что творческая сила природы все-таки превышаетъ разрушительные инстинкты человѣка. Недъ Лендъ, вѣрный этой наклонности къ разрушенію, торопился наполнить самыми лучшими моллюсками сѣтку, привязанную у него съ боку.

Но мы не могли останавливаться. Надо было слѣдовать за капитаномъ, который, повидимому, шелъ по тропинкамъ, только ему одному извѣстнымъ. Почва замѣтно повышалась, и иногда, поднимая руку, я доставалъ ею выше уровня моря. Потомъ уровень мели прихотливо понижался. Часто мы обходили высокія скалы, заостренныя въ видѣ маленькихъ пирамидъ. Въ ихъ мрачныхъ извилинахъ большіе морскіе раки прицѣпливались на своихъ высокихъ ногахъ какъ военныя орудія, устремляя на насъ свои неподвижные глаза, а подъ нашими ногами

ползали миріяны, глицеры, арикіи и другіе аннелиды, вытягивавшіе свои усики и щупальцы.

Въ эту минуту мы подошли къ огромной пещерѣ, вырытой въ живописномъ мѣстѣ между утесами, украшенными, какъ пестрыми обоями, всевозможными разнообразными экземплярами подводной флоры. Сначала эта пещера показалась мнѣ совершенно темною. Солнечные лучи въ ней какъ будто постепенно потухали. Ея неопредѣленная прозрачность была не что иное какъ поглощенный свѣтъ.

Капитанъ Немо вошелъ туда, и мы за нимъ. Мои глаза скоро привыкли къ этой относительной темнотѣ. Я различалъ причудливые изгибы свода, который поддерживался естественными столбами, крѣпко стоявшими на гранитномъ основаніи, какъ тяжелыя колонны тосканской архитектуры. Къ чему нашъ непостижимый путеводитель привелъ насъ въ глубину этой подводной пещеры? Я скоро понялъ это.

Спустившись по довольно крутому скату, мы очутились на днѣ впадины, похожей на круглый колодецъ. Тутъ капитанъ Немо остановился и указалъ намъ рукой на предметъ, котораго я еще не замѣтилъ.

Мы увидѣли раковину необыкновенной величины, тридакну исполинскую. Превращенная въ кропильницу, она вмѣстила бы цѣлую бочку святой воды: это былъ бассейнъ, имѣвшій болѣе двухъ метровъ въ ширину и, слѣдовательно, превышавшій своими размѣрами бассейнъ, украшавшій залу „Наутилуса“.

Я приблизился къ этому чудесному моллюску. Своимъ биссусомъ онъ прикрѣплялся къ гранитному столбу и здѣсь, въ спокойныхъ водахъ пещеры, развивался одиноко. Я предположилъ, что эта тридакна вѣситъ триста килограммовъ.

Капитанъ Немо, очевидно, зналъ о существованіи этой двустворчатой раковины. Уже не въ первый разъ приходилъ онъ сюда, и я думалъ, что, приведя насъ въ это мѣсто, онъ хотѣлъ только показать намъ рѣдкое явленіе природы. Я ошибался. Капитанъ Немо имѣлъ особенную причину интересоваться настоящимъ положеніемъ этой тридакны.

Обѣ створки моллюска были полуоткрыты. Капитанъ приблизился и вложилъ свой кинжалъ между створокъ, чтобы помѣшать имъ закрыться; потомъ приподнялъ рукою изсѣченную по краямъ въ видѣ бахромы перепончатую оболочку, составлявшую мантію животнаго.

Тамъ, между листовидными складками, я увидѣлъ жемчужину величиной съ кокосовый орѣхъ. Ея шаровидная форма, необыкновенная чистота и изумительная вода дѣлали изъ нея драгоцѣнность, которой нѣтъ цѣны. Увлеченный любопытствомъ, я протянулъ руку, чтобы схватить ее, взвѣсить и ощупать. Но капитанъ отрицательнымъ знакомъ остановилъ меня, быстрымъ движеніемъ вынулъ свой кинжалъ, и обѣ створки вдругъ закрылись.

Я понялъ тогда намѣреніе капитана Немо. Оставляя жемчужину скрытою подъ плащомъ тридакны, онъ давалъ ей возможность увеличиваться мало-по-малу. Съ каждымъ годомъ выдѣленіе моллюска прибавляло къ ней новые концентрическіе слои. Одинъ только капитанъ Немо зналъ пещеру, гдѣ созрѣвалъ удивительный плодъ природы; одинъ онъ, такъ сказать, воспитывалъ его, чтобы со временемъ перенести въ свой драгоцѣнный музей. Во всякомъ случаѣ, сравнивая эту

жемчужину съ видѣнными мной прежде, съ тѣми, которыя блестѣли въ коллекціи капитана, я оцѣнилъ ее по крайней мѣрѣ въ десять милліоновъ франковъ. Великолѣпная рѣдкость природы, но не предметъ роскоши, потому что я не знаю, какое женское ухо могло бы выдержать ее.

Осмотрѣвши тридакну, капитанъ Немо оставилъ пещеру, и мы вышли на мель изъ раковинъ посреди чистыхъ водъ, еще не взволнованныхъ работами водолазовъ.

Мы шли порознь, настоящими фланерами: каждый останавливался или удалялся по своему произволу. Что касается до меня, то я уже болѣе не страшился опасностей, такъ глупо преувеличенныхъ моимъ воображеніемъ. Подводная гора замѣтно приближалась къ поверхности моря, и вскорѣ моя голова, при одномъ метрѣ глубины, стала выше уровня моря. Консель догналъ меня и, прижавшись своимъ большимъ колпакомъ къ моему, сдѣлалъ мнѣ глазами дружеское привѣтствіе. Но эта плоская возвышенность имѣла не болѣе нѣсколькихъ саженъ, и мы скоро опять вступили въ свою стихію. Я думаю, что теперь имѣю право называть ее такимъ образомъ.

Десять минутъ спустя, капитанъ Немо вдругъ остановился. Я думалъ, что онъ намѣревался повернуть назадъ. Нѣтъ. Движеніемъ руки онъ приказалъ мнѣ спрятаться за него, въ глубинѣ широкой извилины. Онъ показалъ мнѣ на одно мѣсто въ водѣ, и я сталъ внимательно смотрѣть туда.

Въ пяти метрахъ отъ меня показалась тѣнь и спустилась до дна. Тревожная мысль объ акулахъ пробѣжала въ моемъ умѣ; но я ошибся: въ этотъ разъ мы имѣли дѣло не съ чудовищемъ океана.

Это былъ человѣкъ, живой человѣкъ, индіецъ, водолазъ, бѣдный малый, пришедшій, безъ сомнѣнія, собирать колосья раньше жатвы. Я видѣлъ дно его лодки, стоявшей на якорѣ, въ нѣсколькихъ футахъ надъ его головой. Онъ постоянно погружался и подымался. Камень, вытесанный какъ голова сахара и привязанный веревкой къ его ногамъ, помогалъ ему быстрѣе опускаться на дно моря. Въ этомъ заключались всѣ его инструменты. Достигнувъ почвы на глубинѣ пяти метровъ, онъ бросался на колѣни и наполнялъ свой мѣшокъ раковинами, поднятыми наудачу. Потомъ онъ поднимался, опоражнивалъ свой мѣшокъ, опять бралъ камень и снова начиналъ свою работу, продолжавшуюся каждый разъ только тридцать секундъ.

Этотъ водолазъ не видѣлъ насъ. Тѣнь отъ скалы скрывала насъ отъ его глазъ. Да и какъ могъ этотъ бѣдный индіецъ предположить, чтобы люди, существа подобныя ему, находились подъ водой, слѣдили за его движеніями, не пропускали ни одного эпизода изъ его ловли?

Много разъ онъ такимъ образомъ поднимался и снова погружался, вытаскивая въ каждый пріемъ не болѣе десятка раковинъ, потому что ихъ надо было отрывать отъ мели, къ которой онѣ прикрѣплялись своими плотными мускулами. А сколько изъ нихъ были лишены жемчуга, изъ-за котораго онъ рисковалъ своею жизнью!

Съ глубокимъ вниманіемъ слѣдилъ я за нимъ. Пріемы его были правильны, и въ продолженіе получаса ему не угрожала никакая опасность. Я вполнѣ изучилъ способъ этой интересной ловли, какъ вдругъ

замѣтилъ, что, опускаясь на колѣни, индіецъ неожиданно сдѣлалъ движеніе ужаса, выпрямился и устремился къ поверхности волнъ.

Я понялъ его ужасъ. Исполинская тѣнь показалась надъ несчастнымъ водолазомъ. Это была огромной величины акула, приближавшаяся діагонально, съ горѣвшими глазами и съ открытою пастью.

Я онѣмѣлъ отъ ужаса и не могъ сдѣлать ни малѣйшаго движенія.

Сильнымъ ударомъ плавниковъ прожорливое животное устремилось на индійца, который бросился въ сторону и избѣгъ зубовъ акулы, но не успѣлъ уклониться отъ удара ея хвоста; ударъ этотъ попалъ ему въ грудь и сшибъ его съ ногъ.

Сцена эта продолжалась только нѣсколько секундъ. Акула возвратилась и, повернувшись на спину, готовилась раздробить его надвое, какъ вдругъ я почувствовалъ, что капитанъ Немо, находившійся возлѣ меня, поспѣшно всталъ. Съ кинжаломъ въ рукѣ онъ пошелъ прямо на чудовище, готовый сразиться съ нимъ одинъ на одинъ.

Въ ту минуту, когда акула готовилась схватить несчастнаго водолаза, она увидала новаго противника и, повернувшись на брюхо, быстро направилась къ нему.

Я какъ теперь вижу позу капитана Немо. Собравшись съ силами, онъ съ удивительнымъ хладнокровіемъ дожидался страшной акулы, и когда она устремилась на него, капитанъ, бросившись въ сторону съ изумительною скоростью, избѣжалъ удара и вонзилъ свой кинжалъ ей въ животъ. Но не все еще было кончено: завязалась ужасная борьба.

Акула точно испустила ревъ. Кровь ручьями текла изъ ея раны. Море окрасилось въ красный цвѣтъ, и сквозь эту непрозрачную жидкость я не могъ ничего болѣе разсмотрѣть, — ничего, до той минуты, когда кругомъ нѣсколько расчистилось, и я увидѣлъ отважнаго капитана, который схватилъ руками одинъ изъ плавниковъ животнаго и боролся съ чудовищемъ одинъ на одинъ, нанося кинжаломъ удары въ животъ своего врага, но все-таки не успѣвая нанести ему окончательный ударъ, то-есть поразить его въ самое сердце. Разъяренная акула отбивалась, страшно волнуя массу воды, волны которыхъ грозили меня опрокинуть.

Я хотѣлъ бѣжать на помощь капитану, но, прикованный страхомъ, не могъ сдвинуться съ мѣста.

Я смотрѣлъ на нихъ, обезумѣвъ отъ ужаса. Я видѣлъ, какъ ходъ борьбы видоизмѣнялся. Капитанъ упалъ на землю, опрокинутый огромною массой, тяготѣвшей на немъ. Потомъ челюсти акулы открылись широко, какъ огромные рѣзцы, и все было бы кончено для капитана, если бы Недъ Лендъ, быстрый какъ мысль, не бросился съ острогой въ рукахъ на акулу и не поразилъ ея своимъ страшнымъ оружіемъ.

Вода обагрилась массой крови и взволновалась отъ движеній акулы, которая билась съ неописаннымъ бѣшенствомъ. Недъ Лендъ достигъ своей цѣли: это было предсмертное хрипѣніе чудовища. Пораженное въ сердце, оно билось въ ужасныхъ судорогахъ, при чемъ волненіе моря кругомъ насъ было такъ сильно, что опрокинуло Конселя.

Между тѣмъ Недъ Лендъ освободилъ капитана. Тотъ всталъ не раненый, прямо подошелъ къ индійцу, быстро перерѣзалъ веревку, соединявшую его съ камнемъ, взялъ его на руки и сильнымъ ударомъ ноги поднялся на поверхность моря.

Мы всѣ трое слѣдовали за нимъ и черезъ нѣсколько минутъ, избавившись чудомъ отъ опасности, достигли до лодки водолаза.

Прежде всего капитанъ Немо позаботился возвратить несчастнаго къ жизни.

«...капитанъ бросился на акулу...» (Стр. 168).

Я не зналъ, достигнетъ ли онъ этого; однако надѣялся, потому что бѣдный малый не долго находился подъ водой. Но могло быть, что ударомъ хвоста акула убила его до смерти.

Къ счастью, благодаря сильному тренію Конселя и капитана, къ утопленнику мало-по-малу начала возвращаться жизнь. Онъ открылъ глаза. Каково должно было быть его удивленіе и даже ужасъ, при видѣ наклонившихся надъ нимъ четырехъ большихъ мѣдныхъ головъ!

Но что онъ долженъ былъ думать, когда капитанъ Немо, вынувъ изъ кармана своего платья мѣшечекъ съ жемчугомъ, положилъ ему его въ руки? Эта великолѣпная милостыня жителя водъ бѣдному индійцу Цейлона была принята послѣднимъ дрожащими руками. Его испуганный взглядъ доказывалъ, что онъ не понималъ, какимъ сверхъестественнымъ существамъ обязанъ онъ въ одно время и богатствомъ и жизнію.

По знаку капитана мы возвратились на роковую мель и, слѣдуя по пройденной уже дорогѣ, послѣ получасовой ходьбы достигли якоря, на которомъ стояла лодка „Наутилуса". Помѣстившись въ лодку, мы принялись, съ помощію матросовъ, освобождаться отъ своихъ тяжелыхъ череповъ.

Прежде всего капитанъ Немо обратился къ канадцу.

— Благодарю васъ, мистеръ Ледъ, — сказалъ онъ.

— Я отплатилъ вамъ, капитанъ, — сказалъ Недъ Лендъ. — Я у васъ былъ въ долгу.

Легкая улыбка скользнула по губамъ капитана, — этимъ все и кончилось.

— Къ „Наутилусу"! — сказалъ онъ.

Шлюпка быстро понеслась по волнамъ. Черезъ нѣсколько минутъ мы встрѣтили плавающій трупъ акулы.

По черному цвѣту оконечностей ея плавниковъ я узналъ страшную акулу Индійскаго моря. Длина ея превышала двадцать-пять футовъ; огромная пасть занимала одну треть ея тѣла. Это была взрослая акула, судя по шести рядамъ ея зубовъ, расположенныхъ по верхней челюсти и имѣвшихъ форму равнобедренныхъ треугольниковъ.

Въ то время какъ я разсматривалъ эту безжизненную массу, около нашего судна появилась цѣлая дюжина этихъ прожорливыхъ рыбъ, но онѣ не обращали на насъ вниманія и бросились на трупъ, оспаривая другъ у друга куски его.

Въ половинѣ девятаго мы возвратились на бортъ.

Тамъ я сталъ размышлять о приключеніяхъ, которыми сопровождалась наша экскурсія на Манаарскую мель. Изъ нихъ неизбѣжно вытекали два заключенія: одно относилось къ несравненной отвагѣ капитана Немо, другое — къ его самопожертвованію ради человѣческаго существа, одного изъ представителей породы, отъ которой онъ бѣжалъ въ морскія глубины. Что бы ни говорилъ этотъ странный человѣкъ, но онъ не успѣлъ убить въ себѣ состраданіе.

ГЛАВА IV.

Красное море.

29-го января островъ Цейлонъ скрылся за горизонтъ, и „Наутилусъ" вступилъ въ лабиринтъ каналовъ, отдѣляющихъ Мальдивскіе острова отъ Лакедивскихъ. Онъ обогнулъ коралловый островъ Киттанъ, открытый Васко-де-Гамою въ 1499 году.

Итакъ мы уже прошли шестнадцать тысячъ двѣсти-двадцать миль, или семь тысячъ пятьсотъ лье, отъ мѣста нашего отъѣзда въ японскихъ моряхъ.

На другой день, 30-го января, когда „Наутилусъ“ поднялся на поверхность океана, то въ виду не было никакой земли. Онъ шелъ къ сѣверо-западу и направился къ Оманскому морю, которое находится между Аравіей и Индійскимъ полуостровомъ и служитъ входомъ въ Персидскій заливъ.

Очевидно, предъ нами разстилалось море, не представлявшее никакого выхода. Куда же велъ насъ капитанъ Немо? Я не могъ этого сказать. Такой отвѣтъ не удовлетворилъ канадца, который именно въ этотъ день спрашивалъ меня, куда мы идемъ.

— Мы идемъ, другъ Недъ, куда ведетъ насъ фантазія капитана.

— Эта фантазія не поведетъ насъ далеко, — отвѣчалъ канадецъ. — Персидскій заливъ не имѣетъ выхода, и если мы войдемъ въ него, то должны будемъ возвратиться назадъ.

— Ну, что же, мы возвратимся, мистеръ Лендъ, если послѣ Персидскаго залива „Наутилусу“ вздумается побывать въ Красномъ морѣ: Бабельмандебскій проливъ попрежнему на своемъ мѣстѣ и откроетъ ему свободный доступъ.

— Я не стану объяснять вамъ, господинъ профессоръ, — отвѣчалъ Недъ Лендъ, — что Красное море такъ же закрыто *), какъ и заливъ, потому что Суэзскій перешеекъ еще не прорытъ.

— Но я и не говорилъ, что мы возвратимся въ Европу.

— Что же вы предполагаете?

— Я предполагаю, что, посѣтивъ любопытныя моря Аравіи и Египта, „Наутилусъ“ опять вступитъ въ Индійскій океанъ, можетъ-быть, Мозамбикскимъ проливомъ, а можетъ-быть пройдетъ мимо Маскаренскихъ островоъ, чтобы достигнуть мыса Доброй Надежды.

— А разъ достигнувъ мыса Доброй Надежды? — съ особенною настойчивостью спросилъ канадецъ.

— Ну, что же, мы проникнемъ въ Атлантическій океанъ, котораго еще не знаемъ. Ну, другъ Недъ! развѣ вамъ начкучило это подводное путешествіе? Развѣ вы уже приглядѣлись къ этому постоянно-разнообразному зрѣлищу подводныхъ чудесъ? Что до меня касается, то мнѣ будетъ чрезвычайно досадно, если прекратится это путешествіе, которое выпадаетъ на долю небольшого числа людей.

— Но знаете ли вы, господинъ Аронаксъ, — отвѣчалъ канадецъ, — что вотъ уже скоро три мѣсяца, какъ мы живемъ плѣнниками на бортѣ „Наутилуса“?

— Нѣтъ, Недъ, я этого не знаю, не хочу знать, я и не считаю ни дней ни часовъ.

— Но какой же конецъ всего этого?

— Конецъ придетъ въ свое время. Сверхъ того, мы въ этомъ случаѣ ничего не можемъ сдѣлать и напрасно толкуемъ. Если бы вы, мой честный Недъ, пришли и сказали мнѣ: „Намъ представляется случай къ побѣгу“, тогда я сталъ бы обсуждать его вмѣстѣ съ вами. Но та-

*) Въ то время, которое обнимаетъ разсказъ, Суэзскій каналъ не былъ еще прорытъ.

кого случая не представляется, и, говоря откровенно, я не думаю, чтобы капитанъ Немо отважился когда-либо итти въ европейскія моря.

Изъ этого краткаго разговора можно видѣть, что я благоговѣлъ предъ „Наутилусомъ“ и отдался душой и тѣломъ на волю его командира.

Что касается Неда Ленда, то онъ закончилъ разговоръ слѣдующими словами, прибавленными въ видѣ монолога:

— Все это прекрасно и хорошо; но, по моему мнѣнію, гдѣ есть стѣсненіе, тамъ нѣтъ болѣе удовольствія.

Въ продолженіе четырехъ дней, до 3-го февраля, „Наутилусъ“ продолжалъ свой путь въ Оманскомъ морѣ съ различною скоростью и въ разныхъ глубинахъ. Казалось, онъ шелъ наудачу, какъ будто колебался, не рѣшаясь выбрать настоящей дороги, но ни разу не пересѣкъ тропика Рака.

Когда мы выходили изъ этого моря, предъ нами на одну минуту открылся Маскатъ, главный городъ Оманской земли. Я любовался страннымъ видомъ города, расположеннаго посреди черныхъ скалъ, отъ которыхъ еще рѣзче отдѣлялись его бѣлые дома и укрѣпленія. Я увидѣлъ округленные куполы его мечетей, изящные остроконечные минареты, его свѣжія и зеленѣющія террасы. Но это было только мимолетное видѣніе, и скоро „Наутилусъ“ погрузился въ волны этого печальнаго моря.

Потомъ онъ прошелъ на разстояніи шести миль отъ аравійскихъ береговъ Махра и Гадрамаута и волнистаго ряда горъ, украшенныхъ нѣсколькими древними развалинами. Наконецъ, 5-го февраля, мы вошли въ заливъ Аденъ, настоящую воронку, вставленную въ горло Бабельмандебскаго пролива, чрезъ который воды Индійскаго океана вливаются въ Чермное море.

6-го февраля „Наутилусъ“ шелъ въ виду Адена, расположеннаго на мысѣ, который соединяется съ материкомъ узкимъ перешейкомъ. Это родъ неприступнаго Гибралтара, вновь укрѣпленный англичанами, овладѣвшими имъ въ 1839 году. Я мелькомъ видѣлъ осьмиугольные минареты этого города, который, по сказанію историка Едризи, былъ прежде самымъ богатымъ торговымъ и складочнымъ пунктомъ этого берега.

Я думалъ, что, достигнувъ этого мѣста, капитанъ Немо возвратится назадъ; но я ошибался: къ моему величайшему удивленію, онъ не сдѣлалъ этого.

На другой день, 7-го февраля, мы вошли въ Бабельмандебскій проливъ; на арабскомъ языкѣ имя это значитъ: „дверь слезъ“. На двадцать миль ширины онъ имѣетъ только пятьдесятъ-два километра длины, и „Наутилусъ“, пущенный во весь ходъ, миновалъ его въ одинъ часъ; но я ничего не видалъ, даже острова Перима, которымъ британское правительство укрѣпило позицію Адена. Въ этомъ узкомъ проходѣ плавало слишкомъ много кораблей, англійскихъ и французскихъ, направлявшихся отъ Суэца къ Бомбею, Калькуттѣ, Мельбурну, Бурбону и Маврикію, и „Наутилусъ“ не рѣшался показываться. Онъ благоразумно держался въ глубинѣ водъ.

Наконецъ, въ полдень мы плыли въ волнахъ Чермнаго моря.

Чермное море, знаменитое озеро библейскихъ сказаній, не освѣжаемое дождями, не орошаемое ни одною значительною рѣкой, вслѣдствіе

чрезмѣрнаго испаренія ежегодно понижается на полтора метра. Странный заливъ, который, если бы былъ закрытъ и находился въ условіяхъ озера, можетъ-быть, совсѣмъ бы высохъ; онъ стоитъ въ этомъ отношеніи ниже близкихъ къ нему морей — Каспійскаго и Мертваго, уровень которыхъ понижался только до тѣхъ поръ, пока ихъ испареніе съ точностью уравновѣсилось съ суммою вливающихся въ нихъ водъ.

Чермное море имѣетъ двѣ тысячи шестьсотъ километровъ длины при ширинѣ, среднимъ числомъ, двухсотъ сорока километровъ. Во время Птоломеевъ и римскихъ императоровъ оно было великою торговою артеріей міра, и прорытый каналъ возвратилъ ему его древнее значеніе, которое уже отчасти вернула суэзская желѣзная дорога.

Я даже не старался понять каприза капитана Немо, — каприза, побудившаго его увлечь насъ въ этотъ заливъ, — но былъ совершенно доволенъ тѣмъ, что „Наутилусъ" вступилъ въ него. Онъ шелъ среднимъ ходомъ, то держась поверхности, то углубляясь въ море, чтобъ избѣжать какого-нибудь корабля, и такимъ образомъ я могъ наблюдать это любопытное море на поверхности и внутри.

8-го февраля, при самомъ разсвѣтѣ, показалась Мокка — городъ, въ настоящее время разрушенный, стѣны котораго падаютъ при одномъ звукѣ пушечнаго выстрѣла, и надъ которымъ тамъ и сямъ возвышается нѣсколько зеленѣющихъ финиковыхъ пальмъ. Въ прежнее время городъ имѣлъ довольно большое значеніе: тамъ находилось шесть базаровъ, двадцать-шесть мечетей, и стѣны, защищенныя четырнадцатью укрѣпленіями, опоясывали его оградой въ три километра.

Потомъ „Наутилусъ" приблизился къ африканскимъ берегамъ, гдѣ глубина моря гораздо значительнѣе. Тамъ, между двумя теченіями кристальной чистоты, мы могли, открывая ставни, любоваться удивительными кустарниками блестящихъ кораловъ и огромными плоскими скалами, покрытыми великолѣпнымъ зеленымъ ковромъ водорослей. Какое неописанное зрѣлище и разнообразіе мѣстоположеній и пейзажей на гладкихъ подводныхъ рифахъ и вулканическихъ островахъ, которые примыкаютъ къ ливійскому берегу! Эта растительность являлась во всей своей красотѣ у восточныхъ береговъ, къ которымъ „Наутилусъ" вскорѣ приблизился; это было у береговъ Тегамы: тамъ процвѣтало множество зоофитовъ; они не только разстилались ниже уровня моря, но и выдавались живописными сплетеніями поверхъ воды; послѣднія были причудливѣе, но не столь ярки, какъ первые, свѣжесть которыхъ поддерживалась оживляющею влагою водъ.

Чудные часы проводилъ я такимъ образомъ у оконъ залы. Сколько новыхъ экземпляровъ подводной флоры и фауны видѣлъ я при свѣтѣ нашего электрическаго маяка! *Fungia agariciformis*, аспиднаго цвѣта *актиніи*, среди прочихъ *thalassimethus aster*, *tubipora*, расположенные точно флейты и какъ бы ожидающіе только дуновенія бога Пана; свойственныя этому морю раковины, кроющіяся въ расщелинахъ слоевъ, образуемыхъ звѣздчатыми кораллами; основанія этихъ слоевъ извиваются короткою спиралью; наконецъ, тысячи экземпляровъ еще невиданнаго мною до сего времени полипняка — обыкновенной губки.

Классъ губокъ, первый изъ группы полиповъ, получилъ названіе отъ интереснаго продукта. Губка не растеніе, какъ утверждаютъ нѣкоторые натуралисты, а животное самаго послѣдняго порядка, полипнякъ, ко-

торый стоитъ ниже коралла. Что это животное, въ томъ теперь нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія; даже нельзя допустить мнѣніе древнихъ естествоиспытателей, причислявшихъ его къ промежуточнымъ формамъ между растеніями и животными. Однако и современные натуралисты не согласны между собою относительно строенія губокъ. Одни говорятъ, что это полипнякъ, а другіе, напримѣръ, Мильнъ Эдвардсъ, — что это единичный и отдѣльный индивидуумъ.

Классъ губчатыхъ полипняковъ заключаетъ въ себѣ до трехсотъ видовъ, которые встрѣчаются во многихъ моряхъ и даже въ нѣкоторыхъ рѣкахъ, но настоящая ихъ родина воды Средиземнаго моря, Греческаго архипелага, берега Сиріи и Краснаго моря. Тамъ производятся и развиваются самые лучшіе сорта (fines-douces), цѣна которымъ доходитъ иногда до полутораста франковъ, свѣтлыя губки Сиріи, жесткія губки Варварійскихъ владѣній и т. д,

Я позвалъ къ себѣ Конселя, въ то время какъ „Наутилусъ“ на глубинѣ среднимъ числомъ отъ восьми до девяти метровъ медленно плылъ мимо прекрасныхъ скалъ восточнаго берега.

Тутъ росли губки всѣхъ сортовъ: губки стеблевидныя, листовидныя, шаровидныя и лапчатыя. Онѣ дѣйствительно оправдывали названія корзинокъ, чашечекъ, прялокъ, лосьяго рога, львиной ноги, павлинаго хвоста, Нептуновой перчатки, данныя имъ рыболовами, въ которыхъ болѣе поэзіи, чѣмъ въ ученыхъ. Изъ ихъ волокнистой ткани, пропитанной почти жидкимъ студенистымъ веществомъ, постоянно вытекали тонкія струйки воды, которыя, доставивъ жизнь каждой клѣточкѣ, выталкивались оттуда сократительнымъ движеніемъ ткани. Это вещество исчезаетъ послѣ смерти полипа и при гніеніи отдѣляетъ амміакъ. Тогда остаются только одни роговидныя или студенистыя волокна, изъ которыхъ состоитъ домашняя губка, имѣющая рыжеватый оттѣнокъ и употребляемая для разныхъ потребностей, судя по степени ея упругости, проницаемости и прочности при вымочкѣ.

Эти полипы прикрѣплялись къ скаламъ, къ раковинамъ моллюсковъ и даже къ стеблямъ водорослей. Они наполняли самыя маленькія впадины, то растягивались, то поднимались или висѣли какъ коралловые наросты. Я объяснилъ Конселю, что эти губки ловятся двоякимъ образомъ: иногда драгой, иногда руками. Этотъ послѣдній способъ, при которомъ необходимы водолазы, предпочитается, потому что такимъ образомъ ткань полипняка сохраняется неприкосновенною, что придаетъ ему очень высокую цѣну.

Другіе зоофиты, изобиловавшіе рядомъ съ губчатыми полипняками, большею частію состояли изъ медузъ очень изящнаго вида; представителями моллюсковъ были разновидности кальмара, которыя, по д’Орбиньи, свойственны водамъ Чермнаго моря; а изъ пресмыкающихся тутъ находилась caretta virgata, снабжающая нашъ столъ здоровымъ и вкуснымъ блюдомъ.

А что касается рыбъ, то онѣ были многочисленны и замѣчательны. Въ сѣти „Наутилуса“, между прочимъ, попались слѣдующія породы: *скаты*, среди которыхъ находились овальной формы *ліммы* кирпичнаго цвѣта, отличающіяся неровными голубыми пятнами, которыми усѣяно ихъ тѣло, и узнаваемыя, главнымъ образомъ, по двойному зубчатому шипу; *арнаки* съ серебристою спиной; *морскіе коты*, съ шипомъ на

хвостѣ, и *бокаты,* въ видѣ огромныхъ плащей въ два метра длины, волновавшихся въ водѣ; *аодоны,* совершенно лишенные зубовъ, хрящеватыя рыбы, близкія къ акуламъ; *ostracion dromedarius,* горбъ которой оканчивается загнутымъ шипомъ, длиною въ полтора фута; *ophidium,* настоящія мурены съ серебрянымъ хвостнымъ плавникомъ, голубоватаго цвѣта спиной, каштановыми грудными плавниками, окаймленными сѣрымъ кантомъ; *фіатолы* изъ рода строматей, испещренныя узкими золотыми полосами и украшенныя тремя національными французскими цвѣтами; *гарамиты,* въ четыре дециметра длиной; красивые *каранксы,* украшенные семью поперечными полосами чуднаго чернаго цвѣта, съ плавательными перьями голубого и желтаго цвѣтовъ, съ золотою и серебряною чешуей; *centropus mullus auriflamma,* съ желтыми головами, и тысячи другихъ рыбъ, видѣнныхъ уже нами въ пройденныхъ „Наутилусомъ“ моряхъ.

9-го февраля „Наутилусъ“ шелъ въ самой широкой части Чермнаго моря, находящейся между Суакимомъ на западномъ берегу и Конфода на восточномъ и имѣющей въ діаметрѣ сто-девяносто миль.

Въ этотъ день, въ полдень, капитанъ Немо вышелъ на платформу, гдѣ я находился. Я далъ себѣ обѣщаніе не отпускать его, не добившись, по крайней мѣрѣ, намека на его дальнѣйшія намѣренія. Замѣтивъ меня, онъ немедленно подошелъ ко мнѣ, любезно предложилъ сигару и сказалъ:

— Ну что, господинъ профессоръ, нравится ли вамъ Чермное море? Хорошо ли вы разсмотрѣли собранныя въ немъ чудеса, его рыбъ и зоофитовъ, его цвѣтники изъ губокъ и коралловые лѣса? Видѣли ли вы города, раскинутые на его берегахъ?

— Да, капитанъ Немо, — отвѣчалъ я, — и „Наутилусъ“ отлично приспособленъ ко всѣмъ этимъ изслѣдованіямъ. Ахъ! это разумное судно.

— Да, господинъ профессоръ, разумное, отважное и неуязвимое! оно не боится ни ужасныхъ бурь Чермнаго моря, ни теченій его, ни подводныхъ рифовъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, — сказалъ я, — это море считается самымъ опаснымъ и, если не ошибаюсь, въ древности о немъ шла самая скверная молва.

— Скверная, господинъ Аронаксъ. Греческіе и латинскіе историки говорятъ не въ его пользу, а Страбонъ замѣчаетъ, что оно особенно опасно во время постоянныхъ вѣтровъ и въ дождливое время года. Арабъ Едризи, описывающій его подъ именемъ залива Кольцумъ, разсказываетъ, что множество кораблей погибло на его песчаныхъ меляхъ, и что никто не рѣшается плавать по немъ ночью. Онъ утверждаетъ, что это море подвержено страшнымъ ураганамъ, усѣяно негостепріимными островами, и „что оно не представляетъ ничего хорошаго“ ни въ своихъ глубинахъ ни на поверхности. Въ самомъ дѣлѣ, такое мнѣніе мы находимъ у Арріана, Агатархида и Артемидора.

— Изъ этого видно, — возразилъ я, — что эти историки не плавали на бортѣ „Наутилуса“.

— Безъ сомнѣнія, — улыбаясь, отвѣчалъ капитанъ, — и въ этомъ отношеніи наши современники не опередили древнихъ. Нужно было нѣсколько вѣковъ, чтобы найти механическую силу пара! Кто знаетъ,

появится ли даже черезъ сто лѣтъ другой „Наутилусъ“! Прогрессъ идетъ медленно, господинъ Аронаксъ.

— Конечно, — отвѣчалъ я, — вашъ корабль опережаетъ цѣлымъ столѣтіемъ, можетъ-быть, даже нѣсколькими, свою эпоху. Какое несчастье, что подобное открытіе должно умереть вмѣстѣ со своимъ изобрѣтателемъ!

Капитанъ Немо не отвѣчалъ мнѣ. Послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія онъ сказалъ:

— Вы говорили мнѣ о мнѣніи древнихъ историковъ относительно опасности плаванія па Чермномъ морѣ?

— Это правда, — отвѣчалъ я, — но, можетъ-быть, страхъ ихъ былъ преувеличенъ?

— И да и нѣтъ, господинъ Аронаксъ, — отвѣчалъ мнѣ капитанъ Немо, который, какъ мнѣ показалось, въ совершенствѣ зналъ „свое Чермное море“. — То, что не опасно для современнаго намъ корабля, хорошо оснащеннаго и прочно выстроеннаго, свободнаго въ своемъ направленіи, благодаря послушному пару, представляло всевозможныя опасности для кораблей древнихъ. Надо представить себѣ первыхъ мореплавателей, пустившихся въ опасное море на лодкахъ, сдѣланныхъ изъ досокъ и связанныхъ пальмовыми веревками, проконопаченныхъ толченою древесною смолой и смазанныхъ саломъ акулъ. У нихъ не было даже инструментовъ для опредѣленія направленія, и они плыли, исчисляя ходъ посреди едва извѣстныхъ теченій. При такихъ условіяхъ кораблекрушенія были и должны были быть многочисленны; но въ наше время пароходамъ, совершающимъ переѣзды между Суэцомъ и южными морями, нечего бояться этого бурнаго залива, вопреки противнымъ муссонамъ. Ихъ капитаны и пассажиры предъ отъѣздомъ не приносятъ очистительныхъ жертвъ, а по окончаніи путешествія они не ходятъ болѣе въ ближайшіе храмы благодарить боговъ, украшенные гирляндами и золотыми повязками.

— Я съ этимъ согласенъ, — сказалъ я, — и мнѣ кажется, что паръ убилъ благодарность въ сердцахъ моряковъ. Но, капитанъ, такъ какъ вы, мнѣ кажется, спеціально изучили это море, не можете ли вы объяснить мнѣ происхожденіе его имени?

— Существуетъ, господинъ Аронаксъ, по этому предмету множество объясненій. Хотите ли вы знать мнѣніе одного лѣтописца XIV-го вѣка?

— Охотно.

— Онъ утверждаетъ, что имя этому морю дано послѣ перехода черезъ него израильтянъ, когда фараонъ погибъ въ его волнахъ, сомкнувшихся по слову Моисея, и объясняетъ это слѣдующими стихами:

„En signe de cette merveille,
Devint la mer rouge et vermeille.
Non puis ne surent la nommer
Autrement que la rouge mer“.

(Въ ознаменованіе этого чуда, море сдѣлалось краснымъ и багрянымъ, такъ что впослѣдствіи его иначе и нельзя было назвать, какъ Краснымъ моремъ).

— Это — объясненіе поэта, — отвѣчалъ я, — и я не могу имъ удовольствоваться. Мнѣ хотѣлось бы знать ваше личное мнѣніе объ этомъ, капитанъ.

— Вотъ оно.

— По-моему, господинъ Аронаксъ, въ названiи Красное море надо видѣть переводъ европейскаго слова „Edom", и древнiе дали ему это имя по причинѣ особенной окраски его водъ.

— Однакоже до сихъ поръ я видѣлъ только чистыя воды, безъ всякаго особеннаго оттѣнка.

— Безъ сомнѣнiя; но, пройдя дальше въ глубь залива, вы замѣтите это странное явленiе. Я помню, что видѣлъ бухту Торъ совершенно красною, какъ озеро крови.

— И этотъ цвѣтъ вы приписываете присутствiю микроскопической водоросли?

— Да, это пурпуровое слизистое вещество, выходящее изъ слабыхъ растеньицъ, извѣстныхъ подъ именемъ *trichodesmium*, которыхъ нужно сорокъ тысячъ, чтобы покрыть пространство въ одинъ квадратный миллиметръ. Можетъ-быть, вы ихъ встрѣтите, когда мы будемъ въ заливѣ Торъ.

— Стало-быть, капитанъ Немо, вы не въ первый разъ пускаетесь съ „Наутилусомъ" въ Чермное море?

— Нѣтъ, господинъ профессоръ.

— Такъ какъ вы говорили выше о переходѣ израильтянъ и о катастрофѣ, постигшей египтянъ, то я васъ спрошу: видѣли ли вы подъ водой слѣды этого великаго историческаго событiя?

— Нѣтъ, господинъ профессоръ, и для этого есть достаточное основанiе.

— Какое?

— То мѣсто, гдѣ Моисей прошелъ со всѣмъ своимъ народомъ, теперь такъ обмелѣло, что верблюды проходятъ по немъ, едва замочивъ ноги. Вы понимаете, что для моего „Наутилуса" тутъ слишкомъ мало воды.

— А это мѣсто?..

— Это мѣсто находится немного выше Суэца, въ рукавѣ, составлявшемъ прежде глубокiй лиманъ, въ то время когда Чермное море простиралось до Горькихъ озеръ. Израильтяне прошли тамъ, чтобы достигнуть Обѣтованной Земли, и войско фараона погибло на этомъ мѣстѣ. Я думаю, что, раскапывая эти пески, открыли бы множество египетскихъ оружiй и инструментовъ.

— Это очевидно, — отвѣчалъ я, — и надо надѣяться, что, къ удовольствiю археологовъ, эти розыски будутъ предприняты рано или поздно, когда на этомъ перешейкѣ построятъ новые города, послѣ прорытiя Суэзскаго канала, — канала совершенно безполезнаго для такого судна, какъ „Наутилусъ".

— Правда; но зато полезнаго для цѣлаго мiра, — сказалъ капитанъ Немо. — Древнiе хорошо понимали, какъ полезно для ихъ торговыхъ предпрiятiй устроить сообщенiе между морями Чермнымъ и Средиземнымъ; но они не подумали прорыть прямой каналъ и выбрали Нилъ своимъ посредникомъ. По всей вѣроятности, каналъ, соединившiй Нилъ съ Чермнымъ моремъ, былъ начатъ при Сезострисѣ, если вѣрить преданiю. Вѣрно то, что за 615 лѣтъ до Рождества Христова Нехао предпринялъ устройство канала, который снабжался водами изъ Нила, чрезъ Египетскую равнину, обращенную къ Аравiи. Вверхъ по этому

каналу можно было подняться въ четыре дня, а ширина его была такова, что двѣ триремы могли пройти въ немъ рядомъ. Его продолжали при Даріи, сынѣ Гистаспа, а кончили, вѣроятно, при Птоломеѣ Второмъ; Страбонъ видѣлъ, какъ по немъ ходили суда; но незначительность его склона между началомъ, около Пубаста, и Чермнымъ моремъ была причиной того, что суда могли ходить по немъ только нѣсколько мѣсяцевъ въ году. Этотъ каналъ служилъ для торговли до вѣка Антониновъ; оставленный, обмелѣвшій, потомъ опять возстановленный по велѣнію калифа Омара, онъ былъ окончательно засыпанъ въ 761 или 762 году калифомъ Аль-Манзоромъ, который хотѣлъ помѣшать привозу съѣстныхъ припасовъ къ Магомеду-бенъ-Абдаллѣ, возмутившемуся противъ него. Во время египетской экспедиціи, вашъ генералъ Бонапартъ нашелъ слѣды этихъ работъ въ пустынѣ Суэца и, застигнутый приливомъ, чуть не погибъ за нѣсколько часовъ до пріѣзда въ Гаджаротъ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Моисей располагался лагеремъ за три тысячи триста лѣтъ до него.

— Ну что же, капитанъ, то, чего древніе не осмѣливались предпринять, — соединеніе двухъ морей, сокращающее на девять тысячъ километровъ путь отъ Кадикса до Индіи, — то сдѣлалъ Лессепсъ, и скоро онъ превратитъ Африку въ громадный островъ.

— Да, господинъ Аронаксъ, и вы имѣете право гордиться своимъ соотечественникомъ. Этотъ человѣкъ дѣлаетъ націи больше чести, чѣмъ самые великіе полководцы. Онъ началъ, какъ и многіе другіе, заботами и неудачами; но онъ восторжествовалъ, потому что у него геніальная воля. Грустно подумать, что этотъ трудъ, который могъ бы быть международнымъ трудомъ и прославить цѣлое царство, удался, благодаря энергіи только одного человѣка. Итакъ честь и слава Лессепсу!

— Да, честь и слава этому великому гражданину, — отвѣчалъ я, удивленный тономъ, которымъ говорилъ капитанъ Немо.

— Къ несчастью, — возразилъ онъ, — я не могу вести васъ чрезъ Суэзскій каналъ; но вы будете имѣть возможность увидѣть длинныя насыпи Портъ-Саида послѣзавтра, когда мы войдемъ въ Средиземное море.

— Въ Средиземное море! — вскричалъ я.

— Да, господинъ профессоръ. Васъ это удивляетъ?

— Меня удивляетъ то, что мы будемъ тамъ послѣзавтра.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Да, капитанъ, хотя я долженъ бы былъ привыкнуть ничему не удивляться съ тѣхъ поръ, какъ нахожусь на вашемъ кораблѣ.

— Но почему же вы удивляетесь?

— Меня поражаетъ ужасающая быстрота, которую вы принуждены будете сообщить „Наутилусу“, если онъ долженъ послѣзавтра войти въ Средиземное море, обогнувъ Африку и мысъ Доброй Надежды!

— Кто вамъ сказалъ, что онъ обойдетъ вокругъ Африки, господинъ профессоръ? и кто же вамъ говоритъ, что онъ обогнетъ мысъ Доброй Надежды?

— Однакоже, если „Наутилусъ“ не поплыветъ по твердой землѣ и не пройдетъ надъ перешейкомъ...

— Или подъ нимъ, господинъ Аронаксъ.

— Подъ нимъ?

— Безъ сомнѣнія, — спокойно отвѣчалъ капитанъ Немо. — Уже давно природа сдѣлала подъ этимъ перешейкомъ то, что люди дѣлаютъ теперь на его поверхности.

— Какъ! существуетъ проходъ?

— Да, подземный проходъ, который я назвалъ Аравійскимъ тоннелемъ. Онъ начинается подъ Суэцомъ и оканчивается въ заливѣ Пелузіумъ.

— Но этотъ перешеекъ состоитъ изъ зыбучаго песка?

— До извѣстной глубины. Но на глубинѣ пятидесяти метровъ встрѣчается непоколебимый слой утесовъ.

— Вы случайно открыли этотъ проходъ? — спросилъ я, все болѣе и болѣе удивляясь.

— Случай и размышленіе, господинъ профессоръ, навели меня на это открытіе, и даже больше размышленіе, чѣмъ случай.

— Капитанъ, я васъ слушаю, но уши мои противятся слышанному.

— Ахъ, господинъ профессоръ! „Aures habent et non audiunt" (имѣть уши и не слышать) свойственно всѣмъ временамъ. Не только этотъ проходъ существуетъ, но я пользовался имъ нѣсколько разъ. Безъ этого я бы теперь не отважился итти въ это закрытое Чермное море.

— Не будетъ ли нескромно съ моей стороны спросить васъ, какъ вы открыли этотъ тоннель?

— Господинъ профессоръ, — отвѣчалъ мнѣ капитанъ, — ничего не можетъ быть тайнаго между людьми, которые не должны болѣе разставаться.

Я не отвѣчалъ на этотъ намекъ и ожидалъ разсказа капитана Немо.

— Господинъ профессоръ, — сказалъ онъ мнѣ, — простое разсужденіе натуралиста привело меня къ открытію этого прохода, о которомъ знаю только я одинъ. Я замѣтилъ, что въ моряхъ Чермномъ и Средиземномъ находится нѣсколько совершенно одинаковыхъ видовъ рыбъ. Убѣдившись въ этомъ фактѣ, я сталъ думать, нѣтъ ли сообщенія между двумя морями. Если оно существовало, то подземное теченіе должно итти изъ Чермнаго моря въ Средиземное, единственно по причинѣ разницы въ ихъ уровнѣ. Итакъ я наловилъ большое количество рыбъ въ окрестностяхъ Суэца. Я надѣвалъ имъ на хвостъ мѣдныя кольца и опять бросалъ ихъ въ море. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, у береговъ Сиріи, мнѣ попались нѣкоторые экземпляры моихъ рыбъ, украшенныхъ замѣченными кольцами. Сообщеніе между двумя морями было доказано. Я искалъ его съ моимъ „Наутилусомъ", нашелъ его, пустился туда, и немного времени спустя, господинъ профессоръ, вы также переправитесь чрезъ мой Аравійскій тоннель!

ГЛАВА V.

Аравійскій тоннель.

Въ тотъ же день я передалъ Конселю и Неду Ленду ту часть этого разговора, которая должна была ихъ интересовать. Когда я сообщалъ имъ, что черезъ два дня мы будемъ въ водахъ Средиземнаго моря, Консель захлопалъ въ ладоши, но канадецъ только пожалъ плечами.

— Подводный тоннель! — сказалъ онъ. — Сообщеніе между двумя морями! Слыхано ли это?

— Другъ Недъ, — возразилъ Консель, — слыхали ли вы когда-нибудь о „Наутилусѣ“? Нѣтъ. Однакоже онъ существуетъ. Итакъ не пожимайте плечами, не обдумавъ дѣла, и не отрицайте вещей подъ тѣмъ предлогомъ, что вы о нихъ никогда не слыхали.

— Увидимъ, увидимъ! — рѣшилъ Недъ Лендъ, покачивая головой. — Я во всякомъ случаѣ готовъ вѣрить, что проходъ, о которомъ говоритъ вашъ капитанъ, дѣйствительно существуетъ, и дай Богъ, чтобъ ему удалось вывести насъ въ Средиземное море.

Въ тотъ же вечеръ, подъ 21° 30′ сѣверной широты, плывя по поверхности моря, „Наутилусъ“ приблизился къ Аравійскому берегу. Я увидалъ Джедду, значительный торговый пунктъ для Египта, Сиріи, Турціи и обѣихъ Индій.

Я довольно ясно различалъ общій видъ ея построекъ, корабли, стоявшіе вдоль набережныхъ, а также и тѣ, которые принуждены были бросить якорь на рейдѣ, потому что сидѣли глубоко въ водѣ. Солнце, стоявшее низко на горизонтѣ, прямо ударяло въ дома города, что еще болѣе выставляло ихъ бѣлизну. Внѣ города нѣсколько хижинъ изъ дерева или тростника показывали, что этотъ кварталъ обитаемъ бедуинами.

Скоро Джедда скрылась въ вечернемъ сумракѣ, и „Наутилусъ“ погрузился въ волны, отливавшія фосфорическимъ блескомъ.

На слѣдующій день, 10-го февраля, появилось нѣсколько кораблей, шедшихъ намъ на встрѣчу. „Наутилусъ“ опять погрузился въ воду; но ровно въ полдень море было пустынно, и онъ поднялся до своей грузовой ватерлиніи.

Вмѣстѣ съ Недомъ и Конселемъ я расположился на платформѣ. Восточный берегъ представлялся въ сыромъ туманѣ едва очерченною массой.

Облокотившись на край лодки, мы толковали о разныхъ предметахъ, какъ вдругъ Недъ Лендъ, указывая рукой на какой-то предметъ, сказалъ мнѣ:

— Господинъ профессоръ, видите ли вы что-нибудь?

— Нѣтъ, — отвѣчалъ я, — но вѣдь я, вы знаете, Недъ, не имѣю вашего зрѣнія.

— Смотрите хорошенько, — возразилъ Недъ: — тамъ впереди насъ, направо, почти наравнѣ съ маякомъ! Вы не видите предмета, который, кажется, двигается?

— Въ самомъ дѣлѣ, — сказалъ я послѣ внимательнаго наблюденія: — мнѣ кажется, я вижу на поверхности воды продолговатое черное тѣло

— Новый „Наутилусъ“! — сказалъ Консель.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ канадецъ, — если я не ошибаюсь, это какое-то морское животное.

— А есть киты въ Чермномъ морѣ? — спросилъ Консель.

— Да, любезный другъ, — отвѣчалъ я, — иногда они встрѣчаются тамъ.

— Это не китъ, — возразилъ Недъ Лендъ, не терявшій изъ виду замѣчательнаго предмета. — Съ китомъ мы старые знакомые, и я узналъ бы его тотчасъ.

— Подождемъ, — замѣтилъ Консель, — „Наутилусъ“ направляется въ эту сторону, и мы скоро узнаемъ, съ кѣмъ имѣемъ дѣло.

И дѣйствительно, мы скоро приблизились къ черноватому предмету на разстояніе одной мили. Онъ походилъ на огромный подводный камень, брошенный посреди моря. Что это — я еще не могъ опредѣлить.

— Ба! онъ плыветъ, ныряетъ, — закричалъ Недъ Лендъ. — Тысячу чертей! что это за животное? Хвостъ его не раздвоенъ, какъ у китовъ и кашалотовъ, и его плавники похожи на обрубленные члены.

— Но въ такомъ случаѣ... — началъ я.

— Ба! да онъ ложится на спину, — перебилъ канадецъ, — и поднимаетъ кверху груди.

— Это сирена, — закричалъ Консель, — настоящая сирена, что бы ни думалъ господинъ профессоръ!

Слово „сирена“ навело меня на истинный путь, и я понялъ, что животное принадлежало къ разряду тѣхъ морскихъ существъ, которыхъ легенда превратила въ сиренъ, наполовину женщинъ, наполовину рыбъ.

— Нѣтъ, — сказалъ я Конселю, — это не сирена, но интересное животное, очень часто встрѣчающееся въ Чермномъ морѣ. Это — дюгонгъ.

— Порядокъ сиренъ, группа рыбовидныхъ, классъ млекопитающихъ, отдѣлъ позвоночныхъ, — произнесъ Консель, а такія замѣчанія Конселя не допускали ни возраженій ни дополненій.

Однако Недъ продолжалъ смотрѣть. Его глаза разгорѣлись при видѣ животнаго. Рука, казалось, была готова бросить въ него острогу. Онъ, повидимому, выжидалъ удобную минуту, чтобы броситься въ море преслѣдовать животное въ его родной средѣ.

— Ахъ, господинъ профессоръ, — сказалъ онъ мнѣ дрожавшимъ отъ волненія голосомъ, — мнѣ еще никогда не случалось бить „такихъ“.

Весь человѣкъ былъ въ этомъ словѣ.

Въ эту минуту капитанъ Немо показался на платформѣ. Онъ замѣтилъ дюгонга, понялъ выраженіе лица канадца и обратился прямо къ нему.

— Если бы вы держали острогу, мистеръ Лендъ, она бы, я думаю, жгла вамъ руку.

— Правда, капитанъ.

— И вамъ бы хотѣлось еще разъ взяться за ремесло китолова и присоединить это животное къ списку убитыхъ вами прежде?

— Очень бы хотѣлось.

— Ну, такъ попытайтесь.

— Благодарю, капитанъ, — отвѣчалъ Недъ Лендъ, глаза котораго загорѣлись.

— Только, — продолжалъ капитанъ, — въ видахъ вашей же собственной пользы совѣтую вамъ не промахнуться.

— А развѣ ловля эта представляетъ какую-нибудь опасность? — спросилъ я, несмотря на то, что канадецъ пожималъ плечами.

— Иногда, — отвѣчалъ капитанъ. — Случается, что животное въ свою очередь нападаетъ на преслѣдователей и опрокидываетъ ихъ судно. Но Неду Ленду нечего бояться этой неудачи. Взглядъ его быстръ и рука тверда. Я совѣтую ему не упускать дюгонга, потому что животное это

считается превосходною дичью, а я знаю, что мистеръ Лендъ не пренебрегаетъ хорошимъ кускомъ.

— Вотъ какъ! — замѣтилъ Недъ. — Такъ оно еще позволяетъ себѣ роскошь имѣть вкусное мясо.

— Да, мистеръ Лендъ, мясо его — настоящая говядина, очень цѣнится, и во всей Меланезіи его сберегаютъ для стола государей. И потому это превосходное животное преслѣдуется съ такою страстью, что оно встрѣчается все рѣже и рѣже, такъ же какъ и сродный съ нимъ ламантинъ.

— Въ такомъ случаѣ, капитанъ, — серіозно сказалъ Консель, — если, къ несчастью, это послѣднее въ своемъ родѣ животное, то его, быть-можетъ, слѣдовало бы пощадить для пользы науки.

— Быть-можетъ, — возразилъ канадецъ, — но для пользы кухни его слѣдуетъ убить.

— Принимайтесь же за дѣло, мистеръ Лендъ, — отвѣчалъ капитанъ.

Въ эту минуту семь человѣкъ матросовъ, нѣмыхъ и невозмутимыхъ какъ всегда, вышли на платформу. Одинъ держалъ острогу и тонкую веревку, какую употребляютъ китоловы. Шлюпку освободили, вынули изъ ея углубленія и спустили на море. Шестеро гребцовъ взялись за весла, и рулевой занялъ свое мѣсто. Недъ, Консель и я — мы помѣстились на кормѣ.

— Вы не ѣдете, капитанъ? — спросилъ я.

— Нѣтъ, господинъ профессоръ, но я желаю вамъ счастливой охоты.

Шлюпка отчалила и на своихъ шести веслахъ быстро понеслась къ дюгонгу, плававшему въ двухъ миляхъ отъ „Наутилуса".

Приблизившись къ дюгонгу на разстояніе нѣсколькихъ кабельтовыхъ, шлюпка пошла медленнѣе, и весла безъ шума погружались въ спокойную воду. Недъ Лендъ, съ острогой въ рукѣ, помѣстился на носу шлюпки.

Острога, которую бросаютъ въ кита, обыкновенно привязывается къ очень длинной веревкѣ, поспѣшно разматывающейся, когда раненое животное увлекаетъ ее за собой. Но здѣсь веревка имѣла не болѣе десяти саженъ, и другой конецъ ея былъ прикрѣпленъ къ маленькому боченку. Плавая на поверхности, онъ долженъ былъ показывать направленіе животнаго подъ водой.

Я всталъ и внимательно наблюдалъ за противникомъ Неда Ленда. Этотъ дюгонгъ имѣлъ большое сходство съ ламантиномъ. Его продолговатое тѣло оканчивается очень длиннымъ хвостомъ, а боковые плавники — настоящими пальцами. Онъ отличается отъ ламантина тѣмъ, что его верхняя челюсть вооружена двумя длинными и острыми зубами, образующими по обѣимъ сторонамъ рта расходящіеся клыки.

Дюгонгъ, котораго Недъ Лендъ намѣревался преслѣдовать, былъ колоссальныхъ размѣровъ и имѣлъ болѣе семи метровъ въ длину. Онъ не двигался и, казалось, спалъ на поверхности воды, — обстоятельство, много облегчавшее нападеніе.

Шлюпка осторожно приблизилась на три сажени къ животному. Весла не двигались. Я до половины приподнялся. Недъ, слегка откинувшись назадъ, потрясалъ привычною рукой свою острогу.

Вдругъ послышался свистъ, и дюгонгъ исчезъ. Острога, брошенная съ силой, ударила, безъ сомнѣнія, только воду.

— Тысячу чертей! — закричалъ взбѣшенный канадецъ. — Промахнулся.

— Нѣтъ, — сказалъ я, — животное ранено, вотъ его кровь, но ваша острога не осталась у него въ тѣлѣ.

— Моя острога, моя острога! — кричалъ Недъ Лендъ.

«...шлюпка не успѣла увернуться отъ удара...» (Стр. 184).

Матросы принялись грести, и рулевой направилъ шлюпку къ плававшему боченку. Острогу достали, и шлюпка пустилась преслѣдовать животное.

Оно возвращалось отъ времени до времени на поверхность моря, чтобы вздохнуть. Рана его не обезсилила, потому что оно плыло съ неимовѣрною быстротой. Шлюпка, управляемая сильными руками, летѣла

за нимъ. Ей удавалось нѣсколько разъ приблизиться къ нему на нѣсколько саженъ, и Недъ Лендъ держалъ острогу наготовѣ; но животное неожиданно ныряло, и его не было возможности догнать.

Можно себѣ представить, какой гнѣвъ бушевалъ въ груди нетерпѣливаго Неда Ленда. Онъ осыпалъ несчастное животное самыми выразительными проклятіями, употребительными въ англійской рѣчи. Что до меня, мнѣ было только досадно, что дюгонгъ разбилъ всѣ наши хитрости.

Мы, не останавливаясь, преслѣдовали его цѣлый часъ, и я уже начиналъ думать, что овладѣть имъ невозможно, какъ вдругъ животному пришла въ голову злополучная мысль о мщеніи, въ чемъ ему пришлось раскаяться. Оно повернуло къ шлюпкѣ, чтобы въ свою очередь напасть на нее.

Движеніе это не ускользнуло отъ канадца.

— Вниманіе! — сказалъ онъ.

Рулевой произнесъ нѣсколько словъ на своемъ непонятномъ языкѣ. Онъ, вѣроятно, совѣтовалъ своимъ людямъ быть насторожѣ.

Дюгонгъ приблизился на двадцать футовъ, остановился и потянулъ воздухъ своими широкими ноздрями, открывавшимися не на концѣ, а на верхней части морды. Потомъ устремился на насъ со всего размаха.

Шлюпка не успѣла увернуться отъ удара; покачнувшись на сторону, она зачерпнула одну тонну воды, которую пришлось выкачать; но, благодаря ловкости рулевого, ударъ попалъ наискось, а не прямо, и не опрокинулъ ея. Недъ Лендъ, утвердившись на форштевнѣ, осыпалъ ударами остроги огромное животное, которое вонзило зубы въ бортъ и подымало шлюпку надъ водой, какъ левъ поднимаетъ козленка. Мы всѣ попадали одинъ на другого, и я, право, не знаю, какъ бы кончилось это приключеніе, если бъ канадецъ, продолжавшій бороться съ животнымъ, не нанесъ ему наконецъ удара въ сердце.

Я слышалъ скрипъ зубовъ по листовому желѣзу, и дюгонгъ исчезъ, увлекая за собою острогу. Но скоро боченокъ всплылъ на поверхность, и нѣсколько минутъ спустя появилось тѣло животнаго, перевернувшееся на спину. Шлюпка догнала его, взяла на буксиръ и направилась къ „Наутилусу".

Пришлось употребить въ дѣло сильныя тали, чтобы поднять дюгонга на платформу. Онъ вѣсилъ пять тысячъ килограммовъ. Его разрубили на части въ присутствіи канадца, который непремѣнно хотѣлъ видѣть всѣ подробности операціи. Въ тотъ же день слуга подалъ мнѣ къ обѣду нѣсколько кусковъ этого мяса, искусно приготовленнаго поваромъ корабля. Оно было очень хорошо и показалось мнѣ вкуснѣе телятины, если не говядины.

На слѣдующій день, 11-го февраля, къ запасамъ „Наутилуса" прибавилась еще другая превосходная дичь. Стая морскихъ ласточекъ опустилась на палубу. Онѣ принадлежали къ виду *sterna nilotica,* обитающему въ Египтѣ. Клювъ у нихъ черный, голова сѣрая съ пятнами, глаза окружены бѣлыми точками, спина, крылья и хвостъ сѣроватые, животъ и горло бѣлые, лапы красныя. Поймали также нѣсколько дюжинъ нильскихъ утокъ, дикихъ птицъ, необыкновенно вкусныхъ. Ихъ шея и верхняя часть головы бѣлыя, испещренныя черными пятнами.

„Наутилусъ“ шелъ умѣреннымъ ходомъ. Онъ подвигался, будто фланируя. Я замѣчалъ, что по мѣрѣ нашего приближенія къ Суэзскому перешейку вода въ Красномъ морѣ становилась все менѣе и менѣе соленою.

Къ пяти часамъ вечера мы увидали на сѣверѣ мысъ Расъ-Могамедъ. Этотъ мысъ составляетъ оконечность Каменистой Аравіи, лежащей между Суэзскимъ заливомъ и Акабой.

„Наутилусъ“ проникъ въ проливъ Жубаль, ведущій къ Суэзскому заливу. Я ясно различалъ высокую гору, поднимавшуюся между обоими заливами надъ мысомъ Расъ-Могамедъ. Это былъ Синай, на вершинѣ котораго Моисей видѣлъ Бога лицомъ къ лицу и который всегда представляется воображенію увѣнчаннымъ молніями.

Въ шесть часовъ „Наутилусъ“, то погружаясь, то плавая на поверхности, прошелъ въ виду Тора, расположеннаго въ глубинѣ залива, воды котораго отличались краснымъ цвѣтомъ, что еще прежде было замѣчено капитаномъ Немо. Наступила ночь. Глубокая тишина изрѣдка прерывалась крикомъ пеликана или какой-нибудь ночной птицы, шумомъ прибоя, сердито дробившагося о скалы, или отдаленнымъ стономъ парохода, колесы котораго съ шумомъ разсѣкали воды залива.

Отъ восьми до десяти часовъ „Наутилусъ“ шелъ въ нѣсколькихъ миляхъ подъ водой. По моему расчету, мы находились очень близко отъ Суэзскаго перешейка. Сквозь окна залы я видѣлъ основанія огромныхъ скалъ, ярко освѣщенныхъ электрическимъ свѣтомъ, который распространялъ нашъ маякъ. Мнѣ казалось, что проливъ постепенно суживается.

Въ девять часовъ съ четвертью корабль поднялся на поверхность. Я вышелъ на платформу. Желаніе поскорѣе миновать тоннель капитана Немо не давало мнѣ ни минуты покоя, и я хотѣлъ подышать свѣжимъ ночнымъ воздухомъ.

Скоро въ тѣни я замѣтилъ слабый огонекъ, едва виднѣвшійся въ туманѣ на разстояніи одной мили отъ насъ.

— Плавающій маякъ, — произнесъ чей-то голосъ.

Я обернулся и узналъ капитана Немо.

— Это плавающій маякъ Суэзскаго перешейка, — повторилъ онъ. — Мы скоро достигнемъ входа въ тоннель.

— Входъ, я думаю, труденъ?

— Да; и потому я всегда самъ бываю въ каютѣ рулевого и самъ управляю судномъ. А теперь не угодно ли вамъ сойти внизъ, господинъ Аронаксъ. „Наутилусъ“ погрузится въ море и, только миновавъ Аравійскій тоннель, поднимется на поверхность его.

Я послѣдовалъ за капитаномъ Немо. Подъемную дверь заперли, резервуары наполнили водой, и корабль погрузился на десять метровъ.

Я хотѣлъ войти въ свою комнату, но капитанъ остановилъ меня.

— Господинъ профессоръ, — сказалъ онъ, — не угодно ли вамъ итти со мной въ каюту штурмана?

— Я не рѣшался васъ просить объ этомъ, — отвѣчалъ я.

— Такъ пойдемте, и вы успѣете, насколько возможно, прослѣдить это подводное и въ то же время подземное плаваніе.

Капитанъ провелъ меня къ средней лѣстницѣ. На половинѣ ея онъ отворилъ дверь, углубился въ верхніе переходы и вошелъ въ каюту

кормчаго, помѣщавшуюся, какъ уже было сказано, на одномъ концѣ платформы.

Каюта имѣла по шести футовъ вдоль и поперекъ и напоминала каюты штурмановъ на пароходахъ Миссисипи и Гудзона. Посрединѣ двигалось колесо, расположенное вертикально и задѣвавшее за штуръ-тросы руля, проходившіе до самой задней палубы.

Четыре окна изъ чечевицеобразныхъ стеколъ, вставленныхъ въ стѣны каютъ, давали рулевому возможность смотрѣть во всѣхъ направленіяхъ.

Въ каютѣ было темно; но скоро мои глаза привыкли къ этому мраку, и я увидалъ штурмана, сильнаго человѣка, опиравшагося на косяки колеса. Море было ярко освѣщено маякомъ, горѣвшимъ позади каюты на другомъ концѣ платформы.

— Теперь, — сказалъ капитанъ Немо, — надо искать прохода.

Электрическіе проводники шли отъ каюты штурмана къ комнатѣ, гдѣ находились машины, и оттуда капитанъ могъ одновременно сообщать своему „Наутилусу“ направленіе и движеніе. Онъ пожалъ металлическую пружину, и быстрота винта немедленно умѣрилась.

Я смотрѣлъ молча на высокую, очень крутую стѣну, мимо которой мы шли въ эту минуту, — непоколебимое основаніе песчаной береговой насыпи. Мы цѣлый часъ шли вдоль этой стѣны, въ нѣсколькихъ метрахъ отъ нея. Капитанъ Немо не отрывалъ глазъ отъ компаса, висѣвшаго въ каютѣ на своихъ двухъ концентрическихъ кругахъ.

По знаку капитана штурманъ ежеминутно измѣнялъ направленіе „Наутилуса“.

Я помѣстился у окна направо и смотрѣлъ на превосходныя подводныя постройки кораловъ, на зоофитовъ, водоросли, ракообразныхъ, протягивавшихъ свои огромныя лапы изъ разсѣлинъ скалъ.

Въ десять часовъ съ четвертью капитанъ Немо самъ взялся за румпель. Широкая галлерея, черная и глубокая, открывалась передъ нами. „Наутилусъ“ смѣло спустился туда. Непривычный шумъ послышался по сторонамъ его. Шумѣли воды Краснаго моря, быстро катившіяся по склону тоннеля къ Средиземному морю. „Наутилусъ“ несся, вмѣстѣ съ потокомъ, какъ стрѣла, несмотря на сопротивленіе машины, которой данъ былъ задній ходъ.

На стѣнахъ узкаго прохода я различалъ только блестящія полосы, прямыя линіи, огненныя борозды, являвшіяся при быстротѣ движенія отъ электрическаго освѣщенія. Сердце мое сильно билось, и я сдерживалъ его рукой.

Въ десять часовъ и тридцать-шесть минутъ капитанъ Немо оставилъ колесо и сказалъ, обращаясь ко мнѣ:

— Средиземное море!

„Наутилусъ“, увлекаемый теченіемъ, прошелъ Суэзскій перешеекъ менѣе чѣмъ въ двадцать минутъ.

ГЛАВА VI.

Греческій архипелагъ.

На слѣдующій день, 12-го февраля, при восходѣ солнца, „Наутилусъ“ поднялся на поверхность волнъ. Я бросился на платформу. Въ

трехъ миляхъ къ югу неясно обрисовывался силуэтъ Пелузы. Потокъ перенесъ насъ отъ одного моря къ другому. По этому тоннелю было легко спуститься, но, по всей вѣроятности, невозможно подняться.

Къ семи часамъ Недъ и Консель присоединились ко мнѣ. Неразлучные друзья крѣпко спали всю ночь, не интересуясь подвигами „Наутилуса“.

— Ну-съ, господинъ натуралистъ, — спросилъ канадецъ съ легкою усмѣшкой, — а Средиземное-то море?

— Мы плывемъ по его поверхности, другъ Недъ...

— Э! — сказалъ Консель. — Такъ сегодня ночью...

— Да, сегодня ночью мы прошли этотъ непроходимый перешеекъ въ нѣсколько минутъ.

— Я не вѣрю этому, — отвѣчалъ канадецъ.

— Напрасно, мистеръ Лендъ, — отвѣчалъ я. — Посмотрите: этотъ низкій берегъ, который закругляется къ югу, это — Египетъ.

— Разсказывайте другимъ, господинъ профессоръ! — отвѣчалъ упрямый канадецъ.

— Но если господинъ профессоръ утверждаетъ, — замѣтилъ Консель, — мы должны ему вѣрить.

— Притомъ же капитанъ Немо угостилъ меня своимъ тоннелемъ. Я былъ вмѣстѣ съ нимъ въ каютѣ штурмана, когда онъ самъ управлялъ „Наутилусомъ“ въ этомъ узкомъ проходѣ.

— Вы слышите, Недъ? — сказалъ Консель.

— Да кромѣ того, Недъ, при вашемъ хорошемъ зрѣніи вы можете различить вдающіеся въ море молы Портъ-Саида.

Канадецъ посмотрѣлъ внимательно.

— Да, — сказалъ онъ, — вы правы, господинъ профессоръ, и вашъ капитанъ молодецъ, — мы въ Средиземномъ морѣ. Отлично. Такъ не угодно ли вамъ потолковать о нашихъ маленькихъ дѣлишкахъ, но такъ, чтобы никто не могъ насъ слышать?

Я понялъ, куда мѣтитъ канадецъ. Во всякомъ случаѣ я думалъ, что лучше поговорить, если ужъ ему такъ хочется, и мы сѣли всѣ трое возлѣ маяка, гдѣ менѣе подвергались сырости отъ брызгавшихъ волнъ.

— Теперь, Недъ, мы слушаемъ, — сказалъ я. — Что вы хотите намъ сказать?

— То, что̀ я хочу вамъ сказать, очень просто, — отвѣчалъ канадецъ. — Мы въ Европѣ, и я предлагаю оставить „Наутилусъ“, прежде чѣмъ капитану Немо вздумается увезти насъ къ полярнымъ морямъ или опять возвратиться въ Океанію.

Признаюсь, подобныя разсужденія съ канадцемъ меня всегда смущали. Конечно, я не хотѣлъ посягать на свободу моихъ товарищей и однако не имѣлъ ни малѣйшаго желанія разстаться съ капитаномъ Немо. Благодаря ему, благодаря его судну, я каждый день пополнялъ свои познанія, изучая жизнь моря посреди самой стихіи, и передѣлывалъ всю книгу о морскомъ днѣ. Представится ли мнѣ въ другой разъ такой же удобный случай наблюдать чудеса океана? Нѣтъ, разумѣется, нѣтъ! И я не могъ освоиться съ мыслью, что долженъ оставить корабль, не завершивъ своего круга изслѣдованій.

— Другъ Недъ, — сказалъ я, — отвѣчайте мнѣ откровенно. Скучаете вы на бортѣ? Жалѣете, что судьба бросила васъ въ руки капитана Немо?

Канадецъ помолчалъ нѣсколько минутъ. Потомъ онъ заговорилъ, скрестивъ руки:

— Говоря откровенно, я ничего не имѣю противъ подводнаго путешествія. Я буду доволенъ, что сдѣлалъ его. Но чтобъ оно было сдѣлано, надо, чтобъ оно когда-нибудь кончилось. Вотъ мое мнѣніе.

— Оно кончится, Недъ.

— Гдѣ и когда?

— Гдѣ — я не знаю. Когда — я также не могу сказать или, вѣрнѣе, я предполагаю, что оно кончится, когда всѣ моря откроютъ намъ свои тайны. Все на свѣтѣ имѣетъ конецъ.

— Я согласенъ съ господиномъ профессоромъ, — замѣтилъ Консель. — Очень можетъ быть, что, объѣхавъ всѣ моря земного шара, капитанъ Немо отпуститъ насъ.

— Отпуститъ на тотъ свѣтъ, хотите вы сказать! — закричалъ канадецъ.

— Не будемъ преувеличивать, мистеръ Лендъ, — возразилъ я. — Намъ нечего бояться капитана Немо, но я также не раздѣляю мнѣнія Конселя. Намъ извѣстны тайны „Наутилуса", и я не думаю, чтобы командиръ его рѣшился пустить ихъ по свѣту вмѣстѣ съ нами.

— На что же вы надѣетесь въ такомъ случаѣ? — спросилъ канадецъ.

— Я надѣюсь, что встрѣтятся обстоятельства, которыми намъ будетъ можно и даже должно воспользоваться, и что они могутъ встрѣтиться какъ теперь, такъ и черезъ шесть мѣсяцевъ.

— Неужели? — замѣтилъ Недъ Лендъ. — А гдѣ мы будемъ черезъ шесть мѣсяцевъ, господинъ натуралистъ?

— Быть-можетъ — здѣсь, быть-можетъ — въ Китаѣ. Вы знаете, „Наутилусъ" ходитъ быстро. Онъ проносится въ океанѣ какъ ласточка въ воздухѣ или экстренный поѣздъ на материкѣ. Онъ не боится часто посѣщаемыхъ морей. Кто поручится намъ, что онъ не вздумаетъ объѣхать берега Франціи, Англіи, Америки, гдѣ такъ же легко убѣжать, какъ и здѣсь?

— Господинъ Аронаксъ, — отвѣчалъ канадецъ, — ваши доказательства грѣшатъ самымъ основаніемъ. Вы говорите въ будущемъ: „мы будемъ тамъ, мы будемъ здѣсь". Я говорю въ настоящемъ: „мы теперь здѣсь, и надо этимъ воспользоваться".

Логика Неда Ленда сбивала меня, и я чувствовалъ, что побѣжденъ въ этомъ пунктѣ. Я не зналъ, какія доказательства привести въ свою пользу.

— Господинъ профессоръ, — продолжалъ Недъ Лендъ, — предположимъ невозможное, что капитанъ Немо сегодня же предложитъ вамъ свободу. Примете ли вы ее?

— Не знаю, — отвѣчалъ я.

— А если онъ прибавитъ, что сегодняшнее предложеніе не повторится никогда болѣе, — согласитесь ли вы?

Я молчалъ.

— А что объ этомъ думаетъ другъ Консель? — спросилъ Недъ Лендъ.

— Другъ Консель, — спокойно отвѣчалъ честный малый, — не говоритъ ничего. Онъ совершенно равнодушенъ къ этому вопросу. Онъ холостъ, какъ его господинъ и товарищъ Недъ. Ни жена, ни дѣти, ни

родственники, — никто не ждетъ его на родинѣ. Онъ служитъ господину профессору, думаетъ и говоритъ какъ господинъ профессоръ, и, къ его величайшему сожалѣнію, на него нечего разсчитывать, чтобы получить большинство голосовъ. Здѣсь только два лица: господинъ профессоръ съ одной стороны, Недъ Лендъ — съ другой.

Я невольно улыбнулся, слушая, какъ Консель совершенно уничтожалъ свою личность. Въ глубинѣ души канадецъ былъ доволенъ, избавляясь отъ другого противника.

— Итакъ, господинъ профессоръ,— сказалъ Недъ, — если Консель не существуетъ, то будемъ разсуждать вдвоемъ. Я все сказалъ. Вы меня выслушали. Что же вы отвѣтите?

Слѣдовало притти къ какому-нибудь заключенію; увертки мнѣ надоѣли.

— Вотъ мой отвѣтъ, другъ Недъ, — сказалъ я: — вы правы, и мои доказательства уступаютъ вашимъ. Нечего разсчитывать на согласіе капитана Немо. Самая простая осторожность не позволяетъ ему дать намъ свободу. Наоборотъ, та же осторожность велитъ намъ воспользоваться первымъ удобнымъ случаемъ, чтобъ оставить „Наутилусъ" и капитана Немо.

— Хорошо, господинъ Аронаксъ; это значитъ разсуждать благоразумно.

— Только, — сказалъ я, — одно замѣчаніе. Надо, чтобы случай былъ дѣйствительно удобенъ, чтобы первая попытка убѣжать удалась. Если же она не удастся, мы никогда не найдемъ возможности возобновить ее, и капитанъ Немо не проститъ намъ.

— Все это справедливо, — отвѣчалъ канадецъ: — но ваше замѣчаніе прилагается ко всякой попыткѣ бѣжать, сдѣлаемъ ли мы ее черезъ два года или черезъ два дня. Дѣло все-таки въ томъ, что если представится удобный случай, имъ надо будетъ воспользоваться.

— Согласенъ. А теперь скажите мнѣ, Недъ, что вы называете удобнымъ случаемъ?

— Случай, который въ темную ночь приведетъ „Наутилусъ" къ какому-нибудь европейскому берегу.

— И вы попытаетесь спастись вплавь?

— Да — если мы будемъ недалеко отъ берега, и если корабль будетъ находиться на поверхности. Нѣтъ — если мы будемъ далеко и подъ водой. И въ такомъ случаѣ я постараюсь овладѣть шлюпкой. Я знаю, какъ она управляется. Мы забираемся въ нее, поднимаемъ болты и поднимаемся на поверхность. Штурманъ, помѣщающійся впереди, не можетъ замѣтить нашего бѣгства.

— Хорошо, Недъ, ищите такого случая, но помните, что неудача погубитъ насъ.

— Я не забуду этого.

— А теперь, Недъ, хотите ли вы знать мое мнѣніе о нашемъ планѣ?

— Очень, господинъ Аронаксъ.

— Я думаю, — не говорю „надѣюсь", — что этотъ удобный случай не представится.

— Почему это?

— Потому, что капитанъ Немо не можетъ думать, что мы отказались отъ надежды возвратить свободу, и онъ будетъ остороженъ, особенно въ виду европейскихъ береговъ.

— Я согласенъ съ мнѣніемъ господина профессора, — сказалъ Консель.

— Посмотримъ, — отвѣчалъ Недъ, покачивая головой съ видомъ рѣшимости.

— А теперь, Недъ Лендъ, — прибавилъ я, — довольно объ этомъ. Ни слова болѣе. Когда вы будете готовы, вы предупредите насъ, и мы послѣдуемъ за вами. Я вполнѣ полагаюсь на васъ.

Такъ окончился этотъ разговоръ, который долженъ былъ имѣть такія важныя послѣдствія. Теперь я долженъ сказать, что факты, повидимому, подтверждали мои предположенія, къ великому отчаянію канадца. Можетъ-быть, капитанъ Немо не довѣрялъ намъ въ этихъ многолюдныхъ моряхъ или онъ только скрывался отъ многочисленныхъ кораблей всѣхъ націй, бороздившихъ Средиземное море, — не знаю; но онъ большею частію держался подъ водой и далеко отъ береговъ. Иногда изъ воды выставлялась рубка штурмана, а чаще „Наутилусъ" погружался въ глубину, здѣсь весьма значительную, ибо между Греческимъ архипелагомъ и Малою Азіей мы не находили дна, опустившись на двѣ тысячи метровъ.

Въ сторонѣ виднѣлась земля. Я узналъ островъ Карпатосъ, одинъ изъ группы Спорадскихъ островов, только по безсмертнымъ стихамъ Виргилія, которыя капитанъ Немо, положивъ палецъ на одну точку плоскошарія, продекламировалъ съ особеннымъ выраженіемъ:

Est in Carpathio Neptuni gurgite vates
Coeruleus Proteus...

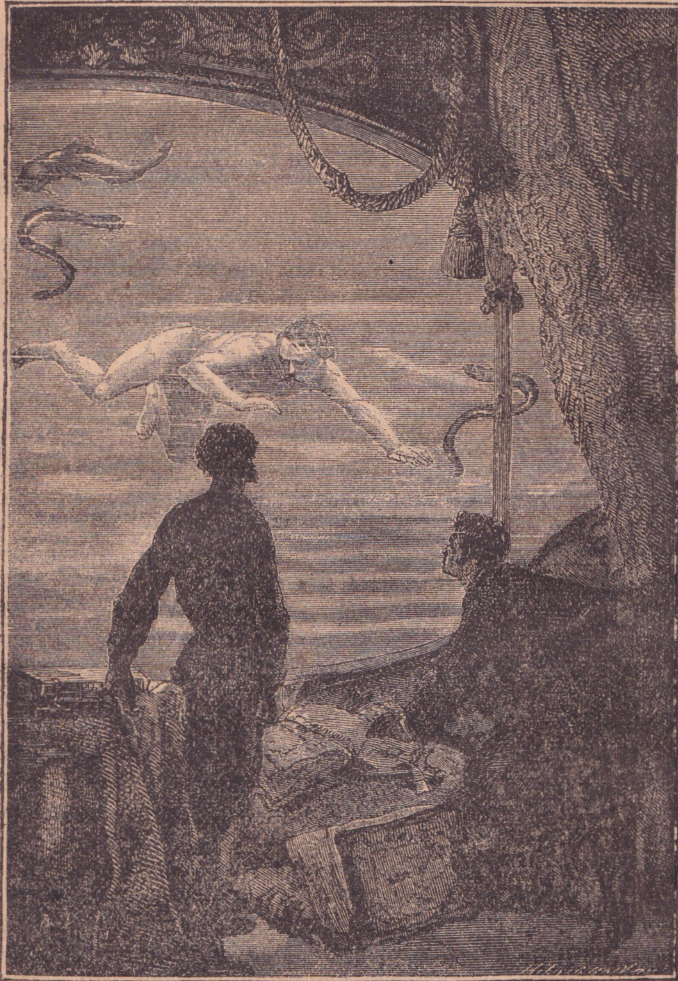
И дѣйствительно, эта скала достойна быть жилищемъ Протея, стараго пастуха стадъ Нептуна, и носитъ теперь названіе острова Скарпанто, лежащаго между Родосомъ и Критомъ. Въ окно залы я замѣтилъ только гранитныя основанія этого знаменитаго острова.

На слѣдующій день, 14-го февраля, я предполагалъ посвятить нѣсколько часовъ изученію рыбъ архипелага. Но не знаю, по какой причинѣ окна оставались герметически закупоренными цѣлый день. Опредѣляя положеніе „Наутилуса", я замѣтилъ, что онъ направляется къ Кандіи, древнему Криту. Въ то время, когда я отправился въ море на бортѣ „Авраама Линкольна", весь островъ возсталъ противъ турецкаго деспотизма. Но чѣмъ кончилось это возстаніе — я не зналъ, и капитанъ Немо, не имѣвшій никакихъ сношеній съ землей, разумѣется, не могъ сообщить мнѣ этого.

Я не дѣлалъ никакого намека на это событіе, когда остался съ нимъ вечеромъ одинъ въ залѣ. Къ тому же мнѣ показалось, что онъ мраченъ и озабоченъ. Потомъ, вопреки своимъ привычкамъ, онъ велѣлъ открыть ставни обоихъ залъ и, переходя отъ одного къ другому, внимательно наблюдалъ массу водъ. Зачѣмъ? Я не могъ угадать и въ свою очередь занялся изученіемъ рыбъ, проходившихъ у меня предъ глазами.

Я не могъ оторвать глазъ отъ чудесъ моря, но вдругъ меня поразило неожиданное явленіе.

Въ волнахъ показался человѣкъ — водолазъ съ кожанымъ кошелькомъ у пояса. Это не было безжизненное тѣло, предоставленное на волю водъ. Человѣкъ этотъ былъ живъ и плылъ, сильною рукой разсѣкая волны, исчезая по временамъ, чтобы вздохнуть на поверхности воды, и снова погружаясь.

«...въ волнахъ показался человѣкъ...» (Стр. 191).

Я обернулся къ капитану Немо и сказалъ взволнованнымъ голосомъ:

— Человѣкъ утопаетъ; его надо спасти во что бы то ни стало.

Капитанъ не отвѣчалъ, но подошелъ ко мнѣ и облокотился на подоконникъ.

Человѣкъ приблизился и смотрѣлъ на насъ, прильнувъ лицомъ къ стеклу.

Къ моему величайшему изумленію, капитанъ Немо сдѣлалъ ему знакъ. Водолазъ отвѣчалъ ему рукой, немедленно возвратился на поверхность моря и болѣе не показывался.

— Не безпокойтесь, — сказалъ мнѣ капитанъ. — Это Николай съ мыса Матапана, прозванный *рыбой*. Его хорошо знаютъ на всѣхъ Цикладахъ. Смѣлый водолазъ! Вода — его стихія, и онъ живетъ въ ней гораздо больше, чѣмъ на землѣ, безпрестанно переплывая отъ одного острова къ другому, до самой Кандіи.

— Вы его знаете, капитанъ?

— А почему бы нѣтъ, господинъ Аронаксъ?

Сказавъ это, капитанъ направился къ шкапу, стоявшему возлѣ окна налѣво. Возлѣ шкапа я замѣтилъ шкатулку, окованную желѣзомъ, на крышкѣ которой находилась мѣдная пластинка съ шифромъ „Наутилуса“ и его девизомъ Mobilis in mobile.

Въ эту минуту, не обращая вниманія на мое присутствіе, капитанъ Немо открылъ шкапъ, устроенный въ родѣ сундука, заключавшій множество слитковъ.

Это были слитки золота. Откуда взялся этотъ драгоцѣнный металлъ, котораго тутъ находилось на огромную сумму? Гдѣ капитанъ бралъ золото и что онъ сдѣлаетъ съ нимъ?

Я не говорилъ ни слова. Я смотрѣлъ. Капитанъ Немо бралъ по одному эти слитки, укладывалъ ихъ методически въ шкатулку и наполнилъ ее до верху. По моему расчету, она содержала такимъ образомъ болѣе тысячи килограммовъ золота, то-есть около пяти милліоновъ франковъ.

Капитанъ тщательно заперъ шкатулку и что-то написалъ на ея крышкѣ, кажется, на ново-греческомъ языкѣ.

Сдѣлавъ это, капитанъ Немо пожалъ электрическій звонокъ. Четыре человѣка вошли въ комнату и не безъ труда вытащили шкатулку изъ залы. Потомъ я слышалъ, что они поднимали ее талями по желѣзной лѣстницѣ.

Вдругъ капитанъ Немо обратился ко мнѣ:

— Вы что-то хотѣли сказать, господинъ профессоръ? — спросилъ онъ.

— Ничего, — отвѣчалъ я.

— Въ такомъ случаѣ вы позволите мнѣ пожелать вамъ спокойной ночи.

Съ этими словами капитанъ Немо оставилъ комнату.

Я вернулся въ свою комнату, понятно чрезвычайно заинтересованный, и напрасно старался уснуть. Я искалъ соотношенія между появленіемъ водолаза и этою шкатулкой, полною золота. По нѣкоторому колебанію, по боковой и килевой качкѣ, я узналъ, что „Наутилусъ“ оставилъ внутренніе слои и вернулся на поверхность моря.

Потомъ я услыхалъ шумъ шаговъ на платформѣ. Я понялъ, что отстегиваютъ шлюпку, что ее спускаютъ въ море. Она ударилась о корпусъ „Наутилуса“, и все стихло.

Два часа спустя повторился тотъ же шумъ и тѣ же шаги. Шлюпку втащили на бортъ, поставили въ ея углубленіе, и „Наутилусъ“ погрузился въ воду.

Итакъ эти милліоны были отправлены по своему назначенію. На какую часть материка? Съ кѣмъ имѣлъ дѣло капитанъ Немо?

На слѣдующій день я разсказалъ Конселю и канадцу происшествія этой ночи, возбуждавшія мое любопытство до послѣдней крайности. Мои товарищи были удивлены не менѣе меня.

— Но гдѣ же онъ беретъ эти милліоны? — спросилъ Недъ Лендъ.

Я не находилъ отвѣта. Позавтракавъ, я отправился въ залу и сѣлъ за работу. До пяти часовъ вечера я исправлялъ свои замѣтки. Въ эту минуту, — я не зналъ, приписать ли это явленіе моему личному настроенію, — я почувствовалъ сильный жаръ и долженъ былъ снять съ себя свое платье изъ биссуса. Я не могъ понять причины этого явленія, такъ какъ мы находились не подъ тропическими широтами; къ тому же „Наутилусъ“, погруженный въ море, не долженъ былъ испытывать повышенія температуры. Я посмотрѣлъ на манометръ. Онъ показывалъ глубину шестидесяти футовъ, куда не могла достигать атмосферная теплота.

Я продолжалъ работу, но жаръ становился нестерпимѣе.

„Ужъ не пожаръ ли на кораблѣ?“ подумалъ я.

Я хотѣлъ выйти изъ залы, когда капитанъ Немо вошелъ. Онъ приблизился къ термометру, посмотрѣлъ на него и, повернувшись ко мнѣ, сказалъ:

— Сорокъ-два градуса.

— Я это замѣтилъ, капитанъ, — отвѣчалъ я, — и если жаръ усилится, мы не будемъ въ состояніи его переносить.

— О, господинъ профессоръ, этотъ жаръ усилится только въ томъ случаѣ, если мы того пожелаемъ.

— Вы можете умѣрить его?

— Нѣтъ, но я могу удалиться отъ мѣста его развитія.

— Такъ онъ внѣшній?

— Конечно. Мы плывемъ въ кипящей водѣ.

— Возможно ли?

— Посмотрите.

Ставни открылись, и я увидѣлъ, что море вокругъ „Наутилуса“ совершенно бѣлое. Клубы сѣрнистыхъ паровъ извивались въ волнахъ, кипѣвшихъ какъ въ котлѣ. Я положилъ руку на стекло, но жаръ былъ такъ силенъ, что мнѣ пришлось отнять ее.

— Гдѣ мы? — спросилъ я.

— Возлѣ острова Санторина, господинъ профессоръ, въ каналѣ, отдѣляющемъ островъ Неа-Каменни отъ Палеа-Каменни. Я хотѣлъ показать вамъ любопытную картину подводнаго изверженія.

— Я думалъ, — сказалъ я, — что образованіе этихъ новыхъ острововъ прекратилось.

— Ничто и никогда не прекращается въ вулканическихъ мѣстностяхъ, — отвѣчалъ капитанъ Немо, — и земной шаръ постоянно перерабатывается тамъ подземными огнями. Уже въ девятнадцатомъ году нашей эры, по Кассіодору и Плинію, новый островъ Теіа появился на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ недавно образовались эти островки. Потомъ онъ исчезъ въ волнахъ, но снова появился въ пятьдесятъ-девятомъ году, затѣмъ исчезъ еще разъ. Съ этого времени до нашихъ дней плутоническія работы прекратились. Но 3-го февраля 1866 года новый островокъ, который назвали островъ Георгія, появился среди сѣрныхъ испареній возлѣ Неа-Каменни и соединился съ нимъ 6-го числа того же

мѣсяца. Семь дней спустя, 13-го февраля, появился островокъ Афроэсса отдѣленный отъ Неа-Каменни каналомъ въ десять метровъ ширины. Я былъ въ этихъ моряхъ, когда это случилось, и, слѣдовательно, могъ прослѣдить всѣ фазы явленія. Круглый островокъ Афроэсса имѣлъ триста футовъ въ діаметрѣ и тридцать футовъ высоты. Онъ состоялъ изъ черной стекловидной лавы, смѣшанной съ обломками полевого шпата. Наконецъ 10-го марта еще меньшій островокъ, названный Река, показался возлѣ Неа-Каменни, и съ того времени эти три островка, соединившись вмѣстѣ, образуютъ одинъ большой островъ.

— А каналъ, гдѣ мы находимся въ настоящую минуту? — спросилъ я.

— Вотъ онъ, — отвѣчалъ капитанъ Немо, показывая мнѣ карту архипелага. — Вы видите, что я занесъ сюда новые островки.

— Но этотъ каналъ наполнится когда-нибудь?

— Очень возможно, господинъ Аронаксъ, потому что въ 1866 году восемь маленькихъ островковъ изъ лавы поднялись противъ порта Святого Николая на островѣ Палеа-Каменни. Очевидно, что Неа и Палеа скоро соединятся. Если въ Тихомъ океанѣ материки образуются инфузоріями, то здѣсь въ ихъ образованіи принимаютъ участіе вулканическія явленія. Взгляните, господинъ профессоръ, какая работа совершается подъ волнами.

Я возвратился къ окну. „Наутилусъ“ стоялъ. Жаръ становился нестерпимъ. Изъ бѣлаго море превратилось въ красное отъ присутствія желѣзистой соли. Несмотря на то, что комната была герметически закрыта, въ нее проникалъ невыносимый сѣрный запахъ, и я видѣлъ красное пламя столь яркое, что при немъ блѣднѣлъ электрическій свѣтъ.

Я былъ въ поту, я задыхался, я готовъ былъ испечься.

Да, я чувствовалъ, что начинаю печься!

— Нѣтъ возможности оставаться дольше въ этой кипящей водѣ, — сказалъ я капитану.

— Да, это опасно, — отвѣчалъ невозмутимый капитанъ.

Онъ отдалъ приказаніе, и „Наутилусъ“ повернулся на другой галсъ и удалился отъ этого жерла, къ которому никто не могъ безнаказанно приближаться. Четверть часа спустя мы вздохнули на поверхности воды.

Мнѣ пришло въ голову, что если бы Недъ Лендъ избралъ эту мѣстность для предложеннаго побѣга, то мы не вышли бы живыми изъ этого огненнаго моря.

На слѣдующій день, 16-го февраля, мы оставили этотъ бассейнъ, гдѣ между Родосомъ и Александріей встрѣчаются глубины въ три тысячи метровъ, и, пройдя въ открытое море мимо Чериго, „Наутилусъ“ вышелъ изъ Греческаго архипелага, обогнувъ мысъ Матапанъ.

ГЛАВА VII.

Чрезъ Средиземное море въ сорокъ-восемь часовъ.

Средиземное море, голубое по преимуществу, „великое море“ евреевъ, „море“ грековъ, „mare nostrum“ римлянъ, окаймленное апельсиновыми деревьями, алоэ, кактусами, морскими соснами, благоухающее запахомъ миртъ, окруженное неприступными горами, пропитанное чистымъ и прозрачнымъ воздухомъ, но подверженное непрерывному дѣйствію под-

земнаго огня — является настоящимъ полемъ битвы, гдѣ Нептунъ и Плутонъ до сихъ поръ оспариваютъ одинъ у другого власть надъ міромъ. Тамъ, говоритъ Мишле, на его берегахъ, въ его волнахъ, человѣкъ черпаетъ новыя силы, освѣжается въ одномъ изъ самыхъ лучшихъ климатовъ земного шара.

Но какъ онъ ни красивъ, мнѣ удалось только мелькомъ взглянуть на этотъ бассейнъ, поверхность котораго занимаетъ два милліона квадратныхъ километровъ. Я даже не могъ пользоваться личными свѣдѣніями капитана, потому что этотъ загадочный человѣкъ ни разу не показался въ теченіе всего поспѣшнаго переѣзда.

По моему расчету, „Наутилусъ" прошелъ въ глубинѣ этого моря около шестисотъ миль и сдѣлалъ этотъ переѣздъ въ двое сутокъ. Мы отошли 16-го февраля отъ береговъ Греціи, а 18-го, при восходѣ солнца, миновали Гибралтарскій проливъ.

Мнѣ стало ясно, что Средиземное море, лежавшее между землями, которыхъ онъ избѣгалъ, не нравилось капитану Немо. Его волны и вѣтры приносили ему слишкомъ много воспоминаній, быть-можетъ, даже сожалѣній. Онъ не могъ пользоваться здѣсь такою же свободой движеній, такою же независимостью относительно направленія, какою пользовался въ океанахъ; его „Наутилусу" было тѣсно между сблизившимися берегами Европы и Африки.

Мы дѣлали въ часъ двадцать-пять миль, или двѣнадцать лье и четыре километра. Нечего говорить, что Недъ Лендъ, къ своей величайшей досадѣ, долженъ былъ отказаться отъ предполагаемаго бѣгства. Онъ не могъ воспользоваться шлюпкой, которую увлекало съ быстротой двѣнадцати или тринадцати метровъ въ секунду. Оставить „Наутилусъ" при такихъ условіяхъ было бы такъ же безразсудно, какъ и броситься изъ вагона, ѣдущаго съ такою же скоростью. Притомъ же наше судно возвращалось на поверхность волнъ только ночью, чтобы возобновить запасъ воздуха, направляясь единственно по указаніямъ компаса и лага.

Итакъ въ Средиземномъ морѣ я видѣлъ только то, что можетъ различить пассажиръ экстреннаго поѣзда въ пейзажахъ, проносящихся мимо него: то-есть, отдаленные горизонты, а не ближайшіе предметы, которые ускользаютъ отъ глазъ съ быстротой молніи.

Но все-таки мнѣ и Конселю удалось наблюдать нѣкоторыхъ рыбъ Средиземнаго моря, сильные плавники которыхъ позволяли имъ нѣсколько времени держаться около „Наутилуса". Мы все время находились у оконъ залы, и наши замѣтки даютъ мнѣ возможность описать поподробнѣе интересную ихтіологію этого моря.

Къ сожалѣнію, изъ множества обитающихъ въ немъ рыбъ мнѣ удалось основательно разсмотрѣть только нѣкоторыхъ и взглянуть мелькомъ на другихъ, а большинство, вслѣдствіе чрезвычайной скорости хода нашего судна, совершенно ускользнуло отъ моего наблюденія. Но, тѣмъ не менѣе, мнѣ все-таки удалось сдѣлать довольно интересныя наблюденія, которыми я и хочу подѣлиться съ читателями.

Въ массѣ водъ, ярко освѣщенныхъ электрическимъ свѣтомъ „Наутилуса", извивалось нѣсколько *миногъ,* въ метръ длиною, свойственныхъ почти всѣмъ морямъ. Острорылые *скаты*, въ пять футовъ шириною, съ бѣлымъ животомъ и сѣровато-пепельною спиною, разстилались точно огромные платки, уносимые теченіемъ. Нѣкоторые изъ нихъ проноси-

лись такъ быстро, что я не могъ различить — заслуживаютъ ли они названія орловъ, даннаго имъ греками, или наименованія крысъ, жабъ, летучихъ мышей, какъ ихъ зовутъ многіе современные рыбаки. *Акулы-сопуны,* въ двѣнадцать футовъ длиною, чрезвычайно опасныя для водолазовъ, быстро перегоняли одна другую. *Морскія лисицы*, длиною въ восемь футовъ, надѣленныя удивительно тонкимъ чутьемъ, появлялись подобно большимъ синеватымъ тѣнямъ. *Дорады,* достигавшіе иногда до тринадцати дециметровъ въ длину, мелькали въ своей лазуревой и серебристой одеждѣ, окаймленной полосками, рѣзко выступавшими на темномъ фонѣ ихъ плавниковъ. Эти рыбы посвящены Венерѣ, и глаза ихъ обведены золотистою бровью. Драгоцѣнная порода этихъ рыбъ легко уживается во всякихъ водахъ, прѣсныхъ и соленыхъ, можетъ обитать въ рѣкахъ, озерахъ и моряхъ, освоивается со всѣми климатами и способна переносить всѣ температуры. Ея представители обитали еще во времена геологическихъ періодовъ земного шара, и интересная порода до сего времени сохранила всю свою красоту. Великолѣпные *осетры,* длиною отъ девяти до десяти метровъ, изумительно быстро плавающіе, то и дѣло ударяли могучими хвостами по стекламъ окна, передъ которымъ мы стояли, при чемъ мы каждый разъ любовались ихъ синеватыми спинами съ маленькими коричневыми пятнами. Осетры похожи на акулъ, но не могутъ соперничать съ послѣдними въ силѣ и встрѣчаются во всѣхъ моряхъ. Весною они охотно заходятъ въ большія рѣки; ихъ много ловятъ въ Волгѣ, Дунаѣ, По, Рейнѣ, Луарѣ, Одерѣ и др.; питаются они сельдями, макрелью, лососиною, треской и другою мелкою рыбою. Хотя они и принадлежатъ къ классу хрящевыхъ рыбъ, но очень вкусны, и въ былое время ихъ съ торжествомъ подавали въ цѣльномъ видѣ къ столу Лукулла; да и современные гастрономы не отказываются отъ нихъ.

Но изъ всѣхъ обитателей Средиземнаго моря, когда „Наутилусъ“ поднимался на поверхность и умѣрялъ ходъ, я особенно хорошо могъ наблюдать рыбъ, принадлежащихъ къ шестьдесятъ-третьему роду костистыхъ. Это такъ называемые *тунцы,* съ черновато-синей спиной, серебристымъ животомъ, спинныя перья которыхъ красиво отливаютъ золотомъ. Утверждаютъ, что они всегда слѣдуютъ за кораблями, держась въ ихъ тѣни съ цѣлью защитить себя отъ жгучихъ лучей тропическаго солнца, и, какъ бы въ подтвержденіе этихъ разсказовъ, они сопровождали и „Наутилусъ“. Въ теченіе нѣсколькихъ часовъ они спорили въ скорости съ нашимъ судномъ. Я не могъ достаточно налюбоваться на этихъ интересныхъ животныхъ, такъ хорошо приспособленныхъ для быстраго движенія. Голова у нихъ небольшая, тѣло гладкое, веретенообразное и достигаетъ у нѣкоторыхъ до трехъ метровъ въ длину; грудные плавники отличаются удивительной силой, а хвостовые раздвоены. Они плыли довольно правильнымъ треугольникомъ, какъ летаютъ нѣкоторыя птицы, которымъ тунцы не уступали въ скорости. Вслѣдствіе этого треугольника, древніе полагали, что тунцамъ знакомы стратегія и геометрія. Несмотря на эти познанія, имъ однако не удается избѣгать преслѣдованія провансальцевъ, которые цѣнятъ ихъ не менѣе того, какъ цѣнили жители Пропонтиды и Италіи, и бѣдныя животныя гибнутъ цѣлыми тысячами въ марсельскихъ тоняхъ. Попробую перечислить и тѣхъ рыбъ Средиземнаго моря, которыхъ намъ съ Консе-

лемъ удалось наблюдать только мелькомъ. Здѣсь были бѣловатые *fierasfer*, скользившіе мимо какъ неуловимые пары; *muraena conger*, змѣи, длиною отъ трехъ до четырехъ метровъ, пестрѣвшіе голубымъ, желтымъ и зеленымъ цвѣтами; *gadus merluccius*, длиною до трехъ футовъ, печень котораго очень вкусна; *coepola toenia*, плавающіе точно тонкія водоросли; *тригды*, названныя поэтами рыбами-лирами, а моряками — рыбами-свистунами; ротъ ихъ украшенъ тремя треугольными зубчатыми пластинками, напоминающими музыкальный инструментъ Гомера; *тригды-ласточки*, названныя такъ за свои чрезвычайно быстрыя движенія, похожія на полетъ ласточки; *жабральницы* съ красной головой и спиннымъ плавникомъ, снабженнымъ волокнами; *alosa*, украшенныя черными, сѣрыми, голубыми, коричневыми, зелеными и желтыми пятнами и способныя ощущать серебристый звонъ колокольчиковъ; красивые *палтусы*, морскіе фазаны, похожіе на ромбы, съ желтыми плавниками и покрытые коричневыми точками, вся лѣвая (верхняя) сторона этихъ животныхъ испещрена коричневыми и желтыми крапинками; наконецъ, цѣлыя стада восхитительныхъ *барбутовъ* (mullus barbutus), этихъ парадизокъ океана, за которыхъ римляне платили по десяти тысячъ сестерцій за штуку и безжалостно морили у себя на столѣ, наблюдая ихъ умираніе и постепенное измѣненіе цвѣта, мало-по-малу переходившаго изъ ярко-краснаго цвѣта жизни, напоминавшаго киноварь, въ бѣлый, блѣдный цвѣтъ смерти...

Если я не могъ наблюдать и описать ни *balista*, ни тетродоновъ, ни морскихъ коньковъ, ни *centriseus*, ни *blennius*, ни *mullus surtuletus*, ни *губановъ*, ни *корюшки*, ни *экзоцетовъ*, ни *анчоусовъ*, ни красныхъ *пагровъ*, ни золотистыхъ *чебаковъ*, ни всѣхъ главныхъ представителей семейства камбаловидныхъ, свойственныхъ Средиземному морю и Атлантическому океану, то это по винѣ страшной скорости, съ которою „Наутилусъ“ несся по этимъ чуднымъ водамъ.

Что касается морскихъ млекопитающихъ, то мнѣ кажется, что, проносясь мимо Адріатическаго моря, я замѣтилъ нѣсколькихъ *кашалотовъ*, снабженныхъ спиннымъ плавникомъ и принадлежащихъ къ роду *physeter*, и нѣсколько дельфиновъ изъ рода *globiceps*, обитающихъ въ Средиземномъ морѣ, передняя часть головы которыхъ исполосована маленькими свѣтлыми линіями. Видѣлъ также съ дюжину *тюленей* съ бѣлыми животами и темной шерстью, метра въ три длиной, извѣстныхъ подъ именемъ „монаховъ“ и, правда, напоминающихъ своимъ видомъ доминиканцевъ. Консель, въ свою очередь, замѣтилъ черепаху въ шесть футовъ длиной, украшенную тремя выдающимися продольными выступами. Мнѣ было досадно, что не удалось лично видѣть это интересное животное, но, по описанію Конселя, я понялъ, что онъ видѣлъ *sphargis coriacea*, т. е. весьма большую рѣдкость. Съ своей стороны я замѣтилъ только нѣсколько *какуаннъ* съ продолговатыми черепами.

Что касается животнорастеній, то мнѣ посчастливилось въ теченіе нѣсколькихъ минутъ полюбоваться оригинальною оранжевою *galeolaria*, прицѣпившеюся къ стеклу съ лѣвой стороны „Наутилуса“. Это было длинное, тонкое волоконце, развѣтвлявшееся на множество отпрысковъ и оканчивавшееся самымъ тонкимъ кружевомъ, соперничающимъ съ паутиною. Къ сожалѣнію, мнѣ не удалось добыть этого крайне интереснаго зоофита.

16-го числа „Наутилусъ“ замедлилъ значительно свой ходъ вотъ при какихъ обстоятельствахъ. Мы проходили между Сициліей и берегомъ Туниса. Въ этомъ узкомъ пространствѣ, между мысомъ Гюномъ и Мессинскимъ проливомъ, дно морское повышается почти внезапно. Тамъ образовался настоящій гребень, надъ которымъ остается только семнадцать метровъ воды, между тѣмъ какъ по обѣимъ его сторонамъ глубина доходитъ до ста-семидесяти метровъ. „Наутилусъ“ долженъ былъ итти осторожно, чтобы не наткнуться на эту подводную преграду.

Я показалъ Конселю на картѣ Средиземнаго моря мѣсто, занимаемое этимъ длиннымъ рифомъ.

— Но, съ позволенія господина профессора, — замѣтилъ Консель,— это настоящій перешеекъ, соединяющій Европу съ Африкой?

— Да, другъ мой, — отвѣчалъ я, — онъ совершенно загораживаетъ Ливійскій проливъ, и измѣренія Смита доказали, что прежде материки были соединены между мысомъ Поко и мысомъ Фурина.

— Я этому охотно вѣрю, — сказалъ Консель.

— Прибавлю, — возразилъ я, — что такая же преграда находится между Гибралтаромъ и Цеутой, которая во времена геологическія совершенно запирала Средиземное море.

— Ба! — сказалъ Консель.—Если бы сила подземнаго огня выдвинула въ одинъ прекрасный день обѣ эти преграды изъ волнъ...

— Это невозможно, Консель.

— Но позвольте мнѣ окончить, господинъ профессоръ: если бы произошло подобное явленіе, то оно было бы очень непріятно господину Лессепсу, который такъ хлопочетъ, прорывая свой перешеекъ.

— Согласенъ; но повторяю тебѣ, Консель, что этого никогда не случится. Сила подземнаго огня постепенно ослабѣваетъ. Вулканы, столь многочисленные въ первые дни міра, мало-по-малу угасаютъ. Внутренній жаръ ослабѣваетъ, температура внѣшнихъ слоевъ замного шара понижается замѣтно въ каждое столѣтіе и понижается въ ущербъ нашей планеты, потому что этимъ жаромъ обусловливается ея жизнь.

— Однако, солнце...

— Солнца недостаточно, Консель. Развѣ можетъ оно возвратить жизнь трупу?

— Сколько я знаю, нѣтъ.

— Итакъ, другъ мой, земля будетъ со временемъ этимъ охладѣвшимъ трупомъ. На ней нельзя будетъ жить, и она сдѣлается необитаемою, какъ луна, которая уже давно утратила свою жизненную теплоту.

— Черезъ сколько вѣковъ? — спросилъ Консель.

— Черезъ нѣсколько сотъ тысячелѣтій мой другъ.

— Въ такемъ случаѣ мы успѣемъ окончить наше путешествіе, — отвѣтилъ Консель, — если только Недъ Лендъ не вмѣшается въ дѣло.

И, успокоившись, Консель принялся изучать подводную гору, мимо которой „Наутилусъ“ шелъ съ умѣренною скоростью.

Мы увидѣли, какъ на скалистой и вулканической почвѣ распускалась цѣлая живая флора: *губки, голотуріи,* прозрачные *цидиппы*, украшенные красноватыми нитями и испускавшіе слабый фосфорическій свѣтъ; *бероэ,* извѣстные среди матросовъ подъ именемъ „морскихъ огурцовъ“, переливавшіе всѣми цвѣтами солнечнаго спектра; странствующія *коматулы,* величиной въ метръ, окрашивавшія воду своимъ яркимъ

пурпуровымъ цвѣтомъ; древовидные *эвріалы,* чудной красоты; *павлинохвосты,* на длинныхъ стебляхъ; много съѣдобныхъ *морскихъ ежей* всевозможныхъ видовъ и зеленыхъ *актиній* съ сѣроватымъ стволомъ и коричневымъ дискомъ, исчезавшихъ въ густой массѣ своихъ оливковыхъ щупальцевъ.

Пока я разсматривалъ эту живую флору, Консель преимущественно занимался наблюденіями надъ моллюсками и членистыми, и хотя подробное переименованіе ихъ немного суховато, но, не желая обидѣть честнаго малаго, запишу и его наблюденія.

Въ отдѣлѣ моллюсковъ Консель замѣтилъ многочисленныхъ *гребешковъ; spondylus*, возвышающихся одни надъ другими; треугольныхъ *донацій; hyalea tridentata* съ желтыми плавниками и прозрачными раковинами; *ovula,* усѣянныхъ зеленоватыми точками; *аплизій,* извѣстныхъ и подъ именемъ „морскихъ зайцевъ"; *dolabella;* виды *umbrella,* обитающіе въ Средиземномъ морѣ; *haliotis,* раковины котораго даютъ перламутръ; *anomia,* которыхъ жители Лангедока, говорятъ, предпочитаютъ устрицамъ; *venera verrucosa,* такъ цѣнимыхъ марсельцами; нѣсколько *кламовъ,* которыми изобилуютъ берега Сѣверной Америки и которые составляютъ предметъ значительной торговли въ Нью-Йоркѣ; *pecten opescularis* всевозможныхъ цвѣтовъ; *камнеокиловъ,* забивающихся въ свои норы, вкусомъ похожихъ на перецъ; рубчатыхъ *венерикардій,* раковина которыхъ имѣетъ выпуклости на верхушкѣ и по бокамъ; *цинтій,* сплошь усаженныхъ красными наростами; *carniaria* съ загнутыми оконечностями, похожихъ на маленькія гондолы; *атлантъ* со спиральными раковинами; сѣрыхъ *thetys* съ бѣлыми пятнами, покрытыхъ точно мантіей съ бахромой; *эолидъ,* похожихъ на небольшихъ улитокъ; *каволинъ,* ползающихъ на спинѣ; *аврикулъ* и, среди нихъ, *auricula myosotis* съ овальною раковиной.

Относительно членистыхъ я долженъ сознаться, что Консель совершенно правъ, раздѣливъ ихъ на шесть классовъ, изъ которыхъ три принадлежатъ къ морскому міру, — напримѣръ: классы ракообразныхъ, усоногихъ и кольчецовъ.

Всѣ ракообразныя подраздѣляются на девять порядковъ. Первый изъ нихъ заключаетъ десятиногихъ, то-есть тѣхъ животныхъ, голова которыхъ по большей части соединена съ грудью, ротъ снабженъ нѣсколькими парами видоизмѣненныхъ ногъ, и которыя обладаютъ четырьмя, пятью и даже шестью парами грудныхъ ногъ, служащихъ имъ для передвиженія. Слѣдуя методѣ Мильнъ-Эдвардса, Консель раздѣляетъ десятиногихъ на три отдѣла: *brachiura, macrura* и *anomura.* Имена эти звучатъ немного странно, но они точны и ясны. Среди короткохвостыхъ Консель упоминаетъ *amathia,* лобъ которыхъ вооруженъ двумя большими расходящимися шипами; *inachus scorpio,* считавшійся, неизвѣстно почему, символомъ мудрости у грековъ; *lambrus spirimanus,* попавшіе сюда, по всей вѣроятности, случайно, потому что они обыкновенно обитаютъ на значительной глубинѣ. Далѣе: *xantho, pilumnus, callara granulosa*, которыя такъ легко перевариваются, по мнѣнію Конселя.

Среди длиннохвостыхъ *(macrura),* подраздѣляющихся на пять семействъ, Консель наблюдалъ: обыкновенныхъ *лангустъ,* мясо самокъ которыхъ считается довольно вкуснымъ; *scyllarus arctus, gebia rivularis* и много другихъ видовъ, употребляющихся въ пищу; но онъ ничего не

упоминаетъ о семействѣ *astacina,* къ которому принадлежатъ омары, потому что лангусты — единственные омары въ Средиземномъ морѣ. Наконецъ, между *anomura* онъ замѣтилъ обыкновенныхъ *дроцинъ,* прятавшихся въ раковинахъ, которыми онѣ овладѣваютъ; *homola* съ шипами на головѣ; *раковъ-отшельниковъ, порцелланъ* и много другихъ.

Этимъ и заканчиваются наблюденія Конселя. У него не было времени дополнить классъ ракообразныхъ другими видами.

Чтобы закончить обзоръ морскихъ членистыхъ, ему слѣдовало бы упомянуть о классѣ усоногихъ, заключающемъ въ себѣ *циклоповъ, аргулусовъ,* и о классѣ *кольчецовъ.*

Миновавъ подводную гору Ливійскаго пролива, „Наутилусъ“ вступилъ опять въ глубокія мѣста и снова пошелъ съ прежней быстротою. Мы уже не могли болѣе наблюдать ни мягкотѣлыхъ, ни членистыхъ, ни зоофитовъ и съ трудомъ успѣли разсмотрѣть нѣсколько какихъ-то большихъ рыбъ, промелькнувшихъ передъ нами точно тѣни.

Въ ночь съ 16-го на 17-е февраля мы вступили во второй бассейнъ Средиземнаго моря, самая большая глубина котораго достигаетъ трехъ тысячъ метровъ. Повинуясь дѣйствію винта, „Наутилусъ“ скользилъ на своихъ наклонныхъ плоскостяхъ и достигъ самыхъ послѣднихъ слоевъ моря.

Тамъ, вмѣсто естественныхъ чудесъ, масса водъ открыла моимъ глазамъ множество ужасныхъ и трогательныхъ сценъ. И въ самомъ дѣлѣ, мы проходили ту часть Средиземнаго моря, которая такъ богата несчастіями. Сколько кораблей погибло, сколько судовъ исчезло между берегомъ Алжира и берегами Прованса! Въ сравненіи съ обширною водною равниной Тихаго океана, Средиземное море не что иное какъ озеро, но озеро капризное, съ измѣнчивыми волнами. Сегодня оно благопріятно и ластится къ хрупкой баркѣ, плывущей между двойною лазурью водъ и небесъ; завтра сердито и бурно вздымается вѣтрами и разбиваетъ самые крѣпкіе корабли безпрестанными ударами своихъ короткихъ волнъ.

Сколько разбитыхъ судовъ увидалъ я на днѣ во время этого непродолжительнаго плаванія въ глубокихъ слояхъ! Одни — уже покрытые кораллами, другіе — только слоемъ ржавчины. Тутъ находились якоря, пушки, ядра, желѣзная оковка, лопасти винта, обломки машинъ, разбитые цилиндры, котлы безъ дна, наконецъ цѣлые корпусы судовъ, плавающіе между двумя теченіями, одни прямо, другіе опрокинувшись.

Изъ этихъ потонувшихъ кораблей одни погибли вслѣдствіе столкновенія, другіе — наткнувшись на гранитныя скалы. Встрѣчались и такіе, которые пошли ко дну отвѣсно, съ прямо стоявшими мачтами. Они, казалось, стояли на якорѣ въ огромномъ открытомъ рейдѣ и только ждали минуты отплытія. Когда „Наутилусъ“ проходилъ между ними и озарялъ ихъ электрическимъ свѣтомъ, эти корабли были, казалось, готовы привѣтствовать его флагами и размѣняться съ нимъ сигналами. Но нѣтъ ничего, кромѣ молчанія и смерти, на этомъ полѣ погибели. Я замѣтилъ, что по мѣрѣ приближенія „Наутилуса“ къ Гибралтарскому проливу дно Средиземнаго моря представляло все болѣе и болѣе этихъ печальныхъ развалинъ. Берега Африки и Европы сближаются, и въ этомъ узкомъ пространствѣ часто происходятъ столкновенія. Я увидалъ тамъ множество желѣзныхъ корпусовъ и фантастическихъ развалинъ

пароходовъ; одни изъ нихъ лежали, другіе стояли прямо, напоминая огромныхъ животныхъ. Одно такое судно, съ пробитымъ бокомъ, изогнутою трубой, съ колесами, отъ которыхъ уцѣлѣла одна оковка, съ рулемъ, отдѣлившимся отъ ахтерштевня и только висѣвшимъ на желѣзной цѣпи, съ заднимъ планширомъ, изъѣденнымъ морскими солями,

«...изъ боченковъ сыпалось золото...» (Стр. 208).

представляло страшную картину! Сколько жертвъ похитили волны! Спасся ли хоть одинъ матросъ, чтобы разсказать объ ужасномъ несчастіи, или море и до сихъ поръ хранитъ его втайнѣ? Не знаю почему, но мнѣ пришло въ голову, что это судно, покоившееся въ глубинѣ моря, — „Атласъ“, исчезнувшій съ людьми и грузомъ лѣтъ двадцать тому назадъ, о которомъ съ тѣхъ поръ не было никакихъ извѣстій. Какъ

ужасна была бы исторія дна Средиземнаго моря, этого обширнаго кладбища, гдѣ погибло столько сокровищъ, гдѣ столько жертвъ нашло себѣ могилу!

Между тѣмъ „Наутилусъ", равнодушный и быстрый, несся со всею скоростью винта между этими развалинами. 18-го февраля, около трехъ часовъ утра, онъ очутился у входа въ Гибралтарскій проливъ.

Тамъ существуютъ два теченія: одно верхнее, давно извѣстное, которое несетъ воды океана въ бассейнъ Средиземнаго моря; потомъ противоположное ему теченіе, нижнее, существованіе котораго нынѣ доказано теоретически. Въ самомъ дѣлѣ, количество водъ Средиземнаго моря, безпрестанно увеличивающееся впадающими въ него рѣками и волнами Атлантическаго океана, должно бы ежегодно поднимать уровень этого моря, потому что испаренія его недостаточны для возстановленія равновѣсія. Но этого нѣтъ въ дѣйствительности, и естественно должны были признать существованіе нижняго теченія, которое черезъ Гибралтарскій проливъ изливаетъ въ Атлантическій океанъ избытокъ водъ Средиземнаго моря.

Фактъ этотъ справедливъ. „Наутилусъ" воспользовался этимъ противоположнымъ теченіемъ. Онъ быстро пошелъ впередъ въ узкомъ проходѣ. Одно мгновенье я могъ любоваться удивительными развалинами храма Геркулеса, провалившагося, по словамъ Плинія и Авіена, вмѣстѣ съ низменнымъ островомъ, на которомъ онъ находился, а нѣсколько минутъ спустя мы уже плыли по волнамъ Атлантическаго океана.

ГЛАВА VIII.

Заливъ Виго.

Атлантическій океанъ! Обширная водяная равнина, покрывающая двадцать-пять милліоновъ квадратныхъ миль, занимающая въ длину девять тысячъ миль и въ ширину среднимъ числомъ до двухъ тысячъ семисотъ миль. Море это имѣетъ великое значеніе, но почти не было извѣстно древнимъ, за исключеніемъ, быть-можетъ, карѳагенянъ, этихъ голландцевъ древности, которые въ своихъ торговыхъ путешествіяхъ огибали западные берега Европы и Африки. Океанъ, берега котораго своими параллельными изгибами обнимаютъ огромный периметръ, орошаемый величайшими рѣками въ мірѣ: Святого Лаврентія, Миссисипи, Амазонкой, Ла-Платой, Ориноко, Нигеромъ, Сенегаломъ, Эльбой, Луарой, Рейномъ, которыя несутъ ему воды изъ странъ самыхъ образованныхъ и самыхъ дикихъ. Великолѣпная водяная равнина, по которой безпрестанно снуютъ корабли всѣхъ націй, подъ всевозможными флагами, и которая оканчивается двумя страшными мысами, опасными для мореплавателей: мысомъ Горнъ и мысомъ Бурь.

„Наутилусъ" разсѣкалъ его воды остреемъ своего носа, сдѣлавъ въ три съ половиной мѣсяца около десяти тысячъ миль, — путь, превосходившій длину одного изъ большихъ земныхъ круговъ. Куда мы шли и что намъ предстояло въ будущемъ?

Миновавъ Гибралтарскій проливъ, „Наутилусъ" пустился въ открытое море. Онъ вернулся на поверхность, и наши ежедневныя прогулки

по платформѣ возобновились. Я тотчасъ отправился наверхъ въ сопровожденіи Неда Ленда и Конселя. На разстояніи двадцати миль виднѣлся неясный очеркъ мыса Святого Викентія, составляющаго юго-западную оконечность испанскаго полуострова. Дулъ довольно сильный южный вѣтеръ. Море было неспокойно и сильно волновалось; „Наутилусъ“ подвергался значительной боковой качкѣ. Было трудно, почти невозможно держаться на платформѣ, которую ежеминутно обдавали огромныя морскія волны. Мы опять ушли, вдохнувъ нѣсколько глотковъ свѣжаго воздуха.

Я возвратился въ свою комнату. Консель отправился въ свою каюту, но канадецъ послѣдовалъ за мной. Онъ, казалось, былъ озабоченъ. Нашъ быстрый переѣздъ черезъ Средиземное море помѣшалъ ему привести въ исполненіе его намѣреніе, и онъ не скрывалъ своего разочарованія.

Когда дверь моей комнаты затворилась за нами, онъ сѣлъ и посмотрѣлъ на меня молча.

— Другъ Недъ, — сказалъ я ему, — я понимаю васъ, но вамъ не въ чемъ упрекнуть себя. Плаваніе наше совершилось при такихъ условіяхъ, что покинуть „Наутилусъ“ было бы безразсудно.

Недъ Лендъ молчалъ. Сжатыя губы, сдвинутыя брови свидѣтельствовали о томъ, что имъ овладѣла неотступная, исключительная мысль.

— Посмотримъ, — продолжалъ я: — отчаиваться нечего. Мы идемъ вдоль португальскаго берега. Вблизи лежатъ Франція и Англія, гдѣ мы безъ труда найдемъ убѣжище. Вотъ если бы при выходѣ изъ Гибралтара „Наутилусъ“ повернулъ къ югу, если бъ онъ увлекалъ насъ въ тѣ края, гдѣ материковъ мало, я раздѣлялъ бы ваше безпокойство. Но мы теперь знаемъ, что капитанъ Немо не избѣгаетъ морей образованныхъ странъ, и я думаю, что черезъ нѣсколько дней вы будете имѣть возможность дѣйствовать съ нѣкоторою безопасностью.

Недъ Лендъ посмотрѣлъ на меня еще пристальнѣе и разжалъ наконецъ губы.

— Сегодня вечеромъ, — сказалъ онъ.

Я вскочилъ. Признаюсь, я вовсе не былъ приготовленъ къ такому извѣстію. Я хотѣлъ отвѣчать канадцу, но не находилъ словъ.

— Мы условились выждать удобнаго случая, — продолжалъ Недъ Лендъ: — случай у меня въ рукахъ. Сегодня вечеромъ мы будемъ въ нѣсколькихъ миляхъ отъ испанскаго берега. Ночь темна, вѣтеръ дуетъ съ моря. Вы мнѣ дали слово, господинъ профессоръ, и я разсчитываю на васъ.

Я все молчалъ, канадецъ поднялся и подошелъ ко мнѣ.

— Вечеромъ въ девять часовъ, — сказалъ онъ. — Я предупредилъ Конселя. Капитанъ Немо запрется къ тому времени у себя въ комнатѣ и, по всей вѣроятности, будетъ въ постели. Ни механики ни матросы не могутъ насъ видѣть. Мы съ Конселемъ достигнемъ средней лѣстницы. Вы, господинъ Аронаксъ, вы будете въ библіотекѣ, въ двухъ шагахъ отъ насъ, ожидая сигнала. Весла, мачта и парусъ въ шлюпкѣ. Мнѣ даже удалось положить туда кой-какой провизіи. Я добылъ англійскій ключъ, чтобы отвинтить гайки, прикрѣпляющія шлюпку къ корпусу „Наутилуса“. Итакъ все готово. Сегодня вечеромъ.

— Море неспокойно, — сказалъ я.

— Правда, — отвѣчалъ канадецъ, — но надо отважиться на это. Свобода стоитъ того, чтобы за нее поплатиться. Впрочемъ, шлюпка крѣпка, и нѣсколько миль, при попутномъ вѣтрѣ, дѣло не трудное. Какъ знать, пожалуй завтра мы будемъ въ открытомъ морѣ, во ста миляхъ отъ берега. Если же обстоятельства будутъ благопріятствовать, мы, можетъ-быть, между десятью и одиннадцатью часами высадимся гдѣ-нибудь на твердой землѣ или ужъ не будемъ въ живыхъ. Итакъ, съ надеждой на милость Божію, сегодня вечеромъ.

Съ этими словами канадецъ удалился. Я былъ оглушенъ. Я воображалъ, что при случаѣ буду имѣть возможность обдумать, обсудить. Мой упрямый товарищъ не допускалъ этого. Да и что бы я сказалъ ему? Недъ Лендъ былъ тысячу разъ правъ. Представлялся удобный случай, — онъ пользовался имъ. Могъ ли я отказаться отъ даннаго слова и принять на себя отвѣтственность, рискуя для личныхъ цѣлей будущностью своихъ товарищей? Развѣ капитанъ Немо не могъ завтра же увезти насъ далеко отъ всякой земли!

Въ эту минуту довольно сильный свистъ извѣстилъ меня, что резервуары наполнялись. „Наутилусъ“ погрузился въ волны Атлантическаго океана.

Я остался у себя въ комнатѣ. Я избѣгалъ капитана, желая скрыть отъ него овладѣвшее мною волненіе. Грустный день провелъ я такимъ образомъ между желаніемъ завоевать снова свободу и сожалѣніемъ о томъ, что долженъ покинуть удивительный „Наутилусъ“ и оставить неоконченными всѣ подводныя изслѣдованія. Покинуть такъ этотъ океанъ, „мой Атлантическій океанъ“, какъ я охотно называлъ его, не видавъ его послѣднихъ слоевъ, не разузнавъ его тайнъ, которыя мнѣ открыли Индійское море и Тихій океанъ! Романъ выпадалъ у меня изъ рукъ на первомъ томѣ, мой сонъ прерывался на самомъ лучшемъ мѣстѣ. Какъ мучительно тянулись часы! То я видѣлъ себя въ безопасности, на твердой землѣ, вмѣстѣ съ товарищами; то вопреки своему разсудку желалъ, чтобы какое-нибудь непредвидѣнное обстоятельство помѣшало осуществленію плановъ Неда Ленда.

Два раза я входилъ въ залу. Я хотѣлъ взглянуть на компасъ. Я хотѣлъ знать, приближаетъ или удаляетъ насъ отъ берега направленіе „Наутилуса“. Но нѣтъ, „Наутилусъ“ все держался въ португальскихъ водахъ. Онъ шелъ къ сѣверу, придерживаясь береговъ океана. Приходилось покориться необходимости и готовиться къ побѣгу. Мой багажъ былъ не великъ: мои замѣтки и ничего болѣе.

Я спрашивалъ себя, что подумаетъ капитанъ Немо о нашемъ бѣгствѣ. Какія тревоги, какой вредъ оно можетъ причинить ему, и какъ онъ поступитъ, если оно не удастся или будетъ преждевременно открыто? Конечно, я не имѣлъ причинъ жаловаться на него. Напротивъ, никогда гостепріимство не было искреннѣе. Покидая его, я не могъ заслужить упрека въ неблагодарности. Никакая клятва не связывала меня съ нимъ. Оставляя насъ возлѣ себя, онъ разсчитывалъ только на силу обстоятельствъ, а не на наше слово. Но это прямо высказанное намѣреніе держать насъ всегда плѣнниками на своемъ кораблѣ извиняло всѣ наши попытки.

Я не видалъ капитана со времени нашего пребыванія вблизи острова Санторина. Сведетъ ли насъ случай до моего предполагаемаго отъѣзда?

Я и желалъ и въ то же время боялся этого. Я прислушивался, не раздадутся ли шаги его въ его комнатѣ, смежной съ моей. Но никакой шумъ не достигалъ до моего слуха. Комната, казалось, пуста.

Тогда я сталъ спрашивать себя: на кораблѣ ли этотъ загадочный человѣкъ? Съ той ночи, когда шлюпка „Наутилуса" отправлялась для исполненія какого-то тайнаго порученія, мои мысли относительно капитана слегка измѣнились. Я думалъ, что, несмотря на свои увѣренія, капитанъ Немо сохранилъ съ землей извѣстнаго рода сношенія. Будто онъ никогда не уѣзжалъ съ „Наутилуса"? Часто мнѣ случалось не встрѣчать его по цѣлымъ недѣлямъ. Что дѣлалъ онъ въ это время? Можетъ-быть, когда я воображалъ, что онъ находится въ припадкѣ мизантропіи, онъ гдѣ-нибудь далеко служилъ тайному дѣлу, сущность котораго до сихъ поръ ускользала отъ меня.

Всѣ эти мысли и тысяча другихъ осаждали меня. Въ нашемъ странномъ положеніи естественно представлялось безконечное поле для предположеній. Я испытывалъ непобѣдимое безпокойство. День ожиданія казался мнѣ безконечнымъ. Часы проходили слишкомъ медленно для моего нетерпѣнія.

Обѣдъ, по обыкновенію, подали въ мою комнату. Я былъ слишкомъ озабоченъ и ѣлъ мало. Я вышелъ изъ-за стола въ семь часовъ. Сто-двадцать минутъ — я счелъ ихъ — отдѣляли меня отъ того мгновенья, когда я долженъ буду присоединиться къ Неду Ленду.

Мое волненіе удвоивалось. Пульсъ бился сильно. Я не могъ сидѣть спокойно. Я ходилъ взадъ и впередъ, надѣясь движеніемъ укротить тревогу ума. Мысль, что мы можемъ погибнуть въ нашемъ дерзкомъ предпріятіи, казалась мнѣ наименѣе тягостною; но когда мнѣ приходило въ голову, что нашъ планъ откроютъ, прежде чѣмъ мы оставимъ „Наутилусъ", что насъ приведутъ къ капитану Немо, раздраженному или, что еще хуже, огорченному моей измѣной, — сердце мое замирало.

Я хотѣлъ взглянуть въ послѣдній разъ на залу. Я прошелъ коридоръ и вступилъ въ музеумъ, гдѣ провелъ столько пріятныхъ и полезныхъ часовъ. Я смотрѣлъ на всѣ эти богатства, на всѣ сокровища, какъ смотритъ человѣкъ наканунѣ вѣчнаго изгнанія, когда онъ удаляется, чтобы никогда не возвращаться. Я долженъ былъ покинуть навсегда эти чудеса природы и великолѣпныя произведенія искусства, между которыми провелъ столько дней своей жизни. Мнѣ хотѣлось взглянуть чрезъ стекла залы на воды Атлантическаго океана; но ставни были герметически заперты, и листовое желѣзо отдѣляло меня отъ океана, который я еще не успѣлъ изучить.

Проходя чрезъ залу, я подошелъ къ двери, скрывавшейся въ скошенной стѣнѣ и выходившей въ комнату капитана Немо. Къ моему величайшему изумленію, дверь эта была полуотворена. Я невольно отступилъ. Если капитанъ Немо былъ тамъ, онъ могъ замѣтить меня. Однако, не слыша шума, я подошелъ ближе. Никого не было. Я толкнулъ дверь, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и очутился въ комнатѣ. Все въ ней было попрежнему сурово и напоминало келью отшельника.

Въ эту минуту нѣсколько эстамповъ, висѣвшихъ на стѣнѣ и не замѣченныхъ мною во время моего перваго посѣщенія, поразили меня. Это были портреты историческихъ людей, жизнь которыхъ отличалась самопожертвованіемъ или служеніемъ гуманной идеѣ.

Какая связь соединяла души этихъ героевъ съ душой капитана Немо? Могъ ли я въ этомъ собраніи портретовъ найти разгадку его существованія? Былъ ли онъ защитникомъ угнетенныхъ, освободителемъ порабощенныхъ? Былъ ли онъ однимъ изъ героевъ страшной американской войны,— войны печальной, но вѣчно славной?

Вдругъ часы пробили восемь. Первый ударъ молота пробудилъ меня отъ моихъ сновъ. Я вздрогнулъ, какъ будто невидимый взоръ могъ проникнуть въ самые сокровенные изгибы моихъ мыслей, и бросился вонъ изъ комнаты. Тамъ глаза мои остановились на компасѣ. Мы все еще направлялись къ сѣверу. Лагъ показывалъ умѣренную скорость, манометръ — около шестидесяти футовъ глубины. Обстоятельства благопріятствовали намѣренію канадца. Я вернулся въ свою комнату. Я одѣлся потеплѣй: морскіе сапоги, шапка изъ мѣха выдры, сюртукъ изъ биссуса, подбитый кожей тюленя, составляли мой костюмъ. Я былъ готовъ и ждалъ. Только содроганія винта нарушали глубокое молчаніе, царствовавшее на кораблѣ. Я слушалъ, я напрягалъ слухъ. Можетъ-быть, внезапный крикъ возвѣститъ мнѣ, что Недъ Лендъ пойманъ при своихъ приготовленіяхъ къ побѣгу.

Страшное безпокойство овладѣло мной. Я напрасно старался возвратить самообладаніе.

Въ девять часовъ безъ нѣсколькихъ минутъ я приложилъ ухо къ двери капитана. Никакого шума. Я вышелъ изъ своей комнаты и отправился въ залу, гдѣ царствовалъ полумракъ. Она была пуста.

Я отворилъ дверь, которая вела въ библіотеку. Тотъ же слабый свѣтъ и также ни души. Я помѣстился у двери, выходившей на среднюю лѣстницу. Я ждалъ сигнала Неда Ленда.

Въ эту минуту содроганіе винта стало значительно замедляться, потомъ прекратилось совершенно. Къ чему эта перемѣна въ ходѣ „Наутилуса"? Я не могъ сказать, благопріятствуетъ эта остановка намѣреніямъ канадца или вредитъ имъ.

Тишина нарушалась только біеніемъ моего сердца.

Вдругъ я почувствовалъ слабый толчокъ. Я понялъ, что „Наутилусъ" остановился на днѣ океана. Мое безпокойство удвоилось. Сигналъ канадца не достигалъ до моего слуха. Мнѣ хотѣлось найти Неда Ленда и уговорить его отложить попытку. Я чувствовалъ, что условія при которыхъ обыкновенно совершалось наше плаваніе, теперь измѣнились. Въ эту минуту дверь большой залы отворилась, и появился капитанъ Немо. Онъ увидалъ меня и началъ безъ всякаго предисловія:

— А, господинъ профессоръ! Я васъ искалъ. Знаете ли вы исторію Испаніи?

Можно было знать въ совершенствѣ исторію своей собственной страны и однако при тѣхъ обстоятельствахъ, въ коихъ я находился, растерявшись отъ волненія и тревогъ, не сумѣть произнести изъ нея ни одного слова.

— Ну, — повторилъ капитанъ, — вы слышали мой вопросъ? Знаете ли вы исторію Испаніи?

— Очень дурно, — отвѣчалъ я.

— Вотъ вы, господа ученые, всегда такъ, — сказалъ капитанъ: — самаго интереснаго и не знаете! Ну, такъ садитесь, — прибавилъ онъ, — я разскажу вамъ любопытный эпизодъ изъ этой исторіи.

Капитанъ расположился на диванѣ, я машинально занялъ мѣсто возлѣ него въ этомъ полусвѣтѣ.

— Господинъ профессоръ, — сказалъ онъ, — слушайте меня внимательно. Эта исторія васъ заинтересуетъ одною своею стороной, потому что отвѣтитъ на вопросъ, котораго вы, конечно, не могли разрѣшить.

— Я слушаю васъ, капитанъ, — отвѣчалъ я, не понимая, къ чему клонится рѣчь моего собесѣдника, и спрашивая себя, не имѣетъ ли это происшествіе отношенія къ нашему предполагаемому бѣгству.

— Господинъ профессоръ, мы вернемся, если вы позволите, къ 1702 году. Вы, конечно, знаете, что въ это время вашъ король Людовикъ XIV, воображая, что довольно одного мановенія владыки, чтобы заставить Пиринеи скрытьcя подъ землей, навязалъ испанцамъ своего внука, герцога Анжуйскаго. Государь этотъ принужденъ былъ бороться съ сильными внѣшними врагами. И въ самомъ дѣлѣ, въ предшествовавшемъ году царственные дома Голландіи, Австріи и Англіи заключили въ Гаагѣ союзъ съ цѣлью отнять у Филиппа V испанскую корону и возложить ее на голову одного эрцгерцога, которому они дали заранѣе имя Карла III. Испаніи пришлось бороться съ этимъ союзомъ. Но у нея почти не было ни войска ни флота. Впрочемъ, она не имѣла недостатка въ деньгахъ и могла бы получить ихъ, если бы ея галіонамъ, нагруженнымъ золотомъ и серебромъ Америки, удалось вступить въ ея гавани. Итакъ въ концѣ 1702 года она ожидала богатаго поѣзда, который шелъ подъ прикрытіемъ французскаго флота, состоявшаго изъ двадцати-трехъ кораблей, находившихся подъ начальствомъ адмирала Шато-Рено, такъ какъ флоты союзниковъ крейсеровали въ Атлантическомъ океанѣ. Поѣздъ этотъ направлялся къ Кадиксу; но, узнавъ, что англійскіе корабли крейсеруютъ въ этихъ мѣстахъ, адмиралъ рѣшился достигнуть французскаго порта. Испанскіе командиры, сопровождавшіе поѣздъ, воспротивились этому рѣшенію. Они непремѣнно хотѣли итти въ какой-нибудь испанскій портъ и, за невозможностью достигнуть Кадикса, избрали находящуюся на сѣверо-западномъ берегу Испаніи бухту Виго, которая не была блокирована. Адмиралъ Шато-Рено имѣлъ слабость подчиниться этому требованію, и галіоны вступили въ бухту Виго. Къ несчастію, эта бухта — открытый рейдъ, и нѣтъ возможности защитить ее. Слѣдовало спѣшить выгрузкой галіоновъ до прибытія союзныхъ флотовъ; времени для этого было совершенно достаточно, какъ вдругъ неожиданно возникъ ничтожный вопросъ соперничества... Вы слѣдите за сцѣпленіемъ фактовъ? — спросилъ меня капитанъ Немо.

— Какъ нельзя внимательнѣе, — отвѣчалъ я, не понимая еще, однако, для чего мнѣ читали этотъ урокъ исторіи.

— Я продолжаю. Вотъ что случилось. Купцы Кадикса имѣли привилегію, на основаніи которой они получали всѣ товары, идущіе изъ западной Индіи. Выгрузить золото галіоновъ въ портѣ Виго — значило нарушить ихъ права. Они жаловались въ Мадридѣ и добились того, что слабый Филиппъ V приказалъ, чтобы галіоновъ не разгружали и до удаленія непріятельскаго флота оставили подъ секвестромъ въ бухтѣ Виго. Между тѣмъ какъ принималось это рѣшеніе, 22-го октября 1702 года англійскіе корабли вступили въ бухту Виго. Несмотря на свои слабыя силы, адмиралъ Шато-Рено сражался храбро; но когда онъ

убѣдился, что ввѣренныя ему богатства попадутъ въ руки враговъ, онъ зажегъ и потопилъ галіоны, которые погрузились со всѣми неоцѣненными сокровищами.

Капитанъ Немо остановился. Признаюсь, я все еще не понималъ, почему эта исторія могла интересовать меня.

— Итакъ? — спросилъ я.

— Итакъ, господинъ Аронаксъ, — отвѣчалъ капитанъ Немо, — мы теперь въ бухтѣ Виго, и если вы желаете, то можете проникнуть въ ея тайны.

Капитанъ всталъ и попросилъ меня слѣдовать за нимъ. Я успѣлъ оправиться и повиновался. Въ залѣ было темно, но сквозь прозрачныя стекла виднѣлись сіяющія волны моря. Я сталъ смотрѣть.

Со всѣхъ сторонъ „Наутилуса", на полмили въ окружности, воды, казалось, были пропитаны электрическимъ свѣтомъ. Песчаное дно виднѣлось какъ нельзя яснѣе. Между почернѣвшими обломками судовъ хлопотали матросы „Наутилуса", одѣтые въ скафандры, вытаскивали полусгнившіе боченки и изломанные ящики. Изъ этихъ ящиковъ и боченковъ сыпались слитки золота и серебра, цѣлые потоки піастровъ и драгоцѣнныхъ камней. Песокъ былъ покрытъ ими. Потомъ, отягченные своею драгоцѣнною добычей, люди возвращались къ „Наутилусу", оставляли тамъ свою ношу и снова принимались за это неисчерпаемое собираніе золота и серебра.

Я понялъ. Здѣсь произошло сраженіе 22 октября 1702 года. На этомъ самомъ мѣстѣ пошли ко дну галіоны, которые везли сокровища испанскому правительству. Здѣсь, смотря по надобности, капитанъ Немо запасался милліонами и нагружалъ ими свой „Наутилусъ". Ему одному отдавала Америка свои драгоцѣнные металлы. Онъ прямо и безраздѣльно наслѣдовалъ сокровища, отнятыя у инковъ, побѣжденныхъ Фернандомъ Кортецъ.

— Знали ли вы, господинъ профессоръ, — спросилъ онъ, улыбаясь, — что море заключаетъ столько сокровищъ?

— Я зналъ, — отвѣчалъ я, — что, по вычисленіямъ, воды его содержатъ два милліона тоннъ серебра.

— Безъ сомнѣнія; но если бы вы вздумали выдѣлить это серебро, то издержки превзошли бы прибыль. Здѣсь же, напротивъ, мнѣ только стоитъ поднять то, что люди потеряли, и не только въ этой бухтѣ Виго, но въ тысячѣ различныхъ мѣстъ, гдѣ случались кораблекрушенія и которыя отмѣчены на моей картѣ морского дна. Понимаете ли вы теперь, что я владѣю милліардами?

— Понимаю, капитанъ; но позвольте замѣтить вамъ, что, избравъ для своихъ работъ именно заливъ Виго, вы только предупредили другое общество, которое могло бы соперничать съ вами.

— Какое?

— Общество, получившее отъ испанскаго правительства привилегію разыскать погибшіе галіоны. Акціонеровъ привлекаетъ надежда на огромныя выгоды, потому что погибшія сокровища цѣнятъ въ пятьсотъ милліоновъ.

— Пятьсотъ милліоновъ! — отвѣчалъ капитанъ Немо. — Они тутъ были, но ихъ болѣе нѣтъ.

— Да, — сказалъ я, — и было бы великодушно дать этимъ акціонерамъ добрый совѣтъ. Кто знаетъ, впрочемъ, какъ бы они его приняли? Игрокъ обыкновенно болѣе всего сожалѣетъ не о потерѣ денегъ, но объ утратѣ своихъ безумныхъ надеждъ. Я не столько жалѣю о нихъ, сколько о тѣхъ тысячахъ несчастныхъ, которымъ эти милліоны, хорошо распредѣленные, доставили бы довольство; а между тѣмъ они навсегда потеряны для нихъ.

Высказавъ это сожалѣніе, я мгновенно почувствовалъ, что оно должно было оскорбить капитана Немо.

— Потеряны! — повторилъ онъ, одушевляясь. — Неужели вы думаете, что эти сокровища потеряны, когда я собираю ихъ? Развѣ, по вашему мнѣнію, доставая ихъ, я хлопочу для себя? Почему вы думаете, что я не дѣлаю изъ нихъ хорошаго употребленія? Неужели же я не знаю, что на землѣ есть страждущія существа, угнетенные народы, что есть несчастные, которымъ надо помочь, — жертвы, за которыхъ слѣдуетъ отомстить? Неужели вы этого не понимаете?

Капитанъ Немо замолчалъ на этомъ словѣ. Быть-можетъ, онъ жалѣлъ, что высказалъ слишкомъ много. Но я все разгадалъ. Какія бы ни были причины, побудившія его искать независимости въ глубинѣ водъ, но онъ прежде всего остался человѣкъ! Сердце его содрогалось предъ страданіями человѣчества, и его неограниченное милосердіе распространялось на угнетенныя расы, какъ и на отдѣльныя личности.

И я понялъ тогда, кому предназначались милліоны, отправленные капитаномъ Немо, когда „Наутилусъ“ проходилъ въ виду возставшаго Крита.

ГЛАВА IX.

Исчезнувшій материкъ.

На слѣдующій день утромъ, 18 февраля, канадецъ вошелъ ко мнѣ въ комнату. Я ожидалъ его посѣщенія. Онъ показался мнѣ разстроеннымъ.

— Ну что, господинъ профессоръ? — сказалъ онъ мнѣ.

— Ну что, Недъ, вчера обстоятельства были противъ насъ.

— Да! надо же было этому проклятому капитану остановиться именно въ то время, когда мы хотѣли бѣжать съ его судна!

— Да, Недъ, у него было дѣло къ своему банкиру.

— Къ своему банкиру!

— Или скорѣе въ своемъ банкѣ. Я подразумѣваю океанъ, гдѣ его богатства хранятся въ большей безопасности, чѣмъ если бъ они находились въ государственномъ банкѣ.

Я разсказалъ канадцу вчерашнія приключенія, съ тайною надеждой навести его на мысль не покидать капитана, но результатомъ моего разсказа было только то, что Недъ выразилъ сильное сожалѣніе, что ему не удалось самому побывать и поживиться на мѣстѣ сраженія въ заливѣ Виго.

— Все-таки, — сказалъ онъ, — не все еще кончено! Это только неудачный ударъ острогой, — не болѣе! Въ другой разъ мы успѣемъ и даже, если можно, сегодня же вечеромъ.

— Куда направился „Наутилусъ“? — спросилъ я.

— Я этого не знаю, — отвѣчалъ Недъ.

— Ну, хорошо, въ полдень мы узнаемъ, гдѣ находится судно.

Канадецъ возвратился къ Конселю. Одѣвшись, я вышелъ въ залу Показаніе компаса было неутѣшительно. „Наутилусъ“ шелъ къ юго-западу. Мы повернулись спиной къ Европѣ.

Я съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ ожидалъ, когда мѣсто будетъ обозначено на картѣ. Около половины двѣнадцатаго резервуары опорожнились, и наше судно поднялось на поверхность океана. Я бросился на платформу. Недъ Лендъ уже предупредилъ меня.

Въ виду не было никакой земли, — ничего, кромѣ безконечнаго океана. На горизонтѣ виднѣлось нѣсколько парусовъ, вѣроятно изъ тѣхъ, которые, выжидая попутнаго вѣтра, чтобъ обогнуть мысъ Доброй Надежды, доходятъ до мыса Св. Рока. День былъ пасмурный; все предвѣщало шквалъ.

Недъ неистовствовалъ и старался проникнуть сквозь туманъ, скрывшій горизонтъ. Онъ еще надѣялся, что за этимъ туманомъ разстилалась земля.

Въ полдень на минуту показалось солнце. Подшкиперъ воспользовался этимъ, чтобъ опредѣлить его высоту. Потомъ волненіе моря усилилось, и мы опять погрузились въ него, и подъемную дверь заперли.

Черезъ часъ, посмотрѣвъ на карту, я увидѣлъ, что положеніе „Наутилуса“ было обозначено на ней подъ 16°17′ долготы и 22°22′ широты, во ста-пятидесяти миляхъ отъ самаго близкаго берега. Нечего было думать о бѣгствѣ, и я предоставляю читателю судить, до какой степени дошелъ гнѣвъ канадца, когда я сообщилъ ему о нашемъ положеніи.

Я, съ своей стороны, не сокрушался черезъ мѣру. Почувствовавъ какъ будто облегченіе отъ давившей меня тяжести, я могъ опять съ относительнымъ спокойствіемъ приняться за свои обычныя занятія.

Вечеромъ, около одиннадцати часовъ, капитанъ Немо посѣтилъ меня совершенно неожиданно. Онъ очень любезно освѣдомился, не утомила ли меня прошедшая безсонная ночь. Я отвѣчалъ отрицательно.

— Въ такомъ случаѣ, господинъ Аронаксъ, я вамъ предложу интересную экскурсію.

— Предлагайте, капитанъ.

— Вы посѣщали морское дно только днемъ и при свѣтѣ солнца. Не желаете ли вы взглянуть на него въ темную ночь?

— Очень охотно.

— Я васъ предупреждаю, что прогулка эта будетъ утомительна. Придется долго итти и взбираться на гору. Дороги здѣсь не могутъ похвастаться хорошимъ устройствомъ.

— Ваши слова, капитанъ, только удвоиваютъ мое любопытство. Я готовъ слѣдовать за вами.

— Пойдемте же, господинъ профессоръ, надѣвать наши скафандры.

Придя въ гардеробную, я увидѣлъ, что ни мои товарищи и никто изъ людей экипажа не сопровождалъ насъ въ эту экскурсію. Капитанъ Немо даже не предложилъ мнѣ взять съ собой Неда или Конселя.

Черезъ нѣсколько минутъ мы одѣлись въ свои скафандры.

На спины намъ помѣстили резервуары, изобильно снабженные воздухомъ, но не было приготовлено электрическихъ лампъ. Я замѣтилъ это капитану.

— Онѣ намъ будутъ безполезны, — отвѣчалъ онъ.

Я думалъ, что не разслышалъ, но не могъ повторить вопроса, потому что голова капитана уже скрылась въ свою металлическую оболочку. Я окончилъ свой странный туалетъ и почувствовалъ, что мнѣ даютъ въ руки палку съ желѣзнымъ наконечникомъ, и спустя нѣсколько минутъ, послѣ обычнаго маневра, мы ступили на дно Атлантическаго океана, на глубинѣ трехсотъ метровъ.

Приближалась полночь. Воды были совершенно темны, но капитанъ Немо указалъ мнѣ на отдаленную красноватую точку, родъ широкаго сіянія, блиставшаго въ двухъ миляхъ отъ „Наутилуса“. Что это за огонь, чѣмъ онъ поддерживался, почему и какъ возобновлялся въ этой жидкой средѣ — я не могъ объяснить себѣ. Во всякомъ случаѣ онъ насъ освѣщалъ, хотя и неопредѣленно, но я вскорѣ привыкъ къ этому особенному мраку и понялъ, что при подобныхъ обстоятельствахъ аппараты Румкорфа намъ были дѣйствительно безполезны.

Капитанъ Немо и я — мы шли рядомъ прямо къ означенному огню. Ровная почва возвышалась незамѣтно. Мы шли большими шагами, опираясь на палки, но въ сущности подвигались медленно, потому что ноги наши часто вязли въ тинѣ, смѣшанной съ водорослями и усѣянной плоскими камнями.

Подвигаясь впередъ, я слышалъ, что надъ моею головой какъ будто идетъ изморось. Иногда шумъ этотъ увеличивался и производилъ непрерывный трескъ. Шелъ сильный дождь, съ трескомъ падавшій на поверхность волнъ. Инстинктивно мнѣ пришло въ голову, что меня можетъ промочить. Водой и въ водѣ! При этой странной мысли я не могъ удержаться отъ смѣха. Но подъ толстымъ скафандромъ не чувствуешь болѣе жидкаго элемента и думаешь, что окруженъ атмосферой, которая немного плотнѣе воздуха.

Мы шли около получаса; почва сдѣлалась камениста. Медузы, микроскопическія ракообразныя, пеннатулы слабо освѣщали ее своимъ фосфорическимъ свѣтомъ. Я мелькомъ видѣлъ груды камней, покрытыхъ цѣлыми милліонами зоофитовъ и кучами переплетающихся водяныхъ растеній. Ноги мои часто скользили на этомъ вязкомъ коврѣ изъ водорослей: безъ желѣзной палки я упалъ бы нѣсколько разъ. Оборачиваясь, я постепенно видѣлъ бѣловатый маякъ „Наутилуса“, начинавшій блѣднѣть въ отдаленіи.

Эти скопленія камней, о которыхъ я говорю, были расположены на днѣ океана съ извѣстной правильностью, непонятной для меня.

Я видѣлъ терявшіяся вдали во мракѣ исполинскія поля, длину которыхъ невозможно было измѣрить. Представлялись также и другія особенности, которыхъ я не рѣшался допустить. Мнѣ казалось, что мои тяжелыя свинцовыя подошвы ступали по слою изъ костей, трещавшихъ съ сухимъ шумомъ. Что же за огромная долина, по которой я проходилъ такимъ образомъ? Я хотѣлъ спросить капитана, но знаки, посредствомъ которыхъ онъ разговаривалъ съ своими товарищами, когда они сопровождали его въ подводныхъ экскурсіяхъ, были еще непонятны для меня.

А между тѣмъ красноватый свѣтъ, служившій намъ путеводителемъ, усиливался и освѣщалъ горизонтъ. Присутствіе страннаго свѣта подъ водой страшно интересовало меня. Ужъ не былъ ли это какой-нибудь новый свѣтъ, еще не извѣстный намъ? Не подходилъ ли я къ явленію природы, еще никѣмъ не изслѣдованному на землѣ? Или же (даже эта нелѣпая мысль промелькнула у меня въ головѣ!) рука человѣка зажгла это пламя? Быть-можетъ, оно и усиливается, благодаря человѣку? Ужъ не встрѣчу ли я въ этихъ глубинахъ товарищей или друзей капитана Немо, живущихъ такою же подводною жизнью, какъ онъ? Не идемъ ли мы посѣтить ихъ? Не найду ли я тамъ цѣлую колонію изгнанниковъ, измученныхъ земными страданіями, искавшихъ и нашедшихъ независимость въ нѣдрахъ океана? Всѣ эти вопросы одинъ за другимъ вставали въ моемъ возбужденномъ мозгу; эти безумныя и невозможныя мысли мучили и преслѣдовали меня, когда я слѣдовалъ за капитаномъ Немо. Въ подобномъ настроеніи, постоянно возбуждаемый рядомъ чудесъ, проносившихся передъ моими глазами, я нисколько не удивился бы, если бы увидалъ на днѣ океана одинъ изъ тѣхъ городовъ, о которыхъ фантазировалъ мой проводникъ!

Нашъ путь освѣщался все болѣе и болѣе. Бѣлѣющій свѣтъ сіялъ на вершинѣ горы, имѣвшей около восьмисотъ футовъ вышины. Но то, что я видѣлъ, было простымъ отраженіемъ водяныхъ слоевъ. Средоточіе — источникъ этого необъяснимаго свѣта находился на противоположномъ склонѣ горы.

Посреди каменистыхъ извилинъ, бороздившихъ дно Атлантическаго океана, капитанъ Немо шелъ не колеблясь. Онъ хорошо зналъ этотъ мрачный путь. Безъ сомнѣнія, онъ часто проходилъ тутъ и не могъ заблудиться. Я слѣдовалъ за нимъ съ непоколебимымъ довѣріемъ. Онъ представлялся мнѣ однимъ изъ морскихъ геніевъ, и, когда онъ шелъ впереди, я любовался его высокой темной фигурой, обрисовывавшейся на свѣтломъ фонѣ горизонта.

Былъ часъ утра. Мы дошли по первыхъ склоновъ горы. Но, чтобы взобраться на нее, слѣдовало подняться по крутымъ тропинкамъ огромнаго лѣса.

Да! лѣса мертвыхъ деревьевъ, безъ листьевъ, безъ сока, — деревьевъ, окаменѣвшихъ отъ дѣйствія воды, между которыми тамъ и сямъ возвышались исполинскія сосны. Это была какъ бы стоящая каменноугольная копь, утвердившаяся своими корнями на обрушившейся почвѣ; вѣтви деревьевъ, похожія на тонкія вырѣзки изъ черной бумаги, ясно обрисовывались на верхнихъ слояхъ воды. Пусть представятъ себѣ Гарцкій лѣсъ, растущій на склонѣ горы, но лѣсъ провалившійся. Тропинки были загромождены водорослями, между которыми кипѣлъ цѣлый міръ ракообразныхъ животныхъ. Я шелъ, взбираясь на скалы, шагая черезъ лежащіе стволы, ломая морскія ліаны, которыя извивались отъ одного дерева къ другому, разгоняя рыбъ, перелетавшихъ съ вѣтки на вѣтку. Увлекшись, я не чувствовалъ усталости. Я слѣдовалъ за своимъ путеводителемъ, который не зналъ утомленія. Какое зрѣлище! Какъ его передать? Какъ изобразить видъ деревьевъ и скалъ въ этой жидкой стихіи, снизу мрачныхъ и дикихъ, съ верхушками, озаренными красными оттѣнками, подъ вліяніемъ свѣта, который усиливался отраженіемъ воды? Мы взлѣзали на скалы, которыя обрушивались потомъ огромными

глыбами, съ глухимъ шумомъ, какъ лавины. Направо и налѣво углублялись мрачныя галлереи, гдѣ терялся взглядъ. Здѣсь открывались огромныя лужайки, будто расчищенныя человѣческими руками, и я иногда спрашивалъ себя: не явится ли вдругъ предо мной какой-нибудь житель этихъ подводныхъ странъ?

Но капитанъ Немо все поднимался. Я не хотѣлъ оставаться позади. Я смѣло слѣдовалъ за нимъ. Моя палка оказывала мнѣ важную услугу. Одинъ неправильный шагъ по этимъ узкимъ проходамъ, выдолбленнымъ на краяхъ пропасти, могъ бы быть опаснымъ; но я шелъ по нимъ твердыми шагами и не испытывалъ головокруженія. То я перепрыгивалъ черезъ разсѣлины, глубина которыхъ, среди ледника на землѣ, заставила бы меня отступить, то шелъ по колеблющимся стволамъ деревьевъ, перекинутыхъ отъ одного края пропасти къ другому, не глядя себѣ подъ ноги и только любуясь дикими пейзажами этой мѣстности. Тутъ монументальныя скалы, наклонившіяся на своихъ неправильно выточенныхъ основаніяхъ, казалось, опровергали всѣ законы равновѣсія. Укрѣпившись въ ихъ каменныхъ изгибахъ, деревья устремлялись вверхъ, какъ водометы при сильномъ давленіи, и въ свою очередь поддерживали ихъ самихъ. Далѣе естественныя башни, широкіе откосы наклонялись подъ такимъ угломъ, котораго законы тяготѣнія не допустили бы на поверхности земли. Я и самъ замѣчалъ эту разницу, происходящую отъ значительной плотности воды, когда, несмотря на свою тяжелую одежду, ни на мѣдный колпакъ, ни на металлическія подошвы, поднимался по непроходимо-крутымъ спускамъ, минуя ихъ, такъ сказать, со скоростью серны или дикой козы.

Я хорошо знаю, что разсказъ объ этой подводной экскурсіи покажется неправдоподобнымъ. Я долженъ описывать вещи, повидимому невѣроятныя, но которыя однако истинны и неоспоримы. Это не былъ сонъ: я видѣлъ и чувствовалъ!

Черезъ два часа послѣ того, какъ мы покинули „Наутилусъ", мы миновали область деревьевъ; во ста футахъ надъ нашими головами возвышалась остроконечная вершина горы, которая бросала тѣнь на ярко сіявшій противоположный склонъ. Нѣсколько окаменѣлыхъ кустарниковъ располагались тамъ и сямъ угрожающими зигзагами. Рыбы поднимались цѣлыми стаями изъ-подъ нашихъ ногъ, какъ птицы, застигнутыя въ высокой травѣ. Утесистая масса была изрыта непроходимыми извилинами, глубокими пещерами, бездонными отверстіями, въ глубинѣ которыхъ мнѣ слышалось движеніе страшныхъ существъ. Кровь приливала къ моему сердцу, когда я видѣлъ огромный усъ, заграждавшій мнѣ дорогу, или страшныя клешни, которыя съ шумомъ скрывались въ тѣни впадинъ. Тысячи свѣтлыхъ точекъ блестѣли въ темнотѣ. Это были глаза исполинскихъ ракообразныхъ животныхъ, прятавшихся въ своихъ логовищахъ; морскихъ раковъ-гигантовъ, выпрямлявшихся подобно алле-бардникамъ и шевелившихъ своими лапами съ шумомъ, напоминавшимъ стукъ желѣза; огромныхъ краббовъ, которые прицѣливались точно пушки на лафетахъ, и ужасныхъ осьминоговъ, переплетавшихъ свои щупальцы какъ живая изгородь изъ змѣй.

Что это былъ за чудовищный міръ, еще неизвѣстный мнѣ до сихъ поръ? Къ какому отряду принадлежали эти суставчатыя, которымъ скала служила вторымъ черепомъ? Гдѣ природа отыскала тайну ихъ

существованія, и сколько вѣковъ живутъ они такимъ образомъ въ послѣднихъ слояхъ океана?

Но я не могъ останавливаться. Капитанъ Немо, освоившійся съ этими ужасными животными, не обращалъ на нихъ вниманія. Мы достигли до первой площадки, гдѣ меня ожидали еще другія неожиданности. Тамъ рисовались живописныя развалины, которыя свидѣтельствовали о трудѣ рукъ человѣческихъ. Это были огромныя груды камней, между которыми встрѣчались неопредѣленныя очертанія замковъ, храмовъ, покрытыхъ цѣлымъ міромъ цвѣткообразныхъ зоофитовъ, которымъ вмѣсто плюща водоросли служили густымъ растительнымъ покрываломъ.

Но какая же это часть земного шара, поглощенная наводненіемъ? Кто расположилъ эти скалы и камни наподобіе доисторическихъ жертвенниковъ? Гдѣ я былъ, куда привела меня фантазія капитана Немо?

Мнѣ хотѣлось его спросить. Не имѣя возможности этого сдѣлать, я остановилъ его. Я схватилъ его за руку. Но онъ покачалъ головой и, показывая на послѣднюю вершину горы, казалось, говорилъ: „Ступай далѣе, далѣе!“ Я послѣдовалъ за нимъ, сдѣлавъ послѣднее усиліе, и черезъ нѣсколько минутъ достигъ до остроконечной вершины, поднимавшейся на десять метровъ надъ всею этою скалистою массой.

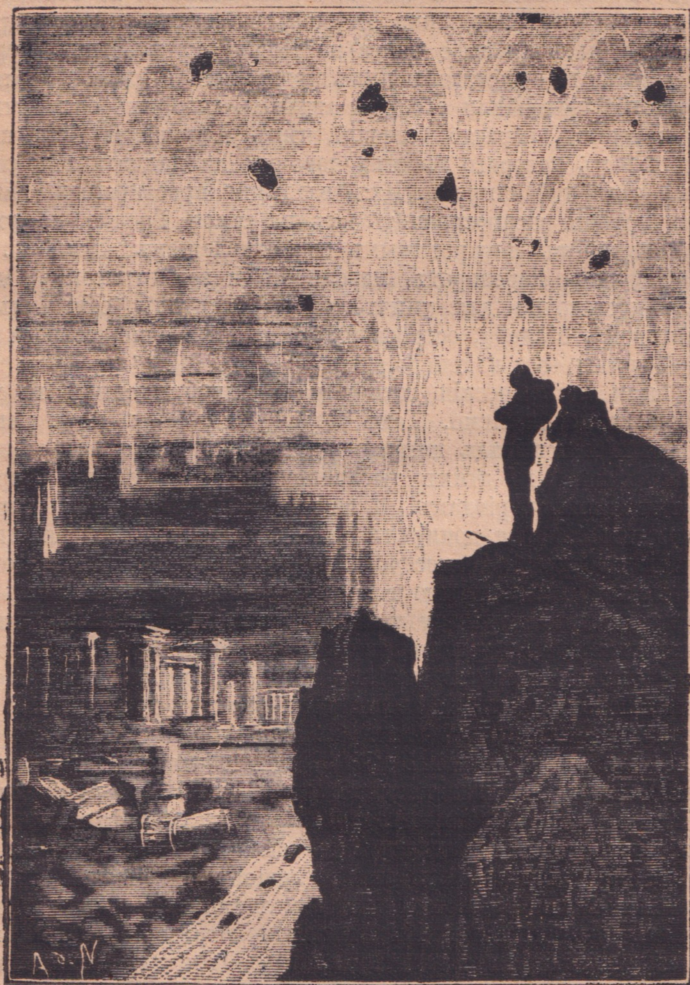
Я оглянулся на то пространство, которое мы только-что миновали. Гора возвышалась надъ равниной только на семьсотъ или восемьсотъ футовъ; но противоположный склонъ ея былъ вдвое выше и поднимался отвѣсно надъ низменнымъ дномъ этой части Атлантическаго океана. Мои глаза устремились вдаль и обнимали большое пространство, освѣщенное яркимъ блескомъ. Въ самомъ дѣлѣ, это была огнедышащая гора. Въ пятидесяти футахъ ниже остроконечной вершины, посреди дождя камней и шлаковъ, широкое жерло извергало потоки лавы, которые разсыпались огненными струями, окруженные жидкою массой. Расположенный такимъ образомъ, этотъ вулканъ какъ громадный факелъ освѣщалъ всю нижнюю равнину до послѣднихъ рубежей горизонта.

Я сказалъ, что подводный кратеръ извергалъ лаву, но не пламя. Для пламени необходимъ кислородъ воздуха, и оно не можетъ развиваться подъ водой; но потоки лавы могутъ нагрѣваться и раскаляться добѣла, успѣшно бороться съ жидкимъ элементомъ и отъ соприкосновенія съ нимъ превращаться въ пары. Быстрое теченіе увлекало всѣ эти сіяющіе газы, а потоки лавы скользили до подошвы горы, какъ изверженія Везувія, изливающіяся на Torre de Greco.

И тутъ предъ моими глазами открывался разрушенный, опустошенный и разоренный городъ съ своими снесенными крышами, развалившимися храмами, разсѣвшимися арками, съ лежавшими на землѣ колоннами, въ которыхъ еще можно было замѣтить прочные размѣры тосканской архитектуры; далѣе развалины исполинскихъ водопроводовъ; здѣсь занесенныя иломъ возвышенія акрополя съ неопредѣленными очертаніями Парѳенона; тамъ остатки набережной, какъ будто древняя гавань служила нѣкогда у береговъ исчезнувшаго океана убѣжищемъ торговымъ кораблямъ и военнымъ триремамъ; еще далѣе длинные ряды обрушившихся стѣнъ, широкія пустынныя улицы, настоящая Помпея, скрытая подъ водами, которую капитанъ Немо воскресилъ въ моихъ глазахъ.

Гдѣ я? Гдѣ я? Я хотѣлъ узнать это во что бы то ни стало, я хотѣлъ говорить, хотѣлъ сорвать мѣдный шаръ, покрывавшій мнѣ голову.

Но капитанъ Немо подошелъ и знакомъ остановилъ меня. Потомъ, поднявъ кусокъ мѣлового камня, онъ приблизился къ черной базальтовой скалѣ и начертилъ только одно слово: „Атлантида".

Атлантида. (Стр. 215).

Какъ будто молнія пробѣжала въ моемъ умѣ. Атлантида, древняя Меропида Теопомпа, Атлантида Платона, была предъ моими глазами, со всѣми неопровержимыми доказательствами постигшей ее катастрофы. Такъ вотъ эта обрушившаяся страна, лежавшая внѣ Европы, Азіи, Ливіи, по ту сторону Геркулесовыхъ столбовъ, гдѣ обитали могущественные атланты, противъ которыхъ древніе греки предпринимали свои первыя войны!

Историкъ, описавшій въ своихъ сочиненіяхъ великія дѣянія этихъ героическихъ временъ, былъ самъ Платонъ. Его діалогъ между Тимеемъ и Кратіасомъ былъ, такъ сказать, вдохновленъ Солономъ, поэтомъ и законодателемъ. Однажды Солонъ разговаривалъ съ нѣкоторыми мудрыми старцами Саиса, города, существовавшаго уже восемьсотъ лѣтъ, какъ о томъ свидѣтельствовали лѣтописи, вырѣзанныя на священныхъ стѣнахъ храмовъ. Одинъ изъ этихъ старцевъ разсказалъ исторію другого города, который былъ древнѣе Саиса на тысячу лѣтъ. Этимъ первымъ аѳинскимъ городомъ, существовавшимъ девятьсотъ столѣтій, завладѣли атланты и частію разрушили его. Эти атланты, говорилъ онъ, занимали громадный материкъ, гораздо большій, чѣмъ Африка и Азія вмѣстѣ взятыя, поверхность котораго простиралась отъ двѣнадцатаго до сорокового градуса сѣверной широты. Ихъ владѣнія простирались даже до Египта. Они хотѣли распространить ихъ на самое Грецію, но должны были отступить предъ неукротимымъ сопротивленіемъ эллиновъ. Прошли вѣка. Случился переворотъ, наводненіе и землетрясеніе. Однѣхъ сутокъ было достаточно для уничтоженія Атлантиды, самыя высокія вершины которой — Мадера, острова Азорскіе, Канарскіе, острова Зеленаго мыса — видны еще и теперь.

Таковы были историческія воспоминанія, пробужденныя въ моемъ умѣ надписью капитана Немо. Такъ вотъ куда привела меня непостижимая судьба, и я попиралъ ногами одну изъ горъ этого материка. Я дотрогивался руками до этихъ тысячевѣковыхъ развалинъ, современныхъ геологическимъ періодамъ. Я шелъ тамъ, гдѣ ходили современники перваго человѣка; я попиралъ своими тяжелыми подошвами скелеты обитавшихъ въ тѣ баснословныя времена животныхъ, которыя нѣкогда укрывались подъ тѣнью теперь окаменѣвшихъ деревьевъ!

Боже мой, какъ жаль, что у меня не было времени! Какъ мнѣ хотѣлось бы пуститься по крутымъ склонамъ этой горы, прогуляться по всему громадному материку, вѣроятно, когда-то соединявшему Африку съ Америкою, и посмотрѣть на развалины большихъ допотопныхъ городовъ. Тамъ, быть-можетъ, предстали бы передъ моими глазами воинственный *Махимосъ*, набожный *Эузебесъ*, гдѣ обитали по цѣлымъ столѣтіямъ исполины, обладавшіе такой силой, что могли утвердить эти огромныя глыбы, которыя до сего времени еще сопротивляются дѣйствію воды. Быть-можетъ, когда-нибудь сила подземнаго огня снова выдвинетъ на поверхность моря эти поглощенныя имъ развалины. Въ этой части океана уже извѣстны многочисленные подводные вулканы: много кораблей испытывало необыкновенныя сотрясенія во время прохода надъ этими волнующимися глубинами. Одни изъ нихъ слышали глухой шумъ, доказывающій сильную борьбу стихій; другимъ удавалось даже видѣть вулканическій пепелъ, выброшенный на поверхность моря. До самаго экватора вся эта почва еще подвержена дѣйствію подземнаго огня. Кто знаетъ, можетъ-быть, придетъ время, когда вершины огнедышащихъ горъ, увеличившись вулканическими изверженіями и послѣдовательными слоями лавы, появятся на поверхности Атлантическаго океана, и исчезнувшая Атлантида снова предстанетъ передъ изумленными взорами людей!

Въ то время какъ я мечталъ такимъ образомъ и старался запечатлѣть въ моей памяти всѣ подробности этого величественнаго пей-

зажа, капитанъ Немо, облокотившись на мшистый столбъ въ формѣ памятника, былъ неподвиженъ и, какъ казалось, погрузился въ нѣмой восторгъ. Думалъ ли онъ объ этихъ исчезнувшихъ поколѣніяхъ и искалъ у нихъ разгадку человѣческой будущности? Не за тѣмъ ли являлся сюда этотъ странный человѣкъ, чтобы почерпнуть новыя силы въ историческихъ воспоминаніяхъ и освѣжиться жизнью древнихъ, ему, не хотѣвшему жить современною жизнью? Чего бы я не далъ, чтобы узнать его мысли, понять ихъ и раздѣлить! Мы оставались на этомъ мѣстѣ цѣлый часъ, разсматривая обширную равнину при блескѣ лавы, который былъ иногда удивительно силенъ. Отъ внутренняго кипѣнія быстрое содроганіе пробѣгало по всей поверхности горы. Въ жидкой стихіи глубокій шумъ передавался отчетливо и повторялся съ величественною полнотой. Въ эту минуту луна появилась на одно мгновеніе сквозь массу водъ и бросила нѣсколько блѣдныхъ лучей на потонувшій материкъ. Это былъ только отблескъ, но эффекта, произведеннаго имъ, невозможно изобразить. Капитанъ Немо всталъ, бросилъ послѣдній взглядъ на эту громадную равнину, потомъ рукой сдѣлалъ мнѣ знакъ слѣдовать за нимъ.

Мы быстро сошли съ горы. Миновавъ ископаемый лѣсъ, я увидѣлъ маякъ „Наутилуса“, блестѣвшій какъ звѣзда. Капитанъ шелъ прямо къ нему, и мы взошли на корабль въ ту минуту, когда первые лучи разсвѣта стали бѣлѣть на поверхности океана.

ГЛАВА X.

Подводныя каменноугольныя копи.

20-го февраля я всталъ очень поздно. Ночная усталость продлила мой сонъ до одиннадцати часовъ. Я быстро одѣлся. Я торопился узнать направленіе „Наутилуса“. Инструменты показали мнѣ, что онъ все еще шелъ къ югу, со скоростью двадцати миль въ часъ, на глубинѣ ста метровъ.

Пришелъ Консель. Я ему разсказалъ о нашей ночной экскурсіи, а такъ какъ ставни оконъ были открыты, то онъ еще могъ видѣть мелькомъ часть потопленнаго материка.

Въ самомъ дѣлѣ, „Наутилусъ“ шелъ только въ десяти метрахъ надъ дномъ равнины Атлантиды. Онъ несся, какъ воздушный шаръ, увлекаемый вѣтромъ, несется надъ земными лугами, или, вѣрнѣе сказать, мы были въ нашей залѣ какъ въ вагонѣ экстреннаго поѣзда. На первомъ планѣ предъ нашими глазами проходили фантастически-очерченныя скалы, лѣса деревьевъ, перешедшихъ изъ растительнаго царства въ царство животное; неподвижные и странные силуэты ясно очерчивались въ водѣ. Тутъ были также каменистыя массы, скрывавшіяся подъ ковромъ асцидій и анемонъ, усаженныя длинными вертикальными водорослями, потомъ обломки лавы, странно изогнутые, которые свидѣтельствовали объ ужасѣ плутоническихъ изверженій.

Между тѣмъ какъ эти причудливые пейзажи сіяли при свѣтѣ нашихъ электрическихъ огней, я разсказывалъ Конселю исторію этихъ

атлантовъ, которые, съ точки зрѣнія чистаго вымысла, внушили Балльи столько прекрасныхъ страницъ. Я говорилъ ему о войнахъ этого героическаго народа. Я разсуждалъ объ Атлантидѣ какъ о вопросѣ, не допускающемъ сомнѣній. Но Консель былъ разсѣянъ, мало меня слушалъ, и я скоро понялъ причину его равнодушія къ этому историческому предмету.

Дѣйствительно, многочисленныя рыбы привлекали его взоры, и, когда показывались рыбы, Консель, погружаясь въ бездны классификацій, уносился изъ міра дѣйствительности. Въ подобныхъ случаяхъ мнѣ оставалось только подражать ему и приняться вмѣстѣ съ нимъ за наши ихтіологическія изслѣдованія.

Впрочемъ, въ Атлантическомъ океанѣ рыбы не особенно отличались отъ видѣнныхъ нами до сихъ поръ. Это были громадные *скаты*, въ пять метровъ длины, обладающіе большою мускульной силой, позволяющей имъ подниматься надъ волнами; различные виды *акулъ*, между которыми замѣчались *carcharias glaucus*, футовъ въ пятнадцать длины, съ треугольными острыми зубами, и которыя вслѣдствіе своей прозрачности почти незамѣтны въ водѣ; бурые *sagrus; центрины* въ видѣ призмы, покрытые бородавчатой кожей какъ латами; *осетры*, походившіе на своихъ родичей въ Средиземномъ морѣ; *syngnathus*, въ полтора фута длины, темножелтаго цвѣта, снабженныя небольшими сѣрыми плавниками, лишенныя зубовъ и языка и извивающіяся точно тонкія и гибкія змѣи.

Среди костистыхъ Консель видѣлъ *макаиръ* черноватаго цвѣта, длиною въ три метра, верхняя челюсть которыхъ вооружена острымъ мечомъ; *trachinus* самыхъ яркихъ цвѣтовъ, названныхъ еще во времена Аристотеля „морскими драконами"; брать ихъ прямо руками очень опасно, потому что спинной плавникъ ихъ вооруженъ острыми шипами; затѣмъ попадались коричневыя *корифены*, у которыхъ спины покрыты голубыми полосками и украшены золотой каймой; восхитительныя *додары; chrysostosa*, съ лазоревыми переливами, имѣющія форму дисковъ; когда они освѣщены солнечными лучами, то представляютъ какъ бы серебряныя пятна; наконецъ, *мечъ-рыбы*, длиною въ восемь метровъ, плававшія стаями и снабженныя желтоватыми плавниками въ видѣ серповъ и длинными шестифутовыми мечами. Эти храбрыя животныя, принадлежащія скорѣе къ травояднымъ, нежели къ рыбояднымъ, повинуются малѣйшему знаку своихъ самокъ, точно хорошо выдрессированные мужья.

Но, наблюдая описанные экземпляры морской фауны, я въ то же время смотрѣлъ и на обширныя равнины Атлантиды. По временамъ причудливая неровность почвы замедляла ходъ нашего судна, и оно начинало итти тише, точно китообразное животное, изумительно ловко лавируя въ узкихъ проходахъ между холмами. Если же лабиринтъ становился совершенно непроходимымъ, то „Наутилусъ" поднимался кверху и, миновавъ препятствіе, снова продолжалъ свое быстрое плаванье въ нѣсколькихъ метрахъ отъ дна. Удивительное и интересное плаванье, напоминавшее пріемы воздушнаго путешествія, съ тою однако разницею, что наше судно, въ противоположность аэростату, вполнѣ подчинялось волѣ рулевого.

Около четырехъ часовъ вечера почва, состоявшая вообще изъ густого ила, перемѣшаннаго съ окаменѣлыми вѣтвями, мало-по-малу видоизмѣ-

нилась: она сдѣлалась болѣе камениста и казалась усѣянною конгломератами, базальтовыми туфами, кусками лавы и обсидіанами. Я думалъ, что за длинными равнинами скоро должна послѣдовать горная область; и въ самомъ дѣлѣ, при нѣкоторыхъ маневрахъ „Наутилуса“ я замѣтилъ, что южный горизонтъ загороженъ высокою стѣной, которая, казалось, закрывала всякій выходъ. Очевидно, вершина ея поднималась надъ уровнемъ океана. Это долженъ былъ быть материкъ или, по крайней мѣрѣ, островъ Зеленаго мыса. Мѣсто судна на картѣ не было еще обозначено, можетъ-быть съ умысломъ, и я не зналъ, гдѣ мы находились. Во всякомъ случаѣ, подобная стѣна означала, какъ мнѣ казалось, конецъ Атлантиды, которой мы въ сущности прошли весьма малую часть.

Ночь не прервала моихъ наблюденій. Я остался одинъ. Консель ушелъ въ свою каюту. „Наутилусъ“, замедляя свой ходъ, плылъ надъ массами неясно обозначавшейся почвы, то слегка касаясь ея, какъ будто съ намѣреніемъ тутъ остановиться, то прихотливо поднимаясь на поверхность волнъ. Тогда я мелькомъ видѣлъ сквозь кристальныя воды нѣсколько яркихъ созвѣздій и именно пять или шесть зодіакальныхъ звѣздъ, которыя находятся близъ Оріона.

Долго еще оставался бы я у окна, любуясь красотами моря и неба, но вдругъ ставни закрылись. Въ эту минуту „Наутилусъ“ достигъ отвѣснаго склона высокой стѣны. Какъ онъ будетъ дѣйствовать, я не могъ этого отгадать. Я возвратился въ свою комнату. „Наутилусъ“ не двигался. Я уснулъ съ твердымъ намѣреніемъ проснуться, отдохнувъ нѣсколько часовъ.

Но на другой день, когда я пришелъ въ залу, было уже восемь часовъ. Я посмотрѣлъ на манометръ. Онъ показывалъ, что „Наутилусъ“ плылъ по поверхности океана. Сверхъ того, я слышалъ шумъ шаговъ на платформѣ. Однако не было никакой боковой качки, которая обнаруживала бы колебаніе верхнихъ волнъ.

Я дошелъ до подъемной двери. Она была открыта, но вмѣсто ожидаемаго мною дневного свѣта я очутился въ глубокой темнотѣ. Гдѣ мы? Не ошибся ли я? Можетъ - быть, ночь еще не миновала? Нѣтъ! Ни одна звѣзда не свѣтилась, да ночью и не бываетъ такой непроглядной темноты. Я не зналъ, что подумать, но чей - то голосъ сказалъ мнѣ:

— Это вы, господинъ профессоръ?

— Ахъ, капитанъ Немо, — отвѣчалъ я, — гдѣ мы?

— Подъ землей! — отвѣтилъ капитанъ Немо.

Я былъ пораженъ.

— Но я не понимаю...

— Подождите нѣсколько минутъ. Нашъ маякъ сейчасъ зажжется, и если вы любите ясныя положенія, то будете довольны.

Я вышелъ на платформу и сталъ дожидаться. Совершенная темнота окружала меня, такъ что я не видѣлъ даже капитана Немо. Однакоже, всматриваясь въ зенитъ, надъ самою головой, я, казалось, увидѣлъ неопредѣленный свѣтъ, какой - то полусвѣтъ, наполнявшій круглое отверстіе. Въ эту минуту вдругъ зажгли маякъ, и его яркій блескъ затмилъ этотъ неопредѣленный свѣтъ.

Я сталъ снова смотрѣть, закрывъ на минуту глаза, ослѣпленные электрическими лучами. „Наутилусъ“ былъ неподвиженъ. Онъ качался около высокаго берега, расположеннаго подобно набережной. Море, въ которомъ онъ находился въ эту минуту, было не что иное какъ озеро, заключенное среди стѣнъ, имѣвшее двѣ мили въ діаметрѣ, то-есть шесть миль въ окружности. Его уровень, какъ и показывалъ манометръ, не могъ разниться съ внѣшнимъ уровнемъ, потому что между озеромъ и моремъ необходимо должно было существовать сообщеніе. Высокія стѣны, наклонявшіяся на своихъ основаніяхъ, округлялись сводомъ и представляли собою огромную перевернутую воронку, вышина которой равнялась пятистамъ или шестистамъ метрамъ. На вершинѣ ея открывалось кругообразное отверстіе, чрезъ которое я и видѣлъ легкій свѣтъ, очевидно принадлежавшій дневнымъ лучамъ.

Прежде чѣмъ разсматривать внимательнѣе внутреннее устройство этой огромной пещеры и задавать себѣ вопросъ, была ли она созданіемъ природы или человѣка, я подошелъ къ капитану Немо.

— Гдѣ мы? — сказалъ я.

— Въ самомъ центрѣ потухшаго вулкана, — отвѣчалъ мнѣ капитанъ, — вулкана, внутренность котораго была залита моремъ вслѣдствіе какого-нибудь потрясенія почвы. Въ то время какъ вы спали, господинъ профессоръ, „Наутилусъ“ проникъ въ это маленькое озеро естественнымъ каналомъ, прорытымъ въ десяти метрахъ ниже поверхности океана. Здѣсь его настоящая гавань — гавань надежная, покойная, никому неизвѣстная, укрытая отъ всѣхъ порывовъ вѣтра! Найдите мнѣ на берегахъ материковъ или острововъ рейдъ, который стоилъ бы этого надежнаго убѣжища, гдѣ можно укрыться отъ всѣхъ ужасовъ урагана.

— Въ самомъ дѣлѣ, — отвѣчалъ я, — здѣсь вы въ безопасности, капитанъ Немо. — Кто найдетъ васъ въ центрѣ вулкана? Но на его вершинѣ я, кажется, видѣлъ отверстіе.

— Да, его кратеръ, — кратеръ, нѣкогда наполненный лавой, парами и пламенемъ, а въ настоящее время служащій проходомъ животворному воздуху, которымъ мы дышимъ.

— Но какая же это вулканическая гора? — спросилъ я.

— Она принадлежитъ къ одному изъ многочисленныхъ острововъ, которыми усѣяно это море. Простой рифъ для кораблей, для насъ — огромная пещера. Случай открылъ мнѣ ее и на этотъ разъ случай мнѣ хорошо услужилъ.

— Но нельзя ли спуститься въ это отверстіе, составляющее жерло вулкана?

— Нѣтъ, нельзя ни спуститься ни подняться. Футовъ на сто внутреннее основаніе этой горы еще удобопроходимо, но выше бока ея суживаются сводомъ, и по склонамъ ихъ нельзя пройти.

— Я вижу, капитанъ, что природа вамъ служитъ всегда и вездѣ. Вы въ безопасности на этомъ озерѣ, и никто, кромѣ васъ, не можетъ посѣщать его. Но къ чему вамъ это убѣжище? „Наутилусъ“ нуждается въ гавани?

— Нѣтъ, господинъ профессоръ, но ему необходимо электричество для движенія, элементы для произведенія электричества; ему нуженъ натрій для элементовъ, уголь для добыванія натрія, и нужны каменноугольныя копи для добыванія угля. А именно здѣсь море покрываетъ

цѣлые лѣса, находящіеся тутъ со времени геологическихъ эпохъ; теперь же они минерализовались и, превратившись въ каменный уголь, сдѣлались для меня неисчерпаемымъ рудникомъ.

— Стало-быть, ваши люди, капитанъ, занимаются здѣсь дѣломъ рудокоповъ?

— Точно такъ. Эти копи разстилаются подъ волнами, какъ каменноугольныя копи Ньюкестля. Здѣсь-то мои люди, одѣтые въ скафандры, съ кирками и заступами въ рукахъ, отправляются добывать каменный уголь, за которымъ я, такимъ образомъ, не имѣю надобности обращаться къ землѣ и ея копямъ. Когда я сжигаю это топливо затѣмъ, чтобы получить натрій, дымъ, выходящій изъ кратера горы, придаетъ ей видъ еще дѣйствующаго вулкана.

— И мы увидимъ вашихъ товарищей за дѣломъ?

— Нѣтъ, не въ этотъ разъ по крайней мѣрѣ, потому что я тороплюсь продолжать наше подводное кругосвѣтное путешествіе. Я ограничусь тѣмъ, что возьму извѣстное количество натрія изъ запасовъ, которые имѣю. Остановка наша будетъ продолжаться столько, сколько нужно, чтобы нагрузить имъ корабль, то-есть одинъ день, и мы отправимся далѣе. Если вы желаете осмотрѣть эту пещеру и обойти маленькую лагуну, то воспользуйтесь этимъ днемъ, господинъ Аронаксъ.

Я поблагодарилъ капитана и пошелъ къ своимъ двоимъ товарищамъ, которые еще не выходили изъ своей каюты. Я пригласилъ ихъ слѣдовать за мною, не сказавъ имъ, гдѣ они находятся.

Они вышли на платформу. Консель, который ничему не удивлялся, находилъ весьма естественнымъ, что, уснувъ подъ волнами, проснулся подъ горой. Но у Неда Ленда была только одна мысль, — знать, не имѣетъ ли эта пещера какого-нибудь выхода.

Послѣ завтрака, часовъ въ десять, мы вышли на крутой берегъ.

— Вотъ мы и еще разъ на землѣ, — сказалъ Консель.

— Я не называю этого землей, — отвѣчалъ канадецъ. — И сверхъ того, мы не на ней, а подъ ней.

Между подошвой горныхъ стѣнъ и водами озера открывался песчаный берегъ, самая большая ширина котораго равнялась пятистамъ футамъ. По этому плоскому песчаному берегу легко можно было обойти вокругъ озера. Но основанія высокихъ стѣнъ представляли очень неровную почву, на которой грудами лежали въ живописномъ безпорядкѣ вулканическіе обломки и огромные куски пемзы. Всѣ эти разрозненныя массы, которыя отъ дѣйствія подземныхъ огней были покрыты глянцовитою эмалью, блистали, освѣщенныя электрическими лучами маяка. Слюдистая береговая пыль, поднятая нашими ногами, взлетала какъ множество искръ.

Удаляясь отъ наносной земли, принесенной волнами, почва замѣтно повышалась, и мы вскорѣ достигли длинныхъ извилистыхъ входовъ, настоящихъ уступовъ, позволявшихъ подниматься мало-по-малу; но надо было осторожно итти посреди конгломератовъ, которые не соединялись между собой никакимъ цементомъ, и гдѣ ноги скользили по стекловиднымъ трахитамъ, состоявшимъ изъ кристалловъ полевого шпата и кварца. Вулканическое происхожденіе этой огромной впадины подтверждалось всюду. Я замѣтилъ это моимъ товарищамъ.

— Представьте себѣ, — сказалъ я имъ, — что происходило въ этой воронкѣ, когда она наполнялась кипящею лавой, и когда уровень этой раскаленной добѣла жидкости поднимался до самаго отверстія въ горѣ, какъ расплавленный металлъ внутри горна?

— Я отлично представляю себѣ это, — отвѣчалъ Консель. — Не скажетъ ли мнѣ господинъ профессоръ, почему великій плавильщикъ остановилъ свою работу, и какъ это произошло, что горнило превратилось въ спокойныя воды озера?

— Очень вѣроятно, Консель, потому что какая-нибудь катастрофа произвела ниже поверхности океана отверстіе, послужившее проходомъ для „Наутилуса“. Когда воды Атлантическаго океана устремились во внутренность горы, произошла ужасная борьба между двумя стихіями, — борьба, кончившаяся побѣдой Нептуна. Но съ тѣхъ поръ протекло много вѣковъ, и затопленный вулканъ превратился въ спокойный гротъ.

— Очень хорошо, — возразилъ Недъ Лендъ. — Я принимаю это объясненіе, но сожалѣю, въ виду нашей пользы, что отверстіе, о которомъ говоритъ господинъ профессоръ, не образовалось выше морского уровня.

— Но, другъ Недъ, — сказалъ Консель, — если бъ этотъ проходъ не былъ подводнымъ, то „Наутилусъ“ не могъ бы проникнуть туда.

— А я прибавлю, господинъ Лендъ, что тогда воды не устремились бы подъ гору, и вулканъ остался бы вулканомъ. Стало-быть, ваши сожалѣнія напрасны, — замѣтилъ я.

Наше восхожденіе продолжалось. Уступы становились все круче и уже. Иногда они пересѣкались глубокими трещинами, черезъ которыя надо было переправляться. Приходилось обходить наклонявшіяся сводами массы. Мы пробирались на колѣняхъ, ползли на животѣ. Но, благодаря ловкости Конселя и силѣ канадца, мы преодолѣли всѣ препятствія.

На вышинѣ почти тридцати метровъ свойства почвы измѣнились, хотя она и не стала удобнѣе для ходьбы. За конгломератами и трахитами слѣдовали черные базальты; тутъ они разстилались скатертью, которая становилась шероховата отъ застывшихъ пузырей; тамъ образовали правильныя призмы, расположенныя колоннадой, которая поддерживала заплечья огромнаго свода и представляла удивительный образчикъ естественной архитектуры. Мѣстами между этими базальтами извивались длинные потоки охладѣвшей лавы, инкрустированной смолистыми полосами, и иногда разстилались широкіе ковры сѣры. Болѣе яркіе лучи, проникавшіе въ верхнее отверстіе, обливали неопредѣленнымъ свѣтомъ всѣ эти вулканическія изверженія, навсегда похороненныя въ нѣдрахъ потухшей горы.

Между тѣмъ наше восхожденіе было вскорѣ прервано на высотѣ почти двухсотъ - пятидесяти футовъ непреодолимыми препятствіями. Внутренній выгибъ поднимался сводомъ, и восхожденіе должно было превратиться въ прогулку вокругъ озера. На этой послѣдней плоскости царство растительное начинало борьбу съ царствомъ минеральнымъ. Нѣсколько кустовъ и даже нѣкоторыя деревья выходили изъ извилинъ стѣны. Я замѣтилъ нѣсколько молочайниковъ, изъ которыхъ вытекалъ ѣдкій сокъ. Геліотропы, неспособные оправдать свое имя, потому что солнечные лучи никогда не доходили до нихъ, печально нагибали свои

вѣтки съ полуотцвѣтшими и почти лишившимися запаха цвѣтами. Тамъ и сямъ нѣсколько маргаритокъ робко поднимались у корней алоэ съ длинными листьями, жалкими и болѣзненными. Но между потоками лавы я увидѣлъ нѣсколько маленькихъ фіалокъ, еще не потерявшихъ легкаго запаха, и признаюсь, я съ наслажденіемъ нюхалъ ихъ. Запахъ — душа цвѣтка, а морскіе цвѣты, великолѣпныя водоросли, не имѣютъ души!

Мы подошли къ группѣ крѣпкихъ драконовыхъ деревьевъ, которыя силой своихъ крѣпкихъ корней раздвигали скалы, какъ вдругъ Недъ Лендъ закричалъ:

— Ахъ, господинъ профессоръ, улей!

— Улей! — воскликнулъ я, жестомъ выказывая полное недовѣріе.

— Да, улей, — повторилъ канадецъ, — и вокругъ него жужжатъ пчелы.

Я подошелъ и долженъ былъ повѣрить очевидности. Тамъ, въ дуплѣ драконоваго дерева, находились тысячи этихъ искусныхъ насѣкомыхъ, столь обыкновенныхъ на всѣхъ Канарскихъ островахъ, гдѣ произведенія ихъ особенно цѣнятся.

Конечно, канадецъ захотѣлъ запастись медомъ, и было бы нелюбезно съ моей стороны препятствовать ему въ этомъ. Куча сухихъ листьевъ, смѣшанныхъ съ сѣрой, зажглась отъ искры его огнива, и онъ началъ выкуривать пчелъ. Мало-по-малу жужжанье прекратилось, и выпорожненный улей доставилъ намъ нѣсколько фунтовъ душистаго меду. Недъ Лендъ наполнилъ имъ свою сумку.

— Смѣшавъ этотъ медъ съ тѣстомъ хлѣбнаго дерева, — сказалъ онъ намъ, — я буду въ состояніи предложить вамъ вкусное пирожное.

— Браво! — сказалъ Консель: — это будетъ просто пряникъ.

— Пускай будетъ пряникъ, — сказалъ я, — но будемъ продолжать нашу интересную прогулку.

При нѣкоторыхъ поворотахъ тропинки, по которой мы шли, озеро разстилалось предъ нами во всемъ своемъ протяженіи. Маякъ вполнѣ освѣщалъ его тихую поверхность, не знавшую ни ряби ни волненія. „Наутилусъ“ былъ совершенно неподвиженъ. На его платформѣ и на крутомъ берегу двигались люди его экипажа, — черныя тѣни, рѣзко обрисовывавшіяся на свѣтлой атмосферѣ.

Въ эту минуту мы обходили возвышенный хребетъ первыхъ скалистыхъ уступовъ, которые поддерживали сводъ.

Тогда я убѣдился, что пчелы — не единственные представители животнаго царства внутри этого вулкана. Хищныя птицы парили и кружились тамъ и сямъ въ тѣни или вылетали изъ своихъ гнѣздъ, прикрѣпленныхъ къ остроконечіямъ утеса. Это были голубятники, съ бѣлыми животами, и крикливыя пустельги. По скатамъ быстро устремлялись со всею скоростью своихъ длинныхъ ногъ прекрасныя и жирныя драхвы. Предоставляю читателю судить, съ какою алчностью канадецъ смотрѣлъ на вкусную дичь, и какъ онъ жалѣлъ, что не взялъ съ собой ружья. Онъ пробовалъ замѣнить свинецъ камнями, и послѣ многихъ безплодныхъ попытокъ ему удалось ранить одну изъ этихъ великолѣпныхъ драхвъ. Я нисколько не преувеличиваю, говоря, что онъ двадцать разъ рисковалъ своей жизнью, чтобъ овладѣть ей, и исполнилъ это такъ удачно, что животное скоро присоединилось къ сотамъ въ его мѣшкѣ.

Мы должны были сойти на берегъ, потому что хребетъ становился непроходимымъ. Надъ нами находился зіяющій кратеръ, похожій на широкое отверстіе колодца. Съ этого мѣста небо было видно довольно ясно, и я различалъ, какъ неслись въ безпорядкѣ гонимыя западнымъ вѣтромъ облака, туманные клочья которыхъ спускались до самой вершины горы, — вѣрное доказательство, что эти облака держались невысоко, потому что вулканъ поднимался не болѣе какъ на восемьсотъ футовъ надъ уровнемъ океана.

Черезъ полчаса послѣ послѣдняго подвига канадца мы снова достигли внутренняго берега. Здѣсь флора снова появлялась въ видѣ раскинувшихся широкихъ ковровъ изъ морского укропа — небольшого зонточнаго растенія, которое, будучи сварено въ сахарѣ, очень вкусно и также носитъ названіе каменнаго пролома и морского укропнаго сѣмени. Консель набралъ его нѣсколько связокъ. Что касается фауны, то можно было считать тысячами ракообразныхъ всевозможныхъ видовъ: омаровъ, краббовъ-отшельниковъ, креветъ и множество раковинъ.

Въ этомъ мѣстѣ открывался великолѣпный гротъ. Мои товарищи и я съ удовольствіемъ растянулись на его мелкомъ пескѣ. Огонь придалъ глянцовитость его сверкающимъ стѣнамъ, осыпаннымъ слюдистою пылью. Недъ Лендъ ощупывалъ стѣны и старался опредѣлить ихъ толщину. Я не могъ не улыбнуться. Тогда разговоръ коснулся этого вѣчнаго намѣренія бѣжать, и я полагалъ, что могу, не слишкомъ забѣгая впередъ, дать ему надежду, что капитанъ Немо пошелъ къ югу только затѣмъ, чтобы возобновить свой запасъ натрія. Итакъ я надѣялся, что теперь онъ приблизится къ берегамъ Европы и Америки, что дастъ канадцу возможность возобновить съ бо́льшимъ успѣхомъ свою неудавшуюся попытку.

Мы лежали уже цѣлый часъ въ этомъ прекрасномъ гротѣ. Разговоръ, оживленный сначала, теперь шелъ вяло. Нами овладѣвала сонливость. Я не видѣлъ никакой причины бороться съ ней и поддался глубокой дремотѣ. Мнѣ снилось, — мы не властны надъ снами, — мнѣ снилось, что мое существованіе ограничивалось растительною жизнью простого моллюска. Мнѣ казалось, что этотъ гротъ составлялъ двойныя створки моей раковины.

Вдругъ меня разбудилъ голосъ Конселя.

— Живѣй, живѣй! — кричалъ добрый малый.

— Что такое? — спросилъ я, вполовину приподнимаясь.

— Вода къ намъ приближается.

Я выпрямился. Море потокомъ устремилось въ наше убѣжище, и такъ какъ мы не были моллюсками, то приходилось спасаться.

Черезъ нѣсколько минутъ мы были въ безопасности, на вершинѣ грота.

— Что же это такое происходитъ? — спросилъ Консель. — Какое-нибудь новое явленіе?

— Э, нѣтъ, друзья мои, — отвѣчалъ я: — это морской приливъ, — приливъ, который чуть-чуть не засталъ насъ врасплохъ, какъ героя Вальтеръ-Скотта! Океанъ вздувается снаружи, и, по естественному закону равновѣсія, уровень озера точно такъ же поднимается. Мы поплатились только полуванной. Пойдемте въ „Наутилусъ“ переодѣваться.

Черезъ три четверти часа мы кончили нашу прогулку вокругъ озера и пришли на корабль. Люди экипажа кончили въ это время нагрузку натрія, и „Наутилусъ" могъ немедленно отправляться.

Однакоже капитанъ Немо не давалъ никакихъ приказаній. Хотѣлъ

«...мы находились въ пещерѣ...» (Стр. 224).

ли онъ дождаться ночи и тихонько пройти своимъ подводнымъ ходомъ? Можетъ-быть.

Какъ бы то ни было, на другой день „Наутилусъ", покинувъ свою гавань, плылъ въ открытомъ морѣ, нѣсколько метрами ниже поверхности Атлантическаго океана.

ГЛАВА XI.

Саргассовое море.

Направленіе „Наутилуса“ не перемѣнялось, стало-быть, приходилось отказаться на время отъ надежды на возвращеніе къ европейскимъ берегамъ. Капитанъ Немо шелъ къ югу. Куда онъ насъ увлекалъ? Я не смѣлъ давать воли воображенію.

Въ этотъ день „Наутилусъ“ проходилъ одну изъ замѣчательныхъ частей Атлантическаго океана. Каждый знаетъ о существованіи великаго теченія теплой воды, извѣстнаго подъ именемъ Гольфштрома. По выходѣ своемъ изъ каналовъ Флориды, оно направляется къ Шпицбергену. Но прежде чѣмъ проникнуть въ Мексиканскій заливъ, около сорокъ-четвертаго градуса сѣверной широты, теченіе это раздѣляется на два рукава: главный несется къ берегамъ Ирландіи и Норвегіи, тогда какъ второй направляется къ югу до Азорскихъ острововъ, потомъ, достигнувъ африканскихъ береговъ и описавъ продолговатую дугу, онъ возвращается къ Антильскимъ островамъ.

Но этотъ второй рукавъ, — скорѣе замкнутое кольцо, чѣмъ рукавъ, — обнимаетъ своею теплою водой ту холодную, спокойную и неподвижную часть океана, которая называется Саргассовымъ моремъ. Это — настоящее озеро посреди Атлантическаго океана, и великому теченію нужно не менѣе трехъ лѣтъ, чтобъ обойти его вокругъ.

Точнѣе говоря, Саргассовое море покрываетъ всю погрузившуюся въ воду часть Атлантиды. Нѣкоторые авторы полагали даже, что многочисленныя растенія, которыми оно усѣяно, принадлежали прежде лугамъ этого древняго материка. Однакоже, гораздо правдоподобнѣе предположить, что эти травы и водоросли, оторванныя отъ береговъ Европы и Америки, принесены въ этотъ поясъ Гольфштромомъ. Это было одно изъ основаній, заставившихъ Колумба предположить существованіе Новаго свѣта. Когда корабли отважнаго искателя достигли Саргассоваго моря, они не безъ труда могли итти посреди этихъ растеній, задерживавшихъ ихъ плаваніе, къ великому ужасу экипажа, и потеряли цѣлыхъ три недѣли, чтобы миновать ихъ.

Таково было мѣсто, гдѣ теперь находился „Наутилусъ“; это былъ настоящій лугъ, плотный коверъ изъ водорослей, коверъ до такой степени плотный и толстый, что форштевень судна разорвалъ бы его не безъ труда. И капитанъ Немо, не хотѣвшій рисковать своимъ винтомъ въ этой травянистой массѣ, держался нѣсколькими метрами ниже поверхности океана.

Названіе Саргассовое море происходитъ отъ испанскаго слова *sargazzo,* которое означаетъ водоросль. Эта водоросль, *sargazzum vulgare,* главнымъ образомъ и составляетъ этотъ огромный пловучій островъ. По мнѣнію Мори, автора физической географіи земного шара, водоросли собираются въ этомъ тихомъ бассейнѣ Атлантическаго океана по слѣдующей причинѣ:

„Объясненіе, говоритъ онъ, которое можно дать, есть результатъ наблюденія, извѣстнаго всякому. Если положить въ сосудъ кусочки пробки или какія-нибудь плавающія тѣла и сообщить водѣ въ этомъ сосудѣ круговое движеніе, то разбросанные кусочки соединятся вмѣстѣ въ срединѣ водяной поверхности, то-есть въ пунктѣ наименѣе взволнованномъ. Въ занимающемъ насъ явленіи сосудъ есть Атлантическій океанъ, Гольфштромъ — кругообразный токъ, а Саргассовое море — центральный пунктъ, гдѣ собираются плавающія тѣла".

Я раздѣляю мнѣніе Мори и могъ изучить явленіе въ этой исключительной средѣ, куда рѣдко проникаютъ корабли. Надъ нами плавали тѣла самаго разнороднаго происхожденія: скопившіеся между черноватыми травами стволы деревьевъ, вырванныхъ съ корнемъ на Андахъ и Скалистыхъ горахъ и принесенныхъ Амазонкой или Миссисипи; многочисленные обломки судовъ; остатки килей, корпусовъ и оторванныя доски, до того отяжелѣвшія отъ раковинъ и усоногихъ раковъ, что онѣ не были въ состояніи всплыть на поверхность океана. Время подтвердитъ когда-нибудь и другое мнѣніе Мори, что эти вещества, скопляющіяся въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ, минерализуются отъ дѣйствія воды и образуютъ неисчерпаемыя каменноугольныя залежи — драгоцѣнный запасъ, который предусмотрительная природа готовитъ для людей къ тому времени, когда они исчерпаютъ всѣ копи материковъ.

Весь день 22-го февраля мы провели въ Саргассовомъ морѣ, гдѣ рыбы, любители морскихъ растеній, и ракообразныя животныя находятъ себѣ изобильную пищу. На другой день океанъ снова принялъ свой обычный видъ.

Съ этого времени, въ продолженіе девятнадцати дней, съ 23-го февраля до 12-го марта, „Наутилусъ", придерживаясь средины Атлантическаго океана, относилъ насъ съ постоянною быстротой ста льё въ сутки. Очевидно, капитанъ Немо не хотѣлъ отступать отъ программы своего подводнаго путешествія, и я не сомнѣвался въ томъ, что онъ имѣлъ намѣреніе обогнуть мысъ Горнъ и потомъ вернуться къ тропической части Тихаго океана.

Итакъ Недъ Лендъ имѣлъ основаніе бояться. Въ открытыхъ моряхъ, лишенныхъ острововъ, нельзя было и думать о попыткѣ оставить корабль. Не было также никакой возможности воспрепятствовать волѣ капитана Немо. Оставалось покориться. Но я думалъ, что можно сдѣлать посредствомъ убѣжденія то, чего нельзя достигнуть ни силой ни хитростью. Не согласится ли капитанъ Немо, по окончаніи этого путешествія, возвратить намъ свободу, взявъ съ насъ клятву никогда не открывать его существованія, — клятву чести, которую бы мы, конечно сдержали? Но надо было объясниться съ капитаномъ по поводу этого щекотливаго вопроса. А хорошо ли онъ приметъ мое притязаніе на свободу? Не объявилъ ли онъ сначала самымъ положительнымъ образомъ, что для сохраненія тайны его жизни необходимо наше вѣчное заточеніе на бортѣ „Наутилуса"?

Въ продолженіе девятнадцати дней, о которыхъ я упоминалъ выше, наше путешествіе не было ознаменовано никакимъ особеннымъ приключеніемъ. Я мало видѣлъ капитана. Онъ работалъ. Въ библіотекѣ я часто находилъ оставленныя имъ полуоткрытыми книги, и особенно книги по естественной исторіи. Сочиненіе мое о морскомъ днѣ, которое

онъ перелистывалъ, было покрыто отмѣтками на поляхъ и примѣчаніями, которыя иногда противорѣчили моимъ теоріямъ и системамъ. Но капитанъ довольствовался подобнымъ исправленіемъ моего труда и рѣдко разсуждалъ со мной. Иногда до меня доносились меланхолическіе звуки его органа, на которомъ онъ игралъ съ большимъ выраженіемъ, но только ночью, посреди таинственнаго мрака, когда „Наутилусъ“ засыпалъ въ пустыняхъ океана.

Въ это время нашего путешествія мы плавали цѣлые дни на поверхности волнъ. Море казалось покинутымъ. Лишь изрѣдка показывалось нѣсколько парусныхъ кораблей съ грузомъ для Индіи, направляющихся къ мысу Доброй Надежды. Однажды насъ преслѣдовало китоловное судно, вѣроятно принимавшее насъ за огромнаго кита очень высокой цѣнности. Но капитанъ Немо, не желая заставлять этихъ честныхъ людей тратить даромъ время и трудъ, положилъ конецъ охотѣ погрузившись въ воду. Это происшествіе, казалось, сильно заинтересовало Неда Ленда. Я не ошибаюсь, говоря, что канадецъ жалѣлъ, что наше китообразное животное изъ листового желѣза не было до смерти убито острогой этихъ китоловов.

Наблюдаемыя мною и Конселемъ въ этихъ мѣстахъ рыбы мало отличались отъ видѣнныхъ уже нами подъ другими широтами. Выдающимися изъ нихъ были нѣсколько экземпляровъ того страшнаго рода хрящеватыхъ, раздѣленнаго на три подрода, въ которыхъ насчитывается не менѣе тридцати-двухъ видовъ: *полосатыя акулы*, въ пять метровъ длины, съ плоской головой, которая много шире туловища, съ округленнымъ хвостовымъ плавникомъ; на спинѣ у этихъ животныхъ находится семь большихъ черныхъ параллельныхъ продольныхъ полосъ; затѣмъ *жемчужныя акулы*, пепельно-сѣраго цвѣта, съ семью открытыми жаберными отверстіями и только однимъ плавникомъ, находящимся почти посрединѣ тѣла.

Наблюдали мы и большихъ *scyllium canicula*, рыбъ особенно прожорливыхъ. Трудно вѣрить разсказамъ рыболововъ, но вотъ что они повѣствуютъ о прожорливости этихъ рыбъ. Въ желудкѣ одной изъ нихъ разъ нашли голову буйвола и цѣлаго теленка; въ другой — двухъ тунцовъ и матроса въ мундирѣ; въ третьей — солдата въ полномъ вооруженіи, исключая ружья, и, наконецъ, въ четвертой оказалась лошадь съ сѣдокомъ! Довѣрять этимъ разсказамъ, конечно, нельзя; но такъ какъ ни одно изъ этихъ интересныхъ животныхъ не попало въ сѣти „Наутилуса“, то у меня и не было возможности лично провѣрить степень прожорливости описанныхъ животныхъ.

Цѣлыя стаи игривыхъ и изящныхъ *дельфиновъ* сопутствовали намъ въ теченіе нѣсколькихъ дней. Они шли партіями по пяти и шести штукъ, охотясь за мелкой рыбой сообща, какъ волки на поляхъ. Эти дельфины не менѣе прожорливы, чѣмъ *scyllium canicula*, по увѣренію одного копенгагенскаго профессора, будто бы нашедшаго въ желудкѣ дельфина тринадцать морскихъ свинокъ и пятнадцать тюленей. Правда, этотъ дельфинъ былъ *гладіаторъ*, принадлежащій къ самому крупному изъ извѣстныхъ видовъ, длина котораго бываетъ иногда свыше двадцати-четырехъ футовъ, но все-таки разсказъ профессора нѣсколько сомнителенъ. Это семейство дельфиновъ подраздѣляется на десять родовъ. Тѣ, которыхъ мы наблюдали, принадлежатъ къ роду *delphinorhynchus*,

замѣчательныхъ своимъ чрезвычайно узкимъ рыломъ, которое раза въ четыре длиннѣе головы. Тѣло ихъ имѣло метра три въ длину, сверху отличалось темнымъ цвѣтомъ, а снизу — блѣдно-розовымъ и было усѣяно небольшими рѣдкими пятнами.

Необходимо упомянуть и о находящихся въ этихъ моряхъ интересныхъ экземплярахъ рыбъ изъ порядка колюче-пёрыхъ и изъ семейства *scienoidei*. Есть писатели, — впрочемъ, болѣе поэты, нежели натуралисты, — которые утверждаютъ, что эти рыбы прекрасно *поютъ*, и что соединенные голоса нѣсколькихъ изъ нихъ составляютъ такой концертъ, съ которымъ не можетъ сравниться хоръ человѣческихъ голосовъ... Я не утверждаю противнаго и очень жалѣю, что при встрѣчѣ съ ними *сціены* не показали своего искусства.

Въ заключеніе, Консель классифировалъ много летучихъ рыбъ. Трудно представить что-либо интереснѣе охоты за ними дельфиновъ, нападенія которыхъ были удивительно ловки. Куда бы онѣ ни бросались, какія бы искусныя линіи ни описывали, даже перелетая черезъ „Наутилусъ", — всюду встрѣчали открытыя пасти дельфиновъ, готовыя ихъ схватить. Здѣсь были *exocoetus evolans* и *dactylopterus volitans* съ ихъ свѣтящимся ртомъ. Очертивъ въ воздухѣ огненныя полосы, они погружались въ море, и издали казалось, что это падающія звѣзды.

До 13-го марта наше плаваніе продолжалось при такихъ же условіяхъ. Въ этотъ день „Наутилусъ" занимался измѣреніемъ глубины, что меня интересовало.

Мы сдѣлали тринадцать тысячъ льё со времени начала нашего плаванія. Мѣсто нашего судна на картѣ было опредѣлено подъ 45° 37′ южной широты и 37° 53′ западной долготы. Это были тѣ самыя мѣста, гдѣ капитанъ Денгамъ, командиръ „Герольда", опускалъ зондъ на четырнадцать тысячъ метровъ глубины и не нашелъ дна. Тутъ же Паркеръ, лейтенантъ американскаго фрегата „Конгрессъ", не могъ достать до морского дна на глубинѣ пятнадцати тысячъ ста-сорока метровъ.

Капитанъ Немо рѣшился отправиться со своимъ „Наутилусомъ" на самую крайнюю глубину, чтобы провѣрить эти различныя измѣренія. Я приготовился записывать результаты этого изслѣдованія. Окна залы были открыты, и начались маневры, необходимые для того, чтобы достигнуть такъ глубоко лежащихъ слоевъ.

Понятно, что не могло быть рѣчи о томъ, чтобы погрузиться, наполнивъ резервуары. Можетъ-быть, они не могли бы даже достаточно увеличить удѣльный вѣсъ „Наутилуса". Да вдобавокъ, чтобы подняться опять, пришлось бы освободиться отъ этой лишней воды, а насосы не были бы, пожалуй, въ состояніи побѣдить внѣшнее давленіе. Капитанъ Немо рѣшился спуститься на дно океана по діагонали, достаточно отлогой, посредствомъ своихъ боковыхъ плоскостей, поставленныхъ для этого къ ватерлиніи „Наутилуса" подъ угломъ въ сорокъ-пять градусовъ. Потомъ винтъ былъ доведенъ до максимума скорости, и его четыре лопасти принялись разсѣкать волны съ неописуемою силой.

Подъ этимъ могучимъ напоромъ кузовъ „Наутилуса" содрогнулся какъ звучная струна и равномѣрно погрузился въ воду. Мы съ капитаномъ стояли въ залѣ и слѣдили за стрѣлкой манометра, которая быстро отклонялась. Вскорѣ мы миновали тотъ обитаемый поясъ, гдѣ живетъ большая часть рыбъ. Если нѣкоторыя изъ этихъ животныхъ мо-

гутъ жить только на поверхности морей и рѣкъ, то другія, менѣе многочисленныя, живутъ только на значительныхъ глубинахъ. Между этими послѣдними я увидалъ hexanchus — видъ акулъ, снабженныхъ шестью дыхательными отверстіями.

Я спросилъ капитана Немо, видалъ ли онъ рыбъ на болѣе значительныхъ глубинахъ.

— Рыбъ, — отвѣчалъ онъ мнѣ, — рѣдко. Но при настоящемъ состояніи науки что̀ думаютъ и знаютъ объ этомъ?

— Вотъ что̀, капитанъ. Знаютъ, что, спускаясь къ низшимъ слоямъ океана, растительная жизнь исчезаетъ скорѣе животной. Знаютъ, что тамъ, гдѣ встрѣчаются еще живыя существа, не растетъ уже ни одной водоросли. Знаютъ, что гребешки устрицы живутъ на глубинѣ двухъ тысячъ метровъ, и что Макъ Клинтокъ, герой полярныхъ морей, вытащилъ живую морскую звѣзду съ глубины двухъ тысячъ пятисотъ метровъ. Знаютъ также, что экипажъ „Bule-Dog" королевскаго флота поймалъ морскую звѣзду на глубинѣ двухъ тысячъ шестисотъ-двадцати брасовъ *), то-есть на глубинѣ болѣе мили. Но, капитанъ, можетъ-быть, вы скажете, что мы ничего не знаемъ?

— Нѣтъ, господинъ профессоръ, — отвѣчалъ капитанъ, — я не буду такъ невѣжливъ. Однако я васъ спрошу, какъ вы объясняете способность животныхъ жить на такихъ глубинахъ?

— Я объясняю это двумя причинами, — отвѣчалъ я: — прежде всего тѣмъ, что вертикальныя теченія, обусловливаемыя различіемъ солености и плотности водъ, производятъ движеніе, котораго достаточно для поддержанія жизни морскихъ лилій и морскихъ звѣздъ.

— Вѣрно, — сказалъ капитанъ.

— А во-вторыхъ, тѣмъ, что если кислородъ составляетъ основаніе жизни, то извѣстно, что количество кислорода, растворенная въ морской водѣ, увеличивается вмѣстѣ съ глубиной, а не уменьшается, и что давленіе низшихъ слоевъ способствуетъ его растворенію.

— Такъ ужъ это знаютъ? — отвѣчалъ капитанъ Немо слегка удивленнымъ тономъ. — Хорошо, господинъ профессоръ, каждый въ правѣ это знать, потому что это справедливо. Я еще прибавлю, что плавательный пузырь рыбъ содержитъ въ себѣ болѣе азота, чѣмъ кислорода, когда эти животныя ловятся на поверхности, и напротивъ — болѣе кислорода, чѣмъ азота, если они пойманы на большихъ глубинахъ, что и служитъ къ подтвержденію вашей системы. Но будемъ продолжать наши наблюденія.

Я посмотрѣлъ на манометръ. Инструментъ показывалъ глубину шести тысячъ метровъ. Наше погруженіе въ воду продолжалось уже цѣлый часъ. „Наутилусъ", скользившій на своихъ наклонныхъ плоскостяхъ, все еще погружался. Пустынныя воды отличались такою удивительною прозрачностью, что нѣтъ возможности воспроизвести или описать ее. Еще черезъ часъ мы были на глубинѣ тринадцати тысячъ метровъ — около трехъ съ четвертью льё, а еще не было никакихъ признаковъ близости дна океана.

Однако на глубинѣ четырнадцати тысячъ метровъ я увидалъ черноватыя остроконечныя вершины, поднимавшіяся посреди водъ. Но эти

*) Брасъ = 6 футамъ.

вершины могли принадлежать такимъ же высокимъ горамъ, какъ Гималайскія или Монъ-Бланъ, даже болѣе высокимъ, и глубина этой бездны была неизмѣрима.

„Наутилусъ" опускался все ниже, несмотря на сильное давленіе, которому онъ подвергался. Я чувствовалъ, какъ дрожало листовое желѣзо въ мѣстахъ, гдѣ соединялись болты; его брусья сгибались; его перегородка трещала; стекла въ окнахъ залы, казалось, выпячивались внутрь подъ давленіемъ воды. И этому прочному аппарату пришлось бы безъ сомнѣнія уступить, если бъ онъ, какъ говорилъ его капитанъ, не былъ въ состояніи сопротивляться какъ сплошная масса.

Проходя мимо склоновъ этихъ скалъ, скрытыхъ подъ водой, я еще видѣлъ нѣсколько раковинъ, серпулъ и нѣсколько экземпляровъ морскихъ звѣздъ.

Но вскорѣ и эти послѣдніе представители животной жизни исчезли, и, опустившись ниже трехъ льё, „Наутилусъ" перешелъ границы подводной жизни, какъ это бываетъ съ воздушнымъ шаромъ, когда онъ подымается въ воздухѣ выше того слоя, гдѣ можно дышать. Мы достигли глубины шестнадцати тысячъ метровъ, то-есть четырехъ льё, — корпусъ „Наутилуса" выдерживалъ давленіе тысячи шестисотъ атмосферъ, то-есть тысячи-шестисотъ килограммовъ на каждый квадратный сантиметръ своей поверхности.

— Какое положеніе! — вскричалъ я. — Достигнуть этихъ глубокихъ слоевъ, куда человѣкъ еще никогда не проникалъ! Посмотрите на эти великолѣпныя скалы, необитаемыя пещеры, на эти послѣдніе слои земного шара, гдѣ уже невозможна жизнь! Какія невѣдомыя области, и зачѣмъ мы должны ограничиться только однимъ воспоминаніемъ о нихъ?

— Не угодно ли вамъ, — спросилъ меня капитанъ Немо, — вынести отсюда болѣе чѣмъ воспоминаніе?

— Что хотите вы сказать этими словами?

— Я хочу сказать, что ничего нѣтъ легче, какъ снять фотографическій видъ съ этой подводной области.

Я еще не успѣлъ выразить удивленія, вызваннаго этимъ новымъ предложеніемъ, какъ по приказанію капитана Немо въ залу принесли объективъ. Ставни были широко открыты, жидкая среда, освѣщенная электричествомъ, представлялась съ полною ясностью. Ни одной тѣни, ни малѣйшаго колебанія въ нашемъ искусственномъ освѣщеніи. Само солнце не могло быть благопріятнѣе для процесса подобнаго рода. Повинуясь дѣйствію своего винта, „Наутилусъ", сдерживаемый наклоненіемъ своихъ боковыхъ плоскостей, былъ неподвиженъ. Снарядъ навели на ландшафты морского дна, и черезъ нѣсколько секундъ мы получили чрезвычайно отчетливый негативъ.

Я сохранилъ его позитивный оттискъ. Здѣсь видны первобытныя скалы, никогда не знавшія небеснаго свѣта, нижніе слои гранита, составляющіе непоколебимое основаніе земного шара, глубокія пещеры, выдолбленныя въ каменной массѣ, необыкновенно отчетливые разрѣзы, оконечности которыхъ выдаются черными массами, какъ будто они вышли изъ-подъ кисти извѣстныхъ фламандскихъ артистовъ. Далѣе горизонтъ замыкался горами — прелестною волнистою линіей, которая составляетъ задній планъ ландшафта. Я не могу описать это собраніе гладкихъ черныхъ глянцовитыхъ скалъ, безъ мха и пятенъ, отличаю-

щихся странными формами и прочно утвержденныхъ на песчаномъ коврѣ, который блестѣлъ отъ лучей электрическаго свѣта.

Между тѣмъ, кончивъ свою работу, капитанъ Немо сказалъ мнѣ:

— Пора вернуться, господинъ профессоръ. Не надо злоупотреблять своимъ положеніемъ и слишкомъ долго подвергать „Наутилусъ“ подобнымъ давленіямъ.

— Возвратимся, — отвѣчалъ я.

— Держитесь крѣпче.

Я не успѣлъ еще понять, почему капитанъ обратился ко мнѣ съ такимъ предостереженіемъ, какъ меня отбросило на коверъ.

По знаку капитана винтъ былъ остановленъ, боковыя плоскости поставлены вертикально, и „Наутилусъ“, увлекаемый какъ воздушный шаръ, поднимался съ поразительною быстротой. Онъ съ шумомъ разсѣкалъ массу волнъ. Нельзя было разглядѣть никакихъ подробностей. Въ четыре минуты онъ миновалъ четыре льё, отдѣлявшія его отъ поверхности океана, и, подброшенный какъ летучая рыба, онъ снова упалъ, поднимая брызги волнъ на значительную высоту.

ГЛАВА XII.

Кашалоты и киты.

Ночью, съ 13-го на 14-ое марта, „Наутилусъ“ снова направился къ югу. Я полагалъ, что противъ мыса Горна онъ повернетъ къ западу, чтобы приблизиться къ Тихому океану, и окончитъ свое кругосвѣтное плаваніе. Но онъ этого не сдѣлалъ и продолжалъ плыть на югъ. Куда же онъ хотѣлъ итти? Къ полюсу? Это было безразсудно. Я начиналъ думать, что опасенія Неда Ленда достаточно оправдавались безумною смѣлостью капитана.

Съ нѣкотораго времени канадецъ не говорилъ болѣе со мной о въ емъ намѣреніи бѣжать. Онъ сдѣлался менѣе сообщителенъ, почти цъ, чаливъ. Я видѣлъ, какъ тяготило его это продолжительное зато ри Я понималъ весь гнѣвъ, накопившійся въ немъ. Когда онъ встрѣ дѣть съ капитаномъ, глаза его зажигались мрачнымъ огнемъ, и я все дъ боялся, что его природная горячность доведетъ его до какой-нибу крайности. ѣ

Въ этотъ день, 14 марта, они оба съ Конселемъ пришли ко мо въ комнату. Я спросилъ о причинѣ ихъ посѣщенія.

— Предложить вамъ одинъ простой вопросъ, господинъ профессоръ, — отвѣчалъ мнѣ канадецъ.

— Говорите, Недъ.

— Сколько, вы думаете, находится людей на бортѣ „Наутилуса“?

— Я не сумѣю вамъ этого сказать, мой другъ.

— Мнѣ кажется, — возразилъ Недъ Лендъ, — что для управленія имъ не требуется многочисленнаго экипажа.

— Дѣйствительно, — отвѣчалъ я, — при тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ онъ находится, для его управленія достаточно десяти человѣкъ.

— Ну, что же, — сказалъ канадецъ, — для чего же предполагать, что ихъ больше?

— Для чего? — возразилъ я.

Я пристально посмотрѣлъ на Неда Ленда, намѣренія котораго было легко угадать.

— Потому что, — сказалъ я, — если вѣрить моимъ предчувствіямъ и если я хорошо понялъ жизнь капитана, то „Наутилусъ“ не только корабль, но также убѣжище для тѣхъ, которые, какъ и его командиръ, прервали всѣ сношенія съ землей.

— Можетъ-быть, — сказалъ Консель, — но во всякомъ случаѣ „Наутилусъ“ можетъ вмѣщать только извѣстное число людей, и не можетъ ли господинъ профессоръ опредѣлить его максимума?

— Какъ же это, Консель?

— Посредствомъ вычисленія. Принимая въ расчетъ вмѣстимость корабля, которая извѣстна господину профессору, и, слѣдовательно, количество заключающагося въ немъ воздуха, зная, съ другой стороны, сколько каждый человѣкъ тратитъ его для дыханія, и сравнивая эти выводы съ необходимостью „Наутилуса“ подниматься каждые двадцать-четыре часа...

Фраза Конселя не была окончена, но я хорошо понималъ, на что онъ намекаетъ.

— Я тебя понимаю, — сказалъ я, — но это вычисленіе, которое легко сдѣлать, можетъ дать только очень неопредѣленную цыфру.

— Нужды нѣтъ, — настойчиво возразилъ Недъ Лендъ.

— Вотъ вычисленіе, — отвѣчалъ я. — Каждый человѣкъ тратитъ въ часъ весь кислородъ, содержащійся въ ста литрахъ воздуха, то-есть въ двадцать-четыре часа — кислородъ, находящійся въ двухъ тысячахъ четырехстахъ литрахъ. Стало-быть, надо вычислить, сколько разъ „Наутилусъ“ содержитъ въ себѣ двѣ тысячи четыреста литровъ воздуха.

— Такъ точно, — сказалъ Консель.

— Ну, — возразилъ я, — „Наутилусъ“ вмѣщаетъ полторы тысячи ннъ, а каждая тонна содержитъ въ себѣ одинъ милліонъ пятьсотъ ячъ литровъ воздуха; раздѣленные на двѣ тысячи-четыреста, — я ъ быстро считать карандашомъ, — даютъ въ частномъ шестьсотъ дцать-пять. Стало-быть, „Наутилусъ“ содержитъ такое количество здуха, котораго совершенно достаточно для шестисотъ двадцати-пяти еловѣкъ въ продолженіе двадцати-четырехъ часовъ.

— Шестисотъ-двадцати-пяти! — повторилъ Недъ.

— Но будьте увѣрены, — прибавилъ я, — что всѣ вмѣстѣ — пассажиры, моряки или офицеры — мы не составляемъ и десятой части этой цыфры.

— И этого еще слишкомъ много для трехъ человѣкъ, — пробормоталъ Консель.

— Итакъ, мой бѣдный Недъ, я могу вамъ посовѣтовать только терпѣніе.

— И даже больше чѣмъ терпѣніе, — отвѣчалъ Консель: — покорность. Какъ бы то ни было, — продолжалъ онъ, — капитанъ Немо не можетъ же все итти къ югу! Ему надо будетъ остановиться хоть предъ сплошными льдами и возвратиться въ болѣе цивилизованныя моря! Тогда наступитъ время снова взяться за предложенія Неда Ленда.

Канадецъ покачалъ головой, провелъ рукой по лбу и удалился, не говоря ни слова.

— Съ позволенія господина профессора, — сказалъ мнѣ тогда Консель, — я сообщу ему свои наблюденія. Этотъ бѣдный Недъ все думаетъ о томъ, чего ему нельзя имѣть. Ему припоминается все изъ прошлой его жизни. Все, что намъ запрещено, ему кажется достойнымъ сожалѣнія. Воспоминанія о прошломъ гнетутъ его и раздражаютъ. Надо его понять. Что ему здѣсь дѣлать? Онъ не ученый, какъ господинъ профессоръ, и не можетъ, подобно намъ, находить удовольствіе въ удивительныхъ чудесахъ моря. Онъ готовъ всѣмъ рискнуть для того, чтобъ имѣть возможность побывать въ тавернѣ своей родины.

Конечно, однообразіе на кораблѣ должно было казаться невыносимымъ канадцу, привыкшему къ свободной и дѣятельной жизни. Событія, которыя могли его заинтересовать, были рѣдки. Впрочемъ, въ этотъ день одно происшествіе напомнило ему счастливое время изъ его жизни китолова.

Около одиннадцати часовъ утра, находясь на поверхности океана, „Наутилусъ" попалъ въ стадо китовъ; встрѣча съ ними не удивила меня: я зналъ что эти животныя, которыхъ преслѣдуютъ съ такою ревностію, укрываются въ моряхъ высокихъ широтъ.

Китъ всегда игралъ важную роль въ морскомъ мірѣ и имѣлъ значительное вліяніе на географическія открытія. Увлекая за собой сначала басковъ, потомъ астурійцевъ, англичанъ и голландцевъ, онъ пріучилъ ихъ смѣло смотрѣть на опасности океана и водилъ съ одного конца земли на другой. Киты любятъ посѣщать южныя и сѣверныя полярныя моря. Древнія легенды утверждаютъ даже, что разъ эти китообразныя животныя привели рыболововъ на разстояніе только семи миль отъ сѣвернаго полюса. Если этотъ фактъ и вымышленъ, то онъ можетъ когда-нибудь осуществиться, и вѣроятно, что такимъ образомъ, охотясь за китами въ арктическихъ или антарктическихъ странахъ, люди достигнутъ двухъ неизвѣстныхъ точекъ земного шара.

Мы сидѣли на платформѣ; море было спокойно; октябрь мѣсяцъ въ этихъ широтахъ дарилъ насъ прекрасными осенними днями. Канадецъ, который не могъ ошибиться въ этомъ случаѣ, увидалъ кита на горизонтѣ къ востоку. Вглядываясь внимательно, можно было разглядѣть его черноватую спину, которая то поднималась, то опускалась надъ волнами, въ пяти миляхъ отъ „Наутилуса".

— Ахъ, — вскричалъ Недъ Лендъ, — если бъ я былъ на бортѣ китоловнаго судна, эта встрѣча доставила бы мнѣ удовольствіе! Это животное большихъ размѣровъ. Посмотрите, съ какою силой его носовыя отверстія выбрасываютъ столбы воздуха и пара! Тысяча чертей! Зачѣмъ я прикованъ къ этому куску листового желѣза!

— Какъ, Недъ? — отвѣчалъ я. — Вы еще не отреклись отъ своихъ прежнихъ мечтаній о ловлѣ?

— Развѣ китоловъ можетъ забыть свое прежнее ремесло, господинъ профессоръ? Развѣ могутъ когда-нибудь наскучить волненія подобной охоты?

— Вы никогда не охотились въ этихъ моряхъ, Недъ?

— Никогда, господинъ профессоръ. Я охотился только въ сѣверныхъ моряхъ, въ Беринговомъ и въ Девисовомъ проливахъ.

— Стало-быть, вы еще не знаете южнаго кита. До сихъ поръ вы

охотились только за сѣверными китами, а они не осмѣлятся пройти теплыми водами экватора.

— Ахъ, господинъ профессоръ, что вы это говорите? — возразилъ канадецъ недовѣрчивымъ тономъ.

— Я говорю то, что знаю.

«...я самъ убилъ около Гренландіи кита...» (Стр. 235).

— Вотъ еще! Въ шестьдесятъ-пятомъ году, два съ половиной года тому назадъ, близъ Гренландіи я самъ убилъ кита, у котораго въ боку еще находилась острога съ клеймомъ китоловнаго судна, бывшаго въ Беринговомъ проливѣ. Итакъ я васъ спрашиваю: какимъ образомъ животное, раненое на западѣ Америки, могло быть убито на востокѣ, если оно не перешло экватора, обогнувъ мысъ Горнъ или мысъ Доброй Надежды?

— Я раздѣляю мнѣніе друга Неда, — сказалъ Консель, — и жду, что отвѣтитъ господинъ профессоръ.

— Господинъ профессоръ отвѣтитъ вамъ, друзья мои, что киты распредѣляются, смотря по своей породѣ, въ различныхъ моряхъ и не покидаютъ ихъ. И если одно изъ этихъ животныхъ перешло изъ Берингова пролива въ Девисовъ, то это объясняется просто тѣмъ, что, по всей вѣроятности, между этими морями существуетъ проходъ или у береговъ Америки или у береговъ Азіи.

— Ужъ я не знаю, вѣрить ли вамъ? — спросилъ канадецъ, закрывая одинъ глазъ.

— Слѣдуетъ вѣрить господину профессору, — отвѣчалъ Консель.

— Слѣдовательно, — возразилъ канадецъ, — такъ какъ я никогда не охотился въ этихъ мѣстахъ, то мнѣ и неизвѣстны живущіе въ нихъ киты?

— Я вамъ это говорю, Недъ.

— Тѣмъ болѣе слѣдуетъ съ ними познакомиться, — возразилъ Консель.

— Посмотрите, посмотрите! — вскричалъ взволнованнымъ голосомъ канадецъ. — Онъ приближается! Онъ идетъ на насъ! Дразнитъ меня! Онъ знаетъ, что я не могу ему ничего сдѣлать!

Недъ топалъ ногами. Рука его дрожала, потрясая воображаемою острогой.

— Эти киты, — спросилъ онъ, — такъ же велики, какъ и тѣ, которые живутъ въ сѣверныхъ моряхъ?

— Почти такъ же, Недъ.

— Дѣло въ томъ, что я видѣлъ большихъ китовъ, господинъ профессоръ, — китовъ, имѣвшихъ до ста футовъ длины. Мнѣ даже случалось слышать, будто *hullamock* и *umgallick* Алеутскихъ острововъ бываютъ иногда болѣе ста-пятидесяти футовъ.

— Ну, это мнѣ кажется преувеличеннымъ, — отвѣчалъ я. — Эти животныя принадлежатъ къ роду *balaenoptera;* они снабжены спинными плавниками и такъ же, какъ кашалоты, вообще меньше настоящихъ китовъ.

— Ахъ! — вскричалъ канадецъ, не перестававшій смотрѣть на поверхность океана, — онъ приближается, онъ идетъ въ кильватерѣ „Наутилуса“.

Потомъ, возвращаясь къ прерванному разговору, онъ прибавилъ:

— Вы говорите о кашалотахъ какъ о маленькихъ животныхъ. Между тѣмъ разсказываютъ объ исполинскихъ кашалотахъ. Это смышленыя китообразныя. Нѣкоторыя изъ нихъ, говорятъ, покрываются водорослями, и ихъ принимаютъ за островки. Къ нимъ пристаютъ, на нихъ помѣщаются, разводятъ огонь...

— Строятъ дома, — сказалъ Консель.

— Да, шутникъ, — отвѣчалъ Недъ Лендъ. — Потомъ, въ одинъ прекрасный день, животное погружается и увлекаетъ въ глубину бездны всѣхъ своихъ жителей.

— Какъ въ путешествіяхъ моряка Синдбада, — смѣясь возразилъ я. — А вы, кажется, любите, господинъ Лендъ, необыкновенныя исторіи! Вотъ каковы ваши кашалоты? Я надѣюсь, что вы этому не вѣрите.

— Господинъ натуралистъ, — серіозно отвѣчалъ канадецъ, — относительно китовъ должно вѣрить всему. Какъ этотъ плыветъ! Какъ онъ исчезаетъ изъ глазъ! Утверждаютъ, что эти животныя могутъ въ пятнадцать дней обойти вокругъ свѣта.

— Я этого не отрицаю.

— Но вы, господинъ Аронаксъ, безъ сомнѣнія, не знаете, что при началѣ міра киты плавали еще быстрѣе.

— А! Въ самомъ дѣлѣ, Недъ? Почему же это?

— Потому что у нихъ былъ тогда поперечный хвостъ, какъ у рыбъ, то-есть этотъ хвостъ, сплющенный вертикально, разсѣкалъ воду слѣва направо и справа налѣво. Но, замѣтивъ, что они плаваютъ очень быстро, Создатель свернулъ имъ хвостъ, и съ этого времени они ударяютъ по волнамъ сверху внизъ, что мѣшаетъ ихъ быстротѣ.

— Хорошо, Недъ, — сказалъ я, повторяя выраженіе канадца, — но не знаю, вѣрить ли вамъ?

— Не совсѣмъ, — отвѣчалъ Недъ Лендъ: — не болѣе того, какъ если бъ я вамъ сказалъ, что существуютъ киты длиной въ триста футовъ и вѣсомъ въ сто тысячъ фунтовъ.

— Это дѣйствительно много, — сказалъ я. — Впрочемъ, надо сознаться, что нѣкоторыя китообразныя животныя достигаютъ значительнаго развитія, потому что они даютъ, какъ разсказываютъ, до стадвадцати тоннъ жира.

— Что касается до этого, то я самъ это видѣлъ, — сказалъ канадецъ.

— Я этому охотно вѣрю, Недъ, какъ вѣрю тому, что нѣкоторые киты равняются величиной ста слонамъ. Можете судить о силѣ дѣйствія, производимаго подобною массой, устремившеюся со всею скоростью.

— Правда ли, — спросилъ Консель, — что они могутъ потопить корабль?

— Корабль, — не думаю, — отвѣчалъ я. — Впрочемъ, разсказываютъ, что въ 1820 году, въ этихъ самыхъ южныхъ моряхъ, одинъ китъ бросился на „Эссексъ“ и отбросилъ его со скоростью четырехъ метровъ въ секунду. Волны проникли въ корму, „Эссексъ“ потонулъ почти въ ту же минуту.

Недъ лукаво посмотрѣлъ на меня.

— Что до меня касается, — сказалъ онъ, — то разъ китъ ударилъ меня хвостомъ, разумѣется, по моей лодкѣ. Меня и моихъ товарищей подбросило на шесть метровъ въ вышину. Но въ сравненіи съ китомъ господина профессора мой китъ — не больше какъ китенокъ.

— И долго живутъ эти животныя? — спросилъ Консель.

— Тысячу лѣтъ, — отвѣчалъ не колеблясь канадецъ.

— А какъ вы это знаете, Недъ?

— Потому что говорятъ.

— А почему это говорятъ?

— Потому что знаютъ.

— Нѣтъ, Недъ, этого не знаютъ, но только предполагаютъ, и вотъ разсужденіе, на которомъ основываются: прошло уже четыреста лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ охотники въ первый разъ стали охотиться за китами, и тогда эти животныя были больше ростомъ, чѣмъ теперь. Итакъ довольно логически предполагаютъ, что меньшій ростъ нынѣшнихъ китовъ происходитъ оттого, что они еще не успѣли достигнуть своего

полнаго развитія, что и заставило Бюффона сказать, что китообразныя животныя могутъ и даже должны жить по тысячѣ лѣтъ. Вы понимаете?

Недъ Лендъ не понималъ. Онъ болѣе не слушалъ. Китъ все приближался. Онъ пожиралъ его глазами.

— Ахъ! — вскричалъ онъ. — Это уже не одинъ китъ, ихъ десять, двадцать — цѣлое стадо! И я не въ состояніи ничего сдѣлать! Приходится стоять тутъ со связанными руками и ногами.

— Но, другъ Недъ, — сказалъ Консель, — почему не попросить у капитана Немо позволенія поохотиться?..

Не успѣлъ Консель окончить свою фразу, какъ Недъ Лендъ скрылся уже въ подъемную дверь и бросился отыскивать капитана. Черезъ нѣсколько минутъ они оба явились на платформу.

Капитанъ Немо смотрѣлъ на стадо китовъ, игравшихъ на поверхности волнъ въ разстояніи одной мили отъ „Наутилуса".

— Это южный китъ, — сказалъ онъ. — Здѣсь было бы чѣмъ обогатиться цѣлому флоту китоловныхъ судовъ.

— Господинъ капитанъ, — спросилъ канадецъ, — не могу ли я поохотиться за ними, хотя бы для того только, чтобы не забыть моего прежняго ремесла китолова?

— Зачѣмъ, — отвѣчалъ капитанъ Немо, — охотиться единственно съ цѣлію истреблять? Для корабля намъ вовсе не нуженъ китовый жиръ.

— Однакоже, господинъ капитанъ, — возразилъ канадецъ, — въ Чермномъ морѣ вы намъ позволили преслѣдовать дюгонга.

— Тогда дѣло шло о томъ, чтобы достать свѣжаго мяса моему экипажу. Здѣсь же будетъ убійство для убійства. Я хорошо знаю, что это привилегія человѣка, но не допускаю такихъ жестокихъ увеселеній. Истребляя южныхъ китовъ, какъ и настоящихъ существъ безвредныхъ и добрыхъ, ваши товарищи по ремеслу, господинъ Лендъ, дѣлаютъ дурное дѣло. Такимъ образомъ они уже совсѣмъ уничтожили китовъ въ Баффиновомъ заливѣ и впослѣдствіи истребятъ цѣлый классъ полезныхъ животныхъ. Оставьте же въ покоѣ этихъ несчастныхъ китовъ. У нихъ и безъ насъ много своихъ естественныхъ враговъ: кашалоты, мечъ-рыба, пила-рыба.

Предоставляю читателю судить о выраженіи лица канадца во время этого нравоученія. Давать подобные совѣты охотнику — значитъ тратить даромъ слова. Недъ Лендъ смотрѣлъ на капитана Немо и, очевидно, не понималъ, что тотъ хотѣлъ ему сказать. Однако капитанъ былъ правъ: варварство и необдуманная жадность охотниковъ скоро приведутъ къ тому, что не останется ни одного кита въ океанѣ.

Недъ Лендъ просвисталъ сквозь зубы свое *Yankel doodle,* засунулъ руки въ карманы и повернулся къ намъ спиной.

Между тѣмъ капитанъ Немо, наблюдая за стадомъ китовъ, обратился ко мнѣ со слѣдующими словами:

— Я былъ правъ, утверждая, что, кромѣ человѣка, киты имѣютъ много естественныхъ враговъ. Этимъ скоро придется имѣть дѣло съ сильнымъ врагомъ. Видите ли вы, господинъ Аронаксъ, въ восьми миляхъ подъ вѣтромъ, эти двигающіяся черныя точки?

— Да, капитанъ, — отвѣчалъ я.

— Это кашалоты, ужасное животное; я встрѣчалъ ихъ нѣсколько разъ стадами отъ двухсотъ до трехсотъ штукъ. Что касается этихъ

жестокихъ и вредныхъ животныхъ, то охотники совершенно правы, истребляя ихъ.

При послѣднихъ словахъ канадецъ быстро обернулся.

— Ну, хорошо, капитанъ, — сказалъ я: — еще есть время, даже въ интересахъ самихъ китовъ.

— Безполезно подвергаться опасности, господинъ профессоръ; достаточно одного „Наутилуса", чтобы разогнать этихъ кашалотовъ. Онъ вооруженъ стальнымъ бивнемъ, который, я полагаю, не уступитъ острогѣ господина Ленда.

Канадецъ не стѣсняясь выразилъ сомнѣніе: сражаться съ кашалотами, вооружившись бивнемъ! слыханное ли это дѣло?

— Подождите, господинъ Аронаксъ, — сказалъ капитанъ Немо: — мы вамъ покажемъ неизвѣстную вамъ до сихъ поръ охоту. Жалѣть этихъ свирѣпыхъ животныхъ нечего. Они состоятъ только изъ пасти и зубовъ!

Пасть и зубы! Лучше нельзя обрисовать кашалота большеголоваго, ростъ котораго превосходитъ иногда двадцать-пять метровъ. Огромная голова этого китообразнаго занимаетъ около трети всего его тѣла. Вооруженный лучше кита, верхнія челюсти котораго снабжены только одними усами, онъ имѣетъ двадцать-пять большихъ зубовъ, въ двадцать сантиметровъ, цилиндро-конической формы, изъ коихъ каждый вѣситъ два фунта. Въ верхней части этой огромной головы и въ большихъ полостяхъ, раздѣленныхъ хрящемъ, находится отъ трехсотъ до четырехсотъ килограммовъ того драгоцѣннаго масла, которое называется спермацетомъ. Кашалотъ — животное неуклюжее, скорѣе головастикъ, чѣмъ рыба, по замѣчанію Фредоля. Онъ дурно сложенъ и, такъ сказать, не удался всею лѣвою частью своего тѣла и видитъ только однимъ правымъ глазомъ.

Между тѣмъ чудовищное стадо все приближалось. Оно увидѣло китовъ и приготовлялось къ нападенію. Можно было заранѣе предвидѣть побѣду кашалотовъ, не только потому, что они лучше организованы для нападенія, чѣмъ ихъ безвредные противники, но также и потому, что они могутъ дольше оставаться подъ водой, не возвращаясь на ея поверхность для дыханія.

Пора было итти на помощь китамъ. „Наутилусъ" погрузился въ воду. Консель, Недъ и я помѣстились у оконъ залы. Капитанъ Немо отправился къ рулевому, чтобы дѣйствовать своимъ аппаратомъ какъ истребительною машиной. Вскорѣ я почувствовалъ ускоренные удары винта и увеличивавшуюся быстроту нашего хода.

Когда „Наутилусъ" подошелъ, сраженіе между кашалотами и китами уже началось. Онъ маневрировалъ такимъ образомъ, чтобы врѣзаться въ стадо кашалотовъ. Сначала они, казалось, не обратили вниманія на новое чудовище, вмѣшавшееся въ ихъ битву, но скоро должны были отступить отъ его ударовъ.

Какая борьба! Скоро самъ Недъ Лендъ пришелъ въ восторгъ и кончилъ тѣмъ, что захлопалъ въ ладоши. „Наутилусъ" превратился въ грозную острогу, направляемую рукой своего капитана. Онъ устремлялся на эти мясистыя массы и разсѣкалъ ихъ надвое. Онъ не чувствовалъ страшныхъ ударовъ хвостомъ, сыпавшихся на его бока. Уничтоживъ одного кашалота, онъ устремлялся на другого, поворачивался на мѣстѣ,

чтобы не упустить добычи, двигался и переднимъ и заднимъ ходомъ, то погружаясь, когда животное опускалось въ глубину, то поднимаясь, когда оно возвращалось на поверхность, ударяя его то прямо, то вкось, разрѣзая, разрывая, прокалывая во всѣхъ направленіяхъ ужаснымъ бивнемъ.

Какая рѣзня! какой шумъ на поверхности волнъ! какой пронзительный свистъ и особенное хрипѣнье испуганныхъ животныхъ! Посреди этихъ водъ, обыкновенно очень покойныхъ, они своими хвостами подымали настоящіе большіе валы.

Цѣлый часъ продолжалась эта гомерическая битва, отъ которой кашалоты не могли спастись. Нѣсколько разъ, соединившись, десять или двѣнадцать изъ нихъ пробовали своею массой раздавить „Наутилусъ". Въ окна залы были видны ихъ огромныя пасти, усѣянныя зубами, и ихъ ужасные глаза. Недъ Лендъ, не владѣвшій болѣе собой, угрожалъ имъ и ругалъ ихъ. Слышно было, какъ они цѣплялись за наше судно, какъ собаки, которыя кидаются на кабана въ лѣсу. Но ускоряя движеніе своего винта, „Наутилусъ" увлекалъ ихъ за собою или поднималъ на поверхность водъ, невзирая на ихъ громадную тяжесть и страшную силу, съ которою они давили его.

Наконецъ масса кашалотовъ разсѣялась, воды сдѣлались покойными. Я чувствовалъ, что мы поднимаемся на поверхность океана. Подъемныя двери были открыты, и мы бросились на платформу.

Море было покрыто обезображенными трупами. Ужасный взрывъ не могъ бы съ большею силой раздробить, разорвать и распластать эти мясистыя массы. Мы плыли посреди исполинскихъ тѣлъ, съ синеватыми спинами, бѣловатыми животами, которыя были покрыты ужасными ранами. Нѣсколько испуганныхъ кашалотовъ спасались въ отдаленіи. Волны были красны на протяженіи нѣсколькихъ миль, и „Наутилусъ" былъ окруженъ цѣлымъ моремъ крови.

Капитанъ Немо присоединился къ намъ.

— Ну, что, господинъ Лендъ? — сказалъ онъ.

— Ну, что же, господинъ капитанъ? — отвѣчалъ канадецъ, восторгъ котораго успѣлъ охладѣть. — Это дѣйствительно ужасное зрѣлище. Но я — не мясникъ; я — охотникъ, а это настоящая бойня.

— Это уничтоженіе вредныхъ животныхъ, — отвѣчалъ капитанъ, — но „Наутилусъ" не ножъ мясника.

— Я предпочитаю свою острогу, — возразилъ канадецъ.

— У каждаго свое оружіе, — отвѣчалъ капитанъ, не сводя глазъ съ Неда Ленда.

Я боялся, чтобы канадецъ съ досады не сдѣлалъ какого-нибудь насилія, что могло имѣть плачевныя послѣдствія. Но онъ забылъ свой гнѣвъ при видѣ кита, къ которому подходилъ въ это время.

Животное не успѣло спастись отъ зубовъ кашалотовъ. Я узналъ южнаго кита съ плоскою головой и совершенно чернаго. Анатомически онъ отличается отъ обыкновеннаго кита тѣмъ, что его семь шейныхъ позвонковъ срослись между собою, и у него двумя ребрами больше, чѣмъ у его родичей. Несчастное животное лежало на боку, съ прокушеннымъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ животомъ, и было мертво. На концѣ его изуродованнаго плавника висѣлъ маленькій китъ, котораго ему не

удалось спасти отъ смерти. Изъ открытаго рта текла вода, журчавшая какъ прибой между его усами.

Капитанъ Немо направилъ „Наутилусъ" къ трупу животнаго. Двое изъ его людей взошли на тѣло кита, и я не безъ удивленія увидалъ, какъ они извлекли изъ его грудей содержащееся въ нихъ молоко, котораго было около двухъ или трехъ бочекъ.

Капитанъ предложилъ мнѣ чашку этого еще теплаго молока. Я не могъ удержаться, чтобы не высказать ему своего отвращенія къ этому напитку. Онъ увѣрялъ меня, что это молоко превосходно и ничѣмъ не отличается отъ коровьяго.

Я попробовалъ и согласился съ его мнѣніемъ. Итакъ это было для насъ еще новымъ полезнымъ пріобрѣтеніемъ: масло или сыръ, сдѣланные изъ этого молока, должны были внести пріятное разнообразіе въ нашу обыденную пищу.

Съ этого дня я сталъ съ безпокойствомъ замѣчать, что расположеніе Неда Ленда къ капитану Немо становилось все враждебнѣе, и я рѣшился зорко смотрѣть за всѣми дѣйствіями канадца.

ГЛАВА XIII.

Сплошной ледъ.

„Наутилусъ" продолжалъ неуклонно стремиться къ югу. Онъ держался пятидесятаго меридіана и шелъ съ значительною скоростію. Неужели онъ хотѣлъ достигнуть полюса? Я не думалъ этого, потому что до сихъ поръ всѣ попытки проникнуть до этой точки земного шара были безуспѣшны. Къ тому же и время было позднее, такъ какъ 13-е марта въ антарктическихъ странахъ соотвѣтствуетъ 13-му сентября сѣвернаго полушарія, съ котораго начинается равноденственный періодъ.

14-го марта я увидѣлъ подъ 55° широты плавающіе льды — простыя синеватыя глыбы въ двадцать и двадцать-шесть футовъ, образовавшія рифы, о которые разбивались волны. „Наутилусъ" держался на поверхности океана.

Неду Ленду приходилось и прежде охотиться въ арктическихъ моряхъ, и онъ уже освоился съ картиною ледяныхъ горъ. Консель и я любовались ею въ первый разъ.

Въ атмосферѣ, на горизонтѣ, къ югу тянулась ослѣпительно-бѣлая полоса. Англійскіе китоловы дали ей названіе ледяного блеска. Какъ бы ни были густы облака, они не могутъ затмить его. Онъ свидѣтельствуетъ о присутствіи ледяного поля.

И въ самомъ дѣлѣ, скоро появились болѣе значительныя массы льда, блескъ которыхъ то усиливался, то ослабѣвалъ, застилаемый густымъ туманомъ. На нѣкоторыхъ изъ этихъ массъ виднѣлись зеленыя жилы, волнистыя линіи которыхъ были какъ будто бы начертаны сѣрнокислою мѣдью. Другія, похожія на огромные аметисты, были насквозь проникнуты свѣтомъ. Иныя отражали лучи солнца тысячами граней своихъ кристалловъ. Другихъ, оттѣненныхъ яркими переливами известковой земли, хватило бы на постройку цѣлаго мраморнаго города.

Чѣмъ далѣе мы подвигались къ югу, тѣмъ эти плавающіе острова становились многочисленнѣе и больше. Полярныя птицы гнѣздились на нихъ тысячами. Это были глупыши, буревѣстники и пуффины, оглушавшіе насъ своимъ крикомъ. Нѣкоторыя изъ нихъ, принимая „Наутилусъ“ за трупъ кита, садились на него отдыхать и долбили своимъ клювомъ его звонкое желѣзо.

Во время этого плаванія посреди льдовъ, капитанъ Немо часто находился на платформѣ. Онъ внимательно смотрѣлъ на эти необитаемыя области. По временамъ я замѣчалъ, что его спокойный взглядъ оживлялся. Быть-можетъ, ему приходило на мысль, что въ этихъ полярныхъ моряхъ, недоступныхъ для человѣка, онъ — у себя дома, что онъ полный властелинъ этихъ недосягаемыхъ пространствъ. Но онъ молчалъ: онъ не шевелился и только тогда приходилъ въ себя, когда инстинкты искуснаго моряка одерживали верхъ. Управляя тогда „Наутилусомъ“ съ необыкновенною ловкостью, онъ искусно избѣгалъ столкновенія съ ледяными массами, которыя нерѣдко имѣли въ длину нѣсколько миль, при высотѣ отъ семидесяти до восьмидесяти метровъ. Часто казалось, что горизонтъ совершенно запертъ. На высотѣ шестидесятаго градуса широты всѣ проходы исчезли. Но капитанъ искалъ внимательно и скоро открывалъ узкое отверстіе, въ которое онъ смѣло пускался, хорошо зная, однако, что оно за нимъ закроется.

Такимъ образомъ, управляемый искусною рукой „Наутилусъ“ миновалъ всѣ эти льды, классифированные, смотря по ихъ формѣ или величинѣ, съ точностію, восхищавшей Конселя: icebergs — ледяныя горы, ice-fields — ровныя и безпредѣльныя поля, drift-ice — плавающіе льды, packs — взломанныя поля, называемыя palchs, когда они кругообразны, и streams, когда состоятъ изъ продолговатыхъ глыбъ.

Температура стояла довольно низкая. Термометръ на открытомъ воздухѣ показывалъ два и три градуса ниже нуля. Но мы были тепло одѣты въ мѣха, добытые съ тюленей и морскихъ медвѣдей. „Наутилусъ“, правильно нагрѣваемый внутри электрическими снарядами, не страшился самыхъ сильныхъ холодовъ. Сверхъ того, ему только стоило погрузиться въ воду на нѣсколько метровъ, чтобы достигнуть сносной температуры.

Два мѣсяца тому назадъ, мы наслаждались бы подъ этою широтой постояннымъ днемъ; но теперь ночь длилась уже три или четыре часа, а позднѣе она должна была одѣть шестимѣсячнымъ мракомъ эти полярныя области.

15-го марта мы миновали широту острововъ Шотландскихъ и южныхъ Оркнейскихъ. Капитанъ Немо сообщилъ мнѣ, что эти земли были прежде населены многочисленными стадами тюленей, но американскіе китоловы, въ своей безмѣрной страсти къ разрушенію, перебивъ взрослыхъ и беременныхъ самокъ, водворили молчаніе смерти тамъ, гдѣ до нихъ кипѣла жизнь.

16-го марта, къ восьми часамъ утра, „Наутилусъ“, слѣдуя по пятьдесятъ-пятому меридіану, пересѣкъ полярный антарктическій кругъ. Однако капитанъ Немо шелъ отъ прохода къ проходу и поднимался все далѣе.

— Но куда же онъ идетъ? — спрашивалъ я.

— Впередъ, — отвѣчалъ Консель. — Впрочемъ, когда ему нельзя будетъ итти далѣе, онъ остановится.

— Ну, за это не поручусь! — отвѣчалъ я.

И, говоря откровенно, я признаюсь, что эта опасная экспедиція мнѣ нравилась. Я не могу выразить, до какой степени восхищали меня красоты этихъ новыхъ странъ. Льды принимали величественныя формы. Тутъ они образовали какъ бы восточный городъ, съ его минаретами и многочисленными мечетями; тамъ — развалины зданій, будто опрокинутыхъ землетрясеніемъ. Картины, безпрестанно измѣнявшіяся отъ дѣйствія косвенно падавшихъ лучей солнца или терявшіяся въ сыромъ туманѣ, посреди снѣжныхъ ураганов. Потомъ со всѣхъ сторонъ шумные разрывы, обвалы, страшныя паденія ледяныхъ горъ, измѣнявшіе обстановку, какъ пейзажъ въ діорамѣ.

Если случалось „Наутилусу“ находиться подъ водой въ то время, когда такимъ образомъ нарушалось равновѣсіе ледяныхъ массъ, то шумъ распространялся въ волнахъ съ страшною силой, и паденіе льда производило опасные водовороты даже въ глубокихъ слояхъ океана. Тогда „Наутилусъ“ качался и нырялъ носомъ, какъ судно, оставленное на произволъ бѣшеныхъ волнъ.

Часто, не видя никакого выхода, я думалъ, что мы окончательно заперты, но, руководимый инстинктомъ, капитанъ Немо по самымъ малѣйшимъ признакамъ открывалъ новые проходы. Онъ никогда не ошибался, замѣчая тонкія струйки синеватой воды, бороздившія ледяныя поля. И я не сомнѣвался, что ему приходилось и прежде проникать съ „Наутилусомъ“ въ средину антарктическихъ морей.

Между тѣмъ 16-го марта ледяныя поля совершенно преградили намъ путь. Это еще не былъ сплошной ледъ, но обширныя ледяныя поля, окрѣпшія отъ холода. Однако это препятствіе не могло остановить капитана Немо, и судно его врѣзалось съ страшной силой въ ледяное поле. „Наутилусъ“ входилъ какъ клинъ въ эту хрупкую массу и раздѣлялъ ее съ страшнымъ трескомъ. Это былъ какъ бы древній таранъ, пущенный съ неизмѣримою силой. Осколки высоко взлетавшаго льда падали градомъ вокругъ насъ. Единственно силой своего поступательнаго движенія нашъ корабль прорѣзывалъ себѣ каналъ. Иногда онъ поднимался надъ ледянымъ полемъ и продавливалъ его своею тяжестью, или, по временамъ, врѣзавшись подъ ледъ, онъ раздѣлялъ его простымъ движеніемъ килевой качки, производя широкія разсѣлины. Въ эти дни насъ осаждали сильные шквалы. Случались такіе густые туманы, что нельзя было ничего различить съ одного конца платформы на другой. Вѣтеръ быстро и неожиданно мѣнялся, проходя всѣ дѣленія румба. Снѣгъ скоплялся такими твердыми слоями, что приходилось его разбивать кирками. При температурѣ пяти градусовъ ниже нуля всѣ внѣшнія части „Наутилуса“ уже покрывались льдомъ. Такелажъ не былъ бы въ состояніи дѣйствовать, потому что всѣ лопасти засѣли бы въ жолобы блоковъ. Только судно безъ парусовъ, приводимое въ движеніе электричествомъ и обходящееся безъ каменнаго угля, одно могло отважиться въ такія высокія широты.

При этихъ условіяхъ барометръ стоялъ обыкновенно очень низко. Онъ опустился даже до 73°5′. Указанія компаса не представляли болѣе никакой гарантіи. Его потерявшія равновѣсіе стрѣлки давали про-

тиворѣчивыя показанія по мѣрѣ приближенія къ магнитному южному полюсу, который не совпадаетъ съ антарктическимъ полюсомъ земного шара. Въ самомъ дѣлѣ, по Ганстену, этотъ полюсъ находится почти подъ 70° широты и 130° долготы, а по наблюденіямъ Дюперре — подъ 135° долготы и 70°30′ широты. Приходилось дѣлать многочисленныя наблюденія, перенося компасъ въ различныя части корабля, и потомъ брать среднюю цыфру. Но часто, чтобъ опредѣлить пройденный путь, полагались на вычисленіе быстроты хода — способъ, далеко не удовлетворительный посреди извилистыхъ проходовъ, положеніе которыхъ мѣняется безпрестанно.

Наконецъ, 18-го марта, послѣ двадцати безплодныхъ натисковъ, „Наутилусъ“ засѣлъ окончательно. Это уже не были отдѣльныя ледяныя поля и горы, но безконечная и неподвижная преграда, образовавшаяся изъ сплотившихся вмѣстѣ льдовъ.

— Сплошной ледъ! — сказалъ канадецъ.

Я понялъ, что для канадца, какъ и для всѣхъ предшествовавшихъ намъ мореплавателей, это была непреодолимая преграда. Къ полудню солнце показалось на мгновенье, и капитанъ Немо сдѣлалъ наблюденіе, довольно точное, опредѣлявшее наше положеніе подъ 51°30′ долготы и 67°39′ южной широты. Это былъ уже весьма отдаленный пунктъ антарктической области.

Предъ нами не было болѣе и признака моря или жидкой поверхности. Подъ шекомъ „Наутилуса“ разстилалась обширная волнистая равнина, загроможденная безобразными обломками, со всѣмъ причудливымъ безпорядкомъ, отличающимъ поверхность рѣки за нѣсколько времени до вскрытія, но въ гигантскихъ размѣрахъ. Тамъ и сямъ виднѣлись остроконечныя вершины, тонкіе обелиски, поднимавшіеся на высоту двухсотъ футовъ; далѣе рядъ крутыхъ утесовъ, остроконечно обточенныхъ и одѣтыхъ сѣроватыми тѣнями; широкихъ зеркалъ, отражавшихъ нѣсколько лучей солнца, до половины потонувшаго въ туманѣ. И надъ этою печальною природой суровое молчаніе, едва прерываемое взмахомъ крыльевъ глупышей и пуффиновъ. Все замерло, даже звукъ. „Наутилусъ“ долженъ былъ прервать свой смѣлый путь посреди ледяныхъ полей.

— Господинъ профессоръ, — сказалъ мнѣ въ этотъ день Недъ Лендъ, — если вашъ капитанъ пойдетъ далѣе...

— Ну?

— Онъ будетъ молодецъ.

— Почему, Недъ?

— Потому что никто не можетъ миновать сплошного льда. Онъ силенъ, нашъ капитанъ; но — тысяча чертей! — онъ не сильнѣе природы, и гдѣ она положила предѣлъ, тамъ волей-неволей, а придется остановиться.

— Правда, Недъ Лендъ, и однако мнѣ хотѣлось бы знать, что находится за этимъ сплошнымъ льдомъ. Стѣна — вотъ что меня болѣе всего возмущаетъ!

— Вы правы, — сказалъ Консель. — Стѣны изобрѣтены только для того, чтобы дразнить ученыхъ! Нигдѣ не должно бы быть стѣнъ.

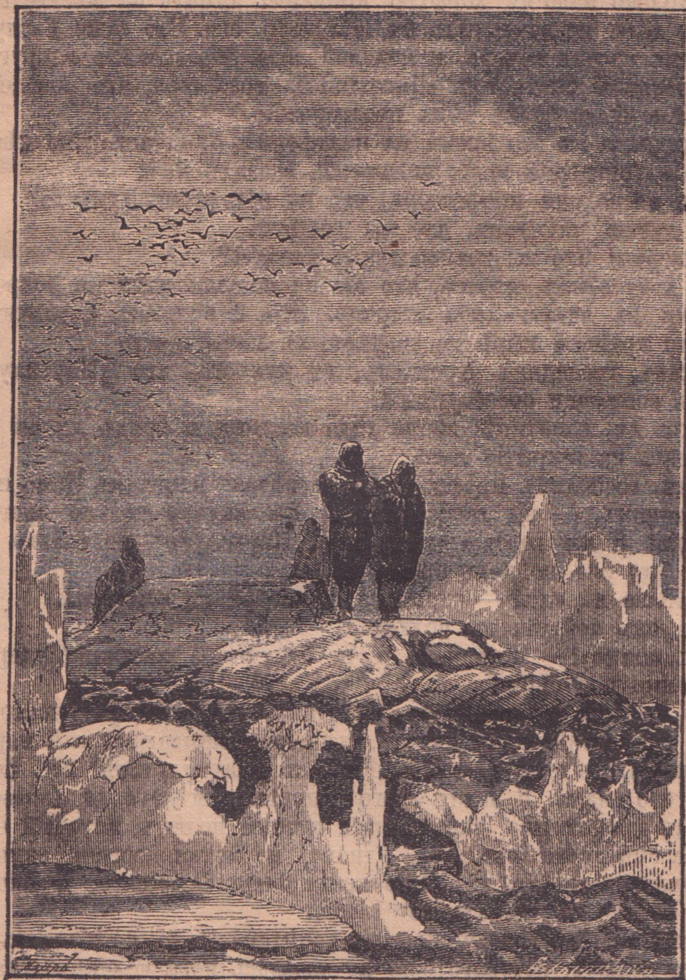
— Хорошо, — замѣтилъ канадецъ. — Извѣстно, что лежитъ позади этого сплошного льда.

— Что же? — спросилъ я.

— Ледъ и все ледъ!

— Вы убѣждены въ этомъ, Недъ, а я нѣтъ. Вотъ почему мнѣ хочется посмотрѣть.

— Ну, такъ откажитесь отъ этой мысли, господинъ профессоръ; вы достигли сплошного льда — и этого довольно. Вы не пойдете далѣе, ни

«...«Наутилусъ» былъ осужденъ на бездѣйствіе...» (Стр. 246).

вашъ капитанъ ни его „Наутилусъ“. И хочетъ онъ или нѣтъ, а мы вернемся къ сѣверу, то-есть въ сторону честныхъ людей.

Я долженъ былъ признаться, что Недъ Лендъ былъ правъ, и пока корабли не будутъ приспособлены къ тому, чтобы плавать по ледяному полю, имъ придется останавливаться предъ сплошнымъ льдомъ.

И въ самомъ дѣлѣ, несмотря на свои усилія, несмотря на различныя средства, употребленныя для того, чтобы разъединить льды, „Наутилусъ“ былъ осужденъ на бездѣйствіе. Обыкновенно бываетъ такъ, что если нельзя итти впередъ, то все дѣло ограничивается возвращеніемъ назадъ. Но здѣсь вернуться назадъ было столько же невозможно, какъ и подвинуться впередъ, потому что проходы позади насъ заперлись, и если бы только нашему кораблю пришлось стоять на мѣстѣ, то, безъ сомнѣнія, ледъ не замедлилъ бы обложить его. Это даже и случилось около двухъ часовъ вечера, и молодой ледъ образовался вокругъ него съ изумительною быстротой. Приходилось сознаться, что поведеніе капитана Немо было болѣе чѣмъ неосторожно.

Я находился въ это время на платформѣ. Капитанъ, уже нѣсколько минутъ осматривавшій наше положеніе, сказалъ мнѣ:

— Ну, господинъ профессоръ, что вы объ этомъ думаете?

— Я думаю, капитанъ, что мы заперты.

— Заперты! Что вы хотите этимъ сказать?

— Я хочу этимъ сказать, что мы не можемъ итти ни впередъ, ни назадъ, ни въ какую-либо сторону. Это, я полагаю, и значитъ „заперты“, по крайней мѣрѣ на обитаемыхъ материкахъ.

— Итакъ, господинъ Аронаксъ, вы думаете, что „Наутилусъ“ не будетъ въ состояніи освободиться?

— Едва ли, капитанъ: время года позднее, и врядъ ли вы можете разсчитывать на вскрытіе льда.

— Ахъ, господинъ профессоръ, — отвѣчалъ капитанъ Немо насмѣшливымъ тономъ, — вы всегда такой! Вы видите только преграды и препятствія! Я же говорю вамъ, что „Наутилусъ“ не только освободится, но что онъ пойдетъ еще дальше!

— Дальше на югъ? — спросилъ я, смотря на капитана.

— Да, онъ пойдетъ къ полюсу.

— Къ полюсу! — вскричалъ я, не будучи въ состояніи удержаться отъ движенія недовѣрія.

— Да, — холодно отвѣчалъ капитанъ, — къ антарктическому полюсу, къ тому извѣстному пункту, гдѣ перекрещиваются всѣ меридіаны земного шара. Вы знаете, что я дѣлаю съ „Наутилусомъ“ все, что хочу.

Да, я это зналъ. Я зналъ этого человѣка, смѣлаго до дерзости! Но преодолѣть препятствія, окружающія южный полюсъ, который еще недоступнѣе сѣвернаго, котораго, однако, не могли достичь самые смѣлые мореплаватели! Да, это было предпріятіе безумнаго, и оно могло родиться только въ умѣ сумасшедшаго.

Мнѣ пришло въ голову спросить капитана Немо, не открылъ ли онъ уже этотъ полюсъ, котораго еще не касалась нога человѣческая.

— Нѣтъ еще, господинъ профессоръ, — отвѣчалъ онъ, — мы его откроемъ вмѣстѣ. Тамъ, гдѣ другіе потерпѣли неудачу, я не потерплю неудачи. Никогда еще мой „Наутилусъ“ не углублялся такъ далеко въ южныя моря. Но я повторяю вамъ, онъ пойдетъ еще дальше.

— Я хотѣлъ бы вѣрить вамъ, капитанъ, — возразилъ я нѣсколько насмѣшливымъ тономъ. — Я вѣрю вамъ! Пойдемте впередъ! Препятствій нѣтъ! Разобьемъ этотъ сплошной ледъ! Взорвемъ его, а если онъ будетъ сопротивляться, дадимъ крылья „Наутилусу“, и пусть онъ пронесется надъ нимъ.

— Надъ нимъ, господинъ профессоръ? — спокойно замѣтилъ капитанъ Немо. — Нѣтъ, не надъ нимъ, а подъ нимъ.

— Подъ нимъ! — вскричалъ я.

Внезапное откровеніе озарило мой умъ, и я понялъ намѣренія капитана. Удивительныя свойства „Наутилуса“ должны были содѣйствовать ему и въ этомъ сверхчеловѣческомъ предпріятіи.

— Я вижу, что мы начинаемъ понимать другъ друга, господинъ профессоръ, — сказалъ капитанъ съ улыбкой. — Вы уже предвидите возможность; я же, съ своей стороны, не сомнѣваюсь въ успѣхѣ этой попытки. „Наутилусу“ легко то, что неисполнимо для обыкновеннаго судна. Если у полюса поднимается материкъ, „Наутилусъ“ остановится предъ нимъ; если, напротивъ, его омываетъ свободное море, — онъ дойдетъ до самаго полюса.

— И въ самомъ дѣлѣ, — сказалъ я, увлекаемый разсужденіемъ капитана, — если поверхность моря покрыта твердою корою льда, его нижніе слои свободны, вслѣдствіе того закона Провидѣнія, по которому наибольшая плотность морской воды соотвѣтствуетъ температурѣ выше градуса замерзанія. И если я не ошибаюсь, то находящаяся въ водѣ часть сплошного льда относится къ поднимающейся надъ поверхностью какъ четыре къ одной.

— Почти, господинъ профессоръ. На каждый футъ ледяныхъ горъ, поднимающихся надъ поверхностью моря, онѣ имѣютъ три фута въ водѣ. Но такъ какъ эти ледяныя горы не превышаютъ ста метровъ, то онѣ должны углубляться только на триста метровъ. А что значитъ для „Наутилуса“ триста метровъ?

— Ничего, капитанъ.

— Онъ можетъ опуститься глубже, чтобы достигнуть равномѣрной температуры морскихъ водъ, и тамъ мы будемъ безнаказанно издѣваться надъ тридцатью или сорока градусами холода, господствующаго на поверхности.

— Правда, совершенная правда! — отвѣчалъ я, воодушевляясь.

— Единственное затрудненіе заключается въ томъ, что намъ придется остаться нѣсколько дней въ водѣ, не возобновляя запасовъ воздуха.

— Только-то, — возразилъ я. — „Наутилусъ“ снабженъ большими резервуарами; мы ихъ наполнимъ, и они будутъ доставлять намъ необходимый кислородъ.

— Отлично придумано, господинъ Аронаксъ, — отвѣчалъ капитанъ. — Но я не желаю, чтобы вы обвинили меня въ безразсудствѣ, и заранѣе предлагаю вамъ всѣ мои возраженія.

— Развѣ вы можете еще что-нибудь возразить?

— Только одно. Если у южнаго полюса находится море, то очень возможно, что оно совершенно подернуто льдомъ, и въ такомъ случаѣ намъ не удастся выбраться на поверхность.

— Такъ, капитанъ; но развѣ вы забываете, что „Наутилусъ“ вооруженъ страшнымъ бивнемъ, и развѣ мы не можемъ направить его діагонально въ это ледяное поле, которое расколется отъ удара?

— Ба, господинъ профессоръ, да вы сегодня находчивы!

— Къ тому же, капитанъ, — продолжалъ я, увлекаясь все болѣе и болѣе, — почему не предположить, что у южнаго полюса море такъ же свободно, какъ и у сѣвернаго? Полюсы холода и полюсы земли не со-

впадають ни въ южномъ ни въ сѣверномъ полушаріяхъ, и пока не будетъ доказано противнаго, надо полагать, что въ обоихъ этихъ пунктахъ земного шара находится или материкъ или свободный отъ льдовъ океанъ.

— Я то же думаю, господинъ Аронаксъ, — отвѣчалъ капитанъ Немо. — Я только замѣчу вамъ, что, заявивши столько возраженій противъ моего проекта, вы теперь меня осыпаете доказательствами въ его пользу.

Капитанъ Немо говорилъ правду. Я перещеголялъ его въ смѣлости. Теперь я увлекалъ его къ полюсу. Я опередилъ его, я оставилъ его позади... Но нѣтъ! я жалкій глупецъ! Капитанъ Немо зналъ лучше меня все, что говорило въ пользу предпріятія и противъ него, и онъ забавлялся, наблюдая, какъ меня увлекаютъ мечты о невозможномъ.

Однако онъ не потерялъ ни одной минуты. По данному знаку помощникъ его явился. Эти оба человѣка поспѣшно говорили между собою на своемъ непонятномъ нарѣчіи, и былъ ли помощникъ предупрежденъ заранѣе или онъ нашелъ предположеніе исполнимымъ, только онъ не высказалъ никакого удивленія.

Но какъ ни было велико его хладнокровіе, оно все-таки не превзошло невозмутимости Конселя, когда я объявилъ честному малому о нашемъ намѣреніи итти къ полюсу.

— Какъ угодно ихъ милости, — сказалъ онъ въ отвѣтъ на мое извѣстіе, и этимъ пришлось удовольствоваться.

Что же касается Неда Ленда, то я увѣренъ, что никогда еще ничьи плечи не поднимались такъ высоко.

— Видите ли, господинъ профессоръ, вы съ вашимъ капитаномъ Немо... вы просто возбуждаете во мнѣ сожалѣніе.

— Но мы пойдемъ къ полюсу, другъ Недъ.

— Можетъ-быть, только вы оттуда не вернетесь!

И Недъ Лендъ вернулся въ свою каюту, „чтобы не причинить несчастія“, сказалъ онъ, разставаясь со мной.

Между тѣмъ уже начались приготовленія къ этому смѣлому предпріятію. Могучіе насосы „Наутилуса“ нагнетали воздухъ въ резервуары и запасали его при высокомъ давленіи. Около четырехъ часовъ капитанъ Немо сообщилъ мнѣ, что подъемныя двери, ведущія на платформу, сейчасъ запрутся. Я бросилъ послѣдній взглядъ на толстый сплошной ледъ, который намъ предстояло миновать. Погода стояла ясная, атмосфера была довольно чистая, холодъ очень сильный, 12° ниже нуля; но вѣтеръ утихъ, и потому температура эта казалась довольно сносной.

Около десяти человѣкъ взошли на палубу „Наутилуса“ и, вооруженные кирками, разбили ледъ вокругъ корпуса, который скоро совершенно освободился. Это было исполнено быстро, такъ какъ молодой ледъ еще не успѣлъ отвердѣть. Мы всѣ вошли во внутренность корабля. Резервуары по обыкновенію были наполнены водой, державшейся свободно на грузовой линіи. „Наутилусъ“ не замедлилъ опуститься.

Я помѣстился въ залѣ съ Конселемъ. Въ открытыя стекла мы смотрѣли на нижніе слои южнаго полярнаго океана. Термометръ поднимался. Стрѣлка манометра отклонялась на циферблатѣ.

Опустившись почти на триста метровъ, мы, какъ предвидѣлъ капитанъ Немо, уже могли плыть подъ волнообразной поверхностью сплошного льда. Но „Наутилусъ“ опустился еще ниже. Онъ достигъ глубины

восьмисотъ метровъ. Температура воды, имѣвшая двѣнадцать градусовъ на поверхности, показывала теперь около одиннадцати. Болѣе градуса уже выиграно. Нечего и говорить, что температура внутри „Наутилуса“, нагрѣваемаго особыми аппаратами, была значительно выше. Всѣ маневры исполнялись съ удивительною точностью.

— Съ вашего позволенія, я думаю, что мы пройдемъ, — сказалъ мнѣ Консель.

— Надѣюсь, — отвѣчалъ я тономъ глубочайшаго убѣжденія.

Въ этомъ свободномъ морѣ „Наутилусъ“ направился прямо къ полюсу, не уклоняясь отъ 52-го меридіана. Отъ 67°30′ до 90° оставалось итти 22 съ половиной градуса широты, то-есть немного болѣе пятисотъ лье. „Наутилусъ“ пошелъ среднимъ числомъ со скоростью двадцати шести миль въ часъ, то-есть со скоростью курьерскаго поѣзда. Если онъ не замедлитъ хода, то ему будетъ достаточно сорока часовъ, чтобы достигнуть полюса.

Часть ночи мы съ Конселемъ провели у окна залы, заинтересованные новизною положенія. Море сіяло, озаряемое электрическимъ свѣтомъ маяка. Но оно было пустынно. Рыбы не живутъ въ этихъ водахъ. Онѣ только проходятъ ими, направляясь изъ антарктическаго океана къ свободному морю полюса. Мы шли быстро, о чемъ можно было судить по сотрясенію длиннаго стального корпуса.

Къ двумъ часамъ утра я отправился отдохнуть. Консель послѣдовалъ моему примѣру. Проходя коридорами, я не встрѣтилъ капитана. Я заключилъ, что онъ въ рубкѣ рулевого.

На слѣдующій день, 19-го марта, въ пять часовъ вечера я занялъ свое мѣсто въ залѣ. Электрическій лагъ показалъ мнѣ, что „Наутилусъ“ идетъ медленнѣе. Онъ въ это время поднимался на поверхность, но осторожно, медленно опоражнивая свои резервуары.

Сердце мое билось. Выйдемъ ли мы въ свободную атмосферу полюса?

Нѣтъ. Я почувствовалъ сотрясеніе и понялъ, что „Наутилусъ“ ударился о нижнюю сторону сплошного льда, еще очень толстаго, судя по глухому звуку. И въ самомъ дѣлѣ, мы „коснулись дна“, говоря языкомъ моряковъ, но только въ обратномъ смыслѣ и на глубинѣ тысячи футовъ. Сплошной ледъ былъ теперь выше, чѣмъ у края, гдѣ мы его измѣряли, — обстоятельство, предвѣщавшее не много хорошаго.

Въ продолженіе этого дня „Наутилусъ“ повторялъ нѣсколько разъ тотъ же опытъ и всякій разъ ударялся о стѣну, висѣвшую надъ нимъ какъ потолокъ. Случалось, что онъ встрѣчалъ ее на глубинѣ девятисотъ метровъ, что заставляло предполагать тысячу двѣсти метровъ въ толщину, изъ которыхъ триста метровъ поднималось надъ поверхностью океана. Слѣдовательно, высота льда увеличилась вдвое съ тѣхъ поръ, какъ „Наутилусъ“ опустился въ глубину.

Я тщательно отмѣчалъ всѣ эти различныя глубины и получилъ такимъ образомъ подводный профиль этой цѣпи, разстилавшейся подъ водой.

Вечеромъ въ нашемъ положеніи не произошло никакой перемѣны. Все ледъ, между четырьмястами и пятьюстами метрами глубины. Замѣтное пониженіе, но какой еще толстый слой отдѣлялъ насъ отъ поверхности океана!

Было уже восемь часовъ. Еще въ четыре часа воздухъ долженъ былъ быть возобновленъ внутри, какъ это ежедневно дѣлалось на „Наутилусѣ“. Впрочемъ, я не слишкомъ страдалъ, хотя капитанъ Немо и не прибѣгалъ еще къ запасу кислорода, хранившагося въ его резервуарахъ.

Сонъ мой въ эту ночь былъ тревоженъ. Надежда и страхъ волновали меня поочередно. Я вставалъ нѣсколько разъ. Попытки „Наутилуса“ продолжались. Къ тремъ часамъ утра я замѣтилъ, что нижняя поверхность сплошного льда встрѣчалась только на пятидесяти метрахъ глубины. Сто-пятьдесятъ футовъ отдѣляли насъ теперь отъ поверхности воды. Сплошной ледъ становился постепенно ледянымъ полемъ. Гора превращалась въ равнину.

Глаза мои не отрывались отъ манометра. Мы все поднимались, слѣдуя по діагонали вдоль блестящей поверхности, сіявшей при электрическомъ освѣщеніи.

Сплошной ледъ понижался снизу и сверху отлогими склонами. Онъ становился тоньше съ каждой милей.

Наконецъ, въ шесть часовъ утра этого достопамятнаго дня, 19-го марта, дверь залы отворилась. На порогѣ явился капитанъ Немо.

— Открытое море! — сказалъ онъ.

ГЛАВА XIV.

Южный полюсъ.

Я бросился на платформу.

Да! открытое море. Только кой-гдѣ нѣсколько разрозненныхъ глыбъ, нѣсколько подвижныхъ ледяныхъ горъ; вдали широкое море; цѣлый міръ птицъ въ воздухѣ и миріады рыбъ въ глубинѣ водъ, которыя, смотря по свойствамъ дна, переходили отъ яркоголубого къ зеленому, оливковому цвѣту. Стоградусный термометръ показывалъ три градуса выше нуля. Сравнительно съ пройденнымъ нами пространствомъ здѣсь какъ будто была весна, отдѣленная сплошнымъ льдомъ, массы коего вздымались на сѣверной сторонѣ горизонта.

— Мы у полюса? — съ замираніемъ сердца спросилъ я капитана.

— Не знаю, — отвѣчалъ онъ. — Въ полдень мы опредѣлимъ мѣсто нашего нахожденія.

— Но покажется ли солнце изъ-за этого тумана? — продолжалъ я, поглядывая на сѣрое небо.

— Хотя бы оно чуть-чуть выглянуло, съ меня будетъ довольно, — замѣтилъ капитанъ.

Въ десяти миляхъ къ югу отъ „Наутилуса“ уединенный островокъ поднимался на высоту двухсотъ метровъ. Мы шли къ нему, но осторожно, потому что это море могло скрывать множество подводныхъ рифовъ. Черезъ часъ мы достигли островка, а два часа спустя уже обошли его кругомъ. Онъ имѣлъ отъ четырехъ до пяти миль въ окружности.

Узкій каналъ отдѣлялъ его отъ обширной земли, можетъ-быть, материка, границъ котораго мы не могли видѣть. Существованіе этой земли, казалось, оправдывало гипотезы Мори. Дѣйствительно, геніальный американецъ замѣтилъ, что между южнымъ полюсомъ и шестидесятымъ градусомъ широты море покрыто плавающими льдами огромныхъ размѣровъ, какіе никогда не встрѣчаются на сѣверѣ Атлантическаго океана. Изъ этого факта онъ сдѣлалъ выводъ, что антарктическій кругъ заключаетъ значительныя земли, потому что ледяныя горы не могутъ образоваться въ открытомъ морѣ, а только у береговъ. По его вычисленіямъ, масса льдовъ, окружающихъ южный полюсъ, образуетъ большое кольцо, ширина котораго достигаетъ четырехъ тысячъ километровъ.

Между тѣмъ, опасаясь сѣсть на мель, „Наутилусъ" остановился на разстояніи трехъ кабельтовыхъ отъ морского берега, надъ которымъ возвышалась великолѣпная масса скалъ. Въ море спустили шлюпку. Капитанъ, двое изъ его людей, несшіе инструменты, Консель и я сѣли въ нее. Было десять часовъ утра. Я не видалъ Неда Ленда. Безъ сомнѣнія, канадецъ не желалъ отказаться отъ своихъ словъ при видѣ южнаго полюса.

Нѣсколько взмаховъ веслами приблизили шлюпку къ песчаному берегу, гдѣ она и остановилась. Въ ту минуту, какъ Консель намѣревался спрыгнуть на землю, я остановилъ его.

— Капитанъ,—сказалъ я,—вамъ принадлежитъ честь первому ступить на эту землю.

— Да, господинъ профессоръ, и я только потому рѣшаюсь ступить на эту полярную землю, что до сихъ поръ ни одно человѣческое существо не оставляло на ней слѣда своихъ ногъ.

Съ этими словами онъ легко спрыгнулъ на песокъ. Сердце его билось отъ сильнаго волненія. Онъ взошелъ на скалу, круто поднимавшуюся надъ небольшимъ возвышеніемъ, и тамъ, скрестивъ руки, съ пылавшимъ взоромъ, неподвижный, безмолвный, онъ, казалось, принималъ въ свое владѣніе эти области южнаго полюса. Минутъ пять находился онъ въ такомъ возбужденномъ состояніи, потомъ обратился ко мнѣ.

— Не хотите ли сойти, господинъ профессоръ?—закричалъ онъ.

Я вышелъ вмѣстѣ съ Конселемъ, оставивъ обоихъ матросовъ въ шлюпкѣ.

Почва на бóльшомъ протяженіи состояла изъ туфа красноватаго цвѣта, какъ будто она была покрыта толченымъ кирпичомъ. Шлаки, потоки лавы, пемза—всюду покрывали ее. Нельзя было не узнать ея вулканическаго происхожденія. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ легкія струйки дыма съ сѣрнистымъ запахомъ свидѣтельствовали о томъ, что внутренній огонь сохранилъ еще свою силу. Однако, взобравшись на значительную возвышенность, я не видѣлъ на протяженіи нѣсколькихъ миль ни одного вулкана. Извѣстно, что въ этихъ антарктическихъ странахъ Джемсъ Россъ нашелъ два дѣйствующихъ кратера: Эребусъ и Терроръ, на сто-шестьдесятъ-седьмомъ меридіанѣ и подъ 77° 32′ широты.

Я замѣтилъ, что растительность этого пустыннаго материка весьма ограничена. Нѣсколько лишаевъ изъ вида *usnea melanoxantha* разстилались на черныхъ скалахъ. Кой-какія микроскопическія растеньица, самыя простыя діатомеи, родъ клѣточекъ, расположенныхъ между двумя кремнистыми створками, длинные фукусы, пурпуровые и пунцовые,

поддерживаемые маленькими плавательными пузырьками и выбрасываемые на берегъ прибоемъ волнъ, составляли всю скромную флору этой области.

Весь берегъ былъ усѣянъ моллюсками, небольшими ракушками, *patella, buccardia, glabra,* имѣющими форму сердца, а преимущественно *clio,* съ продолговатымъ перепончатымъ тѣломъ и головой, состоящей изъ двухъ округленныхъ лопастей. Я замѣтилъ также множество *clio borealis,* въ три сантиметра длиной, которыхъ киты уничтожаютъ при каждомъ глоткѣ въ громадномъ количествѣ. Эти восхитительныя крылоногія, настоящія морскія бабочки, оживляли воды, омывавшія берегъ.

Изъ другихъ животнорастеній на подводныхъ горахъ появлялись древовидные кораллы изъ тѣхъ, которые, по словамъ Джемса Росса, живутъ въ антарктическихъ моряхъ даже на глубинѣ тысячи метровъ; потомъ маленькія *alcyonidae,* принадлежащія къ виду *procellaria pelagica,* а также множество астерій, свойственныхъ этимъ климатамъ, и морскихъ звѣздъ испещряли почву.

Но жизнь кипѣла преимущественно въ воздухѣ. Тамъ тысячами носились и летали птицы различныхъ видовъ, оглушавшія насъ своими криками. Иныя покрывали скалы, смѣло смотрѣли на насъ и безбоязненно тѣснились у нашихъ ногъ. Это были пингвины, которые такъ же подвижны и гибки въ водѣ, гдѣ ихъ принимали иногда за быстрыхъ бонитовъ, какъ неуклюжи и тяжелы на землѣ. Они издавали дикіе крики и, собравшись большими обществами, сидѣли неподвижно, но не переставали шумѣть.

Среди птицъ я наблюдалъ *chionis,* изъ отряда голенастыхъ, величиной съ голубя; онѣ бѣлаго цвѣта съ короткимъ, конической формы, клювомъ и глазами, окаймленными краснымъ кольцомъ.

Консель поймалъ нѣсколько изъ этихъ птицъ, которыя, будучи приготовлены особеннымъ способомъ, очень вкусны. Въ воздухѣ рѣяли громадные *альбатросы* совершенно чернаго цвѣта, имѣвшіе при распростертыхъ крыльяхъ метра четыре отъ конца одного крыла до другого и совершенно справедливо называемые по своей хищности „морскими коршунами"; громадные *глупыши,* съ дугообразными крыльями, большіе враги тюленей, которыхъ они пожираютъ цѣлыми массами; небольшія *утки,* верхняя часть перьевъ которыхъ черная съ бѣлымъ; въ довершеніе — множество *петрелей,* то бѣловатыхъ съ крыльями, обведенными коричневой полосой, то исключительно синихъ, свойственныхъ только антарктическимъ морямъ.

— Эти птицы такъ маслянисты, — замѣтилъ я заинтересовавшемуся ими Конселю, — что обитатели Ферерскихъ острововъ, приладивъ къ нимъ фитиль, зажигаютъ ихъ и пользуются ими какъ факелами.

— Значитъ имъ недостаетъ только фитиля, чтобы превратиться въ настоящія лампы? — спросилъ онъ.

— Да, почти такъ! — засмѣялся я.

— Впрочемъ, нельзя же требовать отъ природы, чтобы она давала намъ все въ совершенно готовомъ видѣ; довольно съ насъ и этого, — глубокомысленно добавилъ мой слуга.

Пройдя еще полмили, мы нашли, что почва изрыта гнѣздами, имѣвшими видъ норъ для кладки яицъ, и изъ нихъ вылетали многочисленныя птицы. Позднѣе, капитанъ Немо велѣлъ поймать ихъ нѣсколько со-

тенъ, такъ какъ ихъ черное мясо годится въ пищу. Они издавали крики, похожіе на ослиные. Эти животныя, ростомъ съ гуся, съ тѣломъ аспиднаго цвѣта, бѣлыя снизу, съ узенькою полоской лимоннаго цвѣта на горлѣ, не думали спасаться, и ихъ можно было убивать камнями.

Между тѣмъ туманъ не поднимался, и въ одиннадцать часовъ солнце еще не показывалось. Отсутствіе его безпокоило меня. Безъ него не были возможны никакія наблюденія. Какъ, въ такомъ случаѣ, опредѣлить, достигли ли мы полюса?

Когда я присоединился къ капитану Немо, онъ стоялъ задумавшись, опираясь на обломокъ скалы, и смотрѣлъ на небо. Казалось, онъ досадовалъ, нетерпѣливо ждалъ. Но что дѣлать. Этотъ смѣлый и могущественный человѣкъ не могъ повелѣвать солнцу, какъ повелѣвалъ морю.

Насталъ полдень, а дневное свѣтило не показывалось ни на минуту. Нельзя было даже распознать, гдѣ оно находилось за густою завѣсой тумана. Скоро туманъ разрѣшился снѣгомъ.

— До завтра, — сказалъ мнѣ капитанъ.

И мы достигли „Наутилуса“ посреди вихря, поднявшагося въ атмосферѣ. Во время нашего отсутствія были закинуты сѣти, и я съ удовольствіемъ принялся изучать рыбъ, которыхъ вытащили на бортъ.

Антарктическія моря служатъ убѣжищемъ большому количеству переселенцевъ, которые спасаются отъ бурь менѣе высокихъ широтъ, но попадаютъ, впрочемъ, на зубы моржамъ и тюленямъ.

Снѣжный ураганъ продолжался до слѣдующаго дня. Не было возможности стоять на платформѣ. Изъ залы, гдѣ я записывалъ всѣ случайности нашей экскурсіи на полярный материкъ, я слышалъ крики петрелей и альбатросовъ, носившихся среди бури. „Наутилусъ“ не стоялъ на мѣстѣ, а, огибая берегъ, онъ подвинулся еще миль на десять къ югу, въ полусвѣтѣ, распространяемомъ солнцемъ, касавшимся края горизонта.

На слѣдующій день, 20-го марта, снѣгъ прекратился. Холодъ немного усилился. Термометръ показывалъ два градуса ниже нуля. Туманъ поднялся, и я надѣялся, что на этотъ разъ намъ удастся сдѣлать наблюденія.

Капитанъ Немо еще не показывался, и мы съ Конселемъ сѣли въ шлюпку и отправились на землю. Почва была все такая же вулканическая. Повсюду лава, шлаки, базальты; но я не видѣлъ кратера, изъ котораго они были выброшены.

Миріады птицъ оживляли также эту часть полярнаго материка. Но свои владѣнія онѣ раздѣляли въ это время со стадами млекопитающихъ, смотрѣвшихъ на насъ своими добрыми глазами. Это были тюлени различныхъ видовъ; одни изъ нихъ расположились на землѣ, другіе на льдинахъ, носившихся по волѣ вѣтра; многіе выходили изъ моря, другіе возвращались туда. Имъ еще не случалось имѣть дѣла съ людьми, и они не пугались при нашемъ приближеніи; я насчиталъ ихъ тутъ столько, что ихъ хватило бы, чтобы снабдить запасомъ нѣсколько сотъ кораблей.

— Ну, право, — сказалъ Консель, — я очень радъ, что Недъ Лендъ не отправился съ нами.

— Почему, Консель?

— Потому что ярый охотникъ перебилъ бы всѣхъ звѣрей, какіе здѣсь есть.

— Ну, не всѣхъ, хотя я тоже полагаю, что намъ не удалось бы помѣшать нашему другу-канадцу проколоть острогой нѣкоторыхъ изъ этихъ превосходныхъ ластоногихъ. А это было бы непріятно капитану, потому что онъ не любитъ проливать напрасно кровь безвредныхъ животныхъ.

— И онъ правъ.

— Безъ сомнѣнія, Консель. Но скажи-ка мнѣ: ты ужъ, вѣроятно, попытался классифировать этихъ превосходныхъ представителей морской фауны?

— Вашей милости извѣстно, — отвѣчалъ Консель, — что я не слишкомъ силенъ на практикѣ. Если бы вы потрудились сообщить мнѣ имена этихъ животныхъ...

— Это тюлени и моржи.

— Два рода, принадлежащіе къ семейству ластоногихъ, — поспѣшилъ сказать ученый Консель.

— Хорошо, Консель, — отвѣчалъ я: — но эти два рода, тюлени и моржи, раздѣляются на виды, и если я не ошибаюсь, то здѣсь намъ представляется случай наблюдать ихъ. Пойдемъ.

Было восемь часовъ утра. До того времени, какъ можно будетъ дѣлать наблюденія надъ солнцемъ, еще оставалось впереди четыре часа, которыми мы могли свободно располагать. Я направился къ обширному заливу, который врѣзывался въ гранитныя скалы берега.

Вездѣ, куда ни бросишь взглядъ, земля и ледяныя глыбы были покрыты морскими млекопитающими. Мнѣ невольно пришелъ на умъ старикъ Протей, этотъ миѳологическій пастырь безчисленныхъ стадъ Нептуна, и я машинально искалъ его глазами. Многочисленнѣе всѣхъ тутъ были тюлени. Самцы и самки размѣщались отдѣльными группами: здѣсь мать кормитъ молокомъ своихъ дѣтенышей, тамъ отецъ сидитъ и любуется на возню молодыхъ тюленей, играющихъ другъ съ другомъ на берегу моря. Когда эти интересныя млекопитающія желали перейти на другое мѣсто, то они дѣлали небольшіе скачки, происходившіе отъ сокращенія ихъ тѣла, пользуясь для этого, впрочемъ довольно неловко, своими маленькими плавниками, составляющими только у ихъ родича *ламантина* настоящее предплечье. Я долженъ замѣтить, что въ водѣ, ихъ главной стихіи, тюлени, снабженные подвижнымъ спиннымъ хребтомъ, узкимъ тазомъ, гладкою короткою шерстью и лапами съ перепонкою, плаваютъ отлично. Будучи на сушѣ и находясь въ спокойномъ состояніи, они часто принимаютъ чрезвычайно граціозныя позы. И вотъ, вѣроятно, почему древніе, наблюдая ихъ добродушную физіономію, выразительный взглядъ, съ которымъ не въ состояніи соперничать взоры хорошенькой женщины, ихъ бархатистые ясные глаза и милыя позы, — опоэтизировали ихъ, превративъ самцовъ въ тритоновъ, а самокъ — въ сиренъ.

У этихъ смышленыхъ животныхъ очень сильно развиты мозговыя полушарія. За исключеніемъ человѣка, ни одно млекопитающее не обладаетъ такимъ количествомъ мозгового вещества. Поэтому тюлени способны къ нѣкоторой дрессировкѣ. Они довольно легко привыкаютъ къ домашнему состоянію и скоро дѣлаются ручными. Я вполнѣ согласенъ

съ нѣкоторыми натуралистами, утверждающими, что хорошо выдрессированные тюлени могли бы оказывать незамѣнимыя услуги въ рыбной ловлѣ.

Бо́льшая часть этихъ милыхъ животныхъ спала на пескѣ и на скалахъ. Между настоящими тюленями, отличающимися отсутствіемъ внѣшняго уха отъ *otaria,* ухо которыхъ выдается, я замѣтилъ нѣсколько разновидностей *stenorhynchus,* метра въ три длиною, съ бѣлою шерстью, головою бульдога, вооруженною десяткомъ зубовъ въ каждой челюсти, четырьмя рѣзцами наверху и внизу и двумя порядочными клыками въ формѣ лилій. Среди нихъ были и *морскіе слоны*—животныя, имѣющія сходство съ тюленями, съ короткимъ и подвижнымъ хоботомъ. Это — настоящіе гиганты: они имѣютъ до десяти метровъ длины при обхватѣ въ двадцать футовъ. Они нисколько не смутились и не сдѣлали ни малѣйшаго движенія при нашемъ приближеніи.

— Это опасныя животныя? — спросилъ Консель.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ я,—при томъ условіи, конечно, если на нихъ не нападаютъ. Но когда тюлени защищаютъ своихъ дѣтенышей, то гнѣвъ ихъ бываетъ очень страшенъ. Часто случается, что они разбиваютъ вдребезги лодки рыбаковъ.

— По-моему, они правы, — замѣтилъ мой слуга.

— Конечно, Консель, — согласился я.

Мы прошли еще около двухъ миль и остановились передъ возвышенностью, защищавшею заливъ отъ южныхъ вѣтровъ. Эта возвышенность отвѣсно спускалась къ морю и была покрыта бѣлою пѣною отъ постояннаго прибоя волнъ. Вдали слышалось сердитое мычаніе, какъ будто производимое цѣлымъ стадомъ жвачныхъ животныхъ.

— Ба,—вскричалъ, прислушиваясь, Консель,—мычаніе быковъ! Какъ они сюда попали?

— Это не быки, мой другъ, — отвѣтилъ я.

— Но кто же?

— Моржи.

— Вотъ какъ! А я думалъ — быки; какъ похоже ихъ мычаніе на бычачье! Что же они тамъ дѣлаютъ? дерутся?

— Дерутся или играютъ.

— Съ позволенія ихъ милости, хорошо бы взглянуть на нихъ.

— Съ удовольствіемъ, Консель.

И мы зашагали по черноватымъ скаламъ и по скользкимъ обледенѣлымъ камнямъ, посреди многочисленныхъ обваловъ. Не разъ мнѣ приходилось неожиданно оступаться и скатываться съ какой-нибудь крутизны, и только благодаря помощи сильнаго и ловкаго Конселя, я не провалился ни въ одну глубокую рытвину.

— Если бы ихъ милость изволили пошире разставлять ноги, то съ ними не случилось бы этого, — говорилъ добрый малый, придерживая, а иногда и поднимая меня.

Кое-какъ достигнувъ верхняго гребня горы, я увидѣлъ обширную снѣговую равнину, всю покрытую моржами. Любопытныя животныя возились между собою и громко кричали. Это были крики веселья, а не гнѣва.

Моржи похожи на тюленей какъ формою тѣла, такъ и расположеніемъ членовъ, только въ ихъ нижней челюсти не хватаетъ рѣзцовъ и

клыковъ, а верхніе клыки имѣютъ форму бивней, длиной до восьмидесяти сантиметровъ и болѣе тридцати сантиметровъ въ обхватѣ при основаніи. Клыки эти состоятъ изъ кости очень плотной, безъ полосъ, и болѣе твердой, чѣмъ клыки слона, меньше желтѣющей, а потому они и цѣнятся очень дорого. Вслѣдствіе этого моржи ожесточенно преслѣдуются и, вѣроятно, скоро будутъ истреблены до послѣдняго, потому что ихъ убиваютъ безъ всякаго разбора, уничтожая ежегодно нѣсколько десятковъ тысячъ штукъ.

Проходя мимо этихъ замѣчательныхъ животныхъ, мы могли свободно разсматривать ихъ, такъ какъ они даже не пошевелились при нашемъ приближеніи. Кожа у нихъ довольно толстая и бородавчатая, цвѣтъ ея темно-коричневый, переходящій иногда въ рыжій, шерсть рѣдкая и короткая. Нѣкоторыя изъ нихъ были длиною до четырехъ метровъ. Будучи спокойнѣе и безстрашнѣе своихъ сѣверныхъ родичей, они не имѣли часовыхъ, оберегающихъ границы ихъ владѣній.

Полюбовавшись на моржей, мы собрались возвратиться назадъ.

Было уже одиннадцать часовъ, когда я вернулся назадъ. Если капитанъ Немо находится въ условіяхъ выгодныхъ для наблюденія, я желалъ присутствовать при его занятіяхъ. Однако я не надѣялся, что солнце покажется въ этотъ день. Облака, точно раздавленныя на горизонтѣ, скрывали его отъ нашихъ глазъ. Казалось, ревнивое свѣтило не хотѣло показывать людямъ эту недосягаемую часть земного шара.

Между тѣмъ я думалъ вернуться къ „Наутилусу“. Мы шли по узкому косогору, извивавшемуся на вершинѣ утеса. Въ половинѣ двѣнадцатаго мы достигли мѣста, гдѣ причаливали. Между тѣмъ капитанъ съѣхалъ въ шлюпкѣ на землю. Я увидалъ его на базальтовой скалѣ. Инструменты находились возлѣ него. Онъ стоялъ, устремивъ взоръ на сѣверную часть горизонта, гдѣ солнце описывало въ ту пору свою удлиненную дугообразную линію.

Я помѣстился возлѣ него и молча ждалъ. Насталъ полдень, но, какъ и наканунѣ, солнце не показывалось.

Несчастье преслѣдовало насъ. Наблюденіе опять не могло быть сдѣлано. Если не удастся его сдѣлать и завтра, то придется окончательно отказаться отъ возможности опредѣлить наше положеніе.

И въ самомъ дѣлѣ, было 20-е марта. На другой день, 21-го марта, наступитъ равноденствіе, и, если не принимать въ расчетъ преломленія лучей, солнце исчезнетъ подъ горизонтомъ на шесть мѣсяцевъ, а съ его исчезновеніемъ начнется долгая полярная ночь. Съ сентябрьскаго равноденствія оно вышло изъ-за сѣвернаго горизонта и поднималось удлиненными спиралями до 21-го декабря. Съ этого времени, когда бываетъ солнцестояніе въ этихъ холодныхъ странахъ, оно начало опускаться и завтра должно было бросить имъ свои послѣдніе лучи.

Я сообщилъ свои наблюденія и опасенія капитану Немо.

— Вы правы, господинъ Аронаксъ, — сказалъ онъ мнѣ: — если завтра мнѣ не удастся опредѣлить высоту солнца, то придется отложить мое изслѣдованіе на шесть мѣсяцевъ. Но теперь-то, если только солнце покажется намъ въ полдень, мнѣ будетъ удобно сдѣлать наблюденіе именно потому, что случайности плаванія привели меня въ эти моря къ 21-му марта.

— Почему, капитанъ?

— Потому что трудно вымѣрить съ точностью высоту дневного свѣтила надъ горизонтомъ, когда оно описываетъ такія длинныя спиральныя линіи, и инструменты могутъ дать очень ошибочныя показанія.

— Какъ же вы поступите?

— Я воспользуюсь однимъ хронометромъ, — отвѣчалъ капитанъ

«...прощай, солнце!..» (Стр. 260).

Немо. — Если завтра, 21-го марта, въ полдень солнечный дискъ будетъ правильно пересѣченъ пополамъ сѣвернымъ горизонтомъ, принимая въ соображеніе преломленіе лучей, это будетъ означать, что я нахожусь какъ разъ въ южномъ полюсѣ.

На слѣдующій день, 21-го марта, съ пяти часовъ утра я вышелъ на платформу. Я засталъ тамъ капитана Немо.

— Небо очищается, — сказалъ онъ мнѣ. — Надежда есть. Послѣ завтрака мы отправимся на землю, чтобы выбрать удобный постъ для наблюденія.

Когда это было рѣшено, я отправился къ Неду Ленду. Мнѣ хотѣлось взять его съ собой. Упрямый канадецъ отказался, и я видѣлъ, что его хандра и раздраженіе увеличиваются съ каждымъ днемъ. Въ сущности, на этотъ разъ я не особенно жалѣлъ объ его упрямствѣ. На землѣ было много тюленей, и не слѣдовало подвергать страстнаго охотника такому искушенію.

Окончивъ завтракъ, я отправился на землю. Во время ночи „Наутилусъ" поднялся еще на нѣсколько миль. Онъ находился въ открытомъ морѣ, на разстояніи цѣлой мили отъ берега, надъ которымъ возвышалась остроконечная вершина, имѣвшая отъ четырехсотъ до пятисотъ футовъ. Вмѣстѣ со мной шлюпка несла капитана Немо, двухъ матросовъ изъ экипажа и инструменты, то-есть хронометръ, барометръ и зрительную трубу.

Въ продолженіе нашего переѣзда я имѣлъ случай наблюдать множество китовъ, принадлежащихъ къ тремъ разновидностямъ, свойственнымъ южнымъ морямъ. Здѣсь были настоящіе киты или *rightwhale* англичанъ, лишенные плавника; *hump-back* (горбунъ) или *balaenoptera*, съ животомъ, покрытымъ складками, съ широкими бѣловатыми плавниками, которые, невзирая на свое названіе, не образуютъ крыльевъ, и *fin-back*, коричнево-желтый, самый дѣятельный изъ китовъ. Это животное даетъ о себѣ знать издалека, выбрасывая на значительную высоту цѣлые фонтаны воздуха и пара, похожіе на столбы дыма. Эти млекопитающія играли на просторѣ въ спокойныхъ водахъ, и я теперь убѣдился, что воды антарктическаго пояса служатъ постояннымъ пристанищемъ для китообразныхъ, такъ настойчиво и безжалостно преслѣдуемыхъ охотниками.

Я видѣлъ также длинныя бѣловатыя цѣпи *сальпъ*, родъ слѣпившихся моллюсковъ, и большихъ *медузъ*, раскачивавшихся въ водоворотѣ волнъ.

Въ девять часовъ мы пристали къ берегу. Небо становилось чище, облака уносились къ югу. Туманъ покидалъ холодную поверхность водъ. Капитанъ Немо направился къ вершинѣ, которую онъ, безъ сомнѣнія, думалъ превратить въ обсерваторію. Подъемъ былъ труденъ между острыми обломками лавы и пемзы, въ атмосферѣ, густо пропитанной сѣрнистыми испареніями маленькихъ кратеровъ. Для человѣка, давно отвыкшаго отъ путешествій по землѣ, капитанъ взбирался на самые крутые скаты съ необыкновенною гибкостью и легкостью, такъ что я не могъ съ нимъ сравниться. Ему позавидовалъ бы охотникъ за пиренейскими сернами.

Пришлось итти два часа, чтобы достигнуть этой вершины, состоявшей частію изъ порфира, частію изъ базальта. Оттуда взоръ обнималъ обширное море, конечная линія котораго рѣзко обозначалась къ сѣверу на фонѣ неба. У нашихъ ногъ — поля ослѣпительной бѣлизны. Надъ головой — блѣдноголубой сводъ, очистившійся отъ тумана. На сѣверѣ — солнечный дискъ, какъ огненный шаръ, уже обрѣзанный острымъ краемъ горизонта. Изъ глубины водъ поднимались великолѣпными снопами сотни прозрачныхъ водометовъ. Вдали — „Наутилусъ", какъ огромный

спящій китъ. Позади насъ, къ югу и востоку, — необозримая земля, хаотическое скопленіе скалъ и льдовъ, границъ которыхъ мы не могли различить.

Достигнувъ вершины остроконечной горы, капитанъ Немо тщательно измѣрилъ съ помощью барометра ея высоту, которую онъ долженъ былъ принять въ соображеніе при своемъ наблюденіи.

Въ двѣнадцать часовъ безъ четверти солнце, которое до сихъ поръ было видно только вслѣдствіе преломленія лучей, показалось золотымъ дискомъ и разсыпало свои послѣдніе лучи по этому пустынному материку и морямъ, которыхъ еще никогда не посѣщалъ человѣкъ.

Капитанъ Немо, снабженный зрительною трубой съ сѣтью и зеркаломъ, исправляющимъ дѣйствіе преломленія лучей, наблюдалъ свѣтило, которое мало-по-малу погружалось въ море, описывая очень удлиненную діагональную линію. Я держалъ хронометръ. Сердце мое сильно билось. Если минута, когда половина солнечнаго диска скроется за горизонтомъ, совпадетъ съ полднемъ хронометра, то мы у самаго полюса.

— Полдень! — вскрикнулъ я.

— Южный полюсъ! — отвѣчалъ капитанъ Немо неторопливымъ голосомъ, передавая мнѣ трубу, которая показывала дневное свѣтило, перерѣзанное горизонтомъ на двѣ равныя половины.

Я смотрѣлъ, какъ послѣдніе лучи увѣнчали вершину и какъ поднимавшіяся тѣни мало-по-малу ложились по ея скатамъ.

Въ эту минуту, положивъ мнѣ руку на плечо, капитанъ Немо сказалъ мнѣ:

— Въ 1600 году голландецъ Гериткъ, увлеченный теченіями и бурями, достигъ 64° южной широты и открылъ Новошотландскіе острова. Въ 1773 году, 17-го января, славный Кукъ, слѣдуя по тридцать-восьмому меридіану, достигъ 67° 30′ широты, и въ 1774 году, 30-го января, на сто-девятомъ меридіанѣ онъ достигъ 71°15′ широты. Въ 1819 году русскій Беллинсгаузенъ находился на шестьдесятъ-девятомъ градусѣ широты, а въ 1821 году — на шестьдесятъ-шестомъ и на 111° западной долготы. Въ 1820 году англичанинъ Брунсфильдъ былъ остановленъ на шестьдесятъ-пятомъ градусѣ. Въ томъ же году американецъ Моррель, разсказы коего сомнительны, поднимаясь по сорокъ-второму меридіану, нашелъ море свободнымъ подъ 70°14′ широты. Въ 1825 году англичанинъ Поуэль не могъ перейти шестьдесятъ-второго градуса. Въ томъ же году простой охотникъ за тюленями, англичанинъ Уэддель, поднялся до 72°14′ широты по тридцать-пятому меридіану и до 74°15′ по тридцать-шестому. Въ 1829 году англичанинъ Форстеръ, командиръ „Чантиклира“, принялъ во владѣніе антарктическій материкъ подъ 63°26′ широты и 66°26′ долготы. Въ 1831 году англичанинъ Биско (Biscoë) открылъ землю Эндерби подъ 68°50′ широты; въ 1832 году, 5-го февраля, землю Аделаиды подъ 67° широты и 21-го февраля землю Грогамъ подъ 64°45′ широты. Въ 1838 году французъ Дюмонъ-Дюрвиль, остановленный сплошными льдами подъ 67°57′ широты, опредѣлилъ положеніе земли Людовика-Филиппа; два года спустя, 21-го января, въ новомъ путешествіи на югъ онъ открылъ подъ 66°30′ землю Адели, и восемь дней спустя подъ 64°40′ берегъ Клары. Въ 1838 году англичанинъ Уильксъ достигъ шестьдесятъ-девятаго параллельнаго круга по сотому меридіану. Въ 1839 году англичанинъ Баллени от-

крылъ землю Сабрина, на границѣ полярнаго круга. Наконецъ, въ 1842 году, 12-го января, англичанинъ Джемсъ Россъ, съ кораблями „Эребусъ“ и „Терроръ“, нашелъ землю Викторіи подъ 76°56′ широты и 171°7′ долготы, 23-го того-же мѣсяца онъ достигъ семьдесятъ-четвертой параллели,— высшаго пункта, какого до тѣхъ поръ достигали; 27-го онъ находился подъ 76°8′, 28-го подъ 77°32′, 2-го февраля подъ 78°4′, и въ 1842 г. онъ возвратился къ семьдесятъ-первому градусу, за который не могъ перейти. Теперь я, капитанъ Немо, 21-го марта 1868 года достигъ южнаго полюса подъ 90° и принимаю во владѣніе эту часть земного шара, равную одной шестой всѣхъ извѣстныхъ материковъ.

— Въ чье владѣніе, капитанъ? — спросилъ я, невольно любуясь величественной позой этого загадочнаго человѣка.

— Въ мое собственное.

И, говоря это, капитанъ Немо развернулъ черный флагъ съ буквою N, вышитой золотомъ на его флагдукѣ. Потомъ онъ обратился къ дневному свѣтилу, послѣдніе лучи котораго ласкали горизонтъ моря.

— Прощай, солнце! — вскричалъ онъ. — Исчезай, блестящее свѣтило! Ложись за этимъ свободнымъ моремъ, и пусть шестимѣсячная ночь одѣнетъ мракомъ мои новыя владѣнія!

ГЛАВА XV.

Приключеніе или препятствіе.

На другой день, 22-го марта, въ шесть часовъ утра, начались приготовленія къ отъѣзду. Послѣдній отблескъ сумерекъ исчезалъ въ ночной темнотѣ. Былъ сильный холодъ. Созвѣздія блистали съ удивительною ясностью. Въ зенитѣ сіялъ чудный южный крестъ — эта полярная звѣзда антарктическихъ странъ.

Термометръ показывалъ двѣнадцать градусовъ ниже нуля, и свѣжій вѣтеръ рѣзалъ лицо. Льдины умножались на водѣ; море повсюду покрывалось ими. Множество черноватыхъ пятенъ на его поверхности предвѣщали скорое образованіе молодого льда. Очевидно, южный бассейнъ, замерзавшій на шесть зимнихъ мѣсяцевъ, былъ совершенно недоступенъ. Что дѣлалось съ китами въ продолженіе этого времени? Безъ сомнѣнія, они проходили подъ сплошнымъ льдомъ и уплывали въ болѣе удобныя моря. Но тюлени и моржи, привыкшіе жить въ самыхъ суровыхъ климатахъ, оставались въ этихъ оледенѣлыхъ странахъ. Эти животныя по инстинкту вырываютъ ямы въ ледяныхъ поляхъ и держатъ ихъ всегда открытыми. Въ эти ямы они приходятъ дышать; когда птицы, гонимыя холодомъ, улетаютъ къ сѣверу, то эти морскія млекопитающія одни остаются властелинами на полярномъ материкѣ.

Между тѣмъ резервуары наполнились водой, и „Наутилусъ“ медленно погружался. На глубинѣ тысячи футовъ онъ остановился. Винтъ его разсѣкалъ волны, и онъ направился прямо къ сѣверу со скоростью пятнадцати миль въ часъ. Къ вечеру онъ уже плылъ подъ громаднымъ черепомъ сплошного льда.

Ставни въ окнахъ были заперты изъ предосторожности, потому что корпусъ „Наутилуса" могъ удариться о какую-нибудь плававшую въ водѣ ледяную глыбу. Весь этотъ день я занимался переписываніемъ набѣло своихъ замѣтокъ. Я всецѣло предался воспоминаніямъ о полюсѣ. Мы достигли этого недоступнаго пункта безъ труда и опасностей, какъ будто нашъ плавающій вагонъ катился по рельсамъ желѣзной дороги. А теперь начался возвратный путь. Подаритъ ли онъ меня еще такими же неожиданностями? Я надѣялся, потому что рядъ подводныхъ чудесъ неисчерпаемъ. Однако, въ продолженіе пяти съ половиной мѣсяцевъ съ того времени, какъ случай забросилъ насъ на этотъ корабль, мы уже прошли четырнадцать тысячъ лье; и сколько приключеній, любопытныхъ или ужасныхъ, очаровывали насъ во время нашего путешествія на этомъ пути, длина котораго превышала длину земного экватора: охота въ лѣсахъ Креспо, невольная остановка въ Торресовомъ проливѣ, коралловое кладбище, жемчужная ловля около Цейлона, аравійскій тоннель, подземные огни Санторина, милліоны въ бухтѣ Виго, Атлантида, южный полюсъ! Ночью всѣ эти воспоминанія, переходя отъ одного сновидѣнія къ другому, совсѣмъ не давали мнѣ спать.

Въ три часа утра сильный толчокъ разбудилъ меня. Я приподнялся на своей кровати и сталъ прислушиваться посреди темноты, какъ вдругъ меня внезапно отбросило на средину комнаты. Очевидно, „Наутилусъ" получилъ значительный ударъ въ бокъ.

Опираясь о стѣны, я прошелъ узкими коридорами въ залу, которая освѣщалась сіявшимъ потолкомъ. Мебель была опрокинута. Къ счастію, витрины, крѣпко утвержденныя на ножкахъ, держались твердо. При перемѣщеніи отвѣсной линіи, картины, висѣвшія съ правой стороны, прижались къ обоямъ, тогда какъ картины на лѣвой сторонѣ отстали отъ стѣны на цѣлый футъ нижнею частью своей рамы. Стало-быть, „Наутилусъ" лежалъ на правомъ боку и, сверхъ того, былъ совершенно неподвиженъ.

Внутри его я слышалъ шумъ шаговъ и неясные звуки голосовъ. Но капитанъ Немо не показывался. Въ ту минуту, когда я уходилъ изъ залы, туда вошли Недъ Лендъ и Консель.

— Что случилось? — спросилъ я ихъ.

— Я шелъ спросить объ этомъ васъ, — отвѣчалъ Консель.

— Тысячу чертей! — вскричалъ канадецъ: — я хорошо знаю что! „Наутилусъ" ударился, и, судя по толчку, я не думаю, чтобъ онъ освободился такъ легко, какъ въ первый разъ, въ Торресовомъ проливѣ.

— Но, по крайней мѣрѣ, — спросилъ я, — возвратится ли онъ на поверхность моря?

— Мы этого на знаемъ, — отвѣчалъ Консель.

— Въ этомъ легко убѣдиться, — продолжалъ я.

Я взглянулъ на манометръ. Къ моему великому удивленію, онъ показывалъ глубину трехсотъ-шестидесяти метровъ.

— Что же это значитъ? — вскричалъ я.

— Надо спросить капитана Немо, — сказалъ Консель.

— Но гдѣ его найти? — спросилъ Недъ Лендъ.

— Слѣдуйте за мной, — сказалъ я своимъ товарищамъ.

Мы оставили залу. Въ библіотекѣ не было никого. Я полагалъ, что капитанъ Немо долженъ находиться въ каютѣ рулевого. Надо было подождать. Мы всѣ трое возвратились въ залу.

Я прохожу молчаніемъ жалобы и укоризны канадца. Онъ могъ горячиться сколько ему было угодно. Я далъ ему волю излить дурное расположеніе духа, ничего ему не отвѣчая.

Мы просидѣли такимъ образомъ минутъ двадцать, прислушиваясь къ малѣйшему шуму, раздававшемуся внутри „Наутилуса", когда въ комнату вошелъ капитанъ Немо. Казалось, онъ не замѣтилъ насъ. Его обыкновенно безстрастное лицо обнаруживало нѣкоторое безпокойство. Онъ молча смотрѣлъ на компасъ, на манометръ и указалъ пальцемъ на одну точку карты, въ той части ея, гдѣ находились антарктическія моря.

Я не хотѣлъ его прерывать. Только черезъ нѣсколько минутъ, когда онъ обернулся ко мнѣ, я обратилъ противъ него его собственное выраженіе, сказанное имъ въ Торресовомъ проливѣ:

— Приключеніе, капитанъ?

— Нѣтъ, господинъ профессоръ, — отвѣчалъ онъ, — на этотъ разъ несчастіе.

— Важное?

— Можетъ-быть.

— „Наутилусъ" сталъ на мель?

— Да.

— И эта остановка на мели произошла...

— Отъ каприза природы, но не отъ неумѣнья людей. Мы не сдѣлали ни одной ошибки въ своихъ маневрахъ. Однако невозможно было помѣшать равновѣсію произвести свое дѣйствіе. Можно возставать противъ законовъ людей, но нельзя противиться законамъ природы.

Странную минуту выбралъ капитанъ Немо для выраженія своихъ философскихъ размышленій. Въ сущности же, его отвѣтъ ничего мнѣ не объяснилъ.

— Могу ли я узнать, капитанъ, отчего произошло это препятствіе?

— Огромная ледяная глыба, цѣлая гора, перевернулась, — отвѣчалъ онъ мнѣ. — Когда ледяныя горы подмыты въ своемъ основаніи болѣе теплыми водами или потрясены повторяющимися ударами — центръ ихъ тяжести поднимается. Тогда онѣ поворачиваются всею своею массой и опрокидываются, что теперь и случилось. Опрокинувшись, одна изъ этихъ массъ столкнулась съ „Наутилусомъ", который плылъ подъ водой. Потомъ, проскользнувъ подъ его корпусомъ и приподнявъ его съ непреодолимою силой, она увлекла его въ менѣе плотные слои, гдѣ онъ и лежитъ теперь на боку.

— Но нельзя ли освободить „Наутилусъ", опорожнивъ его резервуары, для того, чтобы возстановить равновѣсіе?

— Это и дѣлается теперь, господинъ профессоръ. Вы можете слышать, какъ дѣйствуютъ насосы. Посмотрите на стрѣлку манометра. Она показываетъ, что „Наутилусъ" поднимается, но и ледяная глыба поднимается съ нимъ вмѣстѣ, и наше положеніе не измѣнится до тѣхъ поръ, пока какое-нибудь обстоятельство не задержитъ ея восходящаго ижения.

Дѣйствительно, „Наутилусъ“ все еще лежалъ на правомъ боку. Безъ сомнѣнія, онъ выпрямится, когда глыба остановится сама собой. Но кто знаетъ, что къ этому времени мы не столкнемся съ верхнею частью сплошного льда и не будемъ страшнымъ образомъ сжаты между двумя ледяными поверхностями.

Я размышлялъ обо всѣхъ послѣдствіяхъ нашего положенія. Капитанъ Немо не переставалъ смотрѣть на манометръ. Послѣ паденія ледяной горы „Наутилусъ“ поднялся почти на сто-пятьдесятъ футовъ, но попрежнему образовывалъ уголъ съ отвѣсною линіей.

Вдругъ въ корпусѣ произошло легкое движеніе. Очевидно, „Наутилусъ“ понемногу выпрямлялся. Предметы, висѣвшіе въ залѣ, замѣтно принимали опять свое нормальное положеніе. Стѣны приближались къ вертикальной линіи. Никто изъ насъ не говорилъ. Мы наблюдали со взволнованными сердцами и чувствовали это выпрямленіе. Полъ подъ нашими ногами становился въ горизонтальное положеніе. Прошло десять минутъ.

— Наконецъ мы стоимъ прямо! — вскричалъ я.

— Да, — сказалъ капитанъ Немо, направляясь къ дверямъ залы.

— Но поплывемъ ли мы? — спросилъ я.

— Конечно, — отвѣчалъ онъ, — потому что резервуары еще не опорожнены, и лишь только они будутъ пусты, „Наутилусъ“ долженъ будетъ подняться на поверхность моря.

Капитанъ вышелъ, и я вскорѣ увидѣлъ, что по его приказанію „Наутилусъ“ былъ остановленъ и пересталъ подниматься. Дѣйствительно, онъ скоро бы ударился о нижнюю часть сплошного льда, и лучше было держать его среди водъ.

— Мы во-время избѣжали опасности! — сказалъ тогда Консель.

— Да. Насъ бы могло раздавить между этими ледяными глыбами, или, по крайней мѣрѣ, мы были бы заперты. И тогда, не имѣя возможности возобновить воздухъ... Да! мы во-время избѣжали опасности!

— Тогда бы все было кончено! — прошепталъ Недъ Лендъ.

Я не хотѣлъ начинать съ канадцемъ безполезнаго спора и ничего не отвѣтилъ ему. Сверхъ того, въ эту минуту открылись ставни, и внѣшній свѣтъ ворвался въ свободныя стекла.

Мы были въ свободной водѣ, какъ я уже говорилъ; но по обѣимъ сторонамъ „Наутилуса“, на разстояніи десяти метровъ отъ него, поднималась ослѣпительная ледяная стѣна. Вверху и внизу — та же стѣна. Вверху нижняя поверхность сплошного льда разстилалась какъ громадный потолокъ. Внизу опрокинутая масса нашла себѣ точки опоры въ боковыхъ стѣнахъ, которыя и поддерживали ее въ этомъ положеніи. „Наутилусъ“ былъ заключенъ въ настоящемъ ледяномъ тоннелѣ, имѣвшемъ около двадцати метровъ въ ширину, наполненномъ спокойною водой. Стало-быть, ему легко было выйти отсюда, направляясь впередъ или назадъ, и потомъ, опустившись внизъ на нѣсколько сотъ метровъ, достигнуть свободнаго прохода подъ сплошнымъ льдомъ. Свѣтъ, лившійся съ потолка, погасъ, но однако зала освѣщалась чрезвычайно ярко. Ледяныя стѣны отражали свѣтъ маяка съ удивительною силой. Я не въ состояніи описать, какой эффектъ производили электрическіе лучи, падавшіе на эти огромныя, причудливо вырѣзанныя массы, каждый уголъ, каждый край и площадка которыхъ сіяли различными пе-

реливами, смотря по свойству жилъ, пересѣкавшихъ этотъ ледъ. Ослѣпительная копь драгоцѣнныхъ камней и въ особенности сапфировъ, голубые лучи которыхъ сливались съ зеленымъ блескомъ изумрудовъ. Тамъ и сямъ появлялись чрезвычайно нѣжные опаловые оттѣнки, среди ярко сверкавшихъ точекъ, похожихъ на огненные брильянты, блескъ которыхъ глазъ не могъ переносить. Сила струи электрическаго свѣта удесятерялась, подобно свѣту лампы, когда онъ проходилъ сквозь выпуклыя стекла маяка.

— Какъ это хорошо! Какъ это хорошо! — вскричалъ Консель.

— Да, — сказалъ я, — это удивительное зрѣлище. Не правда ли, Недъ?

— Тысячу чертей, да! — отвѣчалъ Недъ Лендъ. — Это превосходно! Я бѣшусь, что принужденъ съ этимъ согласиться. Никто не видалъ ничего подобнаго. Но за это зрѣлище мы можемъ дорого поплатиться. И если говорить правду, то я думаю, что мы здѣсь видимъ такія вещи, которыя Богъ желалъ скрыть отъ взоровъ людей!

Недъ былъ правъ. Это было слишкомъ хорошо. Вдругъ меня заставилъ обернуться крикъ Конселя.

— Что̀ такое? — спросилъ я.

— Пусть его милость закроетъ глаза! Его милости не слѣдуетъ смотрѣть!

Говоря это, Консель быстро закрылъ руками свои глаза.

— Но что съ тобой, мой другъ?

— Я ослѣпленъ, я лишился зрѣнія!

Глаза мои невольно обратились къ окнамъ, но я не могъ переносить пожиравшаго ихъ огня.

Я понялъ, что̀ произошло. „Наутилусъ" пошелъ самымъ быстрымъ ходомъ. Спокойный блескъ ледяныхъ стѣнъ превратился теперь въ сверкающія полосы. Огни цѣлыхъ миріадъ брильянтовъ сливались вмѣстѣ. „Наутилусъ", увлекаемый своимъ винтомъ, плылъ окруженный сѣтью, сотканною изъ молній.

Тогда ставни въ окнахъ залы закрылись. Мы закрывали руками глаза, наполненные концентрическими сіяніями, которыя носятся предъ сѣтчатою оболочкой, послѣ того какъ солнечные лучи слишкомъ сильно ударили въ нее. Прошло нѣкоторое время, прежде чѣмъ наше разстроенное зрѣніе успокоилось.

Наконецъ мы опустили руки.

— Право, я бы никогда этому не повѣрилъ, — сказалъ Консель.

— А я еще не вѣрю и теперь! — возразилъ канадецъ.

— Когда мы вернемся на землю, — прибавилъ Консель, — насмотрѣвшись досыта на такія чудеса природы, что мы подумаемъ о ничтожныхъ материкахъ и всѣхъ жалкихъ созданіяхъ рукъ человѣческихъ! Нѣтъ! населенный міръ недостоинъ насъ!

Такія слова въ устахъ невозмутимаго фламандца показывали, до какой степени возбужденія достигъ нашъ энтузіазмъ. Но и тутъ канадецъ не преминулъ подлить каплю холодной воды.

— Населенный міръ! — сказалъ онъ, покачавъ головой. — Будьте покойны, другъ Консель, мы туда не возвратимся.

Было пять часовъ утра. Въ эту минуту въ передней части „Наутилуса“ произошло сотрясеніе. Я догадался, что его бивень ударился въ глыбу льда. Это, должно-быть, произошло вслѣдствіе неправильнаго маневра, потому что подводный тоннель, заваленный ледяными глыбами, не былъ удобенъ для мореплаванія. Итакъ я думалъ, что капитанъ Немо, измѣнивъ свое направленіе, обойдетъ эти препятствія или постарается обогнуть извилины тоннеля. Во всякомъ случаѣ, путь впереди насъ не могъ быть загражденъ совершенно. Однако, противъ моего ожиданія, „Наутилусъ“ предпринялъ рѣшительное отступленіе.

— Мы идемъ назадъ? — сказалъ Консель.

— Да, — отвѣчалъ я. — Должно-быть, съ этой стороны тоннель не имѣетъ выхода.

— И тогда?

— Тогда, — сказалъ я, — задача очень проста. Мы вернемся назадъ и выйдемъ сквозь южное отверстіе. Вотъ и все.

Говоря такимъ образомъ, я хотѣлъ казаться спокойнѣе, чѣмъ былъ на самомъ дѣлѣ. Между тѣмъ отступленіе „Наутилуса“ все ускорялось, и, подвигаясь заднимъ ходомъ, онъ увлекалъ насъ съ большою быстротой.

— Что если будетъ задержка? — сказалъ Недъ.

— Чтò значатъ нѣсколько часòвъ раньше или позже, только бы выйти!

Я прошелся нѣсколько разъ изъ залы въ библіотеку. Мои товарищи сидѣли молча. Вскорѣ я бросился на диванъ и взялъ книгу, которую сталъ машинально просматривать.

Четверть часа спустя Консель подошелъ ко мнѣ и сказалъ:

— Ихъ милость читаетъ что-нибудь интересное?

— Очень, — отвѣчалъ я.

— Я этому вѣрю. Ихъ милость читаетъ книгу ихъ милости.

— Мою книгу?

Дѣйствительно, я держалъ въ рукахъ свой трудъ о морскихъ глубинахъ. Я и не подозрѣвалъ этого. Закрывъ книгу, я опять началъ ходить. Недъ и Консель встали, чтобъ уйти.

— Останьтесь, друзья мои, — сказалъ я, удерживая ихъ. — Останемся вмѣстѣ до тѣхъ поръ, пока не выйдемъ изъ этого безвыходнаго положенія.

— Какъ вамъ будетъ угодно, — отвѣчалъ Консель.

Прошло нѣсколько часовъ. Я часто посматривалъ на инструменты, висѣвшіе на стѣнѣ залы. Манометръ показывалъ, что „Наутилусъ“ держался постоянно на глубинѣ трехсотъ метровъ, компасъ — что онъ направлялся къ югу, лагъ — что онъ шелъ съ быстротою двадцати миль въ часъ, — быстротою очень значительною въ такомъ узкомъ пространствѣ. Но капитанъ Немо зналъ, что скорость не могла быть лишнею и что минуты стоили цѣлыхъ вѣковъ.

Въ восемь часовъ и двадцать-пять минутъ толчокъ повторился, на этотъ разъ въ задней части. Я поблѣднѣлъ. Мои товарищи приблизились ко мнѣ. Я схватилъ руку Конселя. Взглядомъ мы спрашивали другъ друга и передавали одинъ другому свою мысль гораздо яснѣе, чѣмъ могли это сдѣлать на словахъ.

Въ эту минуту капитанъ вошелъ въ залу. Я подошелъ къ нему.

— Путь на югъ загражденъ? — спросилъ я его.

— Да, господинъ профессоръ. Ледяная гора перевернулась и загородила выходъ.

— Мы заперты?

— Да.

ГЛАВА XVI.

Недостатокъ воздуха.

Итакъ вокругъ „Наутилуса", сверху и снизу, непроницаемая ледяная стѣна. Мы были плѣнниками сплошного льда! Канадецъ ударилъ по столу своимъ страшнымъ кулакомъ. Консель молчалъ. Я смотрѣлъ на капитана. Лицо его приняло свое обычное спокойное выраженіе. Онъ скрестилъ руки и размышлялъ. „Наутилусъ" не двигался болѣе.

Наконецъ капитанъ заговорилъ:

— Господа, — сказалъ онъ тихимъ голосомъ, — при тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ мы находимся, намъ представляется два способа умереть.

Этотъ непостижимый человѣкъ говорилъ какъ профессоръ математики, излагающій доказательства своимъ ученикамъ.

— Во-первыхъ, — продолжалъ онъ, — мы можемъ умереть раздавленными. Во-вторыхъ, можемъ задохнуться. Я не говорю о возможности умереть съ голода, потому что съѣстные припасы „Наутилуса" протянутся по всей вѣроятности дольше насъ. Итакъ позаботимся о томъ, чтобы отвратить и ту и другую опасность.

— Что касается удушенія, капитанъ, — отвѣчалъ я, — то намъ его нечего бояться, потому что наши резервуары полны.

— Правда, — отвѣчалъ капитанъ Немо, — но воздуха въ нихъ хватитъ только на два дня. А вотъ уже тридцать-шесть часовъ, какъ мы находимся подъ водой, и отяжелѣвшая атмосфера „Наутилуса" требуетъ, чтобы ее возобновили. Черезъ сорокъ-восемь часовъ запасъ нашъ истощится.

— Ну, что же, капитанъ, освободимся прежде сорока-восьми часовъ.

— По крайней мѣрѣ мы попытаемся это сдѣлать, прорубивъ окружающую насъ стѣну.

— Съ которой стороны? — спросилъ я.

— Зондъ намъ покажетъ это. Я поставлю „Наутилусъ" на нижнюю мель, а мои люди, одѣвшись въ скафандры, пробьютъ ледяную гору съ той стороны, гдѣ она менѣе толста.

— Можно ли открыть ставни въ залѣ?

— Безъ всякаго затрудненія. Мы теперь стоимъ.

Капитанъ Немо вышелъ. Скоро я узналъ по свисту, что вода входитъ въ резервуары. „Наутилусъ" медленно опускался и остановился на ледяной поверхности, на глубинѣ трехсотъ-пятидесяти метровъ, — глубинѣ, на которой держался нижній ледяной слой.

— Друзья мои, — сказалъ я, — положеніе наше затруднительно, но я разсчитываю на ваше мужество и энергію.

— Господинъ профессоръ, — отвѣчалъ мнѣ канадецъ, — теперь не такое время, чтобъ я сталъ надоѣдать вамъ своими жалобами. Для общаго спасенія я готовъ на все.

— Хорошо, Недъ, — сказалъ я, протягивая канадцу руку.

— Я прибавлю еще, — возразилъ онъ, — что владѣю такъ же хорошо киркой, какъ и острогой, и если могу быть полезнымъ капитану, то онъ можетъ располагать мной.

— Онъ не откажется отъ вашей помощи. Пойдемте, Недъ.

Я проводилъ канадца въ комнату, гдѣ матросы „Наутилуса“ одѣвались въ свои скафандры. Я сказалъ капитану о предложеніи Неда, и оно было принято. Канадецъ надѣлъ на себя свой морской костюмъ и былъ готовъ вмѣстѣ съ своими товарищами по работѣ. Каждый изъ нихъ имѣлъ на спинѣ аппаратъ Рукейроля, котораго резервуары снабжали достаточнымъ запасомъ чистаго воздуха, — значительная, но неизбѣжная затрата запасовъ „Наутилуса“. Что же касается до лампъ Румкорфа, то онѣ были безполезны посреди этихъ сіявшихъ водъ, насыщенныхъ электрическими лучами.

Когда Недъ одѣлся, я вышелъ въ залу, окна которой были открыты, и, помѣстившись рядомъ съ Конселемъ, сталъ смотрѣть на окружающіе слои, поддерживавшіе „Наутилусъ“.

Нѣсколько минутъ спустя мы увидали человѣкъ двадцать изъ людей экипажа, вышедшихъ на ледяной островъ, и между ними Неда Ленда, отличавшагося своимъ высокимъ ростомъ. Капитанъ Немо былъ съ ними.

Не приступая къ прорытію стѣнъ, онъ велѣлъ произвести сверленіе буравомъ, съ цѣлью дать работамъ надлежащее направленіе. Длинные зонды проникли въ боковыя стѣны; но, пройдя пятнадцать метровъ, они все еще задерживались толстой стѣной. Безполезно было начинать съ верхнихъ слоевъ, образовавшихъ потолокъ, потому что это былъ сплошной ледъ, имѣвшій болѣе четырехсотъ метровъ вышины. Тогда капитанъ Немо попробовалъ зондировать нижній слой. Тутъ стѣна въ десять метровъ отдѣляла насъ отъ воды. Такова была толщина ледяного поля. Слѣдовательно, надо было выдолбить глыбу, поверхность которой соотвѣтствовала бы грузовой линіи „Наутилуса“. Такимъ образомъ предстояло отдѣлить около шести тысячъ пятисотъ кубическихъ метровъ, чтобы сдѣлать отверстіе, чрезъ которое мы могли бы спуститься подъ ледяное поле.

Работа тотчасъ же началась и производилась съ неутомимымъ упорствомъ. Вмѣсто того чтобы вырубать вокругъ „Наутилуса“, что могло повести къ большимъ затрудненіямъ, капитанъ Немо велѣлъ очертить огромную яму, въ восьми метрахъ отъ кормовой части по лѣвую сторону судна. Потомъ его люди одновременно сдѣлали винтовые нарѣзы мѣтчикомъ во многихъ мѣстахъ на ея окружности. Люди мужественно работали кирками надъ этою сплошною массой и отдѣляли отъ нея большія глыбы. Вслѣдствіе любопытнаго дѣйствія удѣльнаго вѣса, эти глыбы, менѣе тяжелыя, чѣмъ вода, взлетали, такъ сказать, къ своду тоннеля, который утолщался сверху на столько же, на сколько дѣлался тоньше снизу. Но что было за дѣло до этого, если нижній слой постепенно уменьшался?

Послѣ двухчасовой усердной работы Недъ Лендъ пришелъ утомленный. Онъ и его товарищи были замѣнены новыми работниками, къ которымъ присоединились Консель и я. Подшкиперъ „Наутилуса“ управлялъ нами.

Вода показалась мнѣ особенно холодна; но я быстро согрѣлся, работая киркой. Мои движенія были очень свободны, несмотря на то, что я выдерживалъ давленіе тридцати атмосферъ.

Когда послѣ двухчасовой работы я возвратился, чтобы поѣсть чего-нибудь и отдохнуть, то нашелъ значительную разницу между чистымъ воздухомъ, которымъ меня снабжалъ аппаратъ Рукейроля, и атмосферой „Наутилуса“, уже насытившейся углекислотой. Воздухъ не возобновлялся въ продолженіе сорока-восьми часовъ, и его оживотворяющая сила значительно утратилась. Между тѣмъ въ теченіе двѣнадцати часовъ мы успѣли отколоть только пластъ льда, толщиной въ метръ, на очерченной поверхности, то-есть около шестисотъ кубическихъ метровъ. Предполагая, что столько же будетъ производиться въ каждые двѣнадцать часовъ, все-таки необходимо было пять ночей и четыре дня, чтобы довести это предпріятіе до благополучнаго окончанія.

— Пять ночей и четыре дня, — сказалъ я своимъ товарищамъ, — а нашего запаса воздуха достанетъ только на два дня.

— Не говоря уже о томъ, — возразилъ Недъ, — что, разъ вырвавшись изъ этой проклятой тюрьмы, мы еще будемъ находиться подъ сплошнымъ льдомъ, не имѣя никакого сообщенія съ атмосферой!

Справедливое заключеніе! Какъ предвидѣть минимумъ времени, необходимаго для нашего освобожденія? Мы можемъ задохнуться прежде, нежели „Наутилусъ“ возвратится на поверхность волнъ. Не суждено ли ему со всѣми заключенными въ немъ погибнуть въ этой ледяной могилѣ? Положеніе казалось ужаснымъ. Но каждый смотрѣлъ ему прямо въ лицо, и всѣ рѣшились исполнить свои обязанности до конца.

Ночью, согласно съ моими предположеніями, новый пластъ льда, въ метръ толщиной, былъ вырубленъ изъ этой огромной впадины. Но когда утромъ, одѣтый въ свой скафандръ, я проходилъ въ этой жидкой массѣ, имѣвшей температуру отъ шести до семи градусовъ ниже нуля, я замѣтилъ, что боковыя стѣны мало-по-малу сближались. Слои воды, находившіеся далѣе отъ прорубаемаго отверстія, не согрѣтые работой людей и движеніемъ орудій, казалось, стремились отвердѣть. Въ виду этой новой грозящей опасности, на что могли опереться наши надежды на спасеніе, и какъ отвратить отвердѣніе этой жидкой стихіи, которая можетъ раздавить какъ стекло стѣны „Наутилуса“?

Я не сказалъ объ этой новой опасности своимъ товарищамъ. Къ чему было убивать въ нихъ энергію, которую они выказывали въ трудной работѣ для спасенія судна? Но, вернувшись на бортъ, я обратилъ вниманіе капитана Немо на это важное затрудненіе.

— Я это знаю, — сказалъ онъ мнѣ своимъ спокойнымъ голосомъ, который не измѣнялся и при самыхъ ужасныхъ обстоятельствахъ. — Еще одной опасностью больше, но я не вижу возможности противодѣйствовать ей. Остается только одно средство предупредить отвердѣніе: мы должны опередить его. Вотъ и все.

Опередить его! Пора бы мнѣ было привыкнуть къ подобнымъ выраженіямъ!

Въ этотъ день я упорно работалъ киркой въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ. Эта работа поддерживала меня. Сверхъ того, работать—значило уходить съ „Наутилуса", дышать чистымъ воздухомъ, полученнымъ изъ резервуаровъ и наполнявшимъ аппараты,—значило покидать обѣднѣвшую и испорченную атмосферу.

«...работа началась...» (Стр. 267).

Отверстіе увеличилось еще на одинъ метръ. Вернувшись на бортъ, я чуть не задохнулся отъ углекислоты, которою воздухъ былъ насыщенъ. Ахъ, отчего мы не могли уничтожить химическими способами этотъ вредный газъ! У насъ не было недостатка въ кислородѣ. Вся масса воды содержала его въ значительномъ количествѣ, и, разлагая ее нашими могущественными батареями, мы могли бы возобновить этотъ

животворный газъ. Я объ этомъ много думалъ, но что въ томъ пользы, если выдыхаемая нами углекислота наполнила всѣ части „Наутилуса“? Чтобы нейтрализовать ее, слѣдовало наполнить пріемники ѣдкимъ поташомъ и постоянно приводить ихъ въ движеніе. Но этого вещества не было на кораблѣ и нечѣмъ было его замѣнить.

Въ этотъ вечеръ капитанъ Немо долженъ былъ открыть краны своихъ резервуаровъ и впустить нѣсколько струй чистаго воздуха во внутренность „Наутилуса“. Безъ этой предосторожности мы не проснулись бы.

На другой день, 26-го марта, я опять принялся за ремесло рудокопа, надрѣзывая пятый метръ. Боковыя стѣны и нижняя поверхность сплошного льда видимо утолщались. Очевидно было, что онѣ соединятся, прежде нежели „Наутилусъ“ успѣетъ освободиться. На минуту мной овладѣло отчаяніе. Кирка едва не выпала у меня изъ рукъ. Къ чему работать, если мнѣ суждено погибнуть, быть задушеннымъ, раздавленнымъ водой, превратившеюся въ камень, подвергнуться пыткѣ, которую не могла бы изобрѣсти сама жестокость дикарей? Мнѣ казалось, что я нахожусь въ страшныхъ челюстяхъ чудовища, сдвигавшихся съ непреодолимою силой.

Въ эту минуту капитанъ Немо прошелъ возлѣ меня, управляя работой, работая въ свою очередь. Я дотронулся до его руки и показалъ ему на стѣны нашей тюрьмы. Стѣна съ правой стороны судна приблизилась по крайней мѣрѣ на четыре метра къ корпусу.

Капитанъ понялъ меня и сдѣлалъ мнѣ знакъ слѣдовать за нимъ. Мы вышли на бортъ. Снявъ свой скафандръ, я послѣдовалъ за нимъ въ залу.

— Господинъ Аронаксъ, — сказалъ онъ мнѣ, — надо испытать какое-нибудь геройское средство, или мы будемъ замуравлены въ этой отвердѣвшей водѣ.

— Да, — сказалъ я, — но что дѣлать?

— Ахъ, — вскричалъ онъ, — если бы мой „Наутилусъ“ былъ въ состояніи выдержать это давленіе и не быть раздавленнымъ!

— Ну, что же? — спросилъ я, не понимая мысли капитана.

— Развѣ вы не понимаете, — возразилъ онъ, — что это замерзаніе воды оказало бы намъ помощь? Развѣ вы не видите, что, отвердѣвъ, она разломала бы эти ледяныя поля, заключающія насъ, какъ, замерзая, она разрываетъ самые твердые камни? Развѣ вы не чувствуете, что тогда въ этой силѣ была бы для насъ не гибель, а спасенье?

— Да, капитанъ, можетъ-быть. Но какъ бы ни была велика сила, которою обладаетъ „Наутилусъ“, чтобы сопротивляться натиску, онъ не выдержитъ этого ужаснаго давленія и сплющится какъ желѣзный листъ.

— Я это знаю, господинъ профессоръ. Стало-быть, мы не должны разсчитывать на помощь природы, а на самихъ себя. Надо воспрепятствовать этому отвердѣнію. Надо его задержать. Не только боковыя стѣны сдвигаются, но не остается и десяти футовъ воды спереди и сзади „Наутилуса“. Замерзаніе охватываетъ насъ со всѣхъ сторонъ.

— На сколько времени, — спросилъ я, — достанетъ намъ воздуха резервуаровъ?

Капитанъ посмотрѣлъ мнѣ прямо въ лицо.

— Послѣзавтра, — сказалъ онъ, — резервуары будутъ пусты!

Меня обдало холоднымъ потомъ. И однако въ этомъ отвѣтѣ не было ничего удивительнаго. 22-го марта „Наутилусъ“ погрузился въ свободныя воды полюса. Теперь было уже 26-е.

Пять дней мы жили запасами корабля! А оставшійся годный для дыханія воздухъ нужно было беречь для работниковъ. Теперь, когда я пишу объ этомъ, впечатлѣніе еще такъ живо, что невольный ужасъ овладѣваетъ всѣмъ моимъ существомъ, и моимъ легкимъ какъ будто недостаетъ воздуха.

Между тѣмъ капитанъ Немо размышлялъ, молчаливый и неподвижный. Очевидно, какая-то мысль явилась въ его умѣ. Но онъ, казалось, отталкивалъ ее. Онъ отвѣчалъ самъ себѣ отрицательно. Наконецъ такія слова сорвались съ его губъ:

— Горячая вода! — прошепталъ онъ.

— Горячая вода? — вскричалъ я.

— Да, господинъ профессоръ. Мы заперты въ пространствѣ, относительно ограниченномъ. Развѣ струи горячей воды, постоянно выбрасываемыя насосами „Наутилуса“, не могутъ возвысить температуру этой среды и задержать ея замерзаніе?

— Надо попробовать, — сказалъ я рѣшительно.

— Попробуемъ, господинъ профессоръ.

Термометръ показывалъ тогда менѣе семи градусовъ снаружи. Капитанъ Немо повелъ меня въ кухню, гдѣ дѣйствовали огромные аппараты, назначенные для перегонки воды, доставлявшіе посредствомъ испаренія годную для употребленія воду. Ихъ наполнили водой, и вся электрическая теплота батарей была направлена въ змѣевики, окруженные жидкостью. Черезъ нѣсколько минутъ вода эта достигла температуры ста градусовъ. Ее направляли къ насосамъ, между тѣмъ какъ протоки свѣжей воды замѣняли прежнюю. Теплота, развиваемая электрическими батареями, была настолько сильна, что только пробѣжавъ сквозь аппараты, холодная вода, почерпнутая въ морѣ, поступала въ насосы уже горячею.

Начали выкачивать воду, и черезъ три часа термометръ показывалъ шесть градусовъ ниже нуля. Одинъ градусъ былъ выигранъ. Два часа спустя термометръ показывалъ только четыре градуса.

— Удача, — сказалъ я капитану, прослѣдивъ и провѣривъ многочисленными наблюденіями успѣхи этого процесса.

— Надѣюсь, — отвѣчалъ онъ мнѣ, — мы не будемъ раздавлены. Намъ остается бояться только удушенія.

Ночью температура воды достигла одного градуса ниже нуля. Вспрыскиванье не могло поднять ее ни на одинъ градусъ выше. Но такъ какъ морская вода замерзаетъ не менѣе какъ при двухъ градусахъ, то я наконецъ убѣдился, что отвердѣніе не можетъ намъ грозить опасностью.

На другой день, 27-го марта, шесть метровъ льда было вырублено изъ отверстія. Оставалось пробить только четыре метра. Работы оставалось еще на сорокъ-восемь часовъ. Воздухъ внутри „Наутилуса“ не могъ больше возобновляться. Итакъ въ этотъ день положеніе наше становилось все хуже и хуже.

Нестерпимая тяжесть давила меня. Къ тремъ часамъ вечера это мучительное чувство достигло высшихъ предѣловъ. Челюсти болѣли отъ зѣвоты. Мои легкія трепетали, отыскивая этотъ освѣжающій, необходимый для дыханія токъ, который все болѣе и болѣе разрѣжался. Нравственное оцѣпенѣніе овладѣло мною. Я лежалъ безъ силъ, почти безъ сознанія. Мой честный Консель, одержимый тѣми же симптомами, страдавшій тѣми же страданіями, не покидалъ меня. Онъ взялъ меня за руку, ободрялъ меня, и я еще слышалъ, что онъ шепталъ:

— Ахъ! если бы я могъ не дышать, чтобы оставить больше воздуха для его милости!

Слезы навертывались у меня на глазахъ, когда я слышалъ эти слова.

Но если наше положеніе на кораблѣ было такъ невыносимо для всѣхъ, зато съ какой поспѣшностью, съ какимъ наслажденіемъ мы надѣвали скафандры, чтобы въ свою очередь работать! Удары киркой раздавались по ледяному слою. Руки уставали, кожа на нихъ трескалась; но что значила усталость, что за дѣло было до ранъ! Живительный воздухъ проникалъ въ легкія! Тутъ можно было дышать! Дышать!

Въ этотъ день привычная работа исполнялась еще съ большимъ рвеніемъ. Осталось только вырубить два метра на всей поверхности. Только два метра отдѣляли насъ отъ свободнаго моря. Но въ резервуарахъ почти не было воздуха. Немногое, что оставалось, надо было поберечь для работавшихъ. Для „Наутилуса" же нельзя было удѣлить ни одного атома.

Въ этотъ день — шестой день нашего заточенія — капитанъ Немо, находя, что работа заступомъ и киркой очень медленна, рѣшился раздавить ледяной слой, еще отдѣлявшій насъ отъ водяной поверхности. Этотъ человѣкъ не потерялъ хладнокровія и энергіи. Онъ подчинялъ физическую боль нравственной силѣ. Онъ думалъ, соображалъ и дѣйствовалъ.

По его приказанію судно было облегчено и, вслѣдствіе измѣненія въ удѣльномъ вѣсѣ, приподнялось съ ледяного слоя. Когда оно поплыло, его направили къ пробитой нами огромной впадинѣ, имѣвшей форму его грузовой линіи. Потомъ резервуары наполнили водой, и „Наутилусъ" опустился въ углубленіе. Тогда весь экипажъ вошелъ на бортъ, и двойная дверь заперлась. Итакъ „Наутилусъ" лежалъ на ледяномъ слоѣ въ метръ толщиной, пробитомъ въ тысячѣ мѣстахъ зондами.

Тогда совсѣмъ открыли краны резервуаровъ, и сто кубическихъ метровъ воды устремились туда, увеличивая вѣсъ „Наутилуса" на сто тысячъ килограммовъ.

Мы ждали, слушали, забывая свои страданія и все еще надѣясь. Мы ставили жизнь на эту послѣднюю карту.

Несмотря на шумъ въ моей головѣ, я вскорѣ услыхалъ сотрясеніе подъ кузовомъ „Наутилуса". Преграда подавалась. Ледъ затрещалъ какъ-то особенно, съ шумомъ, похожимъ на тотъ, который происходитъ, когда рвутъ бумагу, и „Наутилусъ" сталъ опускаться.

— Мы проходимъ! — прошепталъ мнѣ на ухо Консель.

Я не могъ ему отвѣчать. Я схватилъ его руку и сжалъ ее въ невольномъ порывѣ.

Вдругъ увлекаемый своимъ ужаснымъ грузомъ, „Наутилусъ" устремился въ воду какъ пушечное ядро, упалъ какъ будто въ пустомъ пространствѣ.

Тогда вся электрическая сила была направлена на насосы, которые тотчасъ же начали выгонять воду изъ резервуаровъ. Черезъ нѣсколько минутъ наше паденіе было задержано. Скоро манометръ сталъ показывать восходящее движеніе. Винтъ, двигаясь со всею скоростью, приводилъ въ содроганіе желѣзный корпусъ до самыхъ его болтовъ и увлекалъ насъ къ сѣверу.

Но долго ли будетъ продолжаться это плаваніе подъ сплошнымъ льдомъ, пока мы, наконецъ, достигнемъ открытаго моря? Еще день? Но я умру раньше!

Полулежа на диванѣ въ библіотекѣ, я задыхался. Лицо мое было фіолетоваго цвѣта, губы посинѣли, силы меня оставили. Я болѣе ничего не видалъ и не слыхалъ. Понятіе о времени исчезло изъ моей памяти. Мускулы мои не могли болѣе сокращаться.

Я не могъ сосчитать проведенные такимъ образомъ часы. Но я сознавалъ начинавшуюся со мной агонію. Я понималъ, что умираю...

Вдругъ я пришелъ въ себя. Въ мои легкія проникло нѣсколько глотковъ воздуха. Не поднялись ли мы на поверхность волнъ? Не миновали ли мы сплошной ледъ?

Нѣтъ! Это Недъ и Консель, мои преданные друзья, жертвовали собой, чтобы спасти меня. Небольшое количество воздуха оставалось еще на днѣ одного аппарата. Вмѣсто того чтобы дышать имъ, они сохранили его для меня и, задыхаясь сами, вливали въ меня жизнь капля по каплѣ. Я хотѣлъ оттолкнуть аппаратъ, но они удержали мои руки, и въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ я дышалъ съ наслажденіемъ.

Я взглянулъ на часы. Было одиннадцать часовъ утра. Наступило уже 28-е марта. „Наутилусъ" шелъ съ ужасающею быстротой сорока миль въ часъ. Онъ крутился въ водахъ.

Гдѣ былъ капитанъ Немо? Не погибъ ли онъ? Не умерли ли съ нимъ его товарищи?

Въ эту минуту манометръ показалъ, что мы находились на разстояніи не болѣе двадцати футовъ отъ поверхности. Простое ледяное поле отдѣляло насъ отъ нея. Нельзя ли пробить его?

Можетъ-быть. Во всякомъ случаѣ, „Наутилусъ" долженъ былъ испытать это средство. Въ самомъ дѣлѣ, я почувствовалъ, что онъ принимаетъ наклонное положеніе, опуская корму и поднимая бивень. Достаточно было впустить нѣсколько воды въ резервуары, чтобы нарушить его равновѣсіе. Потомъ, увлекаемый своимъ могучимъ винтомъ, онъ устремился на ледяное поле снизу, какъ ужасный таранъ. Онъ пробивалъ его мало-по-малу, удалялся, возвращался вновь со всею быстротой къ полю, которое прорывалось, и, наконецъ, увлеченный сильнымъ порывомъ, онъ пробилъ его и вынырнулъ на ледяную поверхность.

Подъемныя двери были открыты или, вѣрнѣе сказать, вырваны, и струи чистаго воздуха проникли во всѣ части „Наутилуса".

ГЛАВА XVII.

Отъ мыса Горна до Амазонки.

Какъ я очутился на платформѣ, не знаю. Можетъ-быть, канадецъ перенесъ меня туда. Но я не дышалъ, а глоталъ живительный морской воздухъ. Подлѣ меня оба мои товарища упивались его освѣжающими струями. Несчастные, которые были долго лишены пищи, не должны опрометчиво бросаться на первое попавшееся кушанье. Мы же, напротивъ, не имѣли надобности воздерживаться и могли полной грудью вдыхать въ себя струи воздуха, которыя морской вѣтеръ приносилъ намъ, вливая въ насъ какое-то сладостное упоенiе.

— Ахъ, какъ хорошъ кислородъ! — сказалъ Консель. — Пусть его милость дышитъ, не стѣсняясь, — его здѣсь достанетъ на всѣхъ.

Что касается Неда Ленда, онъ не говорилъ, но такъ открывалъ свои челюсти, что могъ бы испугать акулу. И съ какой силой онъ вдыхалъ воздухъ! Онъ тянулъ его какъ жарко разгорѣвшаяся печка.

Наши силы быстро возвратились, и, оглядѣвшись кругомъ, я увидалъ, что мы были одни на платформѣ. Ни одного человѣка изъ экипажа. Не было даже капитана Немо. Странные люди „Наутилуса" довольствовались воздухомъ, распространявшимся внутри его. Никто изъ нихъ не пришелъ насладиться чистой атмосферой.

Первыя слова, произнесенныя мной, были изъявленiемъ горячей благодарности обоимъ моимъ товарищамъ. Недъ и Консель поддерживали мое существованiе въ продолженiе послѣднихъ часовъ этой долгой агонiи. Всей моей признательности было мало, чтобы заплатить имъ за эту преданность.

— Хорошо,—господинъ профессоръ,—отвѣчалъ мнѣ Недъ Лендъ,— объ этомъ не стоитъ и говорить! Въ чемъ наша заслуга? Ни въ чемъ. Это былъ просто математическiй расчетъ. Ваша жизнь дороже нашей. Стало-быть, ее надо было беречь.

— Нѣтъ, Недъ, она не дороже вашей. Никто не можетъ быть выше великодушнаго и добраго человѣка, а вы — таковы!

— Хорошо, хорошо! — повторялъ смущенный канадецъ.

— А ты, мой честный Консель, ты много страдалъ?

— По правдѣ сказать, — не слишкомъ много. Мнѣ, правда, недоставало нѣсколькихъ глотковъ воздуха, но я думаю, что я могъ бы привыкнуть къ этому. Кромѣ того я видѣлъ, что вы лишились чувствъ, и это отнимало у меня всякое желанiе дышать. У меня, какъ говорится, духъ занимался....

Консель, смущенный тѣмъ, что впалъ въ банальность, не докончилъ.

— Друзья мои, — отвѣчалъ я, сильно взволнованный, — мы связаны другъ съ другомъ навсегда, и вы имѣете на меня права...

— Которыми я и воспользуюсь, — возразилъ канадецъ.

— Что? — сказалъ Консель.

— Да, — возразилъ Недъ Лендъ, — правомъ увлечь васъ за собой, когда покину этотъ адскiй „Наутилусъ".

— Въ самомъ дѣлѣ, — сказалъ Конседь, — но идемъ ли мы куда слѣдуетъ?

— Да, — отвѣчалъ я, — потому что мы идемъ къ солнцу, а здѣсь солнце на сѣверѣ.

— Безъ сомнѣнія, — возразилъ Недъ Лендъ. — Остается узнать, гдѣ мы находимся: въ Тихомъ океанѣ или въ Атлантическомъ, то-есть въ посѣщаемыхъ или въ пустынныхъ моряхъ.

Я не могъ рѣшить этого и опасался, что капитанъ Немо скорѣе поведетъ насъ въ обширный океанъ, омывающій берега Азіи и Америки. Онъ закончилъ бы такимъ образомъ свое кругосвѣтное подводное путешествіе и возвратился бы въ моря, гдѣ „Наутилусъ“ можетъ считать себя внѣ опасности. Но къ чему послужатъ проекты Неда Ленда, если мы вернемся въ Тихій океанъ, лежащій далеко отъ всякой обитаемой земли?

Черезъ нѣсколько времени мы могли рѣшить этотъ важный вопросъ. „Наутилусъ“ шелъ быстро. Мы скоро миновали полярный кругъ и направились къ мысу Горну. 31 марта, въ семь часовъ вечера, мы находились противъ южной оконечности Америки.

Тогда всѣ наши прежнія страданія были забыты. Воспоминаніе о нашемъ заточеніи во льдахъ постепенно изглаживалось въ нашей памяти. Мы думали только о будущемъ. Капитанъ Немо не показывался болѣе ни въ залѣ ни на платформѣ. Подшкиперъ каждый день отмѣчалъ мѣсто судна на картѣ, что и позволяло мнѣ съ точностью опредѣлять направленіе „Наутилуса“. Въ этотъ вечеръ, къ моему величайшему удовольствію, мнѣ стало ясно, что мы возвращаемся къ сѣверу черезъ Атлантическій океанъ.

Я сообщилъ канадцу и Конселю о результатѣ моихъ наблюденій.

— Хорошая новость, — отвѣчалъ канадецъ, — но куда идетъ „Наутилусъ“?

— Не знаю, Недъ.

— Не хочетъ ли капитанъ, побывавъ у южнаго полюса, итти къ сѣверному и возвратиться въ Тихій океанъ знаменитымъ сѣверо-западнымъ проходомъ?

— Нельзя поручиться, что это не придетъ ему въ голову, — отвѣчалъ Консель.

— Ну, что же, — сказалъ канадецъ: — только мы сначала уйдемъ изъ его общества.

— Во всякомъ случаѣ, — прибавилъ Консель, — капитанъ Немо — молодецъ, и мы не будемъ жалѣть, что узнали его.

— Особенно когда съ нимъ разстанемся, — возразилъ Недъ Лендъ.

На другой день, 1-го апрѣля, когда, за нѣсколько минутъ до полудня, „Наутилусъ“ возвратился на поверхность, мы увидали на западѣ берегъ. Это была Огненная Земля. Она состоитъ изъ большого скопленія островоовъ, простирающихся на тридцать миль въ длину и на восемьдесятъ миль въ ширину. Берегъ показался мнѣ низменнымъ, но вдали поднимались высокія горы. Мнѣ даже казалось, что я могу различить гору Сарміенто, возвышающуюся на двѣ тысячи семьдесятъ метровъ надъ уровнемъ моря, пирамидальную сланцевую массу, съ очень острой вершиной, которая, судя по тому, покрыта ли она облаками или

нѣтъ, „предвѣщаетъ хорошую или дурную погоду“, — сказалъ мнѣ Недъ Лендъ.

— Славный барометръ, мой другъ.

— Да, господинъ профессоръ, барометръ, который устроенъ самой природой и который никогда меня не обманывалъ, когда мнѣ случалось проходить въ проходахъ Магелланова пролива.

Въ этотъ моментъ мы замѣтили вершину Сарміенто, рельефно обрисовавшуюся на небосклонѣ. Это предсказывало хорошую погоду, и предсказаніе дѣйствительно оправдалось.

„Наутилусъ“ погрузился въ воду и приблизился къ берегу, но держался его на разстояніи нѣсколькихъ миль. Въ окно залы можно было видѣть длинныя ліаны и гигантскія водоросли, — тѣ самыя грушевидныя водоросли, нѣсколько экземпляровъ которыхъ мы замѣтили въ свободномъ морѣ около полюса. Вмѣстѣ со своими гладкими и липкими волокнами онѣ имѣли до трехсотъ метровъ длины. Будучи толще дюйма и очень крѣпкія, онѣ часто служатъ вмѣсто кабельтовыхъ для судовъ. Другая трава, извѣстная натуралистамъ подъ названіемъ *velp*, съ длинными листьями въ четыре фута, залѣпленными коралловыми осадками, покрывала дно. Эта трава служитъ убѣжищемъ и пищей миріадамъ ракообразныхъ животныхъ и моллюсковъ, а также краббамъ и каракатицамъ. Здѣсь тюлени и выдры пользуются великолѣпнымъ столомъ, слѣдуя обычаю англичанъ, соединяющихъ рыбъ съ морскими овощами.

„Наутилусъ“ чрезвычайно быстро пронесся надъ этимъ плодоносным и кишащимъ разнообразными животными дномъ.

Къ вечеру мы приблизились къ архипелагу Малуинскихъ острововъ, суровыя вершины которыхъ мнѣ удалось разсмотрѣть только на другой день. Глубина моря здѣсь была средняя. Я полагаю, что эти два острова, окруженные цѣлымъ архипелагомъ небольшихъ острововъ, составляли когда-то часть одного материка. Вѣроятно, Малуинскіе острова были открыты знаменитымъ Джономъ Девисомъ и въ честь его названы южными Девисовыми островами. Позже Ричардъ Гаукинсъ назвалъ ихъ „Дѣвичьими островами“. Затѣмъ, въ началѣ XVIII вѣка, рыбаки изъ Сенъ-Мало дали имъ названіе Малуинскихъ, а потомъ англичане, которымъ они принадлежатъ въ настоящее время, наименовали ихъ Фолькландскими островами.

Тутъ наши сѣти вытащили нѣсколько экземпляровъ водорослей и одинъ видъ *фукуса*, между корнями котораго нашлись чрезвычайно вкусныя ракушки. Гуси и утки цѣлыми десятками падали на платформу „Наутилуса“ и составили пріятное разнообразіе въ нашемъ столѣ. Изъ рыбъ съ особеннымъ интересомъ я наблюдалъ костистыхъ, принадлежащихъ къ роду *gobius*, въ два дециметра длиной, украшенныхъ бѣловатыми и желтоватыми пятнами.

Я имѣлъ случай также полюбоваться многочисленными *медузами* и прекрасными *хризаорами*, находящимися преимущественно въ этихъ моряхъ. Онѣ представлялись то въ видѣ полусферическаго гладкаго зонтика, съ темнокрасными полосами, оканчивающагося двѣнадцатью правильными фестонами, то имѣли видъ корзинки, изъ которой граціозно выходили широкіе листья и длинныя красныя вѣтки. Онѣ плыли, тихонько передвигая своими четырьмя листовидными лопастями, причемъ роскошныя пряди ихъ щупальцевъ развѣвались по теченію. Мнѣ

очень хотѣлось сохранить нѣсколько экземпляровъ этихъ нѣжныхъ зоофитовъ, но они лопались и испарялись, точно мыльные пузыри, при малѣйшемъ къ нимъ прикосновеніи.

Лишь только послѣднія высоты Фолькландскихъ острововъ спрятались за горизонтомъ, „Наутилусъ" снова погрузился въ воду и держался на глубинѣ отъ двадцати до двадцати-пяти метровъ, направляясь вдоль американскихъ береговъ. Капитана Немо не было видно.

До 3-го апрѣля мы не удалялись отъ Патагоніи, то плавая въ волнахъ океана, то на его поверхности. „Наутилусъ" миновалъ широкій лиманъ, образуемый устьемъ Ла-Платы, и 4-го апрѣля находился на траверсѣ отъ Урагвая, но въ пятидесяти миляхъ отъ него, въ открытомъ морѣ. Онъ направлялся къ сѣверу и огибалъ длинныя извилины берега Южной Америки. Мы уже сдѣлали шестнадцать тысячъ лье со дня нашего отплытія изъ японскихъ морей.

Къ одиннадцати часамъ утра мы пересѣкли тропикъ Козерога на тридцать-седьмомъ меридіанѣ и прошли широту мыса Фріо. Капитанъ Немо, къ великому неудовольствію Неда Ленда, очевидно избѣгалъ сосѣдства населенныхъ береговъ Бразиліи, потому что онъ шелъ съ невѣроятною скоростію. Ни одна рыба, ни одна птица, какъ бы онѣ ни были быстры, не могли слѣдовать за нами, и естественныя примѣчательности этихъ морей ускользали отъ всякаго наблюденія.

Съ такою быстротой мы шли въ продолженіе нѣсколькихъ дней и вечеромъ 9-го апрѣля увидѣли самую восточную оконечность Южной Америки, образуемую мысомъ Санъ-Рокъ. Но тутъ „Наутилусъ" снова удалился отъ берега и, достигнувъ болѣе значительной глубины, пошелъ подводною долиной, которая находится между этимъ мысомъ и Сіерро-Леоне на африканскомъ берегу. Долина эта раздваивается на высотѣ Антильскихъ острововъ и оканчивается къ сѣверу огромнымъ углубленіемъ въ девять тысячъ метровъ.

Въ продолженіе двухъ дней „Наутилусъ", погрузившійся съ помощью своихъ наклонныхъ плоскостей, посѣщалъ эти пустынныя и глубокія воды. 11-го апрѣля онъ вдругъ поднялся, и предъ нимъ снова появилась земля, при впаденіи Амазонки, образующей большой лиманъ; количество воды, вливаемой ею въ океанъ, такъ велико, что морская вода становится прѣсною на протяженіи нѣсколькихъ миль.

Мы пересѣкли экваторъ. Въ двадцати миляхъ къ западу лежала Гвіана, французская земля, гдѣ мы могли легко найти убѣжище. Но вѣтеръ дулъ съ большой силой, и бѣшеныя волны не позволяли отваживаться въ море въ простой лодкѣ. Безъ сомнѣнія, Недъ Лендъ понималъ это, потому что онъ ничего мнѣ не говорилъ. Я же, съ своей стороны, не намекалъ ему о намѣреніи бѣжать, потому что не хотѣлъ натолкнуть его на попытку, которая, безъ сомнѣнія, не могла бы имѣть успѣха.

Что касается меня, то я былъ вполнѣ вознагражденъ за это замедленіе множествомъ интересныхъ изслѣдованій.

Въ продолженіе двухъ дней, 11-го и 12-го апрѣля, „Наутилусъ" держался на поверхности моря, и его сѣти постоянно доставляли ему интересную добычу, состоявшую изъ зоофитовъ, рыбъ и пресмыкающихся.

Нѣкоторые зоофиты были оторваны отъ морского дна цѣпью сѣти. По большей части это были восхитительныя *фиктамминіи*, принадлежащія къ семейству *актиній*, и среди другихъ видовъ — *phictalis protexta*, обыкновенный въ этой части океана маленькій цилиндрической формы стволъ, украшенный вертикальными линіями, испещренный красными точками и увѣнчанный красиво распускающимися щупальцами. Что же касается моллюсковъ, то они состояли изъ видовъ, видѣнныхъ уже много раньше: *turritella, oliva purpuria* съ ровно пересѣченными линіями, рыжеватыя пятна которыхъ ярко выступали на общемъ фонѣ тѣлеснаго цвѣта; *pterocera*, видомъ своимъ походившія на окаменѣлыхъ скорпіоновъ; *hualea translucida, argonauta, корокатицы*, отличающіяся превосходнымъ вкусомъ, и нѣсколько видовъ *кальмаровъ*, причисляемыхъ древними натуралистами къ породѣ летучихъ рыбъ и служащихъ, главнымъ образомъ, приманкою для ловли трески.

Я увидалъ различные виды рыбъ, свойственныхъ этимъ водамъ; ранѣе я былъ лишенъ возможности ихъ изучить. Между хрящеватыми: *petromizon-pricka*, родъ угрей въ пятнадцать дюймовъ длиной, съ зеленоватаго цвѣта головой, фіолетовыми плавниками, сѣро-голубоватой спиной, темно-серебристымъ животомъ, усѣяннымъ яркими пятнами, и глазами, окаймленными радужно-золотистою оболочкою; эти интересныя животныя были, вѣроятно, занесены сюда теченіемъ Амазонки, въ которой они обитаютъ; *raja tuberculata*, съ острой мордой, тонкимъ и длиннымъ хвостомъ, вооруженныя продолговатымъ зазубреннымъ шипомъ; небольшія акулы, въ метръ длиною, съ сѣрой и бѣловатой кожей, съ зубами, расположенными въ нѣсколько рядовъ и загибающимися назадъ; *lophius vespertilio*, красноватые равнобедренные треугольники, въ полметра длиной, грудные плавники которыхъ держатся на мясистыхъ удлиненіяхъ, что дѣлаетъ ихъ похожими на *нетопырей*, и только роговидный наростъ, находящійся у нихъ около ноздрей, заставилъ назвать ихъ „морскими единорогами“. Далѣе нѣсколько видовъ *рогоносовъ*, бока которыхъ покрыты сверкающими золотистыми точками.

Заканчивая этотъ нѣсколько суховатый перечень наблюдаемыхъ мною морскихъ обитателей, не могу обойти молчаніемъ одинъ куріозный случай, жертвою котораго сдѣлался знаменитый классификаторъ рыбъ, мой добрый Консель, — случай, надолго оставшійся у него въ памяти.

Дѣло въ томъ, что въ наши сѣти попался одинъ экземпляръ *ската* очень смѣшного и страннаго вида. Онъ былъ совершенно круглый, и если у него отрѣзать хвостъ, то онъ представлялъ бы собою настоящій дискъ. Это удивительное животное вѣсило болѣе двадцати килограммовъ и имѣло бѣлую спину и красноватое брюхо, съ большими круглыми темноголубыми пятнами, окруженными черной каймой, гладкую кожу и двухлопастный плавникъ. Лежа на платформѣ „Наутилуса“, животное сильно билось, стараясь перевернуться и соскочить въ море, и успѣло бы исполнить свое намѣреніе, если бы не Консель. Любознательный классификаторъ, ни за что не желавшій упустить такую интересную рыбу, бросился къ ней и, прежде чѣмъ я успѣлъ остановить его, схватилъ ее обѣими руками.

Но, едва дотронувшись до ската, онъ тотчасъ же вскрикнулъ и опрокинулся на спину; половина тѣла его была парализована.

— Сударь, сударь! помогите, ради Бога! — закричалъ онъ прерывающимся отъ страха голосомъ.

Въ первый разъ еще я услыхалъ, какъ онъ обращался ко мнѣ не въ третьемъ лицѣ.

При помощи Неда Ленда я поднялъ его, и мы принялись энергично растирать его. Придя немного въ себя и получивъ способность сознанія, ярый классификаторъ прошепталъ:

— Классъ хрящеватыхъ, порядокъ *chondropterygea* съ неподвижными жабрами, разрядъ *clachia*, семейство скатовъ, видъ гнюсъ!

— Совершенно вѣрно, мой другъ, — сказалъ я, — это гнюсъ, или электрическій скатъ, и одинъ изъ самыхъ опасныхъ, прикосновеніе къ которому причинило тебѣ такое страданіе.

— Ахъ, если бъ ихъ милость знали, что я чувствовалъ! — воскликнулъ Консель. — Но я отомщу этому подлому животному.

— Какимъ же образомъ?

— Съѣмъ его!

Въ этотъ же день, вечеромъ, онъ исполнилъ это, но только ради мщенія, потому что, сказать по правдѣ, мясо ската было очень жестко и невкусно.

Неосторожный Консель наткнулся на самый опасный и интересный видъ электрическаго ската. Это ужасное животное, будучи въ водѣ, — средѣ, служащей такимъ хорошимъ проводникомъ электричества, — нерѣдко поражаетъ рыбъ и другихъ животныхъ на разстояніи даже нѣсколькихъ метровъ: такъ значительна сила его электрическаго органа, двѣ главныя поверхности котораго имѣютъ двадцать-семь квадратныхъ футовъ. Я зналъ объ этомъ феноменѣ и раньше, а случай съ бѣднымъ Конселемъ далъ мнѣ возможность вполнѣ убѣдиться въ справедливости описаній натуралистовъ и разсказовъ очевидцевъ относительно электрической силы, которою надѣлена эта порода скатовъ.

На слѣдующій день, 12-го апрѣля, „Наутилусъ“ приблизился къ голландскому берегу, около устья Марони. Здѣсь мы замѣтили нѣсколько группъ *ламантиновъ*, жившихъ въ этихъ мѣстахъ цѣлымъ семействомъ. Ламантинъ — хорошее животное, кроткое и совершенно безвредное — бываетъ длиною отъ шести до семи метровъ и вѣситъ отъ трехъ до четырехъ тысячъ килограммовъ. Я сообщилъ своимъ спутникамъ объ интересной предусмотрительности природы, назначившей этимъ млекопитающимъ довольно важную роль. Подобно тюленямъ, они пасутся на подводныхъ лугахъ и постоянно уничтожаютъ излишекъ травъ, которыя могутъ засорить устья тропическихъ рѣкъ.

— Ихъ много уничтожается, такъ что они со временемъ, пожалуй, совсѣмъ переведутся, — замѣтилъ Недъ Лендъ.

— Да, — сказалъ я. — И знаете ли, что произошло съ тѣхъ поръ, какъ люди почти совершенно уничтожили этихъ полезныхъ животныхъ? Гнилыя травы заражаютъ воздухъ, а испорченный воздухъ — главный источникъ желтой лихорадки, опустошающей эти чудныя мѣста. Ядовитыя растенія такъ размножились въ моряхъ жаркаго пояса, что зло это непреодолимо и распространяется отъ устья Ріо де-ла-Платы до Флориды!

— Человѣкъ по своей алчности много уничтожаетъ полезнаго, — глубокомысленно проговорилъ Консель.

— Да, мой другъ,— согласился я.— И если вѣрить Туссенелю, это несчастье ничто въ сравненіи съ тѣмъ, которое ожидаетъ нашихъ потомковъ, когда въ моряхъ будутъ истреблены всѣ млекопитающія: киты, тюлени, моржи, ламантины и пр. Тогда моря, загроможденныя осьминогами, медузами, кальмарами, сдѣлаются громадными источниками заразы, потому что морскія воды не будутъ уже болѣе служить убѣжищемъ „огромнымъ желудкамъ, которымъ Творецъ предназначилъ собирать дань въ моряхъ и уничтожать вредныхъ животныхъ“.

Несмотря на эту мою проповѣдь, мы все-таки не преминули овладѣть полдюжиною ламантиновъ для пополненія запасовъ хорошаго мяса, а мясо этихъ животныхъ лучше говядины и телятины. Такъ и многое бываетъ на свѣтѣ: на словахъ одно, а на дѣлѣ другое!

Охоту на ламантиновъ описывать не стоитъ: она была не особенно интересна и кончилась тѣмъ, что получилось нѣсколько тысячъ килограммовъ превосходнаго мяса, которое и было сложено для сушки на борту „Наутилуса“.

Кромѣ сказанной охоты, въ этотъ день удалась и рыбная ловля, которая еще болѣе увеличила запасы „Наутилуса“. Это море изобиловало „дичью“, и въ наши сѣти попало нѣсколько рыбъ, голова которыхъ оканчивалась овальными щитами съ мясистыми краями. Это были такъ называемыя *прилипалы,* принадлежащія къ третьему семейству мягкоперыхъ рыбъ. Плоскій щитъ ихъ состоитъ изъ хрящевыхъ поперечныхъ подвижныхъ пластинокъ, между которыми у животнаго находится пустое пространство, и оно, вытягивая воздухъ, можетъ прилипать къ разнымъ предметамъ, подобно кровососнымъ банкамъ.

По окончаніи ловли „Наутилусъ“ подошелъ къ берегу, около котораго много морскихъ черепахъ спали на поверхности воды. Овладѣть этими драгоцѣнными пресмыкающимися очень трудно, потому что малѣйшій шумъ сейчасъ же привлекаетъ ихъ вниманіе, а твердый верхній щитъ животныхъ совершенно непроницаемъ для остроги, даже брошенной искусною и сильною рукою Неда Ленда. Вотъ тутъ-то прилипалы и могли оказать намъ помощь въ пріобрѣтеніи этой добычи и дать намъ возможность полюбоваться ловкостью, точностью и быстротою своихъ движеній. И дѣйствительно, это животное — настоящій крючокъ, и никакая удочка не можетъ сравниться съ нимъ. Оно способно привести въ самый дикій восторгъ каждаго любителя рыбной ловли, пробавляющагося простой удочкой.

Матросы „Наутилуса“, вынувъ прилипалъ изъ сѣтей, надѣли имъ на хвосты по кольцу, настолько широкому, чтобы не стѣснять движеній рыбы, а къ этимъ кольцамъ прикрѣпили длинныя бечевки, привязавъ ихъ другимъ концомъ къ борту судна, и затѣмъ выбросили рыбъ въ море.

Прилипалы, попавъ въ воду, сейчасъ же принялись за дѣло. Онѣ быстро направились къ черепахамъ, никакъ не ожидавшимъ такого внезапнаго нападенія и не успѣвшимъ, по своей неповоротливости, спастись бѣгствомъ. Прилипалы моментально пристали къ черепахамъ, и такъ плотно, что скорѣе дали бы себя растерзать, нежели выпустить добычу. Ихъ вытащили на бортъ вмѣстѣ съ прилипшими къ нимъ черепахами. Зрѣлище это было такъ интересно, что мы все время не могли оторвать отъ него глазъ.

Такимъ способомъ выловили нѣсколькихъ *какуанъ* шириною въ метръ, вѣсившихъ до двухсотъ килограммовъ. Ихъ верхній щитъ, покрытый большими роговыми пластинками каштановаго цвѣта, тонкими и прозрачными, съ бѣлыми и желтыми пятнами, придавалъ имъ большую

«...это былъ осьминогъ колоссальныхъ размѣровъ...» (Стр. 287).

цѣнность. Кромѣ того, онѣ были не малоцѣнны и съ кулинарной точки зрѣнія: многимъ извѣстно, какимъ отличается вкусомъ супъ изъ черепахъ.

Этой интересной ловлей закончилось наше недолгое пребываніе близъ Амазонки. Передъ вечеромъ „Наутилусъ“ снова возвратился въ открытое море и направился далѣе къ сѣверу.

ГЛАВА XVIII.

Осьминоги.

Въ продолженіе нѣсколькихъ дней „Наутилусъ“ постоянно удалялся отъ американскаго берега. Онъ избѣгалъ, очевидно, Мексиканскаго залива и моря, омывающаго Антильскіе острова. Однако причиной этого не могло быть мелководье, потому что средняя глубина этихъ морей равняется тысячѣ восьмистамъ метрамъ; но, по всей вѣроятности, эта часть океана, усѣянная островами и оживляемая движеніемъ пароходовъ, не нравилась капитану Немо.

16-го апрѣля, на разстояніи почти тридцати миль, мы увидали Мартинику и Гваделупу. Я одно мгновеніе различалъ поднимавшіяся вершины ихъ горъ.

Канадецъ, надѣявшійся въ заливѣ привести въ исполненіе свои планы — или достигнуть земли или причалить къ одному изъ многочисленныхъ судовъ, переплывающихъ отъ одного острова къ другому, былъ очень недоволенъ. Мы могли бы легко убѣжать, если бы канадцу удалось безъ вѣдома капитана овладѣть шлюпкой. Но въ открытомъ океанѣ объ этомъ нечего было и думать.

Канадецъ, Консель и я имѣли по этому поводу очень продолжительный разговоръ. Уже цѣлыхъ шесть мѣсяцевъ мы были плѣнниками на бортѣ „Наутилуса“. Мы уже сдѣлали семнадцать тысячъ лье, и, какъ говорилъ Недъ Лендъ, не было основанія предполагать, что плаваніе наше когда-либо кончится. Поэтому онъ рѣшился сдѣлать мнѣ предложеніе, котораго я никакъ не могъ ожидать. Онъ посовѣтовалъ мнѣ спросить безъ обиняковъ капитана Немо, разсчитываетъ ли онъ держать насъ вѣчно на своемъ кораблѣ.

Подобная попытка мнѣ не нравилась. По моему мнѣнію, она не могла имѣть успѣха. Мы должны были разсчитывать не на капитана „Наутилуса“, а только на самихъ себя. Притомъ же съ нѣкотораго времени человѣкъ этотъ сдѣлался мрачнѣе, сосредоточеннѣе и становился все менѣе сообщительнымъ. Онъ, казалось, избѣгалъ меня. Я встрѣчалъ его весьмо рѣдко. Прежде онъ охотно объяснялъ мнѣ подводныя чудеса, теперь же предоставлялъ меня моимъ занятіямъ и болѣе не появлялся въ залѣ.

Что за перемѣна произошла въ немъ? Какая этому причина? Можетъ-быть, наше присутствіе на его суднѣ ему надоѣло, и онъ сталъ тяготиться нами? Это невѣроятно, потому что мы пользовались попрежнему полной свободой, конечно относительной, такъ какъ пребываніе наше на „Наутилусѣ“ все-таки было равносильно заключенію, напримѣръ, въ крѣпости съ правомъ гулять по крѣпостному двору. Не обратиться ли мнѣ и въ самомъ дѣлѣ къ этому загадочному человѣку съ просьбою отпустить насъ на свободу, высадивъ на какой-нибудь островъ, хотя бы и необитаемый? Но врядъ ли онъ исполнитъ эту просьбу. Я не могъ представить себѣ, чтобы подобный человѣкъ захотѣлъ измѣнить своему слову и согласился возвратить намъ свободу. Такимъ образомъ, если

эта попытка окажется неудачной, то, пожалуй, разсердитъ его, ухудшитъ наше положеніе и окончательно повредитъ планамъ Неда Ленда. При этомъ прибавлю, что мы не могли даже сослаться на плохое состояніе нашего здоровья. Если не считать тяжелаго испытанія, которому мы подвергались около южнаго полюса, когда были заперты во льдахъ, мы никогда въ жизни не чувствовали себя такъ хорошо, какъ теперь. Здоровая атмосфера, превосходная питательная пища, правильная жизнь, равномѣрная температура, постоянно поддерживаемая внутри судна, — все это не могло не дѣйствовать очень благопріятно на наши организмы. Я хорошо понималъ, что такое существованіе вполнѣ возможно для людей, порвавшихъ всякую связь съ землей и не оставившихъ на ней ничего, что манило бы ихъ снова туда. Здѣсь капитанъ Немо всюду у себя дома; идетъ куда хочетъ, не подчиняется никакимъ человѣческимъ законамъ и можетъ безконтрольно стремиться къ извѣстной только ему одному цѣли, — цѣли, которую я тщетно пытаюсь все время разгадать. Но мы — дѣло другое; мы не разорвали своихъ связей съ землей и людьми, и я вовсе не желалъ бы похоронить вмѣстѣ съ собою всѣ интересныя наблюденія, сдѣланныя мною во время плаванія на „Наутилусѣ". Теперь я имѣю полное право издать любопытное сочиненіе о морѣ и его обитателяхъ, и страстно желалъ бы, чтобы это сочиненіе вышло въ свѣтъ какъ можно скорѣе. Я посвятилъ лучшую часть своей жизни наукѣ и человѣчеству и хотѣлъ бы умереть, служа имъ по мѣрѣ силъ моихъ.

И теперь вотъ, проходя по водамъ, омывающимъ Антильскіе острова, въ десяти метрахъ ниже уровня океана, сколько я вижу интересныхъ экземпляровъ, о которыхъ могъ бы повѣдать міру!

Среди множества животнорастеній здѣсь встрѣчались *галеры*, извѣстныя подъ названіемъ *physalia pelagica;* это — форма большихъ продолговатыхъ пузырей съ перламутровымъ отливомъ, распускающихъ по вѣтру свою перепонку и спускающихъ въ воду голубоватые щупальцы, точно шелковыя нити; *медузы*, очень красивыя съ виду, но жгущіяся какъ крапива и выдѣляющія ѣдкую жидкость, когда до нихъ дотрогиваются. Между членистыми здѣсь были *аннелиды*, метра въ полтора длиной, вооруженные розоватымъ хоботомъ и снабженные тысячью семьюстами двигательными органами. Извиваясь въ волнахъ точно змѣи, они сверкали всѣми цвѣтами солнечнаго спектра, когда проходили мимо насъ.

Въ отдѣлѣ рыбъ здѣсь были огромные *скаты*, длиной въ десять футовъ и вѣсомъ въ шестьсотъ фунтовъ, съ треугольнымъ груднымъ плавникомъ, немного выпуклою посрединѣ спиной и глазами, находящимися на оконечностяхъ передней стороны головы. Плывя, они имѣли видъ остатковъ разбитаго корабля и приставали по временамъ такъ плотно къ нашему стеклу, точно ставни. Были и *balistes americanus*, которыхъ природа нарядила только въ два цвѣта — бѣлый и черный; длинные и мясистые *gobius*, съ желтыми плавниками и выдающеюся челюстью; *корифены*, длиною въ шестнадцать дециметровъ, съ короткими и острыми зубами, покрытыя небольшими чешуйками; затѣмъ цѣлыя стаи *краснобородокъ* (*mullus surmuletus*), съ головы до хвоста перетянутыхъ золотыми полосками и колеблющихъ своими сіяющими плавниками; эти интересныя животныя имѣли видъ художественно испол-

ненныхъ игрушекъ; они въ древности были посвящены Діанѣ и считались самымъ изысканнымъ блюдомъ у богатыхъ римлянъ; въ память ихъ даже была сложена слѣдующая пословица: „Не тотъ ихъ ѣстъ, кто ловитъ“. И въ довершеніе, *pomacanthus auratus*, одѣтые точно въ бархатъ и шелкъ и украшенные изумрудными полосками, проходили передъ нашими восхищенными взорами подобно вельможамъ Веронеза; *красные сиги*, съ ихъ острымъ груднымъ плавникомъ, которымъ они, казалось, разсѣкали поверхность моря, и серебристыя *селены*, вполнѣ достойныя своего имени, показываясь на горизонтѣ водъ, сіяли точно луны въ бѣловатыхъ лучахъ.

А сколько бы еще другихъ удивительныхъ экземпляровъ пришлось мнѣ наблюдать, если бы „Наутилусъ“ мало-по-малу не погрузился въ глубокіе слои! Наклонныя плоскости увлекли его на глубину отъ двухъ до трехъ тысячъ пятисотъ метровъ. Здѣсь представителями животной жизни явились лишь *морскія звѣзды*, хорошенькія *pentacrinus caput medusae*, прямой стебель которыхъ поддерживаетъ маленькую чашечку, да нѣсколько моллюсковъ порядочныхъ размѣровъ.

20-го апрѣля мы поднялись среднимъ числомъ на полторы тысячи метровъ. Ближайшая земля была архипелагъ Лукайскихъ острововъ, словно намощенный на поверхности водъ. Тамъ поднимались высокія подводныя скалы, отвѣсныя стѣны, состоящія изъ вытершихся обломковъ, расположенныхъ широкими основаніями, между которыми вдавались черныя разсѣлины, до дна коихъ не могли проникнуть наши электрическіе лучи.

Было около одиннадцати часовъ, когда Недъ Лендъ обратилъ мое вниманіе на значительное движеніе, происходившее между большими водорослями.

— Да, — сказалъ я, — это настоящія пещеры осьминоговъ, и я не удивился бы, увидавъ здѣсь нѣсколько этихъ чудовищъ.

— Какъ, — сказалъ Консель, — кальмаровъ, простыхъ кальмаровъ, изъ класса головоногихъ?

— Нѣтъ, — отвѣчалъ я, — осьминоговъ большихъ размѣровъ. Но, кажется, другъ Лендъ ошибается: я больше ничего не вижу.

— Очень жаль, — возразилъ Консель. — Я желалъ бы встрѣтить лицомъ къ лицу одного изъ тѣхъ осьминоговъ, о которыхъ такъ много наслышался, и которые могутъ увлекать на дно моря цѣлые корабли. Эти животныя называются краке...

— Кракъ — и довольно! — отвѣчалъ насмѣшливо канадецъ.

— Кракенами, — возразилъ Консель, договаривая слово и не обращая вниманія на шутку своего товарища.

— Никогда я не повѣрю, — сказалъ Недъ Лендъ, — что подобныя животныя существуютъ.

— Отчего же нѣтъ? — отвѣчалъ Консель. — Вѣдь вѣрили же мы въ нарвала его милости.

— Мы ошиблись, Консель.

— Безъ сомнѣнія; но другіе вѣрятъ въ него и до сихъ поръ.

— Очень возможно, Консель; но я, съ своей стороны, твердо рѣшился не вѣрить въ существованіе этихъ чудовищъ, пока мнѣ не удастся собственноручно анатомировать хоть одно изъ нихъ.

— Слѣдовательно, — спросилъ у меня Консель, — его милость не вѣритъ, что существуютъ огромные осьминоги?

— Да кто же, чортъ возьми, когда-нибудь вѣрилъ этому! — закричалъ канадецъ.

— Очень многіе, другъ Недъ.

— Только не рыболовы. Быть-можетъ — ученые.

— Извините, Недъ, и рыболовы и ученые.

— Но я, я самъ, — сказалъ Консель съ самымъ серіознымъ видомъ, — я отлично помню, что своими глазами видѣлъ большое судно, увлеченное въ волны такимъ головоногимъ.

— Вы это видѣли? — спросилъ канадецъ.

— Да, Недъ.

— Собственными глазами?

— Собственными.

— Гдѣ, скажите, пожалуйста?

— Въ Санъ-Мало, — продолжалъ невозмутимый Консель.

— Въ гавани? — сказалъ насмѣшливо Недъ Лендъ.

— Нѣтъ, въ церкви, — отвѣчалъ Консель.

— Въ церкви?—воскликнулъ канадецъ.

— Да, другъ Недъ. Это была картина, представлявшая осьминога.

— Хорошо! — замѣтилъ Недъ, разразившись смѣхомъ. — Консель дурачитъ меня.

— Нѣтъ, онъ правъ, — замѣтилъ я. — Мнѣ тоже пришлось слышать объ этой картинѣ. Содержаніе ея заимствовано изъ одной старинной народной легенды, а вы знаете, друзья мои, какое значеніе имѣютъ народныя легенды въ естественной исторіи. При этомъ нужно замѣтить, что воображеніе особенно разыгрывается, когда дѣло идетъ о какихъ-нибудь чудовищахъ. Не только утверждали, что осьминогъ можетъ увлечь на дно моря корабль, но нѣкто Олаусъ Магнусъ пресеріозно разсказываетъ объ одномъ подобномъ чудовищѣ, длиною въ цѣлую милю, которое болѣе походило на островъ, нежели на животное. Существуетъ также разсказъ, что будто бы однажды епископъ нидросскій поставилъ временный алтарь на огромной скалѣ и сталъ служить обѣдню. Когда служба кончилась, скала вдругъ сдвинулась съ мѣста и погрузилась въ море; оказалось, что это былъ осьминогъ.

— И это все? — спросилъ канадецъ.

— Нѣтъ. Епископъ Понтоппидамъ изъ Бергема тоже разсказываетъ объ одномъ осьминогѣ, на которомъ свободно могъ маневрировать цѣлый кавалерійскій полкъ.

— И это недурно! — сказалъ Консель.

— Ну, и языкъ же былъ у этихъ епископовъ! — закричалъ канадецъ. — Любили, повидимому, прихвастнуть покойники, нечего сказать!

— Но и это еще не все, — продолжалъ я. — Древніе натуралисты упоминаютъ о чудовищахъ, пасть которыхъ была величиною съ большой заливъ, и которыя были такъ громадны, что не могли пройти чрезъ Гибралтарскій проливъ.

— Ну, и натуралисты тоже были хороши! — засмѣялся Недъ Лендъ.

— Но что же правдиваго во всѣхъ этихъ разсказахъ? — спросилъ внимательно слушавшій Консель.

— Да ровно ничего, друзья мои. Наука ничего подобнаго до сихъ поръ не знаетъ. Все, что переходитъ за предѣлы вѣроятнаго, для нея становится басней или поэтической легендой. Тѣмъ не менѣе, я долженъ сказать, что воображенію разсказчиковъ все-таки необходимъ какой-нибудь предлогъ. Наука не сомнѣвается въ существованіи осьминоговъ и кальмаровъ очень и очень крупныхъ размѣровъ, хотя, конечно, они все-таки меньше китовъ. Аристотель, — одинъ изъ лучшихъ древнихъ натуралистовъ, которому слѣдуетъ довѣрять больше другихъ, — утверждаетъ, что есть кальмары величиною въ пять локтей, то-есть болѣе трехъ метровъ. Наши рыбаки иногда встрѣчаютъ этихъ чудовищъ, величина которыхъ достигаетъ двухъ метровъ. Въ музеяхъ Тріеста и Монпелье сохраняются скелеты осьминоговъ въ два метра длиной. По вычисленію же натуралистовъ, подобное животное, имѣющее только шесть футовъ, должно быть снабжено щупальцами въ двадцать-семь футовъ длиною. Ужъ одного этого достаточно, чтобы оно было страшнымъ чудовищемъ.

— А ихъ ловятъ когда-нибудь? — спросилъ Недъ.

— Если не ловятъ, то часто видятъ. Одинъ изъ моихъ друзей, капитанъ Павелъ Босъ изъ Гавра, говорилъ мнѣ, что онъ однажды встрѣтилъ въ индійскихъ моряхъ одного изъ этихъ громадныхъ чудовищъ. Но самый интересный фактъ, послѣ котораго нельзя уже подвергать сомнѣнію существованіе этихъ страшныхъ животныхъ, случился нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

— А что такое? — съ живостью спросили оба слушателя.

— А вотъ что, — отвѣчалъ я. — Въ 1861 году, къ сѣверо-востоку отъ Тенерифа, почти на той широтѣ, гдѣ мы теперь находимся, экипажъ судна „Алеотонъ“ увидѣлъ плывшее недалеко отъ него чудовище. Командиръ судна г. Буге приблизился къ животному и напалъ на него, атакуя острогами и выстрѣлами, что однако не имѣло успѣха, потому что и пули и остроги проникали въ эту мягкую массу какъ въ простое желе. Послѣ многихъ безплодныхъ попытокъ экипажу удалось накинуть петлю на тѣло животнаго. Узелъ петли съѣхалъ до хвостового плавника и остановился на немъ. Пытались встащить чудовище на бортъ, но тяжесть его была такъ значительна, что отъ напряженія веревки хвостъ его оторвался, и, лишенный этого украшенія, онъ исчезъ въ волнахъ.

— Вотъ это фактъ, — сказалъ Недъ.

— Фактъ, не подлежащій сомнѣнію, мой храбрый Недъ. И поэтому предложили назвать этого осьминогаго кальмаромъ Буге.

— А какъ онъ былъ великъ? — спросилъ канадецъ.

— Не имѣлъ ли онъ около шести метровъ? — сказалъ Консель, который, помѣстившись у окна, снова разсматривалъ неровности и углубленія въ скалахъ.

— Именно, — отвѣчалъ я.

— Голова его, — продолжалъ Консель, — была увѣнчана восемью щупалами, колебавшимися въ водѣ какъ гнѣздо змѣй?

— Совершенно вѣрно.

— Глаза его, находившіеся на верху головы, отличались значительнымъ развитіемъ?

— Да, Консель.

— А пасть его напоминала настоящій клювъ попугая, но клювъ ужасный?

— Въ самомъ дѣлѣ, Консель.

— Ну, такъ съ позволенія его милости, — спокойно отвѣчалъ Консель, — если это не самъ кальмаръ Буге, то по крайней мѣрѣ одинъ изъ его братьевъ.

Я смотрѣлъ на Конселя. Недъ Лендъ бросился къ окну.

— Ужасное животное! — вскричалъ онъ.

Я взглянулъ въ свою очередь и не могъ подавить чувства отвращенія. Предъ моими глазами двигалось страшное чудовище. Это былъ кальмаръ колоссальныхъ размѣровъ, имѣвшій восемь метровъ въ длину. Онъ съ необыкновенною быстротой подвигался задомъ по направленію къ „Наутилусу". Онъ смотрѣлъ своими огромными, неподвижными сѣро-зелеными глазами. Его восемь рукъ или, скорѣе, ногъ, начинавшихся на головѣ, — что и заставило назвать этихъ животныхъ головоногими,— были вдвое длиннѣе всего его тѣла и корчились какъ волосы фурій. Ясно были видны всѣ двѣсти-шестьдесятъ присосковъ, расположенныхъ на внутренней сторонѣ щупальцевъ въ видѣ полусферическихъ мѣшечковъ. По временамъ эти присоски приставали къ стеклу окна, вытягивая воздухъ. Пасть этого чудовища — роговой клювъ, устроенный какъ клювъ попугая — открывалась и закрывалась вертикально. Его языкъ, тоже изъ рогового вещества и тоже вооруженный нѣсколькими рядами острыхъ зубовъ, высовывался изъ этихъ клещей. Какой капризъ природы! Птичій клювъ у моллюска! Его тѣло, веретенообразное и вздувшееся въ средней части, составляло мясистую массу, которая должна была вѣсить отъ двадцати-пяти тысячъ килограммовъ. Цвѣтъ его измѣнялся и переходилъ, смотря по раздраженію животнаго, чрезвычайно быстро чрезъ всѣ оттѣнки, начиная отъ синевато-сѣраго до коричнево-красноватаго.

Что раздражало этого моллюска? Безъ сомнѣнія — присутствіе „Наутилуса", который былъ больше его и которому не могли причинить вреда его сосущія руки и его челюсти. И однако, что за чудовища эти спруты, какою живучестью одарилъ ихъ Творецъ, сколько силы въ ихъ движеніяхъ, такъ какъ они имѣютъ три сердца!

Случай доставилъ намъ возможность увидать этого кальмара, и я не хотѣлъ упустить его, не изучивъ тщательно этого экземпляра головоногихъ. Я преодолѣлъ отвращеніе, которое онъ внушалъ мнѣ, и, взявши карандашъ, принялся рисовать его.

— Это, быть-можетъ, тотъ же самый, котораго видѣлъ „Алеотонъ",— замѣтилъ Консель.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ канадецъ, — этотъ цѣлый, а у того нѣтъ хвоста!

— Это еще ничего не доказываетъ, — отвѣчалъ я. — Ноги и хвостъ этого животнаго снова возстановляются, и въ семь лѣтъ хвостъ кальмара Буге безъ сомнѣнія имѣлъ время вырасти.

— Впрочемъ, — возразилъ Недъ, — если кальмаръ Буге не этотъ самый, то, можетъ-быть, который-нибудь изъ тѣхъ.

И въ самомъ дѣлѣ, у стекла съ правой стороны показались другіе спруты. Я насчиталъ ихъ семь. Они сопровождали „Наутилусъ", и я

слышалъ, какъ ихъ клювы скрипѣли по желѣзной обшивкѣ. Судьба баловала насъ.

Я продолжалъ свое занятіе. Чудовища держались возлѣ насъ съ такимъ упорствомъ, что казались неподвижными, и я могъ бы скопировать ихъ въ меньшемъ размѣрѣ на стеклѣ. Впрочемъ, мы шли не очень скоро.

Вдругъ „Наутилусъ" остановился. Ударъ заставилъ его содрогнуться всѣмъ корпусомъ.

— Мы сѣли на мель? — спросилъ я.

— Во всякомъ случаѣ, мы уже снялись съ нея, — отвѣчалъ канадецъ, — потому что мы движемся.

Безъ сомнѣнія, „Наутилусъ" двигался, но онъ не шелъ. Лопасти его винта не разсѣкали болѣе волнъ. Прошла минута. Капитанъ Немо, сопровождаемый своимъ помощникомъ, вошелъ въ залу.

Я не видалъ его нѣсколько времени. Мнѣ показалось, что онъ мраченъ. Не говоря намъ ни слова, быть-можетъ даже не замѣчая насъ, онъ подошелъ къ окнамъ, взглянулъ на спрутовъ и сказалъ нѣсколько словъ своему помощнику. Послѣдній вышелъ. Скоро ставни задвинулись. Потолокъ освѣтился. Я подошелъ къ капитану.

— Любопытная коллекція спрутовъ, — началъ я развязнымъ тономъ, съ какимъ говорилъ бы любитель предъ прозрачнымъ стекломъ акваріума.

— Да, господинъ натуралистъ, — отвѣчалъ онъ, — и мы вступимъ съ ними въ рукопашный бой.

Я смотрѣлъ на капитана. Я думалъ, что не хорошо разслышалъ.

— Въ рукопашный бой? — спросилъ я.

— Да. Винтъ остановленъ. Я думаю, что роговая челюсть одного изъ этихъ кальмаровъ попала между его лопастями. Это мѣшаетъ намъ итти.

— Что же вы сдѣлаете?

— Поднимусь на поверхность и перебью всѣхъ этихъ гадинъ.

— Это трудно.

— Правда. Электрическія пули безсильны противъ этихъ рыхлыхъ массъ, въ которыхъ онѣ не находятъ достаточно сопротивленія, чтобы разорваться. Но мы нападемъ на нихъ съ топорами.

— И съ острогами, капитанъ, — сказалъ канадецъ, — если вы не откажетесь отъ моей помощи.

— Я принимаю ее, господинъ Лендъ.

— Мы пойдемъ съ вами, — сказалъ я, и, слѣдуя за капитаномъ Немо, мы направились къ средней лѣстницѣ.

Тамъ человѣкъ десять людей, вооруженныхъ абордажными топорами, стояли готовые къ нападенію. Мы съ Конселемъ взяли по топору. Недъ Лендъ схватилъ острогу. „Наутилусъ" возвратился на поверхность волнъ. Одинъ изъ моряковъ, стоявшій на верхней ступенькѣ, отвинчивалъ болты подъемной двери. Но едва гайки освободились, какъ дверь поднялась съ поразительной силой, очевидно отворенная присоскомъ ноги спрута.

Тотчасъ одна изъ этихъ длинныхъ ногъ проскользнула какъ змѣя въ отверстіе, а двадцать другихъ заколебались надъ нею. Ударомъ топора капитанъ Немо отрубилъ это страшное щупало, и оно, корчась, скатилось по ступенямъ.

Въ то время какъ мы тѣснились одни за другими, чтобы взобраться на платформу, двѣ другія ноги, свистнувъ въ воздухѣ, упали на матроса, стоявшаго предъ капитаномъ Немо, и съ страшною силой подняли его.

Капитанъ Немо вскрикнулъ и бросился впередъ. Мы устремились за нимъ.

Какое зрѣлище! Несчастный, обхваченный щупальцемъ и удерживаемый присосками, качался въ воздухѣ, кричалъ, задыхаясь: „Ко мнѣ! ко мнѣ!“ Слова эти, *произнесенныя по-французски,* повергли меня въ глубочайшее изумленіе. Такъ на бортѣ былъ мой соотечественникъ, быть-можетъ нѣсколько! Этотъ раздирающій душу призывъ! Я буду слышать его всю жизнь!

Несчастный погибалъ. Кто могъ освободить его изъ этихъ страшныхъ объятій? Однако капитанъ Немо устремился на спрута и ударомъ топора отрубилъ ему еще одну ногу. Помощникъ его яростно боролся съ другими чудовищами, всползавшими по бокамъ корабля. Экипажъ дрался топорами. Канадецъ, Консель и я погружали топоры въ эти мясистыя тѣла. Сильный запахъ мускуса распространился въ атмосферѣ... Ужасно!

Одну минуту я думалъ, что несчастный, обхваченный спрутомъ, будетъ избавленъ отъ страшныхъ присосковъ. Изъ восьми ногъ семь были отрублены. Только одна, поднимавшая жертву и потрясавшая ею какъ перышкомъ, корчилась въ воздухѣ. Но въ то мгновеніе, какъ капитанъ Немо и его помощникъ бросились къ нему, животное выпустило столбъ черноватой жидкости, выдѣляемой мѣшкомъ, находящимся у него въ брюхѣ. Насъ ослѣпило. Когда это облако разсѣялось, кальмаръ уже исчезъ — и съ нимъ вмѣстѣ мой несчастный соотечественникъ.

Съ какимъ бѣшенствомъ бросились мы тогда на этихъ чудовищъ! Мы не владѣли больше собой.

Десять или двѣнадцать спрутовъ взобрались на платформу и на бока „Наутилуса“. Мы въ безпорядкѣ двигались посреди этихъ обрубковъ змѣй, которыя содрогались на платформѣ въ потокахъ крови и чернилъ. Казалось, что эти скользкія щупалы возрождались какъ головы гидры. При каждомъ ударѣ острога Неда Ленда погружалась въ сѣрозеленые глаза чудовищъ и прокалывала ихъ. Но мой смѣлый товарищъ былъ неожиданно опрокинутъ щупальцами одного чудовища, отъ котораго онъ не успѣлъ увернуться.

О, какъ мое сердце не разорвалось отъ волненія и ужаса! Ужасная пасть кальмара раскрылась надъ Недомъ Ленд омъ. Несчастный былъ бы разрѣзанъ пополамъ. Я устремился къ нему на помощь, но капитанъ Немо опередилъ меня. Его топоръ исчезъ между огромными челюстями спрута, и, спасенный чудеснымъ образомъ, канадецъ поднялся и вонзилъ свою острогу до самаго сердца осьминога.

Бой этотъ длился четверть часа. Чудовища, побѣжденныя, изувѣченныя, избитыя, оставили поле битвы и исчезли подъ волнами.

Покрытый кровью, капитанъ Немо стоялъ неподвижно возлѣ маяка; онъ смотрѣлъ на море, поглотившее одного изъ его спутниковъ, и крупныя слезы струились изъ его глазъ.

ГЛАВА XIX.

Гольфштромъ.

Никто изъ насъ не забудетъ никогда ужасной сцены 20-го апрѣля. Я описалъ ее подъ впечатлѣніемъ сильнаго волненія. Послѣ я перечиталъ мой разсказъ, я прочелъ его Конселю и канадцу. Они нашли его точнымъ относительно фактовъ, но лишеннымъ надлежащаго эффекта.

Я сказалъ, что капитанъ Немо смотрѣлъ на море и плакалъ. Его печаль была безпредѣльна. Со дня нашего прибытія на корабль онъ терялъ уже второго товарища. И какая смерть! Этотъ другъ, раздавленный, задушенный, уничтоженный страшными объятіями осьминога, растертый его желѣзными челюстями, не будетъ вмѣстѣ со своими товарищами покоиться въ тихихъ водахъ коралловаго кладбища!

Капитанъ Немо ушелъ въ свою комнату, и я нѣсколько времени не видѣлъ его. Но какъ была велика его печаль, его отчаяніе и нерѣшимость, можно судить по его кораблю, душой котораго онъ былъ и на которомъ отражались всѣ его впечатлѣнія. „Наутилусъ“ не держался болѣе опредѣленнаго направленія. Онъ какъ трупъ носился взадъ и впередъ по произволу волнъ. Винтъ его былъ свободенъ, и однако онъ почти не служилъ ему. Онъ плылъ наудачу. Онъ не могъ оставить мѣста послѣдней борьбы, не могъ разстаться съ моремъ, которое поглотило одного изъ его обитателей. Такъ прошло десять дней, и только 1-го мая „Наутилусъ“ опять смѣло направился къ сѣверу. Теперь мы плыли по теченію одной изъ самыхъ большихъ рѣкъ моря, которая имѣетъ свои берега, рыбъ и свою собственную температуру. Я говорю о Гольфштромѣ.

Это дѣйствительно рѣка, свободно протекающая посреди Атлантическаго океана, и воды которой не смѣшиваются съ водами океана. Вода этой рѣки соленая, гораздо солонѣе окружающаго ея моря. Средняя глубина ея — три тысячи футовъ, а средняя ея ширина — шестьдесятъ миль. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ она течетъ со скоростью четырехъ километровъ въ часъ. Неизмѣняемая масса ея водъ гораздо значительнѣе водяной массы всѣхъ рѣкъ земного шара.

Самый источникъ Гольфштрома, указанный капитаномъ Мори, или, точнѣе, мѣсто, гдѣ это знаменитое теченіе беретъ свое начало, находится въ Бискайскомъ заливѣ, въ которомъ начинаютъ собираться его воды, и гдѣ цвѣтъ и температура ихъ еще не установились. Теченіе спускается къ югу, идетъ около экваторіальной Африки, согрѣваетъ въ жаркомъ поясѣ свои воды, пересѣкаетъ Атлантическій океанъ, доходитъ до мыса Санъ-Рока въ Бразиліи и здѣсь раздѣляется на два рукава; одинъ изъ нихъ идетъ къ сѣверу, соединившись съ горячими водами Антильскаго моря. Отсюда Гольфштромъ, прямое назначеніе котораго — возстановить равновѣсіе въ температурахъ и смѣшать южныя воды съ сѣверными, — начинаетъ свое уравновѣшивающее вліяніе. Нагрѣтый въ Мексиканскомъ заливѣ, онъ начинаетъ подниматься къ сѣ-

веру и, омывая американскіе берега, достигаетъ до Новой Земли, гдѣ, гонимый холодными водами Девисова пролива, уклоняется съ своего пути и снова проходитъ по океану, слѣдуя косвенной линіей. Затѣмъ, подъ сорокъ-третьимъ градусомъ раздѣляется на два рукава, одинъ изъ которыхъ, повинуясь сѣверо-восточному пассатному вѣтру, возвра-

«...«Наутилусъ» приближался къ области смерчей...» (Стр. 293)

щается обратно къ Бискайскому заливу и Азорскимъ островамъ, а другой, согрѣвъ берега Ирландіи и Норвегіи, доходитъ дальше Шпицбергена, гдѣ его температура постепенно понижается до 4°, и образуетъ свободное море сѣвернаго полюса.

По этому-то знаменитому теченію и плылъ „Наутилусъ" къ неизвѣстной для насъ цѣли. По выходѣ изъ Багамскаго канала, на протя-

женіи четырнадцати миль ширины и трехсотъ-пятидесяти метровъ глубины, теченіе Гольфштрома доходитъ до восьми километровъ въ часъ. По мѣрѣ же приближенія къ сѣверу, эта быстрота постепенно и равномѣрно уменьшается, и очень хорошо, что эта правильность такъ постоянна, потому что иначе, какъ уже не разъ было замѣчено нѣкоторыми учеными, если быстрота и направленіе Гольфштрома измѣнятся, то прибрежный европейскій климатъ подвергнется такимъ перемѣнамъ, послѣдствія которыхъ трудно перечислить.

Въ полдень мы съ Конселемъ были на платформѣ, и я сообщилъ ему вышеприведенныя подробности о Гольфштромѣ. По окончаніи своихъ объясненій, я предложилъ ему опустить руку въ воду.

Консель сейчасъ же исполнилъ это и очень удивился, что рука его не испытываетъ никакого ощущенія — ни тепла ни холода.

— Странно! — проговорилъ онъ, вынимая руку изъ воды: — я не чувствовалъ ровно ничего, когда моя рука была въ водѣ, какъ будто я и не опускалъ ея туда.

— Это потому, — сказалъ я ему, — что температура водъ Гольфштрома, по выходѣ его изъ Мексиканскаго залива, почти не отличается отъ температуры человѣческой крови. Это теченіе — огромный источникъ теплоты, отъ дѣйствія которой берега южной Европы покрыты вѣчной зеленью. Если вѣрить вычисленіямъ Мори, вся сумма теплоты, находящейся въ Гольфштромѣ, доставила бы столько тепла,что цѣлая рѣка изъ желѣза, величиною съ Амазонку или Миссури, была бы постоянно въ расплавленномъ состояніи. Вѣрно это или нѣтъ, но Гольфштромъ во всякомъ случаѣ является настоящимъ благодѣтелемъ для Европы.

Во время нашей бесѣды быстрота теченія Гельфштрома достигала до двухъ съ четвертью метровъ въ секунду. Теченіе это такъ отличается отъ окружающаго его моря, что его теплыя воды, сжатыя послѣднимъ, точно берегами, какъ бы выступаютъ надъ уровнемъ океана и поднимаются надъ его холодными водами. Сравнительно темныя и очень богатыя солеными частицами воды Гольфштрома рѣзко отличаются своимъ чистымъ синимъ цвѣтомъ отъ окружающихъ ихъ зеленыхъ водъ океана. Ихъ демаркаціонная линія видна такъ ясно, что близъ Каролинскихъ острововъ отлично можно было видѣть, какъ носъ „Наутилуса“ разсѣкалъ уже воды Гольфштрома, а его винтъ находился еще въ волнахъ океана.

Въ этой „морской рѣкѣ“ обиталъ цѣлый міръ живыхъ существъ, увлекаемыхъ теченіемъ. *Аргонавты,* обитатели Средиземнаго моря, плавали тутъ многочисленными стаями. Среди хрящеватыхъ рыбъ самыя замѣчательныя были *скаты,* тонкіе хвосты которыхъ составляли почти треть всего ихъ тѣла и напоминали своимъ видомъ громадные косоугольники въ двадцать-пять футовъ длиной; затѣмъ небольшія *акулы,* длиною въ метръ, съ большой головой, короткимъ и круглымъ рыломъ и острыми зубами, расположенными въ нѣсколько рядовъ; тѣло акулъ, казалось, было покрыто чешуей.

Между костистыми я наблюдалъ *губановъ,* обитающихъ въ этихъ моряхъ; *спаровъ-отшельниковъ,* горѣвшихъ точно огонь; *сціенъ,* длиною въ метръ, съ широкою пастью, наполненною небольшими зубами, издававшихъ легкіе крики; *centronatus niger,* о которыхъ я говорилъ раньше;

голубыхъ *корифенъ,* украшенныхъ золотомъ и серебромъ, — настоящихъ морскихъ перловъ, могущихъ соперничать красотою своихъ цвѣтовъ съ самыми красивыми птицами тропическаго пояса; блѣдныхъ *колбней* съ ихъ треугольными головами; голубоватыхъ *кособоковъ* (родъ камбалы), лишенныхъ чешуи; *batrachoïdei* съ желтой поперечною полосою, изображающею греческое τ; цѣлыя стада *gobius bos,* усѣянныхъ темными пятнами; *перозубовъ* съ серебристою головою и желтымъ хвостомъ; различные экземпляры *семги, mugilomorus,* тонкіе и длинные, блестѣвшіе самыми нѣжными цвѣтами; рыбу эту Лесепедъ посвятилъ любимой подругѣ своей жизни; наконецъ, прекрасную рыбу, *chaetodon,* украшенную самою природою всевозможными знаками отличія, орденами и лентами, и часто посѣщающую берега этой націи, которая не имѣетъ пристрастья къ орденамъ и лентамъ.

Нахожу нужнымъ прибавить, для полнаго понятія ѳ Гольфштромѣ, что ночью фосфорическія воды его соперничали своимъ чуднымъ блескомъ съ электрическимъ свѣтомъ „Наутилуса“, особенно во время грозы, повторявшейся довольно часто.

По этой-то рѣкѣ океана плылъ „Наутилусъ“. По выходѣ изъ Багамскаго канала, на протяженіи четырнадцати миль ширины и трехсотъ-пятидесяти метровъ глубины, Гольфштромъ течетъ со скоростью восьми километровъ въ часъ. По мѣрѣ приближенія къ сѣверу, быстрота эта постепенно и равномѣрно уменьшается, и надо желать, чтобъ эта правильность была постоянна, потому что, какъ уже было замѣчено нѣкоторыми, если его быстрота и направленіе измѣнятся, то европейскій климатъ подвергнется такимъ пертурбаціямъ, послѣдствія которыхъ невозможно исчислить.

8-го мая мы еще находились наискось отъ мыса Гаттерасъ, близъ Сѣверной Каролины. Здѣсь ширина Гольфштрома—семьдесятъ-пять миль, а глубина — двѣсти-десять метровъ. „Наутилусъ“ попрежнему плылъ наудачу. Казалось, что всякій надзоръ былъ изгнанъ съ корабля. Я долженъ былъ согласиться, что при подобныхъ условіяхъ попытка бѣжать могла увѣнчаться успѣхомъ. Въ самомъ дѣлѣ, населенные берега представляли повсюду удобное убѣжище. Многочисленные пароходы, которые ходятъ между Нью-Йоркомъ или Бостономъ и Мексиканскимъ заливомъ, постоянно бороздили море, день и ночь его пересѣкали маленькія нагруженныя шкуны, плававшія въ различныхъ пунктахъ вдоль американскаго берега. Мы могли надѣяться, что насъ примутъ на нихъ. Итакъ намъ представлялся удобный случай, несмотря на тридцать миль, отдѣлявшихъ „Наутилусъ“ отъ береговъ Союза.

Но одно непріятное обстоятельство совершенно разстраивало планы канадца. Погода была очень дурна. Мы приблизились къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ бури бываютъ очень часто, къ области смерчей и циклоновъ, порождаемыхъ теченіемъ Гольфштрома. Пуститься въ море, часто волнуемое бурями, въ лодкѣ — значитъ итти на вѣрную гибель. Самъ Недъ Лендъ соглашался съ этимъ. Онъ скрывалъ свою досаду, но имъ овладѣла страшная тоска по родинѣ, отъ которой только одно бѣгство могло излѣчить его.

— Господинъ профессоръ, — сказалъ онъ мнѣ въ этотъ день, — пора кончить это. Я хочу выяснить дѣло. Вашъ Немо удаляется отъ земли и возвращается къ сѣверу. Но я вамъ объявляю, что съ меня

довольно и южнаго полюса, и я не хочу слѣдовать за нимъ къ сѣверному.

— Что дѣлать, Недъ, въ настоящее время бѣгство невозможно.

— Я возвращусь къ моей прежней мысли. Надо поговорить съ капитаномъ. Вы ничего не говорили ему, когда мы были въ моряхъ вашей родины. Теперь же мы находимся въ моряхъ моей родины, и я буду говорить. Когда я думаю, что черезъ нѣсколько дней „Наутилусъ“ будетъ близъ Новой-Шотландіи и что тамъ, около Новой-Земли, открывается большой заливъ, а въ этотъ заливъ впадаетъ рѣка Святого Лаврентія, моя собственная рѣка, — рѣка, протекающая въ Квебекѣ, моемъ родномъ городѣ, — когда я думаю объ этомъ, кровь бросается мнѣ въ лицо, волоса поднимаются на головѣ. Мной овладѣваетъ бѣшенство. Слушайте, господинъ профессоръ, я скорѣе брошусь въ море! Я не останусь здѣсь! Я здѣсь задыхаюсь!

Терпѣніе канадца, очевидно, истощилось. Его подвижная натура никакъ не могла освоиться съ такимъ продолжительнымъ заточеніемъ, полнымъ бездѣйствіемъ и сравнительной неподвижностью. Лицо китолова съ каждымъ днемъ становилось тревожнѣе и угрюмѣе, характеръ дѣлался все мрачнѣе и мрачнѣе. Я чувствовалъ, какъ онъ долженъ страдать, потому что и мною уже стала овладѣвать тоска по родинѣ. Около семи мѣсяцевъ уже прошло съ тѣхъ поръ, какъ мы покинули землю. Кромѣ того, загадочное поведеніе капитана Немо, его одиночество, перемѣна въ характерѣ, сдѣлавшаяся особенно замѣтною послѣ нашей битвы съ осьминогами, наконецъ его молчаливость при рѣдкихъ встрѣчахъ, — все это стало представлять мнѣ вещи въ совершенно другомъ видѣ. Я уже пересталъ испытывать тотъ энтузіазмъ, который чувствовалъ въ началѣ этого плаванія. Нужно быть истиннымъ фламандцемъ, подобно Конселю, чтобы мириться съ этой жизнью въ средѣ, населенной только китами и прочими морскими обитателями. И дѣйствительно, если бы этотъ добрый малый, вмѣсто легкихъ, имѣлъ жабры, то онъ, я полагаю, былъ бы отличною рыбою и вполнѣ удовольствовался бы своимъ положеніемъ.

— Ну, что же, господинъ профессоръ? — съ нетерпѣніемъ спросилъ Недъ Лендъ, видя, что я медлю отвѣтомъ.

— Итакъ, Недъ, вы хотите, чтобъ я спросилъ капитана Немо, какія у него намѣренія относительно насъ?

— Да, господинъ профессоръ.

— Хотя онъ уже и высказалъ намъ это?

— Да. Я хочу въ послѣдній разъ слышать что-нибудь опредѣленное. Если хотите, говорите только обо мнѣ одномъ, отъ моего имени.

— Но я его рѣдко встрѣчаю. Онъ даже избѣгаетъ меня.

— Тѣмъ болѣе причинъ итти къ нему.

— Я его спрошу, Недъ.

— Когда? — спросилъ настойчиво канадецъ.

— Когда встрѣчусь съ нимъ.

— Господинъ Аронаксъ, хотите ли вы, чтобъ я шелъ къ нему самъ?

— Нѣтъ, предоставьте мнѣ. Завтра...

— Сегодня, — сказалъ Недъ Лендъ.

— Пусть будетъ такъ. Сегодня я его увижу, — отвѣчалъ я канадцу, который, вѣроятно, испортилъ бы дѣло, если бы сталъ дѣйствовать самъ.

Я вошелъ въ свою комнату. Оттуда я слышалъ шаги въ каютѣ капитана Немо. Не надо было упускать этого случая видѣться съ нимъ. Я постучалъ въ его дверь, но не получилъ отвѣта. Я опять постучалъ и повернулъ ручку. Дверь отворилась.

Капитанъ былъ тамъ. Нагнувшись надъ своимъ рабочимъ столомъ, онъ не слыхалъ, какъ я вошелъ. Рѣшившись не уходить, не поговоривъ съ нимъ, я приблизился къ нему. Онъ быстро поднялъ голову, нахмурилъ брови и сказалъ мнѣ довольно грубо:

— Вы здѣсь! Что вамъ нужно?

— Я хотѣлъ говорить съ вами, капитанъ.

— Но я занятъ, господинъ профессоръ, я работаю. Я предоставляю вамъ свободу уединяться, но развѣ я, съ своей стороны, не могу ею пользоваться?

Пріемъ былъ неодобрительный. Но я рѣшился все выслушать, чтобы на все отвѣчать.

— Капитанъ, — сказалъ я холодно, — мнѣ надо говорить съ вами о дѣлѣ, которое не терпитъ отсрочки.

— О какомъ, господинъ профессоръ? — насмѣшливо отвѣчалъ онъ. — Не сдѣлали ли вы какого-нибудь открытія, которое ускользнуло отъ моего вниманія? Не открыло ли вамъ море новыхъ тайнъ?

Мы далеко не понимали другъ друга. Но, прежде чѣмъ я успѣлъ отвѣтить, онъ сказалъ мнѣ болѣе серьезнымъ тономъ, показывая на рукопись, лежавшую на столѣ.

— Вотъ, господинъ Аронаксъ, рукопись, написанная на нѣсколькихъ языкахъ. Она заключаетъ въ себѣ перечень моихъ изслѣдованій моря, и, если Богу будетъ угодно, она не погибнетъ вмѣстѣ со мною. Эта рукопись, подписанная моимъ именемъ, дополненная исторіей моей жизни, будетъ заключена въ маленькій нетонущій аппаратъ. Послѣдній изъ насъ, оставшійся на бортѣ „Наутилуса“, бросить этотъ аппаратъ въ море, и онъ поплыветъ туда, куда унесутъ его волны.

— Капитанъ, — отвѣчалъ я, — мнѣ остается только одобрить мысль, заставляющую васъ дѣйствовать такимъ образомъ. Плоды вашихъ изслѣдованій не должны погибнуть. Но вы, мнѣ кажется, прибѣгаете къ средству черезчуръ первобытному. Кто знаетъ, куда вѣтеръ унесетъ этотъ аппаратъ, въ чьи руки онъ попадетъ? Не найдется ли способа болѣе вѣрнаго? Вы или кто-нибудь изъ вашихъ не можетъ ли...

— Никогда, господинъ профессоръ, — быстро сказалъ капитанъ, прерывая меня.

— Но я и мои товарищи — мы готовы хранить эту рукопись, и если вы возвратите намъ свободу...

— Свободу? — сказалъ капитанъ Немо, вставая.

— Да, капитанъ, и именно по поводу этого предмета я хотѣлъ говорить съ вами. Вотъ уже семь мѣсяцевъ какъ мы находимся на вашемъ кораблѣ, и я васъ спрашиваю сегодня отъ имени моихъ товарищей, а также и отъ моего: намѣрены ли вы держать насъ здѣсь вѣчно?

— Господинъ Аронаксъ, — сказалъ капитанъ Немо, — сегодня я вамъ отвѣчаю то же, что я отвѣчалъ семь мѣсяцевъ тому назадъ: кто разъ ступилъ на „Наутилусъ“, тотъ никогда не покинетъ его.

— Но вѣдь вы налагаете на насъ рабство!

— Называйте это какимъ вамъ угодно именемъ.

— Но вездѣ рабъ сохраняетъ за собою право возвратить себѣ свободу! Какія бы ни представились ему средства, онъ можетъ считать ихъ хорошими!

— Да кто же вамъ отказываетъ въ этомъ правѣ? — отвѣчалъ капитанъ Немо. — Развѣ я думалъ когда-нибудь связать васъ клятвой?

Проговоривъ эти слова, онъ скрестилъ на груди руки и сталъ смотрѣть на меня въ упоръ.

— Капитанъ, — сказалъ я, стараясь не глядѣть ему въ глаза, — ни вы ни я не захотимъ когда-нибудь опять возвращаться къ этому разговору. Но такъ какъ мы уже начали его, то нужно докончить. Я вамъ повторяю, что здѣсь дѣло идетъ не только обо мнѣ одномъ. Хотя и мнѣ не легко отказаться отъ земли и друзей, но все-таки наука для меня дороже всего. Это моя жизнь, опора, наслажденіе, страсть; для нея я все готовъ забыть. Подобно вамъ и я могу жить въ полной неизвѣстности, съ слабою надеждою повѣдать когда-нибудь міру, при помощи какого-нибудь чуда, результаты моихъ наблюденій. Словомъ сказать, я могу вамъ удивляться, слѣдовать за вами, нисколько не досадуя на эту роль, которую до нѣкоторой степени понимаю. Но въ вашей жизни есть и другія стороны, есть такія осложненія и тайны, которыхъ ни я ни мои товарищи по заточенію не понимаемъ и въ которыхъ поэтому не можемъ принять никакого участія. Даже и тогда, когда наши сердца бились въ вашу пользу, тронутыя вашимъ огорченіемъ или пораженныя вашимъ геніемъ и мужествомъ, мы должны были подавить въ себѣ всякіе признаки симпатіи, естественно зарождающейся при видѣ этихъ положительныхъ качествъ, безъ разбора отъ кого они исходятъ, — отъ врага или друга. Вотъ это-то сознаніе, что мы чужды всему касающемуся васъ, дѣлаетъ наше положеніе невыносимымъ, невозможнымт, даже для меня и въ особенности для Неда Ленда. Каждый человѣкъ, хотя бы только потому, что онъ человѣкъ, стоитъ того, чтобъ о немъ думали. Задавались ли вы, капитанъ, когда-нибудь вопросомъ: какіе планы мщенія могутъ породить любовь къ свободѣ и ненависть къ тѣмъ, кто лишаетъ его ея, въ такой натурѣ, какова натура канадца? что онъ можетъ придумать, попробовать, на что покуситься для возвращенія себѣ свободы?

Я замолчалъ. Тогда заговорилъ капитанъ Немо, отчеканивая каждое слово:

— Пусть Недъ Лендъ думаетъ, пробуетъ, покушается на все, что̀ ему угодно, — какое мнѣ дѣло! Не я его искалъ и не для своего удовольствія держу его на „Наутилусѣ“! Что же касается васъ, господинъ профессоръ, то вы изъ тѣхъ людей, которые могутъ понимать многое, даже молчаніе. Больше я ничего не могу сказать вамъ. Пусть этотъ первый непріятный разговоръ нашъ будетъ также и послѣднимъ, потому что въ другой разъ не знаю, буду ли я даже въ состояніи выслушать васъ.

Я удалился. Съ этого дня положеніе наше стало очень натянуто. Я передалъ этотъ разговоръ моимъ товарищамъ.

— Мы знаемъ теперь, — сказалъ Недъ, — что намъ нечего ожидать отъ этого человѣка. „Наутилусъ“ приближается къ Лонгъ-Эйланду. Мы бѣжимъ, какова бы ни была погода.

Но небо становилось все мрачнѣе. Появились признаки урагана. Атмосфера принимала бѣловатый, молочный цвѣтъ. Низко спустившіяся облака быстро неслись. Море шумѣло и вздувалось большими волнами. Птицы скрылись, за исключеніемъ буревѣстника, друга бурь. Барометръ

«...Капитанъ Немо стоялъ возлѣ своего флага...» (Стр. 311).

значительно понизился и показывалъ чрезмѣрное сгущеніе паровъ въ воздухѣ. Борьба стихій приближалась.

Днемъ, 18-го мая, въ то самое время, когда „Наутилусъ" проходилъ близъ Лонгъ-Эйланда, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Нью-Йоркскихъ проходовъ, буря разразилась во всей силѣ. Я имѣю возможность описать эту страшную борьбу стихій, потому что капитанъ Немо, по какому-то

странному капризу, вмѣсто того чтобъ скрыться въ глубинѣ океана, рѣшилъ остаться на его поверхности.

Вѣтеръ началъ дуть съ юго-запада, сначала не особенно сильно, хотя все-таки со скоростью пятнадцати метровъ въ секунду, но часамъ къ тремъ скорость эта увеличилась до двадцати-пяти метровъ, то-есть вѣтеръ перешелъ уже въ бурю.

Въ самый разгаръ бури, совершенно спокойный и непоколебимый, капитанъ Немо вышелъ на платформу и крѣпко привязалъ себя канатомъ за поясъ, чтобы не быть снесеннымъ въ бушующее море ужасными валами, съ шумомъ перелетавшими черезъ бортъ „Наутилуса". Слѣдуя примѣру капитана, я тоже вскарабкался туда и привязалъ себя. Я съ одинаковымъ любопытствомъ сталъ наблюдать и бурю и этого удивительнаго человѣка, встрѣчавшаго ее лицомъ къ лицу.

Большіе клочья облаковъ почти касались волновавшейся поверхности моря. Я не замѣчалъ болѣе ни одной изъ тѣхъ промежуточныхъ волнъ, которыя образуются въ глубинѣ между большими валами. Ничего не было видно, кромѣ громадныхъ, совершенно черныхъ, точно сажа, валовъ, гребни которыхъ не разбивались — такъ они были плотны, а вышина валовъ все увеличивалась и увеличивалась; они рождались одинъ отъ другого. „Наутилусъ" то ложился на бокъ, то вдругъ выпрямлялся совершенно вертикально, какъ мачта, то нырялъ носомъ, исчезая въ безднѣ и страшно раскачиваясь.

Часовъ около пяти пошелъ сильный дождь, но нисколько не ослабилъ силы вѣтра. Буря разразилась со скоростью сорока-пяти метровъ въ секунду, то-есть до сорока миль въ часъ. При такой силѣ буря разрушаетъ зданія, сноситъ черепичныя крыши, разламываетъ желѣзныя рѣшетки, передвигаетъ двадцатичетырехфунтовыя орудія какъ щепки. Но и посреди этого ада „Наутилусъ" былъ непоколебимъ, вполнѣ оправдывая слова одного знаменитаго инженера-строителя: „Хорошо выстроенный корабль всегда можетъ бороться съ бурей на морѣ!" Это не была неподвижная скала, о которую разбиваются волны и которую въ концѣ концовъ все-таки разбиваютъ, — нѣтъ! это было послушное и подвижное *стальное веретено*, безъ такелажа и рангоута, смѣло и безнаказанно боровшееся съ страшною яростію стихій...

Крѣпко привязанный къ борту этого веретена, я внимательно разсматривалъ, насколько было можно, бѣшеныя волны. Онѣ доходили до пятнадцати метровъ вышины при длинѣ отъ ста-пятидесяти до ста-семидесяти-пяти метровъ, а быстрота ихъ распространенія равнялась половинѣ быстроты вѣтра, то-есть метрамъ пятнадцати въ секунду. Объемъ и сила волнъ увеличивались съ глубиною водъ. Я отлично понялъ тогда роль этихъ волнъ, которыя, набирая въ себя воздухъ и неся его въ глубину моря, доставляютъ туда вмѣстѣ съ кислородомъ и жизнь. Крайнюю силу ихъ давленія уже вычислили; она можетъ достигать трехъ тысячъ килограммовъ на каждый квадратный футъ поверхности, которую онѣ разбиваютъ. Такія волны сдвинули съ мѣста на Гебридскихъ островахъ скалу, вѣсившую восемьдесятъ-четыре тысячи фунтовъ; а во время бури, 23 сентября 1864 года, онѣ разрушили часть города *Іеддо* (въ Японіи) и, пробѣгая по семисотъ километровъ въ часъ, въ тотъ же день разбились у береговъ Америки.

Къ ночи буря еще усилилась, и вѣтеръ превратился въ ураганъ. Какъ и во время извѣстнаго циклона въ 1860 году, барометръ опустился до семисотъ-десяти миллиметровъ. При наступленіи ночи я замѣтилъ на горизонтѣ большое паровое судно, съ громаднымъ трудомъ выдерживавшее борьбу съ бурей. Оно лежало въ дрейфѣ, поддерживая небольшіе пары съ цѣлью тверже держаться на волнахъ. Вѣроятно, это былъ линейный пароходъ, шедшій изъ Нью-Йорка въ Ливерпуль или Гавръ. Скоро онъ исчезъ изъ вида.

Къ десяти часамъ вечера все небо было въ огнѣ. Сильныя молніи поминутно разсѣкали атмосферу. Я не могъ выносить этого сильнаго блеска, между тѣмъ какъ капитанъ Немо смотрѣлъ прямо и, казалось, съ наслажденіемъ вдыхалъ въ себя самую душу бури. Ужасный шумъ наполнялъ воздухъ: здѣсь были и страшный гулъ, и вой вѣтра, и рокотъ разбивающихся волнъ, и раскаты грома... Вѣтеръ съ силою пробѣгалъ по всѣмъ сторонамъ горизонта, а циклонъ, выходя съ востока, возвращался туда же, пройдя сѣверомъ, западомъ и югомъ, въ противоположность кружащимся бурямъ южнаго полушарія.

Картина была и страшная и величественная!

Ахъ, этотъ Гольфштромъ! Какъ онъ оправдывалъ свое названіе „царя бурь“! Онъ создаетъ эти ужасные циклоны различіемъ температуры въ слояхъ воздуха, разстилающихся надъ его теченіемъ. За ливнемъ слѣдовали цѣлые потоки огня. Казалось, дождевыя капли превратились въ огненные потоки.

Можно было подумать, что капитанъ Немо, желая приличной для себя смерти, искалъ случая быть убитымъ грозою.

Во время самой страшной килевой качки „Наутилусъ“ поднялъ кверху свой стальной бивень, служившій отличнымъ громоотводомъ, и я замѣтилъ, какъ изъ него вылетало множество искръ.

Не будучи въ состояніи выдерживать долѣе, разбитый и измученный, я приползъ къ подъемной двери и, съ трудомъ приподнявъ ее, спустился въ залу. Держаться на ногахъ внутри „Наутилуса“ было невозможно.

Только въ полночь вернулся съ платформы и капитанъ Немо.

Вскорѣ я услышалъ, какъ резервуары мало-по-малу наполнялись, и „Наутилусъ“ тихо погружался въ глубину моря.

Сквозь открытые ставни залы я видѣлъ испуганныхъ большихъ рыбъ, которыя проходили какъ привидѣнія въ водахъ. Нѣкоторыя изъ нихъ были убиты грозою на моихъ глазахъ!

„Наутилусъ“ все погружался. Я думалъ, что онъ найдетъ спокойствіе на глубинѣ пятнадцати метровъ. Нѣтъ. Верхніе слои были слишкомъ взволнованы. И чтобы достигнуть тишины, пришлось спуститься на глубину пятидесяти метровъ въ нѣдра моря.

Но тамъ какое спокойствіе, какое безмолвіе, какая тихая среда! Кто бы сказалъ тамъ, что страшный ураганъ свирѣпствовалъ въ это время на поверхности океана?

ГЛАВА XX.

Подъ 47° 24′ широты и 17° 28′ долготы.

Эта буря отбросила насъ на востокъ. Всякая надежда убѣжать вблизи Нью-Йорка или Святого Лаврентія исчезла. Бѣдный Недъ, доведенный до отчаянія, уединялся, такъ же какъ и капитанъ Немо. Мы съ Конселемъ не разставались болѣе.

Хотя я сказалъ, что „Наутилусъ“ отнесло къ востоку, но это не совсѣмъ точно: его откинуло къ сѣверо-востоку. Въ теченіе нѣсколькихъ дней мы блуждали то на поверхности волнъ, то подъ ними, окруженные морскими туманами, такъ опасными для мореплавателей. Эти туманы происходятъ, главнымъ образомъ, отъ таянія льдовъ, чѣмъ и поддерживается чрезвычайная влажность атмосферы. Сколько кораблей погибло въ этихъ мѣстахъ, вблизи отъ береговъ, очертанія которыхъ были уже видны! Сколько несчастныхъ случаевъ происходило отъ этого тумана! Сколько неожиданныхъ ударовъ для кораблей о подводные камни, шумъ прибоя волнъ о которые заглушался шумомъ вѣтра! Сколько столкновеній между кораблями, несмотря на ихъ сторожевые огни, на предостереженія ихъ свистковъ и вѣстовыхъ колоколовъ!

Дно этихъ морей походило на поле послѣ сраженія; всюду лежали корабли, побѣжденные океаномъ: старые были уже задернуты иломъ, а другіе, еще недавнія жертвы, отражали на своихъ мѣдныхъ и желѣзныхъ частяхъ свѣтъ нашего электрическаго маяка. Сколько тутъ кораблей, погибшихъ со всѣмъ своимъ грузомъ и экипажемъ, цѣлымъ населеніемъ небольшого городка! Какая страшная статистика жертвъ циклона, погибшихъ близъ мыса Расъ, острова Св. Павла, въ проливѣ Бель-Ильскомъ и въ заливѣ Св. Лаврентія! Въ теченіе какихъ-нибудь нѣсколькихъ лѣтъ какое количество этихъ жертвъ доставили ежегоднымъ погребальнымъ спискамъ компаніи на пути къ Рояль-Моль, Инмана и Монреаля! Здѣсь сѣли на мель „Сольвей“, „Изида“, „Пароматтъ“, „Венгерецъ“, „Канадецъ“, „Англо-Саксонецъ“, „Гумбольдтъ“ и „Соединенные Штаты“; „Артикъ“ и „Ліонецъ“ пошли ко дну по случаю столкновенія; „Президентъ“, „Тихій Океанъ“ и „Городъ Глазго“ погибли неизвѣстно отъ чего. Одинъ „Наутилусъ“, совершенно невредимый, плылъ среди этихъ мрачныхъ развалинъ, точно дѣлалъ смотръ мертвецамъ!

15-го мая мы находились на южной оконечности мели Новой-Земли. Мель эта образовалась изъ морской наносной земли, — это значительное скопленіе органическихъ остатковъ, занесенныхъ сюда или отъ экватора теченіемъ Гольфштрома или отъ сѣвернаго полюса тѣмъ противоположнымъ теченіемъ холодной воды, которое идетъ вдоль американскаго берега. Тамъ скопляются также плавающія глыбы, унесенныя при вскрытіи льда. Тутъ образовалась огромная груда костей и остатковъ рыбъ, моллюсковъ или зоофитовъ, которые погибаютъ здѣсь милліардами.

Глубина моря близъ Новой-Земли незначительна, не болѣе нѣсколькихъ сотъ саженъ. Но къ югу вдругъ образуется глубокая впадина въ

три тысячи метровъ. Тутъ Гольфштромъ расширяется. Его воды разливаются. Быстрота его и температура понижаются; онъ становится моремъ.

Среди рыбъ, встревоженныхъ проходомъ „Наутилуса", я замѣтилъ *пинагора,* въ метръ длиной, съ черноватой спиной и оранжевымъ брюхомъ, подающаго своимъ родичамъ примѣръ супружеской вѣрности, но находящаго мало послѣдователей; *зубатокъ,* съ громадными глазами и головой, имѣющей нѣкоторое сходство съ собачьей; *слизъ;* черныхъ *колбней-воронокъ,* длиною въ два дециметра; *длиннохвостовъ,* съ ихъ большими хвостами, блестящихъ серебристой чешуей, быстро плавающихъ рыбъ, которыя обитаютъ вдали отъ сѣверныхъ морей.

Въ наши сѣти попала смѣлая, отважная и сильная рыба съ крѣпкими мускулами, вооруженная шипами на головѣ и колючками на плавникахъ, настоящій морской скорпіонъ, жестокій врагъ трески и семги: это — *рамша* сѣверныхъ морей. Длиною она бываетъ отъ двухъ до трехъ метровъ и отличается шишковатымъ тѣломъ темнаго цвѣта и красными плавниками. Матросы „Наутилуса" съ большимъ трудомъ овладѣли этой рыбой, которая, благодаря особенному устройству своихъ жаберныхъ крышекъ, предохраняетъ свои дыхательные органы отъ изсушающаго дѣйствія атмосферы и можетъ жить нѣкоторое время безъ воды.

Далѣе я назову *колбней,* небольшихъ рыбокъ, которыя цѣлыми стаями подолгу слѣдуютъ за кораблями въ сѣверныхъ моряхъ; остроносыхъ *ряпушекъ,* свойственныхъ сѣверному Атлантическому океану, и, наконецъ, *треску,* которую, главнымъ образомъ, я наблюдалъ въ этихъ моряхъ на мели Новой-Земли.

Треску можно назвать горной рыбой, потому что Новая-Земля, въ сущности, — подводная гора. Когда „Наутилусъ" пробирался между тѣсно сомкнувшимися рядами этой рыбы, Консель не могъ удержаться отъ слѣдующаго восклицанія:

— Да это треска! А я всегда думалъ, что треска — рыба совершенно плоская, въ родѣ камбалы?

— Нѣтъ, — замѣтилъ я. — Плоская треска бываетъ только у рыбныхъ торговцевъ, у которыхъ она находится въ распластанномъ видѣ. Но въ водѣ это — веретенообразныя рыбы, отлично приспособленныя для быстраго плаванія.

— Не могу не вѣрить ихъ милости. Господинъ профессоръ все знаетъ, — отвѣчалъ Консель. — Но какая ихъ пропасть здѣсь!

— Э, мой другъ, ихъ было бы несравненно больше, если бы онѣ не имѣли много враговъ среди рыбъ и если бы ихъ не уничтожали люди! Знаешь ли ты, сколько яицъ насчитывается въ одной только самкѣ?

— Сколько?.. Право, не могу доложить ихъ милости. Скажу самое большее: тысячъ пятьсотъ; вѣдь, говорятъ, треска очень плодовита.

— Одиннадцать милліоновъ, мой другъ.

— Одиннадцать милліоновъ! — вскричалъ съ изумленіемъ фламандецъ. — Ну, я не могу этому повѣрить даже ихъ милости, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока самъ не сосчитаю.

— Сосчитай, сосчитай, Консель! — засмѣялся я. — Это будетъ цѣлый подвигъ. Но ты лучше сдѣлаешь, если повѣришь мнѣ на слово. Замѣть, что французы, англичане, американцы, датчане, норвежцы и другіе ловятъ треску цѣлыми милліонами. Ея потребляется громадное количество,

и не будь эта рыба такъ плодовита, она скоро была бы истреблена во всѣхъ моряхъ. Только въ одной Англіи и Америкѣ имѣется пять тысячъ кораблей, съ семьюдесятью-пятью тысячами матросовъ, которые занимаются ловлею трески. Каждый корабль привозитъ среднимъ числомъ сорокъ тысячъ штукъ, что составляетъ двадцать-пять милліоновъ. Около береговъ одной Норвегіи ловля трески производится въ такихъ же размѣрахъ.

— Ну, хорошо, такъ и быть, я соглашаюсь съ ихъ милостью и не стану считать ихъ, — сказалъ Консель. — Но...

— Но что̀, Консель?

— Но я сдѣлаю одно замѣчаніе.

— Какое?

— А вотъ какое. Если бы всѣ яйца вылуплялись, то четырехъ рыбъ было бы совершенно достаточно, чтобы снабдить этою рыбою и Англію, и Америку, и Норвегію!

Проговоривъ эти слова, онъ взглянулъ на меня, и мы оба громко расхохотались.

Въ то время, когда плыли вдоль мели Новой-Земли, я замѣтилъ длинныя тонкія веревки, съ нѣсколькими стами рыболовныхъ крючковъ, которые привязываются къ лодкѣ цѣлыми дюжинами. Каждая веревка, увлекаемая внизъ однимъ концомъ, посредствомъ привѣшенной къ нему тяжести, держалась другимъ на поверхности моря на конскомъ волосѣ, прикрѣпленномъ къ пробочному поплавку. „Наутилусъ" долженъ былъ лавировать съ особенной ловкостью между этими рыболовными приспособленіями.

Но онъ недолго оставался въ этихъ многолюдныхъ мѣстахъ. Мы вскорѣ поднялись къ сорокъ-второму градусу широты, до высоты Св. Іоанна на Новой-Землѣ и Heart's Content (Радость Сердца), около которыхъ оканчивается трансатлантическій телеграфный кабель.

Отсюда, вмѣсто того чтобы продолжать свой путь къ сѣверу, „Наутилусъ" вдругъ повернулъ на востокъ, точно хотѣлъ изслѣдовать плоскогорье, на которомъ лежитъ телеграфный кабель, и рельефъ котораго уже изслѣдованъ съ необыкновенною точностью, благодаря многократнымъ изысканіямъ.

17-го мая, въ пятистахъ миляхъ отъ Heart's-Content'а, на глубинѣ двухъ тысячъ восьмисотъ метровъ, мы увидали лежащій на днѣ моря знаменитый кабель, это гигантское сооруженіе нашего времени. Не предупрежденный мною, Консель принялъ его сначала за громадную змѣю и приготовился, по своему обыкновенію, классифировать ее. Но я сейчасъ же вывелъ изъ заблужденія добраго малаго, и чтобы утѣшить его въ его промахѣ, разсказалъ ему любопытную исторію прокладки этого кабеля.

Первый кабель былъ проложенъ въ 1857 и 1858 годахъ, но, передавъ около четырехсотъ телеграммъ, онъ вдругъ пересталъ дѣйствовать. Тогда, въ 1863 году, инженеры проложили новый кабель, длина котораго равнялась четыремъ тысячамъ четыремстамъ километрамъ, а вѣсъ — четыремъ тысячамъ пятистамъ тоннамъ, которымъ и нагрузили знаменитый „Гретъ-Истернъ". Однако и эта попытка не удалась.

25-го мая „Наутилусъ", погрузившись въ глубину трехъ тысячъ восьмисотъ-тридцати-шести метровъ, оказался какъ разъ на томъ самомъ

мѣстѣ, гдѣ произошелъ разрывъ, помѣшавшій выполненію этого второго предпріятія. Это произошло въ шестистахъ-тридцати-восьми миляхъ отъ береговъ Ирландіи. Въ два часа пополудни замѣтили, что сообщеніе съ Европой вдругъ прекратилось. Бывшіе на кораблѣ инженеры рѣшились отрѣзать поврежденную часть. Къ одиннадцати часамъ вечера операція была исполнена, и кабель снова былъ опущенъ въ воду. Но по истеченіи нѣскольких дней онъ оборвался; на этотъ разъ его не могли уже вытащить изъ океана.

Однако американцы не предались отчаянію. Энергичный Сайрусъ Фильдъ (Cyrus Field), главный иниціаторъ этого предпріятія, рисковавшій для него всѣмъ своимъ имуществомъ, вновь устроилъ подписку. Подписная сумма была тотчасъ же покрыта. Слѣдующій кабель устроили при лучшихъ условіяхъ. Цѣлый пукъ проводящихъ электрическій токъ проволокъ, покрытыхъ слоемъ гуттаперчи, былъ заключенъ въ канатъ съ металлическою обкладкой. „Гретъ-Истернъ“, нагруженный этимъ канатомъ, 13-го іюля 1866 года снова вышелъ въ море.

Дѣло сначала пошло хорошо, потомъ вдругъ случилось препятствіе. Развертывая канатъ, инженеры нѣсколько разъ замѣчали, что въ него умышленно были воткнуты гвозди съ очевидною цѣлью испортить его внутреннюю часть. Капитанъ фрегата Андерсонъ, всѣ офицеры и инженеры, возмущенные этимъ, собрались для совѣщанія и приказали объявить, что если найдутъ виновнаго на самомъ кораблѣ, то безъ всякаго суда выбросятъ его въ море. Съ этого момента попытка испортить кабель болѣе не возобновлялась.

23-го іюля „Гретъ-Истернъ“ былъ только въ восьмистахъ километрахъ отъ Новой-Земли, когда ему телеграфировали изъ Ирландіи извѣстіе о перемиріи, заключенномъ между Австріей и Пруссіей послѣ сраженія при Садовой. 27-го іюля фрегатъ, посреди густого тумана, увидалъ гавань Heart's Content'а. Грандіозное предпріятіе окончилось вполнѣ благополучно, и первая телеграмма, съ которою молодая Америка обратилась къ старой Европѣ, заключала въ себѣ слѣдующія мудрыя, но рѣдко понимаемыя слова: „Слава въ вышнихъ Богу и миръ честнымъ людямъ на землѣ!“

Я не думалъ, что найду электрическій канатъ въ его первоначальномъ видѣ, то-есть такимъ, какимъ онъ вышелъ изъ мастерской. Эта гигантская змѣя, облѣпленная остатками раковинъ, была покрыта корой изъ каменистыхъ отложеній, прекрасно предохраняющихъ ее отъ моллюсковъ, которые могли бы ее просверлить. Канатъ тихо покоился на днѣ, вполнѣ защищенный отъ морского волненія, и подъ благопріятнымъ давленіемъ для передачи электрическаго тока, который пробѣгаетъ разстояніе отъ Америки до Европы или обратно въ тридцать-двѣ сотыхъ секунды!

Прочность этого каната не подлежитъ никакому сомнѣнію, потому что тщательными наблюденіями выяснено, что гуттаперчевая оболочка его постепенно плотнѣетъ и улучшается отъ пребыванія въ морской водѣ.

Кромѣ того, на этомъ удачно выбранномъ плоскогорьѣ канатъ никогда не погружается такъ глубоко, чтобы могъ оборваться. Мы прослѣдовали за нимъ до самой значительной глубины его погруженія, те-есть до четырехъ тысячъ четырехсотъ-тридцати-одного метра, и тамъ

онъ лежалъ совершенно свободно, не натянутый. Потомъ мы видѣли и то мѣсто, гдѣ произошелъ разрывъ въ 1863 году.

Здѣсь морское дно образовало широкую равнину, на которой смѣло можно было бы помѣстить Монъ-Бланъ, и его вершина не была бы видна на поверхности моря. Эта равнина загорожена съ восточной стороны отвѣсною стѣною въ двѣ тысячи метровъ. „Наутилусъ" прибылъ туда 28-го мая, и мы оказались только въ ста-пятидесяти километрахъ отъ Ирландіи.

Ужъ не намѣренъ ли былъ капитанъ Немо снова подойти къ берегамъ Британскихъ острововъ, которые были такъ близко отсюда? Но нѣтъ, къ нашему величайшему удивленію, „Наутилусъ" опять направился къ югу и возвратился къ европейскимъ морямъ. Когда мы обходили Изумрудный островъ, я замѣтилъ промелькнувшіе мимо насъ мысъ Клеръ и огни Фастене, освѣщающіе десятки тысячъ судовъ, постоянно выходящихъ изъ Глазго и Ливерпуля.

Тутъ возникъ въ моемъ умѣ интересный вопросъ: рѣшится ли капитанъ Немо войти въ Британскій каналъ? Недъ Лендъ, показавшійся въ то время, когда мы подходили къ землѣ, нѣсколько разъ съ лихорадочнымъ любопытствомъ спрашивалъ меня объ этомъ. Я хорошо понималъ состояніе духа канадца, но что я могъ ему отвѣтить? Капитанъ Немо вовсе не показывался, а всѣ дѣйствія его были непонятны. Ужъ не глумится ли онъ надъ нами? Подразнивъ канадца видомъ береговъ Америки, не думаетъ ли онъ показать и мнѣ берега Франціи? Сознаюсь, что при этой мысли и у меня закипѣло въ груди.

Между тѣмъ „Наутилусъ" шелъ къ югу. 30-го мая онъ прошелъ близъ крайней оконечности Англіи. Если бъ онъ хотѣлъ войти въ Британскій каналъ, то ему слѣдовало итти прямо на востокъ. Но онъ этого не сдѣлалъ.

Въ продолженіе всего дня 31-го мая „Наутилусъ" описывалъ на морѣ рядъ круговъ, что меня сильно интересовало. Казалось, онъ отыскивалъ мѣсто, которое ему трудно было найти.

На другой день, 31-го мая, „Наутилусъ" продолжалъ тѣ же самые маневры. Очевидно, онъ искалъ опредѣленнаго пункта въ океанѣ. Капитанъ Немо пришелъ, такъ же какъ и наканунѣ, опредѣлять высоту солнца. Море было прекрасно, небо чисто. Въ восьми миляхъ на востокъ большой пароходъ обрисовывался на горизонтѣ. На немъ не было никакого флага, и я не могъ узнать, какой націи онъ принадлежалъ.

За нѣсколько минутъ до того какъ солнце должно было пройти черезъ меридіанъ, капитанъ Немо взялъ свой секстантъ и наблюдалъ съ необыкновенною точностью. Совершенная тишина волнъ способствовала его наблюденію. Неподвижный „Наутилусъ" не испытывалъ ни боковой ни килевой качки.

Я былъ въ это время на платформѣ. Окончивъ наблюденіе, капитанъ Немо произнесъ только:

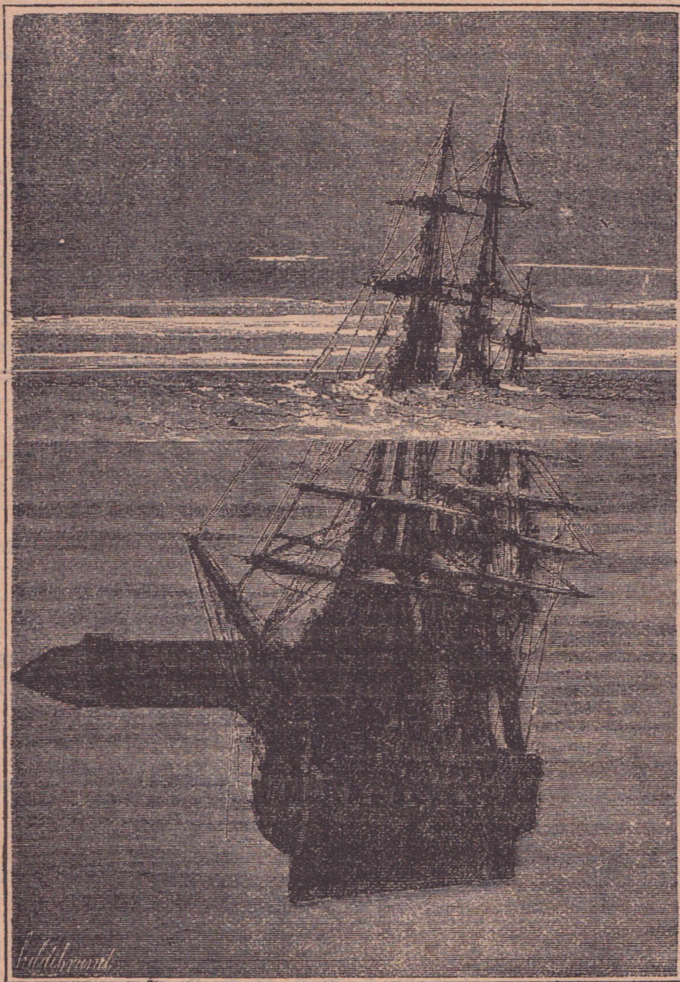
— Здѣсь!

Онъ опять сошелъ въ подъемную дверь. Увидалъ ли онъ корабль, который измѣнялъ свой ходъ и, казалось, приближался къ намъ? Я не сумѣю сказать этого.

Я возвратился въ залу. Подъемныя двери закрылись, и я услышалъ шумъ воды, входящей въ резервуары. „Наутилусъ" началъ погружаться

по вертикальной линіи, потому что его остановившійся винтъ не сообщалъ ему никакого движенія.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ остановился на глубинѣ восьмисотъ-тридцати-трехъ метровъ и коснулся дна.

«...огромный корабль медленно погружался ..» (Стр. 312).

Тогда свѣтъ на потолкѣ залы погасъ, ставни открылись, и сквозь стекла я увидѣлъ море, ярко освѣщенное лучами маяка на полмили въ окружности.

Я посмотрѣлъ въ окно: съ лѣвой стороны судна ничего не было кромѣ безпредѣльныхъ и тихихъ водъ.

Съ правой же стороны судна виднѣлось на днѣ значительное возвышеніе, которое и привлекло мое вниманіе. Казалось, что это разва-

лины, погребенныя подъ слоемъ бѣловатыхъ раковинъ, какъ подъ снѣговою одеждой. Разсматривая внимательно эту массу, я сталъ отличать формы корабля, лишеннаго мачтъ, очевидно пошедшаго ко дну носомъ. Конечно, несчастіе это произошло давно. Этотъ корпусъ долженъ былъ пробыть много лѣтъ на днѣ океана, чтобы такъ обрасти известковыми отложеніями морскихъ водъ.

Что это былъ за корабль? Для чего „Наутилусъ" посѣтилъ его могилу? Развѣ онъ пошелъ ко дну не вслѣдствіе кораблекрушенія?

Я не зналъ что подумать, когда услыхалъ капитана Немо, медленно говорившаго возлѣ меня:

— Прежде этотъ корабль назывался „Марсельцемъ". Онъ имѣлъ семьдесятъ-четыре пушки и былъ спущенъ въ 1762 году. Въ 1778 году, 13-го августа, подъ начальствомъ Ла-Вертріе, онъ смѣло боролся съ „Престономъ". Въ 1779 году, 4-го іюля, онъ вмѣстѣ съ эскадрой адмирала д'Этенъ участвовалъ при взятіи Гранады. Въ 1781, 5-го сентября, онъ принималъ участіе въ сраженіи графа де-Грасо въ бухтѣ Чезаникъ. Въ 1794 французская республика перемѣнила его имя. 16-го апрѣля того же года онъ присоединился въ Брестѣ къ эскадрѣ Виляре-Жуайёзъ, которой было поручено конвоировать транспортъ съ хлѣбомъ, плывшій изъ Америки подъ начальствомъ адмирала Ванъ-Стабель. 11-го и 12-го преріаля II-го года эта эскадра встрѣтилась съ англійскими кораблями. Господинъ профессоръ, сегодня 13-ое преріаля — 1-е іюня 1868 года. Ровно семьдесятъ-четыре года тому назадъ на этомъ самомъ мѣстѣ, подъ 47° 24′ широты и 17° 28′ долготы, этотъ корабль, послѣ геройскаго сраженія, потерявъ свои три мачты, съ каютами, полными водой, потерявъ третью часть своего экипажа, лишенный возможности сражаться, предпочелъ утонуть со своими тремястами-пятьюдесятью-шестью моряками, но не сдался. Прибивъ гвоздями свой флагъ къ кормѣ, онъ исчезъ подъ волнами съ крикомъ: „Да здравствуетъ республика!"

— „Мститель"! — вскричалъ я.

— Да, господинъ профессоръ, „Мститель"! Прекрасное имя! — прошепталъ капитанъ Немо, скрестивъ руки.

ГЛАВА XXI.

Гекатомба.

Эта рѣчь, неожиданность сцены, разсказъ о патріотическомъ кораблѣ, начатый съ такимъ хладнокровіемъ, но послѣднія слова котораго этотъ странный человѣкъ произнесъ съ глубокимъ волненіемъ, имя „Мститель", смыслъ котораго не могъ ускользнуть отъ меня, — все вмѣстѣ глубоко потрясло мой умъ. Глаза мои не покидали болѣе капитана. Протянувъ къ морю руки, онъ смотрѣлъ пылающимъ взоромъ на эти славные останки. Можетъ-быть, я никогда не узнаю, кто онъ, откуда и куда идетъ; но я видѣлъ, какъ человѣкъ все болѣе и болѣе отдѣлялся отъ ученаго. Не простая мизантропія заключила капитана

Немо и его товарищей въ стѣнахъ „Наутилуса“, но ненависть, чудовищная или возвышенная, которую время не могло ослабить.

Искала ли эта ненависть мщенія? Будущее должно было скоро показать мнѣ это.

Между тѣмъ „Наутилусъ“ медленно поднимался на поверхность моря, и я видѣлъ, какъ мало-по-малу исчезали неясныя очертанія „Мстителя“. Вскорѣ я узналъ, по легкой боковой качкѣ, что мы плывемъ по поверхности.

Въ эту минуту послышался глухой раскатъ. Я посмотрѣлъ на капитана. Капитанъ не двигался.

— Капитанъ! — сказалъ я.

Онъ не отвѣчалъ.

Я оставилъ его и вышелъ на платформу. Консель и канадецъ были уже тамъ.

— Что это за звукъ? — спросилъ я.

Я увидѣлъ корабль и смотрѣлъ по его направленію. Онъ приближался къ „Наутилусу“, и видно было, что онъ еще усиливаетъ пары. Шесть миль отдѣляли его отъ насъ.

— Пушечный выстрѣлъ, — отвѣчалъ Недъ Лендъ.

— Какой это корабль, Недъ?

— Судя по его такелажу и по высотѣ нижнихъ мачтъ, — отвѣчалъ канадецъ, — я держу пари, что это военный корабль. Пусть бы онъ шелъ на насъ и потопилъ этотъ проклятый „Наутилусъ“!

— Другъ Недъ, — отвѣчалъ Консель, — что можетъ онъ сдѣлать „Наутилусу“? Развѣ онъ можетъ напасть на него подъ волнами или стрѣлять по немъ въ глубинѣ моря?

— Скажите мнѣ, Недъ, — спросилъ я: — можете ли вы узнать, какой націи принадлежитъ этотъ корабль?

Канадецъ сдвинулъ брови, опустилъ рѣсницы, прищурилъ глаза и въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ сосредоточивалъ на кораблѣ всю силу своего взгляда.

— Нѣтъ, господинъ профессоръ, — отвѣчалъ онъ, — я не могу узнать, какой націи онъ принадлежитъ. Его флагъ не поднятъ. Но я могу утверждать, что это военный корабль, потому что длинный вымпелъ развертывается на верху его большой мачты.

Въ продолженіе четверти часа мы продолжали смотрѣть на корабль, который направлялся къ намъ. Однакоже я не могъ допустить, чтобъ онъ узналъ „Наутилусъ“ на такомъ разстояніи, и еще менѣе, чтобъ ему было извѣстно, что это за подводная машина.

Вскорѣ канадецъ сказалъ мнѣ, что это большой броненосный фрегатъ, съ бивнемъ на носу и двумя палубами. Черный густой дымъ выходилъ изъ двухъ его трубъ, убранные паруса сливались съ реями. На гафелѣ не было никакого флага. Разстояніе мѣшало еще разглядѣть цвѣта его вымпела, который вился какъ тонкая лента.

Онъ быстро приближался. Если капитанъ Немо дастъ ему подойти ближе, то намъ можетъ представиться еще случай къ спасенію.

— Господинъ профессоръ, — сказалъ мнѣ Недъ Лендъ, — если этотъ корабль подойдетъ къ намъ на разстояніе одной мили, то я брошусь въ море, и совѣтую вамъ сдѣлать то же самое.

Я не отвѣчалъ на предложеніе канадца и продолжалъ смотрѣть на корабль, который становился все больше и больше. Какой бы онъ ни былъ, — англійскій, французскій, американскій или русскій, — онъ во всякомъ случаѣ приметъ насъ, если намъ удастся до него добраться.

— Ихъ милость, я думаю, хорошо помнитъ, — сказалъ тогда Консель, — что у насъ есть нѣкоторая опытность въ искусствѣ плаванія. Они могутъ положиться на меня, я уже буду вести ихъ милость на буксирѣ до самаго корабля, если имъ будетъ угодно слѣдовать за другомъ Недомъ.

Я хотѣлъ отвѣчать, какъ вдругъ бѣлый паръ показался на носу военнаго корабля. Потомъ, черезъ нѣсколько секундъ, вода, взволнованная паденіемъ тяжелаго тѣла, обдала корму „Наутилуса". Немного спустя внезапный раскатъ поразилъ мой слухъ.

— Какъ? они стрѣляютъ въ насъ! — вскричалъ я.

— Молодцы! — прошепталъ канадецъ.

— Стало-быть, они не принимаютъ насъ за потерпѣвшихъ кораблекрушеніе, спасающихся на обломкахъ корабля!

— Съ позволенія ихъ милости... — началъ было Консель. — Ба! — сказалъ онъ, стряхивая воду, которою вновь упавшее ядро обдало его. — Съ позволенія ихъ милости, они узнали нарвала и стрѣляютъ по немъ.

— Но вѣдь они должны видѣть, — вскричалъ я, — что имѣютъ дѣло съ людьми!

— Можетъ-быть, поэтому-то они и стрѣляютъ, — отвѣчалъ Недъ Лендъ, посмотрѣвъ на меня.

Внезапное откровеніе озарило мой умъ. Безъ сомнѣнія, мнимое чудовище теперь уже не было загадкой. Безъ сомнѣнія, при абордажѣ „Авраама Линкольна", когда канадецъ ударилъ своей острогой о „Наутилусъ", капитанъ Фаррагутъ узналъ, что нарвалъ — подводная лодка, которая гораздо опаснѣе сверхъестественнаго кита.

Да, конечно, это было такъ, и, безъ сомнѣнія, теперь во всѣхъ моряхъ преслѣдовали эту ужасную разрушительную машину.

Дѣйствительно ужасную, если, какъ можно было предположить, „Наутилусъ" служилъ капитану Немо орудіемъ мщенія! Въ ту ночь, когда въ Индійскомъ океанѣ онъ насъ заперъ въ каюту, не нападалъ ли онъ также на какой-нибудь корабль? Не былъ ли тотъ человѣкъ, который теперь погребенъ на коралловомъ кладбищѣ, жертвой столкновенія, вызваннаго „Наутилусомъ"? Да, это непремѣнно было такъ. Одна сторона таинственнаго существованія капитана Немо разоблачилась. И если его еще не узнали вполнѣ, то тѣмъ не менѣе соединившіяся націи преслѣдовали теперь не фантастическое существо, но человѣка, который питаетъ къ нимъ непримиримую ненависть!

Все это грозное прошедшее предстало предъ моими глазами. Вмѣсто друзей мы должны были встрѣтить на приближавшемся кораблѣ безжалостныхъ враговъ.

Между тѣмъ пушечныя ядра падали чаще и чаще вокругъ насъ. Нѣкоторыя изъ нихъ, встрѣчая жидкую поверхность, отскакивали рикошетомъ въ сторону и терялись на значительномъ разстояніи. Но ни одно изъ нихъ не достигало до „Наутилуса".

Броненосный корабль находился только на разстояніи трехъ миль. Несмотря на сильную канонаду, капитанъ Немо не показывался на

платформѣ. Между тѣмъ, если бы хотя одно изъ этихъ коническихъ ядеръ ударилось перпендикулярно въ корпусъ „Наутилуса", оно могло бы причинить ему большой вредъ. Канадецъ сказалъ мнѣ тогда:

— Господинъ профессоръ, мы должны на все отважиться, чтобы выйти изъ этого гадкаго положенія. Подадимъ сигналъ! Тысячу чертей! Можетъ-быть, они и поймутъ, что мы честные люди!

Недъ Лендъ взялъ свой носовой платокъ, чтобы помахать имъ въ воздухѣ. Но лишь только Недъ развернулъ платокъ, какъ желѣзная рука схватила его, и, несмотря на свою удивительную силу, онъ упалъ на палубу.

— Бездѣльникъ! — вскричалъ капитанъ. — Развѣ ты хочешь, чтобъ я пронзилъ тебя бивнемъ „Наутилуса", прежде чѣмъ онъ устремится на этотъ фрегатъ!

Страшно было слушать капитана Немо, но еще страшнѣе смотрѣть на него. Лицо его поблѣднѣло отъ спазмы сердца, прекратившаго на мгновеніе свои біенія. Зрачки его страшно сжались. Онъ уже не говорилъ, а рычалъ. Наклонившись впередъ всѣмъ тѣломъ, онъ сжималъ рукой плечо канадца.

Потомъ, оставивъ его, онъ обернулся къ военному кораблю, ядра котораго сыпались вокругъ него.

— А! ты знаешь, кто я! — вскричалъ онъ своимъ могучимъ голосомъ.—Мнѣ не нужны твои цвѣта, чтобъ узнать тебя! Смотри! Я покажу тебѣ свои!

И капитанъ Немо развернулъ на бакѣ платформы черный флагъ, такой же, какъ тотъ, который онъ водрузилъ на южномъ полюсѣ.

Въ эту минуту ядро ударилось вкось о корпусъ „Наутилуса", но не повредило ему и, проскользнувъ рикошетомъ около капитана, упало въ море.

Капитанъ Немо пожалъ плечами; потомъ обернулся ко мнѣ.

— Уходите, — сказалъ онъ мнѣ отрывистымъ тономъ, — уходите вы и ваши товарищи.

— Капитанъ, — вскричалъ я, — развѣ вы хотите напасть на этотъ корабль?

— Я его потоплю.

— Вы не сдѣлаете этого!

— Я это сдѣлаю, — холодно отвѣчалъ капитанъ Немо. — Не судите меня. Судьба показываетъ вамъ то, чего вы не должны были бы видѣть. На меня нападаютъ. Отпоръ будетъ ужасенъ. Ступайте.

— Какой это корабль?

— Вы не знаете? Ну, тѣмъ лучше! По крайней мѣрѣ его національность останется для васъ тайной. Ступайте.

Мы съ канадцемъ и Конселемъ не могли ослушаться. Человѣкъ пятнадцать матросовъ „Наутилуса" окружали капитана и смотрѣли на приближавшійся корабль съ неумолимымъ чувствомъ ненависти. Ясно было, что тотъ же духъ мести воодушевлялъ всѣ эти сердца.

Я сошелъ въ ту минуту, когда новая бомба ударилась о корпусъ „Наутилуса", и слышалъ, какъ капитанъ закричалъ:

— Стрѣляй, безумный корабль! Расточай свои безполезныя ядра! Ты не избѣгнешь бивня „Наутилуса". Но не на этомъ мѣстѣ долженъ

ты погибнуть! Я не хочу, чтобы твои развалины смѣшались съ славными развалинами „Мстителя“!

Я ушелъ въ свою комнату. Капитанъ и его подшкиперъ остались на платформѣ. Винтъ былъ приведенъ въ движеніе. „Наутилусъ“, быстро удаляясь, находился внѣ опасности отъ ядеръ корабля. Но преслѣдованіе продолжалось, и капитанъ Немо довольствовался тѣмъ, что держался на извѣстномъ разстояніи.

Въ четыре часа вечера, не въ силахъ болѣе сдерживать пожиравшія меня нетерпѣніе и безпокойство, я подошелъ къ центральной лѣстницѣ. Подъемная дверь была открыта. Я отважился выйти на платформу. Капитанъ еще ходилъ по ней неровными шагами. Онъ смотрѣлъ на корабль, который находился въ пяти или шести миляхъ подъ вѣтромъ. Онъ вертѣлся около него какъ звѣрь, преслѣдуемый охотникомъ, и, позволяя себя преслѣдовать, увлекалъ его къ востоку. Однако нападеніе не начиналось. Можетъ-быть, онъ еще колебался.

Я хотѣлъ вступиться въ послѣдній разъ. Но едва я обратился къ капитану Немо, какъ онъ заставилъ меня замолчать.

— Я справедливость, я судъ! — сказалъ онъ мнѣ. — Я угнетенный, а вотъ притѣснитель! Черезъ него все, что я любилъ, что боготворилъ и уважалъ: отечество, жена, дѣти, отецъ и мать, — все погибло! Все, что я ненавижу, находится тамъ! Замолчите же!

Я бросилъ послѣдній взглядъ на военный корабль, который усиливалъ пары. Потомъ я присоединился къ Неду и Конселю.

— Мы убѣжимъ! — вскричалъ я.

— Хорошо, — сказалъ Недъ. — Какой это корабль?

— Я не знаю, но какой бы онъ ни былъ, его потопятъ еще до ночи. Во всякомъ случаѣ, лучше погибнуть вмѣстѣ съ нимъ, чѣмъ быть соучастниками мщенія, въ справедливости котораго нѣтъ возможности убѣдиться.

— Это и мое мнѣніе, — холодно отвѣчалъ Недъ Лендъ. — Подождемъ ночи.

Наступила ночь. Глубокое безмолвіе царствовало на кораблѣ. Компасъ показывалъ, что „Наутилусъ“ не измѣнилъ своего направленія. Я слышалъ удары винта, разсѣкавшаго волны съ равномѣрною скоростью. „Наутилусъ“ держался на поверхности воды, и легкая боковая качка наклоняла его то на одну сторону, то на другую.

Я и мои товарищи рѣшились бѣжать въ то время, когда корабль настолько приблизится къ намъ, что будетъ въ состояніи или услышать насъ или увидѣть, потому что луна свѣтила ярко, такъ какъ черезъ три дня должно было наступить полнолуніе. Достигнувъ корабля, мы, если бы намъ и не удалось отвратить угрожавшей ему опасности, по крайней мѣрѣ сдѣлали бы все, что обстоятельства позволили бы намъ предпринять. Нѣсколько разъ я думалъ, что „Наутилусъ“ готовился къ нападенію. Но онъ только допускалъ своего противника приблизиться, и немного времени спустя опять шелъ своимъ быстрымъ ходомъ.

Часть ночи прошла безъ приключеній. Мы выжидали удобнаго случая дѣйствовать. Мы говорили мало, потому что были очень взволнованы. Недъ Лендъ хотѣлъ броситься въ море. Я просилъ его подождать. По моему мнѣнію, „Наутилусъ“ долженъ былъ напасть на фре-

гать на поверхности волнъ, и тогда было бы не только возможно, но даже легко убѣжать.

Въ три часа утра я вышелъ на платформу, сильно встревоженный. Капитанъ Немо не покидалъ ея. Онъ стоялъ на носу корабля, около своего флага, который развѣвался надъ его головой отъ легкаго вѣтерка. Онъ не спускалъ глазъ съ корабля. Его чрезвычайно напряженный взглядъ, казалось, притягивалъ, околдовывалъ, увлекалъ его гораздо сильнѣе, чѣмъ если бъ онъ тащилъ его за собой на буксирѣ!

Въ это время луна проходила черезъ меридіанъ. Юпитеръ подни- мался на востокѣ. Посреди общей тишины природы, небо и океанъ соперничали между собой въ спокойствіи, а море представляло ночному свѣтилу самое прекрасное зеркало, которое когда-либо отражало его изображеніе.

И когда я думалъ объ этомъ глубокомъ спокойствіи стихій и сравнивалъ его съ гнѣвомъ, кипѣвшимъ въ стѣнахъ ненавистнаго „Наутилуса", я чувствовалъ, какъ дрожь пробѣгала по всему моему тѣлу.

Корабль держался въ двухъ миляхъ разстоянія отъ насъ. Онъ все приближался, плывя къ фосфорическому блеску, обозначавшему мѣстонахожденіе „Наутилуса". Я видѣлъ его установленные огни — зеленый, красный и бѣлый фонарь, висѣвшій на его большомъ фокштагѣ. Легкое отраженіе лучей освѣщало его оснастку и показывало, что паръ разведенъ во всей силѣ.

Снопы искръ, куски пылавшаго угля, вылетая изъ его трубъ, разсыпались въ атмосферѣ какъ звѣзды. Я оставался тутъ до шести часовъ утра, и капитанъ Немо, повидимому, не замѣчалъ меня. Корабль находился на разстояніи полуторы мили отъ насъ и съ наступленіемъ дня онъ опять началъ свою канонаду. Недалека была та минута, когда „Наутилусъ" нападетъ на своего противника, и тогда я и мои товарищи навсегда покинемъ этого человѣка, котораго я не смѣлъ судить.

Я хотѣлъ сойти, чтобы предупредить ихъ, когда подшкиперъ вошелъ на платформу. Нѣсколько моряковъ сопровождали его. Капитанъ Немо не видѣлъ ихъ или не хотѣлъ видѣть. Были сдѣланы нѣкоторыя приготовленія, которыя можно было назвать приготовленіями „Наутилуса" къ бою. Они были очень просты. Перила платформы были опущены. Точно такъ же помѣщенія маяка и рулевого опустились въ корпусъ, не выдаваясь болѣе надъ нимъ. Поверхность длинной сигары изъ листового желѣза не представляла болѣе ни одной выпуклости, которая могла бы стѣснять ея маневры.

Я возвратился въ залу. „Наутилусъ" все оставался на поверхности. Лучи утренняго свѣта проникали чрезъ жидкій слой. При легкомъ колебаніи волнъ, стекла освѣщались краснымъ свѣтомъ восходящаго солнца. Наступалъ ужасный день 2-го іюня.

Въ пять часовъ лагъ показалъ мнѣ, что быстрота „Наутилуса" убавилась. Я понялъ, что онъ допускаетъ фрегатъ подойти ближе. Къ тому же пушечные выстрѣлы становились гораздо слышнѣе. Ядра взрывали окружающую воду и пронизывали ее со страннымъ свистомъ.

— Друзья мои, — сказалъ я, — минута наступила. Пожмемъ другъ другу руки, и да сохранитъ насъ Богъ!

Недъ Лендъ былъ смѣтъ, Консель спокоенъ, я находился въ сильномъ раздраженіи и едва могъ владѣть собой.

Мы прошли въ библіотеку. Въ ту минуту, когда я отворилъ дверь, которая вела къ центральной лѣстницѣ, я услышалъ, что верхняя подъемная дверь быстро захлопнулась.

Канадецъ бросился на ступеньки, но я остановилъ его. Хорошо знакомый шумъ далъ мнѣ понять, что вода проникаетъ въ резервуары корабля. Въ самомъ дѣлѣ, черезъ нѣсколько минутъ „Наутилусъ" погрузился на нѣсколько метровъ ниже поверхности волнъ.

Я понялъ его маневръ. Было слишкомъ поздно дѣйствовать. „Наутилусъ" не думалъ напасть на фрегатъ сверху, гдѣ онъ защищенъ непроницаемыми латами, но хотѣлъ поразить его ниже ватерлиніи, — тамъ, гдѣ металлическая броня не защищаетъ обшивки.

Мы были снова заключены и дѣлались невольными свидѣтелями готовившейся несчастной драмы. Сверхъ того, мы почти не имѣли времени разсуждать. Скрывшись въ моей комнатѣ, мы смотрѣли другъ на друга, не говоря ни слова. Глубокое оцѣпенѣніе овладѣло моимъ умомъ. Мысли замерли. Я находился въ томъ тяжеломъ состояніи, которое предшествуетъ ожиданію ужаснаго взрыва. Я ждалъ, слушалъ, я весь превратился въ слухъ.

Между тѣмъ быстрота „Наутилуса" значительно увеличилась. Это онъ хотѣлъ разойтись, чтобы придать больше силы своему натиску. Весь его корпусъ содрогался.

Вдругъ я вскрикнулъ. Произошло столкновеніе, но относительно легкое. Я чувствовалъ, съ какою силой проникалъ стальной бивень. Я слышалъ скрипъ и трескъ. Но „Наутилусъ", увлекаемый силой своего движенія, проходилъ сквозь массу корабля, какъ игла парусника сквозь холстъ.

Я не могъ болѣе тутъ оставаться. Обезумѣвши, внѣ себя, я бросился вонъ изъ комнаты и вбѣжалъ въ залу.

Капитанъ Немо былъ тамъ. Безмолвный, мрачный, неумолимый, онъ смотрѣлъ въ открытые ставни бакборта.

Огромная масса тонула подъ водой, и чтобы вполнѣ, безъ остатка, насладиться ея агоніей, „Наутилусъ" опускался въ бездну вмѣстѣ съ ней. Въ десяти метрахъ отъ меня я видѣлъ этотъ расколотый корпусъ, куда вода устремлялась съ грознымъ рокотомъ, потомъ двойной рядъ пушекъ и сѣти по бортамъ судна. Палуба была покрыта черными двигавшимися тѣнями.

Вода прибывала. Несчастные бросались на ванты, цѣплялись за мачты, ломали руки подъ водой. Это былъ людской муравейникъ, застигнутый морскимъ приливомъ!

Въ оцѣпенѣніи, пораженный ужасомъ, съ поднявшимися волосами, съ широко раскрытыми глазами, безъ дыханія, безъ голоса, я также смотрѣлъ! Непреодолимая сила приковывала меня къ окну.

Огромный корабль медленно погружался. „Наутилусъ", слѣдуя за нимъ, слѣдилъ за всѣми его движеніями. Вдругъ произошелъ взрывъ. Сжатый воздухъ разорвалъ палубу корабля, какъ будто въ каютахъ былъ пожаръ. Давленіе водъ было таково, что „Наутилусъ" отнесло.

Тогда несчастный корабль сталъ быстрѣе погружаться. Показались его марсы, покрытые жертвами, его румпель, сгибавшійся подъ тяжестью людей, наконецъ, верхушка его большой мачты. Потомъ темная

масса исчезла, а съ ней и экипажъ мертвецовъ, увлекаемый ужаснымъ водоворотомъ...

Я обернулся къ капитану Немо. Этотъ страшный судья, настоящій архангелъ мести, все еще смотрѣлъ. Когда все было кончено, капитанъ

«...я очутился въ хижинѣ рыбаковъ...» (Стр. 319).

Немо направился къ двери своей комнаты, отворилъ ее и вошелъ. Я слѣдилъ за нимъ глазами.

На задней стѣнѣ, подъ портретами его героевъ, я увидѣлъ портретъ еще молодой женщины и двоихъ маленькихъ дѣтей. Капитанъ Немо смотрѣлъ на нихъ нѣсколько минутъ, потомъ протянулъ къ нимъ руки и, опустившись на колѣни, зарыдалъ.

ГЛАВА XXII.

Послѣднія слова капитана Немо.

Послѣ этого страшнаго зрѣлища ставни закрылись, но зала не освѣтилась. Внутри „Наутилуса“ царствовали мракъ и безмолвіе. Онъ съ страшною быстротой покидалъ мѣсто отчаянія, лежавшее въ ста футахъ подъ водой. Куда онъ шелъ? На сѣверъ или на югъ? Куда бѣжалъ этотъ человѣкъ послѣ такого ужаснаго мщенія?

Я ушелъ въ свою комнату, гдѣ Недъ и Консель сидѣли молча. Я чувствовалъ непреодолимое отвращеніе къ капитану Немо. Сколько бы люди ни причинили ему страданій, онъ все-таки не имѣлъ права наказывать ихъ такимъ образомъ. Онъ сдѣлалъ меня если не соучастникомъ, то, по крайней мѣрѣ, свидѣтелемъ своей мести! Это было уже слишкомъ.

Въ одиннадцать часовъ электрическій свѣтъ опять показался. Я прошелъ въ залу. Она была пуста. Я посмотрѣлъ на разные инструменты: „Наутилусъ“ шелъ къ сѣверу, со скоростью двадцати-пяти миль въ часъ, то на поверхности моря, то на тридцать футовъ ниже ея.

Опредѣливъ мѣсто на картѣ, я увидалъ, что мы проходимъ вблизи входа въ Британскій каналъ и направляемся къ сѣвернымъ морямъ съ изумительною быстротой. Я едва могъ разглядѣть, при быстротѣ плаванія, акулъ съ длинными носами, акулъ-молотковъ, морскихъ собакъ, посѣщающихъ эти моря, множество коньковъ, похожихъ на коней въ шахматной игрѣ, угрей, носившихся точно искры въ фейерверкѣ, цѣлыя массы краббовъ, которые плыли вкось, скрещивая свои клешни на верхней части черепа; наконецъ, морскихъ свинокъ, которыя соперничали своею быстротой съ „Наутилусомъ“. Но въ ту пору нельзя было и думать о томъ, чтобъ изучать и классифировать.

Къ вечеру мы прошли двѣсти миль въ Атлантическомъ океанѣ. Стемнѣло, и море покрылось мракомъ до восхода луны.

Я ушелъ въ свою комнату. Я не могъ спать. Меня давилъ кошмаръ. Ужасная сцена разрушенія повторилась въ моемъ умѣ.

Кто могъ сказать, какъ далеко увлекъ насъ „Наутилусъ“ съ этого дня, въ бассейнѣ сѣвернаго Атлантическаго океана, посреди сѣверныхъ тумановъ, плывя все съ тою же невѣроятною быстротой? Приближался ли онъ къ оконечностямъ Шпицбергена и къ крутымъ берегамъ Новой-Земли? Проходилъ ли онъ по мало извѣстнымъ морямъ, Бѣлому, Карскому, Обской губѣ, архипелагу Лярова и близъ незнакомыхъ сѣверныхъ береговъ Азіи? Я не знаю. Я не могъ болѣе вычислять проходившее время. Часы на „Наутилусѣ“ стояли. Казалось, что ночь и день, какъ въ полярныхъ странахъ, не шли болѣе своимъ обычнымъ чередомъ. Я чувствовалъ, что какъ будто увлеченъ въ ту область чудеснаго, гдѣ такъ свободно дѣйствуетъ сильно возбужденное воображеніе Эдгара Поэ. Каждую минуту я ждалъ, что, подобно баснословному Гордону Пиму, увижу „одѣтую покрываломъ человѣческую фигуру, размѣрами

своими значительно превышающую всѣхъ обитателей земли, лежащую поперекъ водопада, заграждающаго доступъ къ полюсу!“

Я думаю, — можетъ-быть и ошибаюсь, — что это смѣлое плаваніе „Наутилуса“ продолжалось пятнадцать или двадцать дней, и не знаю, сколько бы времени оно еще продлилось, если бы не случилась катастрофа, прекратившая это путешествіе. О капитанѣ Немо не было и рѣчи. Объ его подшкиперѣ также. Никто изъ экипажа не показывался ни на одну минуту. „Наутилусъ“ почти постоянно плавалъ подъ водой. Когда онъ поднимался на поверхность для возобновленія запаса воздуха, подъемныя двери сами собой отворялись и затворялись. Мѣсто судна не отмѣчалось болѣе на картѣ. Я не зналъ, гдѣ мы находились.

Скажу также, что канадецъ, истощивъ почти всѣ силы и все терпѣніе, не показывался болѣе. Консель не могъ добиться отъ него ни одного слова и боялся, чтобы въ припадкѣ бѣшенства и подъ вліяніемъ страшной тоски по родинѣ онъ не лишилъ себя жизни. Онъ слѣдилъ за нимъ каждую минуту.

Понятно, что при подобныхъ условіяхъ жить было невыносимо.

Однажды утромъ, не знаю котораго числа, я забылся на разсвѣтѣ тяжелымъ и болѣзненнымъ сномъ. Когда я проснулся, то увидѣлъ, что Недъ Лендъ стоитъ, наклонившись надо мной, и говоритъ мнѣ тихимъ голосомъ:

— Мы бѣжимъ!

Я выпрямился.

— Когда мы бѣжимъ? — спросилъ я.

— Въ слѣдующую ночь. Теперь, кажется, нѣтъ никакого надзора. Можно сказать, что „Наутилусомъ“ овладѣло оцѣпенѣніе. Будете ли вы готовы, господинъ профессоръ?

— Да. Гдѣ мы теперь?

— Въ виду земли, которую я увидалъ сегодня утромъ, посреди густого тумана, въ двадцати миляхъ на востокъ.

— Какая это земля?

— Не знаю; но какая бы она ни была, мы найдемъ тамъ убѣжище.

— Да, Недъ. Да, мы бѣжимъ въ эту ночь, хоть бы море и поглотило насъ!

— Море бурно, вѣтеръ силенъ, но я не боюсь проплыть двадцать миль въ такомъ легкомъ гребномъ суднѣ, какъ шлюпка „Наутилуса“. Я успѣлъ перенести туда, безъ вѣдома экипажа, немного провизіи и нѣсколько бутылокъ воды.

— Я слѣдую за вами.

— Сверхъ того, если меня поймаютъ, я стану защищаться и драться на смерть.

— Мы умремъ вмѣстѣ, другъ Недъ.

Я рѣшился на все. Канадецъ оставилъ меня. Я вышелъ на платформу, гдѣ едва держался на ногахъ отъ ударовъ волнъ. Небо было грозное; но такъ какъ за этимъ густымъ туманомъ лежала земля, то слѣдовало бѣжать. Мы не должны были терять ни одного дня, ни одного часа.

Я возвратился въ залу, опасаясь и въ то же время желая увидать еще разъ капитана Немо. Что бы я сказалъ ему? Въ состояніи ли я

былъ скрыть невольный ужасъ, который онъ мнѣ внушалъ? Нѣтъ! лучше было не встрѣчаться съ нимъ лицомъ къ лицу! Лучше было забыть его!

Какъ дологъ былъ этотъ день, — послѣднiй, проведенный мной на бортѣ „Наутилуса"! Я оставался одинъ. Недъ Лендъ и Консель избѣгали говорить со мной, чтобы не измѣнить себѣ.

Въ шесть часовъ я обѣдалъ, но я не былъ голоденъ. Я старался ѣсть, несмотря на отвращенiе, изъ боязни ослабѣть. Въ половинѣ седьмого Недъ Лендъ вошелъ въ комнату. Онъ сказалъ мнѣ:

— Мы не увидимся болѣе до отъѣзда. Въ десять часовъ луна еще не взойдетъ. Мы воспользуемся темнотой. Приходите въ лодку. Мы съ Конселемъ будемъ тамъ васъ дожидаться.

Потомъ канадецъ вышелъ, не давъ мнѣ времени отвѣчать ему. Я захотѣлъ узнать направленiе „Наутилуса". Я вышелъ въ залу. Мы шли къ сѣверо-востоку съ ужасающею быстротой, на глубинѣ пятидесяти метровъ.

Я бросилъ послѣднiй взглядъ на всѣ чудеса природы, на сокровища искусства, собранныя въ этомъ музеѣ, на эти неподражаемыя коллекцiи, которымъ суждено было когда-нибудь погибнуть въ морскихъ глубинахъ вмѣстѣ съ тѣмъ, кто ихъ собралъ. Я хотѣлъ запечатлѣть въ своемъ умѣ послѣднiя воспоминанiя. Я оставался тутъ цѣлый часъ, обливаемый потокомъ свѣта, льющагося съ потолка, и пересматривалъ сокровища, блиставшiя подъ стеклами. Потомъ я возвратился въ свою комнату.

Тамъ я надѣлъ свою прочную морскую одежду. Я собралъ свои замѣтки и тщательно спряталъ ихъ подъ платье. Сердце мое сильно билось. Я не могъ сдержать его бiенiя. Конечно, мое смущенiе и волненiе выдали бы меня, если бъ я встрѣтился съ капитаномъ Немо.

Что дѣлалъ онъ въ эту минуту? Я послушалъ у дверей его комнаты. Я слышалъ шумъ шаговъ. Капитанъ Немо былъ тамъ. Онъ еще не ложился. Каждую минуту мнѣ казалось, что онъ явится предо мной и спроситъ, зачѣмъ я хочу бѣжать. Я безпрестанно пугался. Мое воображенiе еще усиливало этотъ страхъ. Наконецъ ощущенiе это сдѣлалось до того мучительно, что я спрашивалъ себя, не лучше ли войти въ комнату капитана, встрѣтиться съ нимъ лицомъ къ лицу, вызвать его на объясненiе.

Это была безумная мысль. Къ счастiю, я удержался и легъ на кровать, чтобъ укротить свое волненiе. Нервы мои немного успокоились, но въ моемъ возбужденномъ мозгу быстро проходили воспоминанiя всей моей жизни на бортѣ „Наутилуса", всѣ счастливыя и несчастныя событiя, происходившiя со времени моего исчезновенiя съ „Авраама Линкольна": подводная охота, Торресовъ проливъ, дикари Папуазiи, остановка на мели, коралловое кладбище, Суэзскiй проходъ, островъ Санторинъ, критскiй водолазъ, заливъ Виго, Атлантида, сплошной ледъ, южный полюсъ, заключенiе во льдахъ, сраженiе съ осьминогами, буря Гольфштрома, „Мститель" и ужасная сцена потопленнаго со всѣмъ экипажемъ корабля! Всѣ эти происшествiя проносились предъ моими глазами, какъ картины, открывающiяся на заднемъ планѣ сцены. Капитанъ Немо страшно выросталъ въ этой странной средѣ. Его образъ выяснялся и принималъ сверхъестественные размѣры. Это уже не былъ мнѣ подобный, — это былъ обитатель водъ, генiй океана.

Было половина десятаго. Я сжималъ голову обѣими руками изъ опасенія, чтобъ она не лопнула. Я закрылъ глаза. Я не хотѣлъ болѣе думать. Еще полчаса ожиданія! Полчаса кошмара, который могъ довести меня до сумасшествія!

Въ эту минуту я услыхалъ неясные звуки органа, грустную гармонію пѣсни, какъ бы жалобу души, которая хочетъ разбить свои земныя оковы. Я слушалъ всѣмъ своимъ существомъ, едва дыша, погружаясь, какъ и самъ капитанъ Немо, въ музыкальный восторгъ, увлекавшій его за предѣлы міра. Потомъ внезапная мысль поразила меня. Капитанъ Немо вышелъ изъ своей комнаты. Онъ былъ въ залѣ, чрезъ которую мнѣ нужно было проходить, чтобы бѣжать. Тамъ я его встрѣчу въ послѣдній разъ. Можетъ-быть, онъ меня увидитъ, будетъ говорить со мной! Одинъ его жестъ можетъ уничтожить меня, одно его слово можетъ приковать меня къ его кораблю!

Однако было уже десять часовъ. Наступила минута, когда я долженъ былъ оставить комнату и присоединиться къ товарищамъ.

Нельзя было колебаться, хотя бы капитанъ Немо предсталъ предо мной. Я осторожно отворилъ дверь, а между тѣмъ мнѣ казалось, что, повернувшись на своихъ петляхъ, она страшно застучала. Можетъ-быть, этотъ шумъ происходилъ только въ моемъ воображеніи.

Я подвигался ползкомъ въ узкихъ и темныхъ проходахъ „Наутилуса", останавливаясь на каждомъ шагу, чтобы сдерживать біеніе своего сердца. Я подошелъ къ угловой двери залы и тихо отворилъ ее. Въ залѣ царствовала глубокая темнота. Тихо звучали аккорды органа. Капитанъ Немо былъ тамъ. Онъ меня не видалъ. Я думаю, что даже при дневномъ свѣтѣ онъ не замѣтилъ бы меня, — такъ всецѣло отдавался онъ своему восторгу.

Я подкрадывался ползкомъ по ковру, избѣгая малѣйшаго шума, который выдалъ бы мое присутствіе. Мнѣ нужно было пять минутъ, чтобъ достигнуть задней двери, выходившей въ библіотеку.

Я хотѣлъ отворить ее, когда вздохъ капитана Немо приковалъ меня къ мѣсту. Я понялъ, что онъ встаетъ. Я даже видѣлъ его мелькомъ, потому что нѣсколько лучей изъ освѣщенной библіотеки проникало въ залу. Онъ шелъ ко мнѣ со скрещенными руками, молча; онъ скорѣе скользилъ какъ привидѣніе. Его стѣсненная грудь вздымалась отъ рыданій, и я слышалъ, какъ онъ прошепталъ эти слова, — послѣднія, которыя мнѣ довелось слышать:

— Всемогущій Боже! довольно! довольно!

Были ли эти слова слѣдствіемъ угрызенія совѣсти, вырвавшіяся такимъ образомъ изъ души этого человѣка?..

Внѣ себя, я бросился въ библіотеку. Я вышелъ на центральную лѣстницу и, слѣдуя по верхнему узкому проходу, достигъ лодки. Я прошелъ тѣмъ отверстіемъ, которое уже послужило выходомъ моимъ обоимъ товарищамъ.

— Бѣжимъ! бѣжимъ! — вскричалъ я.

— Сейчасъ! — отвѣчалъ канадецъ.

Отверстіе, сдѣланное въ листовомъ желѣзѣ „Наутилуса", было закрыто и заперто болтомъ, посредствомъ англійскаго ключа, которымъ запасся Недъ Лендъ. Отверстіе лодки также закрылось, и канадецъ

началъ отвинчивать гайки, которыя насъ удерживали на поверхности подводнаго судна.

Вдругъ внутри корабля послышался шумъ. Голоса съ живостью переговаривались. Что случилось? Не замѣтили ли нашего бѣгства? Я почувствовалъ, какъ Недъ Лендъ всунулъ мнѣ въ руку кинжалъ.

— Да! — прошепталъ я. — Мы сумѣемъ умереть!

Канадецъ прервалъ свою работу. Но одно слово, повторенное двадцать разъ, — ужасное слово, — объяснило мнѣ причину волненія, распространившагося на бортѣ „Наутилуса". Тревога его экипажа относилась не къ намъ.

— Мальштромъ, Мальштромъ! — кричали они.

Мальштромъ! Могло ли болѣе ужасное слово раздаться въ нашихъ ушахъ, при болѣе ужасномъ положеніи? Неужели мы находились въ этихъ опасныхъ мѣстахъ, близъ норвежскаго берега? Неужели „Наутилусъ" былъ увлеченъ въ эту пучину въ ту минуту, когда наша лодка готовилась отдѣлиться отъ него?

Извѣстно, что во время прилива воды, стѣсненныя между островами Фэроерскими и Лоффоденскими, извергаются съ непреодолимою силой. Онѣ образуютъ водоворотъ, изъ котораго еще никогда не выходилъ ни одинъ корабль. Со всѣхъ сторонъ горизонта устремляются сюда чудовищные валы. Они образуютъ пучину, центростремительная сила которой простирается на разстояніи пятнадцати километровъ. Здѣсь водоворотъ поглощаетъ не только корабли, но даже китовъ и бѣлыхъ медвѣдей антарктическихъ странъ.

Сюда-то „Наутилусъ", случайно или, можетъ-быть, и умышленно былъ вовлеченъ своимъ капитаномъ; онъ описывалъ спиральную линію, радіусъ которой все болѣе и болѣе уменьшался. Лодка, еще привязанная къ его борту, носилась вмѣстѣ съ нимъ съ ужасною быстротой. Я это чувствовалъ. Я испытывалъ болѣзненное головокруженіе, обыкновенно слѣдующее за очень продолжительнымъ вращательнымъ движеніемъ. Мы были въ страхѣ, въ ужасѣ, достигшемъ послѣднихъ предѣловъ; кровообращеніе остановилось, нервная дѣятельность прекратилась, холодный потъ обдавалъ насъ, какъ будто потъ послѣдней агоніи! И какой шумъ вокругъ нашей хрупкой лодки! Какой ревъ, повторяемый эхомъ на разстояніи нѣсколькихъ миль! Какой грохотъ отъ этихъ водъ, дробящихся объ острыя скалы на днѣ, тамъ, гдѣ самыя твердыя тѣла разбиваются, гдѣ стволы деревьевъ обращаются въ щепы!

Какое положеніе! Насъ бросало изъ стороны въ сторону. „Наутилусъ" защищался какъ человѣческое существо. Его стальные мускулы трещали. Иногда онъ выпрямлялся, а вмѣстѣ съ нимъ и мы.

— Надо держаться крѣпче, — сказалъ Недъ, — и снова завинтить гайки! Оставаясь привинченными къ „Наутилусу", мы еще можемъ спастись!..

Не успѣлъ онъ еще окончить фразу, какъ раздался трескъ. Гайки оборвались, и лодка, выдвинутая изъ своего углубленія, была выброшена какъ камень изъ пращи въ вихрь водоворота.

Я ударился о что-то головой и отъ сильнаго толчка потерялъ сознаніе.

ГЛАВА XXIII.

Заключенiе.

Вотъ заключенiе нашего необыкновеннаго подводнаго путешествiя. Что произошло въ ту ночь, когда вынесло нашу лодку изъ ужаснаго водоворота, какимъ образомъ Недъ Лендъ, Консель и я выскочили изъ страшной бездны, — этого я не помню и не могу разсказать. Когда я опомнился, то лежалъ въ хижинѣ какого-то рыболова, на одномъ изъ Лоффоденскихъ острововъ. Оба мои спутника, совершенно цѣлые и невредимые, стояли около меня и пожимали мои руки. Я съ восторгомъ обнялъ ихъ обоихъ. Въ это время года мнѣ нечего было и думать о возвращенiи на мою родину. Сообщенiя между сѣверною и южною Норвегiей вообще не часты. Я долженъ былъ дожидаться прибытiя парохода, который приходитъ къ Нордкапу въ два мѣсяца разъ.

Теперь здѣсь, среди спасшихъ и прiютившихъ насъ честныхъ людей, я пересматриваю свой разсказъ о вышеописанныхъ приключенiяхъ. Я вижу, что онъ вполнѣ точенъ. Ни одного факта въ немъ не пропущено, ни одно обстоятельство, ни одинъ случай не преувеличены. Это вполнѣ точное описанiе невѣроятной экспедицiи, въ недоступной пока для человѣка сферѣ, гдѣ, быть-можетъ, въ недалекомъ будущемъ успѣхи науки проложатъ свободные пути.

Повѣрятъ ли мнѣ? Не покажется ли все это невозможнымъ, невѣроятнымъ? Не знаю. Да и что мнѣ за дѣло! Я могу утверждать, что теперь имѣю право говорить о моряхъ, въ неизвѣстныхъ доселѣ глубинахъ которыхъ я сдѣлалъ *восемьдесятъ тысячъ верстъ;* о подводномъ кругосвѣтномъ путешествiи, которое открыло мнѣ такъ много чудесъ въ Тихомъ, Индiйскомъ и Атлантическомъ океанахъ и Средиземномъ морѣ, въ моряхъ южныхъ и сѣверныхъ, то-есть въ водахъ всей нашей планеты!

Но что сталось съ „Наутилусомъ"? Выдержалъ ли онъ страшный напоръ водоворота? Уцѣлѣли ли капитанъ Немо и его люди? Продолжаетъ ли этотъ странный человѣкъ подъ водами океана свое ужасное и загадочное мщенiе или погибъ въ этой послѣдней гекатомбѣ? Доставятъ ли когда-нибудь волны интереснѣйшую рукопись, въ которой описана вся исторiя его необыкновенной жизни? Узнаетъ ли, наконецъ, мiръ нацiональность капитана Немо?

Я надѣюсь на это, какъ надѣюсь и на то, что его могучiй аппаратъ преодолѣлъ море въ самой ужасной его пучинѣ, и что его славный „Наутилусъ" остался цѣлъ тамъ, гдѣ погибло столько кораблей! Если это такъ, если этотъ загадочный человѣкъ все еще живетъ въ глубинѣ океана, своемъ новомъ отечествѣ, то да умолкнетъ ненависть къ людямъ въ его непреклонномъ сердцѣ! Да изгладитъ въ немъ созерцанiе столькихъ чудесъ недостойное его чувство мести! Да исчезнетъ грозный, карающiй судья, и останется великiй ученый, занимающiйся интереснымъ и мирнымъ изслѣдованiемъ морскихъ чудесъ! Какъ возвышенна

была бы эта великая цѣль! Я самъ испытывалъ на себѣ тотъ необъяснимый благоговѣйный трепетъ, который наполняетъ все существо человѣка при видѣ всѣхъ этихъ чудесъ, разбросанныхъ щедрою рукою Создателя въ необъятныхъ морскихъ глубинахъ. Развѣ я не прожилъ десять мѣсяцевъ въ этихъ глубинахъ? И теперь, на вопросъ Екклесiаста, предложенный шесть тысячъ лѣтъ тому назадъ: „кто могъ когдалибо измѣрить глубины бездны?“ — изъ всѣхъ людей смѣло могутъ отвѣтить только двое: капитанъ Немо и я.

КОНЕЦЪ.